

66
29 784

БИБЛИОТЕКА

ПУТЕШЕСТВІЙ.

ИЗДАНИЕ А. А. ПЛЮШАРА.

ТОМЪ I.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЯПОНИЮ.

9

ТОМЪ I.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. Дмитріева.

1854.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЯПОНИИ.

1

Монголия. Хану (Хан-Хана)

ГОРА ФУЗМ (ФУЗМ-ЯМА)

Лендинг

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ЯПОНИИ

ИЛИ

ОПИСАНІЕ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРІИ,

ВЪ ФИЗИЧЕСКОМЪ, ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ,

Ф. Зибольда,

ДОПОЛНЕННОЕ СВѣДѢНІЯМИ И ИЗВѢСТІЯМИ ИЗЪ КЕМПФЕРА,
ФИННЕРА, ДѢФА, ШАРЛЬВУА, ГРАФА ГОГЕНДОРНА, КРУЗЕН-
ШТЕРНА, ТУНБЕРГА, ТИТСИНГА, ВАРЕНИУСА И ДР.

ПЕРЕВОДЪ

В. М. Втрова.

ИЗДАНИЕ А. А. ПЛЮШАРА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРИЕВА.

1854.

ПЕЧАТАТЬ НЕ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 15-го Іюня 1853 года.

Ценсоръ *А. Фрейманъ.*

2007067067

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ ЯПОНИЮ.

ПЕРЕѢЗДЪ ИЗЪ БАТАВІИ ВЪ ЯПОНИЮ.

Когда Голландіи были возвращены владѣнія ея въ Остѣ-Индіи, правительство предписало политическимъ и торговымъ начальствамъ своихъ колоній всѣми мѣрами поощрять науки и искусства. Образованность распространилась подѣ просвѣщеннымъ покровительствомъ генераль-губернатора, барона Фанъ-деръ-Капеллена, колоніи ожили, и всѣ учрежденія, содѣйствующія ихъ преуспѣянію, стали развиваться съ новою силою.

Профессоръ Рейнвардтъ, доктора Куль и фонъ-Гассельтъ, и послѣ нихъ докторъ Блумъ, изслѣдовали острова Сондскіе и Молуккскіе. Первый возвратился въ Нидерланды съ богатою коллекціею; Куль сдѣлался жертвою своего рвенія, а послѣдніе два занимались обслѣдованіемъ острова Явы, когда прави-

тельство голландскихъ колоній обратило вниманіе на Японію.

Уже въ теченіе многихъ лѣтъ не получали никакихъ важныхъ свѣдѣній объ этой странѣ. Мореплаваніе Голландцевъ приостановилось со времени послѣднихъ войнъ, а японское правительство рѣшительно не допускало кораблей другихъ державъ.

Послѣ Кемпфера только Тунбергъ, докторъ при голландскомъ посольствѣ въ Иедо, объѣхалъ внутренность Японіи (1775—1776 г.) и собралъ свѣдѣнія о мѣстности и свойствахъ почвы. Исаакъ Титсингъ, президентъ голландской торговли въ Японіи, собралъ (въ 1780 — 1784 г.) чрезвычайно — любопытныя замѣчанія объ этой имперіи и о нѣкоторыхъ сосѣднихъ державахъ. Онъ вывезъ въ Европу значительное собраніе этнографическихъ предметовъ, а сверхъ того нѣсколько рисунковъ, относившихся до естественной исторіи. Но сочиненія и собранія его лишились всей своей ученой цѣнности, по случаю его смерти, послѣдовавшей въ Парижѣ въ 1812 году.

Тилезіусъ и Лангсдорфъ, совершившіе съ Крузенштерномъ путешествіе вокругъ Свѣта съ 1803 по 1806 г., не могли завести важныхъ сношеній въ Японіи и оказать услугъ естественнымъ наукамъ, а Головинъ, будучи въ плѣну, могъ только разсказать свои походы, съ немногими случай-

ными замѣчаніями, которыя ему удалось сдѣлать во-время невольнаго странствованія по Японіи.

Вотъ что было извѣстно объ Японіи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. По недостаточности и скудости этихъ открытій можно судить, какими затрудненіями и препятствіями окружены ученые розысканія въ Японіи, и изъ того, что сдѣлано Кемпферомъ, Тунбергомъ, Титсингомъ, легко вывести, сколько трудовъ еще осталось совершить, особенно по части физики, географіи и исторіи племенъ.

Рѣшившись увеличить торговыя сношенія съ Японіею, голландское правительство въ то же время задумало основать нѣсколько учреждений, полезныхъ распространенію наукъ. Но расположеніе японскаго правительства на счетъ подобныхъ предпріятій было такъ мало извѣстно, что нельзя было принять рѣшительныхъ мѣръ. Однакожъ, всѣ знали, что многіе Японцы очень уважаютъ европейскія знанія и что большая часть націи склонна къ просвѣщенію и живетъ съ Голландцами въ Децимѣ въ добромъ согласіи. Издавна эти племена показывали любовь къ медицинѣ, физикѣ и математикѣ, и по любви ли къ наукѣ или по какимъ другимъ причинамъ, всегда принимали ученыхъ отлично, особенно докторовъ голландской факторіи. Доктора, по званію и занятіямъ своимъ, на-

ходили возможность входить въ самыя короткія сношенія съ туземцами. Въ Нагазакі и по дорогѣ въ Іедо, они пользовались большими привиллегіями, и особенною милостію въ странѣ, гдѣ за иностранцами смотрятъ неумолимо-строго.

Децимская факторія требовала значительныхъ улучшеній, какъ въ торговомъ отношеніи, такъ и во внутреннемъ ея устройствѣ. Однакожъ, нельзя было надѣяться развитію торговли доставленіемъ ей бѣльшей свободы; почему прежде всего слѣдовало правительству голландской Индіи изучить основательно торговлю Японіи, ея жителей, учрежденія и политику, природу и произведенія почвы. Притомъ же весьма важно было поддержать Японцевъ въ высокомъ мнѣніи о Голландцахъ и ознаменовать себя не только превосходнымъ выборомъ статей торговли, но и добрымъ порядкомъ въ веденіи дѣлъ. Чтобы Японцы могли составить себѣ вѣрное понятіе о просвѣщеніи, искусствахъ и наукахъ Европы, слѣдовало сохранить и поддержать доброе согласіе между факторіей и сосѣдними жителями. Этимъ средствомъ надѣялись побѣдить главнѣйшія препятствія, останавливавшія торговлю, заставить японскія власти выслушать безъ отвращенія предположенія о союзахъ, и даже смягчить ихъ строгіе запретительные законы.

Полковникъ Стюрлеръ, воинъ и отличный государственный мужъ, назначенъ начальникомъ голландскаго заведенія въ Японіи.

Мы сейчасъ сказали, что медицина и физика, двѣ науки, въ которыхъ Японцы мало успѣли, пользуются у нихъ особеннымъ уваженіемъ, и доктора наслаждаются свободою болѣе, чѣмъ другіе члены факторіи, и болѣе другихъ могутъ содѣйствовать успѣху этого заведенія. Поэтому поручили медику производить, на разныхъ пунктахъ Японіи, физическія наблюденія, думая такимъ образомъ обезпечить успѣхъ политической цѣли и доставить новыя данныя естественной исторіи и этнографіи.

Такова была мысль правительства голландской Индіи, когда оно предложило мнѣ, въ качествѣ медика и естествоиспытателя, сопровождать полковника Стюрлера. Съ радостію воспользовался я благопріятнымъ случаемъ, который доставлялъ мнѣ возможность достигъ цѣли путешествія моего въ Индію. Являсь во дворецъ Буйтенцоргъ, гдѣ жилъ генераль-губернаторъ, баронъ фанъ-деръ-Капелленъ, я имѣлъ честь представить этому знаменитому покровителю наукъ планъ изслѣдованій, въ которомъ изложилъ средства, казавшіяся мнѣ лучшими и вѣрнѣйшими.

Умѣренный климатъ высокихъ мѣстъ острова Явы скоро поправилъ мои силы, исто-

щенныя недавною болѣзнію; почерпая въ предстоящемъ путешествіи новую жизнь, я ждалъ отъѣзда съ нетерпѣніемъ.

20 мая 1823 года я воротился изъ Буйтен-цорга въ Батавію. Правительство позволило мнѣ купить въ этомъ городѣ все нужное для путешествія и ученыхъ изысканій въ Япо-ніи. Въ такомъ отдаленіи отъ Европы, мнѣ посчастливилось найти физическіе и математическіе инструменты и самыя необходимыя книги. Я добылъ электрическую машину большаго размѣра, воздушный насосъ и гальваническій снарядъ, которымъ надѣялся возбудить любопытство этого любознательнаго народа, показывая ему употребленіе и дѣйствіе этихъ инструментовъ. Особенно пріятно мнѣ поблагодарить жителей Батавіи за просвѣщенное участіе, съ какимъ они приняли вѣсть о моемъ путешествіи. Мнѣ дѣятельно помогали въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, со всѣхъ сторонъ ободряли и поздравляли меня; такая общая симпатія къ моему предпріятію удвоила мое мужество и усердіе, подавъ мнѣ блистательнѣйшія надежды въ будущемъ.

Корабли, назначенные въ эту экспедицію (*),

(*) Голландское правительство торгуетъ съ Японіей на голландскихъ купеческихъ корабляхъ, и съ этою цѣлію нанимаетъ ихъ; ежегодно отправляются въ эту страну два корабля, а если вывозъ мѣди не значителенъ, то одинъ.

Drie Gezusters, (Три сестры) капитанъ Якометти, и *Onderneming*, капитанъ Лельсъ (Lelsz), стояли на рейдѣ въ Батавіи. Оттуда обыкновенно отправляются въ Японію въ юнѣ мѣсяцѣ, желая воспользоваться юго-восточными муссонами, которые дуютъ въ китайскихъ и японскихъ моряхъ въ это время года, и притомъ въ первую четверть луны, чтобы войти въ проливъ Банка ночью. На этотъ разъ, исполненіе формальностей задержало насъ, и часто — отлагаемый отъѣздъ нашъ назначили наконецъ на 28 число іюня. Полковникъ Стюрлеръ выбралъ корабль *Drie Gezusters*; мы перебрались на него 27 я. вечеромъ.

Множество друзей проводили насъ въ море; но съ берега поднялся вѣтеръ и принудилъ ихъ воротиться въ портъ. Мѣсто, гдѣ мы стояли на якорѣ, находилось отъ него на разстояніи пѣлой географической мили; возвратный путь шлюпокъ былъ затрудненъ отмелями и волнами, которыя поднималъ вѣтеръ. Онѣ отправились къ берегу; шумъ весель и послѣднія прощанія, сто разъ повторенныя, нарушили безмолвіе ночи.

Совершенно измученный приготовленіями къ долгому пребыванію въ странѣ, гдѣ никакъ нельзя достать самыхъ необходимыхъ для европейскихъ жителей предметовъ, я отдохнулъ на кораблѣ при благодѣтельной вечерней прохладѣ. Но быстрый переходъ

отъ дѣятельности къ бездѣйствію, безпечное состояніе, въ которое поставленъ человѣкъ на кораблѣ, недостатокъ сообщеній его съ внѣшнимъ міромъ, невольная бездѣйственность, непремѣнно ведутъ его къ глубокимъ размышленіямъ и позволяютъ душѣ его, переходящей отъ страха къ надеждѣ, питаться мечтами о будущемъ.

Уже девять мѣсяцевъ жилъ я далеко отъ Европы; пять изъ нихъ провелъ я въ плаваніи по безпредѣльному океану, и наконецъ счастливо добрался до цѣли странствованія. Еще незнакомый съ тропическимъ солнцемъ, я заплатилъ дань жгучему климату тяжкою болѣзною; потомъ, по званію медика, вытерпѣлъ много непріятностей. Теперь я видѣлъ совершенно неожиданный исходъ изъ этого званія, и случайно достигъ цѣли моей поѣздки въ Индію: я могъ побывать въ единственной странѣ, въ самомъ дальнемъ уголкѣ, куда проникли дѣти Европы! Но въ этой странѣ подозрительная азійская политика старается удалить ихъ отъ всякаго сообщенія и съ жителями и съ самою почвою. Тамъ Кемпферъ, самый терпѣливый и настойчивый изъ путешественниковъ, воскликнулъ: «*Quid non mortalia pectora cogis, auri sacra fames!*» Тунбергъ жаловался горько на непомѣрную строгость законовъ. Лангсдорфъ, какъ самъ сознался, искалъ философическихъ утѣшеній въ стаканѣ

пунша. Даже русскій посланникъ покорился требованію, несообразному съ его достоинствомъ. Но знаменитые примѣры терпѣнія и восторженности, показанные путешественниками-натуралистами, воспламеняли отвагу юнаго ихъ сподвижника, который по необъяснимому влеченію стремился въ эти мѣста, гдѣ почитатели его науки могутъ принести новыя жертвы на ея алтарь.

(28 іюня.) Мы подняли якорь на разсвѣтѣ; въ пять часовъ оба корабля отправились въ путь, провожаемые пальбой съ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. Острый и металлическій свистъ снастей, ровные крики матросовъ, поднимающихъ паруса, приказанія капитана, ясно слышимыя во всей этой суматохѣ и тотчасъ же повторяемыя офицерами; все это движеніе, вся жизнь, сосредоточенная на палубѣ, производитъ на незанятаго зрителя странное впечатлѣніе, а прекрасный видъ Батавіи, раскрывающійся подъ утреннюю зарю, располагаетъ его душу къ самымъ глубокимъ впечатлѣніямъ. Когда суда, окружающія васъ, принимаютъ участіе въ этомъ оживленномъ движеніи, когда звуки ихъ колоколовъ сливаются съ *тунгъ-ло*, призывающимъ къ молитвѣ экипажи китайскихъ кораблей, вы чувствуете волненіе, которое нельзя передать словами.

Да, отплытіе корабля такая эпоха, кото-

рая изображается въ памяти путешественника неизгладимыми чертами; она памятна даже въ ту счастливую минуту, когда падающій якорь отгоняетъ воспоминанія о радостяхъ или горестяхъ, испытанныхъ въ морской жизни.

Въ 10-ть часовъ послѣдовалъ сильный ударъ вѣтра, а за нимъ совершенная тишь. Такіе внезапные удары нерѣдки въ Индійскомъ-Океанѣ, вблизи берега, особенно ночью, въ эпоху сѣверо-западнаго муссона; ихъ сопровождаютъ сильныя грозы. Часто эти удары предвѣщаются едва замѣтными облаками, которыя даютъ знать опытному моряку, что надобно убавить парусовъ. Боясь, чтобы теченіе при совершенной тишинѣ не унесло насъ на западъ, мы бросили якорь на 17-ти брассахъ глубины, у юго-западнаго берега острова Эдама. Сосѣдніе острова: *Алкмаръ, Энкюйзенъ, Лейденъ, Горнъ, Амстердамъ*, вмѣстѣ съ *Эдамомъ* представляли въ этотъ прекрасный вечеръ очаровательное зрѣлище.

(29 іюня.) Корабли, отправляющіеся въ Японию, получаютъ приказаніе идти по одному и тому же пути. Такое распоряженіе благоразумно, потому-что Японское и Китайское моря очень опасны, но оно представляетъ два неудобства: когда корабли не равны на ходу, быстрый долженъ ждать медленнаго, и оба рискуютъ разбиться одинъ

о другой. Нашъ корабль начальствовалъ, и потому въ 4 часа утра подалъ сигналъ сняться съ якоря. Въ полдень, мы увидѣли на юго-западѣ *Тысячу острововъ* (*Poulo-Seribou*), изъ которыхъ мы мимоходомъ могли насчитать тридцать. Сзади насъ рисовалась на горизонтѣ гора Галыгота въ Бантамскомъ округѣ острова Явы. Къ вечеру мы увидѣли островъ *Нордеръ-Вахтеръ* и мысы Суматры. Во всю ночь не останавливались.

(30 июня.) Горы на Явѣ и Суматрѣ не видны; все наше вниманіе обращено на острова *Люсипара* и *Банка*, которые скоро должны показаться на горизонтѣ.

(1 июля.) Въ 7-мъ часовѣ, мы увидѣли на сѣверо-востокѣ берегъ; считали его островомъ *Люсипарой*, но скоро узнали, что это только возвышеніе на островѣ Банка. Потомъ мы различили и *Люсипару*, на западѣ, въ разстояніи 4-хъ морскихъ миль; въ то же время, на сѣверо-западномъ горизонтѣ показывался самый низкій берегъ Суматры. *Люсипара* тянется отъ него къ сѣверу длиною почти на цѣлую морскую милю. На одномъ концѣ этого острова холмъ, а на другомъ мысъ; весь островъ покрытъ кустарникомъ и защищенъ поясомъ изъ утесовъ. Онъ лежитъ подъ $8^{\circ} 13'$ южной широты и $103^{\circ} 50'$ восточной долготы. Островъ необитаемъ. Отмели, песчаные мели и подводные камни,

едва замѣтные и наполняющіе входъ въ Банксій проливъ, затрудняютъ плаваніе въ немъ ночью, когда путь не освѣщенъ луннымъ свѣтомъ. Поэтому мы бросили якорь въ 3-хъ миляхъ отъ Люсипары на ВСВ.

(2 іюля.) Мы входимъ въ Банксій проливъ по берегу Суматры и продолжаемъ путь, придерживаясь берега, на глубинѣ отъ 5 до 7 брассовъ. Берегъ Суматры низокъ и покрытъ роскошною растительностію. Вышина деревьевъ изумительна; издали кажется, что они подстрижены пожницами. У мыса Лалари, на островѣ Банка, мы встрѣтили такое сильное теченіе, что въ часъ мы совершили болѣе доброй нѣмецкой мили. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, море очень желто; это объясняется мѣстными причинами, относящимися къ глубинѣ или къ свойству земли.

Огромная стада рыбъ плыли мимо насъ, и тамъ, гдѣ прозрачность воды позволяла намъ видѣть дно, мы могли различить шпагъ (*xiphius*) и морскихъ орловъ (*myliobates*) огромной величины. Къ вечеру мы дошли до оконечности *Пермизанга* и бросили якорь у Суматры, на 5 брассахъ глубины.

(3 іюля.) Едва прошли мы мимо оконечности *Пермизанга* и втораго мыса Суматры, какъ вытерпѣли ударъ вѣтра съ сѣверо-запада; въ ту же минуту явился на сѣверѣ горизонта смерчъ (*trombe*) и представилъ въ

продолженіе нѣсколькихъ мгновеній прекрасное, но страшное зрѣлище (*).

Вдали показалась гора *Марасъ*, орошаемая заливомъ *Клабатъ*, внутри острова Банка. Вечеромъ мы опять бросили якорь.

(4 іюля.) На разсвѣтѣ мы опять пустились въ путь и черезъ нѣсколько часовъ увидѣли песчаную мель и утесъ *Карангъ-Корамъ*, которые остались отъ насъ на разстояніи географической мили. На этихъ отмеляхъ лежалъ островъ брига, который недавно тутъ разбился. Скоро мы прошли мимо 4-й оконечности Суматры и увидѣли устье рѣки Палембанга.

Эта величественная рѣка острова Суматры течетъ изъ горъ, отдѣляющихъ Палембангъ отъ Бенкулена на западѣ и юго-западѣ, и въ

(*) Метеоръ пролетѣлъ такъ быстро, что нельзя рѣшить къ какимъ смерчамъ принадлежалъ онъ, къ водянымъ или вѣтрянымъ. Имѣвъ случай, во время переезда изъ Голландіи въ Батавію, наблюдать оба эти явленія, мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ, потому что водяные смерчи извѣстны, а вѣтряные, т. е. производимые вихремъ (*tourbillons*), напротивъ того, почти не описаны. Въ 1822 году, 24 декабря, близъ Мыса Доброй Надежды, намъ удалось вполнѣ разсмотрѣть эту игру природы. Вѣтеръ, дувшій въ продолженіе нѣсколькихъ дней съ сѣверо-востока, вдругъ переѣнился, и началась буря на западѣ, съ вихремъ отъ сѣверо-востока. Всѣ эти противные вѣтры съ ревомъ вырывали глубокія пропасти въ морѣ; поднимаемые ими волны били вверхъ пѣною, потомъ на минуту образовали водяные столбы, которые вертѣлись на сво-

теченіи своемъ принимаетъ воды многихъ значительныхъ рѣкъ.

Скоро мы вышли на высоту города Мунтока и прошли въ 5-ти или 6-ти брассахъ надъ отмелью, которая тянется отъ востока на западъ передъ его рейдомъ. Вечеромъ мы остановились передъ фортомъ, и полковникъ Стюрмеръ сошелъ на берегъ съ капитаномъ нашего корабля, чтобы ускорить доставку партіи олова, которую мы должны были взять къ себѣ на корабль. Вечеръ былъ неподобный. Свѣжій вѣтеръ приносилъ къ намъ благоуханный воздухъ съ берега; мы съ наслажденіемъ любовались этимъ прелестнымъ берегомъ Банка, котораго столица живописно расположена на Менумбингскомъ скатѣ.

Около каждаго жилища роскошная и разно-

емъ основаніи, а изъ вершины выбрасывали снопы, распадавшіеся брызгами.

На сѣверо-востокѣ мы видѣли 8 такихъ колоннъ; онѣ вертѣлись въ нашу сторону. Самая близкая проходила съ страшнымъ ревомъ, въ разстояніи четверти мили отъ насъ, когда буря, превратясь въ ураганъ, бросила на насъ другую таную же колонну и за нею еще двѣ. Всѣ онѣ подходили съ трескомъ, котораго передать не возможно; одна изъ нихъ разсыпалась предъ нашимъ бугшпритомъ, и корабль былъ склоненъ на сторону съ такою силою, что весь экипажъ сиблило съ ногъ. Кромѣ силы вѣтра, мы не замѣтили ни грома ни молніи, и вовсе не слыхали сѣрнаго запаха, о которомъ рассказываютъ другіе путешественники

образная растительность; на холмахъ великолѣпныя лѣса, на вершинахъ горъ тоже. Выше уровня этихъ вѣковыхъ лѣсовъ поднимаются гигантскія пальмы, возвышающія прелесть пейзажа. Веселые домики и красивыя крыши фортговъ, блестящія подъ лучами солнца, составляютъ удивительный контрастъ съ отдаленными возвышенностями, которые нечувствительно исчезаютъ въ нѣжной прозрачности горизонта. Не нужно говорить, какъ нетерпѣливо желали мы сойти въ эту прекрасную страну и сколько надѣялись насладиться на островѣ Банка.

(5 июля.) Превосходное утро. благопріятствовало нашимъ намѣреніямъ, и мы вышли на берегъ. Когда море низко, то очень трудно добраться до берега въ шлюпкахъ; ихъ останавливаютъ отмели болѣе, чѣмъ во стѣ шагахъ отъ берега; приходится взлѣзать на плеча крѣпкаго матроса или садиться въ наланкинъ, несомый Малайцами. Берегъ около Мунтока состоитъ изъ болотъ. Въ этомъ небольшомъ городкѣ, расположенномъ на скатѣ некрутаго холма, живутъ только Малайцы и Китайцы.

Тотчасъ по прїѣздѣ я пошелъ отыскивать доктора Фрице (Fritze) и засталъ его въ хлопотахъ около больныхъ. Мунтокская больница построена на здоровомъ мѣстѣ, на возвышенной плоскости, открытой вѣтрамъ съ

земли и съ моря. Залы выстроены изъ дерева, и все зданіе въ одинъ этажъ, просторно и несуро. Въ этомъ заведеніи порядокъ и чистота удивительныя; кроватей сто, но число больныхъ рѣдко доходитъ до 60-ти. Наичаще встрѣчающіяся болѣзни суть: поносы, поврежденіе печени (*hépatites*), язвы на ногахъ, особый родъ лишая (*herpes*) и, какъ послѣдствія, водяная и чахотка. Докторъ Фрице показалъ мнѣ нѣсколько Малайцевъ, которымъ произведена ампутація дня за два до моего прибытія. Одному больному ампутація произведена вслѣдствіе запущенныхъ нарывовъ, которые повредили пальцы на ногахъ и ножную кость. Членъ былъ уже въ здоровомъ положеніи, операція была произведена 12 іюня и можетъ служить доказательствомъ, что раны заживаютъ у Индѣйцевъ скорѣе, чѣмъ у жителей Европы. Сверхъ того я замѣтилъ нѣсколько случаевъ сифилитической болѣзни и воспаленія глазъ. Въ полдень резидентъ на островѣ Банка, г. де-ла-Фонтенъ, показывалъ мнѣ цитадель, которая слишкомъ просторна для гарнизона, хотя уже значительно уменьшена. Новопостроенная казарма очень мнѣ понравилась. Подобныя зданія всегда должны быть очень просторны въ тропическихъ странахъ, гдѣ надобно особенно заботиться о свободномъ теченіи воздуха, чтобы сохранить солдатъ

отъ убійственнаго дневнаго жара, не подвергая ихъ ночной прохладѣ. На слѣдующій день назначили намъ отъѣздъ, а потому мы не могли осмотрѣть главной достопримѣчательности острова Банка, его оловянныхъ рудниковъ. Гг. Крауфордъ и Горсфилдъ, осмотрѣвшіе ихъ, сообщили нѣкоторыя о нихъ подробности (*).

Позже рудники эти обозрѣлъ г. Діаръ, сообщившій свои наблюденія голландскому правительству. Генералъ-губернаторъ Фандеръ-Капелленъ доставилъ намъ любопытный и важный документъ объ оловянныхъ рудникахъ: рапортъ г. де-ла-Фонтена составленный по порученію начальства (**).

Стоило бы напечатать его цѣликомъ, но недостатокъ мѣста и порядокъ этого журнала дозволяютъ намъ представить только извлеченіе. Рапортъ начинается историческимъ обозрѣніемъ постепеннаго развитія рудниковъ, съ открытія ихъ до 1823 г. Факты изложены ясно и обсуждены дѣльно; по части улучшенія разработки, представлены полезныя мѣры, внушенныя автору его соб-

(*) См. исторію Индійскаго Архипелага (History of the Indian Archipelago by John Crawfurd, 1820.)

(**) Rapport omtrent de tinmunen van Banka (рапортъ объ оловянныхъ рудникахъ на островѣ Банкѣ); 1824 г. въ рукописи.

ственнымъ опытомъ. Потомъ слѣдуетъ описаніе новыхъ рудниковъ и главнѣйшихъ жилъ, ихъ формы, образы разработки, очищеніе руды и построеніе хижинъ (huttas). Г. де-ла-Фонтенъ оканчиваетъ рапортъ полезными замѣчаніями о службѣ и обязанностяхъ горныхъ инспекторовъ и работниковъ, объ ихъ содержаніи, образѣ жизни и нравахъ. Подробное описаніе мунтоскихъ рудниковъ, съ таблицею, представляющею ихъ производительную силу и даваемые ими ежегодные доходы, придаетъ еще болѣе статистической цѣнности этому важному труду. Мы выпишемъ изъ него самые замѣчательные факты. Необходимость быть краткими, заставляетъ насъ цитовать отрывками.

Г. де-ла-Фонтенъ придерживается того мнѣнія, что около 1710 г., частицы растопленного олова, найденныя послѣ пожара, довели до открытія этого металла на островѣ Банкѣ. Тогда Палембангскій султанъ началъ работы, которыя были причиною переселенія на островъ множества китайскихъ семействъ. Эти колонисты-промышленники, подъ наблюденіемъ одного изъ чиновниковъ султана, начали разработку по всему острову. Въ первое время, горные Китайцы брали мины по контрактамъ, пользуясь за то нѣкоторыми привилегіями, но впослѣдствіи султанъ, понявъ лучше свои

выгоды, предпочесть производить разработку на свой собственный счетъ и учредить для управления работами особыхъ агентовъ, называвшихся *Тико* (Ticos) и пользовавшихся огромною властью; они представляли султана и имѣли право жизни и смерти надъ Китайцами, которымъ даже не позволено было приносить жалобы. Тико присутствовали обыкновенно въ Палембангѣ, а обязанность ихъ исполнялась помощниками, известными у Китайцевъ подъ именемъ Конгси (Kongsî, Kongdsü, господинъ). Туземцы Банка, называемые орангунонгами (orangunong, горцы), управлялись особымъ *джерангомъ* (Djerang).

Въ эпоху владычества на Банкѣ палембангскаго султана, работы управлялись слѣдующимъ порядкомъ: вблизи минъ устроивалось зданіе, въ которомъ жили конгси и большая часть китайскихъ горцевъ; это зданіе въ тоже время служило магазиномъ для складки състныхъ припасовъ и мѣстомъ храненія рабочихъ инструментовъ; такая предосторожность была необходима, потому что пираты, непрерывно разбѣзжавшіе около Банка, часто нападали на островъ. Каждый мѣсяцъ рудокопы и работники, занимавшіеся въ домахъ очищеніемъ металла, получали впередъ, въ счетъ жалованья, деньги и състные припасы, иногда въ такомъ количествѣ, которое превышало слѣдующую имъ плату.

Въ такомъ случаѣ, рудокопы, составляя одну промышленную корпорацію, отвѣчали другъ за друга.

1-го іюня, китайскаго лѣтосчисленія, подводились итоги, и каждый работникъ получалъ плату, сообразно количеству олова, добытаго въ теченіе года изъ руды. При этомъ большая часть работниковъ оставалась еще въ долгу передъ правительствомъ, между тѣмъ какъ конгси и ихъ довѣрители тѣко, на которыхъ обыкновенно возлагались обязанности доставлять съѣстные припасы и инструменты, имѣли огромныя выгоды; часто также конгси вели контрабандную торговлю оловомъ; понятно, что въ такомъ случаѣ они должны были дѣлиться съ работниками, чрезъ которыхъ передавалось олово. При разработкѣ минъ менѣе богатыхъ, деньги и припасы выдавались впередъ только старшимъ работникамъ, подъ ихъ исключительную отвѣтственность. Цѣны олова были различны, смотря по богатству мины. Вообще надобно удивляться, что при подобномъ управленіи, допускавшемъ столько произвола, встрѣчается еще нѣкоторое сродство въ ходѣ операцій.

При производствѣ работы для открытія новыхъ минъ, работникамъ назначалось вознагражденіе, называвшееся *тянь* (tyan); въ

случаѣ же не успѣха, конгси принимаютъ всѣ убытки на свой счетъ.

Оловянные рудокопни въ провинціяхъ Мунтокъ, Рангамъ, Белу (Belu) и Клебатъ, также руды въ Блиню, Сунгей-Ліатъ, Тампилангъ, Панкаль-Пинангъ, Маравангъ и Жебюсъ, открытыя во время владычества палембангскаго султана, доставили, какъ думаютъ, огромное количество олова. Около 40 лѣтъ послѣ ихъ открытія (1750), онѣ доставляли до 66,000 пиколей, а 30 лѣтъ спустя 30,000 пиколей. По условію, заключенному въ 1771 г. между голландскою Остъ-Индскою-Компаниєю и султаномъ палембангскимъ, послѣдній обязался ежегодно доставлять 25,000 пиколей. Когда Англичане овладѣли островомъ, 17-го мая 1812 г., руды давали еще до 10,000. Причины уменьшенія производительности ихъ разныя; главная заключается въ истощеніи самыхъ богатыхъ рудниковъ, а къ этому надобно еще прибавить отсутствіе порядка и дурное направленіе работъ, злоупотребленіе привилегій, нарушеніе условій и отсутствіе средствъ защиты противъ нападенія пиратовъ.

Овладѣвъ островомъ Банка, Англичане ввели новую систему разработки, а для наблюденія за ходомъ ея назначили особыхъ инспекторовъ. Обязательство Китайцевъ изъ Кантона 1587 г., а также многочисленные

розыски стали ежегодно увеличивать количество добываемого металла (*). По удостоверенію майора Курта (Court), рудники привосили

Въ 1813 году	7,299	пикол.	8 $\frac{1}{2}$	каттис.
— 1814 —	19,149	—	36 $\frac{1}{4}$	»
— 1815 —	25,190	—	40	»
— 1816 —	26,670	—	76 $\frac{1}{2}$	»

Послѣ уступки острова Банки Голландіи, 2 декабря 1816 г., рудники до отреченія отъ престола палембангскаго султана (1820—21 г.) давали столько же металла, потому что система управленія работами оставалась та же самая, какая была принята Англичанами. Война остановила разработку въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и соразмѣрно этому уменьшалось добычаніе олова. Но въ 1822 г. опять получено 3,323,487 фунтовъ или 26,587 пик., и въ 1823 г. 27,058 пик. или 3,382,317 фунтовъ.

Олово находятъ почти по всему острову Банка и потому Радемахеръ (**) былъ правъ, называя этотъ островъ *горою оловяннаго песку*. Вездѣ найдены богатые жилы и открыты мины. Англійское правительство раздѣлило Банку на семь провинцій (дистриктовъ), и раз-

(*) M. H. Court. Exposition of the relations of the british government with the Sultan and state Palembang etc.

(**) Рѣчи, произнесенныя въ Батавской Академіи Наукъ и Искусствъ, т. III стр. 83.

дѣленіе это сохранилось до настоящаго времени (1888 г.). Названія провинцій слѣдующія: Мунтокъ, Жебюоъ, Блияа, Сунгей-Ліатъ, Мараванъ, Панкаль-Пинангъ и Тобо-али. Полковникъ де-Фонтенъ представилъ генералъ-губернатору планъ острова съ указаніемъ провинцій, центральныхъ мѣстъ ихъ и положенія самыхъ значительныхъ рудниковъ, которые осматривалъ во время своей поѣздки по острову въ 1823 г.

Въ 1822 году провинція Мунтокъ подраздѣлена на двѣ: Панкаль-Пинангъ и Коба. Опуская подробности о разработкѣ рудъ и трудахъ и обязанностяхъ людей, управляющихъ этимъ дѣломъ, что занимательно только для правительства Индій, бросимъ бѣглый взглядъ на горцевъ, ихъ жизнь, нравы и обычаи. Они по большей части Китайцы и изъ нашего разсказа можно получить понятіе объ этомъ народѣ, который, распространяясь по всей Восточной-Индіи, становится колонистомъ вездѣ, куда призываетъ его трудъ; дѣятельность его въ торговлѣ и промышленности по истинѣ удивительна, хотя нельзя не признать его чувственности и эгоистическаго и расчетливаго ума.

Работники каждаго рудника составляютъ настоящее семейство; начальникъ предпріятія считается главою семейства. Кто не работаетъ въ самомъ рудникѣ, у того какое-

нибудь особенное ремесло; тотъ поваръ, другой садовникъ, третій закупаетъ припасы, четвертый рубить дрова. На зарѣ, барабанъ призываетъ работниковъ къ занятіямъ; обыкновенно поваръ исправляетъ должность барабанщика. Они завтракаютъ, потомъ идутъ на работу; запоздавшіе платятъ штрафъ. Два человѣка остаются караульными на ночь въ рудникѣ; они отвѣчаютъ за всякое несчастіе, если сигналомъ не позвали товарищей на помощь. Имъ порученъ надзоръ за скотиною; они же бьютъ тревогу въ случаѣ проваловъ или появленія воровъ. Работаютъ съ половины шестаго до 11 часовъ утра; потомъ отдыхаютъ полтора часа и опять принимаются за дѣло. Въ 3 часа рабочіе обѣдаютъ и послѣ обѣда работаютъ до вечера. Показывая распредѣленіе дня ихъ, мы хотимъ выставить дѣятельность этихъ людей, перенесенныхъ въ чужой край, подъ тропики, и на островъ, извѣстный по убійственному климату, а особенно въ болотистыхъ равнинахъ и просѣкахъ. Порядокъ и миръ не нарушаются въ этомъ семействѣ, состоящемъ изъ 60 или 80 рабочихъ; ссоры очень рѣдки. Такое согласіе зависитъ отъ начальника, который почти всегда человѣкъ разсудительный и трудолюбивый. Холостые живутъ въ особомъ деревянномъ домѣ, женатые помѣщены отдѣльно въ такихъ же домахъ. У

каждаго рудника построено красивое зданіе, роскошно убранное и тщательно поддерживаемое; не рѣдко оно покрыто тонкими цыновками и крашеными коврами. Тутъ и храмъ, и сельская расправа, и арсеналъ, и столовая; называютъ его *Кунгъ-ши*. На алтарѣ стоитъ изображеніе *Лаоцю*, которъй всего чаще представляется на картинкѣ яркими красками. Передъ нимъ горитъ неугасимый огонь и курится еиміамъ; при входѣ въ храмъ стоитъ священное дерево, около котораго кладутъ приношенія.

Пища горныхъ Китайцевъ самая умѣренная; обыкновенныя блюда: рисъ, овощи, сухая и соленая рыба; однакожъ, они часто ѣдятъ дичь, дикую свинью, оленину, и много пьютъ *сю*, крѣпкаго напитка, приготовленнаго изъ риса. Женатыя ведутъ особыя хозяйства, а холостые обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ. Казенные магазины даютъ имъ въ кредитъ, черезъ смотрителей, рисъ, соль, масло, табакъ, желѣзо, сталь и хлопчатую бумагу, т. е. главнѣйшіе предметы привоза.

Въ заведеніяхъ на островѣ Банка справляютъ главнѣйшіе китайскіе праздники. Новый годъ (*тинъ-ніенъ*), приходящійся въ февралѣ, и праздникъ *фонарей*, въ октябрѣ, справляются религіозно; много ѣдятъ, пьютъ и играютъ. Кромѣ этихъ праздниковъ бываютъ и случайные: открытіе новаго рудника,

сватьбы работниковъ, возвращеніе ихъ на родину, и проч.

(6-го іюля). Я провелъ вчерашній вечеръ посреди милаго семейства доктора Фритце, и ему обязанъ свѣдѣніями объ островѣ Банка, которыхъ самъ не успѣлъ бы собрать, потому что жилъ здѣсь недолго.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И СТАТИСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА

ОСТРОВА БАНКА.

Положеніе и пространство. Островъ Банка находится на востокъ отъ Суматры подъ $102^{\circ} 51' - 104^{\circ} 32'$ восточной долготы, и подъ $1^{\circ} 28' 30'' - 3^{\circ} 6'$ сѣверной широты. Отъ Суматры онъ отдѣляется проливомъ Банка, шириною отъ 8 до 18 морскихъ миль. Островъ длиною въ 30 географическихъ миль, шириною отъ 9 до 15; поверхность его содержитъ 36,701 квадратную милю. (Расчетъ этотъ сдѣланъ докторомъ Мюльдеромъ по новѣйшимъ картамъ).

Топографія. На островѣ много холмовъ и нѣсколько высокихъ горъ; высочайшія изъ нихъ состоятъ изъ гранита; на другихъ, гранитъ прикрытъ слоями желѣзной руды. Почва вообще камениста: на низменныхъ мѣстахъ встрѣчается черноватая земля; она просто засохшій илъ. Внутри острова,

около горъ, множество обширныхъ равнинъ, по которымъ текутъ ручьи и потоки. Въ дождливую пору потоки стремительно изливаются въ море и уносятъ песокъ и обломки утесовъ, которыми засоряются ихъ устья; поэтому они не судоходны. Роскошная растительность, густые лѣса, вѣчно зеленые, покрываютъ горы и равнины, которыхъ видъ со стороны моря очарователенъ и составляетъ рѣзкую противоположность съ гладкимъ берегомъ Суматры.

Горы и мысы. Главнѣйшія горы на островѣ Банка суть: *Гунонгъ-Марассъ*, *Гунонгъ-Пайангъ* (гора Св. Павла) и *Менумбингъ*. Последняя—важный пунктъ для морехода; она видна въ морѣ на значительномъ разстояніи. Всѣ эти горы, за исключеніемъ *Марасса*, не выше 1500 футовъ надъ уровнемъ моря. На островѣ нѣтъ слѣдовъ вулканическихъ изверженій, хотя землетрясенія случаются довольно часто.

Мысовъ много; но бесполезно было бы исчислять ихъ имена, потому что они не представляютъ ничего особенно любопытнаго.

Воды. Банка богатъ источниками, ручьями и потоками, которые, стекая на равнины по скату холмовъ, становятся рѣками, но бѣльшею частію исчезаютъ въ береговыхъ пескахъ. На восточномъ берегу двѣ рѣки судоходны, *Сунгей-Мундо* и *Сунгей-Банка-Котта*; прочія очень мелки въ устьяхъ. На островѣ

нѣтъ озеръ, но много болотъ, которыя въ дождливую пору значительно распространяются.

Заливы. Заливы *Клабатъ*, *Жебюсъ*, *Сунгей-Ліатъ*, *Маравангъ* и *Панкаль-Пинангъ* образуютъ превосходные порты. Глубокія и широкія губы, находящіяся при устьяхъ рѣкъ, даютъ пристанище пиратамъ и контробандистамъ въ эпоху дождей и прилива.

Климатъ. Хотя островъ находится почти подъ тропиками, однакожъ климатъ его довольно умѣренный. Ночи прохладны, и днемъ термометръ не поднимается выше 88° по Фаренгейту. Береговые и морскіе вѣтры, правильно смѣняясь, освѣжаютъ суда, стоящія на рейдѣ и въ заливахъ. Дожди часты только съ мая до августа, во время юго-восточнаго муссона; съ ноября до февраля, падаютъ сильные дожди съ бурями; каждый вечеръ блещетъ молнія. Между муссонами погода очень непостоянна; на сушѣ дождь и засуха смѣняются безпрестанно, а на морѣ часто тишь уступаетъ мѣсто бурѣ и неправильнымъ вѣтрамъ. Вообще климатъ здоровый, за исключеніемъ провинціи Мунтокъ и болотистыхъ частей западнаго берега.

Произведенія. Кромѣ олова, главнаго богатства острова, есть желѣзные рудники въ уѣздахъ *Панкаль-Пинангъ*, *Пако*, *Банка-Котта*, и въ горахъ *Пермизангъ*; они давали пре-

восходное желѣзо во времена палембангскаго султана, но теперь ихъ бросили. Недавно найдены серебряные рудники въ мунтокскомъ округѣ, а золото встрѣчается, хотя рѣдко, въ странѣ *Панкаль-Иинангъ*. Радемахеръ увѣрялъ, что близъ *Сунгей-Пу́та* находятъ бриліанты, но это вѣроятно былъ горный хрусталь, потому что оловянные жилы всегда доставляютъ этотъ минералъ самой высшей красоты.

Весь островъ, такъ-сказать, покрытъ одною рощею и производитъ лѣсъ отличнаго качества; однакожъ, Молукскіе острова и внутренность Суматры, въ этомъ отношеніи, можетъ быть, выше острова Банка. На немъ растутъ самыя рѣдкія деревья, и въ числѣ ихъ черное. Изъ плода *меніалина* извлекаютъ сахаръ, а масло изъ плодовъ *пенаги*. Дерево *ting-al-itans*, вышиною въ 120 футовъ, даетъ резину, а изъ коры *sema* и *tin-gie* островитяне готовятъ краску, черную и прочную, и красятъ ею хлопчатую бумагу и свои рыболовные сѣти.

Г. де-ла-Фонтенъ, въ своемъ донесеніи, говоритъ о 50-ти разныхъ сортахъ орѣховаго дерева; иныя изъ этихъ деревьевъ вышиною въ 100 и 120 футовъ, а въ діаметръ отъ 4 до 5-ти футовъ. Это превосходное строевое дерево годно и для производства посуды. Древесный уголь, столько необходимый

для заводовъ, превосходнаго качества. Многія деревья и растенія даютъ отличнѣйшіе плоды, напримѣръ, кокосовые орѣхи, адамовы яблоки и ананасы. Кофейное дерево растетъ хорошо, и прежде на этомъ островѣ было довольно перцу, хлопчатой бумаги (карас), имбирю, табаку и сахарнаго тростника. За исключеніемъ послѣдняго, который вырастаетъ слишкомъ высоко и даетъ не столько соку, сколько явскій, можно было бы возобновить обработку этихъ статей торговли съ выгодною. Удивительно, какъ эта почва, столь плодоносная въ естественномъ положеніи, неблагодарно платитъ за трудъ земледѣльца. Нынѣ заботятся единственно о рисѣ, хотя и его воздѣлываютъ неукусно. Для хорошаго сбора земледѣльцы должны имѣть ежегодно свѣжія поля, и съ этою цѣлію рубятъ или сожигаютъ лѣса, которые оттого скоро портятся. Картофель растетъ плохо, а наши хлѣба и овощи поднимаются едва на нѣсколько дюймовъ отъ земли и тотчасъ вянутъ.

Олени наполняютъ лѣса; свиньи, маленькія дикія козы, родъ тигра-кошки, бѣлка и черепокожные встрѣчаются рѣже. Большія летучія мыши перелетаютъ черезъ проливъ Банка, съ одного берега на другой. Намъ показалось, что птицъ мало; здѣшнія породы сходны съ породами Суматры; на юго-восточномъ берегу встрѣчаются птичьи гнѣзда,

изъ которыхъ готовится вкусное блюдо. На островѣ водятся маленькія ядовитыя змѣи; желчь другихъ змѣй, которыя побольше, считается Китайцами за лекарство.

Берега доставляютъ множество рыбы; на берегу *Клабатъ* собираютъ знаменитую морскую траву *агаръ-агаръ*. Конскихъ заводовъ нѣтъ у туземцевъ; только Европейцы держатъ для удовольствія и пищи, лошадей, рогатый скотъ и буйволовъ. Бараны и козы не могутъ жить на островѣ. Въ иныхъ мѣстахъ ѣдятъ свиней и собакъ, но туземцы считаютъ ихъ нечистыми. Здѣсь выкармливаютъ куръ, утокъ а иногда гусей; но часто страшная смертность поражаетъ живность и ея не было бы безъ подвоза изъ Палембанга. *Орангъ-унонг* ищутъ въ лѣсахъ меду и воску и принуждены уступать ихъ своимъ начальникамъ за безцѣнокъ.

Народонаселеніе. Оно состоитъ изъ островитянъ, называемыхъ *Орангъ-гунонгами*, или *Орангъ-даратъ*, изъ китайскихъ и малайскихъ промыслениковъ и изъ китайскихъ горцевъ. Къ этимъ тремъ классамъ можно прибавить четвертый *Орангъ-лаутъ*, т. е. моряковъ и прибрежныхъ жителей, и пятый, состоящій изъ невольниковъ. Всего 22,000 жителей. Въ прежнее время, когда процвѣтали рудники, народонаселеніе доходило до 60 или 70,000

душъ. Уменьшеніе его произошло отъ междоусобной войны.

Увѣряютъ, что *Орангъ-гунонги* происходятъ отъ Явайцевъ; но не такъ велики и стройны; цвѣтъ кожи нѣсколько темнѣе. Они говорятъ языкомъ Сондскихъ острововъ, и вообще грубы и просты, застѣнчивы и послушны, мирны и умѣренны, безпечны и не преданы игръ и опиуму.

Орангъ-гунонги ведутъ кочевую жизнь, но никогда не выходятъ изъ своего округа. Непросвѣщенные начальники управляютъ своевольно, и только наружно повинуются голландскимъ резидентамъ. Они не могутъ казнить смертію, но наказываютъ штрафами. Прибыль отъ такой выгодной юстиціи, *тибанъ* (лихоимство съѣстными припасами и другими статьями торговли), и тяжелыя, налагаемые ими работы,—вотъ главные источники ихъ богатствъ.

Думаютъ, что эти горцы придерживаются исламисма; но у нихъ нѣтъ ни жрецовъ, ни религіозныхъ церемоній. Въ каждомъ *кампонгъ* старшій по лѣтамъ и опытности отправляетъ богослуженіе и называется *кетипомъ*. Люди эти очень суевѣрны; если кто заболѣетъ въ ту минуту, какъ срубаютъ дерево, то оно считается заколдованнымъ и не убирается: никакими средствами нельзя заставить ихъ докончить работу.

Браки совершаются очень просто. Женихъ и невѣста, по взаимному согласію, просятъ дозволенія у начальника племени; потомъ ударяются лбами въ присутствіи свидѣтелей, день проводятъ въ пиршествѣ и свадьба кончена. Какъ и въ Явѣ, женихъ приноситъ приданое невѣстѣ, но оно обыкновенно не очень значительно.

Прежде, погребая *Орангъ-гунонга*, хоронили съ нимъ и часть его имущества, превративъ его въ золото и серебро; но частое разграбленіе могилъ заставило бросить этотъ обычай.

Китайцы и Малайцы, занимающіеся мелочною торговлею, живутъ общинами. Они внесли на островъ свою природную дѣятельность. Всею промышленностію и даже небольшою торговлею своею островъ обязанъ ихъ труду и предприимчивому уму. Они ведутъ жизнь суровую и скромную, иногда даже во всемъ отказываютъ себѣ.

Всѣ они небогаты; однакожъ, между ними нѣтъ нищихъ, потому-что они помогаютъ другъ другу въ нуждѣ. Число Европейцевъ, т. е. чиновниковъ правительства и солдатъ гарнизона, простирается отъ 5 до 600.

Произведенія, промышленность и торговля. Главное занятіе жителей острова разработка рудниковъ; потомъ идутъ рыбная ловля, рубка лѣса, земледѣліе и скотоводство. Промы-

шленость занимает много рукъ; число кузнецовъ и плотниковъ значительно. Механическія искусства не развиты; только въ Мунтонѣ женщины выдѣлываютъ шелковыя и хлопчато-бумажныя матеріи, или вышиваютъ золотомъ и занимаются рукодѣліемъ. Обращеніе денегъ не быстро, хотя голландское правительство ввозитъ значительныя суммы; часть ихъ тратится на жизненные потребности; другую зарабатываютъ Китайцы, прачуть и при случаѣ отсылаютъ на родину. Орангъ-гупонги дѣлаютъ себѣ украшенія изъ монетъ, и чтобы не потерять ихъ, зарываютъ въ землю: такимъ образомъ, значительныя суммы выходятъ изъ оборота или даже вовсе исчезаютъ.

Жаль смотрѣть, въ какомъ бѣдномъ положеніи находятся промышленность и торговля, въ какой нищетѣ живутъ островитяне, при богатыхъ средствахъ острова. Бѣдность происходитъ отъ того, что Голландцы поддерживаютъ монополію, продолжавшуюся и во время владычества Англичанъ.

Исторія. Когда Европейцы проникли въ моря Индіи, островъ Банка привлекъ ихъ вниманіе, не по богатству своему, а потому, что мимо его шелъ путь въ Малакку, Сіамъ, Китай и Японію.

Линсхотенъ, отличный мореходъ XVI вѣка, называетъ на картѣ своей этотъ островъ —

Хинабата, а въ описаніи своего путешествія именуетъ его Банга. Вервикъ называетъ его *Синапатъ*. Впрочемъ, въ то время, вѣроятно, всѣ называли этотъ островъ именемъ Банка. Въ 1668, Компанія Голландской-Индіи приняла его подъ свое покровительство; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ перешелъ въ руки палембангскаго султана. Въ 1710 г., когда открыта первая руда олова, явились Китайцы по приглашенію султана, и Банка приобрѣлъ нѣкоторую важность. Въ 1777 г., компанія купила монополію рудниковъ отъ тогдашняго султана. Онъ вступилъ на престолъ помощію Голландцевъ; однакожъ одинъ изъ его наслѣдниковъ, неблагодарный чело-вѣкъ, приказалъ перерѣзать всѣхъ Голландцевъ, жившихъ въ Палембангѣ, и даже резидента. Англичане отмстили за вѣроломство, овладѣвъ Палембангомъ, и назначили новаго султана (брата прежняго), который въ 1812 году трактатомъ уступилъ Англіи острова Банка и Биллитонъ. Тогда назвали Банка *островомъ Герцога Йоркскаго*. Въ 1816 г. возвратили его Голландіи.

Раздѣленіе, топографія. Нынѣ островъ раздѣленъ на 9 рудниковъ. У островитянъ и мѣстныхъ властей сохранилось прежнее раздѣленіе на двѣ части, *Денати* и *Бацію* (земли князьковъ и начальниковъ племенъ).

Небольшой городъ Мунтокъ, неправильно

называемый Англичанами *Мунтоу* или *Мюнтоу*, — столица острова, мѣстопробываніе голландскаго резидента и штабъ-квартира гарнизона. Главныя зданія красиво расположены на платформѣ. Въ Мунтокѣ также живутъ Китайцы и Малайцы. Первые занимаются торговлею и промышленностію, послѣдніе рыбною ловлею. Въ 1823 г. населеніе города состояло изъ 2,676 душъ. Есть школы для Китайцевъ и Малайцевъ. Но городъ считается нездоровымъ, потому-что въ немъ свирѣпствовала эпидемія.

(6 іюля.) Вмѣстѣ съ докторомъ Фритце, я прогуливался поутру около Мунтока, но сигнальная пушка призвала меня на корабль. Миѣ очень было жаль разстаться съ островомъ, на которомъ я жилъ такъ пріятно. На кораблѣ я провелъ въ бездѣйствіи цѣлый день, который могъ бы употребить съ пользою на розысканія.

Морскія путешествія на купеческихъ судахъ похожи на поѣздки въ дилижансахъ и вагонахъ. Спѣшатъ доставить васъ въ назначенное мѣсто какъ можно скорѣе. Дѣйствительно, такъ называемые опытные капитаны ничто иное, какъ почтари. Главныя достоинства тѣхъ и другихъ — аккуратность и превосходное знаніе мѣстности. Острова, мысы и гавани для однихъ тоже самое, что столбы, станціи и гостинницы для другихъ. Въ

ихъ глазахъ самые замѣчательные предметы проходятъ незамѣченными: такъ велика сила привычки! Но какъ тяжело, съ такими путеводителями, положеніе путешественника, который силится пробить новую тропинку на ученомъ поприщѣ.

(7 іюля.) Сегодня утромъ мы вышли изъ рейда. Чтобы не попасть на подводный камень *Фредерикъ-Гендрикъ*, мы идемъ вдоль берега, на глубинѣ 6 или 7 брассовъ, и оставляемъ за собою гору *Калианъ*.

(8 іюля.) Мы проходимъ между *Пуло-Тужу* (семи-острововъ) и *Пуло-Тоя*.

(9 іюля.) Проходимъ мимо острова *Линга*, замѣчательнаго въ этнографическомъ отношеніи. Его древніе обитатели, потомки малайскихъ племенъ, выходцы изъ Суматры, сохранили до-сихъ-поръ, во всей чистотѣ, физиономію, языкъ, нравы и обычаи тѣхъ племенъ, которыя потомъ разсѣялись по всему архипелагу индійскому. — На многочисленныхъ островахъ, окружающихъ Лингу и Бинтангъ, живутъ морскіе разбойники; вотъ почему эти мѣста очень опасны для судовъ съ небольшимъ экипажемъ.

(10 іюля.) Совершенная тишь остановила насъ подъ 0° 45' сѣверной широты и 103° 10' восточной долготы.

Затишье, страшное моряку, который всегда призываетъ попутные вѣтры на помощь своей

дѣятельности, очень пріятно для любителя естественной исторіи. Множество предметовъ, прежде покрытыхъ поднимающимися волнами, обнаруживаются на поверхности моря и привлекаютъ его наблюдательный взоръ. Онъ видитъ безчисленные стаи рыбъ, которыхъ преслѣдуютъ хищныя морскія птицы. Акула, въ сопровожденіи своего спутника, вертится около корабля. Прожорливый спаръ охотится за летучими рыбами, которыя шныряютъ надъ поверхностію моря; тропическая гальціона летаетъ около мачтъ и быстрый *фрегатъ* мчится въ безпредѣльность.

Ежедневно сцены эти измѣняются, смотря по времени года и климату. Солнце, поднимаясь надъ горизонтомъ и опускаясь въ величественномъ молчаніи, золотитъ облака; между небомъ и землею часто ничего не видно, кромѣ этихъ золоченыхъ облаковъ, которыя привлекаютъ и обманываютъ глазъ, представляясь горами.

(11 іюля.) Затишье страшное, нѣтъ даже вѣтерка. Море гладко, какъ зеркало; одна-кожъ не неподвижно; оно движется медленно, тяжело покачивая корабль.

(12 іюля.) Такая же тишь. Погода безподобная. Жаръ становится несноснымъ, и термометръ доходитъ до 84° 86' по Фаренгейту, въ тѣни. Барометръ, нетерпѣвшій важныхъ измѣненій съ тѣхъ-поръ, какъ мы

прошли черезъ заливъ Банка, стоитъ 29" 9". Прохлада утренниковъ и вечеровъ вознаграждаетъ насъ за палящее полуденное солнце, а ночной вѣтерокъ немного подвигаетъ корабль.

Во время затишья, мы имѣли случай наблюдать и ловить морскихъ змѣй, которыхъ очень много въ здѣшнихъ водахъ. Часто они неподвижно лежали на водѣ; потомъ мы видѣли, какъ онѣ протягивали голову, шевелили хвостомъ, плавали надъ волнами нѣсколько минутъ, съ тысячью изворотами, исчезали въ глубинѣ моря и потомъ опять показывались на нѣкоторомъ разстояніи. Почти всегда онѣ плавали медленно. Морская змѣя, чаще встрѣчаемая подъ 1° 29' сѣверной широты и 103° 11" восточной долготы называется *hydrophyde pélamide* (*); она длиною въ полтора или два фута. Я поймалъ одну сѣтью, а на кораблѣ *Предпріятіе* поймали ведромъ змѣю съ желтыми пятнами, удивительной красоты. Эта порода очень рѣдкая въ этихъ моряхъ; изъ множества пеламидовъ, мною видѣнныхъ, я замѣтилъ только одну желтую змѣю. Но говорятъ, что онѣ чаще

(*) Отличный натуралистъ Шлегель, который изучалъ и распредѣлялъ по классамъ змѣй, видѣнныхъ нами въ моряхъ Китая и Японіи, сообщилъ общее описаніе морскихъ змѣй въ превосходномъ своемъ сочиненіи: *Опытъ о змѣяхъ*.

встрѣчаются на западномъ берегу Борнео. На нашемъ кораблѣ хранили одну желтую змѣю въ спиртѣ, пойманную на рейдѣ Понтіана.

Пеламида принадлежитъ къ ядовитымъ змѣямъ. Едва вытаскиваютъ ее изъ воды, какъ она замираетъ; матросы дотрогивались до нея безнаказанно. Множество рыбъ (родъ большихъ *scomberes*), морскихъ ласточекъ и дорадь тоже привлекли наше вниманіе.

(13 іюля.) Вечеромъ, мы увидѣли на сѣверо-востокѣ южный островъ группы Анамбе, и на сѣверѣ островъ Седла (*Saddle Island*). На слѣдующее утро представились намъ и прочіе острова Анамбе.

(17 іюля.) Мы подѣ 6° 46' сѣверной широты и 103° 3' восточной долготы. Видѣли огромную морскую черепаху, *chelonina viridis*. Впослѣдствіи, подѣ 29° сѣв. шир., мы видѣли много этихъ животныхъ; японскіе рыбаки часто ловятъ ихъ при берегахъ Кіузіу, даже подѣ 33° сѣв. шир.

(18 іюля.) Утромъ мы увидѣли Пуло-Кондоръ, на сѣверо-западѣ, на разстояніи 24 морскихъ миль, и встрѣтили китайскій корабль, называемый джонкою, *yang tschuan*, (на южномъ китайскомъ языкѣ, *yong-schon* или *thong shon*), что значитъ морское зданіе. Эти суда, тяжело и грубо построенныя, величиною съ нашъ купеческій корабль, въ 500 или 600 тоннъ. По устройству они кажутся больше

нашихъ купеческихъ судовъ, но везутъ товаровъ въ половину менѣе. Кромѣ просторной палубы, галереи и каюты, которая служитъ и храмомъ, путешественнику на нихъ мало простора; однакожъ джонки не рѣдко перевозятъ отъ 300 до 800 Китайцевъ, которые бѣгутъ изъ отечества искать счастія на Явѣ. На джонкахъ, вообще содержимыхъ нерадиво и нечисто, двѣ толстыя и тяжелыя мачты; составлены онѣ изъ нѣсколькихъ кусковъ, скрѣпленныхъ желѣзомъ. Паруса изъ бамбуковыхъ цыновокъ такъ же грубо отдѣланы, какъ и мачты. Якори деревянные. Купеческіе китайскіе корабли имѣютъ свои названія или имена, какъ наши, и экипажъ отъ 90 до 100 человекъ. Для дальнихъ перѣздовъ берутся лоцманы изъ Португальцевъ, живущихъ въ Макао; въ прочихъ случаяхъ дѣйствуютъ лоцмана китайскіе, управляющіеся компасомъ и знаніемъ мѣстности береговъ и острововъ. Китайскія суда часто гибнутъ въ индійскихъ моряхъ; они такъ медленно уменьшаютъ паруса на гротъ-мачтѣ, что всегда подвержены опасности быть опрокинутыми сильнымъ вѣтромъ.

Пуло-Кондоръ группа острововъ, изъ которыхъ самый значительный длиною въ 2. географическія мили, шириною въ полторы. Его легко узнать по огромной горѣ въ 1,800 футовъ вышиною.

(19 июля.) На разсвѣтѣ, мы увидѣли островъ Пуло-Санати. Малайское его имя означаетъ, что берегъ его издали имѣетъ форму китайскаго башмака. Мы видѣли множество морскихъ птицъ, въ томъ числѣ альбатроса китайской породы (*diomedea fuliginosa*), величиною съ гуся. Еще не распредѣлили по семействамъ и классамъ этихъ огромныхъ морскихъ птицъ, о которыхъ упоминали уже мореходцы XVI вѣка, подъ именемъ *alcatraz*. Это названіе ошибочно передѣлано въ принятое нынѣ *альбатросъ*. Птицы эти часто слѣдятъ за кораблемъ по цѣлымъ недѣлямъ, оставляютъ его на нѣсколько дней и потомъ опять преслѣдуютъ. Я разшибъ крыло одной изъ нихъ и узнавалъ ее по висѣвшимъ перьямъ. Нѣсколько недѣль сряду я видѣлъ, что она слѣдуетъ за кораблемъ.

Голодъ гонитъ этихъ прожорливыхъ птицъ по стопамъ путешественника; разсѣкая ихъ, я находилъ у нихъ въ желудкѣ остатки съѣстныхъ припасовъ съ корабля.

(20 июля.) За кораблемъ тянется уже нѣсколько времени огромная рыба, длиною до 20 футовъ. Цвѣту она темносѣраго; судя по большимъ плавательнымъ перьямъ на спинѣ, ее слѣдуетъ причислить въ породѣ сѣверныхъ кацеровъ. Видны два большія отверстія, которыми она вбираетъ воздухъ, съ сильнымъ храпомъ, но она выбрасываетъ мало воды.

(21 июля.) Насъ постигла обыкновенная ласточка; на гротъ-мачтѣ поймали *сулу*.

(22 июля.) Море очень высоко; это значить, что мы на Маклесфильдской отмели. Наши наблюденія подтверждаютъ эту догадку ($16^{\circ} 18'$ сѣв. шир. и $110^{\circ} 57'$ вост. долготы). Англійскій корабль Маклесфильдъ присвоилъ себѣ это открытіе въ 1710 г.; но прежде этого времени отмель была уже извѣстна и Голландцамъ, подъ именемъ *Rooyuart* (Красная Земля.) Такое названіе дано ей, потому что она состоитъ изъ кораллового утеса, превосходнаго розоваго цвѣта. По увѣренію Горесбурга, отмель простирается отъ $15^{\circ} 17'$ до $16^{\circ} 21'$ сѣв. шир.; ширина ея отъ востока на западъ около 70 морскихъ миль. Большая часть на 25, 50 и 80 футовъ подъ водою; въ немногихъ мѣстахъ глубина имѣетъ только 8 футовъ, а менѣе не бываетъ. Отмель эта со временемъ можетъ быть очень опасна, потому что дно ея состоитъ изъ коралла.

(24 июля.) Едва не наткнулись на утесъ Пратасъ; но успѣли пройти мимо его благополучно; съ палубы видѣли мы ту коралловую отмель, которую посѣщалъ капитанъ Россъ.

(25 июля.) Уже нѣсколько дней горизонтъ покрытъ тучами и поднимается сильный вѣтеръ.

Съ іюня до августа, въ Китайскомъ морѣ, въ Формозскомъ проливѣ и Японскомъ заливѣ дуютъ довольно свѣжіе юго-западные вѣтры, а на западѣ и юго-западѣ случаются грозы съ проливнымъ дождемъ. Иногда вѣтры такъ сильны, что превращаются въ страшные ураганы, называемые *тифонами*. Китайцы называютъ такіа бури *taifung*.

(26 іюля.) Утромъ, идя на сѣверо-западъ, мы увидѣли китайскіе корабли, а вечеромъ, проходя мимо двухъ низкихъ острововъ *Она-засъ*, увидѣли берега Китая.

(27 іюля.) На разсвѣтѣ, мы замѣтили на юго-востокѣ, на растояніи 24 миль, высокій берегъ, и убѣдились, что это сѣверо-западная оконечность острова Формозы. Печально мы смотрѣли на этотъ берегъ, названный первыми его открывшими мореходами *ilha fermoza*, за его красоту и удивительное положеніе. Какую плодоносность показываетъ вулканическое образованіе холмовъ и горъ, покрытыхъ богатѣйшею растительностію! Какъ утѣшительна картина его жителей и произведеній, въ первое время его открытія! И мы потеряли эту драгоцѣнность, и стала она послѣднимъ убѣжищемъ китайскаго князя! Нельзя не пожалѣть о роковомъ соединеніи ошибокъ, обмановъ и коварствъ, которое причинило эту потерю, ничѣмъ неизвиняемую. Объ островѣ имѣемъ мы нѣкоторыя

свѣдѣнія отъ Голландцевъ и Французскихъ миссіонеровъ, бывшихъ тамъ въ 1714 г.; Мальтъ-Брюнъ, описывая его, почерпалъ свои свѣдѣнія изъ голландскихъ источниковъ, а Клапротъ изъ китайскихъ. Вотъ драгоцѣнное поле для физики, географіи и исторіи, а оно вовсе неизвѣстно.

(28 іюля.) Утромъ, намъ представилась сѣверная оконечность Формозы. Во весь день, мы видѣли цѣлыя стаи рыбъ, птицъ, альбатросовъ и морскихъ змѣй; все это вилось около насъ или летало надъ нашими головами. Въ то же время мы видѣли множество бабочекъ; это обстоятельство тѣмъ страннѣе, что мы находились, по крайней мѣрѣ, въ двѣнадцати географическихъ миляхъ отъ земли. Другія животныя, не столь занимательныя и пріятныя, поселились на самомъ кораблѣ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, корабль намъ крейсировалъ въ индійскихъ моряхъ и возилъ дрова и сахаръ. Скорпіоны, тысяченожки и другіе гады посѣщали насъ, но всего болѣе мучила насъ моль (*blatta orientalis*), водившаяся во всѣхъ частяхъ корабля и распространявшая невыносимое зловоніе. Ничѣмъ нельзя было истребить ихъ. Ловили ихъ въ фарфоровыя вазы, до половины наполненныя водою и облитыя по бортамъ краснымъ виномъ съ сахаромъ. Зато вездѣ разставили эти западни.

(29 июля.) Лопманъ поймалъ багромъ морскую змѣю въ четыре фута длиною; это славная добыча. Мы уже нѣсколько дней замѣчали ее, и разсмотрѣвъ, убѣдились, что это — *hydrophis striata*. Кромѣ змѣй этого рода и пеламиды, въ моряхъ Китайскомъ и Тунгъ-гай, живетъ *hydrophis columbina* (*platurus fasciatus*); но она чаще встрѣчается у береговъ острововъ *Лиу-Киу*; тамъ ее ловятъ, сушатъ и отсылаютъ въ Китай и Японію, гдѣ она считается превосходнымъ специфическимъ средствомъ.

(4 августа.) Вечеромъ видѣли мы на сѣверо-востокъ землю, которую считали островами *Меаксима*.

(5 августа.) При жесточайшемъ вѣтрѣ вытерпѣли сильную бурю и спасли Японцевъ съ разбитаго корабля (*).

Знакомство съ Японцами не могло не быть намъ пріятнымъ; обстоятельство, что мы спасли японской экипажъ, было очень важно, потому что должно было расположить японское правительство въ нашу пользу.

Мы узнали, что люди, спасенные нами, изъ южной провинціи острова *Киузиу*, которая называется *Сацума*, и что они возвращались съ острововъ *Лиу-киу* съ грузомъ риса, сахара и другихъ товаровъ, принадлежав-

(*) Описаніе этого случая помѣщено ниже.

шихъ правительству; противные вѣтры унесли ихъ на западъ. Когда мы встрѣтили этотъ корабль, на немъ не было уже ни парусовъ, ни мачтъ, ни якорей; все это отняла у нихъ буря, свирѣпствовавшая за нѣсколько дней, которую и мы вытерпѣли съ 1-го по 4-е августа.

Въ полдень мы находились подъ $31^{\circ} 20'$ южн. широты и $126^{\circ} 4'$ вост. долготы. Термометръ внезапно упалъ и предсказалъ перемѣну въ атмосферѣ. Скоро горизонтъ покрылся мрачными тучами; сѣверовосточный вѣтеръ безпрерывно усиливался. Предвидя бурю, мы тотчасъ поворотили нашъ корабль, поспѣшно убрали паруса, несмотря на порывы вѣтра, который рвалъ веревки. Буря грозила страшною бѣдою, и положеніе наше въ этихъ неизвѣстныхъ моряхъ было очень опасно, какъ отъ быстроты теченія, такъ и отъ близости земли.

Но буря еще не достигла полнаго развитія, потому-что барометръ упалъ съ $29'' 5'''$ до $28'' 2'''$. Вѣтеръ бѣшено рѣвелъ, и волны, поднимаясь на значительную высоту, ударили въ бока корабля и качали его. Ночью буря еще усилилась; невозможно было держаться на палубѣ; голоса не было слышно въ нѣсколькихъ шагахъ; рупоръ издавалъ невнятные звуки, а волны отличались отъ тучъ только бѣлыми своими гребешками. Молодые

матросы принуждены были сойти съ палубы и уступить мѣсто людямъ болѣе крѣпкимъ и привыкшимъ къ опасности. Въ 11-ть часовъ, начался ужасный ураганъ, *taifung*, съ проливнымъ дождемъ, который какъ градъ падалъ на людей и скоро сталъ невыносимымъ. Море безпрестанно переливалось чрезъ палубу; унесло шлюпки, бочки съ водою и все, что тутъ было поставлено, даже паранетъ штирборда. Нерѣдко весь корабль оставался подъ водою; иногда вся передняя часть корабля погружалась въ море, и мы уже думали, что она никогда не поднимется. Мачты гнулись съ страшнымъ скрипомъ, и весь остовъ корабля дрожалъ вмѣстѣ съ ними. Тогда мы брались за топоры и готовились срубить мачты, думая, что безъ этой мѣры корабль не устоитъ противъ такого урагана. Къ удивленію нашему, въ трубахъ воды было только на 16 дюймовъ.

Внутри корабля мы столько же должны были бороться съ бѣшеннымъ вѣтромъ, сколько и наши храбрые матросы, которые на палубѣ сражались съ бурей, съ отчаяннымъ мужествомъ. Куда ни приклонишь голову, вездѣ было страшно. Въ каютѣ и въ комнатахъ привязали мебель и домашнюю утварь, но безпрерывныя потрясенія корабля сбрасывали все съ мѣста: онъ то ложился на бокъ,

то поднимался на страшную высоту, то опускался въ преисподнюю. Къ этимъ безпрерывнымъ потрясеніямъ присоединился еще недостатокъ воздуха и свѣта. Каждый изъ путешественниковъ искалъ, за что бы уцѣпиться, и въ ту минуту, какъ онъ надѣялся отдохнуть, его поддержка перепрыгивала въ другой уголъ каюты, и самъ онъ падалъ на сосѣда. Иногда истощеніе заставляло насъ вздремнуть на нѣсколько минутъ, и мы видѣли во снѣ кораблекрушеніе и гибель. Потомъ скрипъ корабля и стукъ валовъ о корабль напоминали намъ настоящее наше положеніе, и намъ оставалась одна надежда, что мы скоро увидимъ свѣтъ дневной. Таково было наше положеніе, когда капитанъ вошелъ въ каюту и бросился на полъ съ живымъ отчаяніемъ, не отвѣчая на вопросы наши. Такой поступокъ человѣка, котораго мы знали за безстрашнаго моряка, произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе; нельзя уже было сомнѣваться въ плачевной участи, которая насъ ожидала, и надежда отлетѣла отъ насъ. Въ такомъ положеніи, неизвѣстность хуже смертной казни; я собралъ послѣднія силы и пошелъ по лѣстницѣ. Отворивъ дверцу, я встрѣтился съ ураганомъ; онъ ревѣлъ и въ первую минуту поражалъ такъ, что ничего нельзя было ни слышать, ни видѣть. Надобны были неимоверныя уси-

лѣя, чтобы не упасть, или не оторваться отъ предмета, за который держался. Молніи разрывали темную ночь; при свѣтѣ ихъ волны разбивались въ дребеаги и бросали пѣну свою на обнаженную палубу. Уже привязали рудь. На палубѣ все дышало пустотой и отчаяніемъ; на мачтахъ одинъ забытый парусъ. Третья часть палубы постоянно находилась подъ водою: высокіе валы перекатывались чрезъ нее, и часто казалось, что корабль плаваетъ подъ водою. Случались и минуты покоя; но онѣ были еще страшнѣе, потому что ураганъ возвращался съ новымъ бѣшенствомъ и нападалъ внезапно и порывисто на людей, находившихся на палубѣ: положеніе ихъ становилось чрезвычайно опаснымъ. Я сошелъ съ палубы, уступивъ неотступнымъ просьбамъ матросовъ. Мысль, что въ случаѣ гибели корабля мнѣ придется бороться съ смертію вмѣстѣ со множествомъ людей, наполнявшихъ каюту, казалась мнѣ невыносимою. По этому я пошелъ въ свою комнату и бросился на постель, предавъ себя во власть судьбы и несясь мыслями къ тому, что было мнѣ драгоцѣнно въ отечествѣ. Отъ истомленія я заснулъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока упромъ меня не разбудили.

(16 августа.) Буря все еще свирѣдствовала, но порывы вѣтра уменьшились. Барометръ поднялся до 29" 1"', и море, поднимавшееся

до облаковъ, представляло при свѣтѣ утренней зари зрѣлище необычайно красивое; барометръ еще поднялся до 29" 3"; вѣтеръ уменьшился. Въ полдень мы повернулись и пошли къ островамъ *Мезима*.

Мои товарищи по путешествію и Японцы вышли на палубу, и удовлетворивъ любопытству, успѣли дышать свѣжимъ воздухомъ; между тѣмъ неустомимые матросы трудились надъ поправкою корабля. Нельзя вообразить, какіе тяжелые труды переносятъ эти люди во время сильныхъ бурь; иногда непостижимо, какъ они остаются живы.

Отчаяніе и усталость оставили на нѣкоторыхъ лицахъ такіе страшные слѣды, что я едва могъ узнать ихъ. Буря утихла и барометръ поднялся до 29" 5". Ночью шелъ проливной дождь съ громомъ и молніею.

(7 августа) На разсвѣтѣ, мы увидѣли группу острововъ *Мезима*, вечеромъ, высоты японскаго берега, а потомъ разсмотрѣли мысъ *Номо* на В. С. В., на разстояніи 24-хъ морскихъ миль. Проливной дождь, неперестававшій до самой ночи, заставилъ насъ опасаться близости земли и удалиться отъ нея, лавируя подъ малыми парусами.

(8 августа.) Мы убѣдились, что ночью вѣтеръ отнесъ насъ столько къ сѣверу, что

намъ невозможно при слабомъ юговосточномъ вѣтрѣ войти въ заливъ Нагазаки. Какъ острова Мезима указываютъ на юго-западный берегъ Японіи, такъ важенъ и мысъ Номо, для опредѣленія входа въ этотъ заливъ. Мы хотѣли бросить якорь, но не нашли глубины менѣе 80 или 90 брассовъ.

(9 августа.) Утромъ подъѣхали корабли съ японскими чиновниками; они привезли намъ бумаги отъ начальника голландской торговли въ Децимѣ. Въ бумагахъ содержались общіе вопросы объ имени корабля и капитана, о количествѣ и качествѣ людей, съ нами находившихся. Мы тотчасъ подняли сигнальный флагъ, который былъ намъ данъ въ Батавіи, съ особенными наставленіями на счетъ стоянки у японскихъ береговъ,—и привѣтствовали голландское знамя, которое развѣвалось на островѣ *Иво-Сима* (Iha dos cavallos, островъ Двухъ-Коней). Знамя это было выставлено на высотѣ, чтобы указать намъ на островъ и на входъ въ гавань. Наконецъ намъ удалось обогнуть сѣверную оконечность острова; тутъ нѣсколько японскихъ чиновниковъ и переводчиковъ взошли къ намъ на палубу, для принятія нашихъ бумагъ и нѣсколькихъ заложниковъ. Они извѣстили насъ, что чиновникъ высшаго чина, носящій титулъ главнаго баніюзи, и депутаты факторіи сейчасъ пріѣдутъ къ намъ. Со

времени известной исторіи англійскаго военнаго корабля Федонъ, капитанъ Педлю (*Pel-
lew*), въ 1808 г., японское правительство принимаетъ мѣры и беретъ заложниковъ и отвозить ихъ въ Дециму, прежде чѣмъ войдутъ на корабль японскій начальникъ и члены голландской факторіи. Съ тѣхъ поръ, голландскіе корабли не могутъ входить прямо въ портъ Нагазаки, и принуждены оставаться нѣсколько времени на якорѣ на рейдѣ, близъ острова Такабою (Папенбергъ), въ глазахъ императорской стражи.

Юго-восточный вѣтеръ не позволялъ намъ идти далѣе въ заливъ на парусахъ. По этому дали намъ на помощь болѣе 60 рыбацкихъ судовъ. Между тѣмъ сильныя порывы вѣтра принудили насъ бросить якорь во второй разъ. Тутъ мы увидѣли нѣсколько крытыхъ судовъ, которые молча стали около насъ. То были сторожевые корабли. Эти малые и неважныя суда могутъ служить для наблюденія, но нисколько не могутъ быть полезными для защиты береговъ. На нихъ развѣвались странные флаги: длинныя, четырехугольныя, на бамбуковыхъ палкахъ, съ гербами и надписями на китайскомъ языкѣ. Вечеромъ ихъ освѣтили фонарями разныхъ цвѣтовъ, и мы увидѣли ту же иллюминацію на нѣсколькихъ пунктахъ залива, вездѣ гдѣ находились стражи и баттарей. Къ со-

жалѣнію, сильный вѣтеръ и начавшійся дождь прекратили это любопытное и прекрасное зрѣлище.

(10 августа). Въ полдень прибылъ къ намъ батюзи, или депутатъ императорской стражи, котораго мы ждали. Мы приняли его очень учтиво и попросили войти въ каюту. При немъ было нѣсколько переводчиковъ, которые поставили меня въ страшное затрудненіе. Они говорили по-голландски лучше меня и задали мнѣ нѣсколько хитрыхъ вопросовъ о моемъ отечествѣ. Я вспомнилъ, что назадъ тому нѣсколько лѣтъ, докторъ, родомъ Бельгійецъ, былъ высланъ изъ факторіи по приказанію японскаго правительства, за то, что не понимали его языка. Также извѣстно, какъ трудно было шведскому натуралисту Тунбергу удержаться въ факторіи. Однакожъ, когда мы удачно перевели слово *Noogduitchee*—голландскимъ горцемъ, (*am-hollanda*), меня приняли за гражданина привилегированной націи. Послѣ непродолжительнаго разговора съ полковникомъ Стюрлеромъ и коммендантомъ, важный батюзи приказалъ позвать японскихъ моряковъ, претерпѣвшихъ крушеніе, и началъ слѣдствіе формальнымъ допросомъ; секретарь велъ протоколъ.

Нѣсколько сотъ барокъ напрасно тащили насъ впередъ; сила противнаго вѣтра унич-

тожала всѣ ихъ усилія, и мы опять бросили якорь на 29 брассахъ глубины. Мы измѣрили глубину около острова Такабоко на юго-востокъ, на разстояніи 2-хъ морскихъ миль. Число кораблей, которые насъ окружали, возрастало значительно, и скоро мы увидѣли голландскихъ чиновниковъ. Они пріѣхали привѣтствовать насъ отъ имени начальника факторіи, явились купцы, называемые *comparadores*, съ превосходными фруктами и овощами. Весьма весело мы провели весь остатокъ дня, потому что все окружавшее насъ было ново и странно и доставляло обильный матеріалъ для разговора. Впрочемъ, мы восхищались тѣмъ превосходнымъ зрѣлищемъ, о которомъ получили нѣкоторое понятіе вчера. Прекрасный лѣтній вечеръ покровительствовалъ разноцвѣтной иллюминаціи, которая проливала яркій свѣтъ на окрестный пейзажъ и на заливъ, покрытый кораблями. Пока голландскіе корабли находятся въ портѣ Нагазаки, съ ними обращаются на военную-ногу, какъ съ кораблями иностранными. Весь гарнизонъ въ крѣпостяхъ по заливу подъ ружьемъ, караульни, батареи и множество мелкихъ судовъ покрыты знаменами, флагами, оружіемъ, военными значками и освѣщены во всю ночь. Когда вѣтеръ неблагоприятный, такое положеніе продолжается нѣсколько дней и причиняетъ правительству

значительныя издержки. Поэтому голландскимъ капитанамъ вовсе не нужно хлопотать, чтобы ихъ ввели поскорѣе въ портъ; Японцы для своей выгоды вводятъ ихъ какъ могутъ скорѣе.

За нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія Голландцевъ, ставятъ на мысѣ Номо, на близълежащую гору въ рыбацкѣмъ селеніи *Ко-зето* и на возвышенность близъ Нагазаки, караульныхъ, которые чрезъ телескопы наблюдаютъ, не показываются ли иностранныя корабли. Имя ихъ, *Tolomibansjo* (дально-видныя стражи), показываетъ ихъ назначеніе. Они содержатъ между собою сообщеніе посредствомъ сигналовъ изъ знаменъ и посредствомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Едва замѣчаютъ парусъ съ мыса Номо, какъ вѣсть о немъ доходить до Децимы. Также приняты мѣры, чтобы можно было давать сигналы посредствомъ ракетъ, съ высоты горъ, лежащихъ во внутренности страны. Мы видѣли въ окрестности Нагазаки зданіе, построенное съ этою цѣлю.

Многочисленныя батареи на островахъ и на берегу залива обращены на входъ въ бассейнъ; кромѣ того входъ еще защищенъ сильными батареями, поставленными на обѣихъ сторонахъ, и значительнымъ гарнизономъ изъ войскъ, называемыхъ *императорскою стражею*. Проходъ этотъ узокъ, не

болѣе 458 до 160 метровъ ширины, и съ 1808 г., постоянно держать на-готовѣ цѣпь, чтобы можно было заградить входъ. Это распоряженіе мало извѣстно, потому что его хранятъ въ тайнѣ. Однакожъ, оно дѣйстви-тельно существуетъ, и цѣпь хранится въ морскомъ магазинѣ *Оскуна-кура*, близъ На-газаки.

Нагазаки принадлежитъ къ числу пяти го-родовъ, которыми *сіогунъ* (*siogun*) управ-ляетъ непосредственно. Другіе города суть: *Иедо*, *Міяко*, *Огосака* и *Сакаи*. Однакожъ за-щита залива и порта ввѣрена князьямъ *Гицэна* и *Цикузэна*, которые смѣняются поочередно въ этой должности. Они содержатъ тамъ множество военныхъ кораблей легкаго ка-либра, и почти тысячу человѣкъ гарнизона.

Первый планъ города и залива Нагазаки составленъ Кемпферомъ, по японской кар-тѣ, изданной и исправленной въ Нагазаки, въ послѣднее время (въ 1802 и 1821 г.) подъ именемъ *Гицэнъ-Нагазаки-цу*. Фран-цузскіе миссіонеры въ Китаѣ тоже доставили планъ города и порта, полученный ими отъ китайскихъ мореходовъ, но онъ не имѣетъ ни малѣйшаго гидрографическаго достоин-ства. Въ Лондонѣ, въ 1794 г. изданъ хоро-шій планъ входа въ заливъ, взятый изъ ру-кописи, хранившейся въ Индійской-Голланд-ской Компаніи. Жаль, что адмиралъ Крузен-

штернъ не зналъ этихъ картъ, когда посѣтилъ Японію; планъ, оставленный намъ знаменитымъ мореходцемъ, былъ бы вѣрнѣе и полнѣе. Всего труднѣе иностранцу въ Японіи совершить трудъ подобнаго рода. Мои собственные хлопоты могутъ служить тому доказательствомъ. Эта причина объясняетъ, почему Голландцы успѣли собрать такъ мало географическихъ и гидрографическихъ свѣдѣній объ Японіи.

На этомъ кончается путевой журналъ Зибольда; подробности о самомъ пребываніи его въ Японіи не изданы. 2-й, 3-й и 4-й томы его, въ высшей степени занимательнаго сочиненія еще не вышли въ свѣтъ. По этому мы сочли необходимымъ и полезнымъ пополнить путешествіе Зибольда вѣриѣйшими извѣстіями и подробностями, которыя г. Жансинъ почерпнулъ изъ другихъ знаменитѣйшихъ путешественниковъ, какъ то: Кемпфера, Тунберга, Титсинга, Дѣфа, Фишера и др. Такимъ образомъ составилось полное описаніе Японской Имперіи, которое теперь предлагается благосклонному читателю.

НЕОБХОДИМЫЯ ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ.

Когда геній Коломба неустрашимо открывалъ путь въ Новый Свѣтъ, Японію знали только по свѣдѣніямъ, которыя Марко-Поло собралъ во время пребыванія въ Китаѣ. Ни одинъ Европейецъ не бывалъ еще въ *Сипанго* (такъ называли Японію во времена Марко Поло) (*).

Разсказы знаменитаго Венеціянца о пространствахъ и естественныхъ богатствахъ этого

(*) Вѣрнѣе *Ципангу*, а не *Ципангри*, какъ напечатано въ другихъ изданіяхъ Марко-Поло. Слова эти взяты изъ японскаго названія *Нипонъ* или *Ниппонъ*, постаринному *Ципонъ*, означающаго большой островъ, главный центръ Японской Имперіи. Нелишнимъ будетъ замѣтить, что Коломбъ вѣроятно не читалъ разсказовъ Марко-Поло, и не упоминаетъ о нихъ ни въ своемъ дневникѣ, ни въ письмахъ.

архипелага, о торговлѣ его съ Китаемъ, о характерѣ жителей, формѣ правленія, множествѣ островковъ, окружающихъ главный островъ Ципангу, которыхъ китайскіе мореходцы насчитывали въ то время до 7440, все это воспламенило и заняло воображеніе людей самыхъ дѣльныхъ. Марко-Поло утверждалъ, что *Ципангу* особенно богатъ золотомъ и жемчугомъ. Колумбъ надѣялся достигнуть до этой баснословной страны черезъ невѣдомыя моря, простиравшіяся на западъ отъ Европы; онъ мечталъ, что покорить ее Испаніи и употребить ея неистощимыя богатства на завоеваніе Гроба Господня! Онъ утверждалъ, что первая земля, которую увидитъ въ 750 миляхъ на западъ отъ Канарскихъ острововъ, будетъ островъ *Сипанго*. (*) Послѣ открытія острова *Изабеллы (Laomete)* когда Колумбъ отправлялся отыскивать большой островъ, по указанію Индійцевъ, въ журналѣ его прямо сказано, что онъ идетъ къ большому острову *Сипанго*, который Индійцы называютъ *Кольба (Куба)*. Прибывъ 14-го ноября 1492 г. къ сѣвернымъ берегамъ *Кубы*, онъ думаетъ, что попалъ на *Ципангу*. Наконецъ, возвратясь изъ перваго путешествія

(*) Гумбольдтъ, *Исторія географіи Нового-Континента*, томъ I, стр. 244.

ствія и входя въ Лиссабонскій-портъ, онъ говоритъ, что прибылъ не изъ Антиллы, а съ острова Сипанго. Однакожъ, онъ несовершенно былъ убѣжденъ въ тождествѣ Кубы съ Сипанго, потому что въ журналѣ своемъ принимаетъ сѣверо-западный берегъ Кубы то за часть материка, то за часть огромнаго острова. Изъ его же журнала видно, что впоследствии, основываясь на созвучіи названій, Колумбъ думалъ, что Гаити долженъ быть настоящимъ Сипанго: *Индійцы называли Сипанги горную часть Гаити (*)*.

На старинномъ глобусѣ, который древнѣе 1534 г. и находится въ библіотекѣ великаго герцога Веймарскаго, изображенъ Сипангу, въ 5 градусахъ на западъ отъ Верагви, съ надписью: «*Zirangri, ubi piper et aurī coria*». Мысль, что богатство Индіи находится на востокѣ или юго-востокѣ отъ Азіи, такъ распространилась въ XV вѣкѣ, что Колумбъ, говоря въ своемъ журналѣ объ открытыхъ имъ островахъ около Кубы, прибавляетъ: «Полагаю, что они богаты пряностями и драгоценными камнями, и что ихъ еще больше на югѣ».

Такимъ образомъ безсмертный мореходъ, увлеченный ложными извѣстіями, думалъ въ

(*) См. Гумбольдта, Исторію географіи Новаго-Континента, томъ II, стр. 44, 45 и 46.

первое свое путешествіе, что открылъ не Новый-Свѣтъ, а Японію. Дѣйствительно, по географическимъ понятіямъ того времени, основаннымъ единственно на разсказахъ Марко Поло, Бальдуччи-Пелогетти и де Конти о восточной Азіи, ученые полагали, что существуетъ множество острововъ въ морѣ Синъ т. е. въ моряхъ Японіи, Китая и Большаго Индійскаго архипелага,—острововъ, особенно богатыхъ пряностями и золотомъ. Тосканелли, начавшій съ 1474 г. обдумывать такое же предпріятіе, какое совершилъ Колумбъ, говорилъ, что между Европой и моремъ Синъ, на пути къ западу, встрѣтятся только одинъ островъ Антилья за 225 миль до Сипанго. Тосканелли считалъ отъ Лиссабона до знаменитаго китайскаго города *Квисан*, или *Висан*, или *Канъ-фу* (нынѣ Гангъ-Чу-Фу) по самому прямому пути на западъ, 26 *espacios*, считая каждый *espacio* въ 150 миль, а отъ острова Антильи до Сипанго 10 *espacios*, которые равнялись 225 *leguas*. Мы не знаемъ на сколько *espacios*, по мнѣнію Тосканелли, находилась Японія на востокъ отъ Канъ-фу; но можно думать, что онъ вѣрно зналъ разстояніе между Китаемъ и Лиссабономъ (*). Колумбъ, обдумывавшій эти важ-

(*) См. Гумбольдта Исторію географіи Новаго-Континента, томъ I. стр. 234 и томъ II, стр. 369.

ные географическіе вопросы и безпрестанно видѣвшій карты, на которыхъ были означены всѣ тогдашнія новѣйшія открытія, соглашался съ мнѣніемъ Тосканелли, и прибывъ въ Кубу 14 ноября 1492 г. выразилъ въ журналѣ своемъ слѣдующее убѣжденіе: «здѣсь островъ *Сипанго*, о которомъ рассказываютъ столько чудеснаго; и по указаніямъ *рисунковъ на глобусахъ*, Сипанго долженъ быть въ этихъ мѣстахъ». Мы уже сказали, что прибывъ слѣдующаго 26 декабря къ Гаити, Колумбъ, по новымъ указаніямъ, полагалъ, что этотъ островъ—настоящій Сипанго.

Однакожъ, Японія открыта спустя 50 лѣтъ, и такъ сказать, случайно. Португальцы доставили Европѣ первыя свѣдѣнія объ этой обширной имперіи; черезъ ихъ посредство завелись первыя сношенія христіанскаго міра съ народами, живущими на краю востока. Ниже увидимъ мы, какимъ образомъ начались эти сношенія, какъ развивались, какимъ подвергались перемѣнамъ и до какого несчастнаго положенія дошли въ наше время. Но прежде мы должны обрисовать общими чертами мѣсто, гдѣ происходитъ дѣйствіе и дать вѣрное понятіе о географическомъ устройствѣ, климатѣ и политическомъ раздѣленіи Японской Имперіи. Предлагаемое сочиненіе есть сводъ всего, что написано объ

Японіи, начиная съ Кемпфера до нашихъ временъ. Главнѣйшіе авторитеты наши—Кемпферъ и Зибольдъ, хотя путешествіе послѣдняго еще не вполне издано (*).

(*) Часто прибѣгаи мы къ помощи Обзорѣнія Японіи, составленнаго на англійскомъ языкѣ и напечатаннаго въ *Asiatic-Journal* (1839—1840 г.). Чтеніе этой занимательной статьи обратило особенное мое вниманіе на Японію, когда я жилъ въ Китаѣ, въ 1841, 42 и 43 г. Не менѣе полезенъ мнѣ былъ *Chinese Repository*, сборникъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ; это ежемѣсячное изданіе—сущая драгоценность для трудящихся надъ исторіею и литературою крайняго-востока.

(Примѣч. Жансина).

ОБЩІЯ

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

Японская Имперія лежитъ между $24^{\circ} 16'$ и 50° сѣвер. широты, и между $120^{\circ} 58'$ и $148^{\circ} 25'$ восточной долготы (парижскій мерид.). Такимъ образомъ она простирается почти на 26 градусовъ широты и 27 градусовъ долготы.

Границы Японской Имперіи:

На сѣверъ, Японское море (здѣсь воды его смѣшиваются съ волнами Тартарійскаго-пролива) и островъ *Крафто*;

на сѣверо-востокъ, островъ *Урупъ*;

на сѣверо-западъ, Японское море;

на югъ и на юго-востокъ, Великій-Океанъ;

на востокъ Великій-Океанъ;

на юго-западъ, Восточное море или *Тунгъ-Гае*;

на западъ, Корейскій проливъ.

Въ собственно такъ-называемой Японіи три большіе острова: *Ниппонъ*, *Кіузіу* и *Сикокъ*, и нѣсколько малыхъ: *Саю*, *Цузима*, и проч. Сверхъ того группы острововъ, называемые *Окизима*, *Готозима*, *Козикизима*, *Наназима*, и множество островковъ и уединенныхъ утесовъ.

Сосѣдними землями считаются:

1. Островъ *Іезо*, съ южными Курильскими островами:

2. Южная часть острова *Крафто*.

3. Группа острововъ *Мунинъ* (*Mounin*) или *Бонинъ*.

А на югѣ считаются вассальными землями или островами, платящими дань Японіи:

Острова *Лиу-Киу* (*Liou-kiou*).

Главнѣйшіе проливы, отдѣляющіе Японію отъ Азіи или текущіе между тремя главными японскими островами, суть:

Между Ниппономъ и Кіузіу, проливъ *Фанъ-деръ-Капелленъ*;

между Ниппономъ и Іезо проливъ *Цукаръ*;

между южною оконечностію Кіузіу и островами *Танегазима* и *Яксима* проливъ *Дьеменъ*;

между послѣдними двумя островами и сѣвѣрною группою *Лиу-Киу*, проливъ *Кольне*;

между Сикоккомъ и Кіузіу, проливъ *Гайязу* или *Гайязу-Кадо*;

между Сикокомъ и Ниппономъ (на востокъ) проливъ *Линсхотенъ*; (на сѣверъ), узкій проходъ, усѣянный безчисленнымъ множествомъ островковъ;

между *Иезо* и *Крафто* проливъ *Лаперузъ*;

между *Иезо* и Курильскими островами — проливъ *Лаксманскій*;

между *Куназири* и *Эторопомъ* проливъ *Пико*;

между *Эторопомъ* и *Урупомъ* проливъ *Ври-есть*;

между *Урупомъ* и Сѣверными-Курильскими островами — *Компасный Каналъ*;

между *Крафто* и азiятскими землями проливъ *Мамія*;

наконецъ проливъ *Корайскій* или *Корейскій*, отдѣляющій Ниппонъ отъ полуострова Кореи.

Мальтъ-Брюнъ утверждалъ, что поверхность Японской Имперіи содержитъ 16,000 квадратныхъ миль. По новѣйшимъ географическимъ свѣдѣніямъ считаютъ только 12,569 квадратныхъ миль : но Зибольдъ, тщательно изучивъ лучшія японскія карты и карты Крузенштерна и другихъ мореходцевъ, понизилъ эту цифру до 7,520 квадр. миль (считая по 15 миль въ градусѣ). Слѣдующая таблица показываетъ въ какихъ именно частяхъ Японіи сколько содержится миль:

Имена острововъ.	Колич. кв. ар. милъ.	Число остр., островковъ и проч.
СОБСТВЕННАЯ ЯПОНИЯ.		
Ниппонъ.	4081. 6969.	—
Гадцидюзима (*)	2. 1320.	1188.
Оризима	1. 8488.	—
Сало	20. 6874.	4.
Оки, Низинозима и проч.	6. 4874.	77.
Киузиу.	688. 3954.	—
Аманса	10. 2747.	—
Группа Гдтоо	11. 9504.	—
Группа Козики	2. 7360.	—
Фирато и Каваци.	2. 3017.	—
Танегазима.	9. 6051.	1515.

(*) Гадцидюзима (котораго Зибольдъ называетъ *Фацizio* на большой своей картѣ и *Гацizio* на маленькой) есть самый южный изъ острововъ, находящихся въ завѣдываніи Ниппона. По Кемпферу, этотъ островъ, который онъ называетъ *Фацizio* или *Фацizio-Газима*, т. е. *островъ вышиною въ 20 брассовъ*, есть главное мѣсто, куда обыкновенно ссылаютъ Японскихъ придворныхъ, попавшихъ въ опалу, по весьма древнему обычаю; они содержатся на берегу, покрытомъ утесами изумительной вышины, отъ которыхъ и островъ получилъ свое названіе. Тунбергъ называетъ этотъ островъ *Фацима*, а переводчикъ его Лангле—*Фаццѣнсима*. Кемпферъ говоритъ: «Пока ссыльные живутъ здѣсь, они должны жить *собственною работою*. Они преимущественно вырабатываютъ матерію; и какъ они вообще очень ловки и изобрѣтательны, то вырабатываемыя ими шелковыя ткани

Яксима	9.	3711.	—
Грунна Маназима	2.	3108.	—
То-Каразима	10.	7924.	—
Симако	0.	0218.	—
Сикокъ и сосѣдніе острова	391.	8556.	516.
Авацц	10.	7968.	10.
Цузима	14.	5350.	—
Ики	2.	4059.	201.
Небольшіе острова	36.	3687.	неисчисл.

Итого 5306. 5668.

І Е 3 0.

Іезо	1286.	9153.	—
Окозири	2.	5944.	—

такъ превосходны и красивы, что императоръ запретилъ, подъ строжайшимъ наказаніемъ, продавать ихъ иностранцамъ. Островъ не только окруженъ бурнымъ моремъ, но даже кажется, что сама природа создала его неприступнымъ: когда доставляютъ туда съѣстные припасы, приводятъ новыхъ заключенныхъ или перемѣняютъ гарнизонъ, надобно поднимать вверхъ лодку со всѣмъ грузомъ посредствомъ крана и потомъ спускать ее такимъ же образомъ: такъ берега круты и прямы, что иначе нельзя взобраться на нихъ,—однакожъ, взобрались же какъ нибудь на этотъ островъ, когда вздумали учредить на немъ ссыльные заведенія. Во всякомъ случаѣ, существованіе этого мѣста, знаменитаго своею промышленностію, фактъ чрезвычайно любопытный.

(Примѣч. Жансина).

Рефунзири	2.	2623.	83.
Ризири	1.	3447.	—
Небольшіе острова .	2.	0468.	—

Итого 1295. 1635.

ГИКАЗИ-ІЕЗО.

(Большіе Курильскіе острова).

Сикотау.	1.	7151.	—
Куназири.	23.	7793.	—
Эторопъ.	48.	9496.	48.
Урупъ	12.	2750.	—
Малые острова . .	1.	4903.	—

Итого 88 2093. —

КИТА-ІЕЗО.

(Крафто).

Крафто	696.	9175.	27.
Небольшіе острова .	2.	6965.	—

Итого 699. 6140. —

МУНИНЪ СИМА.

(Группа острововъ Бонинскихъ).

Китазима.	2.	2116.	—
Минамизизима. . .	1.	3662.	89.
Небольшіе острова. .	2.	1920.	—

Итого 5. 7698. —

ЛУ-КІУ

Зжузанъ:

Огинавазима	37. 8279.	—
Кумезима.	0. 9632.	53.
Іеязима	1. 4234.	—
Небольшіе острова .	6. 4022.	—

Санбокъ:

Оозима	24. 4186.	—
Ток'сима.	8. 9496.	—
Какеназима.	3. 2472.	16
Іерабузима	3. 8860.	—
Кикаизима	2. 4694.	—
Другіе небольшіе ос- трова	1. 5985.	—

Саннанъ:

Изикакизима	9. 0970.	—
Ніогіозима	9. 0932.	—
Міакозима	4. 0441.	23.
Нагарабезима	1. 1043.	—
Іонакуни.	1. 8367.	—
Другіе небольшіе ос- трова	9. 2479.	—

И т о г о 125. 6092. —

ОБЩІЙ СЧЕТЪ:

Собственно Японія .	5306. 5668.	3511.
Іезо	1295. 1635.	83.

Большіе Курильскіе

острова	88. 2093.	48.
Крафто	699. 6140.	27.
Мунинъ Сима. . . .	5. 7698.	89.
Острова Ліу-Кіу . .	125. 6092.	92.

Итого 7520. 9326. 3850.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗДѢЛЕНИЕ.

Въ концѣ VI вѣка (Кемпферъ указываетъ на 590 г.), императоръ Сіу-зіунъ (или *Ciu-зіумъ*) раздѣлилъ Японію на 7 отдѣловъ, округовъ или (согласно японскому выраженію) на 7 *большихъ дорогъ* (*До* или *То*); въ нихъ считались 71 провинція (*provinces princièges*), и 5 провинцій, принадлежавшихъ казнѣ. Однакожъ, по тѣмъ же источникамъ оказывается, что владѣтельныя провинція или княжества учреждены цѣлымъ вѣкомъ позже, въ 681 г., при императорѣ *Тенму* (*).

Эти главныя раздѣленія до сихъ поръ признаются, хотя на самомъ дѣлѣ княжества

(*) Зибольдъ говоритъ, что Японія раздѣлена въ царствованіе микадо Сіунва (824 г. послѣ Р. Х.) на 68 провинцій, и что раздѣленіе это существуетъ до сихъ поръ. Но это извѣстіе не можетъ быть согласовано съ эпохою прибавленія двухъ новыхъ провинцій къ первоначальнымъ шестидесяти шести.

подверглись многимъ новымъ подраздѣленіямъ, вслѣдствіе политическихъ событій. Нынѣ находится шесть-сотъ четыре отдѣльныхъ владѣнія. Провинціи (*kokf's*) раздѣляются на уѣзды (*кори* или *kohori*); каждое *кори* подраздѣляется на небольшія общины.

По Фишеру, провинціи (*Doo*), носятъ слѣдующія названія: *Тоокаидоо*, *Тоозандоо*, *Гокрифдоо*, *Саніендоо*, *Саніоодоо*, *Нанкаидоо* и *Саикаидоо*; къ нимъ слѣдуетъ прибавить *Гоккинаидоо*, страну, содержащую пять провинцій коронныхъ или принадлежащихъ собственно императору.

Княжества (ихъ всего 61) раздѣляются слѣдующимъ образомъ по главнымъ провинціямъ:

Принадлежація къ острову Ниппону:

1. Въ Тоокаидоо (*) находятся княжества: Ига, Изе, Сима, Овари, Микава, Тотоми,

(*) Мы удержали правописаніе Фишера, но, обратившись къ большой картѣ Зибольда, замѣтили, что онъ пишетъ тѣ же имена совсѣмъ иначе; правописаніе его проще и, вѣроятно, ближе къ японскому произношенію, которое почти невозможно передать европейскими буквами и звуками.

Зибольдъ пишетъ на большой своей картѣ: *Tokaido*, *Tosando*, *Fokrokdo*, *Sanindo*, *Sanjodo*, *Saikaido*, и забываетъ *Nankaido*. Но это ошибка, и притомъ очевидная, потому что на маленькой картѣ, составленной по луч-

Сёрёга, Каи, Мезази, Ава, Кацёза, Симовеза, Фитате, Истое и Сагами.

2. Въ провинціи Тоозандоо: Ооми, Мино, Фида, Синано, Кооцеке, Симіоцеке, Мёцё и Дева.

3. Въ провинціи Гокрифдоо: Ваказа, Іециринъ, Каго, Ното, Іеціу, Іеціго и Садо.

4. Въ провинціи Саніендоо: Танба, Танго, Тазима, Инаба, Гооки, Истумо, Ивами и Оги.

5. Въ провинціи Санъоодоо: Гарима, Мимазека, Бизепъ, Битьенъ, Бенго, Аки, Севоо и Нагато.

6. Въ провинціи Нанкаидоо: Кіи, Ава или Асіу, Авази, Санеки, Ііо и Тоза.

На островахъ Кіузіу:

7. Въ провинціи Саикаидоо: Цикфезингъ, Фиго, Бедзенъ, Бёнго, Физинъ, Ооземи, Сациума, Цикфенго и Фіего.

шимъ японскимъ, Зибольдъ означаетъ всѣ 7 провинцій, но пишетъ имена ихъ опять иначе: Too-koi-too, Too-sontoo, Hokrok-too, Son-in-joo, Son-too-too, Nankai-too, Sai-kai-too. Но такихъ промаховъ не мало въ Зибольдѣ, въ самомъ аккуратнѣйшемъ и ученѣйшемъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, изучавшихъ Японію; поэтому мы должны думать, что въ другихъ писателяхъ, не столь точныхъ, должно быть, находится гораздо болѣе несправностей, и онѣ вообще гораздо важнѣе.

Гокинай содержать, какъ мы уже сказали, 5 провинцій коронныхъ; онѣ суть:

Ямазиро, Ямато, Ицуми, Кавате или Каваци, и Сецу или Сецъ.

Все это составляетъ 66-ть отдѣльныхъ малыхъ провинцій, къ которымъ обыкновенно причисляютъ еще двѣ, Ики и Цузиму, завоеванные отъ Кореи въ XVI вѣкѣ. Общій итогъ всѣхъ провинцій 68.

«Съ 1592 по 1598 г., со времени японскаго вторженія, при *сiogунѣ Фидеіози*, обыкновенно называемомъ *Таикю*, владѣльцы Японіи и Кореи находились въ такихъ сношеніяхъ, которыя показывали, что они скорѣе союзники, чѣмъ владѣлецъ съ вассаломъ. Оба двора взаимно извѣщаются, когда новый властитель вступаетъ на престолъ. Японское правительство, изъ предосторожности, водворило на островѣ *Цузимѣ* одного изъ своихъ князьковъ, и отдало ему въ руки всю торговлю Кореи. Островъ Цузима такъ важенъ для Японіи, въ политическомъ отношеніи, что князёкъ основалъ тамъ, близъ Фузанкай, порта въ округѣ Кіенгъ-Сіангъ, колонию изъ 500 Японцевъ. Колонисты эти, составляющіе такъ сказать обсерваціонный корпусъ, живутъ въ огороженномъ мѣстѣ, и кромѣ нихъ, нѣтъ Японцевъ въ Корей, за исключеніемъ экипажей прибывающихъ туда судовъ. Всѣ они, солдаты и чиновники, мастеровые и

купцы, живутъ вмѣстѣ, отдѣльно отъ туземцевъ, женятся между-собою и не могутъ входить во внутренность страны безъ особеннаго дозволенія. По отношенію къ богатству обоихъ народовъ, торговля, производимая Корейцами съ князькомъ Цузими, не можемъ даже и назваться торговлею; по мнѣнію Японцевъ, это размѣнъ подарковъ. Князёкъ доставляетъ рисъ, перецъ и буйволыи рога, а въ обмѣнъ получаетъ знаменитый гин-сень и кожи тигровъ и скатовъ. Японцы изъ факторіи Фузанкан торгуютъ также шелковыми матеріями, сырымъ шолкомъ превосходной доброты, издѣліями изъ лака, и клеенкою, которая, говорятъ, очень прочна (*)».

Названія, данныя главнымъ японскимъ провинціямъ, показываютъ, что онѣ раздѣлены не на-обумъ.

Токаидо (*Tokaïdô*) значитъ: страна или дорога юговостока (по переводу Фишера восточный полуостровъ). Тоозандо (*Toosandô*) значитъ страна восточная-гористая; Кокрифдо (*Kokrikfô*) — сѣверная страна (по Фишеру, сѣверныя земли); Саниендо (*Saniendô*) значитъ сѣверная гористая страна или холодная; Саньодо (*Sanyodô*) страна гористая южная или теплая; Нанкаидо (*Nankaidô*) страна

(*) См. Путешествіе Зибольда, на французскомъ языкѣ, томъ V.

южныхъ береговъ (по Фишеру, южный полуостровъ), а Саикайдо (*Saikaidō*)—страна западныхъ береговъ (по Фишеру западный полуостровъ). Замѣчательно, что это раздѣленіе Японіи, основанное на физическихъ условіяхъ, существуетъ уже 1,200 лѣтъ! Еще замѣчательнѣе, что въ то же время, и можетъ быть, даже ранѣе, это безчисленное множество острововъ, признало одного правителя, управлялось одинаковыми законами, имѣло одни нравы и одно вѣрованіе. Съ этихъ отдаленныхъ временъ, централизациа (нынѣ столь уважаемая въ Европѣ) была уже въ чести въ Японіи, и мы увидимъ, что шесть-сотъ четыре удѣла, зависящіе отъ Іедо, правительственнаго центра имперіи, должны безпрестанно возвращать этому источнику могущества, богатства и почестей, тотъ блескъ и тѣ средства, которыя отъ него же они получаютъ.

Собственно такъ называемый Японскій архипелагъ, со включеніемъ острова Іезо, находится между 35° и 40° сѣверной широты. Длина его 1140 морскихъ миль (или 380 лье, по 20 лье на градусъ).

Общая форма архипелага весьма замѣчательна. Противъ Азіи, онъ представляетъ впадину, противъ которой на азіатскомъ берегу находится почти подобная же впадина, но нѣсколько обширнѣе. Между этими двумя впа-

динами лежитъ Японское море, средиземное; изъ него два главныхъ выхода: *каналъ Корейскій*, съ проливами *Крузенштерна* и *Брутона*, и *каналъ Татарскій* съ проливами *Лаперуза* и *Маміа*.

«Во многихъ отношеніяхъ, говоритъ Кемпферъ, можно сравнить Японію съ королевствами Великобританіею и Ирландіею. Она также разъединена мысами, морскими рукавами и большими заливами, которые, вдаваясь далеко въ землю, образуютъ множество острововъ, полуострововъ, гаваней и пристаней. Самый большой изъ острововъ называется *Ниппонъ*, по имени имперіи. Узкій каналъ или проливъ, усѣянный утесами и островками, (изъ нихъ нѣкоторые обитаемы, другіе нѣтъ), отдѣляетъ *Ниппонъ* отъ другаго острова, втораго по величинѣ. Послѣдній, по положенію своему на юго-западъ отъ перваго, называется *Саи-кокфъ*, т. е. страна запада. Его также называютъ *Kiuziū* (*Kiōuziōu*), т. е. страна девяти, потому что онъ раздѣленъ на девять провинцій. Въ окружности онъ имѣетъ 148 нѣмецкихъ миль. Японцы считаютъ въ немъ 140 своихъ миль въ длину, и отъ 40 до 50 въ ширину. Третій островъ лежитъ между первымъ и вторымъ; онъ почти четырехугольный и раздѣленъ на 4 провинціи, почему Японцы на-

зываютъ его *Сикокъ* (*), т. е. страна четырехъ.

Эти три главные острова окружены несѣтнымъ числомъ другихъ острововъ; изъ нихъ иные очень малы, покрыты утесами и бесплодны; другіе, побольше, богаты и плодородны. Послѣдніе управляются князьями.

Древнѣйшее или, лучше сказать, одно изъ древнѣйшихъ именъ Японіи было *Акицусима*, *дѣвичій островъ*.

Такое имя дано ему, по его формѣ, первымъ *микадо*, *Зинъ-Му*, за 630 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія (по увѣренію Японцевъ), когда онъ взобрался на вершину горы, съ которой могъ видѣть имперію. Слово *Ниппонъ* или *Ниффонъ* не чисто японское; оно составлено изъ словъ *Ници* (солнце) и *Гонъ* или *Фонъ* (происхожденіе).

Мандарины произносили это слово *Ши-пенъ*, а на сѣверномъ китайскомъ нарѣчій *Зиппенъ*; отсюда произошло *Ци-пан-гу* (*гу* значить по китайски государство), т. е. государство восходящаго солнца. Такъ думали въ Европѣ, во время Колумба, по свѣдѣніямъ Марко-Поло. Японская Имперія называется, на чи-

(*) Зибольдъ иногда пишетъ *Sikok'*, иногда *Sikok* (*безъ апострофа*). Фишеръ всегда пишетъ *Sikok's*, какъ Кемпферъ. Также писалъ и Тунбергъ.

стомъ японскомъ языкѣ и на языкѣ стихотворномъ, *Гиномото*, что значить то же, что и *Ци-пан-гу*. Также называютъ ее *Ямато*, страна горъ; выраженіе это употребляется часто. Замѣтимъ только, что слово *Ниппонъ* означаетъ весь большой островъ, а слово *Ямато* преимущественно прилагается къ той части острова, гдѣ находится древняя столица микадо (законнаго владѣтеля Японіи). Но вся совокупность Японскихъ заведеній называется туземцами *Дан-Ниппонъ* (Большой *Ниппонъ*).

Геологическое устройство.

Названіе страны горъ весьма прилично Японіи, какъ потому, что вся она устлана горами, такъ и потому, что эти горы или вулканическаго происхожденія или до-сихъ-поръ выбрасываютъ дымъ, а иногда пламя. По всей линіи Ниппона тянется цѣль горъ средней величины, довольно однообразныхъ; изъ нихъ выходятъ нѣсколько вершинъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами. Эта линія раздѣляетъ рѣки: восточныя и южныя впадаютъ въ Тихій Океанъ, сѣверныя въ Японское Море.

Китайскія лѣтописи увѣряютъ, что гора *Фузи*, высочайшая изъ горъ Ниппона и всей Японіи, поднялась изъ земли въ 285 г. до

Р. Х.; въ то же время значительное углубленіе почвы, въ одну ночь, произвело большое озеро *Мицу*, или *Оицъ*, близъ *Міако* (*Зибольдъ* на большой своей картѣ называетъ его *Бивако*). Гора *Фузи* или *Фузи-яма*, — огромная, усѣченная пирамида, въ провинціи *Суруга*. Долго слыла она неугомоннымъ и самымъ опаснымъ волканомъ въ цѣлой Японіи. Въ 799 г., одно изверженіе продолжалось 34 дня; оно было ужасно; пепелъ покрылъ всю подошву горы, и сосѣдніе потоки окрасились въ красный цвѣтъ. Было еще изверженія въ 800 г., а потомъ еще два, въ 863 и 864; имъ предшествовали сильныя землетрясенія. Последнее было самое страшное. Пламя поднималось надъ горою на значительную высоту, и страшные удары грома сопровождали ужасныя конвульсіи земной коры. Ощущены были три постепенныя землетрясенія: 10 дней горѣла гора, и наконецъ раскрылась у подошвы съ оглушительнымъ трескомъ. Бѣдствія, причиненныя этимъ грознымъ явленіемъ, разлились на пространство 30 миль; лава текла на пространство 4 мили. Наконецъ, въ 1707 г., слышались два сильные удара; гора *Фузи* снова разверзлась и начала изрыгать пламя и пепелъ, разбрасывая его на десять льѣ. На другой же день изверженіе прекратилось; но возобновилось съ большею яростію на третій и на

четвертый день. Сосѣднюю площадь совершенно покрыли огромные обломки утесовъ, раскалившіеся пески и груды пепла. Пепелъ переброшенъ въ отдаленныя мѣста и покрылъ почву около Іедо на нѣсколько дюймовъ.

Сира-яма (Бѣлая гора), увѣнчанная вѣковыми снѣгами, находится въ провинціи *Кага*, на полтора градуса къ сѣверу отъ *Міако*, и тоже выбрасываетъ пламя. Главнѣйшія ея изверженія случились въ 1239 и 1554 г.

Въ настоящее время считается пять огнедышащихъ горъ на островѣ *Кіузіу*: *Митака*, *Киризима-яма*, *Азо-яма*, *Вунценъ* и *Цурами-яма*. Изъ нихъ самый страшный *Вунценъ*, находящійся на полуостровѣ *Симабара*; онъ знаменитъ изверженіемъ 1792 года; высота его въ 1253 метра надъ уровнемъ моря.

«Эта огнедышащая гора, говоритъ *Зибольдъ*, которой метательная сила далеко не истощилась, занимаетъ почти середину полуострова *Симабара* (поля на островѣ), въ восточной части провинціи *Фицена*. *Вунценъ* имѣетъ форму усѣченной пирамиды. У него три вершины на лѣвой, и четыре на правой сторонѣ; всѣ онѣ, кромѣ самой южной, которая приплюснута, носятъ характеръ вулканическаго происхожденія. Со времени страшнаго изверженія въ 1792 г. *Вунценъ* внушаетъ страхъ и трепетъ окрестнымъ жите-

лямъ. Его печальный и гордый видъ, огромный и обвалившійся кратеръ, изъ котораго безпрестанно вырывается дымъ и таетъ туманными облаками, ясно показываютъ, что этотъ обширный резервуаръ, уже нѣсколько разъ причинявшій страшныя бѣдствія, можетъ нанести ихъ и въ будущемъ. Это предположеніе кажется очень вѣроятнымъ, когда видишь, что новые кратеры образовались тамъ, гдѣ толща земли не могла удержать стремленія вулканической жидкости, волновавшейся въ ея нѣдрахъ, или когда видишь множество источниковъ, текущихъ въ разныя стороны по бокамъ Вунцена; воды ихъ всегда кипятъ. Безпрерывныя землетрясенія, часто очень сильныя, сопровождаемыя изверженіями старыхъ и новыхъ кратеровъ, заставляють еще болѣе думать, что непременно наступитъ новая катастрофа.

«Исторія не упоминаетъ объ изверженіяхъ этой огнедышащей горы до конца прошедшаго вѣка; но нѣтъ сомнѣнія, что за тысячу лѣтъ прежде, ихъ было нѣсколько; въ царствованіе микадо Момму, въ 701 году, выстроенъ на берегу храмъ, посвященный *Духу Горы*, и окрестные жители приносили ему въ жертву начатки плодовъ земныхъ. По смыслу древняго богослуженія *ками*, такая жертва могла приноситься только для успокоенія гнѣва *Духа Горы*; а это и показываетъ, что

были уже разрушительныя изверженія. Но не станемъ искать доказательствъ въ преданіяхъ отдаленной старины, или даже въ новѣйшей исторіи: эти доказательства мы найдемъ въ формации всего полуострова и большей части острова *Кіузіу*, покрытаго сопками; изъ нихъ нѣкоторыя потухли, а другія бросаютъ, каждый годъ, воспламененныя вещества старыми и новыми отверстіями. Вунценъ только рукавъ той огромной подземной огненной рѣки, которая течетъ отъ Молуккскихъ и Филиппинскихъ острововъ, проходитъ черезъ *Ліу-Кіу* и японскій архипелагъ, тянется вдоль Курильскихъ острововъ до Камчатки и исчезаетъ въ вѣчныхъ сѣверныхъ снѣгахъ. Вотъ что исторически извѣстно о послѣднемъ изверженіи Вунцена:

«18 числа перваго мѣсяца четвертаго года *Квансеи* (1792 г.), въ пять часовъ по полудни, вершина волкана внезапно упала, и столпъ густаго дыма поднялся въ воздухъ. 6-го числа слѣдующаго мѣсяца послѣдовало изверженіе изъ горы *Бивоно-куби*, находящейся на восточномъ скатѣ волкана, разстояніемъ на одинъ японскій *ри* отъ вершины. 2-го числа третьяго мѣсяца разразилось сильное землетрясеніе по всему острову *Кіузіу*; земля въ *Симабарѣ* такъ дрожала, что люди не могли держаться на ногахъ. Повсюду распространились трепетъ и отчаяніе; удары

слѣдовали одинъ за другимъ съ страшною быстротою. Волканъ безпрестанно изрыгалъ множество камней, пепла и лавы, которые опустошали окрестность на пространства нѣсколькихъ миль. Наконецъ, въ первый день четвертаго мѣсяца, около полудня, случилось новое потрясеніе, повторявшееся ежеминутно все сильнѣй и сильнѣй. Уже городъ Симабара превратился въ груды развалинъ; огромные обломки утесовъ, катившіеся съ высоты горы, давили все, что встрѣчалось имъ на пути; громъ гремѣлъ надъ головами и подъ ногами жителей; и вдругъ, послѣ минутнаго покоя, когда воображали, что опасность миновалась, *Міокенъ-яма*, сѣверный кратеръ Вунцена, разразился страшнымъ грохотомъ. Большая часть этой горы взлегла на воздухъ, колоссальныя глыбы утесовъ падали въ море; рѣка, полная кипятку, потекла изъ новаго кратера къ морю, которое въ то же время заливало берегъ. Тутъ произошло явленіе безпримѣрное, вселившее еще болѣе ужаса въ несчастныхъ очевидцевъ этого грознаго переворота. Изъ столкновенія двухъ стихій образовались смерчи и понеслись по берегу, разрушая все, что имъ ни попадалось. Нельзя представить себѣ, до какого разоренія доведены были Симабарскій полуостровъ и берегъ Фиго этимъ землетрясеніемъ, изверженіями Вунцена и другихъ

огнедышащихъ горъ, на немъ находящихся. Бѣрега нельзя было узнать. Всѣ зданія въ городѣ и въ окрестности разрушились, кромѣ цитадели, построенной циклопически изъ огромнѣйшихъ камней. Говорятъ, что 53,000 человѣкъ погибло въ этотъ роковой день. Видя такія послѣдствія, понимаешь, почему Японцы считаютъ землетрясеніе и волканическія изверженія главнѣйшими бичами своего отечества.

«Въ Децимѣ тоже ежегодно замѣчаютъ землетрясенія. 10-го декабря 1825 г. настъ вдругъ разбудилъ ударъ, за которымъ послѣдовало нѣсколько другихъ 23 и 24 числа того же мѣсяца. Самые сильные удары чувствовали мы вечеромъ 26-го мая 1828 г. Первый продолжался цѣлую минуту и былъ такъ силенъ, что мы думали, всѣ дома развалятся. Дѣйствительно, стѣна, окружавшая Дециму, довольно плохая, треснула въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Испуганныя птицы вертѣлись въ воздухѣ и хлопали крыльями, и жалобные крики воронъ и воробьевъ одни прерывали мрачное безмолвіе природы. При каждомъ землетрясеніи въ Японіи мы замѣчали особенное спокойствіе, очень сухой воздухъ и ясное небо. Грязный каналъ, отдѣляющій Дециму отъ города, испарялъ мѣсяцъ болѣе, чѣмъ обыкновенно; это должно приписать не развитію подземныхъ газовъ, а

болотистымъ испареніямъ, которыя были подняты потрясеніемъ съ самаго дна. Во время ночи, случилось еще нѣсколько колебаній. Землетрясеніе было еще чувствительнѣе на островѣ Амакса, въ 8 нѣмецкихъ миляхъ на юго-западъ отъ нашего, и тамъ видѣли въ морѣ феноменъ, похожій на водяной вулканъ. Въ то же время провалились угольные копи на островѣ Такаразима, въ сорока нѣмецкихъ миляхъ на юго-западъ отъ Нагазаки; а въ 4 миляхъ отъ насъ, на мысѣ Гомо, каменный идолъ скатился съ холма на равнину. Вулканъ тоже не оставался спокойнымъ; лѣтомъ, когда возобновились землетрясенія, онъ нѣсколько разъ изрыгалъ пламя; такія же сильныя изверженія видны были на Азо (вулканъ въ провинціи Фиго) и на *Митаке* (вулканъ на островѣ *Сакуразима*, въ провинціи *Сакура-ма*). Жители острова Ниппона и даже жители Иедо чувствовали легкія колебанія земли. Такимъ образомъ мы можемъ опредѣлить въ 8 градусовъ широты и 7 градусовъ долготы пространство, на которомъ дѣйствовала огненная подземная рѣка; оно оказалось бы еще обширнѣе, еслибъ мы знали болѣе подробностей. Напримѣръ, въ Камчаткѣ, въ 1828 г. случилось изверженіе Авачи. По наблюденіямъ, сообщеннымъ намъ въ Японіи отъ людей достойныхъ вѣроятія, вулканы выбрасываютъ пламя обыкновенно при началѣ при-

Филиппины . Митакэ .

ОГНЕДЫШАЩАЯ ГОРА МИТАКЭ .

лива, и послѣ изверженій и землетрясеній всегда слѣдуютъ наводненія, причиняемые приливомъ, чрезвычайно высокимъ. Увѣряютъ также, что во время этихъ страшныхъ явленій слышенъ подземный шумъ, похожій на ревъ бури. Впрочемъ, въ Японіи все убѣждены, что землетрясеніе отдается на морѣ. Туземцы метеорологи вѣрно предсказываютъ атмосферическія перемѣны, судя по времени, когда начинается колебаніе земли. Въ полдень или полночь, оно наноситъ эпидеміи; въ 2 или въ 6 часовъ утра, оно предвѣщаетъ бурю, а если случается въ остальные часы дня или ночи, то обѣщаетъ хорошую погоду. Довѣрчивый поселянинъ слушаетъ эти предсказанія и неограниченно вѣритъ имъ; по его мнѣнію, подземныя колебанія производятъ чудовищный вѣтъ, ударяя хвостомъ въ берегъ. Японцы, занимающіеся физикою, видятъ въ этихъ явленіяхъ, по китайской системѣ, борьбу между элементами воздушными (*éthérés*) и земными, а въ послѣднее время, ученѣйшіе изъ нихъ согласились въ этомъ отношеніи съ европейскими понятіями. Многія изъ горъ содержатъ минеральные источники, замѣчательные или по высокой температурѣ или по цѣлительной силѣ. Два источника, одинъ на сѣверномъ скатѣ Вунцена, другой на южномъ, называемые *Ого-цигокъ*, (*Большой-адъ*) и *Ко-цигокъ* (*Малый адъ*), пользу-

ются печальною историческою извѣстностію, потому-что служили орудіемъ во время гоненія христіанъ. Клапротъ, исчисляя японскія горы (въ *Journal Asiatique* 1831), замѣчаетъ, что, по мнѣнію Японцевъ, въ ихъ странѣ *десять адовъ*: 6 volcanовъ и 4 горы, извѣстныя по минеральнымъ источникамъ. Въ провинціи *Синако*, большое озеро *Бивако* окружено теплыми источниками; въ другихъ мѣстахъ замѣчены нефтяные источники и испаренія водороднаго газа.

Породы, составляющія основу горъ, и неправильные камни (*blocs erratiques*), встрѣчаемые на поверхности земли, весьма различны. Трахитъ и базальтъ встрѣчаются чаще всего. Горы поднимаются или отдѣльно или сжатыми группами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рука человѣка истребила и сравняла крутизны, но во многихъ другихъ каменистая почва горъ сопротивляется могущественному вліянію времени и человѣческой промышленности. Среди обработанныхъ полей случается видѣть массы первородныхъ утесовъ изумительной величины.

Въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются пластическая глина и мергель, въ другихъ—тонкіе слои глины, перемѣшанные съ каменнымъ углемъ, огромныя количества полевого шпата и цѣлыя горы фарфоровой глины превосходнаго качества. Около *Гомандаке* гнейсъ и гипсъ

соединяются въ составъ горы, и огромные обломки гранита лежатъ подъ песчаными пещерами.

Намъ остается сказать объ озерахъ и рѣкахъ Японіи. Сколько извѣстно, ни одинъ европейскій путешественникъ не посѣщалъ еще озера Оицъ, (Мицу, или Бивако).

Въ длину оно имѣетъ болѣе 20 льё, а наибольшая его ширина 7 льё. Прочія озера извѣстны только по весьма неопредѣленнымъ рассказамъ Японцевъ и по положенію, которое дано имъ на географическихъ картахъ.

Рѣкъ очень много, но всѣ онѣ текутъ на незначительномъ пространствѣ. Важнѣйшія изъ нихъ: *Юво-гава*, *Тенвео-гава* и *Ара-гава*. Нѣкоторыя рѣки называются разными именами; каждой части рѣки присвоено особое имя.

Климатъ.

Объ Японскомъ климатѣ путешественники говорятъ очень различно. Нѣкоторые даже противорѣчатъ сами себѣ; къ числу ихъ принадлежитъ и Кемпферъ, — разсудительный и аккуратный Кемпферъ. Противорѣчія эти надобно приписать тому, что старинные наблюдатели не умѣли подчинять мѣстныя наблюденія общимъ правиламъ физической географіи. Японія дѣйствительно представляетъ чрезвычайную смѣсь климатовъ, по

своему сложенію. Этотъ огромный архипелагъ относится къ азіатскому матеріку, какъ спутникъ къ планетѣ, принимаетъ вліяніе этой массы и въ то же время имѣетъ свой собственный характеръ, свое особенное физическое существованіе, словомъ, свое особенное устройство. Зибольдъ мастерски оцѣнилъ вліяніе, на которое мы теперь намекаемъ, и изложилъ его причины и послѣдствія съ удивительною ясностію, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Всего вѣрнѣе то, что сами Японцы чванятся климатомъ, хотя погода у нихъ не востоянна и перемены въ температурѣ случаются очень часто. Нерѣдко цѣлый рядъ идутъ дожди, особенно въ июль и июль мѣсяцахъ, которые поэтому называются *сацуки* (водяные мѣсяцы). Однакожъ, въ Японіи нѣтъ, какъ въ самыхъ жаркихъ тропическихъ странахъ, особаго времени года для дождей. Громъ и молнія въ Японіи очень часты.

Перейдемъ къ важнымъ условіямъ, которыя особенно измѣняютъ климатъ Японіи. Восточная часть Европы и огромнѣйшій азіатскій материкъ гораздо холоднѣе, подъ тою же широтою, чѣмъ западная Европа, принимая даже въ соображеніе возвышенія ихъ надъ уровнемъ моря. Климатъ на островахъ всегда теплѣе климата на материкѣ, и потому трудно понять, какимъ образомъ Японія не те-

плѣ европейскаго и азійскаго материка, подъ тою же широтою. Но причина кажущагося противорѣчія заключается въ холодномъ климатѣ Азіи, которая имѣетъ рѣшительное вліяніе на температуру Японіи и Курильскихъ острововъ, потому что обнимаетъ ихъ съ запада и съ сѣвера. Отъ близости континента и отъ вѣтровъ, которые дуютъ съ этой стороны въ продолженіе нѣкоторой части года, происходятъ сильныя холода, особенно въ сѣверной и сѣверо-западной части Японіи. Этимъ объясняется, почему *Сиро-яма* (*Бѣлая гора*), находящаяся на западномъ берегу Ниппона, подъ 36° широты, покрыта вѣчнымъ снѣгомъ въ 2500 метрахъ надъ уровнемъ моря, и почему *Фузи-яма*, лежащая на восточной оконечности острова и поднимающаяся на 3793 метра, сбрасываетъ съ себя снѣгъ въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, Японія пользуется климатомъ тропическихъ и умѣренныхъ странъ. Общій взглядъ на ея произведенія покажетъ, что Японія, вслѣдствіе этого счастливаго климата, находитъ въ самой себѣ такія средства, которыя позволяютъ ей отдѣляться отъ другихъ странъ, какъ своей политикой, такъ и бурнымъ моремъ, крутыми берегами и подводными камнями, которые, какъ будто защищаютъ ее отъ набѣговъ европейскихъ мореплавателей.

Главныя произведенія.

Кемпферъ, въ статистическомъ описаніи Японіи, указываетъ на разныя произведенія, свойственныя разнымъ провинціямъ, даже разнымъ уѣздамъ, и посвящаетъ особыя главы разсмотрѣнію огромныхъ сокровищъ японскаго архипелага въ отношеніи къ тремъ царствамъ природы. Вотъ что выводитъ онъ изъ своихъ наблюденій:

«Японія страна каменистая, по которой тянутся высокія и крутыя цѣпи горъ; она была бы совершенно безплодною, еслибъ не воздѣлывали ее съ чрезвычайнымъ терпѣніемъ и искусствомъ. Но даже и въ этомъ природа благопріятствовала жителямъ: наружная негодность земли и необходимость тщательной обработки внушаютъ имъ похвальный духъ промышленности и труда. Впрочемъ, климатъ такъ благопріятенъ, что самыя крутые холмы и высокія горы, при усердной воздѣлкѣ, достаточно вознаграждаютъ усилія земледѣльца. Безплодныя мѣста, даже совершенно негодныя къ обработкѣ, остаются несовсѣмъ безполезными. Такая многочисленная нація, какъ Японцы, незнакомая съ лѣнью и притомъ невыходящая изъ тѣсныхъ предѣловъ своихъ, должна была научиться употреблять разныя произведенія, доставляемыя землею или моремъ, не только для поддержанія жизни, но

и для ея пріятства и удовольствія. Трудно вообразить, чего бы они не подавали на столъ съ разными приправами; многіе предметы, отвергаемые другими народами, входятъ въ составъ ихъ десерта и самыхъ лакомыхъ блюдъ.

Лѣса, болота, бесплодныя земли доставляютъ имъ растенія и коренья, которыя служатъ къ изобилію и украшенію обѣдовъ. Море доставляетъ имъ множество рыбъ, травъ, раковинъ маленькихъ морскихъ животныхъ, голотурій и тому подобное. Вредныя качества нѣкоторыхъ рыбъ не мѣшаютъ пользоваться ими: природа не даромъ дала Японцу крѣпкое тѣло, и умъ, способный къ самымъ остроумнымъ изобрѣтеніямъ. Земля плодоносная, но трудная для обработки, какъ въ Японіи, заставляетъ ея жителей заниматься промышленностью: безъ этого они не были бы трудолюбивы, предались бы безпечности и лѣни. Такимъ образомъ негры, въ жаркомъ климатѣ, надѣются на превосходное качество земли, которая доставляетъ имъ всѣ жизненныя потребности безъ труда, и потому живутъ безпечно и лѣниво, какъ дикіе звѣри. Можетъ быть, замѣтятъ, что страна непременно должна быть несчастна, когда въ ней удерживаютъ жителей какъ плѣнниковъ, и мѣшаютъ имъ торговать и имѣть сношенія съ сосѣдями; и страна притомъ такъ

раздѣлена, такъ прѣрѣзана разными морскими рукавами, которые образуютъ множество острововъ. Отвѣчу на такое замѣчаніе, что въ этомъ-то и является красота природы въ яркомъ блескѣ: эти разные острова въ Японіи тоже самое, что разные страны на земномъ шарѣ. Они отличаются одинъ отъ другаго и почвой и положеніемъ; поэтому производятъ разные необходимые для жизни предметы; все, чего можно пожелать, производится въ какой нибудь провинціи или на какомъ нибудь островѣ, и въ такомъ количествѣ, что провинція снабжаетъ всю имперію. Золото добываютъ въ *Озуи*, *Садо*, *Сиригъ* и *Сацуумъ*; серебро—въ *Кетшаман* и *Бунго*; мѣдь—въ *Сиригъ*, *Ацингано* и *Киньокунн*; свинецъ въ *Бунго*; желѣзо въ *Битъя*. *Цикузуръ* доставляетъ каменный уголь, а *Оно* древесный уголь. Огнедышащая гора *Ивогазима* выбрасываетъ множество сѣры; сверхъ того, сѣру добываютъ въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ. Въ *Фиценъ* есть бѣловатая глина, которая хорошо замѣняетъ фарфоръ. Изъ *Тосса*, *Офава* и *Аки* вывозятъ много лѣса. *Ногатта* производитъ быковъ; *Осю* и *Сацуума*—лошадей; *Ганга* изобилуетъ рисомъ; *Цикусенъ* каштанами, *Ваказа*—винными ягодами и другими плодами. Берега провинціи *Оку* доставляютъ множество раковинъ, а берега *Низи-Ямма* замѣчательны морскими растеніями. Вообще берега доставля-

ють Японіи огромное количество рыбы, не говоря уже о разномъ хлѣбѣ, горохѣ и овощахъ, которые изобильно произрастаютъ въ извѣстныхъ провинціяхъ, и о множествѣ предметовъ, служащихъ для одежды и полезныхъ для фабрикъ. Жемчугъ находятъ въ заливѣ *Омурскомъ*, сѣрый янтарь на берегахъ острововъ *Лиу-Киу* и провинцій *Сацумы* и *Кійнокуни*; драгоценные камни въ *Цугарѣ*. Японцы не выписываютъ лекарствъ изъ иностранныхъ владѣній: множество холмовъ и долинъ производятъ, на всемъ пространствѣ государства, всѣ растенія и деревья, какія могутъ произрастать въ разныхъ климатахъ».

Кемпферъ, въ этихъ строкахъ, изложилъ перечень естественныхъ богатствъ Японіи; современные путешественники подтверждаютъ вполне его слова и говорятъ даже гораздо больше. Особенно богато царство минеральное. Золота очень много въ Японіи; но разработка рудниковъ или золотоносныхъ песковъ не совершенна или ограничена благоразумною осторожностью правительства. Серебро рѣдко и находится особенно на сѣверѣ; олово превосходнѣйшаго качества; японская мѣдь славится въ цѣломъ мірѣ; желѣзо изобильно и изъ него приготавливаютъ удивительную сталь; сѣры очень много, и проч. Добываніе жемчуга доставляетъ казнѣ огромный доходъ. Алмазы, топазы и другіе драгоценные камни

не рѣдки. Многія мѣста богаты каменнымъ углемъ, известью, фарфоровой глиной и пр.

Растительное царство представляетъ въ Японіи разнообразную смѣсь произведеній полезныхъ или пріятныхъ. Зибольдъ занимательно описываетъ развитіе растительности въ лучшихъ провинціяхъ имперіи, и такъ обрисовываетъ богатства японской флоры:

«Растительность японскихъ острововъ измѣняется ежегодно четыре раза, по временамъ года, какъ и у насъ, и въ каждую эпоху поля представляютъ новый видъ; но переходъ временъ года отличается отъ такого же перехода въ сѣверныхъ странахъ тѣмъ, что лѣто переходитъ въ осень и осень въ зиму гораздо быстрѣе, чѣмъ зима въ весну. Въ первые дни года, природа, страдавшая отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра и спавшая подъ пеленою снѣга, вдругъ просыпается, и черезъ нѣскольکو недѣль на поляхъ весна. Въ продолженіе февраля, марта и апрѣля много уже цвѣтовъ и полезныхъ фруктовъ. Въ маѣ, дѣятельность человѣка соперничествуетъ съ плодотворностью природы. Берега, завоеванные у лавы, превращаются въ поля, расположенныя амфитеатромъ; ихъ содержатъ точно сады. Такая дробная обработка земли удивляетъ путешественника и приводитъ въ восторгъ. Въ іюнѣ, зелень, темнѣя, показываетъ наступленіе лѣта. Бамбукъ, пальмы, банановыя деревья

развиваютъ въ іюлѣ свою тропическую растительность. Померанцы и разныя ароматическія растенія наполняютъ воздухъ благоуханіемъ своихъ цвѣтовъ. Наконецъ наступаетъ дождливая пора, и съ нею начинаются сельскія работы, приготовляющія новую жатву, которая, однакожъ, не богаче первой. До конца августа, кажется, что растительность остановилась; плоды и сѣмена зрѣютъ. Въ сентябрѣ и октябрѣ, являются новые, осенніе цвѣты, и опять разцвѣтаютъ весеннія растенія. Это самое благопріятное время для рѣпы, моркови, рѣдьки и картофеля (онъ воздѣлывается Японцами не для себя, а для Голландцевъ, живущихъ въ факторіи). Скоро наступаетъ зима, растительный міръ засыпаетъ, и просыпается не ранѣе первыхъ дней января.

«Сношенія, которыя имѣла Японія въ продолженіе десяти вѣковъ съ сосѣднимъ материкомъ, особенно съ Китаемъ и Кореей, и съ южными островами изъ группы Ліу-Киу, обогатили ея флору множествомъ экзотическихъ растеній; изъ нихъ иныя полезны, другія только красивы. Поэтому, въ самыхъ многолюдныхъ провинціяхъ, пейзажъ носитъ характеръ иностранный, облагоустроенный могуществомъ искусства. Природа создала въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ стоятъ храмы и монастыри, прелестные сады, въ которыхъ

растетъ множество азалей, камелій, маку, разныхъ цвѣтовъ, великолѣпныхъ лилій; на берегахъ, гдѣ живутъ бѣдные рыбаки, она поставила рощи каштановыя и дубовыя, которыхъ плоды, пріятные и легкіе (*), питаютъ рыбаковъ, а вѣтви этихъ деревьевъ даютъ тѣнь ихъ скромнымъ жилищамъ. Промышленности нѣсколькихъ поколѣній прекрасная страна обязана настоящею превосходною своею обработкой. Ея апельсины, гранаты, груши, абрикосы, персики и множество растеній, извѣстныхъ въ Японіи подъ именемъ *Varonisa*, — иностраннаго происхожденія; изъ пятисотъ главныхъ растеній, служащихъ для украшенія или на пользу, болѣе половины, навѣрное, вывезены изъ-за-границы».

Не много изучали животное царство въ Японіи, особенно до Зибольда. Мы ничего не имѣемъ, кромѣ общихъ свѣдѣній. Въ японскихъ моряхъ много рыбы; рыба, морскія растенія составляютъ съ рисомъ и другими хлѣбами главную основу пищи Японцевъ. Странные предразсудки мѣшаютъ имъ употреблять мясо весьма многихъ животныхъ.

(*) Да позволятъ намъ усомниться въ пріятности и легкости желудей и каштановъ, которые Зибольдъ выставляетъ здѣсь превосходною пищею. Желудями можно питаться; — но хвалить такую пищу нельзя!

(Прим. Жансина.)

Молоко и масло имъ не извѣстны. Буйволы и горбатые быки часто встрѣняются въ Японіи, но служатъ только для земледѣльческихъ работъ или для перевозки тяжестей. Лошадей очень много, и нѣкоторыя породы заслужили справедливую похвалу; но нѣтъ ни ословъ, ни лошаковъ; нѣтъ слоновъ и верблюдовъ; свиней немного; собакъ и кошекъ множество. Изъ дикихъ четвероногихъ встрѣчаются олени и лани, медвѣди небольшого роста, гіены, зайцы, и очень много лисицъ. Лисица пользуется въ Японіи особеннымъ уваженіемъ. Простой народъ вѣритъ, что въ нихъ сидитъ бѣсъ, и есть много сочиненій, въ которыхъ рассказываются баснословныя исторіи о лисицахъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ водятся обезьяны. «Вся страна, говоритъ Кемпферъ, наполнена крысами и мышами». О большихъ плотоядныхъ звѣряхъ не слышно, но Японцы вѣрятъ существованію многихъ фантастическихъ животныхъ или чудовищъ по наружности и по необыкновеннымъ привычкамъ. Между птицами множество породъ, особенно между водяными. Домашней птицы тоже много; она отличается красотой перьевъ; пресмыкающихся мало, за то удивительное разнообразіе породъ насекомыхъ. Кемпферъ входитъ въ подробности, описывая животное царство въ Японіи (Т. I, Гл. X, стр. 107 и слѣд.). Зибольдъ уже напеча-

талъ много любопытныхъ зоологическихъ свѣдѣній, которыя разсѣяны по описанію поѣздки его въ Іедо; но не написалъ еще ничего общаго объ японской зоологіи, а *Фауна* его еще не поступила въ печать.

ОБЩІЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

О происхожденіи японскаго народа историки, филологи и физиологи никакъ не могли согласиться. Японцы считаютъ себя автохтонами и увѣряютъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ Китайцами. Кемпферъ, Головинъ, Клапротъ, Зибольдъ поддерживаютъ это мнѣніе. Зибольдъ полагаетъ, что Японцы происходятъ отъ татарскаго племени, населяющаго сѣверо-востокъ азійскаго континента; Клапротъ, Кемпферъ и Головинъ не согласны съ нимъ. Головинъ сознается, что вопросъ о происхожденіи затемненъ мракомъ отдаленнѣйшей древности, но увѣряетъ, что Японцы и Курильцы составляли прежде одинъ народъ и что происхожденіе у нихъ одинаковое. Кемпферъ производитъ ихъ отъ Вавилонянъ и заставляетъ путешествовать черезъ всю Азію, по дорогѣ, которую озна-

часть до конца Кореи, а оттуда они легко могли переѣхать на Ниппонъ! Въ тоже время онъ доказываетъ (и гораздо убѣдительнѣе), что между ними поселились выходцы изъ Китая и другихъ странъ, но Японцы существенно отличаются отъ этихъ народовъ, и особенно отъ Китайцевъ, физическими признаками, нравами, языкомъ, первоначальною религіею, и главное, умственнымъ направлениемъ. Истина этого факта обнаружена вполне Клапротомъ и Зибольдомъ. Какъ ни любопытны подробности преній объ этихъ этнографическихъ элементахъ, мы должны ограничиться одними общими свѣдѣніями, и чтобы дать читателю понятіе о нынѣшнихъ чертахъ японской породы, укажемъ на свидѣтельство Зибольда, который наблюдалъ разные классы народа съ точки болѣе ученой и полной, чѣмъ его предшественники. Правда, у насъ передъ глазами только бѣглый очеркъ народонаселенія въ провинціяхъ острова *Kiû-siu*, но авторъ увѣряетъ, что тутъ изображены всѣ различныя черты народнаго характера, а на увѣреніе Зибольда можно положиться.

Онъ дѣлитъ все народонаселеніе на прибрежныхъ жителей, жителей внутреннихъ провинцій и горожанъ, потому что они различаются лицомъ, языкомъ, нравами и характеромъ.

«На берегахъ и множествѣ прибрежныхъ острововъ живутъ рыболовы и моряки, люди низенькіе, но крѣпкіе; кожа ихъ смуглѣе, чѣмъ у прочихъ классовъ. Волосы у нихъ чаще черные, нѣмъ рыжевато-темные, особенно выются у тѣхъ людей, у которыхъ лицевой уголъ очень рѣзокъ (*très prononcé*), губы раздуты, носъ малъ, въ родѣ орлиного; ловкость, постоянство, смѣлость, искренность, недоходящая до дерзости, природная привѣтливость и желаніе угодить, похожее на повиновение: вотъ характеристическія черты прибрежныхъ японскихъ жителей.

«Жители внутреннихъ провинцій въ *Kiyu-юу*, занимающіеся наиболѣе земледѣліемъ, гораздо выше ростомъ; ихъ легко узнать по широкому и приплюснутому лицу, по выдавшимся скуламъ, толстому и придавленному носу, огромному рту, по темнымъ волосамъ, часто принимающимъ рыжеватый оттѣнокъ, и по цвѣту кожи, которая побѣлѣе. У земледѣльцевъ, которые цѣлый день на воздухѣ и на солнцѣ, кожа становится красною; у женщинъ, неподвергающихся атмосферическимъ вліяніямъ, кожа обыкновенно бѣлая и тонкая; на щекахъ молоденькихъ дѣвушекъ даже горитъ яркій румянецъ.

«Это сельское населеніе трудолюбиво, воздержно, набожно и ласково, и потому щедро и гостепріивно. Его природная ди-

кость, умѣряемая съ юности постояннымъ соблюденіемъ формъ туземной учтивости и этикета, не лишена нѣкотораго благородства, и никогда не переходитъ въ грубость, какъ у европейскихъ поселянъ. Напротивъ того, фиценскіе поселяне страдаютъ недостаткомъ, который всегда встрѣчается въ добрыхъ и ласковыхъ людяхъ, они черезъ-чуръ церемонны.

«Рыболовы, породнившіеся съ поселянами, живущими около городовъ, составляютъ нисшій и промышленный классъ городского населенія; у бѣльшей части типъ обѣихъ породъ сохранился до нынѣ, потому что духъ касты допускаетъ только браки, приличные по рожденію и общественному положенію. Впрочемъ, хотя торговля *горожанъ*, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не облагородила ихъ ни въ нравственномъ отношеніи, ни въ физическомъ, однакожъ во всей этой огромной имперіи нѣтъ и слѣдовъ того народонаселенія большихъ европейскихъ городовъ, которое кладетъ пятно на современную образованность.

«Въ городахъ Фицена, какъ во всѣхъ княжескихъ резиденціяхъ и во всѣхъ торговыхъ мѣстахъ Японіи, высшіе классы какъ-будто вылиты въ одну форму, которой прототипъ представляютъ Іедо и Огозака. Трудно найти вельможу, который воспитывался бы не въ

столицѣ сіогуновъ (Sjôgoun), какъ законы повелѣваютъ; большая часть чиновниковъ и офицеровъ у князей образовались въ канцеляріяхъ и во дворцахъ ихъ. Точно также каждый извѣстный негоціантъ получаетъ торговое воспитаніе въ Огозакѣ, самомъ богатѣйшемъ городѣ имперіи, который путешественникъ Тунбергъ, въ 1776 году, называлъ другимъ Парижемъ.

«Мы умышленно не сказали ни слова о Міяко, непремѣнномъ мѣстопробываніи *микадо* или наслѣдственныхъ императоровъ; при дворѣ этой династіи, пережившей двадцать вѣковъ, простота нравовъ, поддерживающая силу способностей и чистоту чувствъ, покровительствуетъ развитію наукъ и искусствъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Міяко стоитъ выше всѣхъ другихъ японскихъ городовъ.

«Нагазаки, одинъ изъ центровъ торговли, сдѣлавшійся уже болѣе вѣка театромъ дѣйствій китайскихъ ростовщиковъ и грубости европейскихъ моряковъ, и посѣщаемый купцами, опытными въ обманахъ, стоитъ гораздо ниже древней столицы по образованности и нравственности.... Въ этомъ городѣ, частыя появленія иностранцевъ имѣли вліяніе на нравы и обычаи жителей. Буддисты отличаются особеннымъ характеромъ въ Нагазаки и во всей провинціи: грубые и гордые, они

не пользуются общественнымъ уваженіемъ. Гоненія на христіанъ въ XVII вѣкѣ, особенно сильныя въ Фиценѣ, возвели этихъ отшельниковъ до высшей степени гордости; но они скоро попали опять въ презрѣніе. Напротивъ того, вѣра нами особенно уважаема въ этой части имперіи, гдѣ уже не осталось и слѣдовъ христіанства».

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ВЪ ЯПОНИИ.

Любопытно видѣть, какія впечатлѣнія получаетъ просвѣщенный наблюдатель при первомъ взглядѣ на Японию и ея жителей. Съ этою цѣлю мы займемъ у Зибольда рассказъ о прибытіи его въ голландскую контору въ *Нагазакки*.

«Послѣ сильной бури, 5 августа 1823 г., на разсвѣтѣ мы увидѣли совершенно разбитый корабль, дрейфовавшій на двухъ якоряхъ. У него не было уже ни мачтъ, ни парусовъ. Сначала мы подумали, что это китайская джонка; подѣхавъ поближе, увидѣли по флагу, означавшему опасность, что корабль японскій. Сила вѣтра В.С.В. отбивала его отъ берега; но мы, не взирая на жестокий вѣтеръ и бѣшенство валовъ, послали шлюпку на помощь несчастнымъ. Нашъ капитанъ самъ захотѣлъ править шлюпкой и

послѣ неимовѣрныхъ усилій успѣлъ достигъ до разбитаго корабля. Японцы встрѣтили Голландцевъ какъ спасителей и, видя невозможность добраться до берега въ разбитомъ кораблѣ безъ мачтъ, рѣшились бросить его и перейти къ намъ. Можно подумать, что въ такомъ бѣдствіи нечего было и разсуждать о способѣ, избавиться отъ совершенной гибели; но, когда мы покороче познакомимся съ характеромъ этого народа, съ его законами, и поймемъ, какая отвѣтственность лежитъ ежеминутно на низшихъ офицерахъ и начальникахъ, то убѣдимся, что надобно удивляться одному: какъ самая несомнѣнная страшная опасность можетъ заставить экипажъ японскаго корабля искать спасенія на иностранной палубѣ! Между тѣмъ, къ намъ подошелъ корабль «Ондернемингъ,» и молодецъ капитанъ его, Лельцъ (Lelsz), лично поспѣшилъ съ своимъ шлюпомъ на помощь Японцамъ. Экипажъ, всего 24 человекъ, размѣстили въ двухъ шлюпкахъ. Спасли нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, какъ-то: рису, соленой свинины, заки (родъ пива или вина изъ риса, единственная водка, извѣстная въ Японіи), немного оружія и платья. Корабль бросили, пробивъ ему дно, по неотступной просьбѣ японскаго капитана. Погибавшіе считались бы важными преступниками, еслибъ корабль ихъ выбросило на бе-

регъ. Слѣдовало ему идти ко дну; въ такомъ только случаѣ могли они искать спасенія въ бѣгствѣ. Всѣ мы стояли на палубѣ и нетерпѣливо ждали, чѣмъ кончится борьба между нашими шлюпками и чудовищными валами, которые грозили поглотить ихъ. Наша шлюпка скоро пристала къ борту, и мы съ живѣйшимъ любопытствомъ принимали странныхъ гостей, по мѣрѣ появленія ихъ на нашей палубѣ. Они учтиво кланялись намъ, но были замѣтно изумлены. Какъ истые матросы, они прежде всего восхищались кораблемъ, который, казалось, смѣялся надъ бурей, разрушившей японскій корабль. Это были первые Японцы, нами видѣнные, и мы не могли не замѣтить, какъ они спокойны, сколько достоинства и осторожности въ ихъ поступкахъ. Ихъ платье, оружіе, утварь, словомъ все, что они успѣли захватить съ собой, привлекало наше вниманіе; мы скоро завели съ ними дѣятельный разговоръ посредствомъ знаковъ. Они тотчасъ же оправились отъ перваго волненія и, повидимому, очень радовались неожиданной перемѣнѣ, случившейся въ ихъ бѣдствіи; но на исхудалыхъ и блѣдныхъ щекахъ можно было прочесть, черезъ какія жестокія испытанія прошли они. Изорванныя платья и отчаянныя лица показывали, что они выдержали страшную борьбу и помнили опасность, отъ которой чудесно избавились. Они

скоро привыкли къ новому своему положенію, принялись за обычныя свои утѣшенія, за *закн* и табакъ, и начали разговаривать между собою съ необыкновенною живостью. Они разостлали циновки на палубѣ; каждый сѣлъ къ своему сундуку, и мы видѣли, какъ они одѣвались. Мы особенно удивлялись, какъ скоро они брѣютъ себѣ волосы. Каждый Японецъ брѣетъ бороду и верхушку головы, кромѣ несчастныхъ случаевъ, напр. если онъ попалъ въ плѣнъ, лишился родственника или друга, и т. п. Въ настоящемъ случаѣ, короткіе волосы, только что вымытые и дыбомъ стоявшіе на макушкѣ, придавали нашимъ Японцамъ довольно дикій видъ. Но тѣ изъ нихъ, которые обрѣзали волосы на маковкѣ, въ жертву благодарности покровителю-божеству, спасшему ихъ отъ смерти, казались скорѣе смѣшными, чѣмъ страшными. По окончаніи туалета, одѣвшись чистенько, наши гости пошли гулять по палубѣ и восхищаться зрѣлищемъ, которое представлялъ имъ новый міръ, европейскій корабль! Каждая вещь обращала на себя ихъ вниманіе и доставляла новую пищу разговору.»

Корабль, съ которымъ погнбли бы эти несчастные безъ помощи Голландцевъ, принадлежалъ князю Сацумы и производилъ торговлю съ островами *Ліу-Кіу*, которые

зависятъ отъ Японіи, и собственно отъ провинціи Сацумы. Надобно замѣтить, что несчастные, отдавшись подъ покровительство иностранцамъ, могли бояться не одного случая, что волны выбросятъ корабль ихъ на берегъ. Если бы Голландцамъ пришлось идти немного далѣе Нагазаки, несчастные Японцы, по возвращеніи на родину, попали бы въ тюрьму, подверглись строжайшему допросу прежде возстановленія своихъ правъ, а за продолжительное отсутствіе они непременно лишились бы всѣхъ правъ и даже не считались японскими подданными. Когда европейскіе мореходы приближались къ Нагазаки, любопытство и участіе ихъ были возбуждены въ высшей степени странностію и красотою сцены, которая имъ представлялась.

«Зеленые холмы, обработанные до самыхъ вершинъ, украшаютъ первый планъ, говорятъ Зибольдъ; горы съ смѣлыми очерками и синеватыми пригорками, поднимаются за холмами и ограничиваютъ горизонтъ. Черные, грозные утесы торчатъ изъ волнъ морскихъ; лучи восходящаго солнца играютъ безпрестанно измѣняющимися оттѣнками на крутомъ берегу.

«На гористомъ берегу сосѣдняго острова бѣлые домики стояли между высокими прямыми кедрами; множество жилищъ и хи-

жинъ разбросано на берегу или около залива: все нравится наблюдателю при этомъ первомъ взглядѣ. Мы пораспросили гостей нашихъ и узнали, что бѣлые домики, казавшіеся намъ жилищемъ вельможъ, не что иное какъ анбары, и покрыты мазью изъ известки, добытой изъ раковинъ, для безопасности отъ пожара. Парусныя суда и рыбацкія лодки толпились при входѣ въ заливъ. По зову нашихъ японскихъ гостей, подъѣхало нѣсколько рыбаковъ; они предлагали намъ рыбу такъ ловко и развязно, что мы удивились этимъ прекраснымъ формамъ въ людяхъ такого званія. Они, казалось, съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ предлагали намъ и своимъ соотечественникамъ плоды своихъ трудовъ. Они отказались отъ золота и довольно цѣнныхъ подарковъ, и попросили только пустыхъ бутылокъ. Пустыя бутылки, изъ обыкновеннаго стекла, очень цѣнятся въ Японіи. Эти бѣдные рыбаки были столько обнажены, сколько позволяла пристойность.»

По прибытіи въ бухту Нагазаки, начались притѣсненія, которыми японскіе законы и подозрительные обычаи правительства не напрасно грозятъ иностранцу. Караулы на берегу безпрестанно наблюдаютъ за пріѣзжающими, и едва завидятъ корабль, тотчасъ отправляется къ нему лодка, узнать

объ имени его, мѣстѣ назначенія, числѣ экипажа и о подобныхъ подробностяхъ; все это производится молча. Капитану прибывшаго корабля подаютъ листъ бумаги, на которомъ написаны вопросы; тотъ пишетъ отвѣты и возвращаетъ актъ, не сказавъ ни слова. Исполнивъ этотъ обрядъ, корабль долженъ ждать новыхъ приказаній, не перемѣняя своего положенія; иначе его примутъ за непріятеля и поступятъ съ нимъ, какъ со врагомъ. Между тѣмъ поспѣшно собираютъ въ сундуки библіи, молитвенники, гравюры и книги, словомъ все, что можетъ напомнить о христіанствѣ; сундукъ запираютъ ключемъ и запечатываютъ.

Получивъ отвѣты, губернаторъ Нагазакіи высылаетъ другую шлюпку, для приѣма аманатовъ. Когда ихъ переведутъ въ мѣсто, назначенное для ихъ пребыванія, на корабль является японская депутація подъ предводительствомъ полицейскаго офицера высшей степени, *гобаніози* (*gobanyosi*) (*) и въ сопровожденіи одного или двухъ членовъ голландской факторіи.

Она должна окончательно рѣшить, точно

(*) Фишеръ называетъ его *opper-banjoost*; Тунбергъ называетъ этого офицера *banjos* (вѣроятно *banjos* правильнѣе). Кемпферъ пишетъ *buggioses*; Шарльвуа — *bugie*; мы слѣдуемъ правописанію Зибольда.

ли это одинъ изъ тѣхъ двухъ кораблей, которые по закону имѣютъ право ежегодно приходить въ Япоцію. Если бы какъ нибудь открылось, въ какую бы то ни было минуту, что корабль не тотъ, которому позволено пріѣхать въ Нагазакі, ему приказываютъ немедленно удалиться. Если въ корабль нужны починки или если онъ нуждается въ провизіи, водѣ, дровахъ и проч., все это тотчасъ же дается ему безденежно, для того, чтобы яснѣе показать рѣшимость правительства не допускать никакой торговли (за исключеніемъ особаго изъятія, объявленнаго въ пользу Китайцевъ и Голландцевъ). Преступный корабль не можетъ ни стоять въ заливѣ, ни имѣть сношеній съ берегомъ, развѣ только для полученія необходимыхъ ему припасовъ. Если же дознано, что корабль законный, одинъ изъ двухъ ожидаемыхъ, депутаты факторіи возвращаются на берегъ. Гобаніози обираетъ пушки, оружіе всякаго рода, военные снаряды и пр. Все это, вмѣстѣ съ сундукомъ, гдѣ хранятся священныя книги и прочее, отсылается на берегъ, и будетъ возвращено кораблю въ минуту отъѣзда.

Когда Зибольдъ пріѣхалъ въ Япоцію, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ законности торговаго корабля, но мелкія придирки продолжались нѣсколько времени.

Напримѣръ, переводчики тотчасъ узнали, что Зибольдъ иностранецъ (то есть не Голландецъ) по его выговору, но имъ объяснили, что онъ голландскій горецъ и неправоильность его произношенія и составленія фразъ нисколько не удивительнѣе тѣхъ рѣзкихъ различій, которыя замѣтны въ произношеніи японскихъ жителей разныхъ провинцій.

Переводчики приняли такое объясненіе безъ затрудненій. Потомъ начался допросъ Японцамъ, претерпѣвшимъ кораблекрушеніе; онъ длился долго и касался самыхъ мелочныхъ подробностей. Они успѣли оправдаться, и голландскій корабль, обезоруженный нравственно и матеріально, потому что у него отобрали священныя книги и оружіе, проведенъ японскими шлюпками на мѣсто, назначенное ему внутри залива.

По описанію Зибольда, «заливъ представляетъ привлекательное зрѣлище, которое тѣмъ болѣе оживляется, чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ городу, и разнообразіе окружающихъ предметовъ придаетъ пейзажу еще болѣе прелести. Берега, покрытые красивыми жилищами, плодоносные холмы, храмы, поднимающіеся изъ великолѣпныхъ боскетовъ, волکانическія горы съ разными отгѣнками, вѣчно-зеленые кедръ, дубы, лавровыя деревья на скатахъ горъ, поля, обработанныя

амфитеатромъ надъ пропастями и до самаго морскаго берега, крутой берегъ, смѣющийся надъ бѣшенными усиліями валовъ, все—говоритъ о богатствѣ природы и побѣдахъ человеческой промышленности.»

Высшій полицейскій офицеръ, имѣющій пребываніе въ Децимѣ (*) (голландской факторіи), наблюдаетъ за нагрузкою и разгрузкою кораблей въ мельчайшихъ подробностяхъ. При немъ осматриваютъ и ощупываютъ новоприбывшихъ, всѣхъ кромѣ новаго начальника конторы. Это неумолимое правило приведено въ дѣйствіе по случаю открытія, что голландскіе капитаны провозили запрещенные товары и продавали ихъ съ значительнымъ барышомъ. Вотъ какъ Тунбергъ описываетъ это обстоятельство.

«Когда мы увидѣли, что съ берегу отправилась къ намъ лодка, капитанъ надѣлъ шелковый голубой кафтанъ съ серебряными

(*) Фишеръ пишетъ *Decima*, Тунбергъ *Desima*, Кеуферъ тоже пишетъ *Desima* и прибавляетъ: «то есть—передній островъ или лежащій передъ городомъ; иногда Японцы называютъ его *Desima-matz*, то есть, улица передняго острова, потому что островъ считается улицей Нагазаки и подчиненъ тѣмъ же правиламъ какъ и улицы въ городѣ. Онъ недалеко отъ города и искусственно устроенъ въ морѣ, которое въ этомъ мѣстѣ не глубоко и наполнено утесами и песками.» — Зибольдъ пишетъ *Desima*; вѣроятно, названіе его ближе всѣхъ подходитъ къ японскому произношенію.

позументами, очень широкій, съ огромною подушкою напередѣ. Платье это уже нѣсколько разъ служило для провоза контробанды, потому-что начальника факторіи и корабельныхъ капитановъ никогда не осматривали. Капитанъ ѣздилъ три раза въ день съ корабля въ факторію и возилъ на себѣ столько товаровъ, что часто два матроса должны были вести его подъ руки. Онъ также надѣвалъ широкіе штаны, и они служили ему не менѣе кафтана. Такіе переѣзды доставляли ему по нѣскольку тысячъ рейхсдалеровъ, за контробанду, которую онъ перевозилъ отъ себя и отъ офицеровъ; но на этотъ разъ капитанъ наряжался напрасно, потому-что ему объявили новое распоряженіе.

«Лодка привезла къ намъ, отъ начальника факторіи, субрекарга и трехъ ассистентовъ; они поздравили насъ съ счастливымъ прибытіемъ, спрашивали о привезенныхъ товарахъ, о батавскихъ новостяхъ и проч.

«Чтобы придать себѣ побольше блеска, мы подняли нѣсколько флаговъ и вымпеловъ.

«Подходя къ двумъ императорскимъ стражамъ, стоящимъ на обѣихъ оконечностяхъ порта, и изъ которыхъ одна называется стражею императора, а другая стражею

императрицы, мы привѣтствовали ихъ пушечными выстрѣлами. Лавируя въ узкомъ и извилистомъ проходѣ, мы наслаждались превосходнымъ видомъ. Мнѣ показалось, что холмы и окружныя горы обработаны до самыхъ вершинъ. Наконецъ, въ полдень прибыли мы на мѣсто, намъ назначенное, гдѣ обыкновенно останавливаются корабли, на ружейный выстрѣлъ отъ города Нагазаки, возлѣ небольшого острова Децимы, гдѣ находится голландская факторія.

«Вскорѣ послѣ отъѣзда прикащиковъ факторія, которые взяли у насъ письма отъ компаніи и частныхъ людей, начальникъ, остававшійся въ Японіи, пріѣхалъ за вновь-прибывшимъ начальникомъ и нашимъ капитаномъ.

«Онъ-то извѣстилъ насъ о новыхъ приказаніяхъ, полученныхъ отъ двора, для прекращенія контробанды:

«1. Капитана и начальника осматривать какъ и прочіихъ (чего прежде никогда не бывало).

«2. Капитанъ долженъ одѣваться подобно прочимъ Европейцамъ; ему запрещается носить кафтанъ, въ которомъ онъ провозилъ контробанду.

«3. Ему предписывалось постоянно находиться на кораблѣ, а если онъ съѣдетъ на

берегъ, то позволялось возвращаться на корабль не болѣе двухъ разъ.

«Губернаторъ Нагазаки далъ послѣднее позволеніе вслѣдствіе просьбъ и угрозъ капитана, который объявилъ, что губернаторъ и правительство будутъ отвѣчать за порчу, какая можетъ случиться въ кораблѣ.

«Эти строгія приказанія послѣдовали потому, что на голландскомъ кораблѣ *Бургъ*, выброшенномъ на японскіе берега, нашли множество контрабандныхъ товаровъ, принадлежавшихъ начальнику, капитану и главнымъ офицерамъ, которыхъ имена были написаны на ящикахъ. Особенно разсердились Японцы, найдя ящикъ, принадлежавшій начальнику факторіи, съ *сомомъ* (*som*) или поддѣльнымъ *гинсенгомъ*, ввозъ котораго строжайше воспрещенъ. Его сожгли передъ морскими воротами.

«Съ живѣйшимъ сожалѣніемъ, капитанъ нашъ, сообразуясь съ этими приказаніями, снялъ широкій кафтанъ и надѣлъ платье поуже, которое лучше обрисовывало его станъ. Хотя онъ былъ плотенъ, однакожъ Японцы удивлялись его легкости и развязности; они воображали, что голландскій капитанъ непременно долженъ быть страшно толстъ, на основаніи того, что видали прежде».

Однакожъ, не смотря на мѣры, принятія подозрительнымъ и неутомимымъ японскимъ

правительствомъ, многія статьи контробандной торговли, кажется, ввозятся до нынѣ Голландцами въ Японію; сами члены факторіи признаются, что на сушѣ идетъ мѣна запрещенными товарами; а въ Гаагскомъ Музеѣ есть нѣсколько любопытныхъ предметовъ, которые могли поступить туда только вслѣдствіе нарушенія строгихъ правилъ о провозѣ товаровъ. Притомъ же положительно извѣстно, что въ факторіи есть библіи, молитвенники, которые находятся тамъ только по снисхожденію японскаго начальства: этимъ доказывается существованіе контробанды; кромѣ того, это же обстоятельство показываетъ, что тамошнее правительство нѣсколько измѣнило своей чрезмѣрной строгости, въ отношеніи къ христіанской религіи.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что строжайшій досмотръ и неумолимая суровость исключительной системы приняты японскимъ правительствомъ. Слѣдующій рассказъ, занятый у Дефа, Doeff, (начальника децимской факторіи съ 1809 по 1817 годъ), покажетъ, до какой степени система эта абсолютна. Во время управленія Дефа, Англичане, завладѣвъ Явою, пытались основаться въ Децимѣ; но не могли склонить его на уступку, и голландскій флагъ по прежнему развѣвался надъ этимъ

уголкомъ земли, въ то самое время, когда онъ временно исчезалъ въ прочихъ владѣніяхъ, ставившихъ Голландію въ рядъ независимыхъ государствъ.

Чиновникъ, посланный голландскимъ правительствомъ на мѣсто Дефа, кавалеръ Блумгофъ, прибылъ въ 1817 году въ Дециму, и привезъ съ собою молодую жену и новорожденного младенца, съ кормилицею Яванкою. Лейтенантъ корабля послѣдовалъ его примѣру, тоже привезъ свою жену, съ тѣмъ, чтобы на томъ же кораблѣ отослать ее обратно въ Батавію. Блумгофъ хотѣлъ оставить все свое семейство при себѣ въ Децимѣ, во все время своего тамъ пребыванія, то есть, на нѣскольکو лѣтъ! Едва разнесся слухъ о такой небывалой новости въ Нагазаки, какъ по городу распространились изумленіе и печаль. Губернаторъ тотчасъ же объявилъ, что г-жа Блумгофъ не можетъ вытти на берегъ. Дефъ, желая доставить своимъ преемникамъ и всѣмъ членамъ факторіи утѣшеніе въ скупѣ и трудахъ торговаго изгнанія, продолжающаго нѣсколько лѣтъ, и честныя удовольствія семейной жизни, началъ съ этою цѣлію переговоры съ губернаторомъ Нагазаки. Онъ упирался на то обстоятельство, что въ 1662 году, когда знаменитый морской разбойникъ Коксинга разорилъ голландскія заведенія на Формозѣ, жены и дѣти Голландцевъ, спасшихся

въ Японію, были приняты въ Децимъ. Губернаторъ возразилъ, что этотъ примѣръ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ настоящему дѣлу, что въ прежнемъ случаѣ женщины были принуждены необходимостію искать убѣжища въ Японіи, какъ гонимыя, а въ настоящемъ онѣ пріѣхали по собственной охотѣ. Въ первомъ случаѣ японское правительство обязано было оказать помощь несчастію; во второмъ нельзя отыскать такой же причины. Однакожъ, онѣ обѣщали послать докладъ въ Іедо и выставить на видъ прежній случай, приводимый Дефомъ; сверхъ того, онѣ дозволили г-жѣ Блумгофъ, на нѣкоторое время, сойти съ ребенкомъ на берегъ. Но тутъ представилось важное затрудненіе. Всѣхъ выходящихъ на берегъ, безъ изъятія, свидѣтельствуютъ и осматриваютъ; исключаютъ только начальника конторы (opper-hoofd). Самъ губернаторъ не можетъ измѣнить этого правила. Дефъ могъ только упросить, чтобы г-жу Блумгофъ осматривали съ соблюденіемъ возможнѣйшей учтивости. Черезъ два мѣсяца получили отвѣтъ отъ двора, отвѣтъ короткій: нельзя! Слѣдовало покориться жестокому рѣшенію, потому-что губернаторъ Нагазаки не смѣлъ отправить новаго доклада. Притомъ же строгость приказа была направлена не противъ Голландцевъ, ни даже противъ иностранокъ. Правительство не допускало толь-

ко лицъ, не принадлежащихъ къ числу торговцевъ. Въ этомъ отношеніи японскіе законы основываются на слѣдующемъ началѣ: *никого нельзя впускать въ Японію безъ достаточной причины*; поэтому въ Японію не пускаютъ и Голландца, если онъ не принадлежитъ къ законному кораблю или не членъ конторы. Въ 1804 году одинъ офицеръ проводилъ изъ Батавіи въ Японію друга своего, капитана Мюскетье, на кораблѣ *Gesina Antoinetta*; онъ былъ записанъ *пассажиромъ* и ему запретили выйти на берегъ. Капитанъ былъ принужденъ объявить, что офицеръ принадлежитъ къ экипажу, какъ писецъ или матросъ, и подъ этимъ названіемъ помѣстить его въ списокъ; тогда только позволили ему сойти на берегъ, и такое позволеніе считали снисхожденіемъ Японцевъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ бѣдный мужъ былъ принужденъ свести свою жену, ребенка и кормилицу на корабль, который перевезъ ихъ въ Батавію.

Покажемъ теперь, какое впечатлѣніе произвели на доктора Зибольда первые видѣнные имъ Японцы, какъ тѣ, которыхъ онъ встрѣтилъ внѣ Японіи, такъ и тѣ, которые тѣснились около начальника конторы, въ самыхъ богатыхъ одеждахъ, въ ту минуту, когда новоприбывшіе сходили на берегъ. Всѣ по наружности представляли черты монгольской породы, и отличались косвеннымъ по-

ложеніемъ глазъ; но видъ ихъ не такъ непріятенъ, какъ Монголовъ вообще. Кажется, въ Японцахъ болѣе мускульной и умственной энергіи. Японцы вообще сложенія крѣпкаго, живы, краснолицы. Молодые люди и дѣвушки отличаются мягкою, гладкою кожею на лицѣ; отъ ея свѣжести ихъ красивые волосы кажутся еще чернѣе; голландскіе путешественники особенно восхищаются красотою женщинъ, и Зибольдъ къ сочиненію своему прилагаетъ даже портретъ одной молодой женщины. Впрочемъ тѣ же путешественники сознаются, что походка мужчинъ и женщинъ тяжела и неловка, особенно женщинъ, потому что онѣ безмѣрно стягиваютъ себѣ бедра и тѣмъ портятъ прямизну ногъ.

Обыкновенная одежда обоихъ половъ и всѣхъ классовъ одинакова по формѣ; все различіе въ достоинствѣ и цвѣтѣ матеріи. Одѣяніе состоитъ изъ нѣсколькихъ широкихъ и длинныхъ платьевъ, надѣваемыхъ одно на другое. Платья нисшаго класса изъ холста или коленкора; высшаго класса изъ шелковыхъ тканей, съ фамильными гербами, вышитыми на груди и на спинѣ (*). Платья на талии поддерживаются поясомъ (**).

(*) «Гербы вышиваются иногда на рукавахъ, иногда между плечами (Тунбергъ, томъ II, стр. 144).

(**) «Платья поддерживаются поясомъ, у мужчинъ

Рукава чрезвычайно широки и верхняя часть пригнута такъ, что изъ нея образуются карманъ, служащій въ помощь другимъ карманамъ, наперед и за поясомъ; туда преимущественно кладутъ ценныя вещи. Такимъ образомъ, листы тонкой бѣлой бумаги, замѣняющіе Японцамъ наши носовые платки, сначала носятъ на груди или за поясомъ, а когда запачкаются, поступаютъ въ карманъ на рукавѣ, гдѣ лежатъ до тѣхъ поръ, пока представится случай выкинуть ихъ, не замаравъ дома. Женскія платья отличаются отъ мужскихъ только тѣмъ, что вообще цвѣтъ ярче и матеріи вышиты золотомъ или изящнымъ шитьемъ. Важные люди носятъ шарфъ черезъ плечо; длина шарфа опредѣлена по чину, и служить разрѣшеніемъ важнаго вопроса о поклонѣ: этикетъ требуетъ кланяться высшему лицу такъ, чтобы конецъ пояса коснулся земли. Въ парадныхъ случаяхъ, къ прочимъ платьямъ прибавляютъ еще одно, называемое платьемъ привѣтствія (*habit de compliment*); это родъ плаща особенной фор-

шириною въ ладонь, а у женщинъ въ полъаршина; поясъ обвивается два раза около стана и завязывается бантомъ, съ двумя длинными концами. Женщины завязываютъ огромный бантъ; по его положенію можно отличить дѣвушку отъ замужней: дѣвушки носятъ бантъ на спинѣ, замужнія подъ грудью (Тунбергъ томъ II, стр. 138)».

мы, со сборками на обоихъ плечахъ, очень широкаго; при такомъ плащѣ высшіе сановники носятъ странные панталоны, называемые гаккама (*hakama*); они сшиты изъ огромнѣйшей, собранной юпки, стянутой между ногами. Еслибъ вельможи узнавались только по этимъ панталонамъ, то отличіе ихъ было бы замѣтно только въ торжественныхъ случаяхъ; но существуетъ другой признакъ, по которому всегда можно узнать знатнаго человѣка: онъ имѣетъ право носить двѣ сабли, одну надъ другою, на одномъ боку. Офицеры низшаго разряда носятъ одну саблю; но ни тѣ, ни другіе никогда не снимаютъ оружія. Низшимъ классамъ народа, напротивъ того, запрещено носить оружіе (*).

Что же касается до обуви Японцевъ, то трудно вообразить что нибудь скромнѣе или неизящнѣе: всѣ путешественники въ этомъ согласны. Платья вообще очень длинны, прикрываютъ пятки и хорошо грѣютъ ноги; но простой народъ и солдаты носятъ короткое

(*) Тунбергъ говоритъ въ томѣ II, стр. 285: «одна сабля, та, которая длиннѣе, считается *официальною*; другая есть частное оружіе. Войдя въ комнату и сядя, знатный человѣкъ снимаетъ *официальную* саблю и кладетъ возлѣ себя или передъ собою». Переводчики наши носили по одной саблѣ, а *баніосы* по двѣ, въ качествѣ офицеровъ начальниковъ.

платье, а потому обвертываютъ ноги до колѣнъ холстомъ. Головинъ упоминаетъ о чулкахъ, надѣваемыхъ во время переѣздовъ; они похожи на наши, только съ отдѣльнымъ мѣшечкомъ для большого пальца. Титсингъ увѣряетъ, что достаточные люди носятъ родъ бѣлыхъ носковъ, *та-ни*. Носки поднимаются до лодышки и завязаны сзади двумя лентами. Женщины носятъ *та-ни* круглый годъ. Въ девятый мѣсяцъ, 10-го числа, мужчинамъ позволено являться во дворецъ въ носкахъ.

Иные носятъ льняные носки съ хлопчатобумажными подошвами: они завязываютъ ихъ подъ лодышкой. Башмаки, или правильнѣе сказать, сандалии—самая жалкая часть одежды Японцевъ. Богачи носятъ точно такіе же башмаки, какъ и бѣдные; это просто подошва, плетеная изъ рисовой соломы или изъ разрѣзаннаго тростника, безъ верха и безъ боковъ. Напередѣ прикрѣплена лента изъ рисовой соломы; отъ нея идетъ, между пальцами, другая лента всю длину подошвы и придерживаетъ ее; но обувь безъ боковъ движется то въ одну, то въ другую сторону и производитъ шумъ, похожій на шаркотню нашихъ туфель. При дурной погодѣ, когда много грязи, они носятъ высокія деревянные подошвы съ выемкой по срединѣ. Такія подошвы поддерживаются ремнемъ, а иногда

въ подошвѣ вдѣланъ гвоздь, который захва-
тываютъ двумя пальцами ноги (*).

Впрочемъ, всѣ они снимаютъ обувь, входя
въ домъ, и оставляютъ ее передъ дверями
или отдаютъ держать служителямъ. Въ ком-
натахъ они ходятъ на босую ногу, чтобы не
запачкать цыновокъ, которые всегда очень
чисты (**).

Костюмъ обоихъ половъ особенно разли-
чается головнымъ уборомъ. Мужчины бръютъ
лобъ и весь черепъ, оставляя полу-вѣнецъ,
идущій отъ одного виска до другаго по за-
затылку; эти волосы приподняты, тщательно
напомажены и связаны бумажнымъ снур-
комъ, такъ что на маковкѣ выходить хо-
лодь.

Трудно описать *парадный* головной уборъ
мужчинъ, особенно знатныхъ. Въ особен-
ныхъ случаяхъ они надѣваютъ шапку; шап-
ки эти различны по чину. У иныхъ къ
шапкамъ пришиты длинныя шелковыя по-
лосы, которые спускаются до уха. Жрецы-
буддисты и доктора бръютъ всю голову. Хи-

(*) Такую же обувь носятъ Индустанцы и другіе во-
сточные народы, особенно въ дождливую пору года.

(**) Старая обувь кучами валяется по дорогамъ и у
ручейковъ, гдѣ пѣшеходы останавливаются мыть ноги.
Деревенскіе жители собираютъ ее, жгутъ съ каломъ
(говоритъ Кемпферъ) и потомъ употребляютъ для удо-
бренія полей.

рурги, напротивъ того, вовсе не брѣютъ волосъ, но завязываютъ ихъ на маковкѣ въ одинъ пучекъ. Мальчики начинаютъ бриться, когда у нихъ показывается борода. Женщины вообще дѣлаютъ тюрбаны изъ своихъ роскошныхъ косъ. Иныя (дѣвушки и служанки) разбираютъ волосы на двѣ стороны и даютъ имъ форму крыльевъ; но всѣ женщины вообще носятъ въ волосахъ цвѣты и ленты. Франтихи украшаютъ голову множествомъ черепаховыхъ булавокъ, богато отдѣланныхъ и съ отличнымъ глянцемъ, длиною отъ пятнадцати до шестнадцати дюймовъ. Иногда булавки замѣняются гребнемъ, тоже черепаховымъ, иногда волосы придерживаются нѣсколькими золотыми или серебряными булавками. Но употребленіе серегъ, кажется, почти неизвѣстно прелестнымъ Японкамъ. Шарльвуа упоминаетъ объ *шолкѣ* (poignon) надъ лѣвымъ ухомъ, на которой виситъ жемчужина или драгоценный камень, и о не большомъ кружкѣ изъ жемчуга, въ каждомъ ухѣ, который придаетъ имъ много прелести! Онѣ румянятся и бѣлятся, и преждевременно разрушаютъ натуральный румянецъ и красоту кожи. Замужнія женщины красятъ губы въкрасную краску; если положить ее неумѣренно, то губы будутъ темно-фіолетоваго цвѣта. Тунбергъ увѣряетъ, что дѣвушки употребляютъ эту же краску для губъ.

Но отличительный признакъ красоты замужней женщины и главный признакъ, что она замужемъ—чернота и блескъ ея зубовъ. Такое странное украшеніе приобрѣтають онѣ (говорить Тунбергъ) посредствомъ порошка особеннаго состава. Есть еще отличіе замужнихъ отъ незамужнихъ: замужнія выдергиваютъ брови.

Мужчины и женщины вообще ходятъ съ непокрытою головою. Во время путешествій и въ дождливую погоду, носятъ родъ шляпы, которая на женщинахъ очень красива. Вѣеръ необходимость въ Японіи; съ нимъ не расстаются ни путешественникъ, ни горожанинъ, ни земледѣлецъ; вѣеръ всегда въ рукахъ богача, бѣдняка, даже нищаго: мужчины, женщины, дѣти, юноши, старики, солдаты, жрецы, судьи, учителя, всѣ съ вѣерами въ рукахъ; если вѣеръ не въ рукавѣ, то заткнутъ за поясъ. На вѣерѣ принимаютъ небольшіе подарки, которые дарятся, по обычаю, при входѣ въ домъ; на вѣеръ щедрая рука благодетеля кладетъ милостыню, когда слышитъ голосъ ниमुщаго; вѣеромъ дѣйствуетъ кокетка, какъ и въ Европѣ. Но онъ въ то же время замѣняетъ учительскія розги и палочку нашего франта. Наконецъ, когда его подносятъ на блюдѣ преступнику, вѣеръ высказываетъ ему грозный приговоръ. Въ ту минуту, какъ преступникъ наклоняетъ голову

къ вѣстнику казни, ее отсѣкаетъ мечъ палача.

Во время путешествія употребляютъ вѣеры, на которыхъ означены дороги, разстоянія станцій, гостинницы, гдѣ можно остановиться, цѣны разныхъ предметовъ потребленія. На дорогахъ дѣти продаютъ за дешевую цѣну книжечки, гдѣ напечатаны такія же подробности. Голландцамъ запрещено покупать эти вѣеры и книжечки.

Одежда путешественника или *деревенская* (*pōfuk*) состоитъ обыкновенно изъ штановъ, короткаго кафтана (*fanden*), плаща (*busuki*), штиблетъ (*kyāfou*), соломенной шляпы, а иногда лакированной (*kasa*), и наконецъ изъ соломенныхъ башмаковъ (*sori*). Сверхъ того, всякой порядочный человѣкъ надѣваетъ саблю, а дворянинъ или военный — двѣ, неравной величины. Такая одежда, въ то же время, солдатскій и полицейскій мундиръ; ее же носятъ *баніози* и воины, составляющіе почетную стражу голландской миссіи. Зибольдъ замѣчаетъ, что приготовленія къ путешествію и одежда бываютъ различны, смотря по цѣли поѣздки и по образу жизни, какой принимается путешественникомъ на время дороги; но все безъ изъятія слѣдуютъ принятымъ обычаямъ съ удивительною аккуратностію.

Мы желали дать только общее понятіе о внѣшнихъ чертахъ, отличающихъ Японца, съ

перваго взгляда, отъ другихъ народовъ. Намъ придется еще говорить о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ изъ этихъ чертъ, когда дѣло дойдетъ до разсказа о нравахъ, обычаяхъ и общественномъ устройствѣ Японскаго народа.

ИСТОРИЯ ГОЛЛАНДСКАГО ЗАВЕДЕНІЯ

ВЪ ДЕЦИМЪ.

Сношенія, завязавшіяся между этимъ страннымъ народомъ и небольшимъ числомъ Европейцевъ, которыхъ Японія допускаетъ къ себѣ съ цѣлью торговою, должны были пострадать отъ презрительной гордости японскаго характера, отъ подозрительнаго самоуправства и отъ оригинальной цивилизаціи, до такой степени исключительной, что она во всемъ противна общимъ законамъ, которые, по нашимъ понятіямъ, управляютъ родомъ человѣческимъ на пути совершенствованія. Заведеніе Голландцевъ въ Децимъ самый странный памятникъ терпѣнія и торговаго униженія, бесплоднаго постоянства и политическаго самоотверженія.

Для бѣльшей ясности, мы теперь же должны замѣтить, что въ Японіи законодательная и исполнительная власть находится въ ру-

кахъ сановника или князя, котораго всѣ историкѣ, даже до послѣднихъ временъ, называютъ *Кубо* (гражданскій императоръ), отличая его отъ другаго владѣтеля, называемаго *даури* (духовный императоръ); что самое обыкновенное имя этого сановника *сіогуна* или *сіогунъ*; что онъ только намѣстникъ настоящаго императора (*микадо*), котораго дворъ или резиденція называется *даури*, и что японскіе законы и обычаи признаютъ микадо единственнымъ владѣтелемъ имперіи. Объяснивъ это, изложимъ, какъ основались Голландцы въ Японіи.

Соединенныя-провинціи едва задумали забраться на этотъ превосходный архипелагъ (посѣщенный въ первый разъ Голландцами въ 1598 г.) и едва основали заведеніе въ Фирато, какъ въ 1609 году началась междоусобная война, кончившаяся истребленіемъ христіанства. Сіогунъ *Минамото Іеясъ* далъ Голландцамъ въ 1611 (по другимъ, въ 1609 году) по формальному *газюнимъ*, то есть, патенту, утвержденному императорскою печатью *краснаго цвѣта* и подписанному всѣми членами правительства, право торговать по всему пространству имперіи. При патентѣ было приказаніе Японцамъ, помогать и содѣйствовать Голландцамъ сколько возможно; все это было *выражено терминами ясными и очень сильными, и такими же буквами, что было*

имъ очень полезно. Послѣ смерти Іеяса Голландцы просили дворъ возобновить ихъ привилегіи. Этотъ неосторожный поступокъ нисколько не согласовался съ японскими обычаями; Японцы вѣрно соблюдаютъ условія, заключенныя предками. На просьбу ихъ послѣдовало согласіе, и привилегія возобновлена почти въ прежнихъ выраженіяхъ, *но буквами уже не столь благоприятными.*

Начальникъ конторы въ Фирато (Коекеба-скер) старался еще болѣе пріобрѣсти благоволеніе японскаго правительства. Многіе Японцы, обратившіеся къ христіанству, завладѣли крѣпостью Арима, гдѣ ихъ осадили императорскія войска. Кекебакеръ, по желанію японскихъ властей, рѣшился помочь имъ овладѣть крѣпостію, помощію артиллеріи голландскаго корабля, который находился въ это время въ его распоряженіи. Изъ одной части артиллеріи устроили батарею на сушѣ, а другая, подъ предводительствомъ самого Кекебакера, палила съ рейда; литейщикъ и фейерверкеръ отправлены въ Іедо для выливки мортиръ и пушекъ. Такія услуги и многія другія въ томъ же родѣ, оказанныя японскому правительству, должны были, казалось, доставить Голландцамъ покровительство и милость императорскую; но повѣденіе ихъ, разсмотрѣнное важнѣйшими Японцами, чрезвычайно щекотли-

выми на счетъ деликатности и чести, оставило такое непріятное впечатлѣніе, что сношенія Голландцевъ должны были пострадать.

Впрочемъ, Голландцы сами подали японскому правительству новый предлогъ къ самымъ унизительнымъ ограниченіямъ. Кемпферъ наивно расскажетъ намъ, какъ это случилось (*).

«Намъ случилось въ это время строить новый магазинъ въ Фирандо, что весьма увеличило зависть и подозрѣнія Японцевъ и ускорило исполненіе проэкта о перемѣщеніи насъ въ Нагазаки. *Было противно мѣстнымъ обычаямъ возвышать каменное зданіе такъ, что оно болѣе походило на замокъ, чѣмъ на магазинъ.* Еще хуже было то, что на лицевой сторонѣ зданія выставили годъ рожденія Спасителя. Достойный вѣроятія Японецъ, въ частномъ разговорѣ, сказывалъ мнѣ, что при разгрузкѣ одного голландскаго корабля и перенесенія товаровъ на берегъ и въ новые магазины, соскочила крыша съ одного ящика и оказалось, что въ немъ не товаръ, а мѣдъ»

(*) Мы напечатали курсивомъ тѣ мѣста, противъ которыхъ кажется, нельзя, найти возраженія. То-же средство будемъ мы употреблять и въ другихъ случаяхъ, когда намъ придется подкрѣплять слова свои цитатами изъ авторитетовъ, на которыхъ основанъ нашъ рассказъ.

ная мортира. Не беру на себя рѣшить, до какой степени слѣдуетъ вѣрить этому разсказу. Какъ бы то ни было, скоро потомъ получили мы неожиданное приказаніе, подѣ страхомъ смертной казни, разобрать новый нашъ магазинъ, разстаться съ жилищемъ и свободой, которою мы наслаждались въ Фирандо и заключиться какъ бы въ тюрьму въ Децимѣ, что и положило предѣлъ золотому періоду нашей торговли въ Японіи (*).»

Эти строгія и неожиданныя вовсе приказанія объявлены 9 ноября 1640 года начальнику факторіи. (Начальникомъ былъ Франсуа Каронъ, который достоинствами своими изъ самаго низкаго званія достигъ самыхъ важныхъ должностей.) Посолъ *сёгуна*, въ сопровожденіи обоихъ губернаторовъ Нагазаки и многочисленной свиты, прибылъ съ этою цѣлю въ Фирандо. Тщательно осмотрѣвъ все заведеніе и удостовѣрившись въ томъ, что находилось въ магазинахъ и частныхъ домахъ, онъ торжественно объявилъ Голландцамъ, что по сдѣланнымъ вновь открытіямъ факторы соединенныхъ провинцій и Португаліи единогласно, и приказалъ отъ имени императора разрушить новые магази-

(*) Сначала получено приказаніе разобрать магазинъ: потомъ велѣно выѣхать изъ Фирандо въ Нагазаки.

ны и всѣ дома съ означеніемъ христіанскаго лѣтосчисленія (*).

Каронъ, бывшій за годъ передъ тѣмъ въ Іедо, какъ обыкновенно, и принятый благосклонно государственными совѣтниками, вышелъ изъ столицы совершенно довольный (хотя не имѣлъ аудіенціи у сіюгуна подъ предлогомъ, что тотъ болѣнъ) и не предвидѣлъ удара, который поразилъ его и факторію почти смертельно въ самыхъ драгоцѣн-

(*) Рѣчь императорскаго посла въ этомъ случаѣ оказалась намъ до такой степени любопытною, что мы приводимъ ее по тексту, сообщенному г. Шарльвуа: «Грозный императоръ японскій, повелитель и владыка мой, увѣдомился навѣрное, что вы христіане и одной вѣры съ Португальцами. Вы празднуете воскресенье, считаете время съ Рождества Христова, и означаете этимъ счисленіемъ дома и всѣ зданія на морѣ и на сушѣ, которыя строите; такъ это имя выставляется передъ глазами нашего народа. Вашъ главный законъ — десять заповѣдей; молитва ваша составлена Иисусомъ и вѣра ваша — вѣра Его учениковъ. Вы обливаете вашихъ дѣтей водою при самомъ ихъ рожденіи и совершаете обрядъ съ хлѣбомъ и водою; книга ваша Евангеліе; Пророки и Апостолы—ваши Святые. Словомъ,—къ чему входить въ дальнѣйшія подробности,—ваша вѣра та же, что вѣра Португальцевъ; если и есть разница между вами, то намъ она кажется очень незначительною. Мы всегда знали, что вы христіане, но видя васъ врагами Португальцевъ и Испанцевъ и зная, что вы противились водворенію ихъ вѣры въ нашей странѣ, мы полагали, что вѣрованія ваши различны. Императоръ узналъ противное, и нарочно прислалъ меня сюда объявить, что вы должны срыть жилища ваши и другія постройки, на которыхъ выставлено имя

ныхъ ея интересахъ. При всей своей гордости, онъ вспомнилъ въ эту горькую мину-ту, какимъ отвѣтомъ Португальцы спасли себѣ жизнь, когда ихъ изгоняли и исключали изъ Японіи навсегда. Онъ отвѣчалъ какъ они: «Приказанія его величества будутъ исполнены въ точности.» Тотчасъ же начали срывать зданія и скоро остались развалины на мѣстѣ жилища и магазиновъ, стоявшихъ большихъ издержекъ (*).

Христа, начиная съ сѣверной стороны (она была кончена послѣ прочихъ); что не должны открыто праздновать день воскресенія, чтобы имя это вышло изъ памяти народной въ Японіи; что отнынѣ капитанъ или начальникъ вашей націи не будетъ жить болѣе года въ Имперіи, чтобы болѣе продолжительное пребываніе не распространило вашего ученія между нами. Помните, что малѣйшее сопротивленіе этому предписанію подастъ несомнѣнный поводъ сомнѣваться въ повиновеніи вашему приказаніямъ императора. Что же до будущаго поведенія вашего, то управляющіе сановники Фирандо скажутъ вамъ, что дѣлать».

(*) Государственные совѣтники нѣсколько разъ спрашивали у Карона, не могутъ ли Голландцы снабжать Японію, въ случаѣ изгнанія Португальцевъ, европейскими товарами. Секретари, скрывавшіеся за ширмами, записывали его отвѣты. Начальникъ факторіи получилъ 200 *ман* отъ имени сіюгуна и 30 *ман* отъ государственнаго совѣтника Санникедонно. Фейерверкеръ и литейщикъ получили по 25 такихъ монетъ. Зибольдъ цѣнитъ ихъ каждую почти въ 18 франковъ, а Голландцы называютъ уменьшительнымъ *schuitje*, лодочка, вѣроятно, по формѣ монетъ. Впрочемъ цѣнность такого подарка не важна, а главное — почетный его источникъ.

Въ январѣ 1641 года приказано Голландцамъ продавать всѣ товары въ тотъ же годъ, какъ они привезены, безъ возврата ихъ въ Батавію.

Правда, число привоза не было ограничено, но приказаніе (*продать все* въ теченіе года) ставило факторію въ зависимость отъ туземныхъ спекуляторовъ и японскихъ властей, и почти значило, чтобы на будущее время менѣе ввозить товару. Въ то же время запретили Голландцамъ, подъ страхомъ смертной казни, бить скотину, носить оружіе, не считая другихъ распоряженій, столько же притѣснительныхъ и унижительныхъ.

Въ началѣ того же 1641 года Лемеръ, преемникъ Карона, поѣхалъ съ подарками ко двору въ Іедо, для принесенія жалобъ отъ имени компаніи. Колоніальное начальство прислало изъ Батавіи настоящій патентъ, данный сіюгуномъ Минамото Іеясомъ. Этотъ актъ доставилъ ему благопріятный отвѣтъ, которымъ (говоритъ Зибольдъ) Голландцы не умѣли воспользоваться *такъ какъ бы слѣдовало*. Сіюгунъ не принялъ посланника, но государственные совѣтники дали ему слѣдующій отвѣтъ: Его величество поручилъ намъ сказать вамъ, что Японской Имперіи не важно, будутъ или не будутъ иностранцы пріѣзжать для торговыхъ дѣлъ; но по уваженію позволенія, даннаго имъ древ-

нимъ императоромъ, онъ позволяетъ Голландцамъ продолжать ихъ дѣйствія и оставляетъ имъ *торговья и другія преимущества, которыми они пользуются*, съ условіемъ переселиться и съ кораблями изъ Фирандо въ портъ Нагазаки.

Съ одной стороны, это объявленіе можно было считать продолженіемъ прежняго патента; съ другой, перемѣщеніе факторіи *казалось удобнымъ*, потому что Нагазаки, по величинѣ и безопасности своего порта, по значительной торговой важности, могъ привлекать много купцовъ изъ *императорскихъ* городовъ. Голландцы цѣнили всю выгоду этой перемѣны, и правительство ихъ выразило желаніе, чтобы складочное мѣсто ихъ торговли было перенесено въ Нагазаки. Можетъ быть даже тайно интриговали съ этою цѣлью при дворѣ въ Иедо или съ губернаторомъ Нагазаки. Какъ бы то ни было, событія показали, какъ *желанная* перемѣна должна была повредить Голландцамъ. Приказъ о перемѣщеніи полученъ 11-го мая 1641 г. и исполненъ черезъ десять дней, и искусственный островокъ Децима открылся для послѣднихъ Европейцевъ, допущенныхъ въ Японскую Имперію.

Генералъ—губернаторъ Фанъ-Дименъ, въ письмѣ къ императорскому государственному совѣту, въ 1642 году, такъ рассказываетъ

о притѣсненіяхъ , которымъ подверглись Голландцы по пріѣздѣ въ это роковое мѣсто.

«Когда мы переселились изъ Фирандо въ Нагазаки, намъ мѣстомъ жительства назначили островъ, гдѣ прежде жили Португальцы. Тутъ за нашими факторами надзирали безпрестанно, и они даже не могли говорить ни съ кѣмъ, какъ бы опасные государству преступники; они видѣли, что съ ними обращались хуже чѣмъ съ Португальцами. За наемъ острова взяли съ насъ пять тысячъ пятьсотъ таэловъ, сумма страшная для нашей торговли (*).

«Намъ запрещаютъ наше богослуженіе на островѣ и на корабляхъ нашихъ, хотя такое притѣсненіе противно древнимъ нашимъ привилегіямъ. Мы принуждены вмѣсто погребенія бросать въ море умершихъ въ факторіи и на корабляхъ, потому что не хотятъ

(*) Мы извлекаемъ этотъ документъ изъ послѣдняго сочиненія Зибольда объ японской торговлѣ (см. *Moniteur des Indes orientales et occidentales*, 1846, часть 1). Но Зибольдъ ошибается, когда говоритъ, что эти 5,500 таэловъ составляютъ двадцать тысячъ франковъ. Готендорпъ, въ своемъ *Взглядѣ на островъ Яву*, замѣчаетъ, что Голландцы въ Децимѣ до сихъ поръ платятъ ежегодно, по силѣ первоначальнаго контракта, по 6,500 *million* или таэловъ за наемъ острова (22,750 фл. монеты нашей, прибавляетъ онъ). Какая цифра вѣрнѣе: вѣроятно зибольдова; но надобно читать, что 5,500 таэловъ составляютъ двадцать тысячъ флориновъ, а не франковъ.

уступить намъ уголка японской земли. Когда корабли наши приходятъ въ Нагазаки, ихъ осматриваютъ до самыхъ мелочей; отбираютъ пушки и военные снаряды, и перевозятъ въ императорскіе магазины. Запечатываютъ паруса на корабляхъ; руль отвозятъ на берегъ и хранятъ до дня отъѣзда. *Во время осмотра и выгрузки, осмотришки безъ всякой причины били палками матросовъ и даже старшихъ офицеровъ, какъ собакъ, что представляетъ важныя затрудненія* (*).

«Моряки содержатся на корабляхъ какъ въ тюрьмѣ; для взаимнаго посѣщенія или перѣзда на берегъ надобно получить позволеніе отъ досмотрщиковъ. Въ противность прежде данной намъ свободы, притѣсненіе про-

(*) Кемпферъ, говоря объ унижительной покорности Голландцевъ въ сношеніяхъ съ Японцами, справедливо воскликнулъ:

...Quid non mortalia pectora cogis,
Auri sacra fames!

Но не одни Голландцы, во многихъ случаяхъ, ставили выше всего торговые интересы свои. Не отыскивая примѣровъ въ прошедшихъ вѣкахъ или упавшихъ народахъ, укажемъ на гордый и могущественный народъ, на Англичанъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, они отвѣчали скромными и почтительными представленіями на обиды и грубости, которыми надѣляли ихъ знатные и незнатные въ Кантонѣ. 1 февраля 1835 года, капитанъ Элліотъ (тогда третій начальникъ англійской торговли въ Китаѣ), несшій китайскому правительству самое справедливое и умѣренное представленіе; былъ

стерли до того, что даже не позволяютъ трубить. Среди такихъ ограниченій, противныхъ нашимъ древнимъ привиллегіямъ въ Японской Имперіи, торговые обороты такъ невыгодны, что уже два года мы терпимъ значительные убытки на товарахъ, которые привезены въ Японію. *Невозможно продолжать наши дѣйствія при такомъ положеніи.*

«Останемся ли мы въ Японіи или придется намъ выѣхать, мы желали бы во всякомъ случаѣ послать на будущій годъ въ Нагазаки знатнаго человѣка, съ нѣкоторыми рѣдкостями, чтобы почтительно откланяться его величеству и ихъ высочествамъ, или принести справедливую дань благодарности, если

схваченъ за воротникъ, брошенъ на землю у воротъ Юламъ (*Julam*); самые низкіе солдаты грозили ему словами и тѣлодвиженіями. Все это происходило 1-го февраля 1835 г., а только въ концѣ 1839 года, Англичане увидѣли необходимость силою взять вознагражденіе за прошедшее и обезпеченіе въ будущемъ!

Прочтите переписку англійскихъ агентовъ въ Китаѣ съ министрами, напечатанную по приказанію парламента — и судите сами!

Заморская торговля, безъ сомнѣнія, дѣло полезное, неизбѣжный результатъ развитія образованности и взаимныхъ нуждъ націй; но надобно признаться, что исторія этой торговли часто оправдываетъ то презрѣніе, которое показываютъ высшіе классы народа въ Китаѣ и Японіи къ духу и жадности европейскихъ спекуляторовъ-торгашей.

удержаны будутъ за нами наши древнія привилегіи. Но, не зная, будетъ ли это желаніе пріятно высшей власти, и будетъ ли нашъ посланный принять по званію своему, просимъ ваши высочества отвѣчать намъ на этотъ предметъ, потому что мы приняли намѣреніе вести себя во всякомъ дѣлѣ по ихъ мудрому указанію».

Черновая бумага, которой копія отправлена къ губернатору Нагазаки съ частнымъ письмомъ, писаннымъ въ выраженіяхъ болѣе энергическихъ, представлена на судъ Семнадцати (такъ назывался индійскій совѣтъ въ Амстердамѣ). Но, кажется, твердая и умѣренная рѣчь Фанъ-Димена, за которою могло послѣдовать уничтоженіе голландской конторы въ Японіи, не понравилась компаніи; члены уговорили генералъ-губернатора измѣнить тонъ переписки съ губернаторами Нагазаки. Притомъ же оба губернатора Нагазаки лично отвѣчаютъ за поведеніе гостей (Голландцевъ), и дѣльныя и основательныя жалобы Фанъ-Димена могли доказать, что губернаторы во зло употребляли власть свою и должны были подвергнуться строжайшему наказанію; по этимъ причинамъ, вслѣдствіе взаимнаго соглашенія въ 1643 году, посланіе государственному совѣту уничтожено. Съ этой минуты, отношенія голландскихъ агентовъ къ японскимъ властямъ нѣсколько улучшились,

и торговля, несмотря на неправильныя и произвольныя ограниченія, дала довольно значительные барыши, особенно мелкимъ торговцамъ (*racotilleurs*), которыхъ компанія допустила. Въ 1671 году торговля находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, особенно въ отношеніи къ размѣрамъ, въ которыхъ была допущена. Но уже японское правительство испугалось быстрого вывоза драгоценныхъ металловъ и даже мѣди. На вывозъ серебра послѣдовало запрещеніе еще въ 1661 г.; потомъ запретили вывозъ золота, ограничили вывозъ мѣди, послѣ многихъ перемѣнъ въ законодательствѣ объ этой отрасли торговли. (Разсказъ объ этихъ перемѣнахъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко) (*).

Съ другой стороны, неблагоразуміе Голландцевъ, интриги и спекуляціи агентовъ обѣихъ націй, соединявшихся для добычи, враждовавшихъ при раздѣлѣ, порча монеты, которой номинальная цѣна, благодаря покорности Голландцевъ, продолжала служить мѣрою официальной торговли, между тѣмъ какъ самая выгодная контрабанда поддер-

(*) Докладная записка одного японскаго князя, государственнаго совѣтника, показываетъ, что около 1710 г., въ теченіе почти ста лѣтъ, вывозъ драгоценныхъ металловъ достигъ до суммы въ два милліарда франковъ, или среднимъ числомъ, почти до 23 милліоновъ фр. въ годъ!

живалась на нея счетъ; множество второ-
степенныхъ причинъ, запятнанныхъ беспорядкомъ и безнравственностію, — все это вмѣстѣ сократило счастливый періодъ, котораго самымъ полнымъ выраженіемъ была 1671 годъ. Торговля ежегодно упадала, до 1743 года, и нѣсколько поднялась отъ 1745 до 1755. Но въ это время весьма неосторожные поступки опять повредили голландскимъ интересамъ. Японское правительство, не лишая добровольныхъ изгнанниковъ въ Децимѣ своего презрительнаго покровительства, объявило, что имъ предоставляется остаться или уѣхать. Мейланъ называетъ это «тяжкимъ униженіемъ, какого Голландцы еще не испытывали». — «Съ этой минуты, говоритъ Зибольдъ, начинаются неудовольствія и взаимныя обвиненія, происходившія всего чаще отъ мелкой зависти въ выгодахъ; такса на мѣдъ возвышается и упадаетъ по прихоти японскихъ губернаторовъ; а обманы, соединяясь съ частною спекуляціею, все болѣе и болѣе стѣсняютъ голландскую торговлю». Въ то же самое время (1755) самъ директоръ факторіи и капитаны кораблей были осматриваемы *съ ногъ до головы* при входѣ въ контору и при выходѣ изъ нея! Теперь дѣла идутъ не такъ дурно и плачевно, но Голландцы, въ надеждѣ удержать за собою незначительную монополію, рѣшили

вынести величайшія униженія. Это доказы-
вается слѣдующими подробностями:

Децима (дѣ, передній, *цима* или *зима*, островъ) имѣетъ форму вѣера, у котораго отрѣ-
зали ручку. Это—продолговатый прямоуголь-
никъ, котораго длинныя стороны суть части
круга. Кемпферъ говоритъ, что Децима дли-
ною въ 236 шаговъ и шириною въ 82. Зи-
больдъ даетъ ей 624 фута (рейнской мѣры)
на югѣ, 516 на сѣверѣ, 216 футовъ отъ во-
стока до запада, и около 6 футовъ надъ
уровнемъ моря, во время прилива. Базаль-
товая стѣна защищаетъ ее отъ волнъ. На
этомъ маломъ пространствѣ построены дере-
вянные дома голландскихъ чиновниковъ, ихъ
магазины и нѣкоторыя службы. Эти по-
стройки, тѣснящіяся одна возлѣ другой,
даютъ, однакожъ, мѣсто улицѣ довольно
широкой, которая съ ботаническимъ са-
домъ и садомъ факторіи, доставляетъ мѣ-
сто прогулки иностранцамъ, содержимымъ
и охраняемымъ въ Децимѣ. Мачта съ фла-
гомъ стоитъ подъ $32^{\circ} 45'$ сѣверной широты
и $127^{\circ} 31'$ восточной долготы (отъ
лондонскаго меридіана?) Островъ соединенъ
съ городомъ Нагазаки каменнымъ мостомъ,
длиною только въ нѣсколько шаговъ; на
концѣ его — ворота и караульня, гдѣ без-
престанно стоятъ часовые. На сѣверной сто-
ронѣ острова выстроены другія ворота, на-

зываемыя *Водяными*; они открываются только для необходимыхъ сношеній съ голландскими кораблями, находящимися на рейдѣ, и не иначе, какъ подъ присмотромъ полиціи. Ни Голландецъ, ни Японецъ не могутъ пройти въ ворота, безъ особеннаго осмотра. Высокая стѣна мѣшаетъ видѣть изъ города, что дѣлается на островѣ, и съ острова, что дѣлается въ городѣ. Лодки, стоящія по заливу во всѣхъ направленіяхъ и доставляющія ему столько жизни и живописности, видны изъ факторіи, и это движущееся зрѣлище было бы драгоценнымъ источникомъ развлеченія для затворниковъ, еслибъ они могли наслаждаться имъ вблизи; но загородка, поставленная на нѣкоторомъ разстояніи въ морѣ и покрытая разными запретительными надписями, не позволяетъ судамъ подходить къ острову. Голландцы не могутъ сходить съ острова безъ дозволенія; Японцы могутъ входить на него тоже только съ особеннымъ позволеніемъ, и то для служенія Голландцамъ (это мы объяснимъ ниже) и въ извѣстные часы дня. Въ факторіи, въ послѣднее время, (въ 1844 году), находилось только шесть Европейцевъ: начальникъ, президентъ или директоръ (*opperhoofd*), называемый японцами *голланда-капитанъ* или *горанда-капитанъ*, смотритель магазиновъ, бухгалтеръ, онъ же писецъ, три ассистента и магазинный

прикащикъ! При Фишерѣ и Зибольдѣ было почти вдвое; стало быть дѣла идутъ все хуже и хуже. Этимъ Европейцамъ служатъ японскіе слуги, но только во время дня. При закатѣ солнца, олужители должны уходить съ острова и являться въ караульню на мосту, чтобы полиція знала, что они возвратились въ городъ. Измѣненіе этому правилу не допускается ни подъ какимъ предлогомъ, ни даже въ случаѣ внезапной и опасной болѣзни Голландца. Уединенные и принужденные служить самимъ себѣ, половину сутокъ, Голландцы нашлись въ необходимости искать средствъ, какъ бы избавиться отъ тяжкаго однообразія и скуки такой жизни. и добыть, посредствомъ денежнаго пожертвованія, помощь и услуги, необходимыя имъ въ печальномъ домашнемъ быту.

Какъ Японецъ не долженъ родиться въ Децимѣ, такъ запрещено ему и умирать тамъ, по крайней мѣрѣ офиціально. Въ случаѣ скоропостижной смерти, вѣроятно, прибѣгаютъ къ *наибонъ*, странному обычаю, по которому отвергается существованіе факта на нѣкоторое время, хотя онъ дѣйствительно существуетъ. Это что-то въ родѣ нашего инкогнито. Но относительно этого закона, какъ и многихъ другихъ, мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, и намъ приходится только *предполагать*, вмѣстѣ съ тѣми, которые преж-

де насть изучали и сравнивали свидѣтельства, не предаваясь политическимъ или нравственнымъ комментаріямъ о дѣйствіяхъ японскаго правительства.

Мы уже сказали, что островъ Децима устроенъ подозрительнымъ геніемъ этого правительства, но не слѣдуетъ вообразать, чтобы эта искусственная земля была уступлена Голландцамъ навсегда, или чтобы они могли распоряжаться ею какъ хотятъ, по своему усмотрѣнію. Домъ, гдѣ имъ позволено жить, принадлежать жителямъ Нагазаки, которые и получаютъ страшную плату за наемъ квартиръ (см. выше письмо генераль-губернатора Фанъ-Димена). Голландцамъ позволяется только меблировать жилища по своему вкусу, и выписывать мебель изъ Явы или заказывать по европейскому образцу японскимъ мастерамъ, которые превосходны въ этомъ родѣ работъ и вообще во всякомъ подражаніи; но они работаютъ, сколько хотятъ, и ни за какую прибавку платы не займутся дѣломъ въ часы, назначенные для обѣда или удовольствій. Голландцы не могутъ выбирать сами работниковъ, ихъ назначаютъ японскія власти. Нѣкоторые поставщики также назначены офиціально, и цѣна ихъ товару определена правительствомъ въ 50 и 100 процентовъ выше рыночныхъ цѣнъ, потому что правительство получаетъ часть изъ выручки, для

покрытія издержекъ на охраненіе конторы и надзоръ за нею. Для множества другихъ статей, которыя не запрещены и могутъ понадобиться Голландцамъ, они обязаны относиться къ маклеру или патентованному *закупщику*, который до сихъ поръ носитъ португальское названіе *компрадора* (*comprador*); но за эти покупки не платится деньгами, потому что всякія денежныя сдѣлки запрещены Голландцамъ, и они не могутъ даже имѣть въ рукахъ серебра, превращеннаго въ монету. Грузы ихъ кораблей вручаются японскимъ агентамъ, которые принимаютъ на себя продажу товаровъ, получаютъ за нихъ деньги, покупаютъ на нихъ произведенія для отправки въ возвратъ и подаютъ свои счета начальнику факторіи безъ всякой другой повѣрки. Даже мелкіе торговцы (то-есть, служащіе въ факторіи, которымъ колоніальное начальство дозволяетъ, вмѣсто дополнительнаго жалованья, дѣлать спекуляціи на извѣстныя статьи), даже мелкіе торговцы подчиняются этому правилу, столь стѣснительному и несправедливому въ торговлѣ. Счетъ Голландца съ его поставщиками и закупщиками кончается помощію такихъ ежегодныхъ продажъ. Официальные поставщики, *компрадоры*, японскій медикъ (замѣняющій голландскаго въ случаѣ отсутствія или смерти), японскій хирургъ и дозволенные служители снаб-

жены приличными паспортами, по которымъ они могутъ входить въ Дециму и выходить изъ нея въ законные часы; но каждый изъ нихъ передъ вступленіемъ въ должность, *кровью своею* подписываетъ присягу (*), въ которой обѣщаетъ не входить въ короткое знакомство или дружбу съ Голландцами, не доставлять имъ никакихъ свѣдѣній объ языкѣ, законахъ, обычаяхъ, религіи или исторіи Японіи; словомъ, обѣщаетъ имѣть съ ними только тѣ сношенія, которыя потребуются его должностію. Никто другой (за исключеніемъ чиновниковъ и переводчиковъ японскихъ) не можетъ войти къ Дециму, безъ особеннаго дозволенія губернатора города Нагазаки. Говорятъ, что можно не слѣдовать этому правилу или избѣжать его: для этого надобно (подаривъ взят-

(*) Надобно замѣтить, что въ Японіи присяга принимается весьма часто, во всѣхъ случаяхъ, когда можно предвидѣть какую нибудь отвѣтственность. «Присяга необходима, говоритъ Кемпферъ, когда вступаютъ въ общественную должность, или свидѣтельствуютъ въ частныхъ дѣлахъ, или хотятъ оправдаться, или утвердить частное условіе, и вообще во многихъ случаяхъ. Присяга состоитъ изъ торжественнаго обѣщанія сдѣлать дѣло по формѣ, предписанной законами и учрежденіями имперіи, и всегда кончается заклинаніемъ, которымъ присягающій призываетъ на себя и на голову своихъ родныхъ гнѣвъ и мщеніе боговъ, если измѣнитъ обѣщанію. Присягающій подписываетъ присягу и прилагаетъ печать свою, обмакивая въ чернила, куда пущена капля его крови. Для этого онъ прокалываетъ себѣ палецъ, подъ ногтемъ.

ку кстати) выдать себя за служителя факторіи, а извѣстно, что служители входят на Дециму безпрепятственно.

Строгое исполненіе предписанныхъ правилъ возложено на городское начальство и полицію Нагазаки. Нѣсколько городскихъ офицеровъ, съ достаточнымъ отрядомъ переводчиковъ, всегда находятся на мѣстѣ; имъ даны для жительства особые дома; но имъ нужна только караульная, потому что они смѣняются черезъ сутки.

Переводчики составляютъ въ Нагазаки правильную корпорацію и получаютъ жалованье изъ государственной казны. Считаютъ отъ шестидесяти до семидесяти присяжныхъ переводчиковъ для голландскаго языка (*) и еще болѣе для китайскаго. Факторія китайская выселена изъ города, какъ и голландская, но все таки находится на городской землѣ. Переводчики, состоящіе при одномъ изъ этихъ заведеній, могутъ посѣщать ихъ не по-одиначкѣ, а по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, подъ присмотромъ городского офицера, (Фишеръ называетъ его шпіономъ). По этому случаю можно замѣтить, что японская система основана на шпіонствѣ; однакожь, невѣроятно, чтобы оно производилось открыто. Служителямъ поручено доставлять началь-

(*) При Кемпферѣ ихъ было полтораста.

ству тѣ подробности о поведеніи Голландцевъ, которыя могутъ быть занимательны и нужны; это тѣмъ возможно, что служители понимаютъ и почти всѣ говорятъ по-голландски.

Во время прибытія голландскихъ кораблей и разгрузки ихъ, во время покупки товаровъ, идущихъ въ возвратъ, доставки ихъ на корабли и во время приготовленій къ отплытію, сношенія главнаго начальника факторіи съ губернаторомъ Нагазаки и его чиновниками становятся болѣе частыми, прямыми и сложными; порядокъ, котораго держатся въ этихъ сношеніяхъ со стороны Японцевъ, показываетъ, на сколько уважаютъ Голландцевъ мѣстные власти. Объ этомъ предметѣ писали различно. Зибольдъ утверждаетъ, что начальникъ голландской факторіи и теперь еще подвергается разнымъ обидамъ и униженіямъ; а большая часть Голландцевъ увѣряетъ, что имъ оказываютъ такое уваженіе, какого только можно ожидать въ той относительной зависимости, въ которой они находятся. Зибольдъ, указывая на эти унижающія уступки, приписываетъ ихъ не личной корысти и жадности, а патріотическому чувству, которое усмиряетъ самолюбіе желаніемъ сохранить Голландіи привилегію выгодной торговли. Другіе, напротивъ, вовсе не заботятся объ этомъ торговомъ побужденіи и прежде всего ста-

раются охранить народное и личное достоинство. Намъ кажется, что они совершенно правы, если принять въ соображеніе *факты*, которые мы сейчасъ изложимъ, занявъ ихъ у самихъ Голландцевъ. Между фактами, которые дадутъ читателю возможность рѣшить этотъ вопросъ, одинъ особенно замѣчательнъ; онъ важнѣе всѣхъ прочихъ, и на него мы желаемъ обратить особенное вниманіе. Фактъ этотъ, впрочемъ, касается важнѣйшихъ философическихъ вопросовъ, которые значительнѣе вопроса о болѣе или менѣе незавидномъ положеніи Голландцевъ въ Японіи. Мы хотимъ говорить о *полномъ презрѣніи*, которое оказываютъ торговлѣ всѣ классы въ Японіи, имѣющіе нѣкоторое вліяніе, особенно благородные люди и чиновники, даже и второстепенные. Подъ вліяніемъ такого предразсудка, японскіе начальники не могутъ обращаться съ начальникомъ факторіи, какъ съ равнымъ себѣ: они ставятъ его не выше японскихъ купцовъ, которымъ запрещено носить саблю по японскимъ законамъ. Самый богатый негоціантъ можетъ избавиться отъ этого унижительнаго лишенія только тѣмъ, что выпросить у какого-нибудь дворянина-бѣдняка (которому окажется за то денежныя услуги) позволеніе вписаться въ число его слугъ, и въ *качествѣ слуги* будетъ носить одну саблю. Изъ всѣхъ Голландцевъ, только одному начальнику фак-

торіи дозволено носити *одну* шпагу, да и то въ особенныхъ торжественныхъ случаяхъ. Какъ допустить, чтобы въ Японіи человѣкъ, носящій одну саблю или одну шпагу и то не всегда, а только въ извѣстныхъ случаяхъ, могъ считать себя равнымъ тому, кто имѣетъ право носить *два* сабли, или даже и тому, кто по закону можетъ носить *одну саблю постоянно*?

Ясно, что на этомъ пунктѣ этикета, Голландцы унизили себя довольно; но напрасно и неосновательно предполагали, что будто бы другія ихъ уступки представляютъ еще болѣе униженія.

Мы намекаемъ на упрекъ въ томъ, что будто бы они удержали за собою свои привилегіи, покоряясь волѣ японскихъ начальствъ, которыя принудили ихъ публично попирать ногами самые священные въ религіи предметы. Но ничѣмъ не доказано, чтобы въ какое нибудь время пребыванія въ Японіи Голландцы обезславили себя такимъ непростительнымъ поступкомъ. Пока Японцы могли бояться развитія оставшихся въ Японіи корней христіанства, они строжайше запрещали европейскимъ гостямъ отправлять богослуженіе; но никогда не требовали, чтобы Голландцы отказались отъ христіанскаго вѣроисповѣданія, а еще менѣе того желали напоминать объ истребленіи христіан-

ства публичными періодическими церемоніями. Правда, велики были униженія, наложенныя на Голландцевъ ; удивительно , что они могли вытерпѣть; но можно утвердительно сказать, что упрекъ, о которомъ мы говоримъ , основанъ на клеветѣ. Желая удержаться въ Японіи и избѣжать высылки, которая грозила всѣмъ Европейцамъ, Голландцы рѣшились сказать мѣстнымъ властямъ, что голландская вѣра совершенно отлична отъ португальской и испанской, и императорскій комиссаръ, осматривавшій Фиратовъ 1640 г., сказалъ: «а мы думали, что вашъ Христосъ и ихъ Христосъ не одинъ Богъ». Впрочемъ, ихъ посцѣшное повиновеніе всѣмъ жертвамъ, какія отъ нихъ требовались, особенно въ религіозномъ отношеніи, должно было дать дурное понятіе объ ихъ нравственности и заслужить имъ презрѣніе отъ этого народа, въ дѣйствіяхъ котораго характеристическая черта—уваженіе къ закону. Ниже мы будемъ говорить о обстоятельствахъ, сопровождавшихъ уничтоженіе христіанства въ Японіи, и объ отреченіи отъ него, нынѣ требуемомъ не отъ горсти Европейцевъ, которые заброшены въ уголокъ Имперіи, а отъ значительнаго числа японскихъ подданныхъ. Теперь дополнимъ, сколько возможно, описаніе отношеній, существующихъ въ Децимѣ между японскими властями и Голландцами. Мейланъ, бывшій

начальникъ конторы, менѣе всѣхъ другихъ увеличиваетъ почести; отданныя ему по этому званію, и считаетъ важнымъ преимуществомъ обычай, по которому главный полицейскій офицеръ Нагазаки и гражданскій начальникъ города, имѣя дѣло къ начальнику факторіи, всами приходятъ къ нему, а не требуютъ къ себѣ въ судъ (на островъ). Вотъ какъ онъ описываетъ такой офиціальный визитъ:

«Въ такомъ случаѣ, orperhoofd (начальникъ факторіи) готовится къ принятію благородныхъ гостей, приказываетъ разложить коверъ, поставить на столъ варенья и ликёры, которые предлагаются въ удобное время. Онъ долженъ ждать у дверей своихъ появленія японскаго сановника, и когда тотъ сядетъ по своему обычаю, на пятки, то и начальникъ факторіи садится такимъ же образомъ на коверъ и кланяется два или три раза, нагибая голову къ самому полу: это называется «дѣлать привѣтствіе».

«Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, потому что во всей Японіи знатные люди принимаютъ другъ-друга и кланяются такимъ образомъ, но вотъ въ чемъ унижительное различіе: у Японцевъ такое привѣтствіе взаимно, а при свиданіи Голландца съ Японцемъ (чи на гобаніюзи) (*), послѣдній не отдаетъ по-

(*) Зибольдъ увѣряетъ, и прочія свидѣтельства съ

клона Голландцу, который долженъ быть доволенъ, если ему кивнуть головою.»

Это тѣмъ замѣтнѣе новоприбывшему въ Де-циму, что онъ видитъ между Японцами чрезвычайную вѣжливость, даже слишкомъ церемонную, въ которой они не уступаютъ даже Китайцамъ. Не менѣе важно и то замѣчаніе, что никогда высшій японскій чиновникъ не заговоритъ *прямо* съ Голландцемъ, но всегда черезъ переводчика. Можно подумать, что незнаніе языка служитъ тутъ неотразимымъ препятствіемъ и встрѣтившіеся люди не могутъ начать разговоръ безъ помощи переводчика, но не въ этомъ заключается настоящая причина, потому что многіе начальники конторы, прилежно изучая японскій языкъ, легко на немъ объяснялись; нѣкоторые рѣшались даже начать разговоръ *прямо* съ высшимъ Японцемъ, безъ пособія переводчика, но *безъ пользы*: сановникъ притворялся, что ничего не понимаетъ, и указывалъ на переводчика, какъ на неизбѣжнаго проводника, черезъ котораго должны были проходить слова Голландца. Изъ этого мы видимъ, что и

нимъ согласны, что *gobanyosi* или высшій японскій полицейскій офицеръ нисколько не принадлежитъ къ числу высшихъ чиновниковъ. Гражданскій начальникъ города или бургомистръ, вѣроятно, не занимаетъ такого важнаго мѣста въ чиновной іерархіи, какъ утверждаютъ Голландцы.

тутъ главное дѣло—вопросъ объ этикетѣ, вопросъ, рѣшенный Японцами не въ пользу Голландцевъ (*). Мы еще болѣе утверждаемся въ этомъ мнѣніи тѣмъ, что чѣмъ выше чиновникъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ число *посредниковъ*, напр. когда губернаторъ Нагазаки принимаетъ начальника конторы, то говоритъ своему секретарю, секретарь переводчику, переводчикъ начальнику Голландцевъ; отвѣтъ его переводчикъ опять передаетъ секретарю, а секретарь губернатору.

Начальникъ факторіи бываетъ два раза въ годъ у губернатора Нагазаки; разъ для представленія ему *фассака*, то есть, ежегоднаго подарка, присылаемаго отъ колоніяльнаго начальства; въ другой разъ, при отходѣ кораблей. Оффиціальныя разговоры при этомъ случаѣ опредѣлены заранее и никогда не измѣняются. Мейланъ передалъ намъ и вопросы и отвѣты.

(*) Изъ словъ самыхъ просвѣщенныхъ путешественниковъ и изъ свѣдѣній, которыя лично сообщилъ г-ну Жансины одинъ Голландецъ, долго жившій въ Японіи и человекъ очень образованный, можно заключить, что здѣсь дѣло идетъ не только о вопросѣ объ этикетѣ, наблюдаемомъ съ Голландцами, но и объ *общемъ правилѣ*, по которому запрещено всякому японскому офицеру (за исключеніемъ присяжныхъ переводчиковъ) понимать *оффиціально* европейскіе языки, равно запрещено *понимать* иностранца, который заговоритъ съ нимъ по-японски.

Вотъ разговоръ при представленіи Фассакка (*):

Начальникъ конторы. — «Съ особеннымъ удовольствиемъ вижу, что его превосходительство, господинъ губернаторъ, находится въ вождѣльномъ здравіи, и прошу его принять мое поздравленіе. Также я долженъ благодарить его превосходительство за помощь, которую онъ продолжалъ оказывать Нидерландцамъ въ дѣлахъ ихъ торговли въ нынѣшнемъ году, и потому предлагаю его превосходительству, отъ имени генераль-губернатора Батавіи, подарки по обычаю, уже исключенные въ представленномъ мною спискѣ.»

Губернаторъ. — «Мнѣ очень пріятно видѣть голландскаго капитана (*horanda capitan*) въ добромъ здоровьѣ; поздравляю его и съ здоровьемъ и съ счастливымъ заключеніемъ торговыхъ дѣлъ, и съ благодарностію принимаю предлагаемый мнѣ подарокъ, по древнему обычаю, отъ имени высшаго управленія Батавіи. Время, назначенное отплытію кораблей, приближается, и потому капитанъ

(*) Такіе подарки японское правительство считаетъ не дарами, а *податью* или данью. *Фассакъ*, по китайски *ра-зо*, значитъ первый день восьмага мѣсяца. Въ это время чиновники, служащіе въ Нагазаки, вносятъ плату съ своего жалованья, то есть, вычитъ изъ жалованья въ пользу императорской казны. См. Зибольда т. I стр. 234.

заботится, чтобъ они были скоро изготовлены, и когда корабли будутъ дѣйствительно готовы, капитанъ извѣститъ губернатора».

Начальникъ конторы. — «Его превосходительство дѣлаетъ мнѣ честь, принимая предложенные подарки. Я постараюсь, чтобъ корабли скоро были приготовлены къ отплытію, а какъ они будутъ готовы, не премину извѣститъ губернатора.»

Тутъ и кончается аудіенція. Начальникъ факторіи переходитъ въ другую залу и проситъ позволенія привѣтствовать губернаторскихъ секретарей частнымъ образомъ. Входятъ секретари и послѣ обычныхъ поклоновъ или *комплимента* президентъ говоритъ:

«Я счастливъ, что вижу господъ секретарей въ добромъ здоровьѣ, и благодарю за то, что имъ угодно было заняться нашими торговыми дѣлами.»

Первый секретарь отвѣчаетъ, отъ своего собственнаго имени, и отъ имени товарища:

«Мы очень рады видѣть голландскаго капитана въ добромъ здоровьѣ и надѣмся, что онъ будетъ здоровъ.»

На аудіенціи передъ отплытіемъ кораблей говорятъ:

Начальникъ конторы. «Прошу его превосходительство принять пожеланіе добраго здоровья, и имѣю честь извѣститъ, что послѣ завтра, 20 числа, корабли, готовые къ от-

плытію, при содѣйствіи его превосходительства, отправляются въ Папенбергъ и тамъ станутъ на якорѣ (*).»

Губернаторъ.—«Радъ узнать, что корабли готовы къ отплытію и капитанъ позаботится, что бы они отплыли 20 числа. Теперь я прочту императорскія приказанія, дабы капитанъ зналъ, что остается ему дѣлать: слушайте!»

Начальникъ конторы—«Благодарю его превосходительство за позволеніе на отплытіе кораблей и готовъ выслушать императорскія приказанія».

(*) Императорскимъ приказомъ повелѣно голландскимъ кораблямъ, будутъ или не будутъ они готовы, выходить изъ рейда Нагазаки въ двадцатый день девятого японскаго мѣсяца. Однакожь, они могутъ подождать попутнаго вѣтра, остановившись у Папенберга (такъ называется островъ въ память папистовъ, то есть португальскихъ монаховъ, которые сброшены съ утесовъ этого моря во время гоненія христіанъ). Прощальная аудіенція бываетъ 18 числа. День отъѣзда назначается губернаторомъ и приказъ его долженъ быть немедленно исполненъ «хотя бы при противномъ вѣтрѣ и въ сильнѣйшую бурю (говоритъ Тунбергъ).» Можетъ быть, слова Тунберга нѣсколько преувеличены, но извѣстно, что даже въ дурную погоду корабли должны идти, для чего ихъ тащатъ сотни японскихъ лодокъ, при пѣсняхъ гребцовъ; это представляетъ самое странное и самое живописное зрѣлище. Порядокъ и согласіе въ этой операціи часто возбуждали удивленіе путешественниковъ, и особенно моряковъ. (См. Описаніе Крузенштерна, Томъ 1, стр. 350).

Губернаторъ читаетъ бумагу на японскомъ языкѣ, а переводчикъ повторяетъ его слова по-голландски. Вотъ смыслъ этого документа: Если Голландцы желаютъ продолжать торговлю съ Японіею, то не должны ни привозить никого постороннихъ въ Нагазаки, ни входить въ сношенія съ Португальцами; а если узнаютъ о какихъ злыхъ умыслахъ Португальцевъ противъ Японіи, то обязаны извѣстить губернатора Нагазаки. Они должны оказывать уваженіе китайскимъ судамъ, имѣющимъ позволеніе приходить въ Японію, и къ судамъ острововъ *Miu-Kiu*, потому что эти острова находятся въ зависимости Японіи.—По окончаніи чтенія, офиціальный разговоръ продолжается:

Губернаторъ.—«Строго соображайтесь съ императорскими приказаніями; кромѣ того, капитанъ потребуетъ отъ остающихся Голландцевъ, чтобъ они вели себя хорошо.»

Начальникъ конторы.—«Буду вѣрно сообразоваться съ императорскими приказаніями, которыя мнѣ теперь объявлены, и сообщу ихъ высшему правительству въ Батавіи. Потребую отъ Нидерландцевъ, остающихся въ Децимѣ, чтобъ они вели себя хорошо».

Послѣ приведенныхъ нами фактовъ, можно составить довольно вѣрное общее понятіе о жизни въ Децимѣ. Мы уже замѣтили, что Японецъ не можетъ умереть тамъ

официально. Голландцы могут умирать сколько угодно; во времена фанъ-Димена могилою имъ служило море, но теперь для кладбища факторіи дали участокъ земли, принадлежащій одному храму въ Нагазаки. По странной противоположности съ другими полицейскими мѣрами, которыя тяготѣютъ надъ децимскими узниками, съ Голландцами въ этомъ случаѣ поступаютъ какъ будто они Японцы. Умершаго Голландца хоронятъ не по обряду христіанскому, а съ тѣми же церемоніями, которыя подобаютъ подданному японскаго императора. Жрецы храма, къ которому принадлежитъ кладбище, заботятся о погребеніи чужеземца, какъ будто онъ ихъ соотечественникъ и единовѣрецъ. Факторія платитъ ежегоднымъ приношеніемъ въ храмъ, который защищаетъ послѣднее жилище ея членовъ, имѣвшихъ несчастье умереть на роковомъ островѣ Децимѣ! Стало быть, въ отношеніи къ уваженію мертвыхъ, котораго прежде не существовало такъ же, какъ и къ живымъ, произошла счастливая переменѣна (даже со временъ Тунберга, см. его пут. томъ II, стр. 27); но едва ли нынѣшняя жизнь въ Децимѣ не оправдываетъ вполне словъ Тунберга, сказанныхъ назадъ тому 72 года:

«Заживо сходить въ могилу Европейецъ, осужденный на житье въ этомъ уединеніи.

Въ удаленіи отъ всего, что происходитъ на сценѣ міра, онъ пресмыкается въ полнѣйшемъ нравственномъ ничтожествѣ. Уму нѣтъ пищи, воля уничтожена; самое умное дѣло отбросить всѣ разумныя способности и сблизиться въ понятіяхъ съ туземцами, которые избавляютъ отъ труда начальствовать и дозволяютъ только повиноваться».

Таково положеніе Голландцевъ на Децимѣ; жалѣйте о нихъ или нѣтъ, какъ угодно! Такой постоянный плѣнъ, такое однообразіе растительнаго существованія, иногда перерываются, по крайней мѣрѣ для иныхъ плѣнниковъ, разными случаями, которыми мы должны заняться. Во первыхъ, всякому члену факторіи позволено просить позволенія на посѣщеніе города Нагазаки и его окрестностей. За двадцать четыре часа, онъ долженъ представить просьбу губернатору, черезъ переводчика. Губернаторъ рѣдко отказываетъ, или вѣрнѣе сказать, никогда не отказываетъ, но даетъ позволеніе съ условіемъ: за несчастнымъ Голландцемъ будутъ ходить нѣсколько полицейскихъ офицеровъ и компаньонъ, которому исключительно поручается закупать все, на что веселящійся членъ факторіи можетъ изъявить желаніе во время своей прогулки. Эти необходимые спутники ведутъ за собой всю свою челядь, такъ что малѣйшая прогулка тянетъ за собою двадцать

*

пять или тридцать человѣкъ. Понятно, что прогулка, при такихъ условіяхъ, не совсѣмъ пріятна, особенно если принять въ соображеніе несносную свиту японскихъ уличныхъ мальчишекъ, которые безотвязно преслѣдуютъ группу съ иностранцемъ, крича все время: *Горанда! Горанда! (Голландецъ! Голландецъ!)*. Притомъ же, каждый японскій офицеръ, сопровождающій высвободившагося плѣнника, позволяетъ себѣ приглашать на прогулку столько друзей, сколько ему покажется приличнымъ, и бѣдный Голландецъ непремѣнно обязанъ угощать всѣхъ приглашенныхъ! Онъ ничего не выиграетъ, если пригласитъ къ себѣ въ товарищи другаго члена факторіи, потому что на двухъ Голландцевъ назначается двойная порція конвоя; стало быть, и число приглашенныхъ конвойными увеличится вдвое.

Цѣль такихъ поѣздокъ всегда одинакова; гуляютъ по улицамъ Нагазаки, заглядываютъ въ окрестности, посѣщаютъ храмъ, гдѣ приказываютъ подать себѣ угощеніе, или заходятъ въ главнѣйшіе чайные дома. Надобно же пройти черезъ городъ; поэтому мы расскажемъ его достопримѣчательности.

Нагазаки расположенъ на скатѣ холма, какъ всѣ японскіе города; онъ построенъ правильно; у каждаго дома большой или маленькій садъ, почему общій видъ города прекрасенъ.

Дома вообще низки. Въ каждомъ не болѣе одного этажа, гдѣ можно жить; надъ нимъ чердачекъ; въ иныхъ домахъ есть подвальный этажъ, который можетъ служить амбаромъ, по его прямое назначеніе — возвысить ту часть дома, гдѣ живутъ. Высота фасада и число оконъ опредѣлены закономъ. Дома всѣ деревянные и по большей части скрѣплены смѣсью кирпичной глины съ рубленой соломой. Снаружи стѣны обмазаны цементомъ, и похожи на каменные. Въмѣсто стеколъ въ окнахъ очень тонкая и крѣпкая бумага; она пропускаетъ довольно свѣта для освѣщенія комнатъ, но съ улицы ничего не видно. Окна, выходящія на улицу, прикрыты ставнями и жалузи; на иныхъ только однѣ ставни. Домъ всегда окруженъ *варандомъ* или галереей, которая соединяется со всѣми комнатами. (*) Фасадъ важнѣйшихъ японскихъ жилищъ занятъ большимъ портикомъ, гдѣ лежатъ паланкины, зонтики, обувь гостей; тамъ же сидятъ слуги, люди, имѣющіе нужду до хозяина дома, и пр. Портникъ имѣетъ сообщеніе со службами и со всѣми пристройками дома. Семья занимаетъ заднюю часть дома, лежащую къ саду. Эта часть дома

(*) У Шарльвуа есть подробное описаніе устройства хорошенькаго японскаго домика и сада, томъ I, стр. 40 и слѣд. Въ атласѣ Зибольда есть изображенія японскихъ домовъ.

имѣетъ форму треугольника, которая доставляетъ ей болѣе воздуха, свѣтла, и притомъ веселѣе другихъ. Садъ, какъ бы малъ ни былъ, всегда представляетъ цѣлый пейзажъ въ миниатюрѣ, съ утесами, горами, озерами, деревьями, водопадами; въ немъ всегда храмъ для домашняго семейнаго богослуженія. Такое уменьшенное подражаніе красотамъ природы можетъ показаться намъ смѣшнымъ; но множество такихъ садовъ доставляетъ городу самый живописный видъ.

Самый скромный владѣлецъ земли хочетъ имѣть такой садъ; и за неимѣніемъ мѣста, садить въ горшки красивыя или рѣдкія растенія и цвѣты, которымъ японскіе садовники умѣютъ придать самыя странныя формы; они даже сокращаютъ ростъ растенія, не лишая его, однакожъ, способности доставлять сѣмена (*).

Однакожъ, иногда мѣстные обстоятельства, нужды и средства семействъ измѣняютъ форму строеній. Около рынковъ на большихъ улицахъ, гдѣ безпрерывно встрѣчаются магазины и лавки, дома стоятъ одинъ возлѣ другаго, и садовъ нѣтъ. Иногда нѣсколько

(*) Такіе фокусы въ цвѣтоводствѣ также въ большой модѣ въ Китаѣ; очень можетъ быть, что Китайцы и распространили эту страсть въ Японіи; но Японцы превзошли своихъ учителей, если вѣрить путешественникамъ.

домовъ. построены такъ, что между ними садъ, принадлежащій къ одному дому или ко всѣмъ вмѣстѣ. Всѣ выигрываютъ отъ такого расположенія, какъ въ гигиеническомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи къ удовольствию. Въ этомъ случаѣ, задняя часть домовъ не вездѣ бываетъ треугольная.

Всего замѣчательнѣе въ домашней архитектурѣ то, что при каждомъ жиломъ строеніи есть особый *сохранный магазинъ*, отдѣльно стоящій отъ главнаго корпуса; мысль о такихъ магазинахъ внушена частыми пожарами въ Японіи и отчасти страхомъ мошенничества (хотя воры вообще рѣдки.) Магазины почти всегда деревянные, какъ и дома, но крѣпче, и видъ ихъ такъ хорошъ, что Зибольдъ, увидавъ эти постройки, принялъ ихъ за господскія жилища.

Кажется, что число магазиновъ увеличивается по состоянію хозяина, и тогда каждый магазинъ имѣетъ свое особенное назначеніе. Тотъ, гдѣ хранятъ золото, серебро и драгоценныя вещи, построенъ крѣпче и оберегается лучше, чѣмъ тѣ, гдѣ лежатъ хлѣбъ, провизія или товары. Магазины выстроены изъ толстыхъ бревенъ, изъ какихъ не строятъ домовъ. Промежутки наполнены камнями и кирпичами, соединенными цементомъ, и покрыты слоемъ обмазки, такъ, что стѣна выходитъ въ два фута толщины. Крыша ма-

газиновъ обмазана съ особеннымъ тщаніемъ и покрыта толстыми черепицами. Зданіе вообще въ два этажа; въ немъ дѣлаютъ нѣсколько отверстій или оконъ, для воздуха и свѣта; но каждое отверстіе закрывается мѣдною ставнею. Огромный сосудъ, наполненный жидкою грязью, всегда стоитъ близъ магазина или у дверей; въ случаѣ пожара, это простое лекарство набрасывается на ту часть, которой угрожаетъ опасность; такіа мѣры производятъ самое благопріятное дѣйствіе, и сохранные японскіе магазины не истребляются пожарами. Президентъ Дэфъ, описывая пожаръ, который въ его время истребилъ одиннадцать улицъ въ Нагазакі, замѣчаетъ, что ни одинъ магазинъ не сгорѣлъ. Однакожъ, ипогда случается, когда магазины выстроены возлѣ самыхъ домовъ, что дерево обугливается и магазинные запасы истребляются или остаются сильно поврежденными. Обыкновенные магазины называются *кура* или *киура*. Въ старину строили съ тою же цѣлію подземелья, которыя назывались *дозоо* или *анагура*; но теперь ихъ не строятъ.

Вернемся къ прогулкѣ голландскихъ узниковъ. — Когда выйдешь изъ города, зрѣлище полей такъ богато и разнообразно, живописные виды смѣняются съ такою быстротою, съ своими горами, долинами, землей, небомъ

и моремъ, что зритель, предаваясь созерцанію этой чудной панорамы, совершенно забываетъ, что находится подъ надзоромъ. Впрочемъ, сами Японцы очень любятъ изящную природу и легко восхищаются прелестными перспективами, которыя представляетъ страна. Эта врожденная страсть Японцевъ доказывается умѣньемъ ихъ выбирать для храмовъ превосходнѣйшія мѣстоположенія. Такихъ храмовъ около шестидесяти въ небольшомъ кругу около Нагазакіи. Всѣ построены очень просто и безъ украшеній. Они, какъ и простые дома, обнесены галереей, и около главнаго зданія бываетъ по нѣскольку маленькихъ храмиковъ или часовень. Цные храмы буддистовъ, другіе принадлежатъ религіи *синтоо* или *шіянинъ*. Послѣдніе храмы называются *мія*, а буддистскіе—*тера*. Храмы всегда стоятъ на горахъ, и при каждомъ садъ, изъ котораго видъ великолѣпный. Въ эти сады обыкновенно собираются люди, желающіе повеселиться. Большія залы, непосвященныя богослуженію, говоритъ Зибольдъ, отдаются въ наймы путешественникамъ японскими жрецами, для веселья, пировъ и даже оргій. Новѣйшія извѣстія (*) удостоверяютъ, что оргіи очень рѣдки и составляютъ необыкновенное исключеніе.

(*) См. *Chinese Repository*, часть IX, стр. 471 (1840).

Нерѣдко даютъ путешественникамъ, и особенно богомольцамъ, убѣжище въ храмахъ; но отдаютъ въ наймы отдѣльныя залы, для увеселеній, только въ случаѣ праздниковъ. Притомъ же въ Японіи *ша-я* или чайные дома (тоже, что наши *кафѣ*) находятся не въ самыхъ храмахъ, а по близости ихъ.

Также надобно замѣтить, что жрецы секты *синтоо* всѣ женатые и не живутъ внутри своихъ храмовъ, да и буддистскіе жрецы тоже часто не живутъ въ храмахъ своихъ. — Голландецъ, допущенный въ Нагазаки, обязанъ угощать свою офиціальную и дружескую свиту. Мѣстомъ пира почти всегда избирается одинъ изъ храмовъ. По счастью, путешественникъ не всегда долженъ распоряжаться самъ; случается, что иногда надзирающіе за нимъ полицейскіе офицеры позволяютъ ему прогуливаться съ однимъ переводчикомъ, входить въ лавки и дѣлать покупки *наибонъ*, то есть инкогнито, пока веселые друзья пируютъ на его счетъ. Въ этихъ случаяхъ, сходка назначается въ одномъ изъ тѣхъ привилегированныхъ чайныхъ домовъ, гдѣ можно пить, слушать музыку, смотрѣть на танцы и предаваться разнымъ удовольствіямъ.

Число подобныхъ *чайныхъ домовъ* въ Японіи превосходитъ всѣ наши европейскія предположенія. Голландскіе путешественники го-

ворять, что въ одномъ Нагазаки, гдѣ отъ 60 до 70 тысячъ жителей, семьсотъ пятьдесятъ чайныхъ домовъ (*).

Какова бы ни была цѣль дозволенной прогулки, Голландецъ долженъ возвратиться въ Дециму до заката солнца. Ничто не можетъ избавить его отъ исполненія этого предписанія; да и быть иначе не можетъ, потому что ворота въ Дециму запираются при закатѣ солнца и отпираются только утромъ. Если Голландецъ захочетъ сдѣлать визитъ знакомому въ городѣ или принять приглашеніе отъ нагазакскаго жителя, то обязанъ получить на то особенное позволеніе, безъ котораго нельзя ему дерзнуть войти въ частный домъ. Также необходимо ему особое дозволеніе, если онъ хочетъ присутствовать при церемоніи или посмотрѣть зрѣлище. Въ просьбахъ такого рода почти никогда не бываетъ отказа; но иногда прибѣгаютъ къ японскому наибону (инкогнито), если хотятъ удовлетворить невинному любопытству, не вводя никого въ опасную или возможную отвѣтственность.

Между немногочисленными развлеченіями,

(*) Въ 1826 году Зибольдъ считалъ въ Нагазаки только 35 тысячъ жителей; однакожъ, онъ самъ допускаетъ, что домовъ было 11,451, 62 храма буддистскихъ, 5 часовенъ секты *ками*; на такое число домовъ 35 т. жителей слишкомъ мало. *Chinese Repository* утверждаетъ, что въ Нагазаки жителей 70 тысячъ.

которыя дозволены децимскимъ затворникамъ, первое мѣсто занимаютъ религіозные праздники; изъ нихъ главный, называемый *мацури*, празднуется въ честь божества *Сува*, покровителя города Нагазаки. Этотъ мѣстный праздникъ тѣмъ блистательнѣе, что совпадаетъ съ годовымъ общимъ праздникомъ, который отправляется по всей имперіи. Онъ продолжается нѣсколько дней, и начинается, какъ и ожидать слѣдуетъ, въ храмѣ, посвященномъ божеству *Сува*, украшенномъ на этотъ случай множествомъ знаменъ и флаговъ. Японцы всѣхъ сословіи идутъ туда въ парадныхъ одеждахъ, для подачи обычныхъ приношеній, болѣе или менѣе значительныхъ, по званію и состоянію молящихся; въ числѣ приношеній непременно должна быть одна чаша *заки*. Религіозное торжество состоитъ въ томъ, что въ переносную кумирню ставятъ изображеніе божества и около него кладутъ лучшія украшенія храма, между которыми видно рѣдкое и цѣнное оружіе; служители храма носятъ эту кумирню по всѣмъ улицамъ города. Главнѣйшіе жрецы храма, иные въ паланкинахъ, другіе верхомъ, и отряды кавалеріи, присылаемые губернаторомъ, составляютъ кортежъ. Потомъ кумирню со всѣми драгоценностями ставятъ на возвышеніе, приготовленное изъ бамбука, на главной городской площади; оно

съ трехъ сторонъ закрыто ширмами и открыто только съ той стороны, на которой остановилась процессія: такимъ образомъ, кумирня выставлена передъ толпою, чтобы та молилась и удивлялась (*). За этою чисто-религіозною церемоніею слѣдуетъ множество игръ и зрѣлищъ, издержки которыхъ выплачиваютъ разныя части города поочередно. Эти увеселенія даютъ частямъ города поводъ къ соперничеству; каждая хочетъ отличиться въ свою очередь; каждая желаетъ сдѣлать праздникъ блистательнѣе и замысловатѣе, и выводитъ самыхъ умныхъ дѣтей, которымъ раздаются роли въ процессіяхъ и сценическихъ играхъ. Каждый кварталъ доставляетъ свою часть богомольцевъ въ процессію, и каждая улица ставляетъ трехъ или четырехъ маленькихъ актеровъ (отъ семи до четырнадцати лѣтъ), которые иногда не безъ таланта. Объ этихъ увеселеніяхъ можно получить довольно полное понятіе изъ описанія Фишера. Замѣтимъ только, что на основаніи существу-

(*) «Все зданіе едва можно сравнить съ какимъ нибудь нашимъ сараемъ, такъ оно просто и бѣдно; оно должно быть такимъ, чтобы напоминать о жалкой архитектурѣ бѣдныхъ предковъ.» (Кемпферъ, томъ II, стр. 39). Многія другія подробности показываютъ, что праздники учреждены въ память героическихъ преданій и главнѣйшихъ историческихъ фактовъ, принадлежащихъ къ временамъ японской древности.

ющаго обычая, ежегодно слѣдуетъ перемѣнять эмблемы, декорации и мифологическія или историческія сцены.

Прежде всего несутъ огромный балдахинъ на бамбуковой палкѣ. У несущаго видны только ноги; балдахинъ вышитъ, и на верхней части покрытъ эмблематическими фигурами, изъ которыхъ многія должны напоминать о простотѣ и добродѣтеляхъ древнихъ Японцевъ; другія изображаютъ знаменитыхъ особъ обоюдо пола, или птицъ и звѣрей, напоминающихъ объ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Наконецъ, иныя указываютъ на ремесла, которыя въ Японіи въ почетѣ, или намекаютъ на благосостояніе квартала, или же улицы, которая внесла издержки процессіи (*).

За балдахиномъ идетъ толпа музыкантовъ; впереди ихъ *оттона*, главный городской чи-

(*) Въ описаніи такой процессіи, видѣнной Кемпферомъ и описанной назадъ тому полтора ста лѣтъ, читаемъ, что «впереди несли очень богатый балдахинъ или шелковый зонтъ, *палладіумъ* улицы, и подъ нимъ шить, на которомъ большими буквами было начертано названіе улицы.» — Музыканты, идущіе за балдахиномъ, въ *маскахъ* (какъ увѣряетъ Кемпферъ); музыка вмѣстѣ вокальная и инструментальная. Тунбергъ, видѣвшій *мацури* въ 1776 г., описалъ этотъ праздникъ, но очень коротко; однакожъ, и онъ упоминаетъ «о большомъ зонтѣ, на которомъ были изображены названія и отличительные знаки улицъ; за нимъ шли музыканты въ *маскахъ*; они пѣли, акомпанируя себѣ барабанами, флейтами и колокольчиками.»

новникъ. Эти музыканты упражняются на туземныхъ флейтахъ, цимбалахъ, барабанахъ. Далѣе идетъ труппа мальчиковъ (*) и представляетъ какой нибудь подвигъ одного изъ микадо или полубоговъ.

Эта часть праздника въ самомъ дѣлѣ удивительна: богатство и вѣрность костюмовъ, изумительный порядокъ въ торжественномъ шествіи, гдѣ важнѣйшія придворныя особы, мужчины и женщины, идутъ въ великолѣпнѣйшей одеждѣ и съ рѣдчайшимъ оружіемъ, вслѣдъ за владыкой своимъ, все это превосходитъ всякое вѣроятіе. Тутъ же несутъ нѣсколько маленькихъ паланкиновъ и идутъ слуги, на случай, если дѣти устанутъ и имъ понадобится отдохнуть. За этимъ зрѣлищемъ слѣдуетъ театральная выставка. Въ одну минуту, на нѣсколькихъ скамьяхъ, одинаковой длины и одинаковой ширины, устраиваютъ небольшой театръ помощію ширмъ и декораций, и комическая труппа, являющаяся за исторической процессіей, играетъ пьеску, вы-

(*) Кемпферъ положительно говоритъ, что въ праздникъ *мацури* (то есть *праздникъ приношенія*) многія роли даютъ дѣвочкамъ, или танцовщицамъ изъ чайныхъ домовъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ Японіи. Нѣчто подобное встрѣчается въ Индіи и почти на всемъ Востокѣ: въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, баядерки Индустана, ронгины Явы участвуютъ въ церемоніяхъ и народныхъ праздникахъ, особенно въ тѣхъ, которые носятъ религіозный характеръ.

бранную на этотъ случай; она продолжается не болѣе четверти часа. Въ этихъ, на скорую руку составленныхъ представленіяхъ, актеры показываютъ замѣчательную живость жестовъ и рѣчи, и много чувства. Ихъ поддерживаютъ и раздражаютъ звуками *самизенъ*, или трехъ-струнныхъ гитаръ, которыя слышны во все время представленія вмѣстѣ съ другими инструментами. По окончаніи представленія, процессія, которую замыкаютъ музыканты и родители и друзья дѣтей, въ ней участвующихъ, уступаетъ мѣсто другой. Въ теченіе дня пройдетъ такихъ процессій до двѣнадцати, и все это въ такомъ правильномъ порядкѣ, что несмотря на страшную толпу на улицахъ и площадяхъ, нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго смятенія, и несчастные случаи очень рѣдки. Откуда бы ни отправлялась процессія, она прежде всего должна остановиться на приготовленномъ возвышеніи на главной площади, около которой устроены мѣста для удобства зрителей, и особенная ложа для мѣстныхъ властей. Голландцы тоже имѣютъ особые мѣста. Потомъ толпы музыкантовъ, актеровъ и проч., ходятъ по разнымъ кварталамъ города, и праздникъ продолжается до самаго вечера. Тоже повторяется и въ слѣдующіе дни; но первый день и третій (9 и 11 число мѣсяца) самые важные; въ эти два дня не позволено занимать-

ся дѣлами, и самый бѣдный ремесленникъ походить на вельможу, потому что одѣтъ въ парадное платье. И дома украшаются внутри коврами и ширмами, снаружи навѣсами и палатками, подъ которыми веселые собесѣдники ѣдятъ, пьютъ и забавляются подъ звуки инструментовъ, съ утра до вечера. Каждой улицѣ, чрезъ пять или шесть лѣтъ, приходится платить издержки праздника, издержки очень значительныя, потому что за исключеніемъ немногихъ, самыхъ незначительныхъ вещей, все должно быть новое и лучшаго качества, костюмы, декораціи, и пр. Въ этомъ большомъ годовомъ праздникѣ, который Фишеръ называетъ *городскимъ*, не знаешь, чему болѣе удивляться, богатству и разнообразію зрѣлищъ, или удивительному порядку, совершенному согласію и общей радости во время этихъ великолѣпныхъ и странныхъ увеселеній. Надобно полагать, что то же бываетъ и въ другихъ парадныхъ праздникахъ въ Японіи. Достоинно замѣчанія старинное, укоренившееся мнѣніе Японцевъ: не должно беспокоить боговъ просьбами, безпрестанными или бесполезными жалобами; но слѣдуетъ, напротивъ того, веселиться въ ихъ присутствіи, потому, что боги любятъ смотрѣть на невинныя увеселенія людей (*).

(*) «Между ними (Японцами) нѣкоторые думаютъ,

Мы должны ограничиться этимъ неполнымъ описаніемъ и указать читателю, для большихъ подробностей, на Кемпфера, котораго рассказы очень замѣчательны по простодушію. Народные японскіе праздники—предметъ очень любопытный; весьма жаль, что ни одинъ современный путешественникъ не описалъ его въ цѣломъ и не оставилъ намъ подробныхъ свѣдѣній о происхожденіи этихъ учреждений, объ ихъ первоначальномъ характерѣ и о происшедшихъ въ нихъ перемѣнахъ. Вѣроятно, этотъ недостатокъ пополненъ Зибольдомъ; но та часть его сочиненія, въ которой говорится о народныхъ праздникахъ, еще не вышла въ свѣтъ.

Сверхъ этихъ религіозныхъ праздниковъ бываютъ ежегодно странныя церемоніи, при которыхъ присутствуютъ Голландцы, тоже для развлеченія.

Кромѣ того, въ каждомъ мѣсяцѣ бываетъ

что жалобы къ богамъ бесполезны, потому что безсмертные боги знаютъ даже глубину сердецъ.

«Другіе, очень набожные, думаютъ, что не прилично представлять предъ безсмертныхъ боговъ, когда духъ опечаленъ вслѣдствіе несчастія.... Безсмертныя существа наслаждаются непрерывнымъ блаженствомъ и знаютъ малѣйшія тайны сердца человѣческаго; стало быть, мольбы и жалобы тѣхъ, которые находятся въ крайней горести и печали, должны быть имъ непріятны.»

(Кемпферъ и Шарльева.)

два праздника, которые приходятся всегда въ одни и тѣ же дни.

Новый годъ одинъ изъ главнѣйшихъ годовыхъ праздниковъ. Кто хочетъ въ немъ участвовать, тотъ долженъ наканунѣ расплатиться съ долгами. (*) Самый замѣчательный или, лучше сказать, пріятный для глазъ праздникъ совершается въ честь душъ умершихъ родственниковъ или друзей; онъ кончается тѣмъ, что на воду спускаютъ множество лодочекъ съ фонарями, которые тонуть болѣе или менѣе скоро; по этому заключаютъ объ участи душъ на томъ свѣтѣ. Въ разсказахъ путешественниковъ объ этомъ праздникѣ много разнорѣчій; но всѣ согласны, что онъ празднуется въ августѣ мѣсяцѣ. Японцы вѣрятъ, что въ это время души умершихъ прилетаютъ взглянуть на прежнія свои жилища при свѣтѣ факеловъ и фонарей; вотъ почему Тунбергъ и другіе называютъ это торжество *праздникомъ фонарей*. Жансинъ думаетъ, что оно перешло въ Японію изъ Китая. Въ другой праздникъ, самыя важныя лица Имперіи и высшіе сановники, исполняя древній обычай, пускаютъ бумажныхъ змѣевъ, у которыхъ веревки вооружены стеклышками; для полной побѣ-

(*) Тоже и въ Китаѣ.

ды надъ соперникомъ, надобно перерѣзать веревку его змѣя (*).

Наконецъ, одинъ разъ происходитъ церемонія столько же торжественная, сколько и нелѣпая: выгоняютъ изъ домовъ демона, бросая въ него кучи поджареннаго гороху; Фишеръ говоритъ, что употребляются камешки, а не горохъ.

Извѣстно, что кромѣ этихъ праздниковъ Голландцы иногда получаютъ позволеніе пріѣхать инкогнито въ городъ, чтобы взглянуть на зрѣлища или церемоніи другаго рода. Только одинъ подобный случай описанъ подробно Фишеромъ; мы должны познакомить съ нимъ читателя, потому-что церемонія очень странна и чрезвычайно занимательна; но, кажется, самъ Фишеръ не вполне понялъ настоящій характеръ и цѣль ея; ему сказали, что это была *торжественная охота*, а онъ полагаетъ, что эта церемонія была не иное что, какъ военный смотръ. Изъ разныхъ сообщенныхъ путешественниками свѣдѣній можно заключить, что тор-

(*) Такія упражненія съ змѣями въ большой чести по всему Востоку. Жансины видѣлъ въ Индіи и въ Явѣ, что знатные вельможи страстно предались этой игрѣ. Дѣйствительно ли принимаетъ она въ Японіи серьезный характеръ и точно ли дозволена только въ извѣстный праздникъ—рѣшить трудно по недостатку матеріаловъ и современныхъ извѣстій.

жество, видѣнное Фишеромъ, дѣйствительно учреждено въ память героической охоты, которой необыкновенное великолѣпіе прославило царствованіе одного изъ *микадо*; ей подражалъ императоръ Тайко-Сама, когда раздѣлилъ власть свою съ племянникомъ, назавѣду тому два съ половиною вѣка. Есть даже причины думать, что покоряясь вліянію преданій, вліянію всемогущему въ Японіи, императоръ не можетъ начать важнаго предпріятія безъ такой торжественной охоты.

Около семи-сотъ человѣкъ участвовали въ процессіи или поѣздѣ, который прошелъ передъ глазами Фишера. Въ подобныхъ церемоніяхъ иногда цѣлая армія идетъ передъ императоромъ или за нимъ, и великолѣпіе зрѣлища такъ же изумительно, какъ множество дѣйствующихъ лицъ (См. объ этомъ Шарль-вуа, т. III ст. 391 и 392).

Какъ бы то ни было, вотъ въ чемъ состояла странная церемонія, которую видѣлъ Фишеръ. Улицы, по которымъ должно идти шествіе, выметены и вычищены съ особеннымъ стараніемъ, дома на нихъ украшены знаменами и коврами, но не смотря на эти богатые приготовленія, весь городъ безмолвенъ и почтительно ждетъ торжественной церемоніи; на улицахъ народу очень мало; изъ домовъ, изъ-за-ставей, смотрятъ любо-

пытные на уборку зданій; словомъ, все устроено такъ, чтобы не помѣшать и не разстроить хода и порядка торжественной процессіи. Народу извѣстно, что онъ обязанъ воздерживаться отъ всякихъ шумныхъ выраженій восторга при приближеніи кортежа; также строго запрещены хохотъ или другія движенія, которыя могутъ показаться непочтительными.

«Четыре человекъ шли передъ кортежемъ съ метлами, и сметали съ улицы малѣйшіе камешки или устраняли препятствія, безпрестанно крича: *Стаіе! Стаіе!* (то есть, *на колѣни!*)

«Потомъ шелъ передовой отрядъ изъ восьми охотниковъ, съ ружьями на плечахъ и съ зажженными фитилями, въ низкихъ лакированныхъ шляпахъ, въ зеленыхъ казенкоровыхъ плащахъ съ гербомъ, вышитымъ на груди, съ поясомъ изъ ленты темнаго цвѣта, въ широкихъ шараварахъ, въ сандаляхъ и съ саблями.

«Потомъ *гокенсэ* или *гобаніози* (чиновникъ состоящій при губернаторѣ), въ такой же одеждѣ, какъ и охотники, съ тремя служителями, изъ которыхъ одинъ несъ пику, другой два сундучка съ платьемъ или бѣльемъ (*hassambakkos*), третій непромокаемые плащи (*Kappa sagos*). Три служителя; каждый несетъ двѣ сабли.

«Пять полицейскихъ служителей; каждый изъ нихъ вооруженъ двумя саблями.

«Девять *оттона* или городскихъ офицеровъ, начальниковъ округа, по три въ рядъ, въ шелковыхъ платьяхъ, въ лакированныхъ низкихъ шляпахъ; у каждого изъ нихъ по двѣ сабли.

«Восемнадцать челоѣкъ ихъ свиты, въ цѣтныхъ холстинныхъ одеждахъ, въ соломенныхъ шляпахъ.

«Семьдесятъ два охотника, съ ружьями и зажженными фитилями, по два въ рядъ, на разстояніи шести шаговъ одинъ отъ другаго.

«Бургомистръ или начальникъ сосѣдняго села *Овоара* (къ которому направлялось шествіе), въ парадной одеждѣ, въ военныхъ шароварахъ и сандаліяхъ; за нимъ идутъ пять челоѣкъ служителей.

«Девять охотниковъ, вооруженные какъ и первые, въ зеленыхъ плащахъ, въ низкихъ лакированныхъ шляпахъ; они ведутъ четырехъ гончихъ собакъ.

«Два директора рисовыхъ казенныхъ магазиновъ, въ шелковыхъ одеждахъ и черныхъ лакированныхъ шляпахъ; каждый съ двумя саблями; за ними шесть служителей; каждый съ саблею.

«Начальникъ артиллеріи, командующій городской стражею, великолѣпно одѣтый, на конѣ, котораго подъ-уздцы вѣдутъ два служителя, по обычаю.

«Шесть вооруженныхъ охотниковъ.

«Сыиъ командующаго городскою стражею.

«Человѣкъ, который несетъ японскую палицу, въ пятьдесятъ фунтовъ вѣсомъ; командующій бросаетъ ее одною рукою. (Фишеръ разсматривалъ это страшное оружіе вблизи и убѣдился, что командующій въ самомъ дѣлѣ легко управлялъ имъ; онъ получилъ свое званіе за необыкновенную свою силу.)

«Десять охотниковъ; они несутъ по-двое огромныя коротенькія ружья.

«Пятнадцать человѣкъ съ коротенькими ружьями большаго калибра; за ними двѣнадцать служителей.

«На извѣстномъ разстояніи знаменосецъ, передъ городскимъ бургомистромъ, *Така-сима-сироби-сама* (это одинъ изъ комиссаровъ императорской казны); онъ верхомъ, въ парадномъ платьѣ изъ золотой ткани, въ темной лакированной шляпѣ, съ гербомъ вышитымъ золотомъ. Коня его ведутъ два низшихъ солдата, за нимъ идутъ десять служителей.

«Человѣкъ съ длинной пикой, которой желѣзо покрыто богатымъ лакированнымъ футляромъ.

«Вышитое знамя.

«Шесть охотниковъ съ ружьями.

«Другой бургомистръ, *Яксири-куираіе-монг-сама*, верхомъ, за нимъ два служителя.

«Сынъ этого бургомистра.

«Четыре охотника, съ великолѣпными луками.

«Шесть служителей съ саблями.

«Сынъ бургомистра Сеіемонъ-сама.

«Два охотника съ лукомъ и стрѣлами.

«Двадцать семь охотниковъ съ мускетами и зажженными фитилями.

«Восемь служителей съ саблями.

«Гобаніози, совѣтникъ губернатора.

«Четыре служителя.

«Служитель съ аллебардой.

«Служитель съ двумя сундуками съ бѣльемъ.

«Служитель съ двумя сундуками, гдѣ хранятся плащи на случай дурной погоды.

«Тридцать охотниковъ, изъ полицейскихъ помощниковъ гобаніози, съ ружьями.

«Шесть довѣренныхъ служителей губернатора; каждый вооруженъ двумя саблями.

«Знамя съ надписью, вышитою золотомъ на бѣломъ фонѣ.

«Десять служителей съ длинными пиками; желѣзо на нихъ прикрыто лакированными футлярами и украшено двумя шелковыми кистями.

«Сорокъ восемь служащихъ, въ шелковыхъ или полотняныхъ одеждахъ; каждый при двухъ сабляхъ.

«Восемь служителей съ сундуками съ бѣльемъ.

«Четыре служителя съ корзинами, красивой отделки, гдѣ лежить тоже бѣлье и одежда.

«Два квадратные сундука, съ полнымъ вооруженіемъ, покрытые великолѣпными покрывалами, вышитыми золотомъ; каждый несутъ два человѣка.

«Два лакированные и золоченные футляра для сабель, *шабенто* (или правильнѣе, *чабенто*), чайный приборъ, въ двухъ ящикахъ, несомыхъ на концѣ деревянныхъ палокъ; въ одномъ огонь и сосудъ, въ которомъ кипятятъ воду; въ другомъ чай и прочія принадлежности.

«Два человѣка съ лакированнымъ ведромъ, чашкой и возжами для губернаторской лошади.

«Верховая лошадь въ богатой сбруѣ; ведутъ ее два пѣшіе солдата (*).

«Четыре служителя; каждый съ двумя саблями.

«Восемь служителей несутъ непромокаемые плащи.

«Шесть другихъ съ платяными сундуками.

(*) Лошадь эта для перемѣны той, на которой ѣдетъ губернаторъ, или можетъ быть, она представляетъ коня настоящаго героя охоты или экспедиціи.

«Еще три служителя; каждый съ двумя саблями.

«Гокаро, или секретарь губернатора, верхомъ.

«Четыре служителя, съ четырьмя сундуками съ платьемъ.

«Четыре другихъ съ непромокаемыми плащами.

Шесть служителей, каждый съ двумя саблями.

«Четыре другихъ съ длинными пиками.

«Украшеніе съ перьями, такое же, какое носятъ предъ губернаторомъ, но не столь богатое.

«Бургомистръ *Фиццаманъ-кифай-сама*, верхомъ.

«Два охотника съ ружьями и зажженными фитилями.

«Человѣкъ съ аллебардой.

«Два носильщика, съ непромокаемыми плащами.

«*Норимонъ* (*) или паланкинъ губернатора; его несутъ два служителя, другіе шесть бѣгутъ по сторонамъ; всѣ они высокаго роста и дородны, одѣты въ голубое платье, съ саблею; на спинѣ за поясомъ вѣрь.

(*) Фишеръ пишетъ *norimond*; настоящее японское слово пишется *norimono*.

«Двадцать семь охотниковъ со стрѣлами и лукомъ.

«Гобаніози.

«Пять слугителей, каждый съ двумя саблями.

«Человѣкъ съ аллебардой.

«Служитель съ сундукомъ для бѣлья, и другой съ сундукомъ для непромокаемыхъ плащей.

«Десять вооруженныхъ охотниковъ.

«Три охотника съ коротенькими ружьями.

«Три охотника съ *рогами* (музыка).

«Охотникъ съ большимъ лакированнымъ и золоченымъ барабаномъ, который украшенъ шелковыми кистями.

«Гражданскій чиновникъ съ двумя саблями.

«Одинъ гобаніози.

«Пять слугителей съ саблями.

«Человѣкъ съ аллебардой.

«Служитель съ сундукомъ для бѣлья, и два съ сундуками для непромокаемыхъ плащей.

«Украшеніе, въ видѣ ягонской метлы съ великолѣпными перьями и бѣлымъ знаменемъ, на которомъ вышиты золотые вензеля. (Что это, трофей или отличительный знакъ достоинства?)

«Двѣ длинныя пики, которыхъ желѣзо прикрито богатѣйшими чахлами изъ краснаго

сукна, вышитыми шелкомъ, съ шелковыми же кистями.

«Парадный лукъ, въ желтомъ шелковомъ чохлѣ.

«Двѣ другія пики, также великолѣпно и богато украшенныя, какъ и двѣ первыя.

«Знамя съ золотою надписью на красномъ фонѣ.

«Губернаторскій гобаніози.

«Черезъ нѣсколько шаговъ, губернаторъ Нагазаки, *Мамая Цикуженъ-но ками Сама*, верхомъ на великолѣпно-убранномъ конѣ; по сторонамъ его два солдата. Платье на немъ богатое, изъ серебряной ткани съ золотомъ; лакированная каска, обложенная серебромъ; на ней золотой его гербъ. За поясомъ двѣ сабли, а на спинѣ, тоже за поясомъ, жезлъ, символъ его власти. Держалъ онъ себя важно и гордо, какъ и всѣ лица, составлявшія его свиту; при проѣздѣ его воцарилось такое мертвое молчаніе, что можно было вообразить себя въ пустой улицѣ.

«За губернаторомъ несли его знамя, съ золотою надписью на голубомъ фонѣ.

«Пять челоуѣкъ съ аллебардами.

«Одиннадцать служителей, каждый съ двумя саблями.

«Четырнадцать охотниковъ съ ружьями.

«Казначей, *Такаки-сакимонъ*, верхомъ, въ

богатой одеждѣ; по сторонамъ его идутъ два служителя.

«Сынъ его, верхомъ.

«Двѣнадцать служителей, каждый съ двумя саблями.

«Наконецъ значительная свита изъ служителей и носильщиковъ; всѣ, въ отличномъ порядкѣ, заключали величественный кортежъ, шедшій по улицамъ Нагазаки (*).

«Вотъ свита губернатора Нагазаки, говоритъ Фишеръ, губернатора, который при дворѣ едва ли бы удостоился нести туфли императора, хотя управляетъ цѣлою провинціею.»

Фишеръ прибавляетъ, что подобныя же *экспедиции* бываютъ по временамъ въ Иедо и, *вѣроятно*, и въ другихъ городахъ имперіи.

Вотъ въ чемъ состоитъ главнѣйшее развле-

(*) Описаніе это несовсѣмъ удовлетворительно, хотя и подробно. Откуда выходитъ процессія? Что за село, куда она направляется? Къ чему такое множество сундуковъ, наполненныхъ бѣльемъ, платьемъ и непромокаемыми плащами, которыми въ Японіи запасаются только для дальнихъ путешествій? Почему нѣтъ запасовъ другого рода, хотя тутъ блудтъ два директора рисовыхъ казенныхъ магазиновъ? Почему нѣтъ войска? Что значать *охотники* съ тяжелыми ружьями, такими, что каждое изъ нихъ должны нести два человѣка? Зачѣмъ охотничьи собаки, и притомъ ихъ только четыре? Зачѣмъ *три* охотничьи рога, и какое понятіе можемъ мы имѣть объ охотничьемъ японскомъ рогѣ? Что это за бургомистры, и ихъ сыновья? и пр. и пр. Все это очень странно, и трудно объяснить эти тайны.

ченіе жителей Децимы, когда имъ позволено выходить изъ города.

Однообразіе ихъ жизни еще прерывается прибытіемъ и отплытіемъ кораблей, ежегодно отправляемыхъ изъ Батавіи, отдаленнымъ появленіемъ европейскихъ судовъ (всякое сношеніе съ ними строжайше запрещено; исключенія, подобныя случившемуся съ Крузенштерномъ, чрезвычайно рѣдки). Только бури или недостатокъ съѣстныхъ припасовъ или любопытство европейскихъ правительствъ заставляютъ европейскія суда останавливаться на рейдѣ въ Нагазаки на день или на два. Иногда же, но не часто, жители Децимы развлечены землетрясеніемъ или изверженіемъ; эти явленія приводятъ ихъ въ ужасъ, какъ случилось въ 1825 году, когда факторія

Однакожь, изъ разсказа очевидца весьма ясно открывается:

1) Что церемонія имѣетъ важный и величественный характеръ; народъ смотритъ на нее съ величайшимъ участіемъ, но въ молчаніи и съ уваженіемъ;

2) Что она не представляетъ ни религіознаго, ни военнаго характера, и не можетъ быть представленіемъ воинственнаго подвига или экспедиціи.

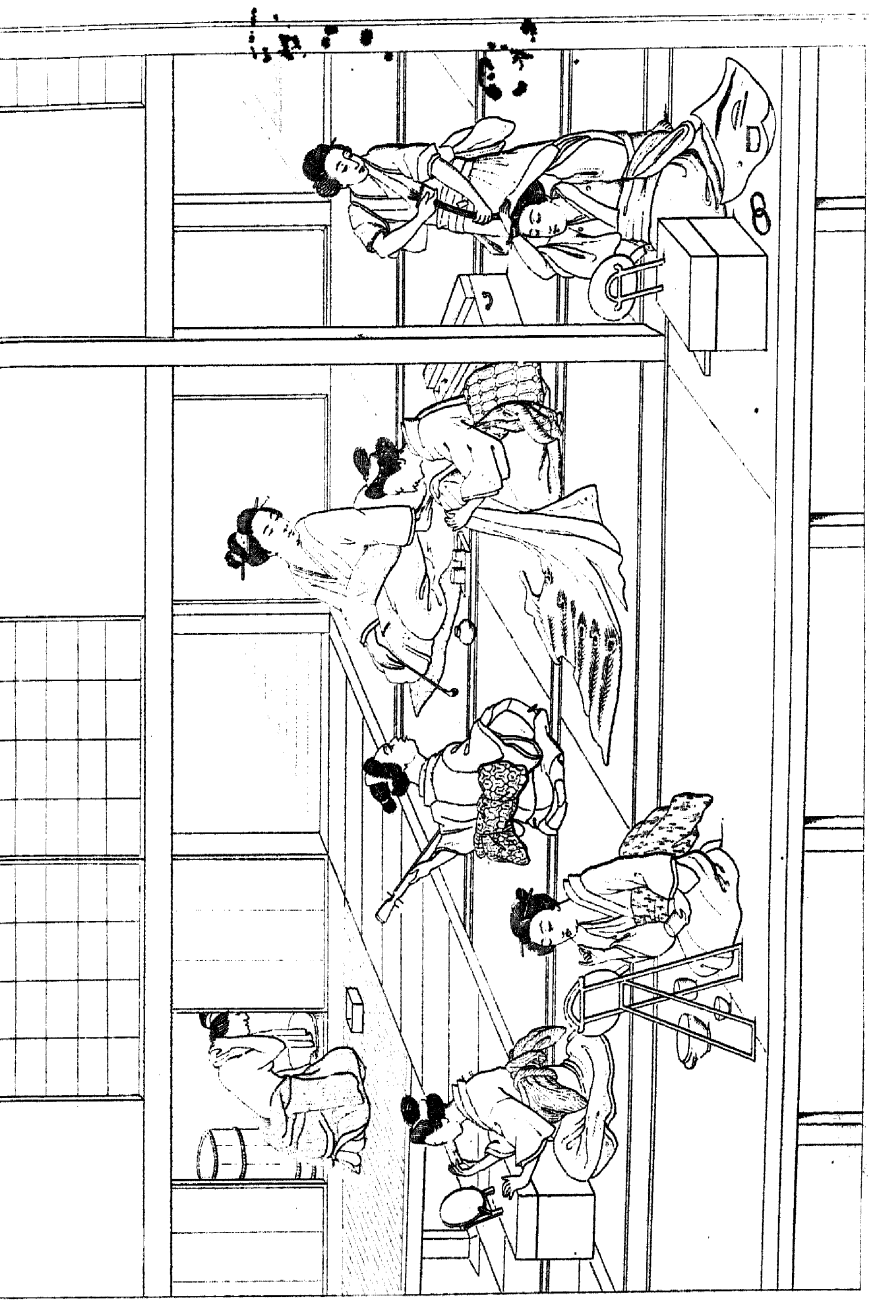
3) Что она также не представляетъ охоты или отъезда на охоту; но въ ней заключаются главнѣйшіе элементы охоты, въ уменьшенныхъ размѣрахъ, однакожь, въ такихъ, которые могутъ напомнить о старинной героической экспедиціи, служащей основаніемъ церемоніи.

(Прилжч. Жансины)

значительно пострадала отъ такихъ судорогъ природы, часто случающихся въ Японіи.

Но между обыкновенными жителями Децимы, есть три или четыре (прежде такихъ было двадцать), которые пользуются привилегіею посѣщать дворъ въ Іедо въ извѣстное время и при извѣстныхъ условіяхъ; мы опишемъ эти поѣздки какъ можно подробнѣе, потому что имъ то обязана Европа всѣмъ, что до сихъ поръ извѣстно намъ о законахъ, нравахъ, обычаяхъ и производительныхъ силахъ Японской Имперіи. Однакожъ, прежде подробнаго описанія поѣздокъ въ столицу Японіи, мы должны окончательно показать, до какой степени Японцы удаляются отъ сношеній съ иностранцами, и съ этою цѣлію скажемъ нѣсколько словъ о китайской конторѣ въ Нагазаки.

Китайцы, въ торговлѣ своей, гораздо свободнѣе Голландцевъ. Они ходятъ по улицамъ города, гдѣ хотятъ, и даже нѣкоторые, кажется, получаютъ позволеніе продавать товаръ въ разноску. Они живутъ подъ полицейскимъ надзоромъ четырехъ начальниковъ или капитановъ изъ Китайцевъ же, которые отвѣчаютъ за ихъ поведеніе и надзираютъ за джонками, ежегодно приходящими для торговли съ Японіей. Казна получаетъ пошлины съ китайской торговли, какъ и съ голландской. Число Китайцевъ, живущихъ

въ Нагазаки, не болѣе ста, по словамъ извѣстнѣйшихъ путешественниковъ; но цифра эта нисколько не согласуется съ числомъ домовъ, назначаемыхъ Титсингомъ для китайскаго квартала, котораго планъ, доставленный ему Японцами, онъ же привезъ въ Европу. Этотъ кварталъ, обнесенный стѣнами, раздѣленъ узкими улицами на двѣнадцать квадратовъ изъ домовъ. Такихъ домовъ до полутора ста; изъ нихъ половина служитъ магазинами. Стало быть, остается около семидесяти пяти домовъ, съ которыхъ постоянно живутъ, и если считать по пяти человѣкъ на домъ, то выходитъ триста семьдесятъ пять жителей. (*)

Хотя съ Китайцами обращаются гораздо милостивѣе чѣмъ съ Голландцами, однакожъ и они окружены множествомъ полицейскихъ переводчиковъ, стражей, привратниковъ и пр. На улицахъ Нагазаки встрѣчаются даже китайскіе нищіе. Китайцы могутъ сами платить, японскими деньгами, за свои мелкіе расходы и за покупки, такъ что они не нуждаются въ посредствѣ компрадора. Имъ

(*) Въ этомъ числѣ считаются жены, дѣти и слуги; но оно значительно увеличивается, по-крайней-мѣрѣ два раза въ годъ, когда приходятъ джонки. Экипажъ съ нихъ тотчасъ по прибытіи допускается на берегъ (подробности объ этомъ предметѣ см. въ Тунбергѣ, Томъ II. ст. 15, и въ Кемпферѣ, Томъ II стр. 97).

позволяли выстроить храмъ, куда они ходятъ отправлять богослуженіе. Вотъ главнѣйшія ихъ привиллегіи. Они не отправляютъ посольства или депутации въ Іедо и такимъ образомъ избавлены отъ значительныхъ издержекъ; но съ другой стороны, денежная пошлина, платимая въ японскую казну (*денежный цвѣтъ*, по выраженію Японцевъ) гораздо сильнѣе той, которую платитъ голландская контора. Во время Тунберга, не менѣе семидесяти джонокъ производили торговлю съ Японіею, и приходили три раза въ годъ, тремя отрядами. Увѣряютъ, что теперь это число уменьшено до семи кораблей, которые совершаютъ два переѣзда въ годъ. Китайцы привозятъ сукно, ткани, шелкъ, (но гораздо меньше чѣмъ прежде, потому-что Японцы успѣли улучшить свой шелкъ), лекарства и множество мелкихъ статей. Вывозятъ же мѣдь (золото и серебро запрещено вывозить), лакъ, лакированную мебель, соленую рыбу, голотурій и пр. Торгуютъ всего на 1,500,000 руб. сер.

ПОѢЗДА Голландской дЕнутаціи

въ ІЕДО.

Болѣе вѣка существовалъ обычай, что начальникъ голландской факторіи обязанъ былъ ежегодно ѣхать въ Іедо, съ многочисленной свитой, на поклоненіе императору и для поднесенія ему подарковъ; но когда торговля между Японіей и Батавіей упала, и такія поѣздки показались Голландцамъ слишкомъ тяжелыми, то онѣ происходили уже не такъ часто, и наконецъ, въ 1792 году, постановлено, что децимскій президентъ будетъ являться къ японскому двору черезъ каждые четыре года. Но подарки остались по прежнему; Японцы смотрятъ на нихъ какъ на подать или дань, и поэтому подарки посылаются ежегодно, но черезъ переводчиковъ, что стоитъ гораздо дешевле. Когда торговля нѣсколько усилилась, при всеобщемъ мирѣ, послѣ надежія Наполеона, начальникъ факторіи

Бломгофъ просилъ позволенія ѣздить въ Іедо черезъ два года; но японскій совѣтъ отвергъ его просьбу.

Приготовленія къ поѣздкѣ въ Іедо требуютъ много времени и исполненія многихъ формальностей. Когда подходитъ время, назначенное для поѣздки, начальникъ конторы офиціально освѣдомляется у губернатора, можетъ ли онъ надѣяться на благосклонный пріемъ въ столицѣ. Губернаторъ отвѣчаетъ, что начальника конторы допустятъ къ принесенію привѣтствія, и просить, чтобы были приняты съ его стороны мѣры для поддержанія совершеннаго порядка въ Децимѣ на время его отсутствія. Хранитель магазиновъ, первое лицо послѣ начальника факторіи, обыкновенно назначается на мѣсто послѣдняго на все время поѣздки въ Іедо, и начальникъ, передъ отъѣздомъ, представляетъ его губернатору, въ прощальной аудіенціи, какъ временнаго главу конторы.

Въ прежнее время начальникъ Децимы ѣздилъ въ Іедо, въ сопровожденіи двадцати соотечественниковъ, но по мѣрѣ уменьшенія торговли, уменьшалась и его свита. Съ тѣхъ поръ, какъ торжественная депутація является ко двору черезъ каждые четыре года, въ поѣздку отправляются только *три* Голландца, а именно: президентъ или начальникъ факторіи, секретарь его и медикъ или

хирургъ. (Въ штатѣ факторіи нѣтъ постояннаго медика, но лекаря посылаются туда изъ Батавіи, каждые четыре года, для сопровожденія миссіи.)

Число Японцевъ, провожающихъ начальника факторіи, не такъ ограничено. Въ его свитѣ состоитъ по крайней мѣрѣ тридцать пять офицеровъ разныхъ степеней, и еще большее число служителей, которые состоятъ или при Голландцахъ или при японскихъ чинахъ. Надъ послѣдними начальникомъ поставленъ *гобаніози*, котораго по справедливости можно назвать начальникомъ всей экспедиціи. Въ этомъ качествѣ онъ носитъ особый титулъ *куининъ*, но не ему поручена уплата расходовъ, а первому переводчику, который получаетъ на этотъ предметъ известную сумму денегъ отъ японскаго правительства въ счетъ будущей торговли, или лучше сказать, въ залогъ на товары, отложенные съ этою цѣлію; но продажа этихъ товаровъ никогда не покрываетъ всѣхъ издержекъ. Недоимка выплачивается изъ императорской казны, и тутъ кроется одна изъ причинъ, по которымъ прекращены ежегодныя поѣздки въ Іедо. Чиновники низшаго класса, сопровождающіе миссію, суть: полицейскіе офицеры, помощники переводчиковъ, смотрители за багажемъ, писцы, начальники носильщиковъ, и пр. Въ числѣ

служителей находятся три повара, два для Голландцевъ и одинъ для Японцевъ, нѣсколько экономовъ и тридцать слугъ, изъ которыхъ шесть непосредственно состоятъ при Голландцахъ и обыкновенно называются шпіонами. Сверхъ того, каждый Голландецъ можетъ содержать на свой счетъ японскаго медика, частнаго переводчика и другихъ служителей. Такъ докторъ Зибольдъ, провожая въ 1826 году полковника Стюрлера въ Іедо, имѣлъ при себѣ молодато японскаго медика, рисовальщика и шесть слугъ, которые помогали ему, какъ естествоиспытателю, въ его занятіяхъ. Ученикъ доктора, который не могъ ѣхать съ нимъ въ качествѣ медика, былъ записанъ въ списокъ ѣхавшихъ въ качествѣ слуги одного переводчика. Словомъ, число людей, которыхъ могутъ взять съ собою Голландцы, не ограничено, но внесеніе каждаго лица въ списокъ производится съ вѣдома губернатора, и такимъ образомъ увеличивается число шпіоновъ, наблюдающихъ за миссією.

Путешественники должны сами себѣ запасать все, что имъ можетъ быть необходимо, полезно, или пріятно во время путешествія, какъ-то : бѣлье и платье, постели, столы, стулья, посуду столовую и кухонную и пр. Они также должны запастись съѣстными при-

сами, которыхъ нѣтъ въ Японіи, и которые присылаются имъ изъ Батавіи, напр. масломъ, виномъ, пивомъ, сыромъ и многими другими. Также очень много нужно имъ варенья, пироговъ, напитковъ, потому что придется принимать множество гостей и безпрестанно потчивать ихъ. Если ко всѣмъ этимъ необходимымъ предметамъ прибавить гардеробъ каждаго члена миссіи, подарки, назначенные *сіогуну* и другимъ важнѣйшимъ сановникамъ имперіи, и товары, которые назначаются для распродажи потихоньку; если принять въ соображеніе, что состояніе дорогъ не всегда позволяетъ везти всѣ эти предметы въ экипажахъ на колесахъ, и что вообще почти все переносится людьми или навьючивается на лошадей или на быковъ, то можно представить себѣ, сколько тутъ собирается людей, скота, носильщиковъ, надзирателей и пр. Правда, часть багажа отправляется моремъ, изъ Нагазаки въ портъ большаго острова Ниппона, гдѣ живутъ *микадо* и намѣстникъ его *сіогунъ*; но когда миссія выходитъ на берегъ на островъ, то весь этотъ перевозный багажъ присоединяется къ ней, и на острову миссія состоитъ изъ двухъ-сотъ человѣкъ, не менѣе. Такая многочисленная свита можетъ, по нашимъ европейскимъ понятіямъ, заставить думать, что начальникъ голландской конторы въ этомъ случаѣ играетъ чрезъ-

вычайно важную роль. Но японскимъ глазамъ дѣло кажется совсѣмъ иначе: и этому нельзя удивляться, когда узнаешь, по самымъ вѣрнымъ источникамъ, что въ свитѣ каждаго японскаго князька (перваго разряда), если онъ ѣдетъ ко двору, находится не менѣе двадцати тысячъ человѣкъ, и что самыя неважныя князьки тащутъ въ свитѣ своей не менѣе десяти тысячъ!

Однакожъ привиллегія ѣздить ко двору въ Едо считается принадлежностію высокаго сана, и потому начальникъ Децимы, не смотря на свою бѣдную и жалкую свиту, играетъ роль довольно почетную во время этого путешествія, по-крайней-мѣрѣ какъ иностранецъ. На всемъ пути обращаются съ нимъ съ величайшимъ уваженіемъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ показываютъ ему столько же почтенія, сколько самымъ важнымъ туземнымъ сановникамъ; такъ по-крайней-мѣрѣ говорятъ самыя достовѣрныя путешественники, по большій части очевидцы. Подробности, въ которыя мы теперь войдемъ, подтвердятъ ихъ свидѣтельство. Но слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь дѣло идетъ о простой учтивости, нисколько не касаясь политики, и что чѣмъ болѣе оказывается почестей, тѣмъ болѣе стѣсняется личная свобода путешественника. По правдѣ сказать, это уже общій и неизбѣжный законъ въ Японіи; но онъ особенно при-

лагается во всей строгости къ членамъ голландской миссіи.

Opferhoofd путешествуетъ въ *норимонъ* перваго класса (*норимонъ* значитъ переносная машина). Это большая привилегія, и нужно объясненіе, чтобы оцѣнить ее. Въ Японіи два рода паланкиновъ: *норимоны* и *каго*. Оба эти рода подраздѣляются на нѣсколько сортовъ (особенно *норимоны*), смотря по длинѣ и формѣ шеста, по числу носильщиковъ, и проч. (*).

(*) Въ обыкновенномъ разговорѣ употребляютъ безъ различія слова *норимонъ* или *каго* (часто произносятъ его *канго*) для означенія носилокъ; по каждыя носилки имѣютъ особенное названіе, по чину владѣльца ихъ. На маленькихъ *каго* надобно садиться на японскій манеръ, на пятки; въ большихъ *каго* или *норимонахъ* можно сидѣть свободно, и даже лежать, «немного поджавъ ноги» (прибавляетъ Тунбергъ). Вотъ какъ онъ описываетъ свой *норимонъ*, замѣчая, что во времена Кемпфера докторъ и секретарь миссіи не пользовались такою милостію и принуждены были ѣхать во всю дорогу верхомъ, подвергаясь холоду и дождю:

«Норимоны родъ каретныхъ кузововъ, изъ тонкихъ досокъ и бамбуковыхъ тростей, съ окнами спереди и по обоимъ бокамъ, надъ дверцами. Въ нихъ можно сидѣть свободно и даже лежать, поджавъ немного ноги. Внутри *норимонъ* обитъ хорошею шелковою матеріею и бархатомъ. Въ глубинѣ его бархатный матрацъ, покрытый бархатнымъ же покрываломъ. Спина и локти покоятся на подушкахъ; а самъ сидишь на круглой подушкѣ, въ которой сдѣлано отверстіе. Въ передней части полочки, куда можно поставить чернилицу, книги и тому подобное. Окна надъ дверцами опускаютъ, если хотятъ впустить воздухъ, или закрываютъ занавѣсками и бамбуковыми сторонами. Не знаю экипажа

Только самыя важныя лица имѣютъ право возить съ собою *шабенто* или полный чайный приборъ. Начальникъ факторіи пользуется этимъ правомъ и еще другимъ, болѣе важнымъ: онъ сидитъ въ своемъ *норимонъ* въ такихъ мѣстахъ, гдѣ чиновники ниже губернаторскаго званія должны выходить. Каждое утро *гобаніози* спрашиваетъ, гдѣ онъ прикажетъ остановиться для обѣда и ночлега (хотя мѣста, гдѣ можно остановиться, уже напередъ на-

удобнѣ этого. Это родъ переносной комнаты. Чтобы устать, надобно просидѣть въ ней очень долго. Снаружи кузовъ покрытъ лакомъ и украшенъ живописью. Надъ кузовомъ тянется шестъ, за который берутся носильщики. Число ихъ сообразно съ чиномъ путешественника, не менѣе шести и не болѣе двѣнадцати. Половина идетъ безъ дѣла, готовясь на смѣну несущихъ *норимонъ*. Для развлеченія и чтобъ идти въ шагъ они тянутъ пѣсню.

«Кромѣ багажа, отправленнаго моремъ, мы навьючили нѣсколько лошадей и носильщиковъ небольшими чемоданами съ платьемъ, фонарями, и такимъ количествомъ вина и голландскаго пива, котораго было достаточно для ежедневнаго употребленія. Сверхъ того, за нами тащили чайный приборъ изъ японскаго фарфора, потому что чай пьютъ, даже не останавливаясь, и приборъ безпрестанно нуженъ. Европейцы предпочитаютъ стаканъ вина или пива этому напитку, который расслабляетъ желудокъ. Въ *норимонъ* у насъ постоянно стояли бутылка вина и бутылка пива, съ хлѣбомъ и масломъ.

Шарльвуа говоритъ тоже:

«Очень великолѣпны *норимоны*, особенно тѣ, которые употребляются въ городѣ для визитовъ или цере-

значены, и ихъ нельзя перемѣнять безъ предварительнаго согласенія съ губернаторомъ въ Нагазаки); Всѣ три Голландца помѣщаются въ гостиницахъ, существующихъ исключительно для князей, губернаторовъ и высшаго дворянства; когда нѣтъ такой гостиницы въ мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ остановиться, ихъ помѣщаютъ въ храмахъ; между тѣмъ, какъ японскіе офицеры, даже самаго высшаго чина, должны довольствоваться простыми гостини-

моній: форма ихъ малоотлична отъ обыкновенныхъ канго; они отличаются только шестами, на которыхъ ихъ носятъ; шесты у канго просты, массивны, изъ одного куска дерева и не длинны; у норимонъ они больше, украшены, составлены изъ четырехъ, чисто склеенныхъ и вогнутыхъ частей. Толщина и длина ихъ назначаются самимъ княземъ, смотря по достоинству лица. Если кто не сообразуется съ этимъ приказаніемъ, то получаетъ выговоръ отъ судьи или даже платитъ пеню; только съ дамами не строги въ этомъ отношеніи.

«Внутренность норимона — продолговатый четвероугольникъ, такой величины, что въ немъ можно лечь, изъ плетеннаго бамбука, покрытъ лакомъ и иногда украшенъ красивою живописью. Въ этихъ экипажахъ только два окна, съ боковъ надъ дверцами, и потому впередъ ничего не видно. Во время дождя прикрываютъ ихъ лакированной бумагой; путешественники, ѣдущіе верхомъ, надѣваютъ плащи тоже изъ лакированной бумаги. Званіе сидящаго въ норимонѣ узнается по числу носильщиковъ, и по тому, какъ они держатъ шестъ. У одного не болѣе двухъ носильщиковъ, у другого восемь и даже болѣе. Неся принца крови или владѣтеля провинціи, носильщикъ держитъ шестъ на ладони; прочихъ носятъ на плечахъ. Всѣ

ницами. Изъ этого исключаются большіе города, напримѣръ Міяко и Огозака, гдѣ замиссией имѣютъ особенное наблюденіе, и потому Японцы помѣщаются въ одномъ мѣстѣ съ Европейцами, за которыми присматриваютъ (*). Голландскаго начальника встрѣчаетъ хозяинъ гостиницы въ парадной одеждѣ съ обычнымъ привѣтствіемъ или *комплиментомъ*, а по всей дорогѣ проходящіе мужчины, женщины и дѣти кланяются до земли

носильщики одѣты въ ливрею своего господина, и во время путешествій ихъ такъ много, что они могутъ часто перемѣняться. Есть такіе *канго*, которые явятся болѣе норимоновъ важнымъ людямъ для путешествія; они малы, и въ нихъ сидѣть неловко, потому что надобно нагибаться и поджимать ноги. Они похожи на корзинки: верхъ гладкій, а низъ выпуклый. Такіе канго особенно употребляются для переходовъ черезъ горы. Въ трудныхъ мѣстахъ, три человека несутъ маленькій *канго*, и проходятъ тамъ, гдѣ даже нельзя проѣхать верхомъ».

Кажется въ Японіи, какъ и въ Индіи, можно путешествовать довольно быстро по *почтѣ*, состоящей изъ *человѣческихъ* станцій. Во всѣхъ городахъ путешественникъ находитъ средства, необходимыя для этого страннаго рода перемѣщенія, но надобно признаться, столько же удобнаго, сколько и страннаго. Въ Индіи, Китаѣ и Японіи Европеецъ охотно пользуется этимъ обычаемъ, забывая, что переносимый часто гораздо смѣшнѣе и жалче носильщика, особенно когда послѣдній спотыкается или, что еще хуже, падаетъ!

(*) Гостиницы или постоянные дворы перваго разряда называются *тацу*, или чаще *гонцинъ*; второклассныя называются *ядоя* (ночлеги).

иностранному вельможѣ или становятся къ нему спиною, какъ недостойные (по японскимъ понятіямъ) взглянуть ему прямо въ лицо или даже смотрѣть на него (*). Таки-ми же почестями, такими же знаками уваженія встрѣчаютъ японскихъ князей при проѣздѣ ихъ. Но такъ великолѣпно принимаютъ *opperhoofd* не потому, что онъ начальникъ конторы, не потому, что представляетъ свою націю, а единственно потому, что онъ ѣдетъ къ высшему правительству въ Іедо, что онъ скоро, какъ бы ни былъ малъ и ничтоженъ, будетъ имѣть честь видѣть *сіюгуна*.

Путешествіе раздѣлено на три переѣзда. Первый назначенъ для переѣзда черезъ островъ *Kiu-siu* отъ Нагазаки до *Кокуры* и продолжается около семи дней, второй, водою, отъ *Кокуры* до *Симонозеки*, и отъ *Симонозеки* (самаго западнаго города Ниппона) до *Фіого* и *Огозаки*, черезъ множество мелкихъ острововъ, изъ которыхъ нѣкоторые плодородны, обработаны, а другіе не обитаемы и состоятъ изъ утесовъ; переѣздъ этотъ по морю очень неопредѣленъ, и можетъ продолжаться отъ четырехъ дней до трехъ недѣль. Наконецъ, третья часть путешествія совершаетъ

(*) Яванцы точно такимъ же образомъ оказываютъ почтеніе путешественникамъ высшаго чина.

ся: сухимъ путемъ до Іедо, въ двадцать два или три дня, не включая тѣхъ дней, когда останавливаются въ Огосакѣ и Міяко; слѣдственно миссія употребляетъ всего пятьдесятъ дней для перѣзда изъ Децимы въ Іедо; порядокъ шествія мы изложимъ по Фишеру и Зибольду. Впереди кортежа везутъ подарки; при нихъ особая свита, потомъ идутъ багажи; за ними принадлежащіе къ миссіи, предшествуемые вагенмейстеромъ и начальникомъ носильщиковъ, съ двумя нѣшними полицейскими офицерами, въ *Каго* или *Норимонахъ* нѣшняго разряда; однакожъ, при нихъ идутъ слуги и несутъ ихъ пожитки. Послѣ нихъ являются писецъ переводчиковъ, адъютантъ переводчикъ и его помощникъ, каждый въ своемъ *Каго* и съ носильщиками бѣлья и не промокаемыхъ плащей, числомъ столько сколько слѣдуетъ имъ по чину. Потомъ хирургъ или медикъ голландскій; передъ нимъ несутъ его ящикъ съ лекарствами; самъ онъ въ *норимонѣ*, который выше предъидущихъ. Потомъ секретарь миссіи въ такомъ же *норимонѣ*, начальникъ экипажей, два начальника носильщиковъ или вагенмейстеры перваго разряда, президентъ конторы въ *норимонѣ* высшаго сорта, съ восемью носильщиками, чисто одѣтыми: на одеждахъ у нихъ заглавныя буквы: *Восточная компанія Голландской Индіи*. Шествіе заключаютъ слу-

жители; переводчики, и *гобаніози* со своей святой.

Въ Японіи, на каждой станціи или на мѣстѣ отдыха, всегда находятся готовые свѣтшіе носильщики, какъ у насъ почтовые лошади; но во время путешествія изъ Децимы въ Іедо Голландцы не употребляютъ этихъ подставъ. Извѣстное число носильщиковъ назначается для извѣстной доли пути, напримѣръ, для доставленія путешественниковъ изъ Нагазаки до острова *Kiu-siu*, то-есть, до мѣста, гдѣ нужно садиться на суда. Иногда этимъ носильщикамъ приходится идти по семнадцати часовъ въ сутки, но такая работа, по видимому, не приводитъ ихъ въ изнеможеніе. Приходя на ночлегъ, они парятся въ теплой банѣ, и на другое утро, на разсвѣтъ, готовы опять приняться за пошу.

Во времена Кемпфера, по случаю отправленія въ Іедо, губернаторъ Нагазаки лично пріѣзжалъ пожелать начальнику факторіи счастливаго пути; нынѣ онъ присылаетъ сказать о своемъ желаніи; но за то всѣ Японцы, официально состоящіе при конторѣ или знакомые съ однимъ изъ трехъ путешественниковъ, считаютъ долгомъ проводить ихъ до перваго храма въ Нагазаки или пріѣхать туда, чтобы выпить за ихъ здоровье и за успѣхъ миссіи чашку *заки*; что замѣняетъ въ Японіи французскую чарку, называемую *vin*

de l'étrier. Выѣхавъ изъ Нагазаки, Голландцы становятся, для всѣхъ классовъ народа, предметомъ вниманія и уваженія, которыя тѣмъ замѣчательнѣе, что японскіе слуги, состоящіе при миссіи, не всегда строго соблюдаютъ приличія, предписываемыя обычаями страны и ихъ собственнымъ унижительнымъ положеніемъ. Скажемъ вмѣстѣ съ Кемпферомъ, что этотъ контрастъ всего замѣтнѣе на большомъ островѣ *Kiu-siu*. На большомъ островѣ Ниппонѣ любопытство народа столь же велико, но уже не столь почтительно, оно всегда надоедаетъ, а иногда становится дерзкимъ. Пріемъ у вельможъ, все еще достойный и учтивый, уже не такъ благосклоненъ и любезенъ. Однакожь изъ разсказовъ всѣхъ путешественниковъ ясно выказывается, что Голландцамъ никогда не бываетъ такъ весело и пріятно, какъ въ то время, когда они не дома, если только можно назвать Дециму домомъ этого сборища изгнанниковъ, очень похожихъ на людей, содержимыхъ въ тюрьмѣ.

Когда миссія проѣзжаетъ по острову *Kiu-siu*, ей даютъ праздники поочередно всѣ князья, по владѣніямъ которыхъ она проходитъ. Отрядъ солдатъ ожидаетъ ее на каждой новой границѣ; президента привѣтствуютъ отъ имени князя и провожаютъ до слѣдующей границы. Миссія садится на суда въ

Кокурѣ, гдѣ оставляетъ свои норимоны и канго впредь до возвращенія. Во время переѣзда моремъ, останавливаются часто на островахъ, и вельможи, принимающіе миссію, стараются перещеголять другъ друга учтивостію, угодливостію и заботливостію къ Голландцамъ. *Гобаніюзи* или *кунинъ*, главный распорядитель поѣздки, и старшій переводчикъ помогаютъ этому гостепріимству, столько же чистосердечному, сколько полному, и стараются занять путешественниковъ, показывая и доставляя имъ случай видѣть все, что каждый городъ или каждая мѣстность представляетъ особенно любопытнаго и замѣчательнаго. Доктѣръ Зибольдъ думаетъ, что если приходилось иногда Голландцамъ, во время поѣздки въ Іедо, жаловаться на своихъ проводниковъ, то это слѣдуетъ приписать ихъ незнанію мѣстныхъ обычаевъ и ихъ скупости. Дѣйствительно, какъ всѣ необходимыя издержки путешественниковъ напередъ исчислены и приведены въ извѣстную сумму, которою распоряжается первый переводчикъ и за которую отвѣчаетъ предъ своимъ правительствомъ, то всякая *чрезвычайная* издержка, происходящая отъ измѣненія пути или отъ продолжительной остановки въ какомъ нибудь мѣстѣ для личнаго удовольствія путешествующихъ, должна падать на собственный ихъ счетъ; нелѣпо было бы

полагать, что переводчикъ можетъ принять ее на себя. Зибольдъ увѣренъ, что, принявшись за дѣло своевременно и пожертвовавъ приличную сумму денегъ, миссія всегда можетъ доставить себѣ все, чѣмъ захочетъ наслаждаться внѣ обыкновенной программы (*).

Дороги вообще хороши, содержатся порядочно и такъ широки, что на нихъ свободно движутся огромныя массы путешественниковъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили (**).

По множеству несчастныхъ случаевъ, очень частыхъ въ этой гористой странѣ, гдѣ нерѣдко приходится ѣхать по вершинамъ горъ или спускаться по ступенькамъ, выбитымъ въ утесахъ, въ Японіи нельзя постоянно употреблять колесныхъ экипажей. Дороги обыкновенно обсажены деревьями и тщательно выметены; послѣднее обстоятельство надобно приписать какъ обычаю земледѣльцевъ, которые собираютъ удобреніе вездѣ, гдѣ могутъ, такъ и уваженію къ путешественни-

(*) Однакожъ миссія должна добраться до Іедо въ пзвѣстный срокъ, какъ увидимъ послѣ.

(**) Онѣ содержатся на счетъ князей, по владѣніямъ которыхъ проходятъ; надзираютъ за ними смотритель (*агодайкванъ*) и президентъ округа (*со-я*). Частыя встрѣчи многочисленныхъ свитѣ заставили принять за правило, чтобы каждый держался лѣвой руки и давалъ проходъ встрѣчающемуся по своей правой сторонѣ. Такое же правило соблюдается на мостахъ (Зибольдъ, томъ I. стр. 208).

камъ. По обѣимъ сторонамъ дорогъ встрѣчается множество лавчонокъ, гдѣ выдѣлываютъ и продаютъ безчисленное количество соломённой *обуви для лошадей* и вьючнаго скота, и сандалій для прохожихъ. Эта обувь для лошадей и быковъ одинакова во всей имперіи, и даётъ хлѣбъ множеству бѣдныхъ людей. Мы уже сказали, но нелишнимъ считаемъ еще повторить, что на всѣхъ дорогахъ продаются книжки съ указаніями мельчайшихъ подробностей, какія могутъ понадо-биться путешественнику.

Европейскіе путешественники описали значительное число естественныхъ рѣдкостей, минеральныхъ источниковъ, горячихъ и холодныхъ ваннъ, храмовъ, и проч., попадавшихъ имъ на пути. Кемпферъ говоритъ во множествѣ такихъ предметовъ, и хотя его манера описывать неизящна, но за то вѣрна, и до такой степени оригинальна, что мы сожалѣемъ, что не можемъ выписать вполне рассказъ его, относящійся до поѣздки въ Іедо. Однакожъ, мы будемъ на него ссылаться и основываться на немъ въ этомъ трудѣ, представляющемъ сводъ рассказовъ всѣхъ прочихъ путешественниковъ.

При переѣздѣ черезъ островъ Кіу-зіу, доктора Зибольда всего болѣе поразило посѣщеніе буддистскаго храма близъ *Ягами*, гдѣ миссія останавливалась обѣдать, въ самый день

отъѣзда изъ Нагазаки. Храмъ этотъ, выстроенный особенною сектою, извѣстною подъ именемъ *Икко-Сіу*, существенно отличается отъ прочихъ буддистскихъ храмовъ, потому что въ немъ вмѣсто большаго числа идоловъ, видно только изображеніе одного божества, *Амида*. Бонзы этой секты только одни, изъ всѣхъ буддистскихъ жрецовъ, могутъ жентиться и ѣсть мясо.

Въ окрестности *Соногуи* (Кемпферъ пишетъ *Синогни*, Тунбергъ *Синогнуи*, а Фишеръ *Соноги*) находится камфарное дерево. Кемпферъ называетъ его чудовищнымъ, но оно еще не измѣрено, потому что стоитъ на вершинѣ крутаго холма, и доступъ къ нему труденъ. Зибольдъ нашелъ это дерево еще здоровымъ и цѣлымъ, и богатымъ листьями, хотя оно со времени Кемпфера постарѣло ста тридцатью пятью годами. Колосъ растительнаго царства былъ на этотъ разъ (въ 1826 году) вымѣренъ. Зибольдъ говоритъ, что стволъ его имѣетъ въ окружности семнадцать метровъ (около 24 аршинъ). Внизу дерево пусто, и Зибольдъ замѣчаетъ, что пятнадцать человѣкъ могутъ помѣститься въ этой живой пещерѣ.

Въ *Цюка-саки* или *Цука-саки*, (Кемпферъ пишетъ *Искакаки*) полковникъ Стюрлеръ и его товарищи получили позволеніе выкупаться въ собственной ваннѣ фиценскаго

князя и удивлялись чрезвычайной чистотѣ ея. Зибольдъ замѣчаетъ, что вода, уже чистая какъ кристаллъ, пропускалась еще черезъ волосяное рѣшето, чтобы не было въ ней ни малѣйшаго посторонняго тѣла. *Цукасаки* знаменито своими теплыми источниками, особенно полезными для больныхъ, которые лишились употребленія членовъ. Не съ меньшимъ удивленіемъ говоритъ Зибольдъ о дачѣ князя *Цикузена*, гдѣ они имѣли ночлегъ и гдѣ полковнику отвели комнаты самаго князя. Онѣ состояли изъ передней и спальни, которая, какъ и всѣ спальни въ Японіи, превращалась въ гостиную, какъ скоро изъ нея убирали постель (*).

Стѣны были обдѣланы кедровымъ деревомъ и прекрасно полированы, оттѣнки были подобраны роскошно. Комната, какъ и всегда въ Японіи, могла быть раздѣлена на нѣсколько отдѣленій, посредствомъ ширмъ, которыя двигались по нарочно-устроеннымъ желобкамъ. Эти ширмы сдѣланы изъ золоченой бумаги, въ лакированныхъ рамкахъ, богато украшенныхъ. Комната, замѣчательная

(*) Постель состоитъ изъ тонкаго матраца, съ легкою деревянною подушкою, въ которой сдѣлано нѣсколько ящичковъ; въ нихъ кладутъ драгоценности и цѣнныя бездѣлушки. На эту подушку кладутъ пуховую, и постель готова. На день, все это свертывается и кладется въ сундукъ, стоящій въ углу комнаты.

вдвойнѣ, по изяществу и чистотѣ, и по уютности, которая не согласовалась съ чиномъ владыльца, выходила на красивый садикъ, гдѣ помѣщалось обычное капище или моельня. Всего любопытнѣе въ передней было углубленіе, родъ клѣтки, гдѣ обыкновенно сидѣлъ камергеръ князя, и по нѣскольку часовъ ждалъ приказаній своего повелителя, въ совершенномъ уединеніи, никѣмъ не видимый.

На богатомъ и любопытномъ островѣ Кіузіу всего замѣчательнѣе, въ экономическомъ отношеніи, каменный уголь. Зибольдъ говорить, что его употребляютъ въ *Каянози*, гдѣ докторъ грѣлся у огня, поддерживаемаго этимъ углемъ (*).

Зибольдъ грѣлся съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что поѣздка въ Іедо обыкновенно начинается въ февралѣ, когда Японія надѣваетъ, по словамъ доктора, зимнюю одежду, и часто видишь ледъ или по-крайней-мѣрѣ гололедицу. Кромѣ того, онъ осмот-

(*) Кемпферъ тоже упоминаетъ объ этомъ каменномъ углѣ и говоритъ, что ему показывали копи въ окрестностяхъ Курозаки, какъ *что-то необыкновенное*. Шарльвуа увѣряетъ, что эти копи загорѣлись отъ неосторожности рабочихъ, и горятъ съ-тѣхъ-поръ. О каменномъ углѣ упоминаютъ и Фишеръ и Тунбергъ, указывая на разныя мѣстности или называя одну мѣстность разными именами, въ которыхъ нѣтъ однакожъ рѣзкаго различія.

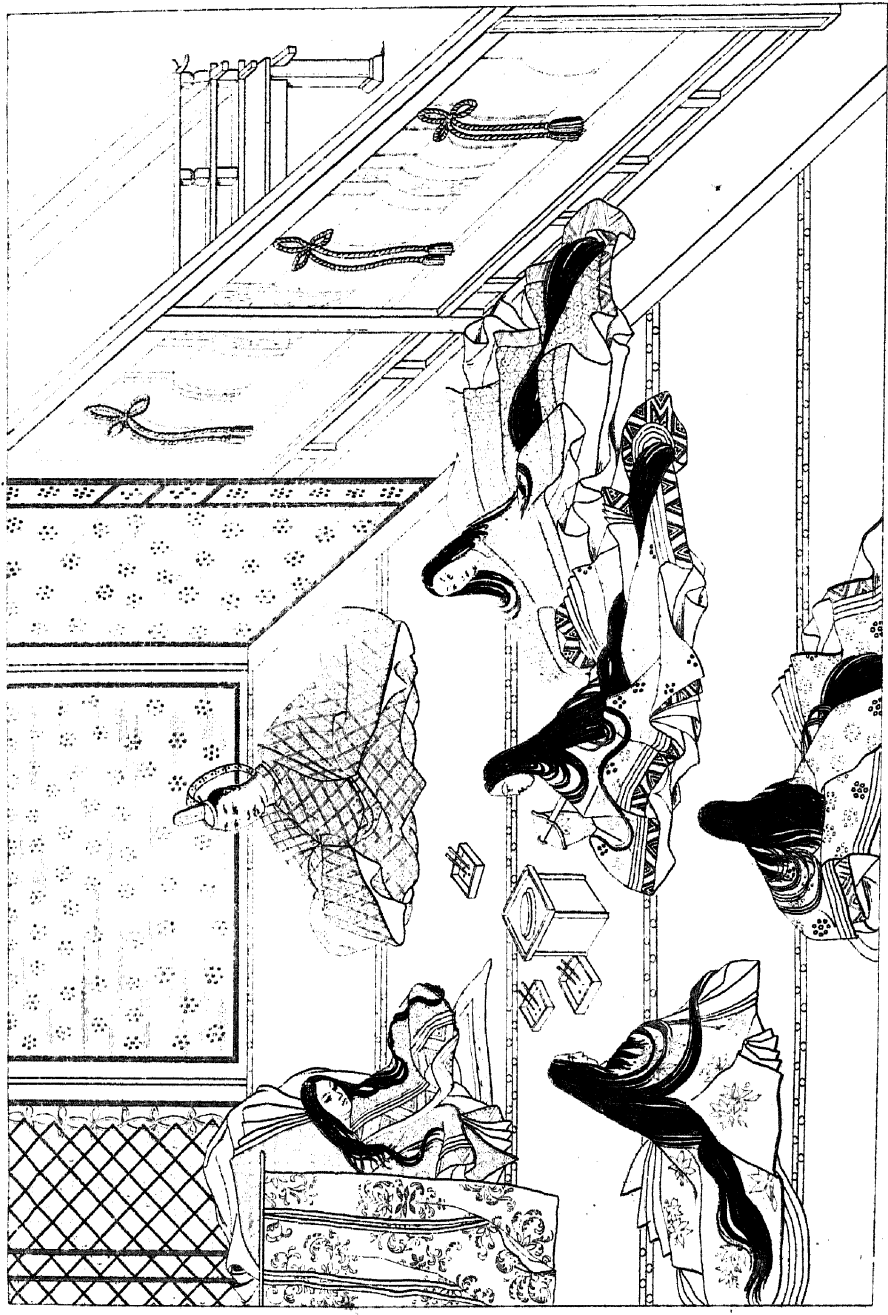
рѣлъ копи каменнаго угля въ *Вукумото*, и хотя ему не дозволили спуститься въ самую глубину, однакожъ онъ могъ убѣдиться, что копи хорошо и дѣльно разрабатываются.

Верхніе пласты толщиною въ нѣсколько дюймовъ, но его *увѣрили*, что низшіе слои въ нѣсколько футовъ; показаніе это подтверждали массы, вынутыя изъ глубины, которыя онъ самъ видѣлъ. По качеству своему этотъ уголь смолистой породы, и туземцы, для употребленія, превращаютъ его въ коксъ. Можно думать, что эти копи доставляютъ (говоритъ Жансивыи) скорѣе антрацитъ, чѣмъ собственно такъ называемый каменный уголь.

Переѣздъ изъ *Симонозекы* въ *Огозаку* представляетъ мало замѣчательнаго; однакожъ Кемпферъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько любопытныхъ замѣчаній. Въ одномъ опасномъ мѣстѣ, моряки и пассажиры, желая умиловить какое то божество, бросаютъ въ море, близъ храма, посвященнаго японскому Нептуну, мелкую монету, прикрѣпленную къ дощечкѣ, и даже сосудикъ съ *закн*. Фишеръ, очевидецъ такой сцены, рассказываетъ, что рыбаки поймали сосудъ и вѣрно доставили по адресу. Онъ называетъ божество, которому была принесена такая жертва, *компира*; оно вѣроятно тождественно съ тѣмъ, которое у Кемпфера называется *аббуто квана сама*. Нѣсколько храмовъ замѣчательны въ

сосѣдствѣ *Фимеци*, одинъ по архитектурѣ, украшеніямъ и позолотѣ, другой по огромному колоколу; третій, наконецъ, по чудовищному камню. Возлѣ перваго изъ этихъ храмовъ Фишеръ видѣлъ высочайшія сосны; одну изъ нихъ можно считать самымъ древнимъ деревомъ, если Фишеръ не ошибается, увѣряя, что ей въ 1822 году было около 1000 лѣтъ (983 года).

Послѣ остановки въ портѣ *Фіого* или *Фіуго*, знаменитомъ въ Японіи по огромной плотинѣ, которая стоила значительныхъ суммъ правительству и жизни множеству работниковъ, миссія выходитъ на берегъ въ *Огозакъ*, одномъ изъ пяти императорскихъ городовъ, гдѣ останавливаются на день или на два. Городъ этотъ если не самый большой, то самый красивый и богатый въ имперіи; тутъ множество театровъ и увеселеній всякаго рода. Это *Парижъ* Японіи. Съ этого пункта, за Голландцами начинаютъ смотрѣть строго и неослабно, и ихъ едва выпускаютъ изъ отводимыхъ имъ квартиръ. Они принимаютъ множество гостей, особенно туземныхъ медиковъ и больныхъ, которые приходятъ совѣтоваться съ докторомъ европейскимъ; но эти посѣщенія *найбонъ* (инкогнито). Подарки, назначенные огозакскому губернатору, могутъ быть ему вручены только по возвращеніи изъ *Иедо* и остаются въ городѣ до того времени.

Путешественники, живя въ Огозакѣ, могутъ только заказывать нѣсколько рѣдкихъ вещей или товаровъ; исполненные заказы выдаются имъ тоже по возвращеніи изъ столицы.

Въ полтора дня переѣзжаютъ изъ Огозаки въ Міяко (•), императорскій городъ по преимуществу; это резиденція *даири* или двора духовнаго автократа, *микадо*. Миссія останавливается тамъ на цѣлый день, но за ней крѣпко смотрятъ; она почти не можетъ выходить. Нѣсколько официальныхъ визитовъ и множество визитовъ *наибонъ* занимаютъ все время путешественниковъ. Подарки, назначенныя тамошнимъ вельможамъ, остаются тутъ до возвращенія миссіи изъ Іедо. Высшій сановникъ, по японски *сіозидан*, называемый Голландцами *великимъ судьей*, живетъ въ Міяко представителемъ сіюгуна у двора *микадо*. Онъ-то даетъ миссіи паспортъ, безъ котораго нельзя продолжать пути. Эта послѣдняя часть дороги самая длинная и самая тяжелая.

Между Міяко и Іедо часто встрѣчаются туземные князья, съ многочисленными ихъ свитами (**).

(*) Японцы называютъ также эту столицу *Kioto*. Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

(**) Описаніе Кемпфера путешествій японскихъ вельможъ такъ живописно и занимательно во многихъ отношеніяхъ, что нельзя не привести его вполнѣ, не только для развлеченія, но и для пользы читателей.

Эти вельможи всѣми силами стараются не проѣзжать по святому городу, гдѣ ничтожнѣйшіе члены *даири* (двора духовнаго императора) считаются ихъ начальниками. На-

потому что рассказъ Кемпфера бросаетъ яркій свѣтъ на учрежденія и нравы этой странной имперіи.

Вотъ что говорить Кемпферъ (т. II ст. 145):

«Почти невѣроятно, какъ много народа ежедневно путешествуетъ въ этой странѣ; могу увѣрить читателя по собственному опыту (я видѣлъ это четыре раза), что на Токайдо, одномъ изъ главнѣйшихъ и наиболѣе посѣщаемыхъ семи путей Японіи, въ иные дни болѣе проходящихъ, чѣмъ на большихъ улицахъ главныхъ европейскихъ городовъ. Это происходитъ частію отъ того, что жителей въ Японіи очень много, частію же отъ того, что жители безпрестанно перемѣняютъ мѣсто, или по доброй волѣ или по необходимости.

«Князья и вельможи имперіи, съ огромнѣйшими свитами, равно какъ и губернаторы императорскихъ городовъ и земель, принадлежащихъ казнѣ, занимаютъ первое мѣсто между путешественниками. Они ежегодно разъ обязаны ѣздить ко двору, на поклонъ свѣтскому монарху, въ извѣстное время, для того назначенное. Такимъ образомъ они проѣзжаютъ по большой дорогѣ два раза въ годъ, то есть, когда ѣдутъ въ Иедо и когда возвращаются оттуда. Во время путешествія, ихъ провожаетъ весь ихъ дворъ, и они совершаютъ поѣздку съ тѣми великолѣпіемъ и роскошью, которые по ихъ понятіямъ приличны ихъ званію и богатству, равно какъ и величію мощнаго монарха, къ которому ѣдутъ. Свита иныхъ важнѣйшихъ князей имперіи такъ велика, что занимаетъ на дорогѣ пространство нѣсколькихъ дней пути. Часто случалось мнѣ, при самой быстрой ѣздѣ, встрѣчать въ продолженіе двухъ дней сряду багажъ и свиту; предшествовавшіе князю; она состояла изъ служителей и низшихъ офицеровъ, раздѣленныхъ на мелкіе отряды; самъ князь встрѣчалъ

добно замѣтить, что это страшное стеченіе путешественниковъ никогда не подаетъ повода къ какому нибудь непріятному случаю, ни къ малѣйшей ссорѣ на дорогѣ или въ гостини-

ся только на третій день, съ многочисленной свитой; и все это шло въ изумительномъ порядкѣ. Говорятъ, что свита одного изъ важнѣйшихъ *даими* состоитъ изъ 20,000 чел.; свита *сіоміо* — изъ десяти тысячъ, а свита губернатора императорскаго города и земель, принадлежащихъ казнѣ, — изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, смотря по его чину или доходамъ.

Если нѣсколько такихъ князей и вельможъ съ многочисленными свитами съѣдутся на одной дорогѣ, въ одно время, то не могутъ не мѣшать другъ другу, особенно если встрѣтятся въ одномъ *сіуку* (селѣ), потому что часто даже цѣлаго села недостаточно для помѣщенія одной свиты. Для устраненія такого неудобства, князья и вельможи приняли за правило извѣщать о своемъ проѣздѣ преждевременно всѣ селенія и гостинницы, а именно первостатейныя за мѣсяцъ, а прочія за недѣлю или за двѣ до проѣзда. Кромѣ того, объ этомъ же извѣщаются всѣ города, села и деревни, лежащія на пути, посредствомъ дощечекъ, выставляемыхъ на бамбуковыхъ шестахъ при вѣздѣ и выѣздѣ изъ этихъ мѣстъ; на доскахъ коротко написано, что въ такое то число такой-то вельможа проѣдетъ черезъ это мѣсто и будетъ тутъ обѣдать или ночевать.

«Для удовлетворенія любопытства читателя, нелишнимъ считаемъ описать одинъ изъ такихъ большихъ поѣздовъ, впрочемъ не упоминая о передовыхъ гонцахъ, багажѣ, лошадяхъ, канго и паланкинахъ, которые высылаются впередъ за день или за два. Что я расскажу объ этомъ предметѣ, касается не до сильнѣйшихъ князей и маленькихъ королей, каковы владѣтели *Сацумъ*, *Банго*, *Овари*, *Киннокунъ* и *Мито*, но только до прочихъ *даими*, которыхъ мы встрѣчали во время поѣздки нашей ко двору, хотя между ними нѣтъ боль-

ницахъ, что должно быть приписано отчасти мѣрамъ предусмотрительной и дѣятельной полиціи, и также тому распоряженію, по которому ѣдущіе въ столицу держатся правой сторо-

шой разницы, кромѣ ливрей и пикъ особеннаго рода, произвола въ распредѣленіи шествія, и числа лошадей, фассамбаковъ, норимоновъ, канго и служителей, необходимыхъ для присмотра за всѣми этими предметами.

«1) Сначала идутъ толпы передовыхъ гонцовъ, фурьеровъ, секретарей, поваровъ и другихъ низшихъ должностныхъ лицъ, потому что они должны заботиться о помѣщеніи, съѣстныхъ припасахъ и обо всемъ, что необходимо для принятія ихъ господина и его двора.

«2) Потомъ идетъ княжескій тяжелый багажъ въ сундучкахъ, уже мною описанныхъ выше, на лошадяхъ (на каждомъ знамя съ гербомъ и именемъ владѣльца), или въ огромныхъ ящикахъ, крытыхъ красною лакированной кожею, тоже съ гербомъ хозяина; ихъ несутъ на плечахъ носильщики, сопровождаемые смотрителями.

«3) Большое число малыхъ предметовъ, принадлежащихъ главнымъ офицерамъ, важнымъ лицамъ, провожающимъ князя, съ пиками, саблями, луками и стрѣлами, зонтиками, лошадьми и другими знаками отличія, которые слѣдуютъ ихъ чину или должности.

«4) Собственный поѣздъ князя, въ изумительномъ порядкѣ; онъ раздѣленъ на вѣсколько частей; каждою начальствуетъ особый офицеръ. Вотъ какъ онѣ слѣдуютъ одна за другой, по степени важности:

1) Пять прекрасныхъ лошадей, иногда болѣе, иногда менѣе, каждую ведутъ два конюха; за ними по два служителя; 2) пять или шесть носильщиковъ, иногда и болѣе, богато одѣтые, идутъ гуськомъ и несутъ фассамбаки или лакированные сундучки, и ящички и корзины тоже лакированные, гдѣ помѣщены одежда, бѣлье и прочія принадлежности туалета князя; при каждомъ носильщикѣ два служителя, которые прини-

ны, а возвращающіеся оттуда лѣвой. Но подобныя мѣры имѣютъ успѣхъ только въ такомъ случаѣ, когда совершенно согласуются съ народнымъ характеромъ. Предположивъ, что на

маютъ на себя его ношу поочередно; 3) десять человѣкъ, или болѣе, тоже гуськомъ, несутъ богатые сабли, почетныя пики, огнестрѣльное оружіе, въ футлярахъ изъ лакированного дерева, и колчаны со стрѣлами и луками; иногда, за этими людьми, для большаго великолѣпія, идетъ множество носильщиковъ съ фассамбаками, и ведутъ еще лошадей; 4) два или три человѣка несутъ государственныя пики, знаки могущества и власти князя; онѣ на верху убраны пѣтушьими перьями, или жесткими ремнями, или чѣмъ нибудь другимъ, особенно свойственнымъ владѣльцу; носильщики пикъ идутъ одинъ за другимъ; за каждымъ изъ нихъ по два служителя; 5) дворянинъ несетъ шляпу, которую князь надѣваетъ отъ солнечнаго жара и которая покрыта чернымъ бархатомъ; за нимъ тоже два служителя; 6) другой дворянинъ несетъ князевъ зонтикъ, тоже покрытый чернымъ бархатомъ; за нимъ два служителя; 7) еще болѣе фассамбаковъ и лакированныхъ сундуковъ, крытыхъ цвѣтною кожею, съ гербомъ князя; при каждомъ сундукѣ два человѣка; 8) около шестнадцати пажей и камеръ-юнкеровъ князя, богато одѣтыхъ, идутъ по два въ рядъ передъ его норимономъ; они выбраны изъ важнѣйшихъ лицъ его двора; 9) самъ князь сидитъ въ великолѣпномъ норимонѣ; несутъ его шесть или восемь человѣкъ, въ богатыхъ ливреяхъ; другіе идутъ около экипажа для смѣны ихъ. Два или три камеръ-юнкера идутъ у дверцы, подаютъ ему или принимаютъ отъ него, что онъ прикажетъ, и помогаютъ ему выходить изъ норимона; 10) двѣ или три парадныя лошади, съ сѣдлами, покрытыми чернымъ бархатомъ; одна изъ нихъ несетъ огромное кресло, иногда тоже покрытое чернымъ бархатомъ и поставленное на *норикако* изъ той же матеріи; при каждой

дорогахъ все такъ спокойно, порядочно и прилично, какъ насъ увѣряетъ Кемпферъ (а мы не имѣемъ причины не вѣрить ему), мы можемъ найти объясненіе этого феномена толь-

лошади по нѣскольку конюховъ и лакеевъ въ ливреѣ, а иныхъ ведутъ даже пажы князя; 11) два носильщика пикъ; 12) десять человекъ или болѣе несутъ огромнѣйшія корзины, на палкахъ, на плечахъ, такъ-что одна корзина спереди, другая сзади; они служатъ не существенно, а только для церемоніи; иногда, для увеличенія толпы, къ нимъ присоединяютъ нѣсколько носильщиковъ фассамбаковъ. За собственнымъ конвоемъ князя шествіе продолжается такъ:

«5) Шесть или двѣнадцать лошадей; ведутъ ихъ конюхи и служители, всѣ въ ливреяхъ.

«6) Толпа княжескихъ служителей и другихъ должностныхъ лицъ его двора, съ ихъ принадлежностями и слугами, которыхъ не мало: всѣ они несутъ пикъ, фассамбакъ, и въ ливреяхъ. Нѣкоторыхъ изъ служителей и должностныхъ лицъ несутъ въ канго. Всю эту толпу ведетъ главный гофмейстеръ князя; несутъ его въ великолѣпномъ норимонѣ.

«Если въ путешествіи находится сынъ князя, то онъ непосредственно слѣдуетъ за отцомъ, со всѣмъ своимъ особеннымъ кортежемъ.

«Чрезвычайно любопытно и достойно удивленія, какъ всѣ эти лица, составляющія нескончаемую свиту, одѣтыя въ черныя шелковыя платья (всѣ, кромѣ носильщиковъ пикъ, лакеевъ при норимонахъ и ливрейныхъ служителей), идутъ въ удивительномъ порядкѣ, съ важностію, которая имъ очень пристала, и въ такомъ безмолвіи, что слышны только шелестъ одеждъ и топотъ лошадей и людей, неразлучный со всякимъ движеніемъ. Но съ другой стороны, Европейцу покажется очень страннымъ, что носильщики пикъ и слуги при норимонахъ поднимаютъ одежду и выказываютъ наготу своихъ ногъ зрителямъ. Еще страннѣе и

ко въ общемъ благорасположеніи, въ природной наклонности къ порядку и во врожденномъ уваженіи къ закону; все это дѣлаетъ величайшую честь японскому характеру.

смѣшнѣе шуточная пляска, въ которую пускаются носильщики пикъ, зонтиковъ, шляпъ, сундучковъ, и всѣ ливрейные лакеи, когда проходятъ по значительному селенію или городу, или когда проходятъ мимо свиты другаго князя или вельможи. При каждомъ шагѣ они поднимаютъ ногу до самой спины, протягивая руки передъ собою какъ можно дальше, и становятся въ такое положеніе, какъ будто хотятъ плавать по воздуху. Въ то же время, соображаясь съ прочими своими движеніями, они потрясаютъ пиками, шляпами, зонтиками, сундучками, корзинами и всѣмъ, что у нихъ въ рукахъ. Лакеи при норимонахъ засучиваютъ рукава до плечъ и ходятъ съ обнаженными локтями; они несутъ шесть норимона на плечахъ или на ладони, поднимая руку выше головы. Въ такомъ положеніи они протягиваютъ другую руку впередъ горизонтально, и этимъ, равно какъ маленькими, мѣрными шагами, держа прямо ноги, показываютъ страхъ и осторожность, до крайности смѣшныя. Если князь выходитъ изъ норимона въ бесѣдку изъ зелени, для него нарочно построенную на дорогѣ, или въ частный домъ, чтобъ выпить чашку чаю, или для какихъ другихъ нуждъ, то всегда оставляетъ хозяину этого мѣста *кобанъ* въ награду; за обѣдъ и за ужинъ онъ награждаетъ еще щедрѣе.»

Зибольдъ тоже рассказываетъ о безпрестанныхъ путешествіяхъ Японцевъ, и замѣчаетъ, что японскій вельможа, во время путешествія, рабъ обычая и этикета. Малѣйшія подробности его одежды, конвоя, поклажи, знаковъ отличій, остановокъ на пути, его обѣдовъ, даже ночлеговъ, опредѣлены неизмѣнными правилами. За то положеніе вельможи очень скучно, тяжело и даже опасно въ Японіи.

На половинѣ дороги между обѣими столицами, на западномъ берегу глубокаго залива (а не озера, какъ говоритъ Фишеръ), находится городокъ *Араи*, очень важный по своему положенію; тутъ всегда значительный отрядъ войска. Князь, во владѣніяхъ котораго находится этотъ городъ, и котораго воины доставляютъ стражу, почти всегда бываетъ членомъ государственнаго совѣта. Никто не можетъ проѣхать черезъ этотъ городъ въ *Иедо*, не имѣя паспорта отъ главнаго судьи; женщины же должны брать особое позволеніе. Тутъ тщательно осматриваютъ бумаги и багажи, даже самихъ путешественниковъ, чтобы какая нибудь женщина въ мужскомъ платьѣ не пробралась въ императорскія провинціи. Извѣстно, что жены и дочери князей, губернаторовъ и другихъ вельможъ, занимающихъ государственныя мѣста, содержатся въ *Иедо* какъ заложницы и отвѣчаютъ за вѣрность своихъ мужей и отцевъ; но въ книгахъ путешественниковъ нельзя добиться объясненія, почему женщинамъ не дозволено ѣздить въ *Иедо* безъ особеннаго позволенія. Вѣроятно японское правительство не желаетъ, безъ необходимой нужды, увеличивать число семействъ, которыя находятся подъ его надзоромъ, а потому ни жена, ни дочь высшаго чиновника не могутъ выѣхать изъ столицы тоже безъ особеннаго позволенія.

Нарушеніе этого правила, имѣющаго тѣсную связь съ безопасностію государства, влечетъ за собою смертную казнь всѣмъ тѣмъ, кто участвовалъ въ преступленіи.

По исполненіи всѣхъ обрядовъ, предписанныхъ закономъ, лодка князя, но подъ голландскимъ флагомъ, изъ уваженія къ миссіи, перевозитъ начальника факторіи и его свиту на другую сторону залива. На слѣдующій день они на паромѣ переѣзжаютъ черезъ *Теріогаву*, (Кемпферъ называетъ эту рѣку *Тенъ Ринъ*), дно которой, по словамъ Фишера, очень богато золотымъ пескомъ (*), но Японцы, говоритъ онъ, не умѣютъ извлекать его. Это едва вѣроятно, потому-что Японцы довольно хорошіе металлурги. Какъ бы то ни было, переѣздъ черезъ эту рѣку не такъ занимателенъ для европейскихъ путешественниковъ, какъ переѣздъ черезъ *Огаву*, который они совершаютъ на слѣдующій день. Потокъ этотъ такъ быстръ, дно его такъ неровно и утесисто, что на немъ нѣтъ ни мостовъ, ни перевозныхъ судовъ; за то есть люди, которые обязаны провожать путешественниковъ и переносить багажи, такъ чтобы съ ними не случилось ни

(*) Тунбергъ проѣзжалъ по этой же рѣкѣ, но только въ лодкѣ; онъ называетъ ее *Тиндигава*. Ни онъ, ни Кемпферъ не упоминаютъ о золотоносныхъ пескахъ въ этомъ потокѣ.

малѣйшаго несчастія. Эти носильщики отвѣчаютъ за васъ своею головою, говоритъ Тунбергъ, подтверждая свидѣтельство Кемпфера; Фишеръ подкрѣпилъ Тунберга и увѣряетъ, что переправа эта дѣйствительно опасна, хотя потокъ не имѣетъ болѣе пятидесяти футовъ ширины, когда вода не высока. Часто во время дождей *Отава* разливается на цѣлую версту въ ширину, и черезъ нее можно переходить въ бродъ только въ извѣстныя времена. Нерѣдко путешественники стоятъ по цѣлымъ днямъ на ея берегахъ. Она проходитъ по гористой странѣ, богатой разнообразными живописными видами, и украшаетъ ихъ своими водами, спѣша поскорѣе добраться до моря.

Японцы, страстные обожатели природы, не могли не восхищаться рѣкою *Отава* (*). Эта знаменитая рѣка доставляетъ неисчерпаемыя картины и сравненія поэтамъ и рисовальщикамъ; но это поэтическое преимущество раздѣляетъ она съ горою *Фузи*, которую видишь за минуту до переѣзда черезъ рѣку. Гигантская вершина этой горы

(*) по Кемпферу *Ошигава*;

по Тунбергу, *Онигава*;

по Фишеру *Ойегава* и *Ойегава*;

по Chinese Repository, *Ойегава*.

Звукъ *И* произносится носомъ въ названіи этой рѣки и многихъ другихъ. Это японская особенность.

возвышается надъ всею странюю, такъ что сосѣднія горы кажутся холмами. Гора *Фузи* или *Фудзи*—самая высокая въ Японіи; вершина ея почти весь годъ покрыта снѣгами. Высота ея (по исчисленію Зибольда) въ 3793 метра (около 1657 саж.), а лежитъ она, тоже по увѣренію Зибольда, въ провинціи *Суруга*, подъ 34° 50' сѣвер. широт. и 136° 25' вост. долготы. Японцы обыкновенно называютъ ее *Фузи-саю*. Это была огнедышащая гора, въ старину очень опасная, но послѣднее изверженіе не повторялось уже полтора вѣка, такъ что гора перестала быть предметомъ ужаса для плодоносной страны, которая ее окружаетъ. Однакожъ, эта великолѣпная и грозная масса до сихъ поръ возбуждаетъ суевѣрное изумленіе. Кто можетъ добраться до вершины ея, гдѣ сила вѣтровъ безпрестанно разбиваетъ снѣгъ въ бѣлый дымъ, тотъ думаетъ, что совершилъ спасительное путешествіе въ естественный храмъ генія бурь (*).

«Народъ поднимается на гору, говоритъ Кемпферъ, для поклоненія японскому Эолу или богу вѣтровъ. Взбираться на нее надобно

(*) Фишеръ увѣряетъ, что Японцы поднимаются на вершину горы для принесенія мольбы идоламъ, которые поставлены руками предковъ въ разсѣлинахъ утесовъ. Эти восхожденія совершаются только въ августѣ.

три дня, но спуститься можно, если хочешь, въ три часа; для этого Японцы привязываютъ себя къ санкамъ изъ тростника или соломы, и катятся такимъ образомъ внизъ, зимою по снѣгу, лѣтомъ по песку, потому что гора удивительно гладка и ровна. *Ямабосы (Yamabosis)* или горные жрецы принадлежатъ къ ордену Эола и, разговаривая или прося милостыни, безпрестанно повторяютъ слово *Фузи Яма*. Поэты не могутъ найти довольно сильныхъ выраженій, а живописцы довольно яркихъ красокъ, для достойнаго и полного изображенія величія этой горы.» Кемпферъ замѣчаетъ, что по рассказамъ людей, поднимавшихся на нее, на самой вершинѣ находится глубокая яма, изъ которой въ прежнее время вылетали пламя и дымъ, пока въ ней не поднялся пригорокъ или холмикъ; но теперь этотъ кратеръ наполнился водою.

Японцы и иностранцы, всѣ восхищаются этою горою. Невозможно словами передать всю красоту окрестнаго пейзажа, въ которомъ она занимаетъ центръ и которому придаетъ

Замѣтимъ мимоходомъ, что Фишеръ пишетъ имя знаменитой горы тремя манерами:

Фези-Яма, на стр. 74.

Феци-бергъ, на стр. 299.

Феге-бергъ, на стр. 301.

Подробности объ этой горѣ см. выше.

особенное величіе правильностію своей формы и своею высотой.

Ямабосы (*Iamtabosis* или *Iamobos*) составляют отшельническое братство или, лучше сказать, религіозную секту, которой преданія, привычки, ученіе и вліяніе заслуживаютъ особеннаго вниманія. Мы займемся ими, когда будемъ говорить о различныхъ формахъ религіи и вѣрованій въ Японіи. Теперь замѣтимъ только, что первѣйшая обязанность всякаго Ямабоса посѣтить *высшій мѣста* и вынести труднѣйшія испытанія отшельнической жизни. Эти кочующіе отшельники могутъ жениться; сыновья ихъ поступаютъ въ пилигримы и нищіе, а дочери идутъ въ *нищенствующія отшельницы*, о которыхъ мы уже говорили выше.

Дорога, по которой ѣдетъ миссія, идетъ у подошвы горы *Фузи* черезъ село, изъ котораго она видна во всемъ своемъ блескѣ. Европейцы останавливаются въ хижинѣ земледѣльца, который предлагаетъ имъ въ числѣ другихъ предметовъ угощенія, родъ шербета изъ *заки* и снѣга, набраннаго на знаменитой горѣ; за это дарятъ ему золотой кобангъ, японскую монету, стоящую 25 или 26 франковъ (*) (на наши деньги $6\frac{1}{4}$,

(*) См. въ концѣ книги исчисленіе вѣса, мѣры и монетъ, составленное по новѣйшимъ источникамъ.

или 6¹/₂ руб. сер.) Едва потеряютъ изъ виду большую гору, какъ является другая, черезъ которую надобно непременно переѣхать, чтобы добраться до Иедо. Она называется *Факоне* или *Факоніе* и принадлежитъ къ цѣпи горъ, богатыхъ самыми разнообразными пейзажами; тутъ самыя дикія мѣста встрѣчаются возлѣ превосходно обработанныхъ полей и веселыхъ селъ. Въ этихъ селахъ живутъ лучшіе японскіе токари, чеканщики и лакировщики; здѣсь можно получать мастерскія ихъ произведенія за весьма умѣренную плату. Чтобы вполне насладиться видомъ этихъ очаровательныхъ мѣстъ, князя и благородные люди останавливаются за нѣсколько миль, не доѣзжая до селенія *Факоне* (на спускѣ горы), въ мѣстѣ, гдѣ молоденькія дѣвушки подають угощеніе: чай, лакомства и. т. под. Селеніе лежитъ на разстояніи четверти мили отъ вершины горы, на берегу огромнаго пруда, очень богатаго рыбой, гдѣ ловятъ, къ удивленію Тунберга, превосходнѣйшихъ осетровъ.

«Мы съ сожалѣніемъ разстались съ этимъ прелестнымъ мѣстомъ, говоритъ онъ, и спускаясь съ горы, я собиралъ травы, цвѣты и сѣмена разныхъ растеній, встрѣчавшихся по дорогѣ или около нея. Мы видѣли много водопадовъ и канавъ, устроенныхъ жителями для орошенія полей и ежедневнаго употре-

бленія. У подошвы горы насъ осмотрѣли въ караульнѣ, при императорскихъ чиновникахъ; они сидѣли все время; пока осматривали насъ и наши пожитки.»

Дѣйствительно, тутъ содержится значительный постъ для надзора за проходящими. Онъ даже важнѣе того, который помѣщенъ въ Аран, потому что Факоне считается ключемъ столицы Іедо. Всѣ дороги направлены такъ, что сходятся въ дефилей у Факоне; онъ запертъ воротами и тщательно охраняется. Офицеры, приставленные къ надзору за этимъ проходомъ, обязаны осматривать каждаго мужчину, не пропускать ни женщинъ, ни оружія. Мужчины предъявляютъ паспорта; безпаспортныхъ берутъ подъ стражу. Титсингъ рассказываетъ анекдотъ (если не сказку), показывающій, что можно обмануть бдительность стражи, но трудно избавиться отъ наказанія за обманъ, если даже успѣешь пробраться далеко за роковую преграду.

«Одинъ Японецъ изъ Іедо, оставшись вдовцемъ съ двумя дѣтьми, мальчикомъ и дѣвочкой, долженъ былъ ѣхать въ отдаленную провинцію для важныхъ дѣлъ. Не зная, кому поручить дѣтей на время своего отсутствія, онъ рѣшился везти ихъ съ собой и, прибывъ въ Факоне, успѣлъ провести дочь въ мужскомъ платьѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ караулни встрѣтился ему знакомый,

который, зная, что тутъ есть дѣвочка, поздравилъ его съ успѣшнымъ окончаніемъ предпріятія и просилъ *на водку*. Испуганный отецъ предлагаетъ немного денегъ, но тотъ не принимаетъ и требуетъ за свое молчаніе такую сумму, которой не было у бѣднаго путешественника. Между ними завязывается ссора, и знакомецъ, обманутый въ корыстолюбивыхъ надеждахъ, бѣжитъ въ караульню и доноситъ объ обманѣ. Караульные въ трепетѣ: если доносъ справедливъ, они подвергаются смертной казни; а какъ оставить это дѣло безъ изслѣдованія, когда доносчикъ тутъ и заставляетъ ихъ бѣжать за преступникомъ и схватить его. Начальникъ караула нашелъ, однакожъ, средство помочь злу. Желая избавить себя и солдатъ отъ страшнаго наказанія, онъ тотчасъ отправилъ гонца съ мальчикомъ, которые прибѣжали къ несчастному отцу нѣсколькими минутами прежде чѣмъ пришли солдаты, посланные въ погоню; послѣдніе, разумѣется, нисколько не торопились. Гонецъ разсказалъ въ нѣсколькихъ словахъ дѣло, передалъ несчастному отцу мальчика, котораго тотъ долженъ былъ показать вмѣсто своей дочери, и сказалъ, что можно будетъ по закону обращаться съ доносчикомъ какъ съ клеветникомъ и *убить его въ порывѣ законнаго гнѣва!* Приказаніе показалось столь дѣльнымъ, что

его исполнили въ возможной точности. Приходятъ солдаты, осматриваютъ дѣтей и объявляютъ, что оба *мальчики*. Раздраженный отецъ ударомъ сабли срубаетъ голову доносчику, а солдаты кричатъ, что такъ и быть должно, потомъ спокойно возвращаются въ караульню, а счастливый отецъ отправляется далѣе въ путь.»

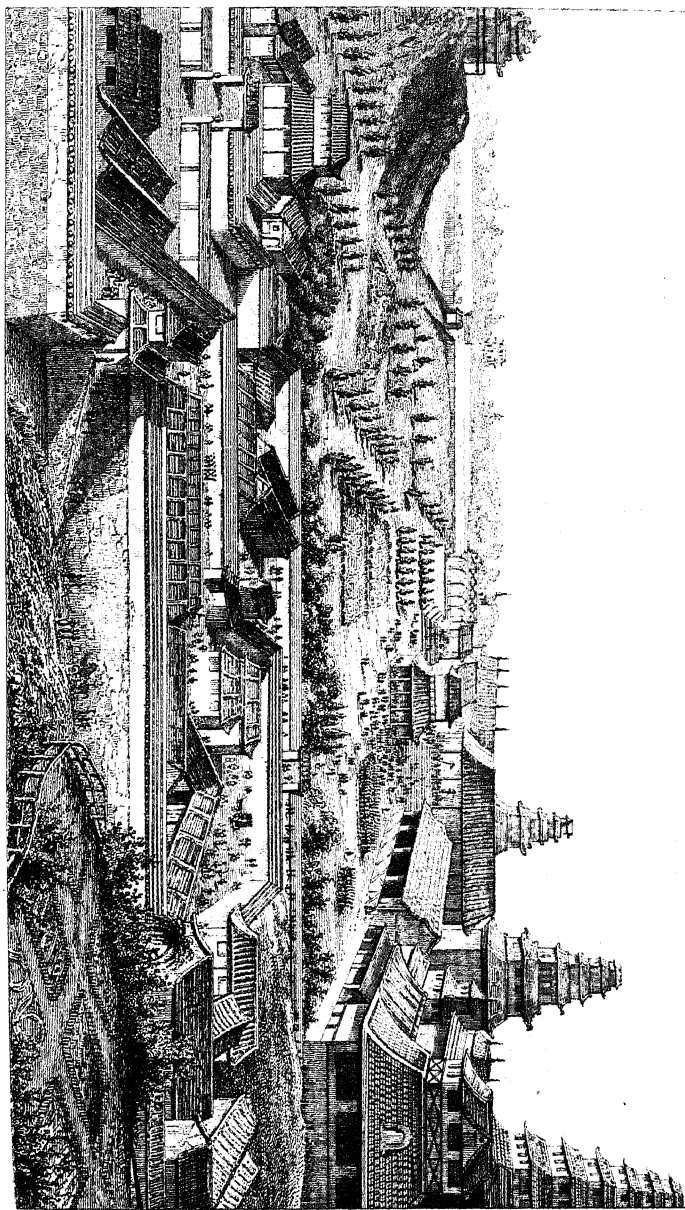
Но вернемся къ голландской миссіи. Послѣ проѣзда черезъ этотъ затруднительный пунктъ, миссія въ двое сутокъ достигаетъ до своей цѣли. Переѣзжаютъ еще двѣ или три рѣки; одна изъ нихъ очень быстра. Тунбергъ называетъ ее *Баннингава*; за нею начинаются необозримыя равнины; впрочемъ, все показываетъ, что огромная столица близко. Страна плодородна, превосходно обработана. На каждомъ шагу города и села. На дорогѣ тѣснятся путешественники, которые, кажется, спѣшатъ со всѣхъ сторонъ. По мѣрѣ приближенія къ столицѣ, сцена оживляется, и многочисленные праздники показываютъ, что тутъ центръ такого народонаселенія, какихъ немного въ мірѣ.

27-го марта, на разсвѣтѣ, говоритъ Фишеръ, мы уже всѣ приготовились къ вѣѣзду въ столицу. Одѣвшись въ лучшія платья, мы выѣхали изъ *Кавазаки* въ девять часовъ утра, переѣхали черезъ *Рока*

фуго гава, и въ половинѣ двѣнадцатаго вѣхали въ *Синагаву*, западное предмѣстіе Іедо, въ невѣроятной массѣ народа. Тутъ мы должны были остановиться и принять нѣсколькихъ гостей, прежнихъ знакомыхъ и японскихъ офицеровъ, которые пришли поздравить насъ съ счастливымъ пріѣздомъ. Часа въ два мы опять отправились въ путь и проѣхали мимо дворца сацумскаго князя, который въ 1818 году самъ пріѣзжалъ съ визитомъ къ нашему *opperhoofd*. Передъ нашимъ поѣздомъ и съ боковъ шли солдаты, собственно для сохраненія порядка. По обѣимъ сторонамъ улицъ было столько народу, что мы едва могли видѣть дѣла, и несмотря на усиленіе конвоя, наши носильщики часто не могли идти впередъ свободно. Улицы, по которымъ мы шли, были широки, вымощены по сторонамъ; дома на нихъ правильной архитектуры. Мы видѣли нѣсколько огромныхъ зданій и магазиновъ; надъ послѣдними выстроены палатки. Передъ этими магазинами и передъ лавками стояло множество прикащиковъ, которые рекомендовали свой товаръ и громогласно зазывали покупателей. Здѣсь, какъ и въ Европѣ, надъ каждой лавкой вывѣска и надпись; и хотя въ Іедо нѣтъ экипажей, которые бы стучали и производили суматоху, однакожъ можно сравнить движеніе и дѣловую дѣятельность этой огром-

ной столицы только съ торговыми кварта-
лами Лондона.

«Еще не попавъ въ Синагаву, мы подвигались среди тѣсной толпы и по широкимъ улицамъ, которыя уже можно было считать за городскія; а изъ предмѣстія до мѣста жительства миссіи мы шли болѣе двухъ часовъ, хотя наши носильщики не только не уменьшили шага, но даже ускорили его. *Нагазаккія* (такъ называютъ домъ миссіи) находится возлѣ самага императорскаго дворца, въ самомъ центрѣ города; дворецъ занимаетъ пространство полу-мили въ діаметрѣ, изъ чего можно заключить, что діаметръ города простирается отъ пяти до шести часовъ пути, обыкновеннымъ шагомъ.»

Le palais impérial de Pékin.

ИМПЕРАТОРСКІЙ АБОРЕНЪ БЪ ІЕ.АВ.

ОПИСАНІЕ ІЕДО.—ПРЕБЫВАНІЕ ТАМЪ ГОЛЛАНДСКОЙ МИССІИ.—АУДИЕНЦІЯ У СІОГУНА, И ПР.

Мы уже замѣтили, что на большомъ островѣ Ниппонѣ голландская миссія не пользуется прежнею свободою въ путешествіи; что за путешественниками смотрятъ гораздо строже, и что имъ едва позволяютъ, особенно для развлеченія, выходить изъ назначенныхъ для нихъ квартиръ. Это особенно справедливо въ отношеніи къ пребыванію ихъ въ Іедо, и только случайно путешественники могутъ *видѣть* что нибудь кромѣ улицъ, по которымъ въѣзжаютъ въ *Нагазаккію*. Въ замѣтъ того, нѣтъ недостатка въ гостяхъ; и изъ разговоровъ съ японскими своими друзьями почерпнули они большую часть тѣхъ свѣдѣній, которыя передали намъ о столицѣ имперіи, о дворѣ *сіюгуна*, о формѣ и образѣ дѣйствія его правительства. Сначала мы въ нѣсколькихъ словахъ изложимъ все, что извѣстно о положеніи, пространствѣ и населеніи Іедо.

Городъ расположенъ у углубленія залива, который, кромѣ рѣки Іедо, самой значительной на Ниппонѣ, принимаетъ воды множества рѣчекъ, особенно съ западной стороны, гдѣ онѣ питають довольно глубокой фарватеръ до мѣста, называемаго *Урагава*, около двадцати миль южнѣе Іедо. Тутъ бока залива сближаются и составляютъ лиманъ въ нѣсколько миль длиною до самого океана. Туземныя торговыя суда, останавливающіяся въ заливѣ Іедо, почти всегда бросаютъ якорь въ *Синагавѣ*. Иногда видишь тутъ до тысячи такихъ судовъ, собравшихся изъ всѣхъ концовъ Японіи; въ этомъ числѣ заключаются суда, привозящія дань натурою и назначенныя для рыбной ловли. Конечъ залива, у самой столицы, не такъ глубокъ; большія суда не могутъ стоять въ немъ. Черезъ городъ протекаетъ большая рѣка, впадающая въ портъ; на ней выстроено много мостовъ. Изъ нихъ главнѣйшіе: знаменитый *Ниппонъ Бассъ* или *Японскій мостъ* (то есть мостъ по преимуществу), отъ котораго считаются разстоянія во всѣ пункты имперіи, и *Іедо-Бассъ* (по *Кемпферу Іедо-Баши*) или мостъ Іедо (*).

Іедо со стороны моря разстиляется въ ви-

(*) На большой картѣ Зибольда, какъ намъ кажется, эта рѣка названа *Сумида-гава*.

дѣ полумѣсяца. Говорятъ, что столица имѣетъ отъ пятнадцати до двадцати льѣ въ окружности, а народонаселеніе въ настоящую минуту доходитъ до двухъ милліоновъ (*).

Впрочемъ этотъ огромный городъ похожъ на прочіе японскіе города, но построенъ не такъ правильно, какъ многіе другіе. Огромность его происходитъ особенно отъ того, что онъ заключаетъ императорскую резиденцію. Она занимаетъ возвышенную мѣстность, окруженную со всѣхъ сторонъ каналами, которые наполняются водами рѣки; *дворецъ сіюгуна*—посреди этой мѣстности, которую нельзя обойти и въ три часа времени. Около императорскаго жилища стоятъ другіе дворцы, какъ-то: дворецъ императорскаго принца, дворецъ императрицы (*Мидан*, законной супруги императора), отдѣльные дворцы для второстепенныхъ женъ; дворцы первѣйшихъ сановниковъ, роши и сады безъ числа, и пр. Это и дворецъ и дача въ огромнѣйшемъ размѣрѣ, японскій *Версаль*.

Миссія голландская помѣщается въ четырехъ комнатахъ, въ задней части огромнаго дома, котораго переднюю часть занимаютъ

(*) Жанснни заимствовалъ это свѣдѣніе отъ доктора Бургера, человѣка чрезвычайно ученаго и умнаго, съ которымъ имѣлъ нѣсколько разъ случай разговаривать въ Явѣ въ 1845 г. Докторъ Бургеръ два раза совершилъ поѣздки въ Іедо.

Японцы, состоящіе при голландскихъ путешественикахъ. Тутъ за Голландцами присматриваютъ дѣятельнѣе и строже чѣмъ гдѣ нибудь, по крайней мѣрѣ до того дня, когда начальникъ факторіи получаетъ аудіенцію у императора. Даже Японцы, провожающіе миссію, не исключая и самыхъ носильщиковъ, подвержены такому же бдительному надзору; а *гобаніози*, главный начальникъ всей экспедиціи, не только не смѣетъ выѣхать изъ дому для свиданія съ семействомъ, но даже и не привимаеъ ни гостей, по крайней мѣрѣ *оффиціально*, ни родственниковъ. Караулъ, стоящій у воротъ дома, наблюдаетъ за исправнымъ исполненіемъ предписанныхъ мѣръ. Подарки посылаются во дворецъ, но тамъ ихъ не трогаютъ до тѣхъ поръ, пока начальникъ факторіи не удостоится аудіенціи. Они находятся подъ сохраненіемъ губернатора Нагазаки, который поочереды живетъ при дворѣ.

Однакожъ эти строгія мѣры могутъ быть, въ нѣкоторой степени, измѣнены найбономъ (*инкогнито*). *Гобаніози* и его товарищи столько же хотятъ видѣть потихоньку своихъ родственниковъ и друзей, сколько Голландцы желаютъ избавиться отъ скуки уединенія: подарочки помогаютъ нарушенію правилъ. При томъ же губернаторъ Нагазаки лично и *оффиціально* посѣщаетъ миссію, а секретари ми-

нистровъ тоже являются поздравить *opreghoofd* съ прїѣздомъ и высмотрѣть, что у него дѣлается. Поэтому Голландцы могутъ ждать довольно спокойно того дня, когда ихъ примутъ въ императорской резиденціи. Они украшаютъ прїемную комнату въ европейскомъ вкусѣ, уставляютъ ее креслами, столами, устилаютъ коврами и пр. Кромѣ чиновныхъ лицъ, они принимаютъ другихъ гостей безъ церемоніи, какъ-будто живутъ у себя дома. Самые постоянные посѣтители ихъ придворные медики и императорскій астрономъ. Это обстоятельство кажется очень замѣчательнымъ, потому что служитъ доказательствомъ умственного стремленія этой странной націи, и несомнѣнно показываетъ, что здравый смыслъ и похвальная любознательность берутъ верхъ надъ суетнымъ тщеславіемъ, суевѣріемъ и вѣковыми предрассудками. Дѣйствительно, эти важные лица (и многіе другіе Японцы изъ просвѣщеннаго класса), ища съ замѣтнымъ усердіемъ разговора съ Европейцами, имѣютъ цѣлю, сколько возможно познакомиться съ успѣхами наукъ на западѣ и умножить количество своихъ собственныхъ знаній. Докторъ Зибольдъ, котораго свидѣтельство по этому предмету должно быть принято безъ возраженія (потому что самъ онъ отличный ученый), объявляетъ, что онъ часто былъ удивленъ вопросами, ко-

которые показывали въ Японцахъ замѣчательную степень образованія. Докторъ Бургеръ, другъ и сотрудникъ Зибольда, также увѣряетъ, что потребность учиться, желаніе просвѣщенія, серьезное и ученое любопытство составляютъ разительную черту японскаго характера; онъ убѣжденъ, что только рука науки можетъ современемъ снять преграды, поставленныя политикою одиночества между Европою и Японіею, чего не могутъ совершить ни торговля, ни война. Японскіе медики и астрономы говорятъ по голландски гораздо лучше переводчиковъ. Самый драгоценный для нихъ подарокъ—ученая книга, писанная или переведенная по голландски. Они перевели на японскій языкъ много подаренныхъ имъ книгъ. Почтенный Бургеръ указываетъ именно на *Изложеніе системы міра*, соч. Лапласа. Это факты замѣчательные, драгоценные залогомъ для будущаго.

Эти ученые Японцы—члены *Императорской Коллеги* въ Іедо; Голландцы сравниваютъ такія учрежденія съ европейскими академіями. Коллеги существуютъ во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ. Коллегія въ *Міако*, особенно похожа на наши *академіи наукъ*. Мы будемъ говорить о ней, когда дѣло дойдетъ до возвращенія миссіи въ Нагазаки.

Другіе гости, изъ простаго любопытства,

по знакомству, или же для интереса, являются къ новопріѣзжимъ и занимаютъ ихъ время. При этомъ случаѣ лучшія образцовыя произведенія японской промышленности предлагаются за цѣны, которыя гораздо ниже цѣнъ въ Нагазаки. Сами торговцы не приносятъ запрещенныхъ товаровъ, но посылаютъ за тѣми, которыхъ вы спросите. Важныя особы пріѣзжаютъ къ друзьямъ своимъ, Голландцамъ, не иначе какъ поздно вечеромъ и передъ посѣщеніемъ присылаютъ подарки (*mizeraizie*, то-есть *редкости*, предложенныя въ подарокъ), напр. разныя изящныя мелочи, лакированныя работы, тонкую бумагу, вѣеры, портфели, табакерки, трубки, и пр., чего ищутъ иностранцы. Если подарки цѣнны, *opperhoofd* отдариваетъ чѣмъ нибудь, особенно если подарокъ полученъ отъ знатной особы, но долженъ дѣлать это чрезвычайно осторожно и черезъ третье лицо. Японскія дамы тоже посѣщаютъ Голландцевъ, но инкогнито. Особенно часты визиты дамъ въ Иедо. Одинъ японскій дворянинъ привелъ шесть дамъ разомъ; такія гости, особенно вечеромъ, истребляютъ несмѣтное число сладостей и ликѣровъ. Притомъ же онѣ позволяютъ себѣ открывать чемоданы или сундуки съ бѣльемъ путешественниковъ, выражаютъ радость и удовольствіе, рассматривая каждую штуку отдѣльно и спрашивая, какъ

какую носятъ. Нельзя не предложить имъ того, что наиболѣе имъ понравится; онѣ берутъ подарокъ тутъ же или присылаютъ за нимъ довѣреннаго человѣка. Во всякомъ случаѣ, онѣ хотятъ унести какое нибудь воспоминаніе, хотя пару голландскихъ словъ на своемъ вѣрѣ. Служители, прибывшіе изъ *Децимы* и понимающіе по голландски, служатъ довѣренными переводчиками въ этихъ случаяхъ; князья и другія важныя лица, которыя пріѣзжаютъ къ Голландцамъ по тихоньку (*найбонъ*), обращаются къ нимъ охотнѣе, чѣмъ къ переводчикамъ правительства. Часто эти сановники объявляютъ свое имя только на другой день послѣ перваго визита, присылая секретаря съ подаркомъ и изъявленіемъ признательности за радушный пріемъ. Они пріѣзжаютъ безъ церемоніи, въ самой обыкновенной одеждѣ; такъ же одѣта и свита ихъ. Если разговоръ веселитъ ихъ, они становятся коротко-знакомыми и нерѣдко приказываютъ записывать отвѣты, которые кажутся имъ занимательными. Японскіе князья любезны въ обращеніи, любятъ говорить и безпрестанно предлагать вопросы объ искусствахъ, наукахъ и обычаяхъ въ европейскихъ или голландскихъ колоніяхъ; но никогда не позволяютъ себѣ ни малѣйшаго намека на японскую политику. Во времена Фишера, миссію посѣтили князья *Мацмая* и *Заммы*,

князь *Мито* (братъ сіюгуна или императора), императорскій секретарь, секретари и важнѣйшіе чиновники князей *Сацумы*, *Нагаца*, *Фиракатты*, *Овари*, *Каги* и пр. Секретарь сапумскаго князя привезъ Голландцамъ въ подарокъ двѣнадцать красивѣйшихъ птицъ, пятьдесятъ рѣдкихъ растений, пару куръ-карлицъ, пару кроликовъ-карликовъ, пару утокъ съ хвостомъ въ видѣ вѣера, и нѣсколько кусковъ шелковыхъ матерій; все это привезено въ клѣткахъ и ящикахъ такой работы, что содержащее стоило еще дороже содержимаго. Оканчивая отчетъ о развлеченіяхъ Голландцевъ и посѣтителехъ ихъ, займемъ у Дѣфа подробности объ одномъ японскомъ купцѣ, который по своему богатству, щедрости и величію въ обращеніи принадлежитъ къ числу знаменитыхъ купцовъ, встрѣчаемыхъ въ *Тысяча одной ночи*; извѣстно, какъ умѣли они добывать милліоны и тратить ихъ съ невообразимымъ великодушіемъ! Здѣсь идетъ дѣло о торговцѣ шелковыми товарами. Онъ назывался *Ичигоя* (*Itchigoya*) и имѣлъ магазины во всѣхъ большихъ городахъ имперіи. Вы покупали у него что нибудь въ *Іедо* и увозили, напримѣръ, въ *Нагазаки*, и если товаръ вамъ не нравился, то могли отсылать его въ тамошнюю контору *Ичигои*; вамъ тотчасъ возвращали деньги! При покупкѣ, вы выбирали товаръ изъ пяти или ше-

сти лщиковъ, присланныхъ къ вамъ на домъ. Богатства этого человѣка вѣроятно были несмѣтны. Во время пожара, который при Дёфѣ истребилъ тысячи домовъ въ Іедо, въ томъ числѣ и резиденцію голландской миссіи, Ичигоя лишился не только собственнаго своего дома со всѣми пожитками, но и магазина, въ которомъ хранилось шелка *милліонъ фунтовъ*: такая потеря невозвратима въ странѣ, гдѣ о страхованіи понятія не имѣютъ. Однакожъ онъ прислалъ сорокъ своихъ служителей на помощь Голландцамъ и черезъ два дня послѣ пожара началъ снова строить свое заведеніе и платилъ плотникамъ по двадцати франковъ (5 р. сер.) въ день! Впрочемъ, вотъ какъ описываетъ Дёфъ это страшное бѣдствіе, доставившее ему съ товарищами случай видѣть и другія части столицы, въ которыя обыкновенно ихъ не пускали.

«22 апрѣля 1806 г., въ десять часовъ утра, намъ сказали, что въ городѣ вспыхнулъ пожаръ, въ двухъ лѣѣ отъ нашего дома. Мы едва обратили вниманіе на эту вѣсть, потому что пожары очень часты въ Іедо, и каждую ясную ночь гдѣ нибудь горитъ, такъ что поздравляютъ другъ друга съ туманною ночью, потому что при дождѣ эти несчастные случаи рѣже. Между тѣмъ большая часть города была уже въ огнѣ, и пожаръ направлялся въ нашу сторону. Въ три часа по по-

лудни, сильный вѣтеръ началъ заносить искры въ нашъ кварталъ, и около насъ загорѣлись четыре дома. За два часа до приближенія опасности мы сочли за благоразумное дѣло уложить въ чемоданы наши пожитки; когда она начала грозить намъ, мы уже были готовы къ бѣгству. Когда мы вышли на улицу, все уже было въ огнѣ. Опасно было бы идти по вѣтру, и мы діагонально пробѣжали по горѣвшей со всѣхъ сторонъ улицѣ, къ открытому мѣсту *Гара*, находившемуся за пожарищемъ. Площадь уже была покрыта народомъ; тутъ развѣвались флаги князей, которыхъ дворцы уже сгорѣли и которые выбѣжали сюда съ супругами и дѣтьми. Мы послѣдовали ихъ примѣру и усѣлись около небольшого голландскаго флага, который употреблялся нами при переѣздѣ черезъ рѣки; его-то подняли мы въ одномъ углу площади. Зрѣлище, поразившее насъ въ эту минуту, было страшнѣе всего, что можно выразить словами. Отчаянные крики женщинъ и дѣтей, вырываясь изъ этого огненного моря, увеличивали ужасъ сцены. Мы находились внѣ опасности, но безъ пристанища. Губернаторъ *Нагазаки*, *Фита Бунгоно Ками*, находившійся тогда въ *Иедо* очереднымъ, только что былъ замѣненъ другимъ, и преемникъ его, назначенный въ этотъ день губернаторомъ, уже лишился дома, превращеннаго въ

пепель. Намъ назначили для жительства домъ другого губернатора Нагазаки, который находился на своемъ посту. Домъ этотъ стоялъ на другой сторонѣ города; насъ повели туда въ десять часовъ утра. Сынъ отсутствующаго губернатора принялъ насъ съ удивительною внимательностію и расположеніемъ. Наконецъ на слѣдующее утро, почти въ полдень, сильный дождь остановилъ пожаръ. Хозяинъ нашъ сказалъ намъ, что тридцать семь княжескихъ дворцовъ истреблены дотла, и что болѣе тысячи двухъ-сотъ человѣкъ, и между ними сынъ князя *Ава*, сгорѣли или утонули, потому что знаменитый мостъ *Ниппонъ-Бассъ* рушился подъ бѣжавшими, которыхъ набралось на него слишкомъ много. Несмотря на ласковый пріемъ губернаторскаго сына, намъ было въ его дворцѣ не такъ хорошо, какъ въ своемъ домѣ, и я тотчасъ послалъ отыскивать намъ приличную квартиру. Черезъ четыре дня, найдя квартиру, какую намъ хотѣлось, мы простились съ нашимъ хозяиномъ, поблагодаривъ за гостепріимство, и переѣхали въ новое жилище, на весьма красивой площади. На заднемъ фасадѣ дома находился балконъ, съ котораго видъ былъ на мостъ, часто посѣщаемый пѣшеходами; онъ стоялъ на большой рѣкѣ, протекающей по городу. Между нами и мостомъ находилось только три дома, такъ что въ отношеніи къ

виду на окрестность мы много выиграли съ перемѣною квартиры. Число проходившихъ по мосту еще увеличилось любопытными, желавшими взглянуть на насъ, и такое любопытство нисколько насъ не беспокоило, потому что мы жили не возлѣ самаго моста. Одна-кожъ замѣтили это обстоятельство, и намъ объявили, *отъ имени губернатора Иедо*, приказъ не показываться на балконѣ, куда наше присутствіе привлекало взоры любопытной толпы. Я тотчасъ объявилъ, что хочу переговорить съ высшимъ полицейскимъ офицеромъ, который провожалъ насъ изъ Нагазаки. Я объяснилъ ему мое удивленіе, что подобный приказъ могъ быть объявленъ мнѣ губернаторомъ Иедо, потому что только съ губернаторомъ Нагазаки Голландцы состоятъ въ сношеніяхъ; только отъ него получаютъ инструкцію во время путешествія; только онъ одинъ можетъ давать намъ приказанія, потому что, какъ сказывалъ мнѣ самъ *гобаніози*, ему одному поручено отъ правительства смотрѣть за миссіей. Къ этому я прибавилъ, что нисколько не намѣренъ принимать и исполнять приказанія другихъ лицъ, и прошу его довести объ этомъ до свѣдѣнія губернатора. Воззваніе мое имѣло полный успѣхъ. На слѣдующее утро онъ приказалъ мнѣ сказать черезъ *гобаніози*, что совершенно одобряетъ мое поведеніе и позволяетъ намъ на-

слаждаться нашимъ милымъ балкономъ. Онъ даже оказалъ особенную милость, приказавъ очистить дворъ, прилегавшій къ нашему жилищу (*).

Однакожь пора вести голландскую миссію къ императорской аудіенціи, къ цѣли этого тяжелаго путешествія. Кажется, что аудіенція всегда назначается 28 числа мѣсяца (по японскому счисленію), потому что 28 день — *праздникъ, счастливый день*, посвященный визитамъ съ *комплиментами*, послѣ исполненія нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ. Если по какому нибудь особенному обстоятельству, пропустили благопріятный день, надобно ждать другаго счастливаго дня четыре недѣли; но замѣтимъ, что во времена Кемпфера одна аудіенція дана 29 марта, другая 21 апрѣля. Тунбергъ провожалъ начальника факторіи во дворецъ 18 мая, Дѣфа при-

(*) Тунбергъ, говоря о пожарахъ, которые такъ часты въ Іедо, рассказываетъ (Т. II, стр. 75), «что ихъ много случилось во время его пребыванія тамъ, но они скоро были потушены. Пожаръ 1772 г., былъ ужасенъ и составляетъ печальную эпоху; нашъ начальникъ, бывшій очевидцемъ бѣдствія, прислалъ намъ описаніе, которое приводитъ въ трепетъ. Пожаръ начался въ полдень и продолжался непрерывно до восьми часовъ вечера слѣдующаго дня; онъ занималъ пространство длиною въ шесть миль, шириною въ три.

«Домъ Голландцевъ сгорѣлъ; Голландцы перемѣнили три квартиры въ одну ночь; наконецъ искали они убѣжища въ храмѣ».

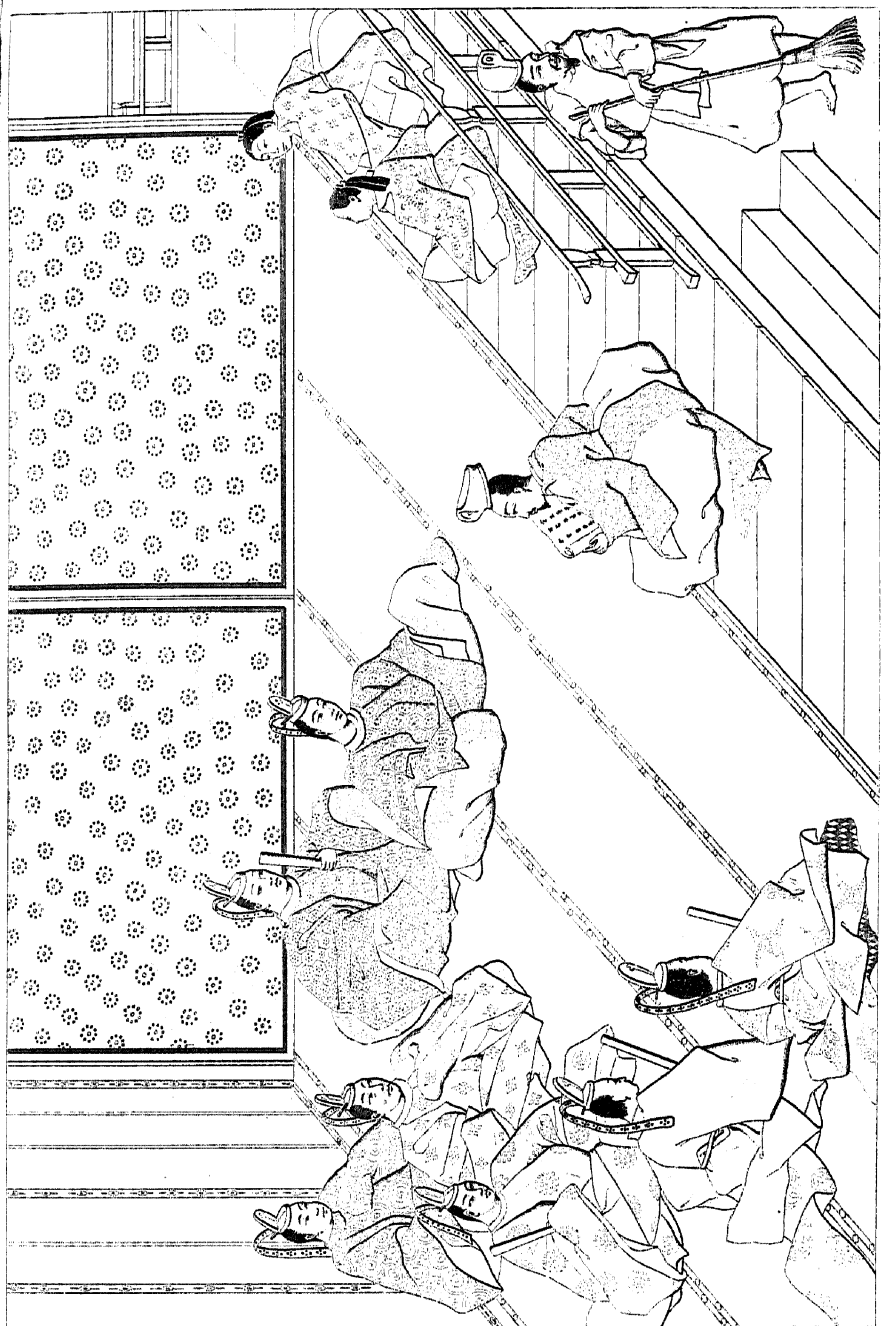
нимали 3 мая, Фишера — 6 апрѣля. Прежде всего приведемъ рассказъ Дѣфа, который имѣлъ аудіенцію, какъ президентъ или начальникъ миссіи, въ 1806 году.

«Голландцы шьютъ себѣ особое парадное платье для этой церемоніи: платье президента бархатное, доктора и секретаря суконное, съ золотымъ или серебрянымъ шитьемъ. По входѣ во внутренность дворца, всѣ трое надѣваютъ плащики (президентъ надѣваетъ бархатный, докторъ и секретарь черные шелковые). Только президентъ можетъ приказать нести за собой свою шпагу въ черномъ бархатномъ футлярѣ: никто изъ иностранцевъ не пользуется въ Японіи такимъ преимуществомъ. Но нельзя носить этой шпаги на себѣ. 28 числа третьяго японскаго мѣсяца (то есть 3 мая по новому стилю), мы парадно отправились въ императорскій дворецъ въ шесть часовъ утра, чтобы прибыть туда прежде государственныхъ совѣтниковъ. Несли насъ въ *норимонахъ* до дворцовыхъ воротъ, гдѣ даже князья обязаны выходить изъ экипажей, кромѣ князей *Овари*, *Киу-зиу* и *Мито*, которые, въ качествѣ принцевъ крови, могутъ проникать за дверь, противъ *ста человекъ стражи*. Мы пошли туда пѣшкомъ и тамъ дождались прибытія совѣтниковъ. Насъ посадили на лавки, крытыя краснымъ сукномъ, и предложили чай и трубки. Тутъ видѣли мы губер-

натора Нагазаки и главнаго инспектора иностранцевъ; они поздравили насъ съ предстоящимъ счастіемъ видѣть ихъ монарха и вошли во внутренность дворца. Потомъ пришелъ начальникъ стражи съ визитомъ къ президенту; но тутъ встрѣтился вопросъ объ этикетѣ; начальникъ стражи хотѣлъ, чтобы я вышелъ на встрѣчу къ нему изъ внутренней комнаты, гдѣ я сидѣлъ, въ наружную. Онъ увѣрялъ, что не можетъ войти въ нее, потому что у него чинъ малъ. Я съ своей стороны объявилъ, что мнѣ невозможно оставить почетное мѣсто, которое мнѣ отвели. Начальникъ стражи рѣшился идти впередъ, но остановился на разстояніи двухъ цыновокъ (почти пяти аршинъ) и оттуда кланялся мнѣ (*).

«Удержавъ такъ рѣшительно свое мѣсто (что всегда надобно дѣлать въ Японіи, когда имѣешь право на это), я захотѣлъ заставить уважать древніе обычаи, къ которымъ очень трудно вернуться, если разъ, изъ снисхожденія, они нарушены. Когда собрались

(*) Въ Японіи, гдѣ все установлено непреложными законами этикета, цыновки имѣютъ опредѣленную величину, которая французскими мѣрами выражается такъ: въ длину два метра (около 3 арш.), въ ширину — метръ (около 1½ арш.), въ толщину пять съ половиною сантиметровъ. Онѣ дѣлаются такъ, что прилегаютъ одна къ другой совершенно плотно.

всѣ совѣтники, насъ повели черезъ нѣсколь-
ко дворовъ и ввели во дворецъ, гдѣ насъ
приняли лица, которыя походили на нашихъ
пажей, только съ бритыми лбами. Они по-
вели насъ въ пріемную. Тамъ мы сѣли на
полъ, въ косвенномъ положеніи, и закрыли
ноги плащами; того непремѣнно требуетъ
японскій этикетъ (*).

«Черезъ нѣсколько времени, губернаторъ
Нагазаки и смотритель за иностранцами по-
вели меня въ аудіенцъ-залу и пригласили по-
вторить все, что мнѣ придется дѣлать во вре-
мя представленія, потому что на отвѣтствен-
ность губернатора пала бы малѣйшая ошибка,
которую я могъ сдѣлать въ назначенномъ це-
ремоніалѣ. Потомъ меня опять привели въ
пріемную, откуда черезъ нѣсколько времени, я
пошелъ на *настоящую* аудіенцію къ импера-
тору. Мы встрѣтили нѣсколько вельможъ, ко-
торые уже возвращались. Меня провели че-
резъ корридоръ въ залу *ста цыновокъ*: ее
такъ называютъ, потому что въ ней дѣйст-
вительно сто цыновокъ; онѣ изъ соломы (ри-
совой?), толщиною до трехъ сантиметровъ.
На нихъ положены другія цыновки, еще

(*) Показать ноги—у порядочныхъ людей въ Японіи
считается непростительною трубостію! Въ Индоста-
нѣ, напротивъ того, нельзя дерзнуть показать рукъ, въ
присутствіи начальника, въ большой церемоніи!

тонше, съ богатыми бордюрами. Такъ убраны всѣ хорошія пріемныя въ Японіи. Здѣсь мы оставили главнаго переводчика, и я вошелъ, въ сопровожденіи одного губернатора, въ аудіенцъ-залу, гдѣ увидѣлъ свои подарки; они были разставлены на лѣвой сторонѣ. Тутъ мы нашли *сіюгуна* или императора, котораго костюмъ ничѣмъ не отличался отъ костюма простыхъ его подданныхъ. Я поклонился *сіюгуну* какъ кланяются князья имперіи, а одинъ изъ государственныхъ совѣтниковъ громко доложилъ: *Капитанъ-Горанда*. Губернаторъ Нагазаки, стоявшій за мной шагахъ въ двухъ, тотчасъ дернулъ меня за плащъ, увѣдомляя такимъ образомъ, что аудіенція кончена. Вся церемонія продолжалась не болѣе одной минуты».

Фишеръ не присутствовалъ при аудіенціи, но видѣлъ *репетицію*, и въ описаніи своемъ сообщаетъ нѣсколько другихъ любопытныхъ подробностей. «Вся церемонія, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что надобно поклониться по японски на извѣстномъ мѣстѣ, то-есть, дотронуться лбомъ до цыновки въ ту минуту, какъ громко провозглашаютъ: *Капитанъ Горанда*.» Мертвое молчаніе въ залѣ прерывается только легкимъ лепетомъ, который у Японцевъ выражаетъ глубочайшее уваженіе. *Opperhoofd* уходитъ какъ вошелъ, въ самой униженной позѣ, склонившись до зем-

ли; такъ что онъ, не нарушивъ законовъ японскаго приличія, не можетъ ничего видѣть вокругъ себя, хотя замѣчаетъ, что тутъ много людей.

Послѣ императорской аудіенціи, Голландцамъ предстоятъ еще другія обязанности, налагаемыя этикетомъ. Во-первыхъ, миссія отправляется къ *Низи-но-мару* или императорскому наслѣднику, котораго дворецъ находится на возвышеніи; отсюда можно судить о пространствѣ императорской резиденціи и ея огромности, потому что не видно ея предѣловъ ни съ одной стороны. Принцъ никогда не бываетъ дома въ это время, потому что вѣроятно находится при императорѣ. Миссію принимаютъ отъ его имени государственные совѣтники, назначенные на этотъ случай; но мы не знаемъ, какъ происходитъ эта аудіенція. Подробности о другихъ посѣщеніяхъ (всегда сопровождаемыхъ подарками) болѣе извѣстны. Миссія отправляется къ разнымъ совѣтникамъ, простымъ и чрезвычайнымъ, но никто лично не принимаетъ ея (покрайней мѣрѣ въ послѣднее время такъ дѣлалось). Голландцевъ, съ подарками, принимаютъ секретари этихъ важныхъ особъ (*) и угощаютъ чаемъ и сладостями.

Угощеніе подается на блюдахъ, но до не-

(*) *Гокаросъ.*

го никто не дотрогивается (говорить Фишеръ). Его завязываютъ въ чистую бумагу золотыми или серебряными снурками; помощникъ переводчика и метръ-дотель относятъ его въ лакированныхъ бокалахъ въ домъ миссіи. Во время этихъ посѣщеній можно слышать говоръ женъ и дѣтей, которыя изъ-за ширмъ съ любопытствомъ разсматриваютъ иностранцевъ. Если дамы не показываются, то не должно думать, чтобы это было запрещено обычаемъ; хотятъ только избѣгнуть всякой короткости съ Европейцами, и вѣроятно, дама высшаго тона, напр. жена министра, не можетъ показываться въ такомъ случаѣ иностраннымъ купцамъ или торговцамъ (*).

Впрочемъ, вездѣ подаютъ Голландцамъ трубки и табакъ.

«Въ нѣкоторыхъ домахъ, говоритъ Фишеръ, просили у насъ позволенія посмотрѣть наши часы, и шляпу и шпагу президента. Но всего скучнѣе, даже несноснѣе показалось мнѣ, что сѣдя на полу, я при всякомъ визитѣ долженъ былъ писать краснымъ ка-

(*) Кажется, что принятіе этихъ строгихъ мѣръ осторожности началось недавно, потому что Тунбергъ рассказываетъ, что во дворцѣ одного изъ совѣтниковъ не только подняли занавѣску, отдѣлявшую женщинъ отъ иностранцевъ, но даже попросили послѣднихъ войти въ эту залу.

рандашемъ нѣсколько словъ на разныхъ листахъ бумаги. Домой воротились мы послѣ всѣхъ этихъ церемоній въ половинѣ десятаго часа, и должны были еще принимать множество гостей съ поздравленіями, такъ что можно было подумать, что насъ хотятъ уморить учтивостями; лихорадочное волненіе, овладѣвшее нами подъ вечеръ, было такъ сильно, что мы едва не падали въ обморокъ.»

Нынѣ роль Голландцевъ при японскомъ дворѣ не такъ тяжела и особенно не такъ смѣшна, какъ во времена Кемпфера. На церемонные визиты дается имъ болѣе времени, и кажется, въ этомъ отношеніи оказывается значительный прогрессъ послѣ миссіи, къ которой принадлежалъ Фишеръ; потому что Зибольдъ, ѣздившій въ Іедо четыре года спустя (въ 1826 году), положительно говорить, что въ день аудіенціи они являлись только къ пяти совѣтникамъ перваго разряда; на слѣдующій день ѣздили къ восьми совѣтникамъ втораго класса; прочія посѣщенія, совершавшіяся во времена Фишера во второй день, были отложены при Зибольдѣ до третьяго дня.

Эти послѣдніе визиты показались Голландцамъ легче первыхъ, даже въ 1822 г.; ихъ вездѣ принимали съ существеннымъ гостепріимствомъ, потому что Фишеръ упоминаетъ,

что въ этотъ день они посѣтили двухъ совѣтниковъ *храмовыхъ* (то есть, занимающихся духовными дѣлами) и обоихъ губернаторовъ Іедо; всѣ эти сановники угощали посѣтителей горячимъ обѣдомъ и *заки*. Губернаторы, изъ которыхъ одинъ завѣдываетъ восточною, а другой западною частию столицы, приняли миссію лично. Другіе сановники этого не дѣлали. Голландцы являлись къ губернатору Нагазаки, жившему поочереди въ Іедо, но онъ не принялъ ихъ—«вѣроятно, прибавляетъ Фишеръ, потому что онъ живетъ здѣсь очень скромно и что при другихъ сановникахъ онъ не хотѣлъ показать намъ, какую незначительную роль играетъ при дворѣ. Дѣло въ томъ, что этотъ человѣкъ, который такъ гордъ и такъ поднимаетъ голову въ Нагазаки, кажется, здѣсь уважаемъ не больше обыкновеннаго служителя» (*).

Въ продолженіе немногихъ дней, пока миссія остается въ Іедо послѣ аудіенціи, императорскіе медики и астрономы открыто и явно посѣщаютъ Голландцевъ или, какъ говорятъ въ Японіи, *омоте-муки*, въ противоположность *найбону*. Не знаемъ, какимъ другимъ лицамъ позволено еще видѣть ихъ та-

(*) Тунбергъ говоритъ, что миссія, на другой день послѣ императорской аудіенціи, посѣщала обоихъ главныхъ смотрителей надъ иностранцами.

кимъ же манеромъ, но кажется, что посѣщенія дамъ и князей остаются по прежнему инкогнито. Обыкновенно черезъ три или четыре дня послѣ представленія ко двору, Голландцевъ призываютъ на прощальную аудіенцію. Церемоніаль остается тотъ же, но только нѣсколько униженнѣе, потому что самъ сіюгуи не удостоиваетъ показаться, а начальника факторіи принимаютъ государственные совѣтники въ залѣ *Ста-Дыновокъ*. Губернаторъ Нагазаки читаетъ ему ту же прокламацію, которая читается ежегодно въ Нагазаки и которую мы привели выше. Начальникъ факторіи выходитъ на нѣсколько минутъ, и возвратившись въ залу, принимаетъ подарки сіюгуна; они состоятъ изъ тридцати парадныхъ одеждъ. Онъ опять выходитъ, и его опять призываютъ для принятія другихъ двадцати одеждъ отъ имени наследнаго принца. Тутъ возвращается онъ въ свой домъ. Послѣ полудня къ нему пріѣзжаютъ секретари государственныхъ совѣтниковъ, храмовыхъ смотрителей, губернаторовъ столицы и главныхъ смотрителей по иностраннымъ дѣламъ, съ привѣтствіемъ и пожеланіемъ счастливаго пути отъ имени своихъ начальниковъ, и подносятъ ему, въ замѣну полученныхъ отъ него подарковъ известное количество шелковыхъ одеждъ, качествомъ ниже тѣхъ, которыя подарены

сіогуномъ и наслѣднымъ принцемъ, но на ватѣ. Каждому посланцу дарятъ варенье, картузь голландскаго табаку и двѣ золоченныя трубки.

Таковъ церемоніаль, соблюдаемый нынѣ японскимъ дворомъ въ отношеніи къ голландской миссіи; такъ описываютъ его современные путешественники. Онъ мало отличается отъ того, что было назадъ тому полтора вѣка, во времена Кемпфера; но послѣдній сообщаетъ намъ подробности о другой аудіенціи, такъ сказать частной, которая слѣдовала за первою, и теперь, кажется, не имѣетъ мѣста. Мы приведемъ эти подробности; но для полноты картины необходимо привести прежде разсказъ стараго доктора о торжественной аудіенціи, разсказъ, оригинальный столько же по формѣ, сколько по содержацію.

«29 марта, въ четвергъ, въ день, назначенный для нашей аудіенціи, подарки сіогуу были отправлены ко двору; за ними ѣхали депутаты отъ *Сино Бами* и комиссары, которымъ порученъ надзоръ за иностранными дѣлами. Они должны разложить подарки на деревянныхъ столахъ въ залѣ *Тысячи-Цыновокъ*, какъ ее называютъ, гдѣ императору слѣдовало осмотрѣть ихъ. Мы слѣдовали тотчасъ за ними, въ плащахъ изъ черной шелковой матеріи и парадныхъ

платьяхъ по европейскому образцу. За нами шли управители губернаторовъ Нагазаки, нашъ *дозенъ* или прикащикъ *Бугио*, два посланца изъ Нагазаки и сынъ переводчика, всѣ пѣшкомъ. Мы, трое Голландцевъ, и четвертый, нашъ переводчикъ, ѣхали верхомъ одинъ за другимъ. Каждую лошадь велъ подъ-уздыцъ служитель и шелъ по правую сторону: съ этого бока садятся на коня и слѣзаютъ съ него, по японскому манеру. Прежде при каждой лошади шло по два служителя; мы уничтожили этотъ обычай, потому-что онъ вводилъ насъ въ лишнія издержки. Нашъ резидентъ или капитанъ, какъ называютъ его Голландцы, слѣдовалъ за нами; его несли въ *норимонѣ*, а за нимъ несли въ *каго* нашего прежняго переводчика. Шествіе заключалось остальными нашими служителями и свитой, которая шла за нами пѣшкомъ, на приличномъ разстояніи, какъ ей было предписано. Въ такомъ порядкѣ приближались мы ко дворцу и послѣ получасовой ходьбы, подошли къ первой оградѣ, которая была хорошо укрѣплена стѣнами и окопами. Тутъ перешли мы черезъ большой мостъ, съ золочеными перилами и мѣдными шарами на рѣшеткѣ. Рѣка широка и, кажется, течетъ къ сѣверу около дворца: на ней видѣли мы множество судовъ и барокъ. Входъ черезъ двое укрѣпленныхъ воротъ; между ними небольшой

карауль. Когда мы прошли черезъ вторыя ворота, то очутились на большой площади, гдѣ увидѣли на правой сторонѣ карауль побольше, но онъ, показалось намъ, стоялъ тутъ болѣе для парада, чѣмъ для защиты. Зала караульни была обита сукномъ; пики были воткнуты въ землю, при входѣ въ нее. Внутренность ея была украшена золоченымъ оружіемъ, лакированными ружьями, пиками, щитами, луками, стрѣлами и колчанами, разставленными очень искусно и любопытнымъ манеромъ. Солдаты сидѣли на землѣ, скрестивъ ноги, въ добромъ порядкѣ; одѣты они были въ черныя шелковыя платья, каждый съ двумя саблями. Миновавъ первую ограду, и идя между дворцами и домами князей и вельможъ (зданія эти построены въ округѣ перваго дворца), мы дошли до второй ограды, укрѣпленной почти такъ же, какъ и первая; вся примѣтная разница состояла въ томъ, что мостъ, ворота, внутренній карауль и дворцы были огромнѣе и великолѣпнѣе. Тутъ оставили мы норимонъ и каго, нашихъ лошадей и служителей, и насъ повели черезъ вторую ограду въ *Фумацъ*, жилище императора, куда мы вошли по длинному каменному мосту; пройдя черезъ двойной бастионъ и черезъ двое укрѣпленныхъ воротъ, шаговъ черезъ двадцать мы продолжали идти по неправильной улицѣ, очень

неровной, по обѣимъ сторонамъ которой стояли необыкновенно высокія стѣны. Такъ добрались мы до *Фиаккинбана*, то есть, до стражи ста человѣкъ, или до главной дворцовой караульни; она находилась направо отъ насъ, на концѣ улицы, о которой я говорилъ, какъ разъ возлѣ послѣднихъ воротъ, ведущихъ въ императорскій дворецъ. Намъ приказали ждать въ залѣ стражи до той минуты, какъ поведутъ насъ на аудіенцію, которая начнется (сказали намъ), когда великій государственный совѣтъ соберется во дворецъ. Оба начальника или капитана стражи приняли насъ ласково и угощали чаемъ и курительнымъ табакомъ. Вскорѣ потомъ *Сино-Бами* и оба комиссара пришли къ намъ съ привѣтствіемъ и остались съ нами бесѣдовать; они привели съ собой императорскихъ камеръ-юнкеровъ, которыхъ мы не знали. Прождавъ почти часъ, (въ это время нѣсколько государственныхъ совѣтниковъ императора, молодыхъ и старыхъ, явились во дворецъ, иные пѣшкомъ, другіе въ носимонахъ), мы пошли черезъ двое великолѣпныхъ воротъ, раздѣленныхъ площадью, огромною и четвероугольною, во дворецъ, куда надобно подниматься изъ вторыхъ воротъ по нѣсколькимъ ступенькамъ. Между вторыми воротами и переднимъ фасомъ дворца заключается пространство только въ нѣсколько шаговъ

шириною; оно было набито придворными и отрядами стражи; отсюда повели насъ еще по двумъ лѣстницамъ во дворецъ. Сперва вошли мы въ большую залу, направо отъ входа; тутъ ждутъ всѣ лица и совѣтники государственные, долженствующие предстать на аудіенцію. Эта зала очень пространная и высокая, но когда въ ней разставлены всѣ ширмы, то она кажется темною; свѣтъ въ нее идетъ изъ оконъ на верху, выходящихъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ хранится мебель для императорскихъ покоевъ. Зала впрочемъ богато меблирована въ туземномъ вкусѣ, и ея золоченые столбы, стѣны и ширмы очень пріятны глазу. Мы прождали тутъ немного болѣе часа; когда императоръ сѣлъ въ аудіенцъ-залъ, вошли *Сино-Бами* и оба комиссара и повели нашего резидента къ императору, оставивъ насъ на мѣстѣ. Едва резидентъ вошелъ, какъ они громкими голосами закричали: *Голланда Капитанъ!* что служило сигналомъ, чтобы онъ приблизился для принесенія поклона императору и обычныхъ привѣтствій; по этому обычаю, онъ ползъ на рукахъ и колѣнкахъ до указаннаго ему мѣста, между подарками съ одной стороны, а съ другой сидѣлъ императоръ. Тогда, ставъ на колѣни, онъ такъ наклонился, что ударился лбомъ въ полъ; потомъ поползъ назадъ, какъ ракъ, не произнеся ни слова. Всегда проис-

ходитъ дѣло такъ на аудіенціяхъ, которыя мы получаемъ отъ этого могущественнаго властелина; не болѣе наблюдается церемонія и въ аудіенціяхъ, которыя онъ даетъ самымъ важнымъ и сильнымъ князьямъ имперіи: призвавъ ихъ въ аудіенцъ залу, называютъ ихъ громко по имени; потомъ они ползутъ на четверенькахъ, съ величайшимъ подобострастіемъ и не говоря ни слова, къ сіюгунову трону, и ударивъ въ полъ лбомъ, ползутъ назадъ въ томъ же почтительномъ положеніи.

«Аудіенцъ-зала, называемая также залю Ста-Цыновокъ, нисколько не похожа на ту, которую описалъ и представилъ Монтанусъ, въ описаніи знаменитыхъ голландскихъ посольствъ къ японскому императору. Возвышенный тронъ, ступеньки, по которымъ къ нему всходятъ, ковры на нихъ, великолѣпныя колонны, поддерживающія зданіе, гдѣ тронъ, тѣ колонны, между которыми сановники имперіи преклоняютъ колѣна передъ императоромъ, и тысяча подобныхъ вещей... все это существуетъ только въ воображеніи автора. Все въ этой залѣ дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе и богато, но ничего нѣтъ, чего бы я не представилъ на своемъ рисункѣ. Во второе наше путешествіе ко двору, по окончаніи аудіенціи, губернаторъ Нагазаки самъ показывалъ намъ

залу; вотъ почему я имѣлъ случай снять ея планъ, что впрочемъ было и не трудно. Для этого только было нужно спросить о числѣ цыновокъ, деревянныхъ столовъ, ширмъ и оконъ. Полъ устланъ ста цыновками, всѣ онѣ одинаковой величины, поэтому то и называютъ ее *Сенъ-сіо-Сики*, то есть зала Ста-Цыновокъ. Съ одной стороны она открыта на небольшой дворъ, откуда получаетъ свѣтъ; съ противоположной стороны прилегаетъ къ двумъ другимъ комнатамъ, которыя раскрыты со двора, чтобы проходилъ свѣтъ. Одна изъ этихъ комнатъ гораздо больше другой, и назначена для государственныхъ совѣтниковъ, когда они даютъ аудіенціи. Другая меньше, темнѣе, и на цѣлую ступеньку выше залы: въ ней садится императоръ, и въ такомъ положеніи скрестивъ ноги, на небольшомъ числѣ ковровъ, даетъ аудіенцію. Не легко разсмотрѣть его, потому что свѣтъ не доходитъ до того мѣста, гдѣ онъ сидитъ; аудіенція не только слишкомъ коротка, но и принимаемая особа находится въ такомъ униженномъ положеніи, что не можетъ поднять голову и взглянуть на *сіогун*. Аудіенція впрочемъ величественна и внушаетъ почтеніе, особенно потому что всѣ государственные совѣтники стоятъ въ совершенномъ безмолвіи, равно какъ и множество князей и сановниковъ, камеръ-

юнкеровъ и другихъ главныхъ придворныхъ чиновъ, которые сидятъ по бокамъ залы въ величайшемъ порядкѣ и въ парадныхъ одеждахъ.

«Прежде намъ нечего было дѣлать при дворѣ какъ только воздать ему почтеніе тѣмъ способомъ, который я описалъ. Черезъ нѣсколько дней читали нашему капитану нѣкоторыя правила касательно нашей торговли и нашего образа жизни; онъ давалъ обѣщаніе отъ имени факторіи, что исполнить ихъ, и потомъ его тотчасъ же отсылали въ Нагазаки; но уже лѣтъ двадцать тому назадъ какъ и его и прочихъ Голландцевъ, посылаемыхъ въ Иедо, вводятъ далѣе во дворецъ, чтобы доставить императрицѣ, придворнымъ дамамъ и принцессамъ крови возможность видѣть ихъ. Во время этой второй аудіенціи императоръ и приглашенныя дамы сидятъ за ширмами и жалузи; государственные же совѣтники и прочіе придворные чины сидятъ открыто, какъ обыкновенно, въ порядкѣ, который производитъ прекрасное зрѣлище. Когда капитанъ поклонился, императоръ ушелъ въ свои комнаты; вскорѣ позвали насъ съ нашимъ капитаномъ и провели по многимъ комнатамъ въ галерею, украшенную весьма искусно чеканомъ и позолотою. Тутъ прождали мы съ четверть часа; потомъ прошли еще по нѣсколькимъ

корридорамъ и галереямъ, въ большую комнату, гдѣ насъ пригласили сѣсть. Здѣсь многіе бритые придворные, какъ то: императорскіе медики, метръ-дотели и духовные, подошли къ намъ, спрашивали о нашихъ именахъ, лѣтахъ и предлагали другіе подобные вопросы; но скоро вытянули передъ нами золоченыя ширмы, чтобы избавить насъ отъ этой толпы и ея докучливости. Тутъ просидѣли мы съ полчаса, пока дворъ собирался въ комнатахъ императора, гдѣ слѣдовало намъ имѣть аудіенцію, и насъ повели по многимъ темнымъ галереямъ. Во всю длину этихъ разныхъ галерей тянулася непрерывная цѣпь тѣлохранителей, а послѣ нихъ, ближе къ комнатамъ императора, цѣпь держали знатные коронные чины, обращенные лицомъ къ аудіенцъ-залу. Они сидѣли на пяткахъ, наклонивъ головы, въ парадныхъ одеждахъ. Аудіенцъ-зала состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій, обращенныхъ на среднюю площадь; нѣкоторыя изъ нихъ были открыты со стороны площади, другія закрыты ширмами и жалузи; иныя состояли изъ пятнадцати цыновокъ, другія изъ восемнадцати; цыновка лежала выше или ниже, смотря по достоинству лица, сидѣвшаго на ней. Средняя площадь оставалась непокрытою цыновками, и потому была ниже; въ этомъ-то мѣстѣ на полу, сдѣланномъ изъ красивыхъ ла-

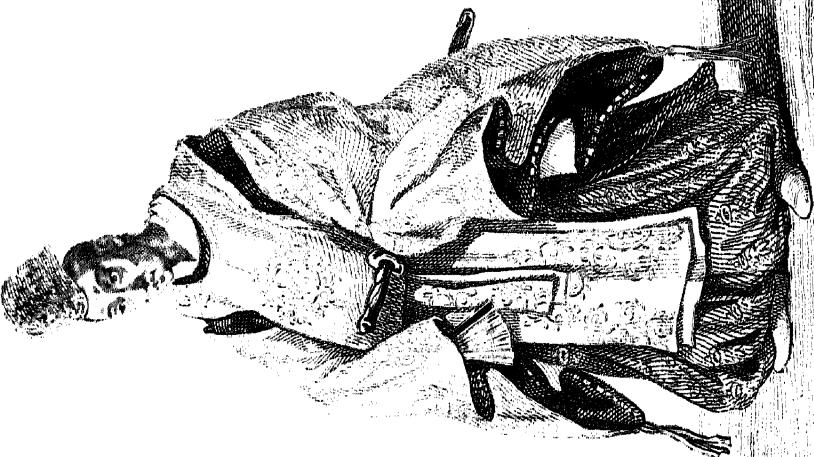
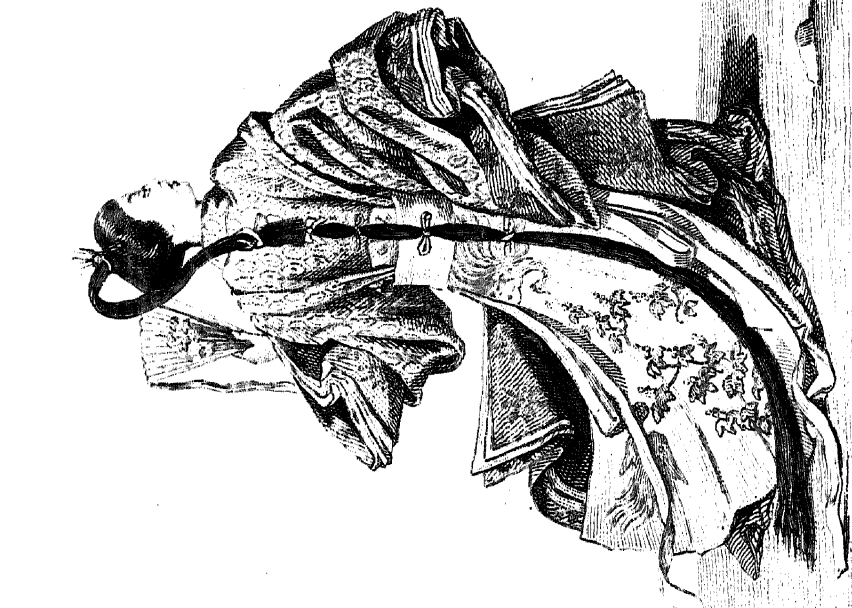
кированныхъ досокъ, приказали намъ сѣсть. Императоръ и императрица сидѣли за жалюзи, направо отъ насъ. Пока я танцевалъ по приказанію императора, я имѣлъ два раза случай взглянуть на императрицу; она была очень хороша, брюнетка, съ прекрасными черными глазами, какъ у европейскихъ женщинъ; они были полны огня, и мнѣ показалось, по величинѣ ея большой головы, что она должна быть высокаго роста; лѣтъ ей было тридцать шесть. Подъ именемъ жалюзи я разумѣю ковры изъ разрѣзаннаго тростника, гнущагося и тонкаго, подбитые тонкою и прозрачною шелковою матеріею, съ отверстіями шириною въ пядень, чтобы лица, находящіяся за жалюзи, могли смотрѣть и видѣть. Расписываютъ ихъ разными фигурами, для украшенія, или лучше сказать, для того, чтобы скрыть тѣхъ, кто сидитъ сзади; хотя и безъ этого нельзя видѣть сидящихъ нѣсколько издалека, особенно если жалюзи не освѣщены сзади (*). Самъ императоръ сидѣлъ въ такомъ темномъ мѣстѣ, что мы не замѣтили бы его, еслибъ не узнали по голосу: однакожъ онъ говорилъ такъ тихо, какъ будто хотѣлъ быть тутъ инognito, именно въ отношеніи къ намъ. За дру-

(*) Въ Индостанѣ двери и окна по большой части украшены этого рода занавѣсами, называемыми *чиксы*.

гими жалузи сидѣли принцы крови и придворныя дамы императрицы; я замѣтилъ, что между тростниками всунули свертки бумаги, чтобы расширить отверстія и лучше видѣть. Я насчиталъ до тридцати такихъ бумагъ, изъ чего заключилъ, что такое же число лицъ сидѣло за жалузи. Одинъ *Бенго* сидѣлъ на высокой цыновкѣ въ открытомъ мѣстѣ, передъ нами на правой сторонѣ, тамъ, гдѣ сидѣлъ императоръ, какъ я уже замѣтилъ. На лѣвой сторонѣ, въ другомъ отдѣленіи, сидѣли государственные совѣтники перваго и втораго класса, въ превосходномъ порядкѣ. Галерея за нами была наполнена главнѣйшими придворными императора и камеръ-юнкерами. Галерея, ведшая къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ императоръ, была занята дѣтьми князей имперіи, жившихъ тогда при дворѣ, императорскими пажами и нѣсколькими духовными, которые прятались для наблюденія. Такимъ образомъ устроили театръ, на которомъ мы должны были играть роль. Когда комиссары иностранныхъ дѣлъ привели насъ въ галерею близъ аудіенцъ-залы, пришелъ государственный совѣтникъ втораго класса и провелъ насъ на среднюю площадь, которая описана выше. Тутъ-то посадили насъ, но прежде мы, поклонившись по японскому обычаю, ползли, преклонивъ къ землѣ голову, въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ импера-

торъ; нашъ первый переводчикъ сѣлъ нѣсколько впереди насъ, чтобы лучше слышать, а мы сѣли по лѣвую сторону рядкомъ, совершивъ обычныя поклоненія. Бенго привѣтствовалъ насъ отъ имени императора: первый переводчикъ принялъ привѣтствіе изъ устъ Бенго и передалъ намъ; на это президентъ отвѣчалъ привѣтствіемъ отъ имени своихъ хозяевъ, и униженно благодарилъ императора за дозволеніе свободной торговли Голландцамъ. Слова его повторилъ первый переводчикъ по-японски, поклонившись до полу. Онъ говорилъ такъ громко, что императоръ могъ разслушать его. Бенго принялъ императорскій отвѣтъ, передалъ переводчику, а тотъ намъ. Переводчикъ могъ бы самъ принять его изъ устъ императора и избавить Бенго отъ труда; но полагаю, что слова, выходящія изъ императорскихъ устъ, считаются столь драгоценными и священными, что не могутъ быть приняты чиновникомъ не высшаго разряда. (Объ этомъ уже сказано выше.) Послѣ первыхъ привѣтствій, послѣдовали забавныя сцены и намъ задали тысячу вопросовъ довольно смѣшныхъ: напр., они захотѣли знать имя и лѣта каждого изъ насъ; приказали намъ написать отвѣтъ на клочкѣ бумаги: для этого мы принесли съ собой европейскую чернилицу. Намъ приказали отдать Бенго бумагу и чернилицу; тотъ,

сквозь отверстіе въ жалузи, передалъ ихъ въ руки японскаго повелителя. У нашего капитана или посла спросили, какое разстояніе Голландіи отъ Батавіи, и отъ Нагазаки до Батавіи; кто имѣетъ болѣе власти, главный директоръ голландской компаніи Восточной-Индіи или голландскій принцъ. Вотъ вопросы, предложенные на мое имя: какія внутренія или наружныя болѣзни считаю я самыми опасными и трудноизлечимыми; по какой методѣ лечу я чирьи и внутреннія нагноенія; ищутъ ли европейскіе медики средства продолжать человѣческую жизнь до безсмертія, что китайскіе медики дѣлаютъ уже нѣсколько вѣковъ; совершили ль мы значительные успѣхи въ этихъ изысканіяхъ, и какое послѣдне-открытое средство въ Европѣ для продолженія жизни? Я отвѣчалъ, что многіе доктора въ Европѣ долго искали тайны, какъ бы продолжать жизнь и сохранить людей здоровыми до старости. Потомъ спросили у меня, какое средство я считаю лучшимъ; я отвѣчалъ: послѣдне-открытое. Опять спросили, какое же это средство? Я отвѣчалъ, что это спиртъ, имѣющій способность поддерживать жидкости въ нашемъ тѣлѣ и давать силу духу. Этотъ общій отвѣтъ не удовлетворилъ ихъ вполнѣ; меня тотчасъ попросили сказать имя этого превосходнаго средства. Зная, что все уважаемое Япон-

W. Johnson et son gendre. Michel.

GIORGIO E IL CORRUPTO.

цами носить длинныя пышныя имена, я отвѣчалъ, что лекарство называется *Sal volatile oleosum Sylvii*; имя это записано за жалюзи, и для этого заставили меня повторить его нѣсколько разъ. Потомъ спросили меня, кѣмъ оно изобрѣтено и гдѣ? Я отвѣчалъ: въ Голландіи профессоромъ Сильвіусомъ. Еще спросили у меня: могу ли составить его?— Тутъ нашъ резидентъ шепнулъ мнѣ: нѣтъ, но я отвѣчалъ: да, но не въ Японіи. Потомъ спросили, можно ли достать его въ Батавіи, и послѣ отвѣта, что можно, императоръ приказалъ прислать ему это средство съ первыми кораблями, которые оттуда прибудутъ. Сіогунъ, сидѣвшій съ дамами почти противъ насъ довольно далеко, приблизился къ намъ и сѣлъ за жалюзи, какъ можно ближе къ нашей правой сторонѣ. Онъ приказалъ намъ снять плащи, которые составляли парадность нашей одежды; встать, чтобы онъ могъ разсмотрѣть насъ; ходить, останавливаться, привѣтствовать другъ друга, скакать, представлять пьяныхъ, болтать кое-какъ по японски, читать по голландски, рисовать, пѣть, надѣвать и снимать плащи. Пока мы исполняли всѣ эти приказанія какъ умѣли, я прибавилъ къ своей пляскѣ любовную нѣмецкую пѣсенку. Такимъ образомъ, и еще другимъ обезьянствомъ, мы имѣли терпѣніе забавлять сіюгуна и весь японскій дворъ.

Однакожь посольъ избавленъ отъ исполненія повелѣній такого рода; дѣло его—представлять могущество своихъ хозяевъ, и потому остерегаются, чтобы не оскорбить его или его званіе. Притомъ же онъ велъ себя степенно, и Японцы поняли, что не ему можно давать шутовскія приказанія. Когда мы упражнялись уже часа два, къ чему насъ приглашали очень учтиво, вошли бритые лакеи и поставили передъ каждымъ изъ насъ по столику съ мясомъ, приготовленнымъ по японски, и съ парюю костяныхъ палочекъ, которыя должны были замѣнять намъ ножи и вилки; мы взяли и съѣли нѣсколько кусковъ, и нашъ старшій первый переводчикъ, который едва могъ ходить, получилъ приказаніе отнести все къ себѣ. Намъ приказали опять надѣть плащи и откланяться, что мы тотчасъ исполнили съ радостію, кончая такимъ образомъ эту вторую аудіенцію. Оба комиссара провели насъ въ переднюю, гдѣ мы распрощались и съ ними.

«Уже было три часа пополудни, а намъ предстояло еще сдѣлать нѣсколько визитовъ государственнымъ совѣтникамъ перваго и втораго классовъ. Для этого мы вышли изъ Фенмара: при выходѣ съ нами прощались офицеры главнаго императорскаго караула, и мы пошли пѣшкомъ. Служители наши уже отнесли подарки къ тѣмъ лицамъ, къ кото-

рымъ намъ слѣдовало идти, и какъ мы не видали ихъ на нашей аудіенціи, то предположили, что они уже получили наши подарки.

«Подарки состояли изъ шелковыхъ матерій китайскихъ, бенгальскихъ и другихъ странъ, бѣлья, черной саржи, изъ нѣсколькихъ аршинъ чернаго сукна, *гингенса* и флакона съ виномъ закрытаго. Вездѣ принимали насъ чрезвычайно учтиво управители и секретари и угощали чаемъ, табакомъ, сладостями, сколько позволяла непродолжительность нашихъ остановокъ. Комнаты, гдѣ насъ принимали, были наполнены, за ширмами и жалюзи, множествомъ любопытныхъ гостей, желавшихъ взглянуть на наши обычаи и церемоніи; но они ничего не добились, кромѣ коротенькой пляски въ домѣ Бенго, который только что воротился изъ дворца, и еще пѣсни, которую пропѣлъ каждый изъ насъ у младшаго государственнаго совѣтника, жившаго въ сѣверной части дворца. Мы сѣли въ каго и на лошадей и, выѣхавъ изъ дворца въ сѣверныя ворота, воротились въ гостилицу по другой дорогѣ; мы замѣтили, на лѣво отъ нея, укрѣпленныя стѣны и рвы въ разныхъ мѣстахъ. Только въ шесть часовъ вечера, совершенно истомленные, успѣли мы воротиться домой.

«Въ пятницу, 30-го марта, мы отправи-

лись со двора очень рано, для нѣсколькихъ визитовъ, которые оставалось намъ сдѣлать. Подарки, въ родѣ описанныхъ выше, были посланы заранѣе съ нашими японскими управляющими, которые разставили ихъ на доскахъ и размѣстили по туземному обычаю. При входѣ въ каждый домъ насъ встрѣчали два главнѣйшіе служителя и вели въ комнату, гдѣ намъ слѣдовало дать аудіенцію. Комнаты вокругъ аудіенцъ-залы вездѣ наполнялись зрителями, которые собирались толпою. Едва мы сажались, какъ намъ подносили чай и табакъ; сначала управитель дома или секретарь, одинъ или въ сопровожденіи дворянина, приходили привѣтствовать насъ отъ имени хозяина и принимать наши привѣтствія. Вездѣ отдѣленія комнатъ были расположены такъ, что мы сидѣли лицомъ къ дамамъ, которыя насъ угощали очень учтиво и щедро: онѣ подавали намъ пирожки и разнаго рода сласти. Въ этотъ день мы посѣтили и одарили обоихъ губернаторовъ Іедо, трехъ духовныхъ судей и двухъ комиссаровъ иностранныхъ дѣлъ, которые жили на цѣлую льѣ одинъ отъ другаго: одинъ на юго-западъ, другой на сѣверо-западъ отъ дворца. Оба они хотятъ выказаться особенными покровителями Голландцевъ; поэтому они принимали насъ съ необыкновенною роскошью и великолѣпіемъ. На улицѣ стояло двадцать

вооруженныхъ людей; они представляли прекрасный видъ, держа въ рукахъ длинныя палки, и кромѣ того служили для устраненія толпы народа и препятствовали ей беспокоить насъ. Мы были встрѣчены при входѣ и введены въ домъ почти такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ, съ тою только разницею, что насъ ввели далѣе въ домъ, чтобы избавить отъ толпы любопытныхъ, и чтобъ намъ было посвободнѣе, равно какъ и дамамъ, приглашеннымъ на эту церемонію. Въ аудіенцъ-залъ противъ насъ стояли ширмы или родъ рѣшетки, за которой сидѣло множество женщинъ изъ семейства комиссаровъ, женъ ихъ, родственниковъ и друзей, такъ что все было набито. Едва мы успѣли сѣсть, какъ вошли семь служителей гуськомъ, и подали намъ трубки, табакъ и всѣ принадлежности куренья; вскорѣ потомъ принесли они что-то жареное на лакированныхъ доскахъ, потомъ жареную рыбу, тоже на доскахъ; всѣ эти служители приносили маленькое блюдо съ нѣсколькими кусочками; разъ принесли два яйца, одно въ смятку, другое въ густую (послѣднее облупили), и между ними рюмку стараго *заки*. Такъ потчивали насъ болѣе часа съ половиною, и попросили пѣть и танцевать: въ первомъ мы отказали, а во второмъ удовлетворили ихъ любопытству. У перваго комиссара по-

давали намъ похлебку изъ сладкихъ сливъ вмѣсто водки; у втораго родъ хлѣба (*rain de mangue*) въ черной и холодной жидкости съ горчичнымъ сѣменемъ и рѣпою, и наконецъ померанцовыя корки съ сахаромъ, что подается только въ необыкновенныхъ случаяхъ, въ знакъ добраго желанія. Мы выпили чай и, распростившись, воротились домой въ пять часовъ вечера.

«31-го марта мы опять выѣхали со двора въ десять часовъ утра, и поѣхали къ тремъ губернаторамъ Нагазаки: двоихъ изъ нихъ не было въ Іедо, они находились на мѣстѣ должности. При этомъ случаѣ мы поднесли имъ только по одному закрытому флакону вина, потому что они уже получили слѣдовавшіе имъ подарки въ Нагазаки. Самъ Сино-Бами подошелъ къ намъ при входѣ въ его домъ: его провожала многочисленная свита. Подозвавъ къ себѣ обоихъ нашихъ переводчиковъ, онъ приказалъ сказать намъ, что очень желаетъ, чтобы мы повеселились въ его домѣ. Поэтому насъ приняли необыкновенно хорошо, просили погулять и повеселиться въ саду, такъ какъ мы въ Іедо въ домѣ друга, а не въ домѣ судьи и губернатора въ Нагазаки; насъ угощали горячимъ мясомъ и чаемъ, почти такъ же, какъ у иностранныхъ комиссаровъ; и во все это время, его братъ, съ множе-

ствомъ знатныхъ особъ, родственниковъ и друзей, обходился съ нами очень учтиво. Пробывъ тутъ два часа, мы поѣхали въ домъ къ Тонозама; тамъ провели насъ въ самый отдаленный и изящный покой. Насъ просили подойти къ жалузи по обѣимъ сторонамъ комнаты: за ширмами сидѣло дамъ больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ домахъ. Онѣ очень учтиво просили насъ показать имъ платье, оружіе капитана, его перстни, трубки, и прочее тому подобное; все это подавалось имъ сквозь жалузи или подъ него. Особа, угощавшая насъ вмѣсто отсутствующаго губернатора, обращалась съ нами тоже очень учтиво, равно какъ и другіе мужчины, находившіеся въ комнатѣ, и мы не могли не видѣть, что все это дѣлается отъ доброй души, такъ что непритворно радовались и охотно повеселили компанію каждый особенною пѣсенкой! Великолѣпіе этого дома выказалось въ богатствѣ и выборѣ угощенія: оно равнялось съ угощеніемъ перваго комисара, но превосходило его учтивостію и искренностію приѣма. Просидѣвъ тутъ полтора часа, мы раскланялись. Домъ Тонозама находится на самомъ сѣверѣ или сѣверо-западѣ, на разстояніи полторы мили отъ нашего дома, въ самой пріятной части города: тутъ разнообразіе холмовъ и кустарниковъ.— Семейство Зубозама живетъ въ домишкѣ воз-

лѣ рва, идущаго около дворца: тутъ мы встрѣтили немного женщинъ; онѣ посматривали на насъ изъ дыръ, которыя сами проткнули въ ширмахъ. Крѣпкіе напитки, выпитые въ этотъ день съ излишкомъ, стукнули намъ въ голову, и мы поспѣшили воротиться домой; однакожъ все-таки напились чаю и покурили табаку. Мы тѣмъ болѣе поспѣшили кончить, что боялись за нашихъ переводчиковъ, которымъ въ этотъ день досталось порядочно работы: въ другой разъ они, пожалуй, не захотятъ сопровождать насъ въ подобномъ случаѣ. Кромѣ того, дворянинъ, угощавшій насъ отъ имени своего хозяина, хотя и выказывалъ особенную учтивость, но показался намъ слишкомъ смѣлымъ и непріятнымъ въ обращеніи; это заставило насъ поспѣшить уѣхать, потому что въ этомъ случаѣ мы считали себя не купцами, присланными для торговли, но послами, отправленными къ могущественному монарху, съ которыми слѣдуетъ обходиться честно и съ нѣкоторою угодливостію.»

Такъ вотъ какъ Европа была представлена въ Японіи назадъ тому полтора ста лѣтъ! Вотъ какою цѣною люди, у которыхъ національное чувство повидимому преобладало надъ прочими, не стыдились покупать покровительство, полезное ихъ торговымъ годамъ! Кемпферъ, сознавая, что Голланд-

цы играютъ въ Іедо унизительную для Европейцевъ роль, самъ рѣшался платить постыдною угодливостію и унизительнымъ шутовствомъ за ласковой приѣмъ нѣкоторыхъ вельможъ. Дѣйствительно, по неволѣ повторишь за нимъ: «*Quid non mortalia pectora cogis, auri sacra fames!*» и въ то же время сожалѣешь или, по крайней мѣрѣ, удивляешься, что онъ не умѣлъ воздержаться отъ такихъ поступковъ!

Впрочемъ, надобно признаться (и это говоритъ въ пользу японскаго смысла), что Голландцы находятъ, въ короткомъ знакомствѣ нѣсколькихъ истинно-воспитанныхъ и жаждущихъ науки людей, пріятное вознагражденіе за униженія официальной жизни. Во всѣ времена Голландцы встрѣчали между японскими чиновниками всѣхъ разрядовъ искреннихъ друзей и умныхъ цѣнителей. Мы помнимъ еще, что было сказано, назадъ тому много лѣтъ, достопочтеннымъ Титсингомъ въ этомъ отношеніи, и потомъ подтверждено многими отличными Голландцами, посѣщавшими Японію, и между прочимъ Бургеромъ, о которомъ мы уже говорили, какъ о неоспоримомъ авторитетѣ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Японіи. Характеръ японскій, оригинальный въ столькихъ отношеніяхъ, отличается стремленіемъ къ нѣкоторымъ чувствованіямъ, и эти чувствованія, выказываясь въ

частныхъ короткихъ сношеніяхъ, дошли до такой выразительности, о которой нельзя не упомянуть. Многіе Японцы просили у друзей своихъ Голландцевъ, какъ особенной милости, чтобъ они выбрали и дали имъ голландское имя! Въ первый разъ это случилось въ прошедшемъ столѣтіи, когда одинъ Японецъ, научившись кое-какъ говорить по-голландски, вздумалъ еще болѣе отличиться отъ своихъ соотечественниковъ и принять имя по выбору президента голландской факторіи, и дѣйствительно испыталъ удовольствіе называться *Адрианомъ Пау* (Adrian Pauw)! Черезъ нѣсколько времени, этому примѣру послѣдовалъ одинъ изъ децимскихъ переводчиковъ, и получилъ имя *Авраамъ*! Скоро это отличіе породило завистниковъ, и Дѣфъ, во время пребыванія въ Іедо, долженъ былъ принять нѣсколько просьбъ въ этомъ смыслѣ. Въ числѣ просителей находились ученый астрономъ *Такагазо-Сампей* (бывшій императорскимъ комиссаромъ въ дѣлѣ Головнина) и еще докторъ императора. Надобно было уступить неотступнымъ ихъ просьбамъ. Не зная, какими прозвищами наградить такихъ важныхъ и ученыхъ людей, Дѣфъ рѣшился наконецъ прозвать астронома *Глобіусомъ*, а доктора *Ботаникусъ*! Сыну сацумскаго князя и его секретарю, изъявившимъ желаніе получить прозвища, далъ имена, первому *Frederik-*

Henrik (имя одного изъ древнихъ штатгалтеровъ), второму *Pieter van der Stulps*.

Впрочемъ многіе случаи показываютъ, что образованные Японцы любятъ показывать уваженіе европейскимъ своимъ гостямъ. Такъ, когда Бломгофъ готовился къ выѣзду изъ столицы, гобаніози миссіи, по согласію съ хозяиномъ дома, гдѣ останавливались Голландцы, желая оказать уваженіе президенту факторіи, созвалъ на великолѣпный пиръ всѣхъ друзей Бломгофа и Фишера. Въ этомъ случаѣ, всѣ Японцы, приглашенные на обѣдъ, надѣли голландскій костюмъ; платья эти вообще были очень стары и стариннаго покроя,—понятно, какое странное зрѣлище представляло это собраніе! Это искреннее выраженіе дружбы, доказывающее короткость и взаимный размѣръ услугъ, достаточно свидѣтельствуемъ, что между Голландцами и Японцами въ частной жизни существуютъ отношенія, нисколько не унижительныя ни для той, ни для другой стороны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОЙ МИССИИ ВЪ ДЕЦИМУ.

Пребываніе миссіи въ Іедо продолжается рѣдко болѣе восьми или двѣнадцати дней послѣ прощальной аудіенціи. Рано утромъ пріѣзжаютъ секретари губернаторовъ Іедо и Нагазаки, отъ имени своихъ начальниковъ, проститься съ иностранцами. Это сигналъ отъѣзда, составляющаго событіе для всей столицы. Любопытство выказывается еще ярче и дѣятельнѣе, и стало быть еще не-сноснѣе, въ ту минуту, какъ Голландцы удаляются на три года: комнаты ихъ наполняются посѣтителями; толпа тѣснится передъ воротами ихъ дома, въ надеждѣ видѣть ихъ. Нельзя дать понятія о движеніи и хлопотнѣ этой прощальной сцены. «Когда мы вышли на улицу, говоритъ Фишеръ, около четырехъ часовъ по полудни, то должны были закрыться въ нашихъ *норимонахъ*, чтобы избавиться отъ жаднаго любопытства

зрителей, которые, не смотря на грубость нашего конвоя, бросались въ нашу сторону, чтобы хоть взглянуть на насъ. Мы остановились мимоходомъ у дворца сацумскаго князя и вышли изъ поримоновъ поклониться почтенному старику, который стоялъ у окна со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ половинѣ седьмаго часа мы прибыли въ предмѣстіе *Синагава*, гдѣ ждали насъ друзья изъ *Іедо*, желая провести съ нами послѣдній вечеръ и сказать намъ *прости!* На слѣдующій день, мы рано пустились въ путь, и въ *Омури*, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ *Синагавы*, встрѣтили двухъ сыновей князя *Нагацзъ*, которые нарочно пріѣхали сюда для тайнаго свиданія съ нами, не добившись можетъ быть того же въ *Іедо*. Старшій встрѣтилъ насъ чрезвычайно ласково, и сказалъ по-голландски: «*eerstemaal gezien*» (въ первый разъ видѣнные), что у Японцевъ составляетъ необходимую формулу при первомъ свиданіи. Этотъ молодой князь принялъ голландское имя *Mauritz* и очень уважалъ Голландцевъ, по примѣру отца своего. Нѣсколько офицеровъ изъ ихъ многочисленной свиты часто посѣщали насъ въ *Іедо* и здѣсь съ нами простились».

Миссія, на возвратномъ пути, идетъ по той же дорогѣ; останавливаются почти въ тѣхъ же мѣстахъ, съ тою только разницею,

что гдѣ прежде обѣдали, тамъ теперь ночуютъ; гдѣ прежде ночевали, тамъ теперь обѣдаютъ. Снова надобно подвергаться осмотру у воротъ *Факоне* и *Араи*; но видъ страны измѣнился, послѣдніе слѣды зимы исчезли; путешественникъ встрѣчаетъ тѣ же виды, но украшенные магическимъ жезломъ лѣта; по мѣрѣ приближенія къ югу и Нагазаки роскошь растительности становится еще разнообразнѣе. Въ этомъ отношеніи возвратный путь пріятнѣе первой поѣздки, и кромѣ того особенно занимателенъ и драгоцѣненъ, потому что Голландцамъ позволяютъ жить въ *Міако* и *Огозакъ*, съ возможностью посѣщать все, что оба эти города представляютъ любопытнаго. *Міако* есть настоящая столица Японской Имперіи. Это резиденція *микадо*, который представляетъ верховнаго императора, и хотя не управляетъ дѣлами, но почитается главою религіи и раздаетъ почести, титула и преимущества, которыя Японцы предпочитаютъ даже богатству.

По прибытіи въ *Міако*, Голландцы отдаютъ визитъ великому судѣ и губернаторамъ города, которые принимаютъ ихъ лично и которымъ они передаютъ назначенные подарки. Извѣстно, что подарки эти оставлены въ *Міако* при первомъ проѣздѣ голландскихъ путешественниковъ. Въ замѣнъ, имъ дарятъ шелковыя и серебряныя платья. Впрочемъ,

Голландцы не смѣютъ и подумать о чести представиться микадо. Этотъ сынъ неба такъ неприступенъ, что иностранцы, особенно христіане, не могутъ приближаться къ его особѣ или входить во внутренность *даури*. Даже воображаютъ, что они не дерзаютъ и мыслить о немъ, а не только уже подносить ему подарки. Слѣдственно, Голландцы могли только непрямыми путями собрать нѣсколько свѣдѣній о духовномъ властителѣ и его дворѣ. Слово *даури*, означающее этотъ дворъ, было принято нѣкоторыми писателями за имя или за титулъ императора; это произошло можетъ быть отъ того, что сами Японцы называютъ микадо *владѣльцемъ двора «даури сама»*. Въ этомъ словѣ Европейцы не обращали вниманія на окончаніе *сама* (владѣлецъ), и потому принимали *даури* за выраженіе достоинства высокаго лица, въ существованіи котораго убѣждало ихъ единодушное свидѣтельство Японцевъ.

Этотъ верховный владыка Ниппона и его принадлежностей, но владыка только по имени, происходитъ отъ боговъ по прямой линіи, и равенъ имъ, ибо *богиня Солнца (Аматаразу ого гами)*, начальница всего міра, со включеніемъ людей и неодушевленныхъ предметовъ, олицетворяется каждымъ *микадо*. Такое убѣжденіе, принятое цѣлою націею, не возбуждаетъ сомнѣній, и потому никогда

и никто не возражалъ противъ полной во всѣхъ отношеніяхъ власти *микадо*; но разъ, военный начальникъ, которому онъ самъ поручилъ исполнительную власть, успѣлъ, назадъ тому нѣсколько вѣковъ, захватить наслѣдственность въ своей должности и завладѣлъ дѣйствительною властію, подъ именемъ *сіюгуна*, какъ намѣстникъ *микадо*, оставивъ этому послѣднему имя владыки, весь блескъ двора, и даже управленіе по части *этикета*.

Матеріальныя заботы подлуннаго міра недостойны занимать вниманіе этого наслѣдника боговъ, и мысль его не можетъ останавливаться на такихъ мелочахъ, безъ собственнаго оскверненія. Таково положеніе *микадо* въ слѣдствіе общественнаго мнѣнія; положеніе, объясненное *сіюгуномъ* въ пользу своей власти. Кажется, что *микадо* имѣетъ полную власть только въ дѣлахъ религіи; но въ Японіи, какъ и во многихъ государствахъ крайней Азіи, религія имѣетъ самую тѣсную связь съ общественною и политическою жизнію, равно какъ и со всѣми дѣйствіями жизни частной, и кажется вѣроятнымъ, что *сіюгунъ*, въ дѣлахъ управленія, не можетъ совершенно обойтись безъ содѣйствія *микадо*, не только потому, что всякая власть исходитъ отъ послѣдняго, но и потому, что его утвержденіе необходимо для извѣстныхъ

распоряженій, и рѣшеніемъ его руководствуются во всѣхъ вопросахъ, прямо или косвенно относящихся до религіи.

Лица, окружающія микадо и составляющія настоящую духовную іерархію, считаются въ такомъ высокомъ чинѣ, что князья, министры *сіюгуна* и даже самъ *сіюгунъ* стараются добыть себѣ титула, чисто почетныя, главныхъ чиновъ въ *даури*. Говорятъ, что *сіюгунъ*, какъ государственный сановникъ, не болѣе какъ четвертое лицо въ государствѣ. Какія же привилегированныя существа занимаютъ второе и третье мѣсто? Если вѣрить Фишеру, Клапроту и Зибольду, эти люди называются: президентъ совѣта *микадо*, или регентъ имперіи, если *микадо* будетъ малолѣтний (*кванбакъ*) (*), — и *Са-даи-синъ* или первый слуга лѣвой руки.

Сынъ или дочь, которую микадо назначаетъ обладателемъ престола, также вѣроятно имѣетъ шагъ передъ *сіюгуномъ*. Одинъ микадо имѣетъ право назначать дни подвижныхъ праздниковъ, цвѣта, присвоенные нѣкоторымъ религіознымъ актамъ и пр. Онъ

(*) Его также называютъ *ацураки мору*, то-есть, хранитель парадныхъ колпачковъ микадо! *Кванбакъ* — значитъ важная особа. Званіе *кванбака* не можетъ быть дано *сіюгуну*. *Нисномаръ* или наслѣдный принцъ получаетъ титулъ *у даи-синъ* или перваго слуги правой руки, только по достиженіи сорока лѣтъ.

назначаетъ или утверждаетъ начальниковъ разныхъ отшельническихъ орденовъ; онъ разрѣшаетъ безъ апелляціи всѣ религіозныя вопросы, и пр. Но самое торжественное и необычайное проявленіе его вліянія на благосостояніе имперіи, какъ говорятъ Японцы, состоитъ въ томъ, что онъ, олицетворяя собою *богиню Солнца*, ежедневно сидитъ нѣсколько часовъ неподвижно на своемъ тронѣ, и этою неподвижностію поддерживаетъ равновѣсіе, прочность и спокойствіе своей имперіи. Еслибъ по несчастію его глава уклонилась въ правую или лѣвую сторону, — той части государства, отъ которой она отклонилась, угрожаетъ страшная опасность или даже совершенное разрушеніе. Такъ увѣряютъ посвященные въ тайны *даири*. Выдержавъ такую неподвижность въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, микадо кладетъ свою корону на тронъ, гдѣ она лежитъ какъ охранительница общественнаго спокойствія во весь день и всю слѣдующую ночь (*).

Почести, оказываемыя микадо, такъ же не обыкновенны, какъ его положеніе и исключительныя требованія, и соразмѣрны съ его происхожденіемъ отъ боговъ: не только люди, но даже сами боги, по увѣренію Япон-

(*) Говорятъ, что микадо давно уже избавили себя отъ этого торжественнаго принужденія.

цевъ, оказываютъ ему уваженіе; *ками* или геніи покровители имперіи ищутъ знакомства съ микадо и прилетаютъ ежегодно къ нему въ гости на цѣлый мѣсяцъ, и цѣлый мѣсяцъ живутъ при его дворѣ. Въ продолженіе этого мѣсяца, называемаго *отсутствіемъ боговъ*, потому что они разстались съ небомъ и своими храмами, чтобы посѣтить земнаго своего представителя, всѣ храмы считаются пустыми, и никто въ нихъ не входитъ. *Микадо* не можетъ самъ перемѣнять мѣста; его надобно переносить на плечахъ правовѣрныхъ, чтобы онъ не осквернился прикосновеніемъ къ землѣ. Ни одинъ взглядъ смертный (т. е. простаго человѣка) не долженъ досягать до него, и поэтому онъ никогда не выходитъ изъ внутренности своего дворца. Ему не стригутъ волосъ, не брѣютъ бороды, не обрѣзываютъ ногтей; а если и дѣлаютъ это, то во время его сна, чтобы онъ нисколько не беспокоился. Говорили даже, что будто бы его тщательно держатъ въ тѣни отъ солнечныхъ лучей, потому что они недостойны прикасаться къ нему; но теперь это считается за басню. Такая предосторожность была бы въ совершенномъ разногласіи съ отношеніями, которыя должны существовать между *микадо* и *богиней Солнца*. Болѣе вѣроятно и болѣе согласно съ понятіями Японцевъ о достоинствахъ микадо то, что все,

употребляемое ежедневно на его службу, должно быть *новое*. Никогда не надѣвается онъ платья, которое уже носилъ; блюда и тарелки, содержавшія его пищу, стаканы или чаши, содержавшія его питье, даже всѣ кухонныя принадлежности, должны быть возобновляемы каждый разъ, какъ онъ захочетъ кушать! Но этикетъ не останавливается и на этомъ: что служило представителю боговъ не можетъ служить уже никому! Носить что нибудь изъ его гардероба, скусать кусочекъ съ его блюда, употребить въ дѣло его кухонную посуду — все это страшныя преступленія, которыя привлекутъ на голову виновныхъ гнѣвъ боговъ! Поэтому, все, что разъ служило *микадо*, разорвано, разбито, уничтожено; одежда его, считая по фасону, ему одному свойственному, и изъ матеріи такого *цвѣта*, который онъ одинъ можетъ носить, одежда его сожигается тотчасъ послѣ того, какъ онъ ее снимаетъ. Безпрестанно возобновляются эти матеріальныя принадлежности, уже напередъ обреченныя уничтоженію; и чтобы тратить на это безпрестанное возобновленіе какъ можно меньше издержекъ, которыя падаютъ на *сіюгуна*, равно какъ и всѣ издержки по духовному двору или *даири*, экономятъ, какъ могутъ, то-есть, въ гардеробъ, на столъ и въ кухню *микадо* поступаютъ самыя грубые предметы,

самыя дешевыя вещи! Не ручается за совершенную вѣрность этихъ внутреннихъ подробностей; но все заставляетъ думать, что онѣ очень близки къ истинѣ. Микадо — существо совершенно небывалое. Его происхожденіе отъ боговъ ставитъ его въ положеніе, котораго не можетъ испытать ни одинъ смертный.

Принужденіе, въ которомъ живетъ сынъ неба, должно непременно влечь за собою тоску и скуку. Поэтому очень часто микадо отказывается отъ своего званія въ пользу сына или дочери; дочери въ этомъ случаѣ предпочитаются. Такія отреченія случались въ самыя отдаленныя времена; случались и недавно. Прежде они передавали дѣйствительную и полную власть, а въ послѣднее время, только должность безъ занятія. Микадо имѣетъ двѣнадцать женъ (*).

Въ Японіи многоженство дозволено. Микадо выбираетъ этихъ двѣнадцать супруговъ между дамами своего двора; онѣ отличаются отъ другихъ японскихъ женщинъ формою своей одежды. По словамъ однихъ путешественниковъ, костюмъ ихъ великолѣпенъ, и платья ихъ такъ широки и такъ богато вышиты зо-

(*) Супруги микадо раздѣляются на женъ перваго разряда и на женъ втораго разряда. Старшая супруга перваго разряда называется *мисаки*.

лотомъ и серебромъ, что онѣ почти не могутъ двигаться. По словамъ другихъ, жены *микадо*, подобно своему супругу, никогда не надѣваются одной одежды два раза. Не только эти два свидѣтельства противорѣчатъ одно другому, но первое изъ нихъ не согласно съ тѣми экономическими мѣрами, которыя принимаетъ *сiogунъ* по содержанію двора духовнаго властелина. Понятно, что нельзя имѣть вѣрныхъ извѣстій объ этомъ предметѣ, потому что Европейцы не могутъ проникнуть въ *даири* и получить изъ устъ особъ, видящихъ императорское семейство, настоящія и несомнѣнныя свѣдѣнія. Увѣряютъ, что въ обыкновенныхъ случаяхъ жены *микадо* заботятся о причeskѣ волосъ не менѣе прочихъ японскихъ дамъ, но передъ лицомъ *микадо* являются не иначе, какъ съ распущенными волосами. Впрочемъ, необыкновенная полнота одежды принадлежитъ къ числу признаковъ, по которымъ узнаютъ особъ, составляющихъ дворъ *микадо*, мужчинъ и женщинъ; въ этомъ отношеніи подражаютъ имъ, сколько могутъ, все сословія.

Въ числѣ этихъ суетныхъ церемоній, среди суевѣрныхъ обрядовъ и монотоннаго этикета въ *даири*, встрѣчается фактъ, тѣмъ болѣе важный и достойный вниманія, что онъ совершенно неожиданъ. Если, по разумѣнію Японцевъ, дворъ *микадо* служитъ цент-

ромъ религіи, то, въ то же время, онъ есть пріютъ высшей литературы, центръ, изъ котораго изливается народная поэзія и философія. Академія въ Іедо, можетъ быть, ученѣе; но между придворными *даури* Японія видитъ лучшихъ своихъ поэтовъ, историковъ и знаменитѣйшихъ ученыхъ; женщины наравнѣ съ мужчинами отличаются тамъ въ этихъ умственныхъ торжествахъ. Литература во всѣхъ ея видахъ—главное развлеченіе и любимѣйшее занятіе двора *микадо*.

Хотя *даури* составляетъ особый городъ въ городѣ *Міяко*, однакожъ не занимаетъ такого пространства, какъ дворецъ *сіогуна* въ Іедо. Впрочемъ, и городъ *Міяко* не такъ обширенъ, какъ столица Іедо; но онъ лучше выстроенъ и красивѣе, самъ по себѣ и по роскоши почвы и окрестныхъ мѣстоположеній. По здоровому климату и чистотѣ воздуха, *Міяко* гораздо выше всѣхъ прочихъ японскихъ городовъ. Онъ считается японскимъ раемъ и замѣчателенъ красотою женщинъ (*).

Здѣсь Голландцы дѣлаютъ главныя закупки, потому что *Міяко* есть складочное мѣсто лучшихъ произведеній японскихъ мануфактуръ. Народонаселенія въ этой столицѣ бо-

(*) *Міяко* называется у Японцевъ *Фей-у-сію*, то-есть, городъ мира или спокойствія. Его также называютъ *Кіо* и еще *Рокъ-сію* или *Рокъ-цзю*.

лѣе 600 тысячъ душъ, не считая принадлежащихъ къ *даири*; чины ихъ такъ высоки, что вѣроятно ихъ нельзя включать въ народную перепись. Толпа, тѣснящаяся около Голландцевъ и смотрящая на обѣдъ, который даютъ имъ въ саду одного изъ храмовъ, можетъ заставить думать, что жителей гораздо болѣе 600 тысячъ; потому-то Голландцы всѣ единогласно утверждаютъ, что нигдѣ, ни даже въ *Иедо*, не замѣтно такого стеченія народа.

Храмы въ *Міяко*—самые превосходные памятники; лучше ихъ Японія ничего не можетъ представить любопытству иностранцевъ. Чтобы дать понятіе объ этихъ зданіяхъ, приведемъ слова стариннаго и наивнаго *Кемпфера*:

«18-го апрѣля отправились мы изъ *Міяко*, въ *норимонахъ* и *каго*. Сначала шли мы по той же дорогѣ, по которой ѣздили наканунѣ, вдоль длинной улицы, потомъ перебрались черезъ мостъ, и вошли въ горы, которыя возвышались направо отъ насъ. Всѣ улицы на пути нашемъ были правильны, чисты и веселы, съ маленькими, но опрятно-выстроенными домами; съ обѣихъ сторонъ много лавокъ. Наѣхъ пустили во дворъ великолѣпнаго императорскаго храма *Цуганинъ* или *Шусганинъ*: по старинному обычаю, намъ показываютъ, на возвратномъ нашемъ пути

и въ послѣдній день пребыванія нашего въ Мiяко, величественные и великолѣпные храмы; во всей имперіи нѣтъ подобныхъ зданій по огромности, богатству и изяществу. Они очень искусно размѣщены на скатѣ холмовъ, окружающихъ столицу. Можно сказать, что обычай отъ времени получилъ силу закона, такъ что мы въ этомъ отношеніи не имѣемъ ни малѣйшей свободы. Насъ ведутъ въ храмы, и мы должны осматривать ихъ, волей или неволей; нашего посла или директора торговли даже не спрашиваютъ. Къ первому храму идутъ по широкой и просторной аллеѣ, совершенно ровной, вдоль горы, на протяженіи тысячи шаговъ. Ворота были большія и великолѣпныя, съ двойною крышею, загнутою, какъ и всѣ крыши на храмахъ и башняхъ здѣшнихъ дворцовъ. Тутъ мы вышли изъ норимоновъ, изъ уваженія къ императору, что дѣлаютъ въ этомъ случаѣ даже князья имперіи. Эта аллея, усыпанная щебнемъ и пескомъ, усѣяна по обоимъ бокамъ высокими и великолѣпными домами чиновниковъ, служащихъ при храмѣ. На концѣ аллеи вышли мы на большую террасу, покрытую щебнемъ, обсаженную деревьями и кустарникомъ. Пройдя сквозь два великолѣпныя деревянные зданія, мы поднялись по прекрасной, чистой лѣстницѣ въ другое великолѣпное зданіе, тоже деревян-

ное: оно стояло очень высоко, выше чѣмъ стоятъ самые богатые и славные дворцы; главный фасъ былъ величественнѣе и красивѣе фаса императорскаго дворца въ Иедо; галерея была очень искусно покрыта лакомъ, а комнаты устланы тонкими циновками вмѣсто ковровъ. Посреди аванъ-залы или первой большой комнаты стоялъ жертвенникъ или небольшой храмъ, и въ немъ огромный истуканъ съ завитыми волосами, окруженный меньшими идолами и нѣкоторыми другими украшеніями. По обоимъ бокамъ этого жертвенника стояли два другіе, поменьше и украшенные не такъ тщательно. Отсюда повели насъ въ двѣ комнаты, выстроенныя для императора, который тутъ садится: онѣ (по здѣшнему выраженію) двумя циновками выше передней или той залы, о которой я говорилъ выше. Изъ комнатъ видны жертвенники черезъ двѣ двери. Возлѣ этихъ двухъ комнатъ, выстроенныхъ подъ горою, съ которой предестный видъ на множество разнообразныхъ деревьевъ и кустарниковъ, и на скатѣ которой нѣсколько маленькихъ храмовъ, прикрытыхъ боскетами; возлѣ этихъ комнатъ, говорю я, небольшой увеселительный садикъ, какъ бы въ миниатюрѣ, расположенный въ японскомъ вкусѣ и съ такою правильностію, какую допускала мѣстность. Адлея усыпаны чистенько бѣлымъ пескомъ.

Рѣдкія растенія и деревья, доведенныя до совершенства искусствомъ, съ любопытными каменьями, украшаютъ квадраты цвѣтниковъ; но всего пріятнѣе для глазъ рядъ холмиковъ, въ устройствѣ которыхъ подражали натурѣ: они покрыты превосходнѣйшими растеніями и превосходнѣйшими туземными цвѣтами. Между ними текла свѣтлая рѣчка и журчала пріятно; на ней въ разныхъ мѣстахъ стояли мостики, служившіе украшеніемъ и средствомъ сообщенія между разными частями сада. Мы дошли до конца сада, который представилъ намъ невыразимо-прекрасныя виды, и потомъ вышли черезъ лѣвую калитку, въ небольшой сосѣдній храмъ, стоящій немного выше на горѣ, на разстояніи почти тридцати шаговъ. Въ этомъ храмѣ хранятъ имена усопшихъ императоровъ; они написаны на столѣ золотыми буквами; около стола поставлены низкіе табуреты съ писанными бумажками; изъ нихъ три большія и одна маленькая; это формулы молитвъ, произносимыхъ за упокой души *Геніозинъ*. При входѣ въ храмъ стояло двѣ кружки для припята подаванія отъ народа, а передъ кружками стоялъ стулъ. Два молодые служителя храма, показывавшіе намъ все достойное замѣчанія, повели насъ еще въ другой великолѣпный храмъ, отдѣленный отъ перваго площадью. Его поддерживали толстые

и крѣпкіе столбы вышиною въ полтора брас-
са. Великолѣпіе этого храма, какъ намъ по-
казалось снаружи, главнѣйше состояло въ его
четырехъ загнутыхъ одна на другую кры-
шахъ. Низшая, и слѣдственно самая боль-
шая, наброшена на стѣны для прикрытія
портика или наружной галереи, которая тя-
нулась около всего храма. Столбы и корни-
ши, поддерживавшіе крышу, расписаны для
красы красною и желтою краскою. Полъ
устланъ цыновками; впрочемъ внутренность
храма была совершенно пуста и поддер-
живалась тридцатью деревянными столба-
ми. На правой сторонѣ храма было пустое
мѣсто, и такое же на лѣвой; въ этомъ по-
слѣднемъ стояло нѣсколько идоловъ въ ни-
шахъ. Передъ главнымъ идиоломъ задернута
была занавѣса; а передъ нею стояло круглое
зеркало, съ кружками для принятія подая-
ній народа. По осмотрѣ этого храма, провод-
ники повели насъ въ другое зданіе, по на-
ружности не столько великолѣпное, но внут-
ри неуступавшее первому ни въ чистотѣ ни
въ украшеніяхъ. Средняя площадь — родъ
храма или жертвенника, назначеннаго для
принесенія моленій; она наполнена идолами
и изображеніями японскихъ боговъ. Тутъ
угощали насъ шесть служителей изъ это-
го монастыря; старшему было лѣтъ двад-
цать-шесть, а самому молодому лѣтъ ше-

стнадцать. Они подавали намъ *заки*, грибы, жаренные бобы, пироги, фрукты, коренья и растенія. Просидѣвъ тутъ полтора часа, мы раскланялись, и два служителя провели насъ до большой площади или портика, который находится передъ этимъ великолѣпнымъ императорскимъ монастыремъ; монастырь, сказывали намъ, содержитъ двадцать семь храмовъ въ своей оградѣ. Отсюда пошли мы въ другой храмъ, называемой *Гибонъ* или храмъ цвѣтовъ, въ нѣсколькихъ тысячахъ шаговъ отъ предыдущаго. Нѣкоторые изъ насъ отпразднелись туда въ норимонахъ, другіе предпочли итти пѣшкомъ, потому что дорога очень пріятна, по прелестной пустынѣ. Этотъ храмъ *Гибонъ* или цвѣтовъ былъ окруженъ тридцатью или сорока храмиками; всѣ расположены правильно. Въ разныхъ мѣстахъ на дворахъ храма видѣли мы лавки съ товарами; въ другихъ мѣстахъ народъ занимался стрѣльбою изъ лука. Дворъ былъ украшенъ деревьями, правильно разсаженными, и казалось, они стояли тутъ для увеселенія молодыхъ людей. Храмъ былъ длиненъ и узокъ по срединѣ, и отдѣлялся отъ прочихъ частей галереєю. Тутъ стоялъ большой истуканъ съ маленькими идолами и нѣсколькими украшениями. Между прочимъ мы видѣли тутъ большое лакированное изображеніе молодой женщины; длиной оно было отъ двухъ до

трехъ брассовъ, и окружено другими идолами или молодыми героями. Въ то же мѣсто поставили голландскій корабликъ, нѣсколько сабель и шлагъ, и другихъ игрушекъ. Отъ этого храма повели насъ далѣе, на подторыльѣ, по улицѣ называемой *Зивулязакки*, что значитъ улица нищихъ и простонародныхъ удовольствій. Она довела насъ до знаменитаго храма *Киомицъ*; тутъ прежде всего мы увидѣли высокую башню въ семь этажей, изъ которыхъ нижній на нѣсколько ступенекъ выше земли; въ немъ жертвенникъ, съ большимъ истуканомъ и нѣсколькими маленькими идолами. Немного далѣе на горѣ храмъ *Киомицъ*, поддерживаемый съ одной стороны горою, а съ другой столбами, изъ которыхъ иные въ восемь *кинговъ* вышины. Тутъ встрѣтили мы толпу народа. Въ храмѣ, окруженномъ рѣшеткою, ничего не было, кромѣ большаго круглаго зеркала, двухъ кружекъ для сбора милостыни, и нѣсколькихъ *цумгумовъ* (родъ колоколовъ), въ которые звонятъ подающіе милостыню. Недалеко отъ храма есть каменная лѣстница въ восемьдесятъ пять ступенекъ, ведущая къ знаменитому источнику, который вытекаетъ изъ утеса въ трехъ разныхъ мѣстахъ. Говорятъ, что воды его даютъ умъ и благоразуміе тѣмъ, кто ихъ пьетъ. Зовутъ его *Осевантаки*. Вода свѣтлая и чистая, и мнѣ показалось, что

она вообще ничѣмъ не отличается отъ прочихъ водъ въ *Міако*. Отъ источника, мы пошли далеко по горѣ, по искусственной террасѣ, и, пройдя черезъ нѣсколько маленькихъ храмиковъ или жертвенниковъ, пришли къ большому храму, который построенъ подобно предыдущему. Однимъ бокомъ онъ опирается въ гору, а другую его сторону поддерживаютъ столбы. Видъ этого храма прекрасенъ и любопытенъ, болѣе чѣмъ выразить можно, потому что онъ стоитъ очень высоко. Я замѣтилъ, что важнѣйшіе идолы въ этомъ храмѣ представлены въ сидячемъ положеніи и держатся за руки. Отсюда повели насъ въ огромный храмъ *Даибоцзъ*, стоящій недалеко отъ дороги въ *Фуссими*. Однакожъ, до вступленія въ этотъ храмъ, насъ ввели въ дрянной кабачекъ, гдѣ насъ угощадъ хозяинъ, которому мы дали въ знакъ признательности *кобангъ*, что стоило въ четверо болѣе его угощенія, потому что оно было очень незавидное. Храмъ *Даибоцзъ* выстроенъ на возвышеніи у самой большой дороги. Дворъ храма окруженъ высокою стѣною изъ огромныхъ камней, особенно на фасадѣ: тутъ были камни въ два брасса въ квадратѣ. У внутренней стороны стѣны шла галерея, открытая со стороны двора, но покрытая крышею на двухъ рядахъ столбовъ вышиною въ три брасса, и въ два брасса разстоянія

между ними. Я насчиталъ около пятидесяти столбовъ съ каждой стороны воротъ; да и самыя ворота, хотя небольшія, украшены столбами и двойною загнутою крышею. Съ каждой стороны стояло по герою, почти нагому; статуи были кое-какъ прикрыты кусками черной матеріи. Статуя имѣла львиную голову, и была вышиною въ четыре брасса, впрочемъ довольно пропорціональна, и стояла на пѣдесталѣ въ брассъ вышиною. Каждая изъ этихъ статуй имѣла свое собственное значеніе. Противъ нихъ возвышался храмъ *Даибоцъ*, на самой срединѣ двора. Это безъ сомнѣнія самое возвышенное зданіе, какое мы видѣли въ Японіи; оно покрыто двойною загнутою крышею, которая великолѣпна и возвышается надъ всѣми строеніями въ Міяко. Храмъ поддерживается восемью рядами столбовъ; въ каждомъ ряду ихъ двѣнадцать, но какъ въ срединѣ нѣтъ двухъ столбовъ, то ихъ всего девяносто четыре. Дверей было очень много, и всѣ онѣ маленькія. Внутри храмъ былъ совершенно открытъ подъ второю крышею, которая лежала на пилястрахъ, окрашенныхъ въ красную краску. Тутъ такъ темно, по причинѣ необыкновенной вышины и малаго входившаго свѣта, что мы съ трудомъ могли разсмотрѣть храмъ. Полъ, противъ обыкновенія, вымощенъ четверугольными кусками мрамора; внутри

никакихъ украшеній, кромѣ огромнаго истукана. Столбы чрезвычайно толсты, по крайней мѣрѣ въ полтора брасса. Они состояли изъ нѣсколькихъ, соединенныхъ плитастровъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ; такую же краскою окрашены и прочія деревянные части зданія. Истуканъ, весь вызолоченный, очень высокъ и великъ; на ладони его можно было помѣстить три цыновки. У него огромные уши, завитые волосы, на головѣ нѣчто въ родѣ короны, которую можно было видѣть изъ окна подъ первою крышею; на лбу было большое пятно, въ родѣ мушки, безъ позолоты (*).

«Плечи были обнажены, а грудь и тѣло небрежно покрыты кускомъ матеріи. Онъ держалъ правую руку поднятою, а лѣвую прижималъ къ животу, и сидѣлъ по индѣйски, скрестивъ ноги, на цвѣткѣ *таратъ* (*lotus*), поддерживаемомъ другимъ цвѣткомъ, котораго длинныя листья служили украшеніемъ; оба цвѣтка возвышались надъ поломъ почти на два брасса. На спинѣ этого большаго истукана находился огромный овалъ, съ разными маленькими идолами человѣческой формы, сидящими на цвѣткахъ *тарата*. Этотъ овалъ былъ такъ великъ, что покрывалъ четыре столба, а идолъ такъ широкъ, что пле-

(*) У Индусовъ это называется *тика*.

чами доставалъ отъ одного столба до другаго, хотя между ними разстояніе въ четыре брасса. Цвѣтокъ *тарата*, на которомъ сидѣлъ истуканъ, окруженъ восьмиугольными воротами, и потому-то тутъ не поставили двухъ столбовъ. Осмотрѣвъ этотъ храмъ внимательно, мы вышли изъ него въ другую дверь, не въ ту, черезъ которую вошли; надъ нею была одна только крыша. Мы отправились на сосѣдній дворъ, гдѣ намъ показали *гумгумъ*, огромной величины; онъ одинъ висѣлъ въ деревянномъ домикѣ. Онъ былъ толщиною въ добрую пядень, пусть и глубокъ, длиною съ пикку *беніоса*, футовъ двадцати въ окружности. Отсюда повели насъ въ другой храмъ, который непомерно длиненъ по ширинѣ своей. Посреди его сидѣлъ истуканъ съ сорока-шестью руками; вокругъ него стояли шестнадцать героевъ въ черныхъ одеждахъ, колоссальной величины. Немного далѣе, по обѣимъ сторонамъ, тянулись два ряда позолоченныхъ идоловъ, почти одинаковаго роста; всѣ они стояли. У каждаго было двадцать рукъ; ближайшіе къ истукану держали въ рукахъ длинные жезлы. Другіе держали розовые вѣнки; нѣкоторые — разные инструменты или украшенія. На головѣ самаго большаго изъ нихъ, увѣнчаннаго вѣнкомъ изъ золотыхъ лучей, стояли семь идоловъ, изъ ко-

торыхъ средній былъ меньше другихъ; у всѣхъ грудь была открыта и испещрена разными украшеніями. Кромѣ идоловъ, о которыхъ я говорю, было еще рядовъ десять или двѣнадцать другихъ идоловъ въ величину человѣческаго роста, которые стоятъ одинъ за другимъ на близкомъ разстояніи, такъ что передній стоитъ ниже задняго, чтобы самаго послѣдняго можно было видѣть. Говорятъ, что въ этомъ храмѣ всего тридцать три тысячи триста тридцать три идола; поэтому и называютъ его *Сан-Ман-Санъ-Синъ-Самбіатъ-Сансинъ-Сан-тан*, то есть, храмъ тридцати трехъ тысячъ трехъ сотъ тридцати трехъ идоловъ.»

Такое же впечатлѣніе производили эти странные памятники на всѣхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Японію прежде и послѣ Кемпфера. Всѣ они изумлялись характеру этого гигантскаго идолопоклонства, заимствованнаго изъ древней Индіи. Тунбергъ бѣгло рассказываетъ что видѣлъ въ храмахъ, и въ рассказѣ его не встрѣчается ни одного разительнаго замѣчанія; но подтверждаетъ всѣ важнѣйшіе пункты Кемпферова разсказа. Онъ, кажется, особенно былъ пораженъ колоссальною величиною и выраженіемъ статуи *Даибутъ* (Фишеръ пишетъ *Daywüt*, Зибольдъ *Doibuts*), и огромностію ея храма (*).

(*) Смотри подробности объ этомъ предметѣ въ его путешествіи, т. II, стр. 90 и 91.

Позднѣйшіе путешественники, говоря о храмахъ, всѣ ссылаются на Кемпфера. Словомъ, нѣтъ подробныхъ и обдуманыхъ описаній японскихъ храмовъ; и исторія разныхъ религіозныхъ сектъ, распространившихся по Японіи, равно какъ и отношенія ихъ къ духовной и свѣтской верховной власти, еще весьма мало извѣстны. Ниже будетъ изложено все, что путешественники успѣли собрать по этому предмету (*).

Изъ Міяко миссія переѣзжаетъ на баркахъ въ Огозаку. Поѣздка эта, внизъ по рѣкѣ *Иодогава*, совершается въ одни сутки. Здѣсь Голландцы живутъ довольно долго и не только могутъ хорошо видѣть городъ, но и принимать участіе въ увеселеніяхъ разнаго рода, которыя здѣсь многочисленнѣе и привлекательнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ Японіи. Миссія обыкновенно останавливается въ Огозакѣ на цѣлую недѣлю.

Огозаки большой городъ. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній объ его обширности; но можно составить себѣ понятіе и о пространствѣ имъ занимаемомъ, и объ его народонаселеніи, по слѣдующимъ двумъ фактамъ, которые не подлежатъ сомнѣнію, а именно: въ огромномъ этомъ городѣ считается

(*) У Клапрота есть подробное описаніе колоссальной статуи Будды въ храмѣ *Даибутъ*.

сто мостовъ, какъ на рѣкѣ, такъ и на каналахъ,—и жители его хвастаютъ, что могутъ выставить армію въ 80,000 человекъ. Огозака центръ большой торговли имперіи: на его рынокъ собираются иностранные товары, привозимые въ Нагазаки. Въ немъ, кромѣ того, множество мануфактуръ, которыхъ произведенія пользуются извѣстностію. Зибольдъ особенно отличаетъ мѣдные заводы. Въ старину владѣлецъ этихъ заводовъ подносилъ послу большую монету (*огобанъ*) и нѣсколько мелкихъ *кобанговъ* его товарищамъ, но эта глава уничтожена (*).

Огозаки укрѣпленъ, какъ умѣютъ укрѣплять въ Китаѣ и въ Японіи, то есть, на него нельзя напасть въ располхъ, и въ немъ есть цитадель, которой комендантъ по чину важнѣе губернатора города, однакожъ не имѣетъ ни власти надъ послѣднимъ, ни даже ежедневныхъ съ нимъ сношеній по службѣ.

Губернаторъ Огозаки принимаетъ, въ торжественной аудіенціи, голландскую миссію и подарки, которые она оставила ему на первомъ пути въ Іедо. Потомъ онъ угощаетъ Голландцевъ столько же великолѣпно, сколько

(*) Глава: терминъ, принятый Голландцами и взятый изъ японскаго выраженія, означающаго привычку или подробность этикета, установленнаго правительствомъ въ официальныхъ сношеніяхъ съ иностранцами.

ко гостепріимно. Для нихъ составляютъ нѣсколько прогулокъ; и Японцы умѣютъ такъ хорошо угощать гостей, показываютъ столько дружбы, искренней веселости, угодливости, что президентъ Дѣфъ, нѣсколько лѣтъ спустя, съ особеннымъ наслажденіемъ вспоминалъ о прогулкѣ, при которой присутствовалъ и которая была устроена нарочно для него въ одномъ изъ лучшихъ чайныхъ домовъ въ Огозакѣ. Уже извѣстно читателю, что этотъ городъ есть *городъ наслажденій* по преимуществу и знаменитъ удовольствіями и увеселеніями, которыя можетъ доставить. Можно ли наслаждаться въ немъ дешево? Это вѣроятно; однакожъ, если считать театръ однимъ изъ лучшихъ и необходимѣйшихъ наслажденій, то въ Японіи удовольствіе видѣть и слышать хорошаго актера покупается очень дорого: первыя мѣста въ большомъ театрѣ въ Огозакѣ стоятъ пять піастровъ и болѣе (отъ 30 до 40 франковъ или отъ 7½ до 10 р. сер.). Театральная зала обширна и содержитъ, кромѣ партера, три яруса ложъ, изящно украшенныхъ. Декораціи, костюмы, постановка превосходны по богатству; но манера писать и разставлять декораціи, къ сожалѣнію, показываетъ, что Японцы, какъ и всѣ восточные народы, вовсе не знаютъ законовъ перспективы, и потому трудно понять, съ перваго взгляда, что представляетъ

сцена. Описанія японскихъ театровъ, находящіяся у насъ подъ руками, не даютъ полнаго и вѣрнаго понятія объ этихъ сборищахъ. Однакожъ, все таки можно утвердительно сказать, что театральная японская зала, въ день представленія, вовсе не похожа на европейскія театральныя залы. Каждый зритель сидитъ на циновкѣ, за которую заплатилъ (это наше кресло); тутъ подаютъ ему прохладительныя: таковъ ужъ обычай, чтобы лакомиться въ самомъ театрѣ. Эти угощенія, въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, доставляетъ самъ директоръ театра, что даетъ ему немалый доходъ (*).

Сколько извѣстно, японскихъ драмъ никто еще не переводилъ. Даже не даны намъ сюжеты японскихъ піесъ, ни краткіе очерки

(*) Въ Японіи, какъ въ Китаѣ, есть труппы кочующихъ актеровъ, музыкантовъ, фокусниковъ, бойцовъ, плясуновъ, шарлатановъ, которые даютъ представленія подъ открытымъ небомъ или въ частныхъ домахъ, за извѣстную плату. Маленькіе города и села должны довольствоваться этими кочующими труппами. Нагазакі вѣроятно принадлежитъ къ числу такихъ же городовъ; но въ большихъ городахъ есть постоянные театры, а въ Огозакѣ театръ въ такомъ ходу, что лучшие актеры находятъ тамъ вѣрное и выгодное пристанище. За то постоянная труппа въ Огозакѣ считается лучшею въ имперіи. Капитанъ Сарисъ, въ 1612 году, говоритъ объ *актрисахъ, невольницахъ* того, кто ихъ нанимаетъ и пр. Теперь же, въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, только мальчики играютъ роли женщинъ.

хода ихъ, такъ что мы не можемъ имѣть понятія о тамошнемъ драматическомъ творчествѣ. Знаемъ только, что японская драма—чисто и исключительно народная, и дѣйствіе всегда относится къ доблестямъ, подвигамъ, любовнымъ приключеніямъ боговъ и героевъ, которыхъ похождения пущены въ народъ баснословными преданіями. Однакожъ, иныя піесы основаны на фактахъ или интригахъ выдуманныхъ, и похожи на *пословицы въ лицахъ*, по нравственной своей цѣли. Общее направленіе этихъ піесъ (очень простыхъ, потому что на сценѣ никогда или почти никогда не бываетъ болѣе двухъ дѣйствующихъ лицъ въ одномъ явленіи) безукоризненно, если поставишь себя на японскую точку зрѣнія; потому что піесы выказываютъ въ сильной степени разительныя черты народнаго характера, а нравственныя понятія Японцевъ, ихъ чувство приличія странно противорѣчатъ съ нашими! Въ героическихъ драмахъ, жажда мести — главнѣйшая пружина тѣхъ отличныхъ подвиговъ, которымъ они удивляются; она всегда нераздѣльна съ самымъ благороднымъ мужествомъ или по крайней мѣрѣ съ непоколебимою неустрашимостію. Самыя кровавадыя насилія, мученія пытки воспроизводятся на сценѣ такъ вѣрно, что возбуждаютъ трепетъ. Къ этимъ ужасамъ, нерѣдко примѣшиваютъ

ся самымъ страннымъ образомъ смѣшныя сцены. Японцы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о единствѣ времени и мѣста; въ одной и той же драмѣ рассказываютъ рожденіе, жизнь и смерть героя, ведутъ его съ острова на островъ, съ острововъ на материкъ, или съ земли на небо, если герой піесы баснословное божество или долженъ въ него превратиться. Но всего страннѣе не сама піеса, но манера представлять ее и разрѣзывать на отрывки, чтобы угодить вкусу и требованіямъ публики. Почти то же случается и въ Европѣ; и насъ зовутъ иногда послушать одинъ актъ оперы, одну сцену изъ драмы или трагедіи, нѣсколько явленій изъ знаменитаго водевиля. Но Японцы давно уже превзошли насъ въ этомъ драматическомъ эклектизмѣ, и кромѣ того, нашли средство дать правильную форму самой не-правильности. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко случается, что въ Огозакѣ даютъ три піесы въ одинъ день; но первый актъ второй піесы идетъ за первымъ актомъ первой, второй актъ первой піесы, идетъ за первымъ актомъ второй піесы, и т. д. Такимъ образомъ по-сѣтители, желающіе видѣть любимую свою піесу, или нежелающіе сидѣть полдня на одномъ мѣстѣ, могутъ часто выходить, курить, кушать рюмочки заки, толковать о своихъ дѣлахъ или удовольствіяхъ, въ то

время, какъ играютъ тотъ актъ, котораго они не хотятъ смотрѣть. Они возвратятся въ залу, когда начнется актъ любимой ихъ пьесы. Длиннота представленій весьма полезна (и это уже не бездѣлица) прекрасному полу. Японскія дамы, въ которыхъ инстинктъ кокетства развитъ, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько въ нашихъ, съ радостію хватаются за удобный случай выказать роскошь наряда. Онѣ отправляются въ театръ съ своими горничными, которыя несутъ цѣлые комода богатѣйшихъ одеждъ;—госпожи перемѣняютъ въ одинъ вечеръ нѣсколько разъ свои платья. Директоры театровъ въ Европѣ и европейскія кокетки сойдутся ли когданибудь въ мысли учредить что либо подобное? Стоитъ сдѣлать только одинъ шагъ, и Парижъ, въ этомъ отношеніи, будетъ слѣдовать модѣ японскаго города Огозаки.

Японскіе актеры считаютъ приторную декламацию за существенную часть своего искусства. Сказать, что они черезъ-чуръ вышшають голосъ было бы мало, если хочешь дать понятіе объ ихъ стилѣ. Совершенство театральной декламации состоитъ (по ихъ мнѣнію) въ пѣвнн звуковъ рѣзкихъ, страстныхъ, въ голосѣ искусственномъ, который иногда кое-какъ поддерживается въ продолженіе четверти часа. Впрочемъ, первымъ достоинствомъ актера считается умѣнье его

играть нѣсколько ролей въ одной піесѣ, и представлять въ ней разные характеры. Эта штука покажется не очень трудною, если вспомнимъ, что на сценѣ никогда не бываетъ болѣе двухъ дѣйствующихъ лицъ. Всего страннѣе то, что актеръ, идя на сцену, проходитъ по партеру. Это дѣлается, повидимому, для того, чтобы приучить зрителей къ костюму и внѣшней физіономіи каждой роли, изъ числа тѣхъ, которыя играютъ однимъ и тѣмъ же актеромъ; и дѣйствительно, публика невольно вспоминаетъ и актера и его роль, когда онъ такъ часто проходитъ по партеру.

Актрисы нѣтъ въ Японіи. Женскія роли всегда играютъ мальчики. Тоже и въ Китаѣ. И въ той и въ другой странѣ многія причины заставили прибѣгнуть къ этому средству. Во первыхъ, трудно вообразить, чтобы женщина могла выдержать эту тяжелую декламацию и происходящую отъ нея усталость. Во вторыхъ, хотя драматическимъ артистамъ въ Китаѣ и Японіи платятъ щедрѣе, чѣмъ въ Европѣ, однакожъ ремесло ихъ въ такомъ презрѣннѣи, что женщина не можетъ заняться имъ, не обезчестивъ себя совершенно. Происходитъ ли это отъ того, что актеры (и особенно японскіе) отличаются безнравственнымъ поведеніемъ и развращеніемъ; или безумное ихъ развращеніе есть слѣдствіе пред-

разсудка, который поражаетъ цѣлое сословіе и отдѣляетъ его отъ всего общества? Послѣднее предположеніе самое вѣроятное; но оно ведетъ къ изысканію причинъ предразсудка, и спрашивая самихъ Японцевъ, доходишь до слѣдующаго замѣчательнаго результата: по ихъ мнѣнію «человѣкъ, который изъ денегъ и для чужаго удовольствія соглашается сбросить собственный характеръ и перемѣнять поведеніе и рѣчи свои такъ часто, какъ и платья, не чувствуетъ собственного своего достоинства и добровольно жертвуетъ своею честію въ пользу своего кармана.»

Главное торжество японскихъ и китайскихъ актеровъ—въ мимической части ихъ искусства. Они изумительно удачно умѣютъ передавать постепенное развитіе нѣкоторыхъ страстей. Въ этомъ отношеніи, они часто превосходятъ всякое ожиданіе европейскихъ зрителей. Такъ гласятъ рассказы всѣхъ Голландцевъ; это же подтверждаетъ Фишеръ. Зибольдъ замѣчаетъ «что цѣлый день сидятъ въ театрѣ, это приводитъ къ уничтоженію перваго пріятнаго впечатлѣнія.» Не имѣя возможности дать здѣсь японскую піесу, даемъ китайскую, потому что Японія заняла у Китая нѣсколько элементовъ нынѣшняго своего языка, своей литературы, искусствъ, своей промышленности. Но какъ Японія совер-

шенствовала все, что занимала у сосѣдей, то надобно думать, что и въ драматическомъ искусствѣ она не отстала отъ нихъ. Разсказъ Жюля Дюпре дастъ полное понятіе о китайской и японской пантомимѣ (*).

«Мы пошли въ домъ, стоявшій возлѣ театральной залы; окна его выходили на нее: нельзя было достать мѣста лучше и удобнѣе. Подъ нами огромная площадь, вымощенная головами и освѣщенная печальнымъ свѣтомъ нѣсколькихъ факеловъ. Эта масса бритыхъ головъ представляла странную картину.

«Дуракъ трудится на сценѣ и тщетно силится снять двѣ головы, воткнутыя на подставку; приходитъ молодой ученый и, подумавъ нѣсколько минутъ, рѣшается попытаться, не будетъ ли онъ искуснѣе или счастливѣе. Дуракъ смѣется надъ нимъ, вызываетъ его на состязаніе; но ученый юноша снимаетъ обѣ головы и торжественно пляшетъ съ трофеями побѣды. Удивленный и раздраженный дуракъ бѣжитъ жаловаться къ старому мандарину, который не хочетъ ему вѣрить: однакожъ призываетъ юношу, который повторяетъ странный опытъ въ присутствіи судьи.

«Старикъ приходитъ въ восторгъ; молодой ученый падаетъ къ его ногамъ и проситъ

(*) См. *Revue Indépendante*, 1847, 10 декабря.

руки его дочери; послѣ нѣсколькихъ отказовъ и еще сильнѣйшихъ просьбъ, мандаринъ соглашается на бракъ дочери.

«Въ слѣдующемъ актѣ сцена занята дѣвушкой, которая ждетъ прихода молодаго ученаго. Она говоритъ ему самыя соблазнительныя рѣчи; поетъ, танцуетъ при немъ разныя пляски и старается возбудить въ немъ страсть. Молодой мудрецъ противустоитъ соблазну. Дѣвушка прибѣгаетъ къ помощи колдовства; употребляетъ магнитическіе приемы, окуриваетъ его зажженою палочкою; тутъ онъ начинаетъ ее преслѣдовать, а она ужъ защищается; онъ умоляетъ, а ей приходится бѣжать и притворяться холодною. Наконецъ, считая испытаніе достаточнымъ, она уступаетъ и награждаетъ его поцѣлуемъ.

«Въ третьемъ актѣ, молодой ученый является на сцену печальный, терзаемый угрызениями совѣсти; онъ старается бѣжать отъ взоровъ страшнаго волшебника, того злобнаго генія, который восторжествовалъ надъ его добродѣтелью; геній выводитъ на полу кабалистическіе знаки, отъ которыхъ ученый трепещетъ. Онъ прибѣгаетъ къ помощи старичка-мудреца, и тотъ успокоиваетъ его и даетъ ему мухогонку. Приходитъ дочь мандарина, настоящая, законная супруга ученаго, и ласкается къ мужу. Онъ отталкиваетъ

ее мухогонкой, но жена успѣваетъ вырвать ее и бросить, и оба упадаютъ другъ другу въ объятія. Геній возвращается въ видѣ женщины, въ пестромъ платьѣ, красномъ съ чернымъ, съ распущенными волосами; онъ танцуетъ, подаетъ таинственные знаки; отрывистая музыка аккомпанируетъ пантомимѣ. Супруги дрожатъ: однимъ взмахомъ руки женщина-геній вырываетъ супругу изъ объятій мужа; несчастная дочь мандарина падаетъ въ безчувственность. Преступный мужъ, блѣдный какъ смерть, убитый ужасомъ, сидитъ лицомъ къ лицу съ чудовищемъ, которое не спускаетъ съ него глазъ и не даетъ ему пошевелиться; челюсти ученаго бьются одна о другую, колѣнки его сталкиваются, весь онъ дрожитъ. Наконецъ онъ падаетъ, и вампиръ (геній этотъ именно вампиръ) бросается на него, кусаетъ ему шею, высасываетъ кровь и прерываетъ свои занятія только, чтобъ выразить свое удовольствіе плясками и самою живою пантомимой! Чудовище исчезаетъ, скушавъ желудокъ и сердце несчастной своей жертвы и уложивъ остатки на брачное ложе.

«Можно подумать, что пѣса кончена, но это будетъ ошибка. Въ четвертомъ актѣ служанка приноситъ прохладительные напитки; подносъ выпадаетъ изъ рукъ ея, когда она видитъ госпожу свою на полу безъ чувствъ;

она дрожа приподнимаетъ занавѣски постели и съ ужасомъ опускаетъ ихъ, видя страшную картину извѣденнаго человѣка. Горничная хлопочетъ около своей госпожи и наконецъ приводитъ ее въ чувство. Узнавъ о несчастіи мужа, госпожа предается необъяснимой горести, самымъ страннымъ выраженіямъ китайской горести. Горничная старается придать ей мужества: послѣ долгихъ сокрушеній вдова отправляется отыскивать стараго мудреца, который уже одинъ разъ помогъ ея мужу; наконецъ она находитъ его и проситъ, чтобы онъ наставилъ и научилъ ее: она все готова перенести, только бы возвратили ей мужа. Тронувшись несчастіями юной четы, которой добродѣтель была достойна иной участи, старикъ обѣщаетъ ей сдѣлать все, что можетъ, но не отвѣчаетъ за успѣхъ. Потомъ онъ посылаетъ ее къ прокаженному и предлагаетъ ей съѣсть гной изъ его ранъ. При видѣ такого отвратительнаго обѣда, который только Китайцы могутъ кушать, вдова стоитъ въ нерѣшимости; подносить ложку къ розовымъ устамъ, но рука ея дрожитъ, ротъ невольно отворачивается. Наконецъ, она собираетъ послѣднія усилія, супружеская любовь торжествуетъ, и супругъ возвращается къ жизни. Я далъ подробный отчетъ въ ходѣ этой пьесы, потому что она, по мнѣнію моему, обрисовываетъ очень рѣз-

ко одну изъ сторонъ китайскаго театра: трудно понять, какъ можетъ общество, нѣсколько образованное, позволять представленіе такихъ нелѣпыхъ сценъ.

«Есть переводы китайскихъ піесъ, искуснѣе составленныхъ чѣмъ эта, которая принадлежитъ къ младенчеству драматическаго искусства; однакожь, она можетъ дать о немъ понятіе европейскимъ читателямъ, если я только умѣлъ разсказать ее хорошо.

«Актеры вообще хороши; отдавъ дань народному вкусу, принявъ хладнокровно коверканье мужчинъ и фальшивую грацію женщинъ, которую картинки передаютъ довольно вѣрно, нельзя не сознаться, что игра ихъ полна естественности и живости. Мы не могли не восхищаться нѣкоторыми моментами въ роли молодаго ученаго. Впрочемъ лучшимъ свидѣтельствомъ несомнѣннаго таланта актеровъ служить то, что мы съ любопытствомъ слѣдили за пантомимой цѣлой піесы, изъ которой, разумѣется, не могли понять ни одного слова.

«Нѣкоторыя мѣста произвели сильное впечатлѣніе на публику; особенно пробудили ея любопытство сцены между вампиромъ и ученымъ, и между вдовой и прокаженнымъ. Общее волненіе выражалось самымъ сильнымъ безпокойствомъ; всѣ головы вытягивались; сзади такъ подвигались впередъ,

что зрители первыхъ рядовъ упирались въ самую сцену; но ни разу не слышалось громкаго говора, который бы означалъ порицаніе или похвалу. Удивительно безмолвіе этой толпы, чрезвычайно сжатой и почти неизчислимой.

«Труппа, которую мы видѣли, состояла изъ однихъ только мужчинъ; молодые мальчики играли роли женщинъ; нельзя было догадаться, что они не женщины, по ихъ тоненькимъ голосамъ, вертлявости и одеждѣ. Однакожъ, женщинамъ, кажется, не запрещено играть на сценѣ, потому что Девисъ, въ своемъ путешествіи въ Китай, положительно говоритъ, что бракъ между актрисой и чиновникомъ уничтожается самъ собою, и женихъ и невѣста наказываются шестидесятью ударами.»

Эти подробности очень любопытны и свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ частномъ развитіи народовъ, потому что у нихъ могли проявиться такіе результаты. Жансини, видѣвшій театръ въ Китаѣ, въ Индустанѣ и Явѣ, сохранилъ воспоминанія о подобныхъ піесахъ, которыя были сыграны кочующими актерами съ истиннымъ талантомъ. Мы смотримъ на эти факты, какъ на естественныя послѣдствія той особенной цивилизаціи, до которой достигли народы крайняго Востока, каждый по своему положенію; эта

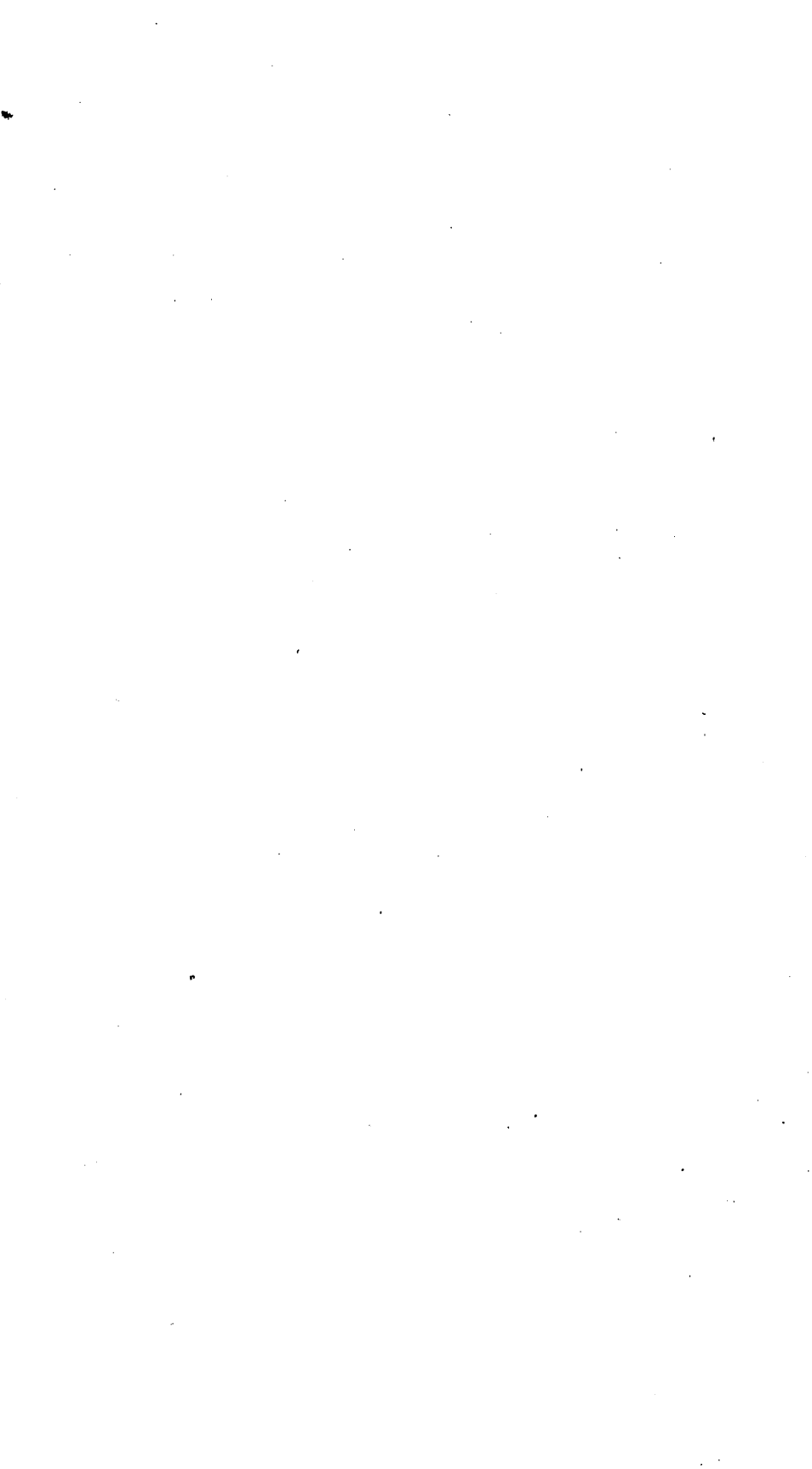
цивилизация имѣла свои относительные успѣхи, но ея послѣднее слово сказано давно и она, въ паденіи своемъ, должна будетъ уступить мѣсто новому ряду идей и понятій. Этотъ новый рядъ идей принесутъ Европейцы и положительныя ихъ науки.

Но пора воротиться къ голландской миссіи, которую мы должны доставить въ Дециму.

Передъ отъѣздомъ изъ Огозаки, Голландцы получаютъ разные товары или предметы искусствъ и рѣдкости, которые они заказали при проѣздѣ въ Іедо. Также передъ отъѣздомъ съ большаго острова Ниппона, они запасаются разными домашними потребностями, напр. древеснымъ углемъ, который трудно достать въ Децимѣ и за большія деньги. Всѣ закупки отправляются водою вмѣстѣ съ тяжеловѣснымъ багажемъ. Чины миссіи ѣдутъ въ *Амагазаки*, по рѣкѣ *Іодо-гава*. Хозяинъ дома и нѣсколько друзей провожаютъ Голландцевъ; къ нимъ присоединяются также нѣсколько дамъ и содѣйствуютъ пріятности путешествія. Послѣдній этапъ въ *Ягами*, гдѣ миссія имѣетъ ночлегъ и куда собираются пріятели ея изъ Нагазаки и переводчики, для поздравленія Голландцевъ съ счастливымъ окончаніемъ путешествія. Здѣсь осматриваютъ чемоданы и сундуки путешественниковъ въ послѣдній разъ; таможня или по-

лиція налагаетъ свои клейма на всѣ товары. Но этотъ осмотръ производится небрежно съ намѣреніемъ; запрещенныя статьи, купленные по дорогѣ и прибавленныя къ имуществу путешественниковъ, не конфискуются, не изъ уваженія къ Европейцамъ, а для покровительства спекуляціямъ Японцевъ, которые провожали миссію.

Въ слѣдующее утро, между Ягами и Нагазаки, всѣ знакомые Голландцевъ являются встрѣчать ихъ. При приходѣ большой барки съ тяжелымъ грузомъ, начальникъ факторіи даетъ обѣдъ тому *гобаніюзи*, который провожалъ миссію въ Іедо. Черезъ нѣсколько дней онъ ѣдетъ съ параднымъ визитомъ къ губернатору Нагазаки, и такимъ образомъ кончается важное дѣло, — періодическая поѣздка ко двору *сіюгуна*.

ОЧЕРКЪ ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ.

Отнеся времена до-историческія въ тотъ отдѣлъ, гдѣ будетъ говорено о японской мифологіи и разныхъ религіозныхъ сектахъ, мы займемся здѣсь только достовѣрною исторіею Японіи. Въ описаніе наше войдутъ только событія, обозначающія народный характеръ, и эпохи, любопытныя или для моралиста, или для историка и политическаго человѣка.

Достовѣрная исторія Японіи начинается съ перваго смертнаго владыки, *Зинъ-мо-тенъ-воо*, котораго имя значитъ *божественный воинъ* или *божественный завоеватель*. Изъ этого можно заключить, что онъ завоевалъ Ниппонъ. Какъ бы то ни было, онъ царствовалъ здѣсь, если вѣрить японскимъ лѣтописямъ, семьдесятъ-девять лѣтъ и выстроилъ *даири* или *храмъ-дворецъ*, посвященный богинѣ-солнца и основалъ имперію *Микадо*. Какое бы ни было его происхожденіе, былъ ли онъ

дѣйствительно основатель имперіи или, какъ думаетъ Клапротъ, просто воинъ и побѣдитель китайскій, всѣ *микадо* происходятъ отъ него по прямой линіи, даже до настоящей минуты. Утвержденіе его безусловной власти въ *Дай-Ниппонъ* вообще относятъ къ 660 году до Р. Х.

Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ всѣ *микадо*, во имя наслѣдственнаго права, пользовались самою неограниченною властію и даже, когда они передали начальство войсками сыновьямъ своимъ или родственникамъ, власть ихъ все таки оставалась безграничною. Первое зло, вѣроятно, нанесъ ей обычай, по которому *микадо* отрекались отъ власти въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, предоставляя ее дѣтямъ своимъ, еще малолѣтнимъ; этому злу отрекавшіеся *микадо* старались помочь тѣмъ, что управляли сами вмѣсто малолѣтнихъ. Наконецъ, одинъ *микадо*, женатый на дочери могущественнаго князя, отрекся отъ престола въ пользу своего трехлѣтняго сына. Честолюбивый дѣдъ малютки принялъ на себя регентство, а отрекшагося *микадо* лишилъ свободы. Изъ этого вспыхнула междоусобная война, во время которой явился на политическомъ поприщѣ *Йоритомо*, одно изъ знаменитѣйшихъ и важнѣйшихъ лицъ въ японской исторіи (онъ, кажется, былъ дальній родственникъ фамиліи *мика-*

до). Онъ возсталъ за лишеннаго свободы микадо противъ похитителя власти. Война длилась нѣсколько лѣтъ, и во время ея случилось событіе, давшее поводъ къ основанію монашествующаго ордена слѣпыхъ, о которомъ мы поговоримъ подробно ниже. Наконецъ *Йоритомо* восторжествовалъ, возвратилъ свободу заключенному отцу юнаго микадо и передалъ ему регентство, но *Фово* (какъ его звали) (*) недолго пользовался этимъ званіемъ.

Вся настоящая власть осталась въ рукахъ *Йоритомо*, котораго самъ онъ произвелъ въ званіе *сіо-и-дай-сіогунъ*, генералиссимуса, сражающагося противу варваровъ (**).

Старый, отрекшійся микадо умеръ, и *Йоритомо*, какъ намѣстникъ его, дѣйствительно управлялъ имперіею въ продолженіе двадцати лѣтъ. Власть его утвердилась постепенно, и наконецъ пріобрѣла такую силу, что при смерти его въ 1199 (или по Зибольду, въ 1200 году), сынъ его принялъ въ наслѣдство его титулъ или званіе, его достоинство и власть.

Послѣ перваго *сіогуна*, рядъ микадо-мла-

(*) *Фово* (*Гово*), по мнѣнію Клапрота, значитъ: императоръ, посвященный въ буддистскіе жрецы.

(**) Учрежденіе должности *сіогуна* относится къ 86-му году до Р. Хр., то есть, этому замѣчательному событію уже болѣе девятнадцати вѣковъ

денцевъ утвердилъ еще болѣе силу *сіюгуновъ*, и званіе ихъ превратилось въ наслѣдственное до такой степени, что лѣтописи начинаютъ уже упоминать объ отреченіи *сіюгуновъ*, о *сіюгунахъ малолѣтнихъ*, и о *наслѣдникахъ*, которые дерутся за это званіе. Эта важная перемѣна въ политическомъ устройствѣ Японіи получила такой характеръ во времена вдовы *Іоритомо*, что она, бывши уже буддистскою отшельницею, заняла престолъ и управляла вмѣсто малолѣтнаго *сіюгуна*. Она удержала власть за собою до самой своей смерти, и лѣтописи духовнаго двора называютъ ее *Ама-сіюгунъ* или *отшельница-сіюгунъ*. Но кажется кромѣ ея, не было другой женщины между *сіюгунами*. Хотя вся дѣйствительная власть перешла въ руки этихъ генералиссимусовъ; однакоже вся наружная власть и нѣкоторыя важныя преимущества оставались у *микадо*; на примѣръ, онъ могъ назначать и утверждать своего намѣстника, то-есть, *сіюгуна*. Такое правительство, состоявшее изъ самовластительнаго владѣльца и всемогущаго его намѣстника, поддерживалось во второй половинѣ XVI вѣка; въ это время *сіюгуны* были дѣйствительно хозяева имперіи, не то что теперь, незначительныя лица, безъ всякаго дѣла, и дѣйствующія только подъ вліяніемъ предсѣдателя совѣта.

Въ это-то время явились въ первый разъ Португальцы въ Японію, потому что корабль ихъ былъ отброшенъ противнымъ вѣтромъ къ японскимъ берегамъ, до тѣхъ поръ неизвѣстнымъ. Вотъ какъ туземный лѣтописецъ рассказываетъ это событіе: (*)

«При микадо Коцара (или Гонара) и при сіюгунѣ *Иози-Гару* (или *Иозе-Фаро*) въ двѣнадцатый годъ *ненго-тенбунъ*, въ двадцать второй день восьмага мѣсяца (въ октябрѣ 1543 года), иностранный корабль присталъ къ берегу Танега-Сима, близъ Куры, въ отдаленной провинціи Низимура. Люди, составлявшие экипажъ — ихъ было до двухъ сотъ — казались очень странными: языкъ этихъ незнакомцевъ былъ непонятенъ; отечество ихъ было столько же неизвѣстно, сколько и сами они. На кораблѣ находился Китаецъ, по имени Гогу, понимавшій писаніе; отъ него узнали, что корабль этотъ *нан-банъ* (**).

«26 числа привели этотъ корабль въ портъ Аку-оки въ сѣверо-западную часть острова; и Токи-таки, губернаторъ, приказалъ строжайше осмотрѣть его при посредствѣ бонза японскаго, который служилъ переводчикомъ

(*) Переводъ взятъ изъ Зибольда.

(**) Это значитъ южные варвары; *нан-манъ* (китайскія слова) здѣсь превратились въ японскія.

съ китайскаго. На кораблѣ южныхъ варваровъ находились два начальника, Мура-Сіукія и Криста-Мута. При нихъ было огнестрѣльное оружіе; тутъ впервые узнали Японцы этотъ родъ оружія, равно какъ и составленіе пороха.»

Японцы сохранили еще портреты (любопытные памятники графическаго искусства) господъ *Мура-Сіукія* и *Криста-Мута*, въ которыхъ Португальцы узнаютъ Антоніо Мота и Франческо Зеймото; это, какъ извѣстно, первые Португальцы, видѣвшіе Японію.

Въ то время Японцы были народъ торговый, и торговали, по увѣреніямъ лѣтописцевъ, дѣятельно и выгодно съ шестнадцатью сосѣдними странами. Они съ радостію принимали иностранцевъ, которые привезли имъ новые товары и новыя произведенія своей промышленности; они скоро распространили сношенія съ Португальцами, и даже давали тѣмъ, которые оставались въ Японіи, своихъ дочерей въ замужство. Іезуитскіе миссіонеры, прибывшіе вскорѣ потомъ, тоже были хорошо приняты и могли свободно проповѣдывать среди этихъ народовъ, склонныхъ къ принятію новыхъ идей и возвышенныхъ чувствъ. Быстрые и необычайные успѣхи іезуитовъ удивили христіанскій міръ.

Даже въ Міяко, почти въ самомъ *даири*, и можетъ быть даже въ недоступномъ мѣ-

стѣ, они считали своихъ неопитовъ. Блистательныя надежды истребила междоусобная война, которая вначалѣ обѣщала установленіе христіанства въ Японіи. Упадокъ и разрушеніе этихъ надеждъ должно приписать, какъ мы увидимъ послѣ, политическимъ причинамъ; и еслибъ іезуиты рѣшились не вмѣшиваться по обыкновенію своему въ туземное управленіе, то христіанство можетъ быть было бы теперь религіею всей Японіи. Къ сожалѣнію матеріальныя выгоды пробудили въ іезуитахъ неумѣстное и гибельное властолюбіе. (*)

Въ половинѣ XVI вѣка, два брата, изъ потомковъ Іоритомо, вступили въ борьбу за достоинство *сіюгуна*: Князья имперіи приняли сторону того или другаго; иные сражались противъ обоихъ, стараясь добыть себѣ независимость. Въ это время междоусобная война охватила всю Японію. Во время войны противники погибли, и князья-вассалы начали сражаться за вакантное званіе.

Сильнѣйшій и искуснѣйшій изъ нихъ былъ Нобунага, князь *Овари*, отъявленный другъ одного изъ братьевъ-соперниковъ,

(*) Іезуиты не разъ вредили распространенію святыхъ христіанскихъ истинъ; вредъ, нанесенный ими религіи и нравственности, наиболѣе замѣтенъ въ Японіи.

пока онъ былъ живъ. Послѣ смерти его, Нобунага взялся за оружіе въ собственную свою пользу. При сильной помощи храбраго и талантливаго сподвижника своего *Гиде-Іози* или *Фиде-Іози*, который служилъ ему и успѣлъ вкрасться въ его довѣренность, князь *Овари* восторжествовалъ надъ соперниками и овладѣлъ званіемъ сіюгуна; микадо утвердилъ его въ этой должности, чувствуя, что не въ-силахъ противиться ему. Новый сіюгунъ наградилъ *Гиде-Іози* знатною военною должностію, и сначала показывалъ себя ревностнымъ другомъ христіанъ и миссіонеровъ.

Потомъ Нобунага былъ убитъ какимъ-то хищникомъ, который такимъ образомъ присвоилъ себѣ званіе сіюгуна. Вскорѣ убійца тоже погибъ, отъ чего произошло смятеніе, во время котораго *Гиде-Іози* завладѣлъ верховною властію, предметомъ распрей и раздоровъ. На этотъ разъ, микадо опять утвердилъ то, чему не могъ помѣшать, и отдалъ храброму *Гиде-Іози* званіе сіюгуна, подъ новымъ именемъ Тайко, или Тайко-Сама, то есть, господинъ Тайко.

Тайко, вступивъ въ свое званіе, нанесъ первые удары христіанству, изъ опасенія іезуитовъ, покорилъ Корею, которая освободилась послѣ побѣды императрицы *Син-гукво-гу*, и объявилъ намѣреніе покорить Китай,

когда смерть остановила его. Тайко-Сама умеръ шестидесяти трехъ лѣтъ, въ 1598 году. (*)

Единственному его сыну, *Гиде-Иори*, было только шесть лѣтъ. (**)

Отецъ думалъ, умирая, что обезпечить ему власть, если женить его на внукѣ *Иеяса* или, какъ пишетъ *Зибольдъ*, *Ie-Iasou* или *Ijejasu*, могущественнаго князя *Микавы*, своего особеннаго друга и совѣтника, котораго онъ наградилъ тремя прибавочными княжествами. Онъ принялъ отъ *Иеяса* торжественное обѣщаніе, что *Гиде-Иори* будетъ признанъ *сіогуномъ* какъ скоро ему минетъ пятнадцать лѣтъ.

Смерть Тайко-Сама послужила поводомъ къ новымъ насильственнымъ попыткамъ вассальныхъ князей освободиться по наружности отъ власти микадо, а въ сущности отъ власти *сіогуна*. Между тѣмъ властолюбивый измѣнникъ *Иеясъ*, давно уже желавшій пріобрѣсть власть, которую обѣщаль удержать за супругомъ своей внуки, подготовлялъ тайно смятеніе въ пользу своихъ намѣреній. Подъ предлогомъ опекунства надъ *Гиде-Иори*,

(*) Замѣчательно, что Тайко-Сама былъ очень низокъ ростомъ.

(**) *Кемпферъ*, *Шарльвуа*, и др. называютъ его *Фиде-Иори*.

онъ выпрашивалъ у микадо разныя титла, все выше и выше; наконецъ выпросилъ титулъ *сіюгуна*, и началъ явную войну противъ настоящаго *сіюгуна*, своего внука, съ которымъ онъ былъ связанъ такими священными узами и присягой. Юнаго *Гиде-Іори* поддерживали всѣ японскіе христіане. Онъ оказывалъ христіанамъ особенное благоволеніе, и еслибъ восторжествовалъ, то христіанство вѣроятно было бы религіею всей Японіи!

Но въ 1615 году *Іеясъ* осадилъ супруга своей внуки во дворцѣ Огозаки, и овладѣлъ этою крѣпостію измѣной. Другихъ крѣпостей не оставалось у его противника. Неизвѣстно, что случилось съ несчастнымъ *Гиде-Іори*. По мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ зажегъ дворецъ и погибъ въ пожарѣ, видя, что придется попасть въ непріятельскія руки; по увѣреніямъ другихъ, онъ успѣлъ спастись во время пожара и бѣжалъ въ главный городъ *Сацуму*, гдѣ потомки его живутъ до сихъ поръ. Достовѣрно только то, что *сіюгуны* особенно снисходительны къ князьямъ *Сацумы*, и охотно женятся на ихъ дочеряхъ. Супруга нынѣшняго *сіюгуна* взята оттуда же.

Іеясъ, во время этихъ смятеній припимавшій имена *Дан-фу-Сама* и *Онгонхіо*, рѣшился удержать въ своемъ потомствѣ титулъ *сіюгуна*.

Это удалось ему, потому что онъ во всемъ слѣдовалъ предположеніямъ Тайко-Сама. Онъ ослабилъ главнѣйшихъ вассаловъ, нѣкоторыхъ совершенно разорилъ, отдалъ конфискованныя провинціи своимъ приверженцамъ и младшимъ изъ своихъ дѣтей, и ослабилъ всѣ удѣлы, сколько могъ, раздробивъ ихъ на малыя части. Онъ отнялъ даже у микадо ту незначительную власть, которую оставилъ ему Тайко-Сама, и довелъ сына боговъ до того незавиднаго положенія, которое мы уже изобразили. Наконецъ онъ сильно преслѣдовалъ христіанъ и иностранныхъ миссіонеровъ, приверженцевъ своего противника. Зибольдъ рѣшительно основываетъ это преслѣдованіе на политическихъ, а не на религіозныхъ причинахъ. Эти же самыя причины, въ слѣдующее царствованіе, повлекли за собою ту систему исключенія и запрещенія, которая до сихъ поръ дѣйствуетъ въ Японіи. Зибольдъ, впрочемъ, передаетъ только мнѣніе Кемпфера, который сожалеетъ о бесполезныхъ жестокостяхъ во время этого продолжительнаго и безпримѣрнаго преслѣдованія.

Вотъ что говоритъ объ этомъ Кемпферъ (см. т. II стр. 68 и слѣд. въ прибавленіи):

«По этимъ важнымъ причинамъ Тайко остановилъ успѣхи Португальцевъ, которые

получали уже много вѣса въ Японіи; онъ также началъ останавливать и тѣхъ, которые принимали христіанство. Однако же онъ мало подвинулся въ этомъ дѣлѣ, которое по видимому требовало много времени. Онъ вскорѣ умеръ, предоставивъ наслѣдникамъ своимъ довершить начатое. Они приказали, подъ страхомъ смертной казни распятіемъ, всѣмъ Португальцамъ и христіанамъ — Японцамъ и всему ихъ духовенству немедленно выѣхать изъ имперіи. Прочимъ же Японцамъ приказано было впредь никуда не выѣзжать, находящимся за границей — воротиться домой въ извѣстный срокъ; если пропустятъ его, то будутъ казнены такою же казнію, если ихъ поймутъ. Наконецъ требовалось, чтобы принявшіе христіанскую вѣру немедленно отъ нея отказались. Не безъ большихъ затрудненій приведены эти приказанія въ исполненіе. Новые христіане не поддавались убѣжденію; слѣдовало дѣйствовать мечемъ, висѣлицей, огнемъ и другими страшными средствами, чтобы убѣдить ихъ и заставить думать, что они заблуждаются. Не смотря на эти жестокія муки и разнообразіе наказаній, вымышленныхъ неумолимыми палачами, христіане, къ стыду язычества, съ радостію запечатлѣвали кровію истины христіанскія, на тѣхъ крестахъ, на которыхъ ихъ вѣшали. Они показали столько примѣровъ терпѣнія, что са-

мые враги ихъ были поражены удивленіемъ и изумленіемъ.

«Это жестокое гоненіе, которому нѣтъ подобнаго въ исторіи, продолжалось около сорока лѣтъ. *Туемицъ*, внукъ *Іеяса*, наконецъ нанесъ послѣдній ударъ христіанству; онъ истребилъ, съ безпримѣрнымъ варварствомъ, послѣднихъ христіанъ въ Японіи: въ одинъ день избито ихъ до тридцати семи тысячъ. Отчаяніе и казни, расточенныя ихъ братьямъ, принудили ихъ заключиться въ замокъ Симабара, на берегахъ Арима, съ твердымъ намѣреніемъ защищаться до послѣдней капли крови. Замокъ былъ взятъ, послѣ трехмѣсячной осады, въ двадцать восьмой день втораго мѣсяца періода *каніе*, то есть, 12 апрѣля 1638 года; тутъ произошла послѣдняя сцена этой кровавой трагедіи, и когда пролили христіанскую кровь до послѣдней капли, убійства и гоненіе прекратились въ 1640 году. Такъ Японская Имперія заперлась навсегда, какъ для туземцевъ, такъ и для иностранцевъ. Напрасно Португальцы, поселившіеся въ Макао, посылали великолѣпное посольство въ Японію: ни народное право, ни священный санъ пословъ не могли избавить ихъ отъ казни, на которую японское правительство осуждало всѣхъ, кто осмѣливался являться въ имперію въ противность объявленнаго закона. Посламъ и всей

ихъ свитѣ (всего семьдесятъ одному человѣку) отрубили головы (*).

«Исключили только нѣкоторыхъ, самыхъ низшихъ служителей, чтобы они могли передать своимъ соотечественникамъ страшное извѣстіе объ этомъ звѣрскомъ и непростибельномъ убійствѣ.

«Когда дѣла находились въ такомъ положеніи и имперія была заперта со всѣхъ сторонъ, ничто уже не могло мѣшать видамъ и желаніямъ свѣтскихъ властителей. Имъ нельзя уже было бояться торговли и вліянія тѣхъ, которыхъ они принимали и которымъ дозволяли жить въ своемъ государствѣ.

«Иностранные нравы и обычаи, занесен-

(*) «Окончивъ это кровавое жертвоприношеніе, остальныхъ тридцать человѣкъ привели обратно въ тюрьму.... Корабль сожгли на другой день, а уцѣлѣвшимъ показали мѣсто казни и головы ихъ товарищей, разложенныя на доскахъ, съ надписью повелѣнія *Тозогуна*: «Впредь, пока солнце будетъ свѣтить міру, никто да не приѣзжаетъ въ Японію моремъ, даже подъ именемъ посла, и приказаніе это не можетъ быть никогда отмѣнено; отмѣняющему — смертная казнь, не исключая даже самого *хиса*, владыку всѣхъ японскихъ божествъ.»

«Японцы такъ желали истребить даже воспоминаніе о христіанской вѣрѣ, что въ этомъ случаѣ не спросили даже семи сотъ тысячъ экю, которые купцы въ Макао были имъ должны: «См. *Relation de la province du Japon*; переводъ съ португальскаго на итальянскій, и съ итальянскаго на французскій О. Фр. Лаіе (Lahier). *Tournaу*. 1645 года.

ные туземцами или введенные между ними чужеземцами, были первымъ и главнымъ предметомъ этой реформы. Карты, кости, дуэли, роскошь, изысканность въ столѣ и въ платьяхъ, и всѣ иностранныя сласти были причислены къ препятствіямъ, мѣшающимъ добродѣтели и воздержанію. Даже священныя истины христіанской религіи были объявлены несовмѣстными съ новою формою правленія, съ спокойствіемъ имперіи, съ поклоненіемъ богамъ, и съ властію микадо или духовныхъ наслѣдственныхъ императоровъ. Торговля и поѣздки туземцевъ въ чужія земли и пріѣздъ иностранцевъ въ Японію признаны вредными для общественнаго мира, потому что питаютъ стремленіе къ иностраннымъ обычаямъ, которое не можетъ согласоваться съ существеннымъ устройствомъ страны и геніемъ народа. Словомъ приписали всѣ бѣдствія, претерпѣнныя государствомъ или могущія случиться, иностраннымъ нравамъ и обычаямъ;—вообразили, что нельзя возстановить здоровья въ тѣлѣ, если не отрѣзать отъ него зараженныхъ частей; и тщетно надѣялись бы на истребленіе зла, еслибъ не истребили его корня.

«Таково было положеніе и направленіе имперіи въ то время; новая форма правленія, свойство страны и самоохраненіе ми-

кадо побуждали запретить имперію, навсегда изгнать изъ нея иностранцевъ и иноземные обычаи. Поэтому императоръ и его совѣтники рѣшили неотмѣнимымъ закономъ, что имперія заперта навсегда.»

Зибольдъ, въ 1846 году, то есть, черезъ сто пятьдесятъ четыре года послѣ Кемпфера говорилъ:

«Законъ, отдалившій Японцевъ отъ прочихъ народовъ, запретившій первымъ выходъ изъ имперіи, а вторымъ въѣздъ въ нея, за исключеніемъ нѣсколькихъ Голландцевъ и Китайцевъ,—этотъ законъ заставилъ туземцевъ дѣлать бѣольшую часть произведеній, которыя привозились извнѣ. Предавшись искусствамъ и разрабатывая отечественную почву, изобрѣтательный народъ скоро нашелъ средства и матеріалы, для замѣна важнѣйшихъ привозныхъ статей.

«Внѣшняя торговля, прежде цвѣтушая, почти уничтожилась, а промышленные успѣхи туземцевъ еще болѣе увеличили преграду, которую правительство поставило между ними и иностранными торговцами.

«Сырыя произведенія страны увеличивались въ цѣнѣ, по мѣрѣ того, какъ Японцы приучались обходиться безъ привозныхъ товаровъ; однакожъ продолжали покупать дорогою цѣною нѣкоторыя произведенія, сдѣлавшіяся необходимыми для туземцевъ и

которыхъ сама Японія не могла доставлять по климату и почвѣ. Земледѣльческая и мануфактурная промышленность оказали значительные успѣхи. Страна производила въ огромномъ размѣрѣ хлопчатую бумагу, сахаръ, краски и медикаменты. Вездѣ трудолюбивыя руки производили ткани, орудія, посуду и предметы роскоши, такіе, что они могли соперничать съ тѣми, которые Японія получала прежде изъ самыхъ отдаленныхъ странъ. Имперія, раскинувшаяся подъ пятнадцатью градусами широты, соединяетъ столько различныхъ климатовъ, что почти всѣ провинціи доставляютъ свои собственные произведенія превосходнаго качества, что возбуждаетъ чрезвычайную дѣятельность обмѣновъ внутри государства, и даетъ имъ важность, какой они не имѣютъ въ другихъ странахъ міра.

«Значительная внутренняя торговля ускорила обращеніе монеты, которую въ прежнее время частные люди прятали въ свои сундуки или вывозили иностранные купцы при выѣздѣ изъ имперіи. Чтобы сохранить монету, необходимую для внутреннихъ торговыхъ сдѣлокъ, запретили Голландцамъ вывозить золото и серебро. Кромѣ того, сіюгунъ, въ видахъ осторожности, объявилъ себя единственнымъ обладателемъ драгоценныхъ металловъ, самъ пересталъ разрабо-

тывать нѣсколько рудниковъ и приказалъ всѣмъ князьямъ—вассаламъ, прекратить разработку въ принадлежащихъ имъ провинціяхъ.

«Между тѣмъ какъ виѣшняя торговля упала, въ слѣдствіе запрещенія ввозить металлы, необходимость платить иностранцамъ товарами покровительствовала внутренней промышленности. Богатства, народонаселеніе, дѣятельность, все быстро увеличилось, и общее движеніе развило роскошь и любовь къ искусствамъ, которыхъ проявленіе *сіогунъ* желалъ, изъ политическихъ видовъ, сосредоточить въ своей обширной столицѣ.

«Не смотря на ограниченіе, заморская торговля все-таки имѣла въ это время вліяніе на японскую промышленность. Приучивъ жителей къ потребностямъ, которыхъ они прежде не знавали, спекуляція подвинула ихъ на изобрѣтенія и открытія. Однакожъ, новыя произведенія были въ родѣ прежнихъ, и народный типъ восторжествовалъ надъ иностранными модами. Подражая промышленнымъ и художественнымъ произведеніямъ европейскимъ, Японцы всегда старались улучшить ихъ. Ихъ образъ жизни, нравы, обычаи и религія такъ отличны отъ нашихъ, что предметы, принаровленные къ нашему быту, никакъ не могутъ распространиться въ Японіи посредствомъ ввоза или подража-

нія. Пока японское народонаселеніе не породнится съ другими народами, внѣшняя торговля въ этомъ архипелагѣ не будетъ имѣть той важности, какую имѣетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ Европейцы посредствомъ большихъ заведеній сблизились съ туземцами или, покоривъ ихъ, принудили принять наши нравы и обычаи, для установленія выгодной мѣны между метрополіей и заморскими областями. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, нѣтъ надежды на соединеніе Японцевъ съ другими народами и на покореніе Японіи какою нибудь европейскою державою, равно какъ и на свободную торговлю между этою страной и Западомъ. Сначала надобно отвратить Японцевъ отъ ихъ религіозныхъ и государственныхъ учрежденій, къ которымъ они еще болѣе привязались, видя поведеніе Европейцевъ и особенно іезуитовъ съ 1560 по 1640 годъ. Послѣ печальной опытности, извлеченной Японцами и японскимъ правительствомъ изъ первыхъ дружескихъ сношеній съ Европейцами, они видятъ въ европейской торговлѣ только врага своему народному богатству; и всякую попытку къ введенію новой вѣры, считаютъ преступленіемъ противъ правъ господствующей династіи, которой основатель водворилъ миръ въ имперіи и которой члены поддерживали это спокойствіе, простирая систему исключенія

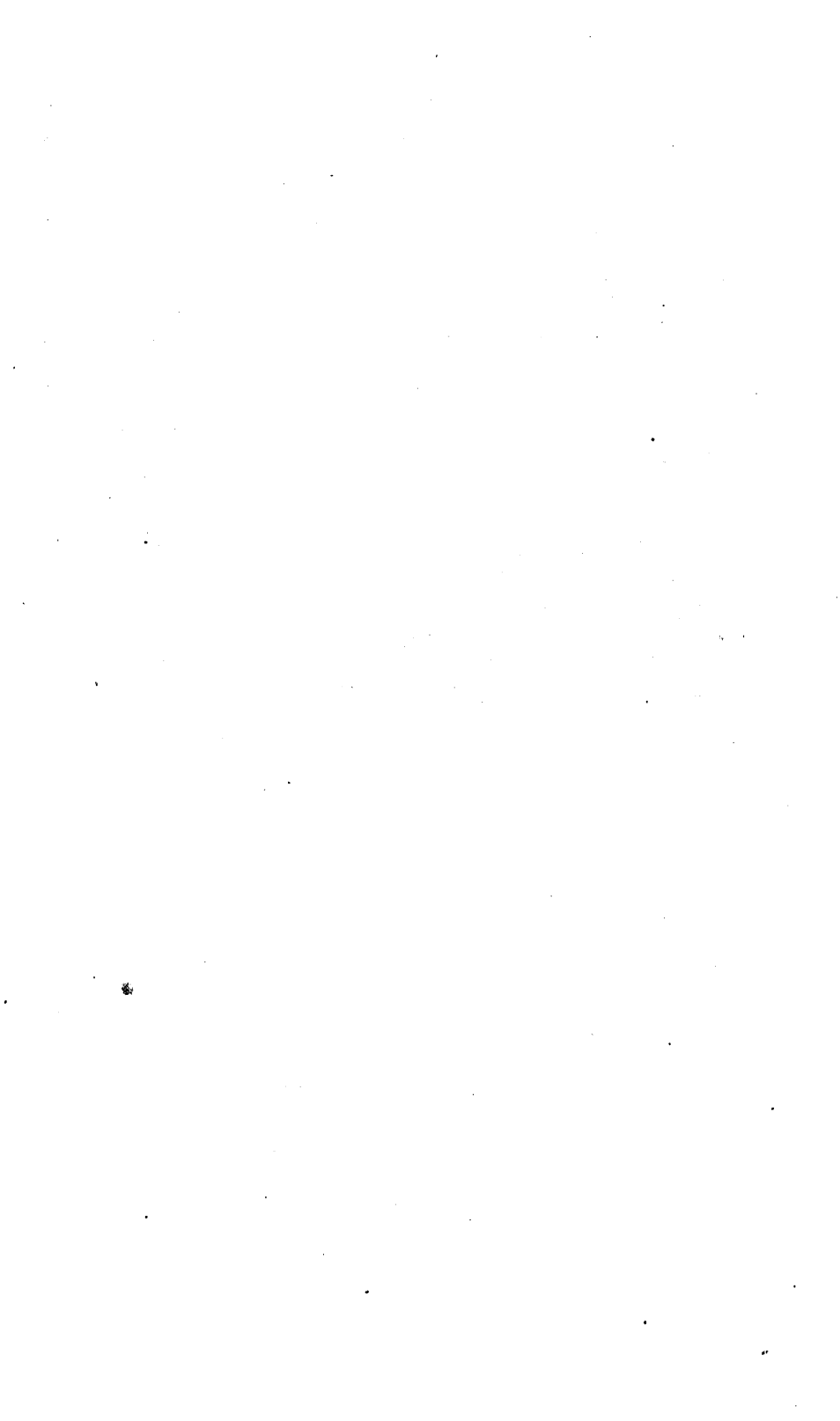
иностранцевъ до крайнихъ предѣловъ. Таковы политическія правила Японцевъ, на рода совершенно непохожаго на Китайцевъ, особенно въ политическомъ отношеніи.

«Впрочемъ торговля, которую ведутъ между собою эти островитяне, такъ усилилась, что правительство могло бы безъ важнаго ущерба отказаться отъ торговли съ иностранцами, особенно съ Европейцами, если бы его политика и уваженіе къ древнимъ обычаямъ не запрещали ему разорвать узы, которыми оно связано съ Голландцами. Повторяемъ, Японская Имперія почти не зависитъ отъ другихъ странъ, даже въ торговомъ отношеніи. При нынѣшнемъ ея пространствѣ, это цѣлый міръ; она можетъ бросить сношенія съ Европейцами, безъ всякаго для себя вреда. Малые сношенія, сохранившіяся съ Китаемъ, доставляютъ ей извѣстія о ходѣ событій въ старомъ мірѣ, и сверхъ того, иностранныя произведенія, къ которымъ привыкъ народъ. Впрочемъ японскіе купцы всегда имѣютъ товары, привозимые изъ Кореи, съ острововъ Лју-Кіу и Курильскихъ, съ острововъ, платящихъ дань Японіи и замѣняющихъ ей колоніи.» (*)

(*) См. *Moniteur des Indes orientales et occidentales*, и пр. Т. I, 1846 года.

Что вывести изъ этихъ свидѣтельствъ?
Что думать о будущности Японіи?

Первый *наслѣдственный* министръ, который всѣмъ управляетъ, можетъ быть, захочетъ быть полнымъ владыкой; можетъ быть, онъ оставитъ Іедо *сіогуну*, какъ Міяко оставлено *сыну неба* (микадо), и заведетъ третій дворъ, гдѣ будетъ жить представителемъ намѣстника микадо! Но все-таки основная мысль учрежденій не измѣнится. Японія, все еще поставленная подъ особенное покровительство богини Солнца, будетъ всегда для Японцевъ, какъ и теперь, первою страной въ мірѣ. Не внутри этой страны надо искать причинъ, по которымъ можетъ произойти перемѣна. Переворотъ, могущій измѣнить Японію, придетъ извнѣ. Европа не дозволитъ ей жить въ такомъ одиночествѣ, какъ уже случилось съ Китаемъ, и довольствоваться собственными своими средствами. Какъ это совершится, войною или вліяніемъ наукъ, искусствъ, промышленности на жителей Японіи, жаждущихъ познаній и умственныхъ и матеріальныхъ удовольствій? Рѣшенія этого вопроса нельзя предвидѣть....

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ЯПОНИИ.

Вообще смотрять на японское правительство, какъ на деспотическое, и похожее, во всемъ на другія восточныя; но между ними есть различіе. Въ Японіи неумолимый и непреклонный властитель—это преданіе, всегда неизмѣнное и имѣющее силу закона. *Микадо* (сынъ неба) и его намѣстникъ *сіогунъ* столь же повинуются его непреложности, сколько и послѣдній изъ Японцевъ.

Японія — имперія *феодалная*, въ строжайшемъ смыслѣ слова; *микадо*, въ качествѣ наслѣдника и представителя боговъ, считается владыкой и повелителемъ имперіи; *сіогунъ* его намѣстникъ и повѣренный. За исключеніемъ части, отчисленной къ престолу, вся имперія раздѣлена на княжества, розданныя наслѣдственнымъ владѣльцамъ; ниже этихъ главныхъ владѣльцевъ, зѣмли еще подраздѣляются и принадлежать малымъ владѣльцамъ, которые обязаны доставлять на свой счетъ людей въ императорскую армію.

Безсиліе *микадо*, этихъ владыкъ безъ власти, окруженныхъ множествомъ самыхъ странныхъ почестей, довольно ясно. Поэтому то, какъ уже сказано, они спѣшатъ сбросить бесполезную ношу и отречься отъ своего званія, которое переходитъ къ одному изъ ихъ сыновей. Но отказываясь отъ верховнаго сана, они получаютъ не много свободы; по крайней мѣрѣ избавляютъ себя отъ необходимости сидѣть на одномъ мѣстѣ цѣлые дни безъ всякаго движенія; вѣроятно, послѣ отреченія, имъ дозволяется двигаться (*).

Второе государственное лицо въ Японіи (хотя оно третье или четвертое въ дворянской іерархіи) есть наместникъ *микадо*, называемый *сіогунъ* или *кубо* (**).

(*) Нѣкоторые независимыя отъ людей обстоятельства много повредили достоинству *микадо*, потому что насильно заставили его ходить. О нихъ упоминаютъ японскія лѣтописи. Такъ въ 1788 году, во время пожара, разрушившаго до тла городъ Міяко, *микадо* принужденъ былъ ѣхать въ обыкновенномъ своемъ экипажѣ (на волахъ), потомъ идти пѣшкомъ, и наконецъ бѣжать, чтобы избавиться отъ пламени!... Сынъ неба, при этомъ случаѣ, пытался въ продолженіе двухъ дней обыкновеннымъ рисомъ (ему всегда выбираютъ лучший рисъ по зернышку) и употреблялъ ту же посуду безъ перемѣны!!!

(**). *Сіогунъ* (Клапротъ говоритъ, что произносятъ *сеогунъ*) пишется по японски *сидъ гоунъ*; это китайское выраженіе *tsianghioun*, соответствующее нашему главнокомандующему.

Называютъ его этими двумя именами, однакожь они вовсе не синонимы. Клапротъ полагаетъ, что титулъ сіюгуна лучше идетъ къ обязанностямъ его должности, а Зибольдъ убѣжденъ, что и самъ сіюгунъ такъ думаетъ, потому что самъ употребляетъ этотъ титулъ. Много писателей представляютъ его неограниченнымъ распорядителемъ; но разсмотрѣвши тѣхъ же писателей, легко убѣдиться, что власть его столько же воображаема, сколько власть его верховнаго начальника; онъ живетъ какъ и микадо, въ совершенномъ уединеніи и также подчиненъ всѣмъ условіямъ обычая и надзора.

Только весьма рѣдко сіюгунъ можетъ выходить изъ своего дворца, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ не ѣздитъ, а посылаетъ повѣренныхъ, на поклоненіе или, какъ говорятъ Японцы, для привѣтствія *микадо*. Государственныя дѣла едва достойны занимать его; и его время такъ разобрано требова-

Не слѣдуетъ писать *djogoun*, какъ находимъ у нѣкоторыхъ писателей; согласная *dj* не существуетъ у Японцевъ.

Титулъ *кубо* (дворецъ) прилагается иногда, но очень рѣдко, къ микадо; чаще употребляютъ его, относя къ сіюгуну, съ прибавкою слова *сама* (владѣлецъ), и говорятъ *кубо-сама* (владѣтель дворца). Иногда же называютъ сіюгуна *тенка* или *тенка-сама*. Титсингъ говоритъ, что часто называютъ его *Кіо*. — *Микадо* слово въ слово значитъ *Сынъ неба*.

ніями этикета, что ему невозможно было бы предоставить часть въ день на занятія управленіемъ имперіи, еслибъ даже пришла ему охота заняться государственными дѣлами.

Оффиціальныя торжества, аудіенціи, принятіе привѣтствій и подарковъ отъ особъ, которымъ это дозволено, равно и раздача подарковъ въ множество пріемныхъ дней, могли бы наполнить жизнь трехъ человѣкъ. Но важныя церемоніи управляются цѣлою арміею придворныхъ, которые занимаютъ разныя домашнія должности и безпрестанно окружаютъ *сiогуна*. Онъ не занимается дѣлами, которыя предоставлены совѣту имперіи. Въ настоящую минуту этотъ совѣтъ сосредоточиваетъ въ себѣ всю исполнительную власть.

Писавшіе объ Японіи не согласны на счетъ числа членовъ этого совѣта; Зибольдъ говоритъ, что ихъ всего тринадцать; пять совѣтниковъ перваго разряда, изъ князей, и восемь совѣтниковъ втораго разряда, изъ дворянъ. Есть министры, не члены сего совѣта: это *господа храма*, которые, хотя и свѣтскіе, занимаются духовными дѣлами, и тѣ два министра, которыхъ иные называютъ комиссарами иностранныхъ дѣлъ, другіе полицейскими чиновниками. Такое смѣшеніе очень понятно, потому что японскія сноше-

нія съ иностранцами производятся по бѣльшей части въ полицейской сферѣ. Совѣтниковъ обоихъ разрядовъ выбираютъ изъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій. Одинъ изъ совѣтниковъ перваго разряда предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ. Онъ называется *губернаторомъ имперіи* и долженъ быть изъ потомковъ знаменитаго министра *Ино-камо-но-ками*. Обязанности президента нѣсколько похожи на должность перваго министра (какъ это званіе принимается въ Европѣ), или лучше сказать, это верховный визирь, съ чрезвычайно-обширною властію. Всѣ прочіе совѣтники и всѣ начальники разныхъ управленій подчинены ему. Ничего важнаго не предпринимаютъ безъ его содѣйствія въ Японіи.

Дѣла докладываются совѣту, и онъ рѣшаетъ почти всѣ вопросы; онъ утверждаетъ или смягчаетъ смертные приговоры, назначаемые губернаторами, раздаетъ высшія должности и переписывается съ мѣстными властями. Когда встрѣтится затрудненіе въ ходѣ дѣла, потому ли что законъ не ясенъ или не встрѣчалось подобныхъ примѣровъ, самые высшіе сановники не могутъ обойтись безъ разрѣшенія совѣта и ждутъ пока онъ укажетъ имъ путь. У cadaго совѣтника своя особая часть, за которую онъ отвѣчаетъ по всѣмъ текущимъ дѣламъ; но какъ скоро дѣло коснется до чего нибудь важнаго, то оно

вносится въ общій совѣтъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ *губернаторъ имперіи*.

По разсмотрѣніи дѣла въ совѣтѣ, оно иногда поступаетъ на разрѣшеніе *сіюгуна*. Чаше всего онъ утверждаетъ, не спросивъ даже о чемъ идетъ рѣчь; однакожъ, случается (хотя и рѣдко), что ему приходится на умъ заняться дѣлами, и онъ отказывается утвердить совѣтское рѣшеніе, или по убѣжденію или по какимъ нибудь постороннимъ важнымъ причинамъ. Ходъ дѣла въ подобномъ случаѣ опредѣленъ *закономъ*. Проектъ рѣшенія не уничтожается, какъ могутъ подуматъ, которые воображаютъ, что *сіюгунъ* обладаетъ неограниченною властію; нѣтъ, проектъ представляется тремъ принципамъ крови, ближайшимъ родственникамъ *сіюгуна*, и въ томъ числѣ его законному наслѣднику, если онъ совершеннолѣтній. Приговоръ ихъ неотмѣнимъ; онъ влечетъ за собой важныя послѣдствія, которыя ужасають Европейцевъ.

Если приговоръ оправдываетъ членовъ совѣта, *сіюгуну* остается только отказаться отъ своего достоинства въ пользу сына или законнаго наслѣдника, потому что онъ не можетъ взять назадъ прежнее мнѣніе. Такія отреченія, по разнымъ причинамъ, такъ часты, что имъ дано особенное имя, *инкию* (*inkiou*). Въ Японіи есть особые дворцы, назначенные для житія *сіюгуновъ*, послѣ отрече-

ченія. Какъ скоро принцы крови произнесли неблагопріятный приговоръ, *сіогунъ* уѣзжаетъ въ новый дворецъ, оставляя императорскій своему преемнику.

Въ противномъ случаѣ, т. е. когда отвергается мнѣніе совѣта, послѣдствія страшнѣе: министръ, предложившій про-
ектъ и защищавшій его, и часто съ нимъ
весь совѣтъ (не исключая и президента)
должны, по японскому обычаю, распороть
себѣ брюхо. Такая страшная развязка слу-
чается не часто; но есть подобные при-
мѣры. Если прибавить къ этому, что всѣ
члены совѣта, вмѣстѣ и каждый отдѣльно,
безпрестанно окружены явными и тайными
шпіонами, на счетъ начальниковъ, подчинен-
ныхъ, самыхъ членовъ совѣта; то понятно,
что эти министры, повидимому столь могу-
щественные, не могутъ сдѣлать лишняго ша-
га, нарушить законъ малѣйшимъ образомъ,
безъ немедленнаго и страшнаго наказанія.

Сіогунъ и его совѣтъ особенно заботятся
о власти князей, вассаловъ имперіи. Этихъ
владѣтельныхъ княжествъ, переходящихъ по
наслѣдству и подлежащихъ конфискаціи толь-
ко въ случаѣ измѣны, прежде считалось шесть-
десятъ восемь. Но во время междоусобныхъ
войнъ, владѣнія соперниковъ раздробились на
малые участки. Теперь существуетъ шесть-
десятъ четыре отдѣльныхъ удѣла, которые

заклучаютъ въ себѣ княжества, провинціи и императорскіе города.

Князья (по японски — *кок'сiу* или господа земли) раздѣляются на два класса: *даимиу*, (многодостопочтенные) и *саимиу* (многопочтенные); первые зависятъ прямо отъ микадо; вторые отъ сiогуна (*).

И тѣ и другіе считаются полными владѣльцами своихъ удѣловъ; они окружены всѣми признаками неограниченной власти, и каждый изъ нихъ, съ помощію своихъ вассаловъ, содержитъ особое войско. Не смотря на то, самый сильнѣйшій изъ нихъ ничего не можетъ начать противъ сiогуна или его совѣта. При строгомъ надзорѣ за ними, совѣту извѣстны малѣйшія подробности ихъ частной жизни; они живутъ въ такомъ стѣсненіи, что часто прибѣгаютъ къ послѣднему средству, то-есть, къ *инкиу* или отреченію въ пользу сына; поэтому въ Японіи рѣдко встрѣтишь немолодаго владѣтельнаго князя (**).

Каждое изъ княжествъ управляется не княземъ, и не его министрами, а двумя *гокаро-*

(*) *Даимиу* и *саимиу* соотвѣтствуютъ англійскому *most noble* и *right honorable*.

(**) Фишеръ говоритъ, что князь *Сацумы* — достойный уваженія старецъ; но это, можетъ быть, единственное исключеніе.

сами, или секретарями совѣта; одинъ изъ нихъ живетъ въ самомъ княжествѣ, другой въ Іедо, гдѣ также удерживаютъ семью отсутствующаго секретаря. Такимъ образомъ, на каждую должность въ провинціи опредѣлено по два чиновника; они смѣняются по очереди, и свободный живетъ цѣлый годъ въ своемъ семействѣ. Эти секретари, опредѣленные къ удѣльнымъ князьямъ, управляютъ не во имя князей, ни даже своимъ собственнымъ именемъ; они просто повѣренные совѣта и получаютъ его приказанія черезъ секретарей, остающихся въ Іедо.

Князья должны жить въ Іедо одинъ годъ изъ двухъ, или шесть мѣсяцевъ изъ года; только въ это время могутъ они наслаждаться жизнію въ семействѣ, которое остается всегда, какъ залогъ, въ столицѣ. Когда они живутъ въ своихъ владѣніяхъ, вдали отъ своихъ семействъ, законныхъ или незаконныхъ, имъ особенно запрещено имѣть самыя невинныя сношенія съ особами прекраснаго пола. Дѣла и церемоніи, занимающія у нихъ все время, какъ у сіюгуна, распределены напередъ въ столицѣ. Они выходятъ изъ границъ своего дворца въ опредѣленныхъ случаяхъ, и притомъ съ назначенной свитой. Даже часть вставать и часть ложиться спать назначены совѣтомъ. Князья и всѣ ихъ окружающіе знаютъ, что малѣйшее нарушеніе этихъ правилъ непре-

мѣнно будетъ извѣстно совѣту, потому что шпионамъ нѣтъ числа. Увѣряютъ однакожь, что несчастные шпионы занимаютъ свои должности и исполняютъ свои обязанности съ опасностію жизни; кажется, что изъ Сацумы возвращается ихъ очень мало. Центральное правительство, непризнающее ихъ, никогда не справляется о томъ, что съ ними стало и не ищетъ вовсе средствъ отмстить за нихъ.

Но и такія строгія мѣры предосторожности неполниѣ успокоиваютъ совѣтъ. Боясь, чтобы князья, не жалѣя о своихъ семействахъ, не соединились противъ сіюгуна, не позволяютъ сосѣднимъ князьямъ жить одновременно въ ихъ владѣніяхъ; исключаютъ изъ этого правила только тѣхъ, которые въ явной враждѣ, и въ такомъ случаѣ безпрестанно стараются доставлять имъ новые предметы для распрей и зависти.

Почти вся военная служба лежитъ на князьяхъ. Они должны содержать войско, сообразно съ величиною своихъ владѣній; они даже обязаны поставлять гарнизоны въ императорскія провинціи, которыя находятся подъ непосредственнымъ управленіемъ совѣта. Въ городѣ Нагазаки, который уже двѣсти лѣтъ служитъ единственнымъ центромъ иностранной торговли, всѣ барыши достаются сіюгуну, совѣтникамъ, губернаторамъ и ихъ челяди;

для этой цѣли городъ названъ императорскимъ и отдѣленъ отъ удѣла, къ которому принадлежалъ; но защита залива ввѣрена князьямъ *Фицена* и *Тикузена*, которыхъ владѣнія онъ омываетъ. Армія значительно уменьшена, потому что Японія наслаждается миромъ уже двѣсти лѣтъ, въ слѣдствіе системы отчужденія. Отъ уменьшенія арміи произошло значительное уменьшеніе въ издержкахъ; но имъ не пользуются ни князья, ни ихъ вассалы. Число войскъ, дѣйствительно, уменьшено, но князья платятъ въ казну *сіюгуна* всѣ тѣ суммы, которыя теперь не тратятся на армію.

Нерѣдко князья живутъ въ *Іедо* съ необыкновенною роскошью и вовлекаются въ безумные расходы и безграничныя щедроты. Въ случаѣ немилости *сіюгунъ* ѣдетъ обѣдать къ своему богатому вассалу, въ его дворецъ въ столицѣ, или выпрашиваетъ ему у *микадо* какую нибудь важную должность въ *даири*; въ обоихъ случаяхъ князь разоренъ. До сихъ поръ въ Японіи не было состоянія, которое могло бы устоять противъ обѣда *сіюгуна* или противъ принятія должности при дворѣ духовнаго императора (*).

(*) Когда первостепенные князья ведутъ себя дурно, *сіюгунъ* не имѣетъ права предать ихъ смертной казни; онъ только можетъ, съ согласія *микадо*, заставить

Положеніе дворянъ очень похоже на положеніе князей; ихъ удѣлы—маленькія княжества, управляемыя точно такъ же, какъ и княжескія владѣнія. Поэтому было бы бесполезно распространяться, какъ о дворянахъ, такъ и объ ихъ имѣніяхъ.

Провинціи и города, принадлежащіе къ императорскимъ имуществамъ, управляются губернаторами; ихъ назначаетъ совѣтъ. Въ вѣрности губернаторовъ убѣждаются тѣми же средствами. Въ каждой провинціи ихъ два (*).

Одинъ изъ нихъ живетъ въ Іедо, гдѣ также держатъ въ залогъ семейство отсутствующаго; оба они живутъ поочередно, годъ въ Іедо, годъ въ провинціи. Подвержены они такому же строгому присмотру какъ и князья; власть у нихъ почти такая же,

ихъ отказаться отъ своего званія. Такъ въ 1772 г., когда сіюгуну не понравился князь *Kiy*, сіюгунъ жаловался духовному императору, который тотчасъ же лишилъ *Kiy* званія *цзюнагуна* (государственного совѣтника 2-го класса въ *даири*). Когда князь *Kiy* сталъ простымъ княземъ, *сіюгунъ* отрѣшилъ его и запретилъ ему выѣзжать изъ Іедо. Дядѣ было поручено управлять во время малолѣтства его сына. Въ это же время, князь получилъ приказаніе распороть себѣ брюхо! (Такъ увѣряетъ Титсингъ). О раздѣленіи первыхъ сановниковъ на два класса (на князей и дворянъ) можно найти довольно подробностей въ книгѣ Титсинга, *Cérémonies du Japon*, Paris, 1822.

(*) Иногда бываетъ даже *три*.

хотя обязанности ихъ очень похожи на обязанности секретарей, которымъ поручено управленіе княжествами. Вся разница въ томъ, что князья сами собою могутъ привести смертный приговоръ въ исполненіе, а губернаторы должны просить и ждать утвержденія изъ Іедо. Но тѣ и другіе стараются не произносить смертныхъ приговоровъ; такой приговоръ всегда влечетъ за собой важныя неудобства: начальника непременно обвинять за то, что у него случилось происшествіе, давшее поводъ къ такому страшному и жестокому наказанію (*).

Губернаторъ отдаетъ часть занятій своимъ канцеляріямъ, куда чиновники назначаются совѣтомъ; они подчинены тѣмъ же правиламъ. Число ихъ весьма значительно. Для примѣра возьмемъ управленіе Нагазаки, единственное, о которомъ Голландцы могли собрать вѣрныя свѣдѣнія.

У губернатора два секретаря и нѣсколько *гобаніози* или главныхъ полицейскихъ чиновниковъ (**).

Каждому поручена особенная часть, за

(*) За преступниковъ часто отвѣчаютъ и судьи и родственники, какъ въ Японіи, такъ и въ Китаѣ; съ ними поступаютъ чрезвычайно жестоко, особенно въ Китаѣ, гдѣ правосудіе неумолимѣе чѣмъ въ Японіи.

(**) Можетъ быть только въ Нагазаки называютъ вообще чиновниковъ *гобаніози*: Японцы, претерпѣвшіе

которую онъ отвѣчаетъ. Ниже ихъ стоятъ *баніози*, простые полицейскіе офицеры. Всѣ эти чиновники въ прямой зависимости отъ губернатора. Есть другіе, нѣсколько отъ него независимыя; напримѣръ: казначей, въ маломъ видѣ министръ финансовъ, который идетъ непосредственно за губернаторомъ; при немъ состоитъ бухгалтеръ. Послѣ казначея идетъ военный коммандантъ города и округа. Изъ всѣхъ этихъ чиновниковъ только казначей и коммандантъ могутъ держать свои семейства въ Нагазаки; но всѣ равно окружены шпионами.

Но пора сказать нѣсколько словъ объ устройствѣ этого шпионства, этой главной пружины японскаго правительства. Слово *мечіуке*, которымъ называютъ шпиона, значитъ, по толкованію Зибольда, *неумолимый наблюдатель*; по объясненію голландскихъ переводчиковъ, *человѣкъ, смотрящій въ сторону*. Шпионы бываютъ изъ всѣхъ сословій, но только не изъ князей. Самые гордые дворяне берутся за эту должность, иногда для исполненія приказанія, отъ котораго могутъ отклониться, только распорѣвъ себѣ брюхо,

крушеніе въ Макао, вовсе не знали этого имени. *Го* значитъ правительственный; *бан* значитъ беречь, охранять, судить (*Бан-но-іе* или *бан-ія* значитъ караульня); *зи* переводится офицеромъ. Стало *гобаніози* значитъ правительственный охраняющій офицеръ.

иногда изъ честолюбія, въ надеждѣ получить доходное мѣсто того чиновника, на котораго они донесутъ. Въ Нагазаки шпионы, состоящіе при губернаторѣ, могутъ просить у него аудіенціи во всякое время дня и ночи, и бѣда ему, если донесеніе ихъ дойдетъ въ Іедо не черезъ него, потому что онъ отказался принять ихъ. Притомъ же за нимъ самимъ смотрятъ «неумолимые наблюдатели», вовсе ему неизвѣстные. Слѣдующее событіе случилось въ провинціи *Мацмай*, далеко отъ голландской факторіи; стало быть, члены ея не могли быть очевидцами; но все таки можно считать его неподлежащимъ сомнѣнію, и понять, по этому одному примѣру изъ тысячи, какую роль играютъ эти *наблюдатели* въ японскомъ управленіи.

Поступила жалоба на губернатора провинціи *Мацмай*. Совѣтъ собралъ справки и убѣдился, что жалоба основательна. Губернатора тотчасъ отставили. Но какъ удивились жители *Мацмая*, когда увидѣли преемникомъ его поденьщика, который рѣзалъ табакъ, и назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ отъ своего хозяина. Поденьщикъ былъ дворянинъ той же провинціи; онъ нарочно пошелъ въ работники, чтобы скрыть роль *наблюдателя*, для которой былъ посланъ въ *Мацмай*.

Кромѣ этихъ чиновниковъ, назначаемыхъ отъ правительства, въ Нагазаки есть город-

скія власти, совѣтъ *Девяти*, которому поручены дѣла города, мѣстное управленіе и полиція. Эти городскія должности переходятъ по наслѣдству; рѣшенія совѣта должны быть единогласныя; въ случаѣ разногласія, рѣшеніе докладывается губернатору. Подъ начальствомъ городского совѣта состоитъ полкъ изъ *оттоновъ* и *касхировъ*, которые наблюдаютъ за спокойствіемъ и чистотою на улицахъ; они запираютъ уличныя ворота въ извѣстный часъ, и потомъ уже никто не можетъ показываться на улицѣ безъ особеннаго позволенія *касхира* или *оттона*.

Но такого строгаго устройства не довольно. Дома раздѣлены по пяткѣмъ, и жители, состоящіе въ одномъ пяткѣ, отвѣчаютъ другъ за друга; каждый обязанъ до свѣдѣнія *касхира* всякое преступленіе или необыкновенное событіе, случившееся у четырехъ его сосѣдей; *касхиръ* передаетъ извѣстіе *оттону*, а тотъ городскому совѣту; такъ что мало сказать, что одна половина націи наблюдаетъ за другою; вся нація смотритъ за собой въ сотни тысячъ глазъ. Главы семейства должны смотрѣть безпрестанно за тою частію улицы, которая прилегаетъ къ ихъ дому; малѣйшій случай, побои, ссора между посторонними,—приписываются ихъ нерадѣнію. Кто забудетъ сдѣлать самое незначительное донесеніе, того приговариваютъ

къ штрафу, тѣлесному наказанію, тюрьмѣ, или къ домашнему аресту. Это послѣднее наказаніе гораздо строже въ Японіи, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ: все семейство виновнаго лишается позволенія имѣть сообщеніе съ кѣмъ бы то ни было; двери и окна дома запираются, чтобы предупредить бѣгство. Если виноватъ чиновникъ, то его отрѣшаютъ отъ должности и лишаютъ жалованья на все то время, пока онъ долженъ сидѣть подъ арестомъ; если купецъ или ремесленникъ, то дѣла его пріостанавливаются; притомъ же всѣмъ мужчинамъ въ арестованномъ домѣ запрещается бриться, что столько же постыдно, сколько и неудобно. Не можемъ сказать, какимъ образомъ семейство арестованнаго добываетъ себѣ пищу въ продолженіе заключенія.

При такой системѣ взаимнаго подсматриванія, необходимо было дозволить выбирать сосѣдей. Поэтому никто не можетъ переехать на новое мѣсто, не получивъ отъ прежнихъ сосѣдей одобрительнаго свидѣтельства, а отъ новыхъ формальнаго согласія на принятіе его въ ту улицу, гдѣ онъ намѣренъ поселиться. Увѣряютъ, что преступникъ не можетъ найти убѣжища или пристанища въ цѣлой имперіи, и что во всемъ мірѣ нѣтъ страны, гдѣ кражи случались бы такъ рѣдко; въ Японіи можно спать съ открытыми

дверями и не бояться воровъ. Но надобно признаться, что эта безопасность покупается слишкомъ дорогою цѣною.

Цифра японскаго народонаселенія неизвѣстна въ точности; мнѣнія писателей очень различны объ этомъ предметѣ. Иные говорятъ, что во всей имперіи только пятнадцать милліоновъ жителей; другіе насчитываютъ до сорока. Бургеръ, долго жившій въ Японіи и изучавшій ее вмѣстѣ съ Зибольдомъ ученымъ образомъ, убѣжденъ, что во всей Японіи не болѣе тридцати трехъ или тридцати четырехъ милліоновъ жителей; то есть, народонаселеніе Японской Имперіи равняется народонаселенію Франціи.

Японцы дѣлятся на восемь классовъ, почти наследственныхъ. Японецъ обязанъ всю жизнь свою оставаться въ томъ классѣ, въ которомъ родился; подняться можно только по особенному случаю, почти необыкновенному; всякая попытка выйти изъ своей касты возбуждаетъ неблагопріятные толки; выскочку безжалостно преслѣдуетъ общее презрѣніе.

Первый классъ состоитъ изъ *коксиу* или князей; сюда входятъ, и *даиміо* и *самміо*, различіе которыхъ намъ уже извѣстно.

Второй классъ состоитъ изъ *кининъ* или дворянъ. Эти люди, какъ уже сказано выше, обладаютъ удѣлами, и обязаны военною

службою князьямъ, которыхъ они вассалы, или сіюгуну, если владѣнія ихъ находятся въ императорской провинціи. Число солдатъ, ими содержимыхъ, соразмѣрно пространству и богатству ихъ владѣній. Вассаламъ своимъ, отправляемымъ въ военную службу, платятъ они землю. Изъ этихъ *кининъ* выбираютъ министровъ (есть министры и изъ князей), главныхъ чиновниковъ, губернаторовъ, генераловъ и пр.

Третій классъ состоитъ изъ жрецовъ син-ту и буддистовъ. О нихъ подробно будетъ говорено, когда дѣло дойдетъ до религіи.

Въ четвертомъ классѣ всѣ *самораи* или военные; это вассалы дворянъ. Служба ихъ давно уже только тѣнь военной службы; вся японская армія занята доставленіемъ стражи къ микадо, сіюгуну и къ принцамъ, поддержаніемъ внутренняго спокойствія и охраненіемъ береговъ.—Но прежде, когда Японія не отказывалась еще отъ сношеній съ чужеземцами, и жители ея могли выѣзжать за границу, они во всей Азіи слыли за безстрашныхъ и опытныхъ воиновъ, и охотно опредѣлялись въ службу къ первому князю, который имѣлъ въ нихъ нужду. Нынѣ выѣзды запрещены, и потому нельзя сказать ничего рѣшительнаго о значеніи японской арміи, тѣмъ болѣе, что она уже два вѣка не имѣла случая показать себя. Кромѣ этихъ

самораи, сіюгунъ содержитъ военный отрядъ солдатъ, называемыхъ *дозининъ*; ихъ считаютъ ниже *самораи* (хотя они принадлежатъ къ тому же классу).

Головнинъ, въ книгѣ своей объ Японіи, говоритъ, что солдаты сіюгуна содержатся несравненно лучше солдатъ княжескихъ, такъ что простыхъ солдатъ изъ первыхъ ему случалось принимать за офицеровъ. Въ голландскихъ писателяхъ не встрѣчается ничего похожаго на такую замѣтку. Головнинъ немного, могъ видѣть, потому что содержался въ тюрьмѣ въ отдаленной провинціи; переводчикомъ у него былъ грубый Курилецъ; но онъ былъ окруженъ военными, которые стерегли его; постоянно жилъ среди военныхъ, и потому нельзя не согласиться, что замѣчаніе его должно быть вѣрно (*).

Эти четыре класса считаются высшими въ Японіи; только они имѣютъ завидное право носить по двѣ сабли и *гакама*.

Пятый классъ состоитъ изъ высшаго слоя мѣщанства. Сюда относятся низшіе чиновники и люди, занимающіеся леченіемъ. Онъ пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ; члены

(*) Зибольдъ отдастъ полную справедливость проицательности Головнина, и особенно его замѣчаніямъ на счетъ японскаго правительства. Поэтому нельзя отвергать Головнина, какъ это дѣлали иные.

его имѣюгъ право носить саблю и панталоны.

Шестой классъ состоитъ изъ важнѣйшихъ торговцевъ; хотя ихъ презираютъ въ высшей степени, однакожъ въ ихъ рукахъ находятся всѣ богатства Японіи. Въ отношеніи къ роскоши, они счастливѣе первыхъ классовъ: она имъ строжайше запрещена.

Мы уже говорили, какою низостию богатѣйшіе купцы покупаютъ право подражать дворянамъ; подлостью могутъ они достигнуть до того, что имъ позволятъ носить саблю, но панталонъ—никогда!

Къ седьмому классу принадлежатъ мелкіе торговцы, ремесленники и (это покажется у насъ страннымъ) артисты. Только одна вѣтвь промышленности подверглась исключенію, и мы сейчасъ поговоримъ о ней.

Трудно дать понятіе, какимъ уваженіемъ пользуется этотъ многочисленный классъ: сколько разныхъ ремеслъ, сколько разныхъ ступеней. Такимъ образомъ живописцы и брильянтики стоятъ гораздо выше плотниковъ и кузнецовъ; но вѣроятно нѣтъ никакого различія между живописцами и малярами.

Къ восьмому классу принадлежатъ поселяне и поденьщики. Они чрезвычайно бѣдны. Даже самые зажиточные, держащіе земли на откупъ, находятся въ жалкомъ положеніи.

Однакожъ, вообще народъ доволенъ своею участью. Японцы низшихъ классовъ довольствуются очень малымъ, и болѣе думаютъ о чести (разумѣется, объ японской чести), объ удовольствіяхъ и разсѣяніяхъ, которыя они находятъ въ публичныхъ праздникахъ, процессіяхъ, театрахъ, чѣмъ о матеріальномъ благосостояніи и объ обиліи или выборѣ съѣстныхъ припасовъ. Впрочемъ, путешественники весьма мало занимались нравами, средствами къ существованію, обычаями этой низшей части народонаселенія, и изъ ихъ извѣстій нельзя предложить вѣрныхъ выводовъ.

Къ этимъ восьми классамъ, офиціально признаннымъ, можно прибавить девятый, куда мы относимъ несчастныхъ, исключенныхъ изъ седмаго класса, то есть кожевниковъ и всѣхъ, кто занимается приготовленіемъ и продажею кожъ. Ученіе Синту поражаетъ омерзѣніемъ всѣхъ, кто дотрогивается до того, что убито смертію; изъ этого проистекаетъ предразсудокъ, по которому кожевники становятся настоящими паріями Японіи. Имъ запрещено жить съ другими людьми; они должны строить себѣ особые селенія. Въ прочія селенія они входятъ только какъ тюремщики или палачи, и хозяева чайныхъ домовъ должны помогать имъ, если случится надобность! Имъ строжайше запрещено входить въ гостинницы и общественныя заведе-

нія; во время переходовъ, они на улицѣ ѣдятъ купленный ими обѣдъ, и трактирщикъ скорѣе разобьетъ, чѣмъ согласится взять обратно, чашку, изъ которой пилъ одинъ изъ этихъ несчастныхъ (*).

Ихъ не вносятъ въ народную перепись и, что всего страннѣе, ихъ села, построенныя на большихъ дорогахъ, не считаются въ длину дороги; на нихъ смотрятъ какъ на что-то несуществующее. Путешественники, платящіе за переносчиковъ и выучный скотъ, за пройденное пространство, даромъ проходятъ черезъ селенія, гдѣ живутъ эти несчастные, занимающіеся выработкою кожи (**).

Японскіе законы кровожадны; они почти не знаютъ разныхъ степеней вины; напримѣръ, если рассматриваютъ воровство, то во-

(*) Все это говорятъ Жансины, не принимая въ соображеніе, что общее презрѣніе къ кожевникамъ въ Японіи достается не лично, а по наследству. Человѣкъ, котораго презираютъ за званіе отца, всегда имѣетъ утѣшеніе, потому что въ этомъ случаѣ несправедливость людская слишкомъ явна, а чужой несправедливости нечего стыдиться; еще глупѣе было бы огорчаться такою несправедливостію.

(**) Стоило бы розыскать причину такого страннаго и нечеловѣчнаго положенія дѣлъ. Вѣроятно омерзѣніе къ кастѣ кожевниковъ вышло изъ Индіи, съ береговъ Ганга; однакожъ утверждать этого положительно никакъ нельзя. Во всякомъ случаѣ, откуда бы ни взялся этотъ обычай, трудно приискать приличное слово для его порицанія.

все не обращаютъ вниманія, при какихъ обстоятельствахъ оно совершено. Штрафъ полагается только за незначительные проступки противъ правилъ городской полиціи; японскіе законодатели полагаютъ, что наказанія такого рода могутъ дать несправедливое преимущество богатому передъ бѣднымъ (*).

Чрезвычайно стараются дать понятіе о законахъ всѣмъ вообще классамъ. Въ городахъ и селеніяхъ объявляются новые законы съ возвышенія, окруженнаго деревянной рѣшеткой; потомъ прибываютъ къ нему новый законъ, чтобы его могли знать и тѣ, кто не присутствовалъ при его объявленіи. На этомъ возвышеніи постоянно вывѣшены всѣ полицейскія постановленія и объявленія.

Правосудіе оказывается всякому безъ различія званій и состояній. Но преступленіе противъ безопасности государства наказывается гораздо строже, чѣмъ преступленія противъ частныхъ лицъ. Это происходитъ отъ того, что люди, обязанные наказывать пре-

(*) Японскіе законодатели совершенно правы. Богачи не чувствуютъ наказанія штрафомъ, потому что слишкомъ богаты и имъ ничего не стоитъ заплатить деньги; бѣдные же тоже не боятся штрафа, потому что съ нихъ взять нечего. Вообще штрафы — хорошее наказаніе въ странахъ образованныхъ; а въ странахъ варварскихъ—это просто обманъ, который всѣмъ понятенъ, и надъ которымъ всѣ смѣются.

ступленія перваго рода, вѣрно будутъ казнены смертію, если нестрога поступать съ виновными; между тѣмъ какъ частныя преступленія преслѣдуются только обиженнымъ, который часто не хочетъ или не можетъ, изъ одного удовольствія мщенія, прибавлять издержки уголовного судопроизводства къ множеству другихъ непріятностей, которыя онъ уже перенесъ.

Маловажныя жалобы приносятся *отто-намъ*, которые замѣняютъ судъ первой инстанціи, при помощи и подѣ надзоромъ шпионовъ. Все производство дѣла и самый приговоръ — тайна. Но можно жаловаться на нихъ въ публичныя суды. Чтобы избѣжать публичности, этимъ городскимъ чиновникамъ поручено наказывать нѣкоторыя легкіе проступки *наибонъ*, то-есть, въ тихомолку. Такимъ образомъ оберегаютъ честь и самолюбіе не одного провинившагося въ чемъ нибудь неважномъ. Засѣданія публичныхъ судовъ очеь торжественны; говорятъ, что они не тянутъ дѣлъ и хорошо ведутъ ихъ; рѣдко истина скроется отъ нихъ; жаль только, что въ случаѣ неимѣнія доказательствъ, они употребляютъ пытку! При такомъ страшномъ средствѣ, можно всегда раскрыть дѣло, но всегда ли будетъ въ немъ видна истина? Не найдется ли такихъ несчастныхъ, которые, для избѣжанія физической мучи-

тельной боли, сознаются въ небывалыхъ преступленіяхъ, оговорають и друзей и недруговъ, только бы отсрочить свиданіе съ палачемъ хоть на нѣсколько дней? Тамъ, гдѣ существуетъ пытка, плохое правосудіе. Вотъ почему надобно съ крайнею осторожностію вѣрить тѣмъ путешественникамъ, которые такъ горячо расхваливаютъ японское правосудіе и судопроизводство. Притомъ же на рѣшенія публичныхъ судовъ нѣтъ аппелляцій.

Смертная казнь влечетъ за собою конфискацію имѣнія осужденнаго преступника и опалу всего его семейства. Поэтому всякой преступникъ (изъ высшихъ классовъ) предупреждаетъ приговоръ, налагая самъ на себя руки. (*)

Если его схватили такъ скоро, что онъ не успѣлъ прибѣгнуть къ послѣднему рѣшительному средству, и если семейство его внушаетъ столько участія, что судьи и начальники тюрьмы рѣшаются подвергнуться

(*) Вотъ какъ негѣпныя начала въ законодательствѣ ведутъ къ самымъ губельнымъ послѣдствіямъ. Наказывая жену и дѣтей преступника, часто невинныхъ, японскій законъ заставляетъ людей посягать на самоубійство! Волосы становятся дыбомъ, когда подумаешь, что тридцать пять милліоновъ людей живутъ въ такомъ страшномъ положеніи, которое Европеецъ не снесъ бы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, не сойдя съ ума.

опасности въ пользу его, есть еще два средства умереть *найбонъ* (тайкомъ) прежде произнесенія приговора. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ, ему передаютъ саблю и онъ распарываетъ себѣ брюхо; но это средство употребляется очень рѣдко, потому что другъ, передающій оружіе, подвергается почти неизбѣжной опасности. Второй способъ употребляется чаще: подсудимаго подвергаютъ пыткамъ, какъ бы желая что нибудь вывѣдать изъ него, и приказываютъ палачу умертвить его прежде, чѣмъ онъ успѣетъ отвѣчать. Въ обоихъ случаяхъ распускаютъ слухъ, что подсудимый умеръ отъ сильнаго припадка болѣзни, и такъ какъ его нельзя признать виновнымъ, потому что онъ не сужденъ, то возвращаютъ трупъ его семейству, и оно такимъ образомъ не подвергается страшнымъ послѣдствіямъ, сопровождающимъ смертную казнь.

Когда осужденный не заслуживаетъ такого участія, его связываютъ, сажаютъ на лошадь и везутъ на мѣсто казни, то есть, на открытую площадь внѣ города. На знамени написано его преступленіе; герольды провозглашаютъ вину, вездѣ, гдѣ преступникъ проѣзжаетъ. Каждый можетъ, во время злобщаго перехода, предлагать осужденному угощеніе, но почти никто не пользуется этимъ позволеніемъ. Судьи и всѣ члены суда запи-

мають почетныя мѣста на площади казни; они окружены знаками судейскаго званія и обнаженными мечами. Палачъ предлагаетъ чашу *заки*, сушеную или соленую рыбу, коренья, грибы, фрукты или пирожное осужденному, который можетъ раздѣлить этотъ послѣдній обѣдъ съ друзьями. Потомъ кладутъ его на циновку между двумя грудями песку и отрубають мечемъ голову.

Голову втыкають на коль; а надъ нимъ надпись съ означеніемъ преступленія. Только черезъ три дня могутъ родственники прибрать трупъ, или лучше сказать, остатки, обѣденные хищными птицами.

Такъ голландскіе путешественники описываютъ смертную казнь, которую сами видѣли въ Нагазаки. Но должно думать, что эта форма употребляется только съ преступниками низшаго класса. Несмотря на всю свою опредѣленность, японскіе законы позволяютъ судѣ выбирать форму казни. Какъ бы то ни было, описанная нами форма принадлежитъ къ числу самыхъ милостивыхъ. Извѣстно, что преступниковъ часто подвергаютъ публичной пыткѣ, и что ловкость палача измѣряется числомъ ударовъ, которые онъ можетъ нанести своей жертвѣ, не убивъ ея. Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ дать не больше шестнадцати ударовъ. Говорятъ, что въ такихъ случаяхъ молодые

Японцы даютъ палачу новое свое оружіе для пробы и принимаютъ живѣйшее участіе въ этихъ кровавыхъ казняхъ, особенно когда къ нимъ прибавляется пытка. Изъ зрѣлищъ этого рода самое забавное для нихъ *пляска смерти*; такъ называютъ они казнь, во время которой несчастного обвиненнаго одѣваютъ въ рубашку изъ тростника и поджигаютъ: онъ, разумѣется, страшно пляшетъ.

Тюрьмы для обыкновенныхъ преступниковъ устроены довольно сносно. Та, въ которой содержался Головнинъ и его товарищи, состояла изъ ряда келій, выстроенныхъ въ сараѣ. Изъ разсказа Головнина видно, что кельи были топлены и чисты; плѣнниковъ кормили хорошо, если согласиться, что японское кушанье можетъ понравиться европейскому желудку. Многія обстоятельства доказываютъ, что Головнина содержали въ обыкновенной тюрьмѣ. Объ этомъ предупредили его заранѣе, и онъ видѣлъ въ тюрьмѣ Японца, приговореннаго къ тѣлесному наказанію. Притомъ, словомъ *ройя* (кѣтка), которое употребляетъ Головнинъ, Кемпферъ означаетъ японскую тюрьму.

Но все это нисколько не относится къ тюрьмамъ, въ которыхъ содержатся важные преступники прежде или послѣ суда. Онѣ не напрасно называются *гокюйя* или *гокуйя* (адъ). Въ этихъ тюрьмахъ, находящихся въ

зданіи губернаторскаго управленія, помѣщаютъ по пятнадцати и по двадцати человѣкъ въ одномъ покоѣ, въ который свѣтъ и воздухъ проходятъ черезъ небольшое отверстіе, продѣланное въ потолокъ и прикрытое рѣшеткою. Дверь отворяется только для выпуска или впуска преступниковъ. Имъ не даютъ ни книгъ, ни табаку, не допускаютъ ни малѣйшаго развлеченія. Постелей нѣтъ. Въмѣсто шелковыхъ или тонкихъ холстинныхъ поясовъ надѣваютъ на нихъ пояса соломенные, знакъ безчестія. Въ одну дыру подаютъ кушанье и принимаютъ нечистоты. Кормятъ ихъ самыми дурными припасами, и хотя имъ позволено получать кушанье изъ дому, однакоже они не могутъ пользоваться этою милостію, если присылаемаго кушанья недостаточно на всѣхъ заключенныхъ: обитатели этихъ адскихъ мѣстъ преданы полному своеволію самыхъ гнусныхъ страстей, и отнимаютъ другъ у друга что хотятъ. Изъ этого выходитъ, что самые злые господствуютъ въ этихъ убѣжищахъ преступленія, и слабые въ совершенной зависимости у сильныхъ.

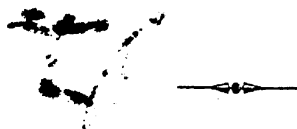
ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЯПОНИИ.

	<i>Стр.</i>
Переѣздъ изъ Батавіи въ Японію	1
Географическая и статистическая картина острова	
Банка	27
Необходимыя общія свѣдѣнія	61
Общія географическія свѣдѣнія	67
Политическое раздѣленіе	75
Геологическое устройство	83
Климатъ	93
Главные произведенія	96
Общія этнографическія свѣдѣнія	105
Первыя впечатанія въ Японіи	111
Исторія голландскаго заведенія въ Децимѣ	137
Поѣздка голландской депутаціи въ Іедо	203
Описаніе Іедо.—Пребываніе тамъ голландской мис-	
сiи.—Аудиенція у сіюгуна, и пр.	245
Возвращеніе голландской миссiи въ Дециму . . .	293
Очеркъ японской исторiи.	335
Политическое состояніе Японіи	357

БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВІЙ.

ИЗДАНИЕ А. А. ПЛЮШАРА.

ТОМЪ II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЯПОНИЮ. 2

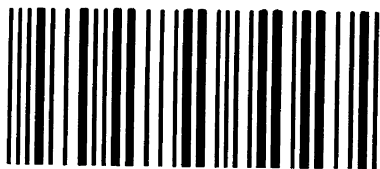
ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. Дмитріева.

1854.

2007087260

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЯПОНИИ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ЯПОНИИ

ИЛИ

ОПИСАНІЕ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРІИ,

ВЪ ФИЗИЧЕСКОМЪ, ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ,

Ф. ЗИБОЛЬДА,

ДОПОЛНЕННОЕ СВѣдѣніями и извѣстіями изъ КЕМПФЕРА,
ФИШЕРА, ДѢФА, ШАРЛЬВУА, ГРАФЪ ГОГЕНДОРНА, КРУЗЕН-
ШТЕРНА, ТУНБЕРГА, ТИТСИНГА, ВАРЕНИУСА И ДР.

ПЕРЕВОДЪ

В. М. Строева.

ИЗДАНИЕ А. А. ПЛЮШАРА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ДМИТРИЕВА.

1854.

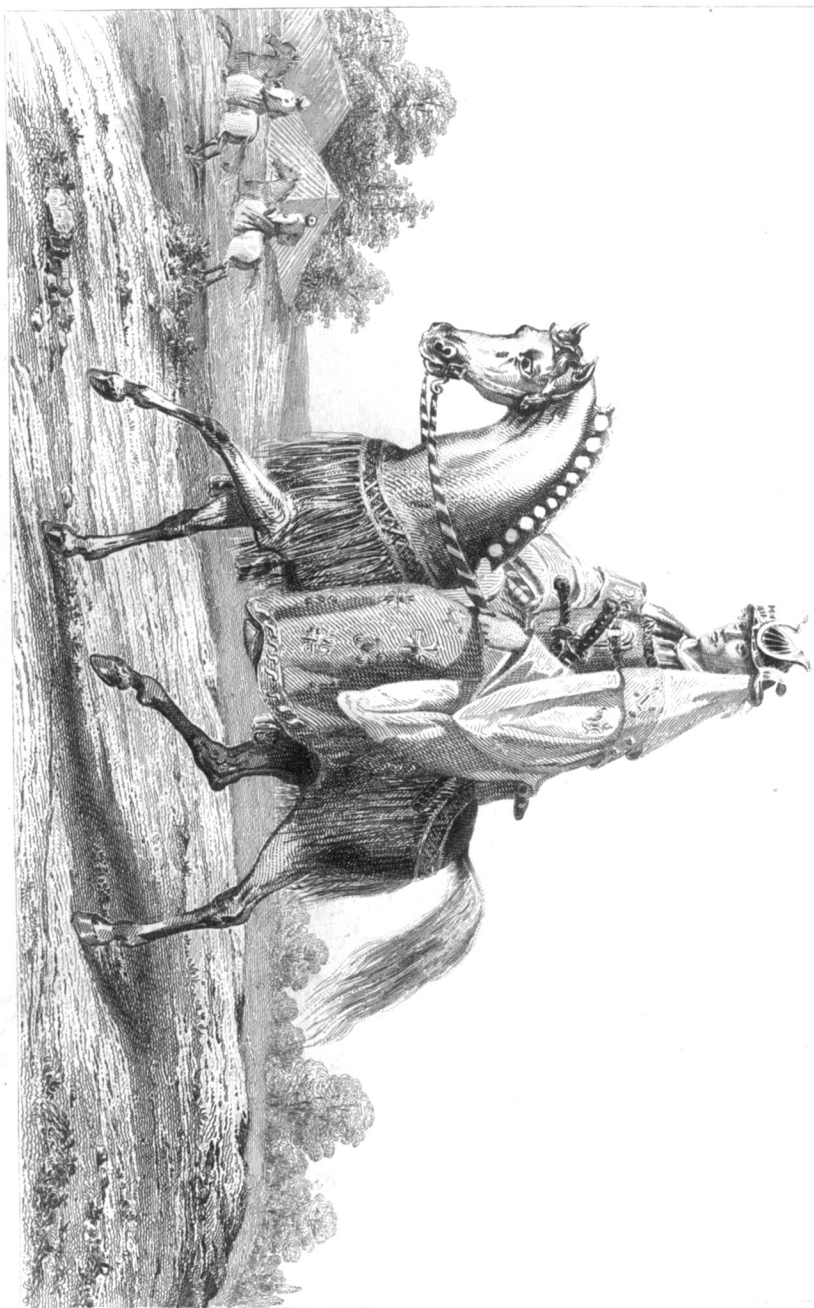
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ 20-го Іюля 1853 года.

Цензоръ А. Фрейманъ.

27-0

Генерал

ТЕХЕРАЛЪ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ ЯПОНИЮ.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ЯПОНЦЕВЪ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ.

Извѣстія, напечатанныя въ разное время членами голландской факторіи, дадутъ намъ матеріалъ для этой главы. Уже извѣстно, какъ стѣснены и связаны Голландцы въ Де-цимѣ, какъ строго смотрятъ за ними во время переѣзда въ Іедо; притомъ же они не знаютъ японскаго языка; стало быть, многого отъ нихъ и ожидать нельзя. Однакожъ они успѣли собрать занимательные факты объ этой таинственной странѣ. Изъ нихъ-то мы постараемся составить картину, которая могла бы дать общее понятіе объ этомъ обществѣ, котораго образованность, очень развитая, такъ мало похожа на нашу.

Прежде всего мы укажемъ на то, что даетъ народнымъ нравамъ оригинальный характеръ, поражаетъ особенно иностранцевъ и заставляетъ ихъ отыскивать религіозныя и политическія причины этой оригинальности. Съ этою цѣлю мы прослѣдимъ жизнь Японца съ минуты его рожденія до могилы. Но какъ женщины у всѣхъ народовъ имѣютъ всегда болѣе или менѣе вліянія на развитіе образованности и на счастье семействъ и самаго общества, то необходимо сказать предварительно нѣсколько словъ о томъ, какое мѣсто женщины занимаютъ въ японскомъ обществѣ и семействѣ.

Въ этомъ двойномъ отношеніи, положеніе японскихъ женщинъ вовсе непохоже на положеніе другихъ восточныхъ женщинъ. Только Китай представляетъ, въ этомъ случаѣ, нѣкоторое сходство; однакожъ положеніе Японки занимаетъ середину между тѣмъ, что видимъ въ Европѣ, и тѣмъ, что встрѣчается въ Азіи.

Подобно европейскимъ дамамъ, Японки занимаютъ видное мѣсто въ обществѣ и раздѣляютъ всѣ честныя удовольствія отцевъ и мужей. Онѣ свободны какъ европейскія дамы, и даже свободнѣе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Однакожъ онѣ рѣдко употребляютъ во зло эту свободу, а въ среднихъ и высшихъ классахъ онѣ ведутъ себя примѣрно. Въ Японіи

можно встрѣтить невѣрную жену, но это рѣдкое исключеніе, диво (*).

Обучать ихъ стараются столько же, сколько и мужчинъ, и мы уже говорили, что въ даири (при дворѣ микадо) находится нѣсколь-ко женщинъ въ числѣ историковъ, морали-стовъ и поэтовъ, заслужившихъ громкую славу. Увѣряютъ, что онѣ вообще любезны, веселы безъ натяжки, любятъ наряжаться, чрезвычайно ловки, и мастерски принима-ютъ и угощаютъ у себя въ домѣ (**).

Но свобода японскихъ женщинъ не про-стирается далѣе того круга, которому онѣ придаютъ столько прелести. Въ домашней жизни видна уже восточная женщина. Сре-ди семейства она находится подъ опекою, въ зависимости отъ мужа, отъ сыновей или отъ ближайшихъ родственниковъ. Законъ не

(*) Старинные путешественники указываютъ на нѣ-сколько примѣровъ невѣрности женъ и притомъ въ различныхъ классахъ народа; но страшное наказаніе, налагаемое на виновныхъ, показываетъ, какъ мало привыкли Японцы къ нарушенію супружеской клятвы. Самый незнатный Японецъ столько же заботится о своей чести, сколько и сильнѣйшій князь, и также жестоко мститъ за себя. См. Мандельслю, т. II стр. 498—500, и *Chinese Repository*, Т. IX стр. 622.

(**) Въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, хорошо воспитан-ная женщина должна умѣть читать бѣгло, написать письменно складно, а это значитъ, что ея почеркъ и слогъ должны быть изящны. Если она умѣетъ при этомъ

*

даетъ женщинамъ никакихъ правъ. Онѣ не могутъ свидѣтельствовать въ судѣ. Мужъ можетъ ввести сколько угодно наложницъ въ домъ, гдѣ онѣ управляютъ, и нерѣдко случается, что наложницы имѣютъ свой особенный штатъ и находятся не въ совершенной зависимости отъ жены; но это бываетъ только въ домахъ знатныхъ и особенно у богатыхъ. Въ низшихъ классахъ рѣдко встрѣчаются эти бигамическіе случаи. Почти всегда незаконныя жены повинуются домашней власти законной супруги; въ знакъ униженія, имъ запрещено брить брови; но состояніе ихъ не считается въ Японіи ни преступнымъ, ни даже безчестнымъ. Мужъ всегда можетъ требовать развода; только интересъ и приличія могутъ помѣшать ему воспользоваться этимъ правомъ, которому не

сочинять быстро стихи на заданныя темы, то считается совершенною женщиной. Музыка и рисованье—необходимыя принадлежности хорошаго воспитанія. Разумѣется, что такое полное воспитаніе получаютъ только женщины, принадлежащія къ достаточнымъ семействамъ. Другія, находящіяся въ неблагопріятномъ положеніи, осуждены на незнаніе по недостатку средствъ къ воспитанію. Между этими послѣдними многія не въ состояніи даже написать письмо. Вообще японскимъ женщинамъ дается свободы болѣе, чѣмъ Китаанкамъ. Семейныя отношенія первыхъ не такъ стѣснены: притомъ же ноги ихъ не изуродованы, какъ у китайскихъ женщинъ, и онѣ могутъ ходить и прогуливаться, въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

положено границъ. Мужъ обязанъ содержать отосланную изъ дому жену сообразно съ своимъ состояніемъ, если разводъ назначенъ не судомъ и не по законной причинѣ, напри-мѣръ, за безплодіе; но несчастная женщина, недавшая мужу дѣтей, не имѣетъ ни малѣйшаго права на пособіе отъ него. Ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ жена не смѣетъ просить развода. У себя она хозяйка, управляетъ всѣмъ семействомъ; но на нее смотрятъ болѣе какъ на драгоценную игрушку, чѣмъ на разумное созданіе, которое должно раздѣлять участь мужа. Она обязана развлекать его своими талантами, развеселять живымъ и игривымъ разговоромъ; но не можетъ и не должна брать на себя часть его заботъ и печали. Она не только не знаетъ его тайнъ, но онъ даже ни слова не говоритъ ей о своихъ обществен-ныхъ или частныхъ дѣлахъ; она не смѣетъ и спросить о нихъ, зная, что прослыветъ дерзкою и безумно-смѣлою.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ словъ о женщинахъ, расскажемъ жизнь Японца, съ пеленокъ, съ той минуты, какъ онъ является на свѣтъ.

При первыхъ признакахъ беременности, обвязываютъ талию матери краснымъ крепомъ (по японски *геръ-оби*); церемонія эта совершается съ особенною торжественностію;

тутъ бываютъ и религіозные обряды, приспособленные къ этому обстоятельству. Выборъ особы, которая должна подать поясъ, производитъ всегда сильное волненіе въ семействахъ, какъ увѣряютъ Мейланъ и Фишеръ. Японскіе ученые приписываютъ этому обычаю довольно странное происхожденіе. Назадъ тому шестнадцать столѣтій, говорятъ они, умеръ *микадо*, оставивъ супругу беременною. Опоясавшись краснымъ поясомъ, она заняла въ арміи мѣсто умершаго мужа и довершила покореніе Кореи. Клапротъ называетъ эту амазонку *Сейнг-гу-Коногу*, а Зибольдъ *Зингу-кво-гу*; она сама происходила изъ фамиліи микадо и за храбрость получила въ награду верховную власть. Была-ли она или нѣтъ провозглашена микадомъ и пользовалась ли этимъ титуломъ? Японскіе историки не разрѣшаютъ этого вопроса; но нѣтъ сомнѣнія, что она управляла государствомъ до самой своей смерти. Она скончалась ста лѣтъ, процарствовавъ шестьдесятъ девять, и оставила престолъ сыну своему, которой родился у ней послѣ смерти ея мужа. Этому то повелителю Японцы обязаны за введеніе китайскихъ письменныхъ звуковъ; онъ выписалъ *Во-Нина* изъ Кореи въ 285 году (*).

(*) Эта амазонка болѣе извѣстна подъ именемъ *Тат-*

Они возвели и мать и сына на степень своихъ боговъ. Простой народъ смотритъ на красный поясъ, какъ на полезную предосторожность, потому что *зародыши можетъ подыматься и похищать пицу матери, такъ что она умретъ съ голоду*. Каково бы ни было происхождение этого обычая, онъ все таки существуетъ, и нельзя перемѣщать поясъ, съ той минуты, какъ онъ затянутъ, до самыхъ родинъ. Только для этого счастливаго событія снимаютъ съ матери несносный бандажъ; но она не расквиталась еще съ примѣтами, и ей остается вытерпѣть много другихъ суевѣрныхъ церемоній. Тотчасъ послѣ

шиманъ-го или *Фатсиманъ-го*, а сынъ ея подъ именемъ *Ко-Гатшиманъ-го* (ко значить сынъ). Кемпферъ называетъ его *Оозинъ* или *Воозинъ*, и говоритъ, «что онъ былъ знаменитъ въ войнѣ и мирѣ, и былъ истиннымъ отцемъ своихъ подданныхъ.» Онъ вступилъ на престолъ въ 270 году и умеръ ста тридцати лѣтъ, въ 313 году.

Геръ-Оби или красный поясъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, шириною въ три дюйма; главнѣйшее его дѣло, по понятію Японцевъ, поддерживать и укрѣплять беременную женщину, которая стягиваетъ его крѣпко-на-крѣпко. Говорятъ, что въ иныхъ мѣстахъ женщины родятъ первенцевъ въ родительскомъ домѣ, если родители-ихъ не совсѣмъ бѣдны. Въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, старушки, уважаемыя за характеръ и опытность, замѣняютъ повивальныхъ бабокъ; однакожъ родные часто призываютъ доктора, особенно послѣ родовъ. Тотчасъ послѣ родинъ, мать сбрасываетъ себѣ брови, а иногда даже и ранѣ. Съ этой минуты женщина не перестаетъ уже брить брови во всю свою жизнь.

родовъ, ее сажаютъ на кровать, между тремя мѣшками риса; два мѣшка у ней подъ мышками, третій за спиной. Такъ сидитъ она девять дней и девять ночей почти безъ пищи и совершенно безъ сна, чтобы во время сна не измѣнить какъ нибудь предписаннаго положенія. Всего удивительнѣе, что эта пытка не имѣетъ вреднаго вліянія на несчастныхъ женщинъ, которыя ей подвергаются. Замѣчено однакожь, что японскія женщины долѣе другихъ не поправляются послѣ родовъ; это очень естественное слѣдствіе такого варварскаго обычая. Въ продолженіе ста дней родильницу считаютъ больною; только по истеченіи этого срока принимается она за свои домашнія обязанности. Тогда исполняетъ она поѣздки или обѣты, данные въ минуту опасности.

Тотчасъ какъ родился младенецъ, его погружаютъ въ воду; но не пеленаютъ, чтобы ни что не мѣшало развитію его членовъ. Онъ лишается этой свободы только въ тотъ день, какъ надобно дать ему имя. Эту церемонію совершаютъ въ тридцать первый день послѣ рожденія мальчика, въ тридцатый послѣ рожденія дѣвочки. Съ большою торжественностію переносятъ младенца въ фамильный храмъ; за нимъ идутъ служители и несутъ его гардеробъ; по богатству и количеству платьицъ судятъ о чинѣ и состояніи отца.

Шествіе заключаетъ служитель, который несетъ въ одной рукѣ ящикъ съ денежною наградою для жрицы, а въ другой бумагу, на которой написаны три имени (*).

Послѣ предписанныхъ обрядовъ, жрица подноситъ богамъ написанныя имена, и потомъ провозглашаетъ, какое они выбрали; даетъ имя ребенку, обливая его водою. Церемонія оканчивается пѣснями, которымъ вторятъ инструменты. Отсюда несутъ младенца еще въ нѣсколько другихъ храмовъ; передъ возвращеніемъ домой, представляютъ его ближайшему родственнику его отца; тотъ даритъ ему связку пеньки, символъ долголѣтней жизни, талисманы и другія драгоценности. Если младенецъ мальчикъ, то къ подаркамъ прибавляютъ два вѣера, въ видѣ сабли: они символъ храбрости; если же дѣвочка, то прибавляютъ цвѣтную раковину, символъ красоты.

Младенецъ растетъ и развивается въ полной свободѣ; только въ три года надѣваютъ ему поясъ; и эта церемонія утверждается религіознымъ обрядомъ, что бываетъ при всякой перемѣнѣ, на всякомъ шагу въ жиз-

(*) *Chinese Repository* (томъ IX, стр. 623 и 624) сомнѣвается, чтобы тутъ участвовала жрица. Вообще, наименованіе младенца производится различно, по разнымъ провинціямъ, и измѣняется по вѣрованію, чину и состоянію родителей.

ни Японца. Давая ему поясъ, учатъ его молиться. Семи лѣтъ одѣваютъ его въ парадный плащъ и даютъ ему новое имя; это очень странно, потому что и первое имя давалось съ особенными церемоніями. Надѣвъ плащъ, мальчики могутъ входить въ храмы и начинаютъ исполнять религіозныя обязанности.

Дѣтей воспитываютъ въ строжайшемъ повиновеніи. Японскіе родители думаютъ, что только строгій надзоръ можетъ избавить ихъ отъ необходимости наказывать дѣтей и образуетъ характеръ. Дѣти обоихъ половъ и всѣхъ званій соединяются въ низшихъ школахъ, гдѣ ихъ учатъ читать, писать и исторіи японской. На этомъ обыкновенно останавливается образованіе бѣдныхъ дѣтей; но во всей Японіи трудно найти человѣка, который бы не получилъ этого первоначальнаго образованія. Богатыя дѣти выходятъ изъ этихъ школъ въ высшія училища, гдѣ доканчиваютъ курсъ. Тутъ внушаютъ имъ правила умѣнья жить, искусство держать себя ловко, и непреложные законы этикета: благородный Японецъ долженъ всегда знать, что ему слѣдуетъ дѣлать въ сношеніяхъ съ человѣкомъ, каковы бы ни были порода, чинъ и семейство особы, съ которой онъ имѣетъ дѣло. Онъ обязанъ знать и точно исполнять кодексъ приличій. Отъ него требуется прежде всего полное знаніе календаря: нѣтъ ничего

глуше и опаснѣе, по мнѣнію Японцевъ, какъ жевитьея, или пуститься въ путешествіе, или предпринять какое нибудь важное дѣло въ несчастный день. Кромѣ того, мальчиковъ обучаютъ началамъ математики, гимнастикѣ и великой тайнѣ *гара-кири* или искусству распарывать себѣ брюхо; честному Японцу часто случается прибѣгать къ этому роду смерти. Ихъ учатъ умѣнно порядочно совершить эту операцію, съ надлежащею для этого случая церемоніею, и объясняютъ имъ разныя причины, по которымъ такого рода самоубійство бываетъ необходимо благовоспитанному человѣку. Дѣвушекъ, вмѣсто этихъ странныхъ уроковъ, приучаютъ къ рукодѣлю, къ управленію хозяйствомъ. Ихъ стараются сдѣлать хорошими матерями семейства и хозяйками.

Въ пятнадцать лѣтъ воспитаніе считается оконченнымъ; юноша вступаетъ въ общество, брѣетъ голову по японской модѣ и еще разъ перемѣняетъ имя. Но и это новое имя остается ему не навсегда: при полученіи каждаго новаго чина (а въ Японіи всѣ служатъ, кромѣ ремесленниковъ и поденьщиковъ), Японецъ принимаетъ новое прозвище. Кромѣ того, подчиненный не можетъ называться однимъ именемъ съ начальникомъ; и если начальнику вздумается принять имя подчиненнаго, то послѣдній долженъ перемѣнить свое имя; это

повторяется по всѣмъ ступенямъ іерархіи. Понятно, какая сбивчивость происходитъ отъ этого страннаго обычая въ исторіи и историческихъ изысканіяхъ, и какъ трудно слѣдить, напримѣръ, за похитителемъ власти въ этомъ лабиринтѣ именъ (*).

Въ Японіи женятся рано; тамъ ненавидятъ неровные браки; въ среднихъ классахъ не-

(*) Воспитаніе простыхъ гражданъ отличается отъ образованія молодыхъ людей высшихъ классовъ особенно тѣмъ, что послѣдніе учатся фехтованію, гимнастикѣ и всему, что можетъ слѣдовать изъ японскаго дворянина совершеннаго человѣка. Въ школахъ преподають только чтеніе, письмо, искусство переписываться, правила общежитія.

Хорошее воспитаніе дополняется изученіемъ исторіи и классическихъ писателей. Отъ семи до пятнадцати лѣтъ мальчикъ ходитъ въ школу. Когда ему минетъ семь лѣтъ, его вносятъ въ списокъ жителей и почти всегда даютъ ему при этомъ случаѣ новое имя. Но въ пятнадцать (въ нѣкоторыхъ провинціяхъ въ шестнадцать) лѣтъ отецъ назначаетъ сыну новое имя, и это подаетъ поводъ къ семейному празднику и семейнымъ поздравленіямъ отъ родственниковъ и друзей, какъ бы малолѣтній достигъ до возмужалости. Часто случается, что по привычкѣ называютъ мальчика прежнимъ именемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ начинаетъ въ шестнадцать лѣтъ убирать голову по японски, и уже не сбираетъ волосъ на маковкѣ въ одну или двѣ связки.

Дѣвушка, при выходѣ замужъ, лишается своего прозвища (по нашему, крестнаго имени) и принимаетъ имя мужа съ прибавленіемъ *о* или *во*, что означаетъ женскій родъ.

Имена фамилій и прозвища въ Японіи, по мнѣнію Клапрота, идутъ съ 415 г. по Р. Х.

рѣдко женихъ и невѣста не имѣютъ случая видѣться до брака.

Казначей въ Нагазаки, на примѣръ, не такъ высокъ чиномъ, чтобы семейство его при-
нуждено было жить въ Иедо; онъ долженъ
искать своимъ дѣтямъ мужей и женъ равнаго
съ нимъ чина; но равные ему встрѣчаются
только въ отдаленныхъ городахъ или отдаленныхъ провинціяхъ.

Когда нѣтъ препятствія, происходящаго
отъ неравенства состояній, и когда юноша
выбралъ приличную себѣ невѣсту, онъ объ-
ясняетъ ей свои чувства тѣмъ, что привязы-
ваетъ вѣтку (*Celastrus alatus*) къ дому ея ро-
дителей. Предложеніе отвергнуто, если вѣтка
остается незамѣченною; если ее снимутъ, то
значитъ, что предложеніе принято. Если дѣ-
вушка хочетъ показать, что раздѣляетъ лю-
бовь будущаго своего супруга, то чернить себѣ
зубы, но не можетъ вырвать себѣ брови
прежде сватъбы. Объясненіе посредствомъ
вѣтки производится только въ томъ случаѣ,
когда родители не условились заранѣе о со-
единеніи своихъ дѣтей. Какъ скоро дѣло
улажено, друзья жениха и подруги невѣсты
принимаютъ на себя трудъ переговорить объ
условіяхъ и приготовить контрактъ. Эти по-
вѣренные, по взаимному соглашенію, выби-
раютъ съ особеннымъ стараніемъ два благо-
пріятные дня, одинъ для перваго свиданія

жениха съ невѣстой, другой для бракосочетанія.

Женихъ посылаетъ невѣстѣ подарки, которые соразмѣряетъ съ своимъ состояніемъ; дѣвушка тотчасъ же предлагаетъ ихъ родителямъ, въ признательность за то, что они лелѣяли ее въ младенчествѣ и воспитывали. Такимъ образомъ дочь Японца не только не подвергается стыду быть проданною (что случается съ восточными женщинами), но даже содѣйствуетъ приращенію родительскаго достоянія. Однакожъ невѣста не совсѣмъ съ пустыми руками входитъ въ домъ будущаго супруга. Кромѣ мелочей, посылаемыхъ родителями за подарки жениха, они даютъ дочери хорошее приданое и часть своей движимости, но прежде сжигаютъ всѣ ея игрушки и такимъ образомъ празднуютъ перемѣну ея положенія. Движимость состоитъ изъ красивыхъ цыновокъ, которыя замѣняютъ столы, стулья, диваны и кровати. Къ нимъ всегда прибавляютъ прялку и разную посуду, которая употребляется для кухни въ Японіи. Въ день свадьбы, мебель и приданое перевозятся съ особенною торжественностію въ домъ мужа, гдѣ изъ присланныхъ вещей устраивается выставка.

Титсингъ увѣряетъ, что бракъ не утверждается религіозными обрядами. Но несмотря на такой сильный авторитетъ, можно возра-

зять, что начальникъ голландской факторіи могъ видѣть, какъ невѣста вводится въ домъ жениха, и не быть приглашеннымъ на ту религиозную церемонію, которая предшествовала брачному пиру, даже могъ не слышать о ней. Мейланъ увѣряетъ, что бракъ совершаетъ жрецъ, хотя это дѣло чисто гражданское. Фишеръ прибавляетъ, что бракъ долженъ быть записанъ въ томъ храмѣ, куда обыкновенно ходятъ молиться семейства новобрачныхъ. Тунбергъ говоритъ о жертвенникѣ, нарочно выстроенномъ для вѣнчанія, о молитвахъ, которыя бормоталъ жрецъ, стоявшій налѣво отъ невѣсты; что она зажигаетъ факель отъ лампы, стоящей на жертвенникѣ, и что женихъ зажигаетъ свой факель отъ факела невѣсты; потомъ объявляютъ, что женихъ и невѣста обвѣнчаны (*).

Невѣста, одѣтая въ бѣлый цвѣтъ, символъ чистоты, покрыта фатой, которая обвиваетъ ее съ головы до ногъ. Фата замѣняетъ саванъ и показываетъ, что дѣвушка, выходя изъ подъ

(*) Тунбергъ, томъ II, стр. 247.

Когда Японцевъ низшаго сословія спросили объ этомъ предметѣ, они отвѣчали, что при бракосочетаніи нисколько не нужно жреца. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что всѣ брачныя церемоніи въ Японіи чрезвычайно похожи на китайскія, въ которыхъ жрецы не принимаютъ ни малѣйшаго участія. Впрочемъ, можетъ быть, что въ некоторыхъ провинціяхъ и при какихъ нибудь особенныхъ случаяхъ родители призываютъ жрецовъ

родительскаго крова, навсегда умираетъ для семейства и должна жить только для мужа, которому ее отдаютъ. Послѣ торжественнаго объявленія, что бракъ совершенъ, ее сажаютъ въ богатый паланкинъ и несутъ, въ сопровожденіи юныхъ посредниковъ сватъбы, родственниковъ и друзей, приглашенныхъ на пиръ. Мужчины всѣ въ парадныхъ костюмахъ, а женщины въ самыхъ лучшихъ платьяхъ, съ золотыми бордюрами. Въ такомъ торжествѣ проходятъ по большой части улицъ города, и жители выбѣгаютъ толпой посмотреть на такое зрѣлище.

По прибытіи въ домъ жениха, невѣста, сопровождаемая двумя подругами дѣтства, входитъ въ пріемную комнату, гдѣ видитъ на почетномъ мѣстѣ своего жениха; возлѣ него отецъ, мать и ближайшіе родственники. Посреди комнаты, на красивомъ столѣ, поставлены искусственная сосна въ миниатюрѣ, сливное дерево въ цвѣту, журавли и черепахи (все это искусственное и тоже въ ми-

на сватъбу дѣтей своихъ. На японской сватъбѣ, о которой мы говорили, подарки, состоявшіе изъ одеждъ, сушеной рыбы, заки и проч., стоили не болѣе пятнадцати рублей серебромъ. Жена чернитъ себѣ зубы композиціей изъ угольнаго порошка и металлической окиси. Нерѣдко дѣвушки, дожившія до двадцати пяти лѣтъ, чернятъ себѣ зубы и брѣютъ брови, чтобы никто не зналъ, что онѣ имѣли несчастье остаться дѣвами.

ніатюрѣ); эти вещи представляютъ силу муж-
чины, красоту женщины и долговѣчную и
счастливую жизнь. На другомъ столѣ постав-
лено все, что нужно, чтобы выпить *заки*.
Невѣста садится къ этому столу. Тогда на-
ливаютъ *заки*, разносятъ его и пьютъ, съ
такими обрядами, которыхъ множество и
мелочность превосходятъ всякое вѣроятіе;
невозможно говорить объ этомъ подробно. Въ
книгѣ Титсинга расписаны всѣ шаги Япон-
цевъ во время сватъбы; но это такъ утоми-
тельно, что прочтя нѣсколько страницъ, нель-
зя не заснуть, при самомъ напряженномъ
вниманіи и если даже рѣшился не зѣвать и
не засыпать.

Дружки-дѣвушки, называемыя въ этомъ
случаѣ, *мужской бабочкой и женской бабоч-
кой*, играютъ въ этой церемоніи важную роль,
и потому бываетъ нѣсколько репетицій, что-
бы онѣ не сбились съ толку и исполнили
ее какъ слѣдуетъ. Потомъ собираются гости,
и весь вечеръ проходитъ въ томъ, что они
ѣдятъ и пьютъ *заки*. Свадебный пиръ обык-
новенно очень скромный и не роскошный,
въ память старинной умеренности древнихъ
Японцевъ. Многіе обычаи, существующіе до
сихъ поръ, имѣютъ цѣлію только напомнить
современникамъ о добродѣтеляхъ ихъ пред-
ковъ. Черезъ три дня послѣ сватъбы, ново-
брачные отправляются на поклонъ къ се-

мѣйству невѣсты; послѣ этого обряда сватьба считается совершенно конченною.

Новобрачная живетъ въ домѣ мужа или у его отца, если старикъ не рѣшился еще отказаться отъ права и названія главы семейства. Это званіе влечетъ за собой множество заботъ, хлопотъ и непріятностей; онѣ увеличиваются съ возвышеніемъ Японца въ чины. Подоженіе это такъ тяжело, что въ высшихъ классахъ нѣтъ отца, который бы не ждалъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ того дня, когда сынъ будетъ въ состояніи замѣнить его, и съ радостію отдаетъ себя, жену и младшихъ дѣтей подъ покровительство этого новаго главы семейства. Но вотъ что все-го удивительнѣе: при множествѣ такихъ отреченій отъ родительской власти, рѣдко встрѣтите такого сына, котораго неблагоразумное поведеніе заставило бы отца краснѣть или раскаяваться.

Не смотря на эти хлопоты и заботы, у Японцевъ вообще очень много свободнаго времени; даже чиновникамъ нечего дѣлать, потому что ихъ множество. Большая часть ихъ времени раздѣлена между удовольствіями и обязанностями въ обществѣ, котораго они покорные рабы. Между этими обязанностями много времени тратится на непрерывную и безпрестанную переписку, которую каждый Японецъ долженъ поддерживать со

всѣми своими знакомыми, и на безпрестанный обменъ подарками, заведенный между людьми всѣхъ сословій; онъ опредѣленъ такими же неизмѣнными законами, по какимъ движется вся жизнь Японцевъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опредѣлены самые подарки; въ иныхъ выборъ ихъ зависитъ отъ дарящаго, съ тѣмъ однакожъ, что начальникъ долженъ дарить подчиненному что нибудь существенно полезное, а подчиненный можетъ поднести начальнику только предметы искусства или рѣдкости. Между равными нисколько не смотря на цѣну подарковъ; не рѣдко дарятъ другъ другу дюжину яицъ, нѣсколько листовъ бумаги; наблюдаютъ только, чтобы все это было въ изящной коробочкѣ, связано шелковымъ снуркомъ, поставлено на красивый подносъ, и наконецъ, украшено бантомъ изъ цвѣтной бумаги, символомъ блаженства. При каждомъ подаркѣ, каковъ бы онъ ни былъ, дается кусокъ сушеной рыбы; эта же рыба, самая обыкновенная, непременно подастся на самыхъ роскошныхъ обѣдахъ; хотя никто до нея не дотрогивается, однакожъ ее непременно ставятъ на столъ, въ честь древнихъ Японцевъ, потому что они преимущественно питались ею. Въ праздники каждый посылаетъ пирогъ друзьямъ своимъ и даже простымъ знакомымъ.

Всѣ общественныя сношенія основаны на

самомъ строгомъ этикетѣ. Когда два благо-воспитанные господина встрѣчаются на ули-цѣ, они низко наклоняются и остаются нѣ-сколько времени въ этомъ положеніи; передъ разставаньемъ, они опять наклоняются и под-нимаютъ головы только тогда, когда теряютъ другъ друга изъ виду. Во время утренняго визита, хозяинъ и гость садятся на пятки, упираются руками въ полъ и одновременно опускаютъ голову, такъ чтобы достать ея до колѣнъ. Послѣ этого обмѣниваются обыкно-венными привѣтствіями, и потомъ говорятъ другъ другу *хе! хе! хе!* самымъ слабымъ го-лосомъ. Затѣмъ приносятъ трубки и чай, и только по окончаніи всѣхъ этихъ обрядовъ начинается разговоръ. Передъ концомъ ви-зита подаютъ, на листѣ бѣлой бумаги, ва-ренья и лакомства, и ѣдятъ ихъ палочками. Чего не можетъ сѣсть посѣтителъ, то онъ завертываетъ тщательно въ бумагу и кла-детъ въ карманъ, сдѣланный въ рукавѣ. Обы-чай уносить все, чего нельзя сѣсть, повсе-мѣстенъ въ Японіи; на большихъ обѣдахъ, лакеи приглашенныхъ особъ приносятъ кор-зины, такъ устроенныя, что въ нихъ можно уносить остатки пира. Кажется, что эти обѣ-дки раздаются бѣднымъ людямъ и нищимъ.

На парадные обѣды женщины не являют-ся; но въ домашнемъ быту и въ простыхъ собраніяхъ, онѣ обѣдаютъ съ мужчинами, и

это есть главное различіе между Японками и другими восточными женщинами.

На большихъ обѣдахъ гости садятся въ два ряда. Передъ каждымъ гостемъ, сидящимъ на пяткахъ, стоитъ маленькій столикъ, на который ставятъ кушанья; иногда къ этому столику приставляютъ столъ еще меньше. Люди разносятъ кушанье на томъ пространствѣ, которое осталось свободнымъ между двумя рядами гостей. Кушанья ставятся на столъ крестообразно. На одномъ блюдѣ рисъ, на другомъ рыба и овощи, вареные въ *зои*, на третьемъ вареная рыба, на четвертомъ *ашары*, и. т. д. Безчисленно множество сортовъ подаваемой рыбы, а еще безчисленнѣе способы готовить ее. Нѣкоторые сорта особенно любимы японскими лакомками, и за нихъ платятъ страшныя деньги, особенно въ то время, когда нѣтъ этихъ сортовъ рыбы. (*)

Также ѣдятъ дичину, свинину, кроликовъ и другое мясо, но въ небольшомъ количе-

(*) Самая любимая—*ака-те* или красная барыня, обыкновенно называемая Японцами *таи* (*sparus-avata* или *chrysophrys cristiceps*). Японцы особенно любятъ ее, потому, что она посвящена морскому богу Жебисъ, и потому, что она очень красива и нѣжна. Часто платятъ въ неблагопріятное время, за одну такую рыбу, по тысячѣ *кобанговъ*, то есть, до двадцати шести тысячъ руб. ассигнаціями.

ствѣ. При концѣ обѣда, подаютъ каждому гостю чашу съ рисомъ и варенье, такъ разложенное, чтобъ оно обманывало зрѣніе и вкусъ.

На праздникѣ, называемомъ *Гоззи* и даваемомъ по окончаніи времени, посвященнаго трауру, не ѣдятъ ничего что жило и не пьютъ *заки*; но на всѣхъ другихъ пирахъ это необходимый элементъ. Хозяинъ всегда садится возлѣ входа и привѣтствуетъ входящихъ или уходящихъ гостей. Пьютъ за здоровье другъ друга въ небольшихъ чашкахъ, опоражнивая ихъ въ одно время; иногда предложившій тосты выпиваетъ свою чашку прежде и передаетъ ее сосѣду, который наливаетъ въ нее *заки* и выпиваетъ. Въ такихъ случаяхъ употребляютъ только чай и *заки*. Вода не можетъ быть пущена въ дѣло.

Какъ въ Китаѣ, каждому гостю подаютъ отдѣльную порцію каждаго кушанья въ чашкахъ; у каждаго стоитъ чашка съ рисомъ, которую безпрестанно дополняютъ; слуги и служанки, очень внимательные, подаютъ пряности и приправы, между которыми *зои*, соленый пибиръ и соленая рыба играютъ главную роль. Обѣды состоятъ изъ растений всякаго рода (не исключая и морскихъ), дичины, домашнихъ птицъ и рыбы. Рыба—главное основаніе всякаго японскаго обѣда; это для нихъ то же, что жареная говядина

для Англичанъ. Нѣтъ такой рыбы, которой бы не ѣлъ Японецъ. Бѣдняки лакомятся лом-тами кита, изъ котораго выжали масло.

Большой обѣдъ обыкновенно состоитъ изъ семи или восьми переѣвъ; послѣ каждой переѣвы хозяинъ обходитъ гостей и съ каждымъ пьетъ *заки*. Когда Японецъ даетъ обѣдъ, главная цѣль его не въ томъ, чтобы собрать у себя отборное общество; нѣтъ, онъ хочетъ только показать свой фарфоръ и лакированные вещи, и видѣть, какъ гости будутъ удивляться множеству и богатству ихъ. Всего пріятнѣе и лестнѣе ему, когда изумленные гости забрасываютъ его вопросами и съ участіемъ спрашиваютъ, сколько ему стоили эти богатства.

Чай, вареный или приготовленный по нашему, пьютъ со всѣми кушаньями; это самое обыкновенное питье всѣхъ Японцевъ. У нихъ, правда, есть другое средство готовить чай; но оно обходится очень дорого, требуетъ множества домашней утвари, которая по законамъ этикета должна быть дорогая. Даже богачи подаютъ этотъ чай рѣдко. Дороговизна происходитъ отъ великолѣпія фарфоровыхъ, лакированныхъ и шелковыхъ вещей, которыя ставятся и кладутся на столъ; самое же приготовленіе чая не можетъ стоить особенно дорого, если вѣрить описаніямъ путешественниковъ. Смѣ-

шиваютъ разные сорта самаго цѣннаго чая, превращаютъ листочки въ порошокъ, обдають его кипяткомъ и взбиваютъ бамбуковыми палочками до тѣхъ поръ, пока онъ начинаетъ пѣниться. Это питье чрезвычайно вкусно, но очень горячитъ.

Портретъ бонза-философа *Дарума* долженъ непременно висѣть въ комнатѣ, гдѣ подаютъ такой чай; вѣроятно философъ изобрѣлъ его; во всякомъ случаѣ, онъ его *ками*, то есть, покровитель или патронъ (*).

Украшенія комнатъ въ Японіи измѣняются, смотря по какому случаю принимаютъ гостей. Это наука очень сложная. Нѣтъ изящной залы безъ *токо*. Такъ называется углубленіе въ стѣнѣ, въ родѣ алькова; оно обыкновенно украшено этажерками драгоцѣнной работы и изъ самаго дорогаго дерева. Въ этомъ *токо* должна быть одна картина, никакъ не болѣе; подъ картиною ваза съ цвѣтами. Картина должна имѣть прямое отношеніе къ причинѣ праздника; перемѣнять ее надобно для каждаго новаго пира; также число

(*) *Дарума* или *Дарма*, двадцать восьмой изъ главныхъ буддистовъ, родомъ изъ южной Индіи и происходилъ изъ касты *Кшатріевъ*. Онъ жилъ въ Китаѣ и умеръ, по увѣренію китайскихъ историковъ, въ 495 году.—Кемпферъ, основываясь на японскихъ лѣтописяхъ, увѣряетъ, что *Дарума* пріѣхалъ въ Китай въ 518 году.

цвѣтовъ, ихъ родъ, пропорція листьевъ къ цвѣтамъ, измѣняются по обстоятельствамъ. Для устройства этихъ важныхъ дѣлъ существуютъ особыя правила, цѣлая система, толстая книга, которую дѣвушки въ школѣ обязаны изучать съ особеннымъ стараніемъ.

Не смотря на такой этикетъ, на такую церемонность, Японцы очень общежительны; въ своихъ изящныхъ комнатахъ, они собираются часто и въ большомъ числѣ; женщины занимаются разными работами, или поютъ и пляшутъ. Наконецъ въ этихъ собраніяхъ играютъ въ разныя игры.

Японцы страстно любятъ музыку; преданія ихъ приписываютъ этому искусству происхожденіе отъ боговъ. Они рассказываютъ, что какъ-то *богиня Солнца*, разсердясь на своего брата, скрылась въ пещеру. Во всей вселенной воцарились мракъ и безначаліе. Боги, находившіеся въ страшномъ затрудненіи, прибѣгли къ помощи музыки, чтобы выманить богиню изъ пещеры, и успѣли въ предпріятіи; но если японская музыка изобрѣтена богами, то въ теперешнемъ положеніи она нисколько не напоминаетъ о мнимомъ своемъ происхожденіи. У Японцевъ есть инструменты струнные, духовые и ударные. Болѣе прочихъ въ чести—знаменитый *самизенъ* или трехструнная гитара. Часто также можно слышать обыкновенную гитару, ко-

торая называется *биса*. *Кото* (родъ люти), барабаны или тамбурины, флейточки, кларнеты всегда слышны въ инструментальномъ концертѣ. Но при всѣхъ этихъ инструментахъ (ихъ двадцать одинъ), Японцы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о гармоніи; они часто играютъ вмѣстѣ, въ одно время, но между ними нѣтъ согласія. Не далѣе ушли они и въ мелодіи: пѣсни ихъ не напоминаютъ ни простой мелодіи, ни ученыхъ аккордовъ западной музыки. Не смотря на все это, они по цѣлымъ часамъ предаются обаянію звуковъ. Только въ самомъ бѣдномъ и необразованномъ классѣ можно встрѣтить дѣвушку, которая не умѣла бы пропѣть пѣсню съ акомпаниментомъ *саммисена*. Пѣсни эти часто не болѣе какъ экспромты. Въ собраніяхъ, о которыхъ сейчасъ было говорено, перѣдко женщина сочиняетъ пѣсню, если представится удобный случай.

Пляска ихъ въ восточномъ вкусѣ; это пантомима, въ которой руки и тѣло дѣйствуютъ гораздо болѣе, чѣмъ ноги; ноги почти не передвигаются и прикрыты длиннымъ плащомъ. Какъ и всѣ характерныя пляски, она болѣею частію представляетъ страстную сцену или сцену изъ комедіи или даже изъ обыкновенной жизни. Только однѣ женщины участвуютъ въ этихъ домашнихъ балетахъ; мужчины же смотрятъ на нихъ и восхищаются.

Голландцы, не столь восторженные, хвалят только скромную осторожность таинцевъ и отдаютъ ей предпочтеніе передъ сладострастнымъ пыломъ баядерокъ. Однакожъ, и въ Японіи есть родъ женщинъ, которыя не уступятъ послѣднимъ.

Карты и кости запрещены; хотя и говорятъ, что этотъ законъ нарушается въ тайныхъ игорныхъ домахъ, однакоже Японцы уважаютъ его у себя. Любимыя ихъ игры: шахматы, шашки, и игра похожая на итальянское *моро*. Она почти ничѣмъ не отличается отъ игры *micare digitis* древнихъ Римлянъ и состоитъ въ томъ, что противникъ угадываетъ, сколько вы раскрыли пальцевъ. Разумѣется, что движеніе рукою производится быстро. Другая игра состоитъ въ томъ, что одинъ отгадываетъ, въ какой рукѣ держать мячикъ. Всѣ сословія въ Японіи играютъ въ шахматы. Ихъ называютъ *шиюги* (*chiogi* или *gui*). На доскѣ восемьдесятъ одна клѣтка; у каждаго игрока двадцать шашекъ, въ томъ числѣ девять пѣшекъ. Эти двадцать орудій разставляются въ три ряда; въ первомъ ряду отъ играющаго ихъ девять; шахъ стоитъ посрединѣ перваго ряда. Во второмъ, на правомъ и на лѣвомъ концахъ—по одному офицеру; въ третьемъ—всѣ девять пѣшекъ. Ходъ офицеровъ не похожъ на нашъ, но духъ игры тотъ же.

Есть еще другая игра въ томъ же родѣ; ее играютъ камешками, на доскѣ въ триста шестьдесятъ клѣтокъ, по числу дней въ году.

Игра въ мячъ, воланъ, стрѣльба изъ лука, фехтованіе, самыя обыкновенныя увеселенія Японцевъ. Есть еще игра, свойственная только Японцамъ, о которой нельзя не упомянуть. Общество становится около таза, наполненнаго водой, куда пускаютъ куколку; пока она держится на водѣ, одни поютъ, другіе играютъ на трехструнной гитарѣ; когда она остановится противъ кого нибудь, то онъ долженъ выпить *заки* или дать фантъ; такое же наказаніе назначается и тому, кто не угадаетъ числа пальцевъ въ японскомъ *морю*. Во время этихъ игръ забываютъ строгость этикета, предаются самой безумной веселости, и вечеръ нерѣдко кончается развязкой, которая вовсе не идетъ къ людямъ, считающимъ невоздержность принадлежностію Сѣвера и Запада. Мужчины пьютъ *заки* въ наказаніе или добровольно, до того, что нужно приниматься за чай, чтобы прогнать опьяненіе; отъ этого лекарства переходятъ опять къ яду, отъ яда опять къ лекарству, и окончательно ихъ относятъ домой въ совершенномъ безпамятствѣ и безчувствіи.

Лѣтомъ Японцы часто собираются цѣлымъ обществомъ за-городъ; особенно любятъ они

кататься въ лодкахъ, чтобы имѣть возможность вполне насладиться красотами природы. Вотъ почему часто встрѣчаются красивыя лодки, богато убранныя, на озерахъ, въ заливахъ и по рѣкамъ; веселыя компаніи проводятъ такимъ образомъ вечеръ и часть ночи въ концертахъ и пирахъ. Если пируютъ днемъ, то забираются въ какую нибудь бухту, недоступную лучамъ солнца, откуда открыть видъ на большое пространство и гдѣ свѣжій вѣтерокъ съ моря навѣваетъ прохладу; тутъ то раздаются громкіе звуки инструментовъ, и въ водѣ отражаются тысячи дрожащихъ огоньковъ, отъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонарей.

Для большаго веселья и чтобъ не попасть въ скучные разговоры или на музыку любителей, на весь день нанимаютъ артистовъ-музыкантовъ, фокусниковъ, паяццо и пр. Часто тутъ бываютъ и рассказчики повѣстей, которые, не набивая головы романами, какъ прочіе рассказчики на востокѣ, излагаютъ просто сплетни и недавніе случаи изъ жизни сосѣдей. Часто прибѣгаютъ къ помощи этихъ людей, когда хотятъ развеселить больного. Но всего удивительнѣе, что эти люди должны быть для компаніи, которая ихъ наняла, образцами учтивости и тонкаго обращенія и, кажется, они превосходно исполняютъ обѣ эти обязанности, столь между собою не-

сходныя. Предаваясь въ качествѣ шутовъ, всякимъ неабытнымъ странностямъ, нестерпимымъ грубостямъ, они сохраняютъ возможное хладнокровіе и всегда кстати умѣютъ напомнить слушающей ихъ толпѣ о приличіи и порядкѣ.

Отъ удовольствій и церемоній, наполняющихъ японскую жизнь, надобно перейти къ плачевнымъ сценамъ, которыми она кончается. Мы видѣли, какъ Японецъ является на свѣтъ, теперь посмотримъ, какъ онъ сходитъ въ могилу.

Обыкновенно проходитъ нѣсколько времени между смертію и днемъ погребенія. Японцы высшаго сословія часто умираютъ *найбонъ* (инкогнито), естественною смертію или самоубійствомъ. Такъ смерть чиновника всегда держать въ тайнѣ и ничто не измѣняется въ жизни его семейства до тѣхъ поръ, пока сынъ не получитъ отцовской должности. То же бываетъ въ случаѣ смерти чело-вѣка, который много долженъ; жалованье идетъ мертвому, но деньги попадаютъ въ карманъ заимодавцевъ, и должника считаютъ живымъ, хотя всѣ знаютъ, что онъ умеръ. Вельможа, попавшій въ немилость, обыкновенно распарываетъ себѣ брюхо, въ присутствіи всего своего семейства, особенно если полагаетъ, что дѣтямъ будетъ выгодно наложить на его смерть *найбонъ*. Тотъ же, кто

такъ виновенъ, что подвергается строгому наказанію, напимѣръ, конфискаціи или казни, наносящей безчестіе всему его семейству, распарываетъ себѣ брюхо въ торжественномъ собраніи всѣхъ своихъ друзей. Такое самоубійство имѣетъ цѣлю удовлетворить правосудіе и отклонить заслуженную казнь.

Когда прекращается необходимость въ *наибилъ* и смерть Японца становится официальной (какъ бы онъ ни умеръ, съ цѣлымъ или распоротымъ брюхомъ), родственники его въ знакъ печали перевертываютъ всѣ *ширмы* и *двери* въ домѣ и надѣваютъ платья свои *наизнанку*. Жрецъ является стеречь трупъ. Семейство должно быть такъ огорчено, что не можетъ заняться приготовленіями къ печальной церемоніи и ея подробностями. Оно плачетъ въ уединеніи, которое ничѣмъ не нарушается. Короткіе друзья покойнаго принимаютъ на себя хлопоты и устройство погребенія. Одинъ не отходитъ отъ тѣла, а другой приготовляетъ церемонію. Третій находится у дверей, въ парадномъ костюмѣ, и принимаетъ знакомыхъ покойника, которые являются съ визитомъ для изъясненія сожалѣній. Визиты эти *оканчиваются* у дверей, чтобы не оскверниться порогомъ, до котораго прикоснулась смерть. Могилу вырываютъ *подъ надзоромъ* четвертаго друга. Вообще стараются, чтобы она была поближе къ хра-

му; даютъ ей форму колодца и обмазываютъ крѣпкимъ цементомъ, чтобы въ нее не просасывалась вода. Если покойникъ былъ женатъ, то колодець дѣлается вдвое шире, чтобы можно было похоронить въ немъ и вдову, когда она умретъ; потомъ ставятъ памятникъ съ именемъ умершаго. Если онъ женатъ, то имя вдовы пишется на памятникѣ красными буквами; когда она умретъ, ихъ выкрасятъ черною краскою или позолотятъ, смотря по состоянію умершихъ. Тотчасъ послѣ смерти Японца, посылаютъ за жрецами. Они поютъ погребальныя гимны, готовятъ *Игаи* или *И-фай* (мертвенную таблицу), и проч.

По окончаніи приготовленій, обмываютъ тѣло и окутываютъ бѣлымъ саваномъ, на которомъ жрецъ начертываетъ священныя слова; въ такой одеждѣ его вкладываютъ, на японскій манеръ, въ цилиндрическій гробъ, который вставляется въ большой глиняной горшокъ такой же формы. Потомъ выносятъ покойника изъ дому. Шествіе открывается носильщиками факеловъ; за ними множество жрецовъ съ священными книгами, курильницами и пр. За ними идетъ толпа служителей, съ длинными бамбуковыми палками, на которыхъ фонари, зонтики, листы бумаги, расписанные священными изреченіями. Потомъ несутъ покойника подъ бумажнымъ

балдахиномъ; служитель несетъ надъ нимъ вѣнокъ, прикрѣпленный къ бамбуковой палкѣ. За гробомъ идутъ въ парадныхъ одеждахъ друзья и знакомые покойника; они окружаютъ его родственниковъ. Родственники, служители и носильщики въ глубокомъ траурѣ, то есть всѣ въ бѣломъ.

Родственницы и ихъ подруги, въ *норимонахъ* и въ сопровожденіи своихъ служанокъ, замыкаютъ шествіе. *Норимоны* родственницъ отличаются тѣмъ, что носильщики ихъ одѣты въ бѣлую одежду. При похоронахъ небогатаго и незнатнаго покойника (въ Японіи, какъ и въ Европѣ, есть разные сорта похоронъ), родственницы идутъ пѣшкомъ послѣ мужчинъ, въ самомъ концѣ погребальнаго шествія.

Въ храмѣ его встрѣчаютъ жрецы и поютъ молитвы по усопшемъ; потомъ погребаютъ его иногда при стукѣ гонговъ или другихъ инструментовъ, иногда вовсе безъ музыки. Два человѣка изъ родственниковъ покойника становятся въ боковой комнатѣ храма и тщательно записываютъ имена находившихся при церемоніи.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ погребальные обряды измѣняются; и самая церемонія болѣе или менѣе великолѣпна, смотря по состоянію семейства покойника. Кроме того, нѣкоторыя измѣненія производятся

сообразно чину, лѣтамъ, вѣрованію умершаго. Японцы погребаютъ тремя различными образами: или опускаютъ тѣло въ могилу, что называется *дозо*; или сжигаютъ его и собираютъ прахъ въ вазу, которую хоронятъ въ землю: это называется *квazo*; или, наконецъ, бросаютъ тѣло въ океанъ, что называется *суизо*. Последнее случается нынѣ очень рѣдко.

Титсингъ напечаталъ всѣ подробности церемоній. Вѣрность ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ *Chinese Repository*, Т. IX, стр. 633, 634 и 635, показанія Титсинга подтверждены и дополнены новѣйшими несомнѣнными свидетельствами.

Прежде похороны производились совершенно иначе. Хотя Японія представляется типомъ неподвижности, однакожъ время мало по малу измѣнило и въ ней все, что было въ обычаяхъ жестокаго или нелѣпаго. Въ древности, по смерти Японца сжигали домъ его и брали изъ дому только то, что могло служить къ сооруженію его гробницы. Нынѣ довольствуются очищеніемъ дома, гдѣ былъ покойникъ, и для этого передъ входомъ раскладываютъ огонь и бросаютъ въ него пряности и благовонныя масла. Въ первыя времена варварства, служителей хоронили живыхъ вмѣстѣ съ господиномъ; потомъ при смягченіи нравовъ, дозволили имъ самоубій-

ство прежде погребенія, но все таки въ уговорахъ съ ними упоминалось, что они непременно должны идти въ могилу съ господиномъ, которому служатъ. Теперь служители замѣняются простыми куклами (*). Извѣстно, что Конфуцій порицалъ даже подражаніе этому варварскому обычаю хоронить живыхъ людей. До сихъ поръ, въ нѣкоторыхъ странахъ Востока, слуги и служанки добровольно убиваютъ или сожигаютъ себя на могилѣ своего господина.

Трауръ для семействъ, принадлежащихъ къ сектѣ *Синту*, продолжается цѣлый годъ. Прочія секты, какъ кажется, оплакиваютъ своихъ умершихъ не болѣе сорока девяти дней (**).

Въ продолженіе сорока девятидневнаго траура, всѣ родственники умершаго должны ежедневно являться на его могилу, молиться о немъ и приносить ему особенные пирожки, которыхъ число должно равняться числу

(*) Эти человѣческія жертвы (какъ увѣряетъ Бургеръ) запрещены въ царствованіе Сунцинтено, въ началѣ христіанской эры; но куколъ клали въ могилы до 1650 г. До сихъ поръ у иныхъ семействъ хранятся глиняныя статуи, замѣнявшія несчастныхъ служителей.

(**) Зибольдъ утверждаетъ, что бываютъ случаи, когда ближайшіе родственники покойника остаются тринадцать мѣсяцевъ въ состояніи нечистомъ, а это синонимъ траура.

дней, истекшихъ съ минуты похоронъ покойника. Въ пятидесятый день, *кванъ* или выѣшнй гробъ, стоявшй на могилѣ, уносится и замѣняется *си-секи*, или могильнымъ камнемъ; мужчины брѣютъ себѣ бороду и голову, чего не дѣлали въ продолженіе семи недѣль. Отлагаютъ въ сторону всѣ знаки траура; мужчины и женщины предаются обыкновенной жизни; первое дѣло — ѣхать съ визитомъ и благодарить всѣхъ, кто былъ на похоронахъ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ дѣти и внуки обязаны возлагать приношенія на могилы отцевъ и дѣдовъ. Полвѣка! Если это исполняется, нельзя не похвалить японскаго закона, продолжающаго на полвѣка память благодарности: людей, и самыхъ знаменитыхъ, забываютъ такъ скоро!

ХАРАКТЕРЪ ЯПОНЦЕВЪ.

Въ старинныхъ разсказахъ, и особенно у Кемпфера, наивнаго и умнаго, но слишкомъ довѣрчиваго наблюдателя, находимъ множество анекдотовъ, которые показываютъ разительнѣйшія черты характера Японцевъ. Кромѣ Кемпфера, мы будемъ въ этомъ случаѣ руководствоваться воспоминаніями Дѣфа и Титсинга и основываться на Фишерѣ, который писалъ послѣ всѣхъ ихъ.

Эти авторы содержатъ много подробностей, въ высшей степени любопытныхъ. Онѣ показываютъ мстительность, упрямство Японцевъ, какъ мало цѣнятъ они человѣческую жизнь, любовь ихъ къ шуткѣ и мысли ихъ объ умѣнн жить, и если можно такъ выразиться, объ умѣнн *умирать*.

Слѣдующій разсказъ взятъ изъ Дѣфа.

Въ 1808 году, капитанъ Пеллю (Pellew), командиръ *Фазтона*, крейсировавшій въ моряхъ Индіи, искалъ случая завладѣть гол-

ландскими кораблями, производящими торговлю съ Японіей. Предпріятіе его не имѣло успѣха, потому что въ этотъ годъ голландскіе корабли не ходили въ Японію; одна-кожъ онъ дошелъ до Нагазаки.

Когда фрегатъ показался около береговъ, въ Нагазаки объявили, что видѣнъ иностран-ный корабль; тотчасъ приняли обыкновен-ныя мѣры; но въ то время не брали еще заложниковъ: это началось только послѣ раз-сказываемаго случая. Депутація выѣхала на встрѣчу новоприбывшимъ. Лодка голланд-ской факторіи шла передъ тою, въ которой сидѣли японскіе комиссары; все это направ-лялось къ шлюпкѣ фрегата, который под-нялъ голландскій флагъ. Едва лодки съѣха-лись, какъ схватили Голландцевъ и наси-лѣмъ увезли на *Фазтонъ*. Японскіе комми-сары и переводчикъ; испугавшись такой неожиданной развязки, повернули назадъ и поспѣшили донести объ измѣнѣ и несчастіи своихъ товарищей. Губернаторъ, отвѣчающій головою за всѣхъ голландскихъ агентовъ, поручилъ двумъ *гобаніози* воротить плѣнни-ковъ, во чтобы то ни стало, подъ страхомъ смертной казни; потомъ послалъ спросить у Дѣфа, что значитъ этотъ случай и какія тотъ полагаетъ употребить мѣры, чтобы выручить своихъ товарищей. Дѣфъ отвѣчалъ, что это долженъ быть англійскій военный корабль,

а какъ Голландцы, взятые въ плѣнъ, люди невоенные, то ихъ можно вытребовать дипломатическими переговорами. Но во время этой переписки, Фаэтонъ подвигался впередъ безъ лодмана, и Японцы, испуганные этою безпримѣрною дерзостію, увѣряли, что онъ идетъ въ Дециму.

Губернаторъ началъ опасаться, что у него похитятъ всю факторію, и призвалъ въ свой дворецъ всѣхъ Голландцевъ, приказавъ имъ перенести туда всѣ драгоцѣнныя вещи. Они нашли его въ бѣшенствѣ.—«Будьте спокойны, *opperhoofd*, сказалъ онъ Дѣфу, я сейчасъ выручу вашихъ товарищей». Вскорѣ потомъ получили письмо отъ одного изъ плѣнниковъ; онъ писалъ, что корабль англійскій и что капитанъ Пеллю просить позволенія купить съѣстныхъ припасовъ и запастись водой.

Губернаторъ, слѣдуя даннымъ ему инструкціямъ, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на эту просьбу и спѣшилъ приготовленіями къ истребленію дерзкихъ иностранцевъ. Онъ приказалъ прислать немедленно помощь изъ сосѣднихъ войскъ, изъ земель князя Фицена, гдѣ всегда должны быть тысяча человекъ подъ ружьемъ; но ихъ оказалось не болѣе шестидесяти или семидесяти; самъ комендантъ находился въ числѣ отсутствующихъ. Губернаторъ зналъ, что это от-

существо будетъ вменено ему въ преступленіе, за которое непременно послѣдуетъ смерть; однакожъ всѣми силами старался воротить плѣнниковъ.

Трудно угадать къ какому средству онъ прибѣгнулъ; такая мысль могла придти въ голову только Японцу. Старшій секретарь явился къ Дёфу и объявилъ, что получилъ приказаніе выручить Голландцевъ. «Но какимъ образомъ?»—«Ими завладѣли измѣной, и потому я поѣду туда одинъ и постараюсь быть какъ можно ласковѣе. Я попрошу капитана выпустить плѣнниковъ. Если онъ откажетъ, я убью его и потомъ самъ распоряжусь брехою». Не безъ труда Дёфъ могъ убѣдить губернатора и секретаря, что вѣроятно плѣнники будутъ умерщвлены раздраженными матросами, если онъ исполнитъ свое намѣреніе.

Между тѣмъ, капитанъ Целю отпустилъ на берегъ одного изъ плѣнниковъ, на честное слово, чтобы попросить съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ имѣлъ нужду. Голландецъ рассказалъ, что ихъ допрашивали о прибытіи голландскихъ кораблей; что имъ грозили смертію и сожженіемъ всѣхъ японскихъ и китайскихъ судовъ, стоявшихъ въ портѣ, если отвѣты ихъ окажутся лживыми. И на этотъ разъ большихъ трудовъ стоило убѣдить губернатора, что плѣнникъ долженъ

воротиться на англійскій фрегатъ и что отъ исполненія даннаго имъ честнаго слова зависить участь и спасеніе его товарища. Наконецъ отослали Голландца съ съѣстными припасами и небольшимъ количествомъ воды; обѣщали прислать больше, желая удержать Англичанъ у береговъ и выиграть время для приготовленій къ военнымъ дѣйствіямъ. Но англійскій капитанъ убѣдился, что въ портѣ нѣтъ голландскихъ кораблей, удовольствовался присланными припасами и отослалъ обоихъ плѣнниковъ на берегъ. Это значило возвратить жизнь двумъ несчастнымъ *гобаніози*, которые вертѣлись около *Фаэтона* и не знали, какъ приступить къ исполненію даннаго имъ порученія.

Губернаторъ все еще занимался сборомъ войска, необходимаго для нападенія на Англичанъ; но подкрѣпленія подходили медленно, и начали искать другихъ средствъ. Князь Омура, прибывшій съ своими людьми чѣмъ свѣтъ, предложилъ сжечь корабль посредствомъ пятидесяти лодокъ, наполненныхъ горючими матеріями. Пока разсуждали о неудобствахъ этихъ плановъ, пока войска собирались, пока комиссары собирались ѣхать на корабль для начатія переговоровъ, фрегатъ, вошедшій въ заливъ безъ лоцмана, безъ лоцмана же вышелъ, къ величайшему удивленію Японцевъ!

Голландцы возвратились въ Дециму. Это событіе не могло имѣть для нихъ другихъ послѣдствій; но не то случилось съ Японцами. Губернаторъ, поневолѣ выпустивъ изъ рукъ своихъ этихъ дерзкихъ иностранцевъ, не исполнилъ своей обязанности; во всякомъ случаѣ, онъ былъ кругомъ виноватъ тѣмъ, что не зналъ, какъ небрежно содержатся прибрежные караулы. Японецъ понялъ, что ему остается дѣлать, и немедленно рѣшился на то, что ему предписывали японскіе обычаи. Вотъ какъ Дѣфъ рассказываетъ эту развязку:

«Онъ такъ хорошо зналъ, какая участь ожидаетъ его, что черезъ полчаса послѣ нашего отъѣзда собралъ все свое семейство и при всѣхъ распоролъ себѣ брюхо. Начальники прибрежныхъ карауловъ, зависѣвшіе отъ князя Фицена, послѣдовали его примѣру. Это было единственное средство спасти семейства отъ вѣчнаго позора. Нѣтъ сомнѣнія, что неисправность навлекла бы на нихъ страшную казнь, потому что самъ князь Фицена, бывшій тогда въ отсутствіи и удерживаемый силою въ Иедо, былъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ въ продолженіе ста дней, за небрежность подчиненныхъ. Надобно прибавить, что молодой сынъ губернатора Нагазаки теперь въ большой милости при дворѣ и ему дана важная должность.

Въ 1810 году, когда я ѣздилъ въ Іедо, мнѣ рассказывали, что князь Фицена, обвиняя себя въ смерти губернатора, просилъ у государственнаго совѣта позволенія предложить сыну несчастнаго 2,000 кобанговъ (около 53,000 р. асс.). Не только согласились на эту просьбу, но изъ особенной милости позволили дарить такую же сумму ежегодно, чтобы онъ не имѣлъ нужды часто повторять объ этомъ просьбу. Это позволеніе, столь же неожиданное, сколько и характеристическое, совершенно замѣнявшее приказъ, принуждало князя Фицена производить ежегодную пенсію дѣтямъ несчастнаго погибшаго губернатора» (*).

Эта исторія, въ которой самъ Дѣфъ принималъ дѣятельное участіе, хорошо обрисовываетъ духъ японскаго правительства и показываетъ, какія причины заставляютъ Японцевъ посягать на самоубійство. Съ сожалѣніемъ надобно сказать, что докторъ Зи-

(*) Мейланъ и Фишеръ упоминаютъ о появленіи Фазтона у береговъ Японіи и о бѣдствіяхъ, которыя послѣдовали отъ этого посѣщенія. Они входятъ въ нѣкоторыя подробности на счетъ поведенія капитана Пеллю; если эти подробности вѣрны, то оно не совсѣмъ безукоризненно; но они рассказываютъ по слухамъ и подъ вліяніемъ предрасудковъ. Только рассказъ Дѣфа заслуживаетъ полной вѣры, потому что онъ былъ очевидцемъ и даже дѣйствующимъ лицомъ въ этой странной драмѣ.

больдъ былъ причиною такого же бѣдствія, хотя за него погибло менѣе жертвъ. Подробности этого дѣла еще не напечатаны, но вотъ что рассказываютъ о немъ. Молва объ учености доктора и покровительство многихъ важныхъ Японцевъ доставили ему позволеніе остаться въ Іедо послѣ отъѣзда полковника Стюрлера въ Дециму; потомъ,—что еще изумительнѣе — дозволили ему разъѣзжать по внутреннимъ провинціямъ имперіи, подъ условіемъ, чтобы онъ не снималъ ни картъ, ни плановъ. Онъ не исполнилъ послѣдняго условія, попалъ въ тюрьму и успѣлъ бѣжать при помощи вѣрныхъ своихъ служителей изъ Японцевъ. Но люди, которымъ было поручено стеречь его, могли искать спасенія только въ *гара-кири*, то есть, должны были распороть себѣ брюхо. Такъ рассказывали эту исторію; можетъ быть, не всѣ подробности вѣрны, однакоже бѣгство ученаго Нѣмца и отъѣздъ англійскихъ моряковъ повлекли за собой смерть нѣсколькихъ Японцевъ (*).

Слѣдующая исторія, взятая изъ лѣтописей *сіюгуновъ* династіи Гонгенъ, покажетъ вдругъ

(*) Въ восьмомъ номерѣ *Индійскаго Монитёра* (томъ II), докторъ Зибольдъ намекаетъ на слѣдствіе, которое производилось надъ нимъ и нѣсколькими Японцами за то, что онъ добылъ географическія карты и другіе этнографическіе предметы, что запрещено ту-

и мстительность, и непреклонную твердость, и чувства дружбы и кровожадности Японцевъ.

Во время междоусобной войны Гонгена съ Гиде-іори, мужемъ его внучки, князь Тозы явно дѣйствовалъ въ пользу послѣдняго. Послѣ пораженія и уничтоженія этой партіи, онъ попалъ въ руки побѣдителя. Его заставили переносить самыя грубыя жестокости; наконецъ рѣшили, отрубить ему руки, а эта казнь считается самою позорною въ Японіи. Плѣнникъ сильно упрекалъ Гонгена, который лично присутствовалъ при казни, и за измѣну законному владѣльцу, и за жестокой поступокъ съ побѣжденнымъ. Въмѣсто отвѣта ему отрубили голову. Марубози, сынъ князя Тозы, съ этой минуты рѣшился отмстить за отца; но онъ былъ еще ничтожный мальчикъ лѣтъ девяти, не болѣе. Онъ скрывалъ намѣреніе свое отъ всѣхъ и терпѣливо ожидалъ удобнаго случая. Спустя долгое время, въ 1651 году, при Минамото-но-іеіе-Митсу, правнукѣ Гонгена, онъ былъ назначенъ начальникомъ стражи дяди новаго сіюгуна. Марубози—Чуя думалъ, что

земными законами. Зибольдъ общаетъ напечатать нѣсколько документовъ, которые вполнѣ объяснятъ какъ самое событіе, такъ и личные поступки ученаго. Дѣло Зибольда случилось въ то время, когда Мейланъ былъ начальникомъ голландской факторіи въ Децимѣ.

наступила пора мстить. Онъ принялъ въ товарищи Зіозица, сына *красильщика*, чрезвычайно умнаго человѣка, бывшаго опекуномъ Гори-Нобу (дяди сіогуна).

«Пять лѣтъ умѣлъ молчать Чуя; на шестой одно неосторожное слово разрушило его замыслы. Тотчасъ приказали схватить Чую и Зіозица. Всего важнѣе было захватить ихъ обоихъ живыми, особенно Чую, который жилъ въ Іедо и могъ сообщить важныя свѣдѣнія. Передъ его дверьми закричали: пожаръ! Онъ вышелъ посмотрѣть, что тутъ такое; на него напали, и хотя онъ защищался отчаянно и убилъ двухъ человѣкъ, однакоже наконецъ принужденъ былъ сдаться.

Всѣхъ знакомыхъ Чуи взяли подъ арестъ. Зіозицъ распоролъ себѣ брюхо; но успѣли захватить Икіемона и Фатсіемона. Они рассказали все дѣло, но не сказали именъ своихъ товарищей. Бумаги Чуи были истреблены; оставалось дѣйствовать допросами; плѣнниковъ истязали страшными пытками, о которыхъ мы будемъ говорить для того только, чтобы показать жестокость японскихъ законовъ и твердость японскаго характера.

Прикрывъ Чую, Икіемона и Фатсіемона мокрою глиною, положили ихъ на горячую золу. Глина, высыхая, раздирала имъ кожу. Фатсіемонъ сказалъ палачамъ: «Я вернулся изъ далекаго путешествія; эта теплота бу-

детъ мнѣ полезна; мои члены станутъ по прежнему гибки и сильны.»

Потомъ имъ разрѣзали спины; разрѣзъ былъ въ восемь дюймовъ длиною, и въ рану налили растопленной мѣди. Когда она застыла, ее вырвали вмѣстѣ съ мясомъ, къ которому она пристала. Чужа, послѣ этого, сказалъ судѣ: «Мнѣ было девять лѣтъ, когда я рѣшился отмстить за отца. Мужество мое непоколебимо, какъ мѣдная стѣна; пусть ваша адская наука изобрѣтаетъ новыя казни: жестокость ихъ никогда не сравнится съ твердостью души моей.»

Видя, что нельзя заставить плѣнниковъ говорить, назначили день казни. Съ равняго утра торжественно повели по улицамъ осужденныхъ; всѣхъ ихъ было тридцать четыре. Чужа шелъ впереди; позади всѣхъ шли его жена и мать, жена Икіемона и еще четыре женщины. Жены Чуи не пытали, потому что по японскимъ законамъ показанія женщины не имѣютъ судебной силы.

Когда шествіе подходило къ мѣсту казни, человѣкъ съ двумя саблями съ золотымъ эфесомъ, пробрался сквозь толпу къ командовавшему чиновнику и сказалъ: «Я называюсь Зибата-Цабробе, я другъ Чуи и Зію-зица; живу очень далеко отсюда; но тогда-часъ поѣхалъ въ Іедо, какъ узналъ, что они взяты подъ карауль. Я думалъ, что Чую

простять, и потому скрывался; но ему суждено погибнуть, и я пришелъ проститься съ нимъ въ послѣдній разъ, и раздѣлить его участь, если это нужно.—«Вы честный человекъ, отвѣчалъ чиновникъ; я бы желалъ, чтобъ всѣ люди были на васъ похожи. Мнѣ не нужно позволенія губернатора: можете идти къ вашему другу».

Друзья поговорили спокойно; выпили *заки*, принесенное Зибатою, и простились навсегда. Оба плакали. Чую нѣжно благодарилъ друга за это послѣднее свиданіе. Зибата говорилъ: «Тѣло наше на землѣ похоже на великолѣпный цвѣтокъ *озагаву*, который разцвѣтаетъ до зари и блекнетъ при появленіи первыхъ лучей солнца;—оно проходитъ какъ быстрое насѣкомое *когеро*, которое живетъ такъ недолго». Послѣ этихъ словъ онъ всталъ, ушелъ и благодарилъ чиновника за его снисхожденіе.

Кресты были приготовлены; на нихъ повѣсили осужденныхъ, и палачи начали дѣйствовать пиками. Перваго доконали Чую; послѣ него, очередь дошла до его несчастныхъ друзей. Жена его умерла съ твердостью, которой можно было ожидать отъ нея.

Разсказъ объ этой казни подкрѣпляетъ мнѣніе, выраженное выше, что форма смертной казни зависитъ отъ судьи.

Путешественники могутъ описывать и раз-

сказывать только то, что видѣли; но закона мы все таки не знаемъ.

По окончаніи казни, Зибата подалъ объ свои драгоцѣнныя сабли чиновнику и сказалъ: «Вамъ обязанъ я послѣднею бесѣдою съ другомъ; будьте же милостивы и распорядитесь, чтобы я могъ умереть подобно моему другу». — «Нѣтъ! вы заслуживаете лучшей участи. Въ то время, какъ всѣ его друзья скрывались, вы неустрашимо пришли обнять его».

Въ лѣтописяхъ ничего болѣе не говорится о Зибатѣ, и потому должно думать, что храбрый и вѣрный другъ избѣжалъ казни и спокойно воротился домой.

Но оставимъ эти печальные рассказы о мести и японскихъ казняхъ и выставимъ менѣе темныя стороны японскаго характера, и особенно ихъ изобрѣтательность.

Ока-Ечизенъ-но-Ками, одинъ изъ губернаторовъ Іедо, получилъ приказаніе найти для службы сіюгуна нѣсколько дѣльныхъ людей, и въ томъ числѣ счетчика. Ему рекомендовали нѣкоего Нода-Бунзо, какъ опытнаго ариеметика и какъ человѣка вообще способнаго занять эту должность. Губернаторъ призвалъ ариеметика и важно спросилъ: «Если раздѣлить 100 на 2, какое выдетъ частное число?» Кандидатъ съ такою же важностію

вынулъ записную книжку, написалъ задачу, рѣшилъ и отвѣчалъ: *пятьдесятъ*. «Хорошо, я вижу, что вы столько же осторожны, сколько и учены; вы созданы для этой должности. Еслибъ вы поспѣшили мнѣ отвѣчать, я бы составилъ себѣ невыгодное понятіе о вашемъ воспитаніи; сіюгунъ нуждается въ такихъ людяхъ, какъ вы, и вы непременно получите мѣсто.»

Слѣдующій фактъ беремъ мы изъ разсказовъ Дѣфа о томъ, что случилось замѣчательнаго въ децимской конторѣ, во время его управленія.

Батавскіе Голландцы снарядили американскій корабль для поѣздки въ Японію; это было во время войны, въ ту эпоху, когда голландскіе корабли подвергались страшной опасности и только нейтральныя суда могли пускаться въ далекія экспедиціи. Корабль этотъ, нагруженный шѣлью и камфорой, снялся съ якоря ночью, попалъ на утесъ и пошелъ ко дну. Экипажъ спасся на берегъ въ лодкахъ; оставалось спасти грузъ. Американскій капитанъ, членъ факторіи, японскіе чиновники ломали себѣ головы надъ разрѣшеніемъ этой трудной задачи.

Сначала думали, что можно вытащить шѣль помощью японскихъ водолазовъ. Но

двое изъ нихъ умерли при первой попыткѣ, потому что камфора распустилась въ водѣ.

Нельзя было надѣяться разгрузить корабль, а если не разгрузить, такъ нельзя и поднять его. Не знали что дѣлать, какъ вдругъ явился рыбакъ изъ княжества Фицента, по имени Кіемонтъ, и предложилъ поправить все дѣло, но съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ удачи ему были уплачены его издержки; въ противномъ случаѣ, онъ принималъ ихъ на себя.

Разумѣется, сначала смѣялись надъ этимъ человѣкомъ, который можетъ быть никогда не видывалъ европейскаго корабля; но тщетно пытались отвлечь его отъ этого предпріятія. Онъ привязалъ къ каждому борту потибшаго корабля по нѣскольку барокъ, всего барокъ восемнадцать, и связалъ ихъ крѣпкими канатами; во время отлива привязалъ большую лодку къ задней части корабля и, вытянувъ канатъ, ждалъ прилива. Когда приливъ начался, вездѣ подняли паруса; погруженная масса приподнялась и отдѣлилась отъ утеса; остроумный рыбакъ вытащилъ ее на песчаный берегъ, гдѣ уже было легко произвести разгрузку и починку поврежденных частей. Рыбаку заплатили за его издержки, и князь Фицента дозволилъ ему носить двѣ сабли и далъ ему гербъ, гдѣ помѣщены голландскія шляпа и двѣ

*

трубки, лежащія одна на другой крестообразно.

Не будемъ дѣлать замѣчаній ни на счетъ странности этого герба, ни на счетъ скупости Европейцевъ, которые ничѣмъ не вознаградили рыбака, оказавшаго имъ такую важную услугу; замѣтимъ только, что позволеніе носить двѣ сабли, данное простолучину, доказываетъ, что въ Японіи не такъ трудно переходить изъ одного сословія въ другое.

Разсказываютъ другую исторію, тоже про рыбака, которая показываетъ въ героѣ разсказа необыкновенную изобрѣтательность. Долго думалъ онъ, какъ бы повыгоднѣе воспользоваться страстію Японцевъ ко всему новому и странному, и наконецъ придумалъ пришить къ обезьянѣ, вмѣсто ногъ, рыбій хвостъ, и сдѣлалъ это такъ мастерски, что самые любопытные не могли разглядѣть, гдѣ шовъ. Онъ объявилъ, что поймалъ этого звѣря живаго; но когда вынулъ изъ воды, то звѣрь немедленно околѣлъ. Шутка эта удалась вполне и доставила рыбаку славныя деньги. Сбирая плату за входъ, онъ увѣрялъ зрителей, что звѣрь, до выхода изъ воды, говорилъ человѣческимъ голосомъ и предсказалъ, что будетъ нѣсколько годовъ необыкновенно плодородныхъ, а потомъ появится

заразительная болѣзнь, отъ которой избавятся только тѣ, кто будетъ имѣть у себя въ домѣ портретъ морскаго чуда. Разошлось безчисленное множество этихъ портретовъ. Такое же чудовище, можетъ быть то же самое, или потомокъ его, порожденный ус-пѣхомъ перваго, было продано голландской факторіи и выслано въ Батавію, гдѣ оно попало въ руки американскаго спекулятора. Онъ привезъ покупку свою въ Европу и показывалъ ее во всѣхъ извѣстнѣйшихъ городахъ въ 1822 и 1823 годахъ. Сирена возбуждала восторгъ въ зѣвакахъ, породила споры между учеными и наполнила его кошелькъ такъ хорошо, какъ будто въ его рукахъ была настоящая сирена (*).

(*) Подражаніе этой японской сиренѣ мы видѣли здѣсь въ Петербургѣ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Она также состояла изъ туловища обезьяны, къ которому былъ пришитъ рыбій хвостъ; но шовъ былъ скрытъ такъ мастерски, что не было никакой возможности найти его. Господинъ, показывавшій сирену, рассказывалъ подробно, гдѣ она поймана, кѣмъ и когда; онъ увѣрялъ даже, что она пѣла въ водѣ, и это то пѣніе было причиною ея гибели: еслибъ она не пѣла, то на нее не обратили бы вниманія. Всѣ эти подробности вымышлены и замѣняютъ японскую сказку о плодородныхъ годахъ и эпидеміи; если японская сказка не остроумна, то рассказъ Нѣмца, показывавшаго въ Петербургѣ сирену, нисколько не лучше.

Нельзя не указать еще на одинъ случай, который показываетъ, до какой степени японскіе чиновники, опредѣляемые главнымъ совѣтомъ, дѣйствуютъ иногда совѣстливо въ дѣлахъ правосудія.

Ростовщикъ, по имени Томоя-Кіугеро, потерялъ 500 кобанговъ (около 16,000 руб. ас.). Около дома не видали постороннихъ людей; подозрѣніе пало на его служителей и, послѣ продолжительнаго слѣдствія, остановилось на одномъ изъ нихъ. Несчастнаго называли Щудіетсѣ. Доказательствъ и уликъ не было; обвиненный не признавался въ преступленіи, не смотря на угрозы, обольщенія и допросы. Томоя подалъ просьбу губернатору Огозаки и требовалъ, чтобы служителя судили и наказали. Губернаторъ Мацора-Кавачъ-но-Ками, получившій эту должность въ награду за искусство, мудрость и добродѣтель, призывалъ къ себѣ Щудіетса и самъ допрашивалъ его. Обвиненный клялся, что ничего не знаетъ и ничего не бралъ, и увѣрялъ, что даже пытка не вырветъ у него признанія въ такомъ дѣлѣ, котораго онъ не дѣлалъ. Мацора-Кавачъ приказалъ отвести обвиненнаго въ тюрьму; позвалъ къ себѣ Томоя и другихъ его служителей, сообщилъ имъ послѣдствія допроса и спросилъ, почему они думаютъ, что обвиненный укралъ деньги. У нихъ не было доказательствъ; однакоже они продол-

жали утверждать, что Щудіетсь точно воръ. Томоя настаивалъ, чтобы его тотчасъ же предали смерти. Губернаторъ спросилъ, готовы ли они подписать свои показанія и требованіе смерти виновному? Они отвѣчали, что готовы. Дѣйствительно, Томоя, его родственники и служители подписали слѣдующее объявленіе: «Щудіетсь, служитель Томоя-Кіугеро, укралъ у господина своего 500 кобанговъ. Симъ свидѣтельствуемъ въ этомъ преступленіи и просимъ наказать виновнаго, чтобы смерть его служила примѣромъ. Для чего всѣ мы, родственники и служители Томоя, подписали и печатями скрѣпили сей актъ, втораго мѣсяца перваго года Женбунъ (1736)». Объявленіе подали губернатору; онъ сказалъ истцу: «Теперь отвѣтственность лежитъ не на мнѣ, и потому я дамъ приказаніе обезглавить Щудіетса; довольны ли вы?» Томоя отвѣчалъ, что совершенно доволенъ, поблагодарилъ его и воротился домой съ своею толпою.

Черезъ нѣсколько времени, воръ, пойманный въ нѣсколькихъ кражахъ, признался во время пытки, что онъ обокралъ Томоя. Объ этомъ доложили губернатору; онъ тотчасъ призвалъ ростовщика, родственниковъ и служителей его, передалъ имъ признаніе настоящаго преступника и сказалъ: «Видите ли, вы обвинили Щудіетса безъ доказа-

тельствъ; свидѣтельствовали противъ него и подписали объявленіе. А я, повѣривъ увѣреніямъ вашимъ, приказалъ невиннаго чело-вѣка казнить смертію. За такое ваше преступленіе слѣдуетъ всѣмъ вамъ, вашимъ женамъ, родственникамъ и слугамъ, отрубить головы. Самъ же я, за безпечность въ этомъ дѣлѣ, распорю себѣ брюхо.»

Такая строгая рѣчь поразила Томоя и его товарищей; они плакали, проклинали судьбу свою, просили прощенія; судьи и чиновники, присутствовавшіе при этой сценѣ, просили губернатора смягчить рѣшеніе; но онъ не слушалъ ни моленій, ни просьбъ.

Долго находились осужденные въ страхѣ и отчаяніи. Думая, что они уже довольно наказаны, Мацора-Кавачъ смягчилъ голосъ и сказалъ наконецъ: «Успокойтесь: Щудіетсѣ живъ еще. Отвѣты его убѣдили меня въ его невинности, и я скрылъ его до той минуты, какъ объяснилось дѣло.» Потомъ онъ приказалъ привести Щудіетса.—«Томоя, прибавилъ губернаторъ, ваше ложное свидѣтельство заставило меня держать невиннаго въ тюрьмѣ, и онъ едва не лишился жизни. По счастью, не случилось этого неисправимаго бѣдствія. Оставляю вамъ жизнь; но за то, что вытерпѣлъ этотъ несчастный, вы заплатите ему 500 *кобанговъ* и будете впередъ

считать его вѣрнымъ служителемъ. Пусть страхъ, который вы теперь чувствовали, надолго останется въ вашемъ сердцѣ, и пусть этотъ урокъ научить васъ, что не должно никогда свидѣтельствовать безъ, достаточныхъ основаній».

Всѣ хвалили рѣшеніе губернатора, и сіюгунъ, въ знакъ своего особеннаго благоволенія, далъ ему важное и выгодное мѣсто губернатора въ Нагазакѣ.

ЯПОНСКАЯ МИЕОЛОГІЯ

II РЕЛИГІОЗНЫЯ СЕКТЫ ВЪ ЯПОНИИ.

Первоначальная и народная религія въ Японіи называется *синсіу*, отъ словъ *синъ* (боги) и *сіу* вѣра. Послѣдователи ея называются *син-ту*. Такъ покрайней мѣрѣ всѣ думаютъ, хотя Зибольдъ увѣряетъ, что настоящее имя этого ученія *ками-но-мицци*, то есть, путь къ *ками* или богамъ; что Китайцы перевели это слово выраженіемъ *синъ-тау*, и Японцы приняли его, передѣлавъ въ *синтоо*. Японская міеологія и космогонія ничѣмъ не уступаютъ страннымъ міеологіямъ многихъ другихъ восточныхъ народовъ; но достойны изученія въ этнографическомъ отношеніи, потому что сравненіе міеовъ у древнихъ народовъ можетъ пролить яркій свѣтъ на ихъ происхожденіе, не только по сходству самыхъ міеовъ, но и по сличенію оборотовъ, которыми эти міеы изложены. Однакоже, мы ограничимся только тѣмъ, что

существенно касается до исторіи Японіи и власти микадо.

По понятіямъ Японцевъ, изъ первоначальнаго хаоса произошло высшее божество и поставило себѣ тронъ на самой вышинѣ небесъ, (что и объяснено въ его имени, довольно длинномъ: *аме-но-ми-нака-нузуи-но-ками*). Потомъ явились два создающія божества, которыя превратили хаосъ во вселенную, но остановились на нашей планетѣ и оставили ее въ величайшемъ безпорядкѣ. Міръ управлялся семью божествами, которыя являлись одно за другимъ; имена ихъ чрезвычайно длинны. Земля обязана существованіемъ послѣднему изъ этихъ божествъ; имя его *Ицана-гико-микото*; изъ всѣхъ божествъ, онъ первый взялъ себѣ супругу. Звали ее *Ицанамико-микото*. Разъ онъ сказалъ ей: — «Гдѣ нибудь должна быть обитаемая земля; поищемъ ее подъ водою, которая кипитъ подъ нами.» Онъ омочилъ драгоцѣнное копье свое въ воды, и когда вынулъ его, то сгущенныя капли, падавшія съ него, образовали островъ. Островъ этотъ, называвшійся въ древнія времена *Онокоро-зима*, долженъ быть нынѣшній *Киузіу*, самый большой изъ восьми острововъ, составлявшихъ въ то время Японію (*).

(*) Эти мифологическія подробности взяты у Зиболь-

Ица-нагино-микото создалъ восемь милліоновъ божествъ и десять милліоновъ вещей (*іорочуно-моно*) и ввѣрилъ управленіе всѣмъ этимъ любимой дочери своей, богинѣ Солнца, которая извѣстна подъ тремя различными именами, *Ама-теразу-ого-Ками*, *Го-гиру-мено-микото* и *Тенъ-зіо-дай-цинъ*. Послѣднее дано ей за отношенія ея къ Японіи преимущественно.

Съ царствованія ея началась новая эпоха. Она царствовала не болѣе двухъ сотъ пятидесяти тысячъ лѣтъ; послѣ нея управляли четыре божества или полубога въ продолженіе двухъ милліоновъ девяносто одной тысячи сорока двухъ лѣтъ. Это боги земные. Послѣдній изъ нихъ, взявъ себѣ смертную женщину въ супруги, оставилъ на землѣ смертнаго сына, *Цинъ-му-тенъ-вою*, предка всѣхъ *микадо*.

Но изъ всѣхъ этихъ высокихъ и могущественныхъ божествъ, принадлежащихъ къ мифологіи *синтоо*, ни одному не поклонялись, кромѣ богини Солнца, да и она такъ высока, что просить ее можно только черезъ *ками* (боговъ), или черезъ потомка ея, *микадо*. *Ками* раздѣляются на старшихъ и

да. У него есть любопытный космогоническій японскій рассказъ, относящійся къ доисторическимъ временамъ.

младшихъ; первые родились отъ боговъ; вторые изъ смертныхъ за отличіе признаны божествами.

Хотя *синтоо* признають такое множество боговъ, однакоже въ храмахъ ихъ нѣтъ идоловъ: религіозное рвеніе въ нихъ возбуждается только зеркаломъ, эмблемою совершенной чистоты души (зеркало называется *ками*), и нѣсколькими полосками бѣлой бумаги, прикрѣпленными къ куску кедроваго дерева (полоски называются *гогей*); онѣ иногда безъ надписей и означаютъ тоже чистоту души; иногда исписаны нравственными и религіозными сентенціями (*).

Въ храмахъ выставлены изображенія тѣхъ *ками*, которымъ онѣ особенно посвящены; ихъ хранятъ вмѣстѣ съ драгоценностями храма и открываютъ только въ праздники. Говорятъ, что частныя семейства держатъ изображенія *ками*, своихъ покровителей, на алтаряхъ и въ храмикахъ около портиковъ большихъ храмовъ; но Мейланъ положитель-

(*) Тутъ, кажется, путешественники смѣшивали съ бѣлыми полосками *гогей*—памятныя таблѣтки *ифай*, на которыхъ золотыми буквами изображаются имена основателя храма или другихъ лицъ, которыхъ усердіе къ храму замѣчательно. Нѣкоторые *ифай* пользуются особеннымъ уваженіемъ и показываются молящимъ только въ торжественныхъ случаяхъ. Они висятъ надъ алтаремъ (*будзэ-ганъ*, сѣдалище божества).

но утверждаетъ, что всѣ *язиро* посвящены высшему божеству, а Зибольдъ считаетъ эти изображенія нововведеніемъ. Онъ думаетъ, что ихъ прежде не было въ *синсіу*, и что они завелись только со времени введенія буддистскаго идолопоклонства.

Зибольдъ, которому мы не имѣемъ права не вѣрить, говоритъ слѣдующее: «Синту питаютъ темное понятіе о безсмертіи души; о будущей вѣчной жизни, которая полна счастья или бѣдствія, въ награду за добродѣтель или преступленіе; о мѣстахъ отдѣльных для добрыхъ и злыхъ, послѣ ихъ смерти. Добрые пойдутъ въ жилище *ками* (боговъ); злые упадутъ въ пропасть.»

Обязанности, которыя по ученію *синсіу* должны доставить человѣку счастье на землѣ и на томъ свѣтѣ, заключаются: въ сохраненіи чистаго огня, эмблемы чистоты и орудія очищенія; въ сохраненіи чистоты души и тѣла, воздержаніемъ отъ всего, что можетъ ихъ осквернить,—и въ поклоненіи богамъ, какъ въ домахъ, такъ и въ храмахъ. Нечистота, отъ которой надобно остерегаться, происходитъ отъ разныхъ причинъ: отъ свиданія съ нечистымъ человѣкомъ, отъ употребленія нѣкоторыхъ кушаньевъ и отъ прикосновенія къ крови или къ трупу. Напримѣръ, если работникъ поранитъ себя при постройкѣ храма, его отсы-

лаютъ, какъ нечистаго; иногда случалось даже, что разрушали зданіе и совершенно перестраивали его. Нечистота болѣе или менѣе продолжительна, смотря по причинѣ, отъ которой произошла; продолжительнѣе прочихъ бываетъ та, которая происходитъ отъ смерти ближайшаго родственника. Во время нечистоты не позволяется исполнять религіозныя обязанности; при этомъ надобно покрывать голову, чтобы лучи солнца не осквернялись, падая на нее.

Чистота приобрѣтается не однимъ срокомъ времени; надобно еще употреблять средства очищенія, то есть, воздержаніе и изученіе религіозныхъ книгъ въ уединеніи. Такъ надобно проводить все время траура. Жилища очищаются огнемъ. Очищенная особа снимаетъ бѣлое траурное платье, которое носила во время нечистоты, и возвращается въ общество въ праздничной одеждѣ.

Праздниковъ *синтоо* чрезвычайно много; всѣ они начинаются посѣщеніемъ храма; при входѣ, посѣтитель, въ парадной одеждѣ, производитъ омовеніе въ особомъ, для этого назначенномъ резервуарѣ; потомъ становится на колѣни передъ портикомъ, противъ рѣшетчатаго окна, и черезъ него смотритъ на зеркало; потомъ молится и приноситъ въ жертву рисъ, фрукты, чай, *заки* или чтонибудь подобное; высказавъ всѣ молитвы, кла-

детъ сколько нибудь денегъ: въ сосудъ и уходитъ. Остальную часть дня онъ проводитъ какъ ему угодно, если день этотъ не посвященъ какимъ нибудь особеннымъ удовольствіямъ. Такъ поклоняются этимъ ками, къ которымъ нельзя подходить иначе, какъ съ печальнымъ духомъ, чтобы не нарушить спокойствія боговъ. Жрецы могутъ жепиться; жены ихъ жрицы и имъ предписаны закономъ особенныя религіозныя обязанности; напримѣръ, онѣ даютъ имена дѣтямъ, какъ было уже сказано выше.

Въ Японіи двадцать два храма, требующихъ особеннаго поклоненія; но одинъ изъ нихъ пользуется такимъ особеннымъ уваженіемъ, что нельзя не сказать о немъ нѣсколько словъ. Это храмъ богини Солнца, въ *Изіе*; толпа, грубая и невѣжественная, считаетъ его не только первымъ храмомъ богини, но и мѣстомъ ея рожденія. Закономъ повелѣно побывать хоть разъ въ жизни въ этомъ храмѣ всякому Японцу, мужчинѣ и женщинѣ, даже дѣтямъ, словомъ, людямъ всѣхъ сословій, и можно сказать, всѣхъ религій, потому что буддисты избавляютъ отъ этой обязанности только бонзовъ. Многіе Японцы совершаютъ это путешествіе ежегодно. Сіогунъ и нѣкоторые князья получили, для экономіи, позволеніе посылать туда своихъ повѣренныхъ и дѣйствительно отправляютъ

въ *Изіе* ежегодно шѣлую толпу богомольцевъ. Разумѣется, что большая часть путешественниковъ совершаютъ эту поѣздку со всѣми возможными удобствами.

Не нужно говорить, что нечистые люди не могутъ отправляться въ подобные походы и что всякая причина къ нечистотѣ должна быть тщательно избѣгаема во время путешествія.

Думаютъ, что по этой причинѣ не приказано буддистскимъ жрецамъ совершать путешествія, хотя они предписаны простымъ смертнымъ. Бонзы, погребая умершихъ и занимаясь хлопотами около нихъ, находятся безпрестанно въ нечистомъ положеніи, а къ путешествію въ *Изіе*, даже самые чистые люди приготовляются предварительнымъ очищеніемъ. Кромѣ того, оскверненіе дома отсутствующаго пилигрима должно имѣть самыя плачевныя послѣдствія; для предупрежденія ихъ вывѣшиваютъ на дверяхъ листъ бѣлой бумаги, что показываетъ, что нечистымъ людямъ не слѣдуетъ входить сюда.

Между жрицами въ *Изіе*, почти всегда находится одна изъ дочерей духовнаго императора (микадо).

Между множествомъ жрецовъ, служащихъ при храмахъ въ провинціи *Изіе* (или *Изе*, по Клапроту), всегда встрѣтишь какого нибудь сына микадо. Онъ обыкновенно занимаетъ

должность верховнаго жреца въ *Нико*, мѣстѣ погребенія Гонгена, который былъ предкомъ нынѣшнихъ сіюгуновъ. Тутъ хранятся *ишан* Гонгена и его наследниковъ (храмъ *Нико* на разстояніи трехъ сутокъ ѣзды отъ *Іедо*). Этотъ верховный жрецъ, по словамъ Титсинга, старшее духовное лицо въ *Японіи*. Другой сынъ микадо бываетъ верховнымъ жрецомъ въ *Уис-но* въ *Іедо*. Оба эти верховныя лица носятъ титулъ *мѣя-зама*. Имени ихъ не позволено произносить.

Дочь микадо, живущая въ *Изіе*, носитъ титулъ *Сан-ку*, въ храмѣ, гдѣ она жрица.

Храмъ въ *Изіе* совершенно простое зданіе, безъ всякихъ украшеній; онъ дѣйствительно построенъ въ отдаленнѣйшей древности и окруженъ множествомъ храмиковъ, называемыхъ *мѣя*. Все это занято жрецами и людьми, состоящими при храмахъ, и всѣ они на дѣются на пилигримовъ для своего содержанія. Появляясь въ священномъ мѣстѣ, каждый пилигримъ выбираетъ себѣ жреца въ руководители; жрецъ говоритъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, и управляетъ имъ безотчетно.

Кромѣ этихъ *ками-нузи*, составляющихъ японское духовенство, есть еще два ордена слѣпыхъ, называемые религіозными, хотя одно изъ этихъ учрежденій добываетъ себѣ пищу преимущественно музыкой и ходитъ обыкновенно играть въ театры. Случай, въ

слѣдствіе которыхъ основаны эти два ордена, такъ любопытны и такъ ясно показываютъ главныя черты японскаго характера, что мы не можемъ умолчать о нихъ.

Происхожденіе перваго ордена, называемаго *бусацъ-зато*, чисто сентиментальное. Онъ основанъ, назадъ тому нѣсколько столѣтій, Сеннимаромъ, младшимъ сыномъ тогдашняго микадо, первымъ красавцемъ Японіи, въ память того, что онъ ослѣпъ, оплакивая смерть принцессы, которая была также красавица. Эти *бусацъ-зато* существовали уже двѣсти лѣтъ; когда во время междоусобной войны знаменитый *Иоритомо* (мы уже говорили о немъ) разбилъ своего противника, князя *Феки*, и взялъ въ плѣнъ полководца его, *Какекиго*. Полководецъ славился во всей Японіи, и побѣдитель всѣми силами старался приобрѣсти дружбу плѣнника; онъ обращался съ нимъ чрезвычайно милостиво и наконецъ предложилъ ему свободу. *Какекиго* отвѣчалъ: «Не могу любить убійцу моего господина. Обязанъ вамъ благодарностію; но вы убили князя *Феки* и, когда взгляну на васъ, то жажду убить васъ. Лучшее средство избавиться отъ такой неблагодарности и прекратить борьбу между моими обязанностями—не видать васъ; я достигну этой цѣли.» Тотчасъ же онъ вырвалъ себѣ глаза, и подалъ ихъ на блюдѣ побѣдителю *Иоритомо*.

Пораженный удивленіемъ Иоритомо приказалъ дать ему свободу. Полководецъ удалился въ уединеніе, гдѣ основалъ второй орденъ слѣпыхъ, называемыхъ *Фекизадо*. Старшины этого ордена живутъ въ Міяко и подчинены микадо и главнымъ начальникамъ храмовъ въ Іедо.

Синсіу (вѣра въ боговъ) раздѣляется теперь на двѣ главныя секты. Одна (*юицз*) протівится всякому нововведенію; говорятъ, что у ней весьма мало членовъ и что они состоятъ почти всѣ изъ жрецовъ *Ками-нузи*. Зибольдъ даже сомнѣвается въ искренности ихъ *синсіу*. Вторая секта, *ріобу-синтоо* (Зибольдъ пишетъ *ріоо-бю-синтоо*), то есть, двойственное поклоненіе богамъ, гораздо многочисленнѣе. Объясненіе ея будетъ понятнѣе, когда изложимъ главную японскую религію, то есть буддизмъ.

Можно бы подумать, что основная религія, служащая подпорою *сыну-неба*, останется исключительнымъ вѣрованіемъ Японцевъ. Однакоже, вмѣстѣ съ *синсіу*, существуютъ въ Японіи двѣ другія религіи и уже очень давно.

Первая и главнѣйшая изъ нихъ—буддизмъ, та самая, которая считаетъ наиболѣе приверженцевъ на Земномъ Шарѣ. Самое умѣренное исчисленіе буддистовъ доходитъ до 350 милліоновъ. Буддизмъ не гонится за такую древ-

ностию, какую приписываетъ себѣ японская религія (*синсиу*). Отъ перваго его основателя намъ ничего не осталось, кромѣ его ученія, которое распространилось множествомъ ученыхъ, называвшихся *буддами* (то есть мудрецами, возведенными въ званіе боговъ). Буддисты вѣрятъ во множество буддъ, но признають одного историческаго *Будду*, который проповѣдывалъ ихъ религію (*).

Хотя вопросъ и упрощается такимъ образомъ, однакожъ предстоитъ много затрудненій хронологическихъ и еще болѣе затрудненій касательно самого ученія. Какъ бы то ни было, этотъ земной будда, по имени *Сакьямуни* или *Сакья-Синга*, называемый въ Японіи *Сілка*, родился (какъ увѣряютъ) въ гангетической Индіи или на Цейланѣ. Рожденіе и смерть его различно опредѣляются, смотря по сектамъ; эпохи различествуютъ отъ 3112 года до 543 до Р. Х. Первая цифра принята на сѣверѣ Азіи, вторая на югѣ.

Послѣ смерти своей и возведенія на степень боговъ, *Будда* (какъ полагаютъ) нѣсколько разъ олицетворялся въ своихъ ученикахъ, поэтому и ихъ обожаютъ, но они

(*) Для разрѣшенія хронологическихъ вопросовъ объ учрежденіи и распространеніи буддизма можно читать *Histoire des rois du Cachemire, traduite et commentée par A. Troyat. Парижъ, 1840, томъ II, стр. 399—438.*

все такъ подчинены главному божеству, *Будда-Амиде*. Буддизмъ, въ настоящей своей формѣ, есть чистое идолопоклонство; въ другихъ отношеніяхъ, его ученіе отличается отъ *синсёу* главнѣйше началомъ метампсихозы, изъ котораго истекають: запрещеніе убивать животныхъ, теорія будущей жизни, возмѣщеніе о блаженствѣ въ кругу боговъ и, наказаніе продолжительностію существованія, то есть, возобновленіемъ жизни человѣка въ низшихъ животныхъ, и наконецъ, установленіе особой касты жрецовъ, которымъ не позволено жениться.

Буддистская теорія неба, ужъ черезъ чуръ туманная, не преподавалась въ Японіи, а въ остальномъ весь буддизмъ немного отличается отъ *синсёу*. Послѣ періода въ пятьсотъ лѣтъ, въ продолженіе котораго тщетно старались ввести его въ Японію, буддистскій идолъ и нѣсколько буддистскихъ книгъ появились въ первый разъ при дворѣ микадо въ 552 году. Наконецъ въ 579 году, бонзъ, пріѣхавшій изъ Кореи, ловко устранилъ возраженія противъ введенія буддизма и умѣлъ воспользоваться народными предразсудками. Онъ увѣрилъ, что *богиня Солнца* нинто иное, какъ олицетворенный Будда, а внукъ тогдашняго микадо будтобы олицетвореніе *кванъ-аона* (такъ назывались боги покровители имперіи). За это наградили бонза тѣмъ, что

поручили ему воспитаніе юнаго принца. По окончаніи ученья, принцъ не принялъ титула сіюгуна, но дѣятельно участвовалъ въ управленіи тетקי своей, возведенной въ это званіе впослѣдствіи. Бонзъ основалъ нѣсколько буддистскихъ храмовъ и умеръ въ главнѣйшемъ изъ нихъ.

Тогда буддизмъ укоренился въ Японіи и скоро смѣшался съ *синсиу*. Поэтому въ первоначальной японской религіи произошла вторая секта, называемая *риобу-синсиу*. Кромѣ того, говорятъ, что буддизмъ въ Японіи раздѣляется на двѣ секты. Одна мистическая, для бонзъ, жрецовъ и ученыхъ; другая идолопоклонническая, для толпы.

Между множествомъ сектъ, порожденныхъ этими двумя главными религіями, замѣчательны слѣдующія: *сингонъ-сиу*, *икко-сиу*, *гакке-сиу*, *тендай*.

Икко-сиу (или *сиодо-сиу-цу*, новая секта *сиодо*) самая народная и, по словамъ Зибольда, самая многочисленная секта въ Японіи. Основалъ ее знатный Японецъ, бонзъ *Синранъ*, (род. въ 1174 году, ум. въ 1264), принадлежавшій прежде къ сектѣ *тендай*.

Жрецы этой секты и буддистскіе отшельники *яма-бози* (горные пилигримы) могутъ жениться и ѣсть мясную пищу; но, принимая въ соображеніе, что обѣ эти секты очень многочисленны, можно сказать, что почти

всѣ японскіе жрецы могутъ ѣсть мясо и жениться.

Храмы *икко-сйу* выстроены въ строгомъ стилѣ. Изъ всѣхъ буддистскихъ сектъ, *икко-сйу*, какъ уже сказано выше, наиболѣе распространена въ Японіи. Ее приняли *Эно*, живущіе на островѣ *Иедо* (*).

Третья японская религія называется *сйу-тоо* (по Бюргеру *сйунту*), что значитъ *путь философовъ*.

Всѣ писатели называютъ ее религіей, но собственно она болѣе похожа на философическое воззрѣніе и просто состоитъ изъ нравственныхъ правилъ Конфуція и изъ нѣсколькихъ мыслей о душѣ человѣческой (мысли эти отчасти похожи на буддистскія), безъ всякаго отношенія къ какой нибудь мифологіи или къ какому нибудь вѣрованію. Говорятъ, что какъ скоро ученіе *сйутоо* явилось

(*) Секта *синъ-гонъ*, перенесенная изъ Южной Индіи въ Китай около 646 года, а оттуда въ Японію въ 717, и секта *тендай* замѣчательны тѣмъ, что употребляютъ письма *деванагари*. Это древнее письмо буддистовъ, называемое въ Китаѣ *фанъзи*, въ Тибетѣ *глажикъ*, въ Монголіи *эстріюнъ-уссюкъ*, извѣстно въ Японіи подъ именемъ *ситтанъ*. Е. Бюрнуфъ доказалъ, что языки *фанъ* и санскритскій одно и тоже, а азбука японскаго *ситтана* оказалась одинаковою съ *фанъ*. Впрочемъ и лексиконы японо-китайскіе говорятъ, что *ситтанъ* письма Индостана.

въ Японіи, то немедленно было принято учеными Японцами.

Хотя микадо во всю свою жизнь должны придерживаться первоначальной японской религіи или ученія *синто*, однакоже они покровительствуютъ разнымъ буддистскимъ сектамъ, которыя всѣ признають ихъ власть; по смерти ихъ, на похоронахъ микадо соблюдаютъ буддистскіе церемоніи и обряды. Погребеніе происходитъ близъ храма *Зинъ-у-зи*, находящагося внѣ императорскаго двора (*даири*) и возлѣ храма *Дан-Бутсѣ* великаго будды). Противъ этого храма протекаетъ небольшая рѣчка, черезъ которую переброшенъ мостъ *Томи-но-у-кибази*. Къ этому мосту приносятъ тѣло усопшаго микадо со всѣмъ великолѣпіемъ, какое онъ выказывалъ во время жизни; тутъ принимаютъ его жрецы *сіяки* и хоронятъ по своему.

Микадо, лишенные прежняго своего могущества, сохранили однакоже до сихъ поръ нравственное вліяніе на правительство Японіи. Можно сказать, что они не только не бесполезны въ этой сложной машинѣ, но даже главныя колеса, безъ которыхъ она не можетъ идти. *Сіогунъ* ничего не можетъ сдѣлать, ни предпринять, безъ явнаго или тайнаго согласія микадо; и если духовный повелитель не оказываетъ ему милости, онъ тотчасъ лишается всѣхъ своихъ правъ на

послушаніе Японцевъ. Клавротъ, въ *Прибавленіи къ мѣсячнымъ даири*, подтверждаетъ эту истину несомнѣнными доказательствами и выводами.

Все члены двора или служащіе при семействѣ микадо считаются чиномъ выше чиновниковъ при сильнѣйшемъ князѣ или сано-вникѣ, въ Іедо. Когда послѣдніе встрѣчаются съ чиновникомъ изъ *даири*, то обязаны поклониться до земли и дотронуться до нея руками. «Сандумскій князь, говоритъ Титеингъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ вельможъ въ государствѣ, помолвившій дочь свою за *Тайзи* (нынѣшняго сіюгуна), кажется имъ не болѣе какъ ихъ служителемъ. Поэтому-то князя, приѣжая ко двору сіюгуна въ Іедо, или возвращаясь оттуда, тщательно стараются миновать Міяко, гдѣ пребываетъ *даири*; они предпочитаютъ дорогу изъ Уци на Фу-зими, которая не проходитъ черезъ этотъ городъ.» Князя должны снимать обѣ сабли въ присутствіи чиновника *даири*, что очень непріятно для ихъ самолюбія.

Обыкновенно, когда князь хочетъ остановиться во время путешествія, на дорогѣ выставляется его имя, изящно написанное на дощечкѣ. То же дѣлается и для начальниковъ голландской факторіи. Если чиновникъ *даири* явится въ этомъ мѣстѣ, то надпись тотчасъ снимаютъ. Когда князю приходится

*

идти мимо дома такого чиновника, то онъ идетъ пѣшкомъ, съ однимъ только пиконосцемъ; если встрѣтитъ чиновника, кланяется до земли и дотрогивается до нея руками. Его норимоны и свита удаляются какъ можно скорѣе и прячутся въ какую нибудь хижину или, если ея нѣтъ близко, уходятъ въ поле.

Наконецъ, все такъ покорно даири, что многія важныя особы въ Іедо, спросивъ у Титсинга, что значитъ слово императоръ, которымъ Голландцы неправильно называли сіюгуна, и узнавъ смыслъ этого титула, сказали, что у нихъ одинъ императоръ—микадо; а сіюгунъ, котораго Европейцы неправильно называютъ императоромъ, только лице, получившее отъ микадо порученіе управлять Японіей.

Въ прежнія времена сіюгунъ, при вступленіи въ должность, самъ ѣздилъ въ Міяко, поклониться микадо. Но этотъ обычай прекратился съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ микадо, въ минуту неудовольствія, положилъ руку на тетиву своего лука и хотѣлъ стрѣлою поразить сіюгуна. По счастью его остановили, и онъ не могъ исполнить своего намѣренія. Теперь сіюгунъ отправляетъ, въ новый годъ, посланниковъ для поздравленія *даири* (*); потомъ самъ микадо отправляетъ

(*) *Даири* (дворъ духовнаго императора) принимаетъ за самого микадо.

посольство съ тою же цѣлію въ Іедо. Посланниковъ микадо принимаютъ во дворцѣ въ Іедо, какъ самого духовнаго императора. Сіогунъ выходитъ къ нимъ на встрѣчу и провожаетъ въ аудіенцъ-залу, гдѣ стоятъ передъ ними на колѣнахъ во все то время, пока они исполняютъ данное имъ порученіе; стоя на колѣнахъ, онъ прикладываетъ лобъ къ цыновкамъ, лежащимъ на полу. По окончаніи торжественной аудіенціи, сіогунъ садится на свое мѣсто, и посланники кланяются ему въ ноги точно такимъ же образомъ; они не поднимаютъ головы, пока онъ говоритъ съ ними. Они останавливаются въ Іедо во дворцѣ, называемомъ *Тенъ-зіо-яски*, и пользуются такими же преимуществами, какъ и члены фамиліи микадо.

Передъ дворцомъ стоитъ квадратный ящикъ, въ два фута длиною; въ немъ есть небольшое отверстіе. Этотъ ящикъ называется *мейлсѣ-фако* или *зозіо-фако*, то есть ящикъ для принятія жалобъ. Кто думаетъ, что права его нарушены, тотъ можетъ бросить туда свою просьбу. Ящикъ открытъ ежегодно во все время пребыванія посланниковъ *даири* въ Іедо; они увозятъ съ собой поданныя жалобы и потомъ разсматриваютъ ихъ.

Такіе же ящики встрѣчаются во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ имперіи. Въ Нагазакѣ ящикъ стоитъ возлѣ губернаторскаго до-

ма: два офицера низшаго разряда стоять при немъ безпрестанно и смотрять за тѣми, кто бросаетъ туда записки. Губернаторъ отпираетъ ящикъ шесть разъ въ годъ и узнаетъ изъ жалобъ о злоупотребленіяхъ въ его провинціи.

Записка, съ приложеніемъ печати жалующагося и съ его именемъ и адресомъ, посылается прямо въ Іедо. Записки безъ печатей, безъ имени и адресовъ, сожигаются; но если безымянную записку находятъ *три* раза, то въ третій разъ пересылаютъ въ Іедо. Рѣдко случается, чтобы въ ящикъ въ одинъ годъ нашли болѣе двухъ или трехъ просьбъ.

Когда просьбы придутъ въ Іедо, ихъ читаетъ самъ сіюгунъ. Слѣдствія о справедливости или неправильности просьбъ, подаваемыхъ въ ящики, производятся тотчасъ же. Если просьба окажется неосновательною, просителя возятъ верхомъ на лошади по всему городу, несутъ передъ нимъ бумажное знамя, величиной перѣдко въ девять футовъ; на знамени написано имя, лѣта, поведеніе и поступокъ провинившагося. Надпись читается на перекресткахъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ • объявляются законы. Шествіе кончается тѣмъ, что виновному отсѣкаютъ голову на площади, гдѣ обыкновенно производятся казни. Во время пребыванія Титсинга въ Японіи, подобный приговоръ былъ исполненъ

въ Іедо, надѣ чиновникомъ губернатора въ Нагазаки. Губернаторомъ былъ князь *Кузи*; чиновникъ назывался *Мацъ-мото-жескно-синъ*. Князь былъ человекъ отличный и особенно любимый иностранцами и жителями города за его ласковое обращеніе. Мацъ-мото часто просилъ позволенія ѣхать съ нимъ въ Нагазаки; но какъ чиновникъ часто спорилъ съ своимъ товарищами, губернаторъ оставилъ его въ Іедо, чтобы избавиться отъ непріятностей во время пути, хотя чиновникъ заслужилъ (и справедливо) славу человека умнаго и дѣльнаго. Мацъ-Мото, видѣ себя отъ такой обиды, написалъ изъ мщенія жалобу, въ которой очернилъ губернатора сколько могъ и сказалъ, что губернаторъ управляетъ прескверно. Онъ приложилъ печать къ запискѣ, подписалъ ее, не забылъ дать адресъ и бросилъ жалобу въ ящикъ, стоявшій противъ дома посланниковъ даири. По разсмотрѣніи его жалобы оказалось, что онъ доносилъ фальшиво; ему отрубили голову.

Обыкновенно два князя (самые небогатые) получаютъ отъ сіюгуна приказаніе содержать посланниковъ даири во время пребыванія въ Іедо. Такое порученіе считается особенною милостію, и за нею всѣ гоняются, потому что это дѣло доставляетъ каждому изъ князей по крайней мѣрѣ сорокъ тысячъ *кобанговъ* (около полумилліона руб. ассиг.).

Разсматривая всѣ эти факты и припоминая, что почти всѣ Японцы поклоняются извѣстнымъ *ками* (или знаменитостямъ, возведеннымъ на степень боговъ), нельзя не убѣдиться, что ееоократическое начало въ Японіи не только служитъ фундаментомъ всему правленію, но и узами, которыя связываютъ всѣхъ Японцевъ, начиная съ микадо и сіюгуна, и оканчивая послѣднимъ поселяниномъ или рыбакомъ. Всѣ они происходятъ отъ боговъ или геніевъ, покровительствующихъ Японіи; всѣ обязаны неуклонно слѣдовать обычаямъ и обрядамъ предковъ, не измѣнять своему происхожденію; всѣ должны жить и умереть подъ покровительствомъ законовъ и обычаевъ, которые равно священны для всѣхъ. Таковы общія убѣжденія въ Японіи. До тѣхъ поръ, пока сіюгунъ съ своимъ совѣтомъ будетъ смотрѣть на себя какъ на лице, зависящее отъ микадо (*сына-неба*), и соблюдать вѣковые обряды и преданія страны, до тѣхъ поръ онъ сохранитъ и власть и преимущества, перешедшія къ нему отъ духовнаго повелителя Японцевъ.

ЯЗЫКЪ ЯПОНСКІЙ.—АЗБУКА.—ИНТЕРАТУРА И ПОЭЗІЯ.

Долго думали, что языкъ японскій простая отрасль китайскаго или, по крайней мѣрѣ, похожъ на китайскій, какъ итальянскій на испанскій или на латинскій, изъ котораго произошли оба эти нарѣчія. Это заблужденіе давно истреблено прилежнымъ и дѣльнымъ изученіемъ.

Японцы понимаютъ китайское письмо, потому что китайскія буквы входятъ въ составъ множества буквъ, употребляемыхъ въ Японіи. Это становится понятнымъ, если знаешь, что китайскія буквы представляютъ не звуки, изъ которыхъ составляются слова, а слова уже готовыя; стало быть китайскія слова должны сообщить извѣстныя идеи всѣмъ, кто знаетъ ихъ значеніе. Такъ цифры 1, 2, 3 порождаютъ одинаковое понятіе о количествѣ, хотя у разныхъ народовъ носятъ разныя названія.

Неправильно говорятъ, что Китайцы по-

нимаютъ японскія фразы, писанныя по китайски. Разумѣется, понимаютъ, потому что это писано по китайски, и нелѣпо называть это письмо японскимъ, потому что оно во все не японское. Японецъ понимаетъ китайскія писанныя книги точно такъ же, какъ Англичанинъ французскія. Часто Англичанинъ не можетъ сказать четырехъ словъ по французски, а французскую книгу читаетъ. Заставьте его говорить съ Французами: Англичанинъ не пойметъ и десятой доли оживленнаго и быстраго ихъ разговора.

Глубокое и основательное изученіе восточныхъ языковъ нѣмецкими, англійскими и французскими филологами, въ послѣднее время исправило много неправильныхъ идей объ японскомъ языкѣ. Ученый Клапротъ, въ своей *Asia polyglotta*, рѣшительно утверждаетъ, что японскій языкъ совершенно отличенъ отъ всѣхъ другихъ языковъ грамматикой, построеніемъ фразъ и особенностями, и можно подумать, что нація, говорящая имъ, имѣетъ свое особенное происхожденіе. Мейланъ и Фишеръ увѣряютъ, что между японскимъ и китайскимъ языками существуетъ разительное сходство. Всѣмъ извѣстно, что китайскій языкъ односложный, а японскій многосложный; его даже можно назвать чрезвычайно многосложнымъ, потому что, напримѣръ, самое простое мѣ-

стоимѣніе я выражается по японски четырёхсложнымъ словомъ *вата-кузи*, а чтобы сдѣлать изъ я множественное мы, надобно прибавить еще два слога, *ватакузи домо*. Въ разговорѣ сокращаютъ или не произносятъ цѣлыхъ слоговъ, что часто дѣлаютъ и Европейцы, особенно Англичанѣ, при быстромъ разговорѣ (*).

Какъ у Китайцевъ, у Японцевъ множество личныхъ мѣстоименій; это все отгѣнки, показывающіе положеніе говорящихъ лицъ. Иные показываютъ уваженіе къ особѣ, съ которой говорятъ; другіе почтеніе къ особѣ, про которую говорятъ; наконецъ третьи выражаютъ преданность говорящаго лица. Эта черта японскаго языка не ограничивается одними мѣстоименіями, но прилагается къ множеству словъ, означающихъ дѣйствіе, рѣшеніе, слово, вещь и проч. (**).

Учитывая фраза становится гораздо длиннѣе обыкновенной. Напримѣръ, другу говорятъ: *Конниши омеерва нани но токорони юкука?* Это значитъ: Куда вы идете сегодня?

(*) Въ японскихъ разговорахъ у Фишера (который самъ сознается, что знаетъ только слова, необходимыя для самаго простаго, ежедневнаго разговора) сказано, что *ватакузи* и *ватакузидомо* сокращаются въ *ватакфс* и *ватакфсдомо*; но и эти слова чрезвычайно длинны; какое же тутъ сокращеніе?

(**) То же самое и въ русскомъ языкѣ: у насъ есть

Но если придется повторить эту фразу начальнику, то надобно сказать: *Конниши но кимирва нани но-токорони онъ иде азобазарука?* Въ примѣрѣ этомъ, говорящій употребляетъ слово *вази*, когда говоритъ съ равными себѣ или съ подчиненными, и слово *ватакузи*, говоря почтительно съ начальникомъ и постороннимъ лицомъ. Слогъ, исчезающій въ разговорѣ, не есть слогъ бесполезный, но пропускается при быстромъ произношеніи фразы, какъ это часто случается и въ европейскихъ языкахъ. Японцы, во время одушевленного разговора, часто не договариваютъ послѣдней гласной буквы. Кто слыхалъ Итальянцевъ, тотъ пойметъ, какъ часто и какимъ образомъ это дѣлается.

Фишеръ увѣряетъ, что звуки японскаго языка пріятны и сладки. Мейланъ говоритъ, что, не родясь въ Японіи, нельзя произносить правильно нѣкоторыхъ звуковъ, и это очень понятно; взгляните только на сокращеніе личнаго мѣстоименія *я*. Онъ прибавляетъ, что въ японскомъ языкѣ нѣтъ члена, и что

слова, которыя употребляются только съ людьми выше насъ, а другія, имѣющія тотъ же смыслъ, но употребляемыя только съ людьми ниже насъ. Напримѣръ: мужику можно сказать: *что ты пьшь?* А у начальника или дамы слѣдуетъ спросить: *что вы кушаете?* Такихъ примѣровъ найдется очень много, если хорошенько просмотрѣть лексиконъ Академіи.

имена склоняются переменною окончаній слова (*).

Глаголы не измѣняются ни для числа, ни для лица; но измѣняются во времени.

Образцы японской поэзіи, предложенные ниже, даютъ понятіе объ японскомъ произношеніи; это дѣйствительно языкъ очень пріятный. Когда вздумаешь передавать его европейскими буквами, изъ двухъ буквъ почти всегда одна выдетъ гласная, а когда встрѣчается нѣсколько согласныхъ и гласныя выпускаются, то для этого выбираютъ слова легкія и удобныя для выговора, напримѣръ, *шрано*, вмѣсто *ширано*. Однакоже, существуетъ множество исключеній изъ этого правила, повидимому совершенно простаго. Кто изучаетъ японскій языкъ, тотъ долженъ долго упражняться въ разговорѣ, прежде чѣмъ начнетъ читать бѣгло, хотя бы превосходно зналъ слогі. Языкъ очень богатъ, потому что для выраженія идей употребляетъ не только свои собственные средства, но можетъ занимать и у китайскаго языка; оба языка сливаются или разъеди-

(*) Для Француза, у котораго мы заимствуемъ эти строки, это кажется необычайною особенностію, но для насъ, Русскихъ, привыкшихъ склонять существительныя, какъ склоняютъ ихъ Японцы, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

няются по прихоти писателя. Формы глаголовъ особенно богаты.

Японская азбука состоитъ изъ сорока восьми буквъ; она можетъ быть удвоена посредствомъ знаковъ, которые приставляются къ согласнымъ, для измѣненія ихъ звука. Отъ знаковъ онѣ становится тверже или мягче. Азбука составлена въ VIII вѣкѣ и можетъ быть изображена четырьмя разными способами:

Первый способъ, ката-кана, считается особенно пригоднымъ для мужчинъ.

Второй, кира-кана, предоставленъ женщинамъ.

Третий и четвертый называются манѳо-кана и ямато-кана. Разница ихъ въ сущности и употребленіи будетъ означена ниже.

Кромѣ этихъ четырехъ способовъ писанія, употребляютъ еще китайское письмо, какъ ученое: это показываетъ, что науки и искусства перешли изъ Китая въ Японію. До сихъ поръ всѣ ученыя творенія, всѣ лучшія беллетрическія произведенія, офиціальныя бумаги и общественные документы пишутся по китайски (*).

Такъ же печатаются и книги. Однакоже

(*) Такая же странность существуетъ и въ Италіи. Тамъ напѣ пишутъ всѣ важныя бумаги по латинѣ, хотя Итальянцы рѣдко учатся латинскому языку.

ученые употребляютъ свой *канга-канга*, когда пишутъ комментаріи на книги, напечатанныхъ по китайски. Японцы пишутъ какъ Китайцы, колоннами сверху внизъ, и начинаютъ съ правой стороны. Надобно сказать, что, кромѣ вышеизложенныхъ способовъ, японскіе отшельники нѣсколькихъ буддистскихъ сектъ употребляютъ письмо *ситтанъ*. Оно заимствовано изъ Индіи и состоитъ изъ пятидесяти буквъ. Теперь Японцы пишутъ *ситтанъ* вертикальными колоннами, отъ правой руки къ лѣвой, какъ обыкновенно.

По розысканіямъ Клапрота оказывается, что до царствованія шестнадцатаго *микадо*, который назывался *Уцинъ-Тенво*, Японцы вовсе не знали письма; всѣ приказы и объявленія передавались народу посредствомъ глашатаевъ. Въ царствованіе этого *микадо* начали употреблять китайское письмо. Въ 284 до Р. Х. Уцинъ-Тенво отправилъ посольство въ королевство *Гаку-зай*, существовавшее тогда въ юго-восточной части Кореи, и просилъ людей способныхъ и знающихъ, которые могли бы ввести китайскую образованность и литературу въ Японіи.

Посланникъ привезъ знаменитаго *Вонинъ* или *Ванъ Жина*, который превосходно исполнялъ возложенныя на него обязанности. Онъ проехалъ отъ императора *Кауца*, изъ династїи *Ганъ*, и при самомъ прїездѣ его въ

Японію, ему поручили воспитаніе двухъ князей. Впослѣдствіи, его потомки занимали важныя военныя должности. Заслуги его показались такъ важны, что Японцы оказывали ему почести какъ божеству. Со времени *Вонина* китайское письмо вошло во всеобщее употребленіе у Японцевъ. Но чисто китайскія письма употребляются только въ ученыхъ сочиненіяхъ; однакожъ это не мѣшаетъ неученымъ Японцамъ понимать ихъ.

Но какъ устройство японскаго языка существенно различно отъ китайскаго, и какъ китайскія письма часто имѣютъ нѣсколько значеній, то скоро увидѣли необходимость изгладить это неудобство. Съ этою цѣлю, въ VIII вѣкѣ, составили новую азбуку изъ частей китайской и назвали ее *ката-кана*, то есть, *часть буквъ*. Эта азбука употребляется въ самомъ китайскомъ письмѣ или при немъ. Въ обоихъ случаяхъ это изобрѣтеніе полезно: въ послѣднемъ случаѣ, оно указываетъ на произношеніе или смыслъ, а въ первомъ объясняетъ грамматическія формы устарѣлаго языка.

Неизвѣстно, кто выдумалъ эту азбуку; но преданіе приписываетъ ее знаменитому *Киби*. Японское сочиненіе *Ва-зи-ци* (Происхожденіе вещей въ Японіи) увѣряетъ, что *Киби* составилъ азбуку *ката-кана* и путешествовалъ по Китаю, откуда возвратился въ 733

году по Р. Х. Послѣ него явился знаменитый *Кубо* и изобрѣлъ такую азбуку, которую могли употреблять между собою Японцы, не прибѣгая къ помощи китайскаго языка. Ее называютъ *ира-кана* или *ровное письмо*. Она все таки происходитъ отъ китайскаго (*).

Объ изобрѣтеніи третьей азбуки Японцы рассказываютъ, что «въ 1006 году послѣ Р. Х., буддистскій жрецъ *Зіаку-зо* (по китайски *Shihchaou*) повезъ изъ Японіи дань въ Китай. Онъ не понималъ разговорнаго китайскаго языка, но писалъ очень хорошо, почему и поручили ему составить списокъ китайскихъ знаковъ, съ значеніемъ ихъ по японски. Тогда то составилъ онъ японскій букварь изъ 47 знаковъ; такое число было принято, потому что столько же знаковъ находилось въ азбукѣ, заимствованной изъ *Индіи*.» Сорокъ восьмой знакъ прибавленъ послѣ. Эта азбука, употребляемая какъ и *кира-кана*, носитъ имя своего изобрѣтателя.

Есть еще старинная азбука, которою написано собраніе одъ, называемыхъ *десятью тысячами листьевъ*, и которая по этому на-

(*) Ее называютъ также *фира-кана*. Японскій звукъ не можетъ быть выраженъ ни нашимъ *ф*, ни дыхательнымъ *г*. Самъ Клапротъ пишетъ то *ира-кана*, то *фира-кана*.

зывается *макю-кана*. Знаки этой азбуки часто смѣшиваются съ другими; она состоитъ изъ цѣлыхъ китайскихъ знаковъ. Для представленія одного и того же слога употребляютъ нѣсколько различныхъ знаковъ.

Наконецъ есть еще азбука, называемая *ямато-кана* (то есть, японское письмо), состоящая изъ значительно измѣненныхъ китайскихъ знаковъ. Она покажетъ намъ, какимъ образомъ Японцы употребляютъ китайскіе знаки. Слово *ямато-кана* составляется изъ трехъ знаковъ; первый значитъ старинное имя Японіи и произносится *ямато*, хотя настоящій звукъ этого знака есть *и*; второй знакъ соотвѣтствуетъ звуку *ка*, а третій, по японскому значенію, произносится *на* (*имя*), и отъ соединенія двухъ послѣднихъ знаковъ произошло *кана* (слогъ или знакъ).

За исключеніемъ *ката-кана* остальные азбуки рѣдко употребляются однѣ; часто знаки ихъ смѣшиваются такъ, что разбирать ихъ очень трудно. А чтобы еще болѣе увеличить трудность, примѣшиваютъ китайскіе знаки, не объясняя ихъ смысла или съ объясненіемъ его, по произволу писца. Если вспомнимъ, что въ пяти японскихъ азбукахъ съ ихъ видоизмѣненіями находится до трехъ сотъ знаковъ и что Японцы употребляютъ еще китайскіе знаки, нисколько не стѣсняясь, то придется признаться, что японскіе уче-

ные достигли своей цѣли: въ мірѣ нѣтъ языка, на которомъ было бы такъ трудно читать. Между китайскимъ и японскимъ языками столько самыхъ тѣсныхъ связей, что Японецъ, желающій знать основательно свой языкъ, долженъ сначала выучить отъ трехъ до четырехъ тысячъ китайскихъ знаковъ; кромѣ того онъ долженъ изучить, какъ употребляли ихъ японскіе писатели, какъ оба языка смѣшиваются и какъ одни и тѣ же знаки пишутся различно (*).

Приготавливая китайскія книги для японской публики, дѣлаютъ множество грамматическихъ прибавленій, совершенно по произволу и прихоти издателя или сочинителя. Иногда же перепечатываютъ просто безъ затѣй. Въ книгахъ отчетливыхъ ставятъ между буквами перпендикулярныя черты и по-

(*) Понятно, что при такихъ почти непреодолимыхъ затрудненіяхъ ни одинъ Европейецъ не зналъ порядочно по японски. Это видимъ во всѣхъ путешественникахъ безъ изъятія. Что у Зибольда *ла*, то у Клапрота становится *ро*. Оба сознаются, что нельзя отличить *ра* отъ *ла*. Всѣ почти путешественники пишутъ *га*, *ге*, *ти* и *го*, а Клапротъ *фа*, *фе*, *фи* и *фо*. Зибольдъ и Клапротъ пишутъ вездѣ *се* и *си*, а Китайцы въ Макао говорятъ *ше* и *ши*. Сознывая, что мы почти ничего не знаемъ объ японскомъ языкѣ, не перепечатываемъ ни азбукъ, ни длинныхъ объясненій объ ихъ значеніи: тратимъ время на подобное бесполезное педантство предоставляемъ нѣмецкимъ *геллертерамъ* и русскимъ ихъ усерднымъ подражателямъ.

казываютъ смыслъ знаковъ, рѣдко употребляемыхъ или трудныхъ, или даютъ указаніе на ихъ произношеніе (*).

Предисловія къ книгамъ часто пишутся по китайски, между тѣмъ, какъ самая книга писана *гира-каной*; въ этомъ случаѣ употребляется курсивное письмо, и еще болѣе увеличивается трудность разбирать текстъ, особенно для читателя, который изучалъ только обыкновенныя формы.

Книги, предназначаемыя для дѣтей или для низшихъ классовъ, всегда печатаются знаками гира-каны; но въ другихъ, продаваемыхъ людямъ образованнымъ, употребляются всѣ четыре азбуки съ примѣсью китайской, такъ что одно слово или одинъ слогъ пишется помощію одной азбуки, а другое помощію другой. Понятно, что читать такимъ образомъ напечатанныя книги и удобно и легко! Однакоже, Японцы умудряются и читаютъ, а Европеецъ въ этомъ случаѣ хоть плачь, ничего не понимаетъ!

Давно уже Японцы печатаютъ свои книги, но не могутъ соперничать съ великолѣпіемъ европейскихъ типографій. Японскіе типограф-

(*) Въ *Chinese Repository*, Томъ X, стр. 210 и 211, находятся подробности о письмѣ японскомъ и письмѣ японо-китайскомъ. Тамъ же можно найдти самыя мелкія подробности, которыя однакожъ не подвигаютъ дѣла впередъ.

щики не знаютъ подвижныхъ знаковъ и размножаютъ копіи съ текста посредствомъ деревянныхъ стереотиповъ, или гравированіемъ на деревѣ, что вовсе не похоже на наше типографское искусство. Однакожъ, публика имѣетъ книгъ сколько ей нужно, а чтеніе составляетъ любимое развлеченіе обоихъ половъ, особенно въ столицѣ микадо.

Японская литература состоитъ изъ книгъ ученыхъ, историческихъ, біографическихъ, географическихъ, путешествій, философическихъ, и изъ стихотвореній, драматическихъ произведеній и энциклопедій. Голландскіе писатели расхваливаютъ произведенія японскаго генія въ этихъ различныхъ вѣтвяхъ литературы, но какъ члены голландской факторіи не получаютъ особеннаго филологическаго образованія и не бываютъ учеными, то надобно принимать сужденіе ихъ въ этомъ дѣлѣ съ крайнею осторожностію. При томъ же мнѣніе это подтверждается фактами.

Клапротъ перевелъ курсъ географіи, а Титсингъ лѣтописи даири и лѣтописи сіогуновъ, династіи *Гонгенъ*. Изъ этихъ двухъ сочиненій, первое гораздо замѣчательнѣе втораго; оно написано довольно подробно и даетъ вѣрное и ясное понятіе о физической и политической географіи трехъ частей Японской Имперіи: о Корей, островахъ *Ліукіу* и объ *Изо* (архипелагъ Курильскомъ). Недостатки

этой книги—сухость и отсутствіе колорита, недостатки, можетъ быть неизбежныя въ географической книгѣ, и кромѣ того, неполнота статистическихъ данныхъ. Зибольдъ, въ занимательномъ сочиненіи о Корей, далъ европейскую исторію этой странѣ. Лѣтописи *даури* исправлены и напечатаны Клапротомъ.

Трудно представить себѣ что нибудь скучнѣе этого разсказа о рожденіяхъ, бракахъ, отреченіяхъ и смертяхъ, съ прибавкою нѣсколькихъ повѣстей о болѣзняхъ, путешествіяхъ къ храмамъ и т. п., и все это написано такъ, что нисколько не возбуждаетъ участія въ европейскомъ читателѣ. Однакожъ, эта книга драгоцѣнный источникъ для розысканій филологическихъ и историческихъ, при сравненіи разныхъ цивилизацій, и бросаетъ яркій свѣтъ на политическое и общественное устройство Японіи.—Лѣтописи *сіюгуновъ* совершенно въ томъ же родѣ, но съ примѣсью любопытныхъ анекдотовъ, разсказанныхъ впрочемъ довольно тяжело.

Вся философія Япоцевъ состоитъ изъ замѣтокъ на китайскаго мудреца Конфуція, изъ замѣчаній на миеологію *синтоо*, и пр. Энциклопедіи, которыхъ прекрасный образецъ далъ намъ Абель-Ремюза, суть не что иное, какъ картинки съ объяснительнымъ текстомъ; все это, подобно прочимъ японскимъ лексиконамъ, или въ алфавитномъ порядкѣ, или безъ

всякаго порядочнаго распредѣленія предметовъ, по прихоти самаго сочинителя.

Никто изъ голландскихъ писателей не говоритъ объ японскомъ стихосложеніи, размѣрѣ, римахъ; только Мейланъ и Титсингъ приводятъ нѣсколько стихотвореній, но трудно прозаическимъ переводомъ дать понятіе о поэзіи. Перепечатаваемъ нѣкоторыя строфы, собранныя этими писателями, но предупреждаемъ читателей, что передача японскихъ звуковъ латинскими буквами не можетъ быть совершенно вѣрна; кромѣ того, мы имѣемъ причины думать, что и раздѣленіе слоговъ тутъ произвольное. Впрочемъ, и этотъ текстъ дастъ приблизительное понятіе о формѣ, размѣрѣ, римѣ и проч. Должно быть, что японскій языкъ чрезвычайно сокращается въ поэзіи, или что голландскіе переводы неимоვნно растянуты.

Aita kampei (или kanbé)

Karvo mita kampei,

Mamani hana siwo,

Jtasi ta kampei,

Outi siri tara,

Sakamasi kampei,

Sekenni warou kampei.

(Сильно желаю

Видѣть твое лицо

И сказать тебѣ нѣсколько словъ;

Но надобно отказать себѣ:

Если узнаютъ какъ нибудь
Въ моемъ жилищѣ,
Что я говорила съ тобой,
Такъ жестокое гоненіе
Падетъ навѣрное на меня,
И безъ сомнѣнія моя добрая слава
Будетъ потеряна навсегда.)

А вотъ и нравственная строфа:

Kokoro da ni makotono,
Michi ni kanaï naba,
Inogazu totemo kamiya,
Mamoran.
(Имѣй сердце прямое и чистое,
За то покровительство боговъ
Будетъ надъ тобой вѣчно.
Шумныя мольбы ни къ чему не послужатъ,
Лучше чистая совѣсть,
Обожающая и боящаяся въ молчаніи.)

Одинъ изъ примѣровъ Титсинга, небольшая поэма на смерть государственнаго совѣтника *Ямазиро*, представляется болѣе поэтическимъ; въ немъ есть намеки на древнія легенды и игра словъ, чѣмъ всегда отличалась японская поэзія. Титсингъ или, лучше сказать, его французскій переводчикъ Ремюза, приложилъ къ французскому переводу и латинскій, слово въ слово, который не длиннѣе подлинника.

Забавная игра словъ очень часто встрѣ-

чается въ стихотвореніяхъ. Японскіе поэты стараются выразить самыя замысловатыя идеи помощію немногихъ словъ и употребляютъ двусмысленныя слова, чтобы изъ нихъ выходили намеки.

Кажется, что у Японцевъ два рода поэмъ: *ута* или *вака* состоитъ изъ пяти строкъ, и въ этихъ строкахъ по очередно пять, семь, пять, семь и семь слоговъ; *нагъ-аута* (длинная поэма) содержитъ сколько угодно строкъ; строка должна имѣть пять или семь слоговъ, но послѣднія двѣ должны всегда непремѣнно имѣть семь. Послѣдняго рода поэмы всегда пишутся помощію азбуки *фира-кана* или *гира-кана*.

Не менѣе любятъ японскіе поэты заниматься описаніями или сравненіями, которыя доставляются имъ видами природы или богатымъ разнообразіемъ естественныхъ произведеній. У Зибольда есть примѣръ изъ такого стихотворенія, и онъ не безъ прелести. Въ этомъ двустишіи дѣло идетъ о *киси* (прекрасной породѣ фазановъ). По вечерамъ часто слышно пѣніе самцовъ, когда они ищутъ пищу себѣ и своимъ подругамъ, которыя прячутся въ самыхъ тѣнистыхъ мѣстахъ.

Японскій поэтъ говоритъ:

Harouno no asouro kisi, sono tsouma roini,
Onoga arigawo fitoni sire tsoutsou.

«*Кизи*, ища пищи въ цвѣтистыхъ поляхъ, открываетъ, по любви къ своей подругѣ, свое убѣжище человѣкамъ.»

Но довольно объ японской поэзіи. Она вся состоитъ изъ балладъ, романсовъ и пѣсень. О драматическомъ искусствѣ высказано все, намъ извѣстное, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы говорили о театрѣ въ Нагазаки. Обратимся къ положенію наукъ и искусствъ въ Японіи.

НАУКИ ВЪ ЯПОНИИ.

Только двумя науками особенно занимаются въ Японіи, медициной и астрономіей; по этимъ отраслямъ часто выходятъ оригинальныя сочиненія и переводы всѣхъ европейскихъ твореній, какія попадаютъ Японцамъ въ руки.

Всѣ писатели постоянно хвалятъ японскихъ докторовъ и астрономовъ. Зибольдъ выхваляетъ усердіе медиковъ, которые изъ всѣхъ концовъ имперіи слѣшили къ нему за новыми свѣдѣніями, имъ еще незнакомыми; притомъ онъ увѣряетъ, что задаваемые ими вопросы показывали много ума и знанія. Такое же точно замѣчаніе прилагается и къ астрономамъ; убѣжденіе ихъ, что Европа гораздо выше въ ученomъ отношеніи, доказываетъ, что Японцы сами стоятъ гораздо выше гордыхъ и самонадѣянныхъ Китайцевъ.

Нельзя не замѣтить, что *акупунктура* и *мок-са* изобрѣтены Японцами. Между книгами,

*

привезенными въ Европу Титсингомъ, есть одна, въ которой содержится подробная инструкция объ *акупунктурѣ*, съ исчисленіемъ болѣзней, ею излечиваемыхъ, и съ рисункомъ человѣческой фигуры, на которой означены тѣ части тѣла, на которыхъ слѣдуетъ производить эту операцію, смотря по роду болѣзни. Кемпферъ тоже сообщилъ рисунокъ человѣческой фигуры, которая служить руководствомъ для японскихъ врачей, когда они должны прибѣгать къ *мокса*. Тунбергъ сообщаетъ подробности объ употребленіи обоихъ этихъ средствъ въ Японіи.

Японскія лекарства берутся почти всѣ изъ царствъ животнаго и растительнаго, потому что химія не довольно основательно извѣстна въ Японіи, и врачи не осмѣливаются употреблять лекарства изъ минеральнаго царства. Но ботаника, какъ наука о лечебныхъ травахъ, въ большомъ ходу, и травы, употребляемыя для леченія, вообще приносятъ большую пользу; однакоже, Японцы всего больше надѣются на діету. У нихъ, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, самая важная преграда успѣхамъ медицины и хирургіи—суевѣріе; это замѣчаніе будетъ понятно читателю, если онъ вспомнитъ, что производится и какъ поступаютъ съ родильницами; оскверненіе, производимое прикосновеніемъ къ мертвому тѣлу, всегда

будетъ препятствовать успѣхамъ анатоміи, потому что нельзя разрѣзать мертвыхъ тѣлъ.

Въ астрономіи Японцы оказали болѣе успѣховъ, можетъ статься потому, что суевѣріе меньше мѣшаетъ успѣхамъ этой науки, хотя при дворѣ микадо до сихъ поръ водятся *астрологи*. Японскіе астрономы тщательно изучаютъ лучшія астрономическія сочиненія, переведенныя на голландскій языкъ, и знаютъ употребленіе всѣхъ европейскихъ инструментовъ. Мейланъ видѣлъ очень хорошіе телескопы, барометры и термометры, сдѣланные японскими ремесленниками. Вслѣдствіе этихъ успѣховъ, календари, которые прежде привозились, теперь составляются въ Японіи, а вычисленіе затмѣній преподается въ училищахъ въ Іедо и Міяко.

Мѣра и раздѣленіе времени въ Японіи очень странны и не легко понять ихъ. Въ хронологіи употребляются три цикла, совершенно отдѣльные; одинъ изъ нихъ составленъ смѣсю астрономіи съ прочими отраслями физики; другіе два проще, и съ нихъ то мы начинаемъ.

Въ исторіи всего чаще употребляется циклъ, называемый *ненго*. Онъ занятъ отъ Китайцевъ, не имѣетъ опредѣленной мѣры и продолжается отъ одного года до нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Онъ опредѣляется царствующимъ микадо по какому нибудь замѣчатель-

ному событію, которое считается достойнымъ такой чести. Напримѣръ, микадо можетъ назначить *новый нэнго* отъ построения храма, отъ землетрясенія и пр., и даетъ ему имя, приличное его происхожденію, взятое прямо отъ событія, или аллегорическое, въ восточномъ вкусѣ. Такъ одинъ микадо велѣлъ считать *новый нэнго* со времени своего отреченія и назвалъ его *нэнго-генрофъ*, то есть *нэнго счастья природы и искусства*; этимъ микадо хотѣлъ сказать, что самъ онъ будетъ наслаждаться вполне природой и искусствомъ въ своемъ уединеніи. Одинъ и тотъ же *нэнго* продолжается до тѣхъ поръ, пока какое нибудь замѣчательное событіе не заставитъ микадо прекратить его и начать новый, съ другимъ именемъ.

Во второмъ циклѣ считаютъ царствованія *ми (дай)* духовныхъ императоровъ. Онъ употребляется очень часто, потому что просто. Представлялось одно затрудненіе въ этомъ численіи, да и то устранено совершенно: если царствованіе кончается среди года, то весь годъ считается умершему или отрекшемуся микадо, а *дай* или царствованіе наследника начинается только съ перваго дня слѣдующаго года.

Такъ же употребляются для исчисленія и царствованія *сіюгуновъ*.

Третій циклъ астрономическій, состоящій

изъ шести годовъ, чрезвычайно сложенъ и основанъ на расчетъ знаковъ зодіака и стихій.

Въ Японіи двѣнадцать знаковъ, какъ вездѣ, гдѣ изучали астрономію; отъ нашихъ они отличаются только названіями. Ихъ называютъ въ совокупности *цѣюни ноши* (двѣнадцать отраслей).

Вотъ въ какомъ порядкѣ они слѣдуютъ одинъ за другимъ:

1. *Не* (мышь) соотвѣтствуетъ нашему Овну.
2. *Уши* (корова) — — — — Тельцу.
3. *Тора* (тигръ) — — — — Близнецамъ.
4. *У* (кроликъ) — — — — Раку.
5. *Татсэ* (драконъ) — — — — Льву.
6. *Ми* (змѣя) — — — — Дѣвѣ.
7. *Мма* (конь) — — — — Вѣсамъ.
8. *Гитсуци* (коза) — — — — Скорпіону.
9. *Сару* (обезьяна) — — — — Стрѣльцу.
10. *Тори* (пѣтухъ) — — — — Козерогу.
11. *Ину* (собака) — — — — Водолею.
12. *И* (кабанъ) — — — — Рыбамъ.

Стихи у Японцевъ оригинальнѣе. Ихъ считаютъ пять, *безъ воздуха*; за то въ числѣ ихъ дерево и металлъ. Эти пять стихій удвояются самымъ страннымъ образомъ: каждая принимается въ двухъ смыслахъ: въ естественномъ своемъ состояніи, и потомъ въ приложеніи къ употребленію человека. Это такъ

любопытно, что надобно выписать рядъ стихій въполнѣ.

1. *Ки но ie*—значить дерево въ естественномъ состояніи; это первая стихія; она становится

2. *Ки но-то*, когда дерево срублено и превращено въ строительный матеріалъ.

3. *Фино-ie*—огонь въ естественномъ состояніи, то есть солнечный свѣтъ, молнія, и т. п.

4. *Фино-то*—огонь, зажженный рукою человека, посредствомъ дерева, масла, благовоній и пр.

5. *Чучи но ie*—земля въ первоначальномъ видѣ, то есть неразработанная, на вершинахъ горъ, на днѣ морей, и пр.

6. *Чучи но то*—земля, обработанная рукою человека и превращенная въ издѣлія фарфоровыя, въ посуду и пр. Вспаханная земля принадлежитъ къ этому же элементу, который иногда изображается рисовымъ полемъ.

7. *Ка но ie*—металлъ невыдѣланный, въ самомъ простомъ своемъ видѣ. (Иногда, однакожъ, метафорически изображаютъ его *саблей* или *колоколомъ*.)

8. *Ка но-то*—металлическая стихія, обработанная и являющаяся въ видѣ молотовъ, гвоздей, щипцовъ и пр.

9. *Мицу но ie*—вода въ томъ видѣ, въ какомъ течетъ въ источникахъ и рѣкахъ.

10. *Мицу но то*—стоячая вода, какую видимъ

въ прудахъ и болотахъ. Это любопытное отклоненіе отъ главнаго правила, что приложеніе къ употребленію человѣка составляетъ второй элементъ. (Однакожь, этотъ второй элементъ иногда представляется водою, которая вытекаетъ изъ трубы или резервуара).

Ученые, соединяя эти десять элементовъ съ двѣнадцатью знаками зодіака, получаютъ шестьдесятъ фигуръ, и каждая изъ нихъ считается годомъ въ астрономическомъ циклѣ.

Годъ начинается въ февралѣ и раздѣленъ подобно китайскому. Каждый изъ двѣнадцати мѣсяцевъ имѣетъ *описательное имя*. Вотъ какъ это объяснено въ главѣ, называемой *Ниппонъ гецу рей ценъ* (ежемѣсячные японскіе праздники) и находящейся въ книгѣ подъ заглавіемъ: *Зеркало для воспитанія женщинъ*.

Первый мѣсяцъ, или *шио-гвацъ* называется *мотсуки*, дружескій мѣсяцъ, потому что пиры по случаю новаго года возбуждаютъ пріятнѣйшія чувства.

Второй мѣсяцъ, *ни гвацъ*, называется *кисара-ги*, мѣсяцъ перемѣны платья, потому что въ это время снимаютъ зимнюю одежду.

Третій мѣсяцъ, *санъ гвацъ*, называемый *яіой*, мѣсяцъ распуколокъ, потому что вся природа весной просыпается отъ зимняго сна.

Четвертый мѣсяцъ, *ши-гвацъ*, называется *у дзюки*, цвѣтущій мѣсяцъ, потому что цвѣты распускаются.

Пятый, *го-гвацъ*, называется *са цуки*, мѣсяцъ пересадки, потому что въ это время пересаживаютъ ристъ.

Шестой мѣсяцъ, *року-гвацъ*, называется *мина дзюки*, сухой мѣсяцъ, потому что въ это время совсѣмъ не падаетъ дождей.

Седьмой мѣсяцъ, *миши гвацъ*, называется *фуши дзюки*, мѣсяцъ писемъ, потому что въ это время пишутъ оду къ звѣздамъ на листочкахъ и вывѣшиваютъ ихъ на бамбуковыхъ палкахъ.

Восьмой, *гаши гвацъ*, называется *га-дзюки*, мѣсяцъ листьевъ, потому что осенью листья съ деревьевъ начинаютъ падать на землю.

Девятый мѣсяцъ, *ку-гвацъ*, называется *нага-дзюки*, длинный мѣсяцъ, потому что ночи становятся чрезвычайно длинными.

Десятый мѣсяцъ, *эйю гвацъ*, называется *на-ми-на-дзюки*, мѣсяцъ безъ боговъ, потому что въ это время, по убѣжденію Японцевъ, боги удаляются изъ храмовъ своихъ на сѣверъ Японіи, въ Идзумо.

Одиннадцатый мѣсяцъ, *эйю-миши гвацъ*, называется *шиможукъ*, мѣсяцъ иней, потому что дождь превращается въ снѣгъ и иней.

Двадцатый мѣсяцъ, *эйю-ни гвацъ*, называется *шивазу*, послѣднимъ мѣсяцемъ.

Число праздниковъ и церемоній, религіозныхъ и гражданскихъ, въ продолженіе года, очень велико; важнѣйшіе соблюдаются всѣми сословіями безъ изъятія. Титсингъ собралъ подробности о главнѣйшихъ торжествахъ и о тѣхъ праздникахъ, которые бывають при дворѣ. Въ атласѣ Зибольда много занимательныхъ картинъ по этому предмету; рисунки особенно замѣчательны тѣмъ, что сдѣланы лучшими японскими художниками.

Но самое странное и самое неудобное раздѣленіе времени въ Японіи—безъ сомнѣнія часы. Тамъ сутки дѣлятся на двѣнадцать часовъ, шесть часовъ опредѣляется на день и шесть на ночь; днемъ считается часть сутокъ отъ восхода до заката солнца; ночью часть отъ заката до восхода. Такимъ образомъ въ Японіи дневной часъ почти никогда не равняется ночному: лѣтомъ дневные длиннѣе, а зимою ночные длиннѣе дневныхъ. Поэтому слѣдовало бы измѣнять длину часовъ каждый день; но неправильность исправляется только четыре раза въ годъ.

Притомъ же этотъ расчетъ двѣнадцати часовъ, кажется, долженъ быть очень простъ для того, кто умѣетъ сосчитать до двѣнадцати; но онъ такъ запутанъ въ Японіи, что еслибъ къ каждому часу, кромѣ его численнаго имени, не прибавили еще названія од-

ного изъ знаковъ зодіака, то весьма трудно было бы отвѣчать на самый простой вопросъ: *какой часъ?* Попробуемъ объяснить эту запутанную и довольно оригинальную систему.

Девять считается превосходнѣйшимъ числомъ (*), и потому полдень и полночь оба называются девятымъ часомъ. Полдень называется девятымъ часомъ дня; полночь девятымъ часомъ ночи; въ то же время восходъ солнца называется шестымъ часомъ дня, а закатъ шестымъ часомъ ночи. Если спросить, какимъ образомъ девять помѣщается два раза въ двѣнадцати; мы отвѣтимъ, что арифметическая невозможность устранена тѣмъ, что цифры 1, 10, 11 и 12 уволены въ отставку. Употребляемыя цифры извлекаются посредствомъ таблицы умноженія; и вся система основана на безпредѣльномъ уваженіи къ числу *девять*.

Девять, какъ часъ полудня и полуночи, считается первымъ часомъ. Помножьте 9 на 2, получите 18; отбросьте десятки, у васъ останется восемь: вотъ почему часъ, слѣдующій за полуднемъ или за полуночью (то есть, второй часъ дня или ночи), называется восьмымъ. Далѣе: помножьте 9 на 3 полу-

(*) По ученію *Синту*, превосходнѣйшее число *восемь*.

чите 27, отбросьте десятки, у васъ останется 7; и третій часъ пополудни или пополуночи становится седьмымъ часомъ дня или ночи. Потомъ помножьте 9 на 4, получите 36, откиньте десятки, останется 6, и четвертый часъ (непремѣнно бывающій въ восходѣ или закатѣ солнца) называется шестымъ часомъ дня или ночи. Потомъ вы множите 9 на 5, получаете 45, отбрасываете десятки, остается у васъ только 5, и потому часъ, слѣдующій за восходомъ или закатомъ солнца, называется пятымъ часомъ дня или ночи. Наконецъ, помножьте 9 на 6, получаете 54; отбросьте десятки, останется 4, и потому шестой или послѣдній часъ будетъ называться четвертымъ часомъ дня или ночи. Тутъ опять наступаетъ полдень или полночь, или, по японски, девятый часъ дня или ночи. Безъ этихъ объясненій была бы непонятна слѣдующая таблица часовъ въ естественномъ порядкѣ:

Полночѣ есть *коконоцъ* или девятый часъ ночи, иначе (по знакамъ зодіака) часъ *Мыши*.

Второй часъ передъ полуднемъ есть *яцъ*, или восьмой часъ ночи, иначе часъ *Коровы*.

Четвертый часъ передъ полуднемъ есть *нанаяцъ* или седьмой часъ ночи,—часъ *Тигра*.

Восходъ солнца есть *муцудоки* или шестой часъ дня,—часъ *Кролика*.

Восьмой часъ передъ полуднемъ есть *ицц* или пятый часъ дня, — часъ *Дракона*.

Десятый часъ передъ полуднемъ есть *юцц* или четвертый часъ ночи, — часъ *Змьи*.

Полдень есть *коконоцц*, или девятый часъ дня, иначе часъ *Коня*.

Второй часъ пополудни есть *яцц* или восьмой часъ дня, — часъ *Козы* или *Овна*.

Четвертый часъ послѣ полудня есть *на-нцц*, или седьмой часъ дня, — часъ *Обезьяны*.

Закатъ солнца есть *муцц-доки* или шестой часъ ночи, — иначе часъ *Птица*.

Восемь часовъ пополудни есть *иццц* или пятый часъ ночи, — часъ *Собаки*.

Десятый часъ пополудни есть *юцц* или четвертый часъ ночи, — часъ *Кабана*.

Каждый часъ дѣлится на восемь долей (такая доля соотвѣтствуетъ нашимъ четвертямъ часа). Часы означаются колокольнымъ звономъ въ храмахъ. Измѣрять ихъ очень трудно, хотя и возможно, посредствомъ увеличенія или уменьшенія маятника; и операцию эту надобно повторять два раза въ день, при восхождѣ и закатѣ солнца. Для измѣренія часовъ Японцы употребляютъ два способа: или особеннаго рода часы, или жгутъ тѣла опредѣленной величины (*).

(*) Это жгущія палочки, изобрѣтенныя въ Китаѣ, которыя горятъ медленно и ровно, и дѣйствительно

Разставаясь съ теоріею и системою измѣренія времени, скажемъ нѣсколько словъ о часахъ, заказанныхъ губернаторомъ Нагазки, въ 1826 году, для подарка сіюгуну. Они считались чудомъ механики, и какъ мастерское произведеніе были показаны членамъ голландской факторіи въ Децимъ.

«Часы вставлены въ раму, трехъ футовъ въ вышину и пяти въ ширину, и представляютъ превосходный пейзажъ. На передвей части картины фруктовыя деревья въ цвѣту, съ другими растеніями. Въ глубинѣ картины холмъ, съ котораго льется водопадъ, превосходно сдѣланный изъ стекла; онъ превращается въ рѣчку и тихо течетъ между утесами, разбросанными посреди пейзажа, и наконецъ исчезаетъ въ лѣсу. Золотое солнце, привѣшенное къ облакамъ, повертываясь, показываетъ, что часы будутъ бить. Внизу рамы означены всѣ двѣнадцать часовъ дня и ночи, а черепаха, медленно движущаяся, замѣняетъ часовую стрѣлку. Птичка, сидящая на вѣткѣ, пѣніемъ и маханіемъ крыльевъ извѣщаетъ, что часъ приходитъ къ концу, и какъ скоро перестаетъ пѣть, тотчасъ

представляютъ довольно вѣрное средство измѣрять время. Жансиги видѣлъ употребленіе этихъ палочекъ въ Явѣ, на большой чайной фабрикѣ; онѣ, старая, но называли; сколько надобно было употребить времени на извѣстныя подробности манипуляцій.

слышится звонъ, означающій сколько прошло часовъ. Пока часы бьютъ, мышка выбѣгаетъ изъ пещеры и прогуливается по холму.»

Каждая часть этихъ часовъ, отдѣльно взятая, была сдѣлана превосходно; но птица была слишкомъ велика, не по росту дерева; солнце занимало полнеба, а мышь въ одну секунду поднималась на холмъ.

Японцы имѣютъ нѣсколько свѣдѣній о математикѣ, механикѣ, тригонометріи и инженерномъ искусствѣ. У нихъ есть каналы, собственно назначаемые для орошенія полей, и много мостовъ разнаго рода (*).

(*) Зибольдъ упоминаетъ о нѣсколькихъ большихъ каналахъ, учрежденныхъ съ торговою цѣлью, между прочимъ о каналѣ *Ондозето* въ провинціи *Аки*, который ведетъ прямо къ торговому городу *Фирозима*, и о большомъ каналѣ лодочниковъ (*Септо-но-Фуци*) въ провинціи *Фиценъ*, въ которомъ около девяноста верстъ длины; онъ проходитъ черезъ *Зага*, самый главный городъ на островѣ *Kiuziу*, и такимъ образомъ соединяетъ заливъ *Симабару* съ Сѣвернымъ Моремъ. Мостъ, переброшенный черезъ этотъ каналъ въ *Загѣ*, украшенъ колоссальною мѣдною статуею; она представляетъ *diszo* (генія покровителя), называемаго *Fukwo-wo*; его назначеніе «проливать дождь и помогать росту пяти сортовъ хлѣба.» Множество большихъ мостовъ въ Японіи объясняется тѣмъ, что съ безчисленныхъ горъ текутъ потоки, и главнѣйшіе города построены при устьяхъ важнѣйшихъ рѣкъ и перерѣзаны каналами.

Они научились измѣрять высоту горъ посредствомъ барометра и въ послѣднее время составили прекрасныя карты Японской Имперіи. Изъ машинъ, они едва ли умѣютъ сдѣлать что нибудь труднѣе вѣровъ и водяныхъ мельницъ, и въ этомъ отношеніи, вовсе не ищутъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Мнѣніе ихъ по этому предмету выразилось очень ясно, когда голландское правительство прислало въ подарокъ сіюгу модель мельницы для выдѣлки масла. Много удивлялись этому остроумному изобрѣтенію и чудесному устройству этой мельницы; но отослали подарокъ назадъ, потому что *принятіе такой мощной помощи въ работъ лишитъ заня-*

Во всей имперіи считается двѣсти тридцать девять большихъ мостовъ; изъ нихъ семьдесятъ девять въ Огозакъ и семьдесятъ пять въ Іедо. Каменные мосты (*isi basi*) рѣдки и всегда въ одну арку.

Деревянные мосты на каменныхъ устояхъ встрѣчаются очень часто, и особенно на большихъ рѣкахъ. Мостъ въ Огозакѣ имѣетъ 397 метровъ (около 175 саж.) въ длину.

Подъемные мосты встрѣчаются только въ крѣпостяхъ и называются *фики бази*.

Много мостовъ на плашкотахъ (*funa-basi*). Въ провинціи Ециціо, черезъ рѣку *Куцу-гава* поставленъ такой мостъ, длиною въ семьсотъ семьдесятъ метровъ; онъ состоитъ изъ пятидесяти двухъ судовъ, связанныхъ желѣзными цѣпями и покрытыхъ досками. Наконецъ множество висячихъ мостовъ.

тя всѣхъ тѣхъ Японцевъ, которые добываютъ себѣ пропитаніе выдѣлкою масла по обыкновенному способу (*).

(*) Такая мѣра не покажется нелѣпою, если принять въ соображеніе тѣ особенныя условія, въ которыхъ находится Японія. Въ Англіи и во Франціи, гдѣ народъ пообразованнѣе Японцевъ, неудобство быстраго введенія новыхъ машинъ, какъ бы онѣ ни были превосходны, занимало лучшихъ политико-экономовъ. — Однакоже, Японцы несовсѣмъ отказываются отъ европейскихъ машинъ. Зибольдъ говоритъ о нѣсколькихъ родахъ мельницъ и подробно описываетъ одну для раздробленія фельдшпата.

ИСКУССТВА И МАНУФАКТУРЫ

У ЯПОНЦЕВЪ.

Трудно составить себѣ понятіе о положеніи искусствъ въ Японіи, какъ потому, что свидѣтельства членовъ факторіи въ Децимѣ объ этомъ предметѣ не могутъ имѣть особенной важности, такъ и потому, что иностранцамъ почти невозможно добыть лучшіе образцы того, что разныя отрасли искусствъ и промышленности производятъ самаго совершеннаго. Мѣсто, занимаемое артистами между народными сословіями, при первомъ взглядѣ, можетъ повидимому дать нѣкоторое понятіе объ этомъ вопросѣ; но эта классификація характеризуетъ прежнее время, а не нынѣшнюю эпоху. Однакоже, по имѣющимся свидѣтельствамъ, можно рѣшительно заключить, что вообще искусства гораздо болѣе развиты въ Японіи, чѣмъ въ Небесной Имперіи.

О музыкѣ ничего нельзя прибавить къ то-

му, что сказано выше. Увѣряють, что Японцы очень любятъ живопись и сильно стараются о составленіи картинныхъ галерей; что они смѣло дѣлають эскизы углемъ и даже чернилами, и такъ вѣрно, что никогда не переправляютъ, что черты ихъ правильны и рисунокъ столько хорошъ, сколько позволяетъ незнаніе перспективы и анатоміи. Отъ этого же незнанія вѣроятно происходитъ неумѣнье ихъ схватывать сходство; портретные живописцы болѣе стараются о сходствѣ платья, чѣмъ лицъ, съ которыхъ срисовываютъ портреты. Лучше удаются имъ изображенія цвѣтовъ и птицъ. Есть превосходная книга, въ которой цвѣты нарисованы въ естественную величину на одной сторонѣ страницы, а на оборотѣ написаны имя и свойства каждаго цвѣтка. Книга эта, трудъ одной японской дамы, представлена ею Титсингу, который былъ другомъ ея мужа. Всѣ японскіе артисты наиболѣе заботятся объ окончательной отдѣлкѣ (*le fini*) своихъ произведеній.

Есть нѣсколько пейзажей и фигуръ, вывезенныхъ изъ Японіи; но эти рисунки хотя не безъ достоинства, скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ помогаютъ оцѣнкѣ. Гравюры Титсинга представляютъ сватбы, похоронныя шествія, и пр., и сняты съ японскихъ гравюръ. Ихъ можно поставить на ряду съ китайскими картинами. Картины Мейлана немного получше.

Мейланъ рассказываетъ одинъ фактъ о превосходствѣ японскихъ художниковъ, которому уже двѣсти лѣтъ и который удивитъ всѣхъ, кто видѣлъ эти гравюры.

Одному японскому художнику случилось списать копію съ двухъ духовныхъ католическихъ изображеній; копію эту почти нельзя было отличить отъ оригинала. Должно замѣтить, что Мейланъ никогда не видалъ этой копіи, и что знатоки, рѣшавшіе сходство картинъ, были Японцы. Художника, за такое дѣло, напоминавшее о религіи Португальцевъ, обезглавили. Исторія эта, впрочемъ неполнѣ достойная вѣроятія, совершенно согласна съ состояніемъ искусствъ въ Японіи; японскіе артисты плохіе рисовальщики, но превосходные кописты, какъ и въ Китаѣ.

Образцы рисованья, встрѣчаемые у Зибольда, гораздо лучше мейлановыхъ, хотя Зибольдъ посѣщалъ Японію прежде Мейлана. Онъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что японскій художникъ, работавшій для него, изучалъ тогда европейскія начала живописи. Но лучше всѣхъ картины, находящіяся въ великолѣпной книгѣ Овермера Фишера. Отдѣлка и распредѣленіе тѣней слишкомъ хороши, и можно подозрѣвать, что рисунки японскихъ художниковъ переправлены въ Голландіи. Подозрѣніе это подтверждается обзорѣніемъ японскихъ залъ въ королевскомъ

музеѣ въ Гагѣ, гдѣ собраны, какъ увѣряютъ, образцовыя произведенія японскаго искусства. Говорятъ, что японскій музей Зибольда былъ богаче этихъ залъ. Голландское правительство купило музей Зибольда и помѣстило его въ свои японскія залы.

Японцы не знаютъ живописи масляными красками, но мастера писать тушью. Краски свои извлекаютъ они изъ минераловъ и растений и получаютъ оттѣнки красивѣе и блестящѣе нашихъ.

У нихъ много гравюръ, но на деревѣ. Однакожъ, въ послѣднее время у нихъ введено гравированіе на мѣди и принято такъ хорошо, что это искусство можетъ имѣть самыя блестящія успѣхи.

Въ лучшихъ книгахъ объ Японіи нѣтъ никакихъ свѣдѣній о скульптурѣ: говорится только съ похвалою объ орнаментахъ. Говорятъ, что Японцы достигли въ литейномъ искусствѣ такого совершенства, какое возможно при явномъ презрѣніи пропорцій. Они выливаютъ превосходныя вазы и прекрасныя статуи; колокола ихъ замѣчательны по богатству барельефовъ. Въ колоколахъ нѣтъ языковъ; но въ нихъ звонятъ, ударяя ихъ снаружи деревянными палками, какъ въ Китаѣ.

Постройка общественныхъ зданій не основана на ученой теоріи; нѣтъ никакихъ архи-

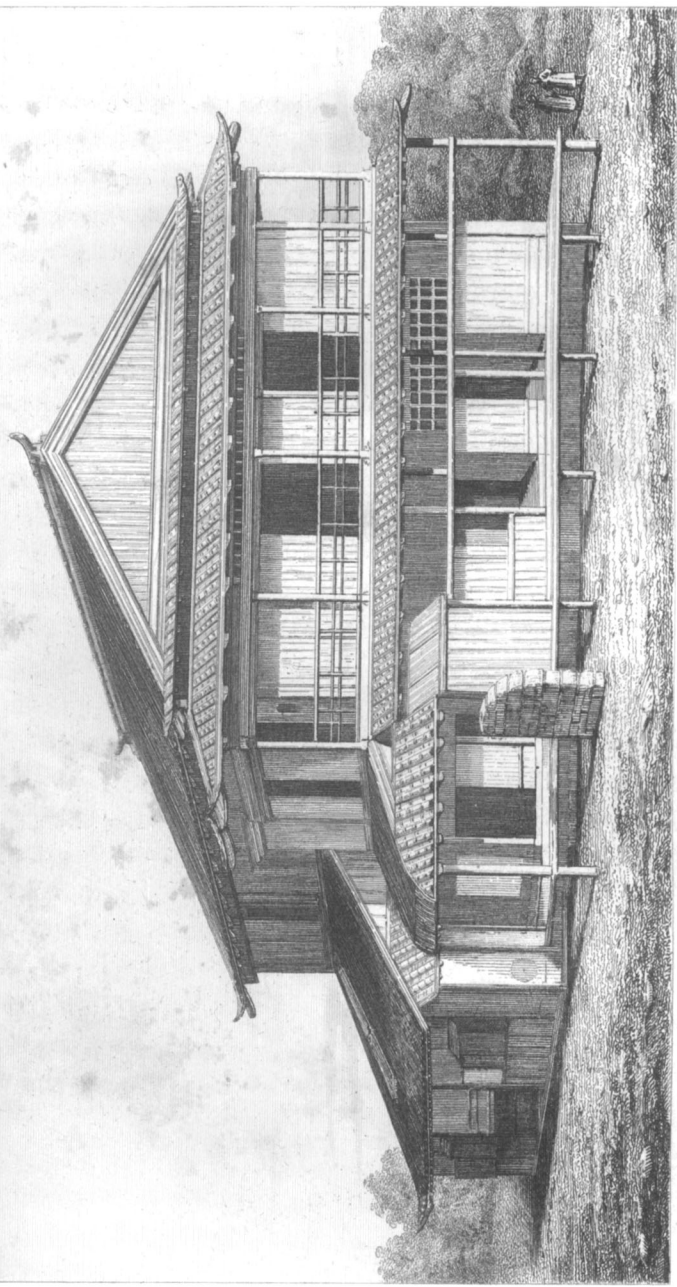
тектурныхъ правилъ, кромѣ тѣхъ, которыя предписаны полиціей. Однакожъ, сооруженіе храмовъ для первоначальной религіи (поклоненіе *ками*) или для происходящихъ отъ нея сектъ, указываетъ на существованіе особенной архитектуры. Зибольдъ, говоря о храмикѣ, выстроенномъ возлѣ гигантскаго камфарнаго дерева, увѣряетъ, что онъ выстроенъ въ духѣ смѣшанной архитектуры *ріо-бу-синто*. Болѣе ничего нельзя сказать положительнаго объ архитектурѣ Японцевъ, которая еще во младенчествѣ.

Инженерное искусство и мореплаваніе, какъ науки, кажется, не существуютъ въ Японіи. Однакоже, Японцы употребляютъ компасъ, и вѣроятно умѣютъ защищать свои укрѣпленныя мѣста посвоему. Что же до лаковыхъ японскихъ издѣлій, то всѣ писатели единогласно увѣряютъ, что нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о нихъ по образцамъ, обыкновенно привозимымъ въ Европу. Тѣ, которыя истинно хороши, не могутъ быть куплены Европейцами; лучшія получаютъ членами голландской факторіи въ подарокъ отъ ихъ японскихъ друзей. Обыкновенно эти подарки попадаютъ въ королевскій музей въ Гагѣ; хотя они считаются второстепенными въ Японіи, однакожъ такъ превосходны, что, не видавъ этого собранія, нельзя составить себѣ никакого понятія объ ихъ красотѣ.

Покрываніе лакомъ—процессъ чрезвычайнo сложный. Лакъ получается изъ растенія, называемаго *урузи-но-ки* (*rhus vernix*), и подвергается долгому и трудному приготовленію прежде, чѣмъ бываетъ годенъ къ употребленію. Его растираютъ медленно и ровно на мѣдной палитрѣ съ красящимъ веществомъ; а самое покрытіе лакомъ такъ же медленно и затруднительно, какъ и его приготовленіе. Накладывается предварительно пять слоевъ лака, и каждый долженъ высохнуть; потомъ полируютъ камнемъ или бамбукомъ. Только посредствомъ этой утомительной работы, лакъ получаетъ превосходную доброту. Фигуры изъ перламутра получаютъ вырѣзкою и подкрашиваются снизу. Потомъ ихъ накладываютъ на лакъ, въ нѣсколько слоевъ, и полируютъ, отъ чего онѣ и получаютъ удивительный блескъ.

Японцы не умѣютъ гранить драгоценныхъ камней и потому не даютъ имъ настоящей цѣны, такъ, что ни мужчины, ни женщины не употребляютъ ихъ въ видѣ украшеній (*).

(*) Есть ли это отличительная черта японскаго характера или только слѣдствіе законовъ о роскоши? Рѣшить нельзя. Шарльвуа увѣряетъ, что женщины иногда носятъ серьги. Въ Зибольдѣ находимъ, что Японцы торгуютъ жемчугомъ и называютъ его *Кай-но-та-ма* (*устричныя драгоценности*). Устрица, дающая на-

Lamotte

Maison Japonaise.

ЯПОНСКИЙ ДОМЪ.

Въ металлургіи они очень искусны, и всѣ писатели съ изумленіемъ указываютъ на превосходную композицію *сіякудо*, въ которой всѣ металлы перемѣшаны такъ, что композиція походитъ совершенно на эмаль. Ее употребляютъ, вмѣсто драгоценныхъ камней, на украшеніе поясовъ, застѣжекъ, ларчиковъ, сабельныхъ эфесовъ, и проч. Но еще болѣе славятся Японцы закалкою стали. Клинки ихъ сабель превосходны. Они отточены какъ бритвы и могутъ, не зазубриваясь, перерубить желѣзный гвоздь. Лучшій клинокъ стоить отъ 500 до 700 руб. сер., а старинный, лучшей отдѣлки, вдвое противъ этой суммы. Вывозъ ихъ запрещенъ, вслѣдствіе суевѣрныхъ понятій, по которымъ Японцы должны нераздѣльно хранить наслѣдство отъ равныхъ богамъ предковъ своихъ: неукротимую храбрость и превосходное оружіе (*).

стоящій жемчугъ, ловится обыкновенно въ заливахъ Огомура и Овари, или на берегу провинціи Пзе и Сацумы. Въ торговлѣ жемчугъ раздѣляется на серебрястый (*гинтама*) и золотистый (*кинтама*), который бываетъ яркаго желтаго цвѣта съ розовымъ отливомъ. *Кинтама* превосходной воды и отличается замѣчательнымъ блескомъ. Эти жемчужины величиною съ горошинку; за каждую платится, по словамъ Зиболяда, два *кобана* (около 48 р. ассиг.) Но изъ того, что Японцы ловятъ жемчугъ и торгуютъ имъ, нельзя еще вывести, чтобы сами они могли, по закону, носить его.

(*) Японцы, по словамъ Зиболяда, умѣютъ владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ и употребляютъ ружье,

Нельзя не замѣтить, что японскія мануфактуры выдѣлываютъ всѣ предметы, необходимые жителямъ. Лучшія и замѣчательнѣйшія произведенія мануфактурной промышленности, фарфоръ и шелковыя ткани. Теперь, говорятъ, фарфоръ сталъ хуже, и упадокъ его приписываютъ тому, что теперь рѣже

но съ фитилемъ. Говорятъ, что они употребляютъ это несовершенное оружіе по двумъ причинамъ: по рѣдкости кремня въ ихъ геологическихъ пластахъ и по отвращенію къ нововведеніямъ, взятымъ у Европейцевъ, т. е. по нежеланію показать, что Японія можетъ нуждаться въ чемъ нибудь иностранномъ. Последняя причина можетъ быть справедлива; но первая уничтожена изобрѣтеніемъ пистоновъ, о которыхъ уже вѣроятно извѣстно въ Японіи. Вообще мы весьма несовершенно знаемъ военное устройство Японской Имперіи. Болѣе другихъ Головинъ и Зибольдъ сообщаютъ извѣстій объ этомъ предметѣ. Последний говоритъ: «Японскіе солдаты не отличаются такимъ воинственнымъ видомъ, какъ наши; по этому они стараются заставить забыть свое платье, придавая лицу своему звѣрское выраженіе. Кавалеристы въ латахъ носятъ вмѣсто забрала грозную маску, которая напугаетъ непріятеля гораздо болѣе, чѣмъ лице, подъ нею скрывающееся. Маска напоминаетъ народу о воинской храбрости, какъ въ древнихъ греческихъ трагедіяхъ.»

Число войска, содержимаго для внутреннихъ карауловъ и на случай войны, должно быть значительно; но эти войска не надежны, какъ по устройству, такъ и по вооруженію и дисциплинѣ. Впрочемъ, несомнѣнно, что масса народонаселенія храбра, съ раннихъ лѣтъ привыкаетъ къ гимнастическимъ упражненіямъ, одушевлена самымъ горячимъ патріотизмомъ, и что эти тридцать милліоновъ будутъ отчаянно защищать имперію *Восходящаго Солнца*.

попадаетъ превосходная глина, изъ которой онъ выдѣлывается. Зибольдъ положительно отвергаетъ этотъ выводъ. Недалеко отъ *Дазиро*, села, которое лежитъ на границѣ *Фицена* и *Цикузена*, видны цѣлыя горы фарфоровой земли, превосходной по качеству; она не уступаетъ той, которую добываютъ изъ гранитныхъ утесовъ острова *Амаказа*. Во всей провинціи *Фиценъ* дѣлаютъ отличнѣйшій фарфоръ. Отсюда вывезены въ XVI и XVII вѣкахъ тѣ удивительныя вазы, которыя до сихъ, поръ такъ дорого цѣнятся въ Европѣ. Но мануфактурныя заведенія, процвѣтавшія въ то время, должны были прекратить выдѣлку фарфора первыхъ сортовъ, вѣроятно потому, что издержки фабрикаціи превзошли цѣну, назначенную за эти издѣлія по контрактамъ между прежнею Индійскою Компаніею и властями въ Нагазаки.

Превосходнѣйшія шелковыя матеріи выдѣлываются изгнанниками изъ знатныхъ людей, сосланными на небольшой островокъ, покрытый утесами и безплодный, гдѣ они лишены всѣхъ доходовъ и должны работою рукъ платить за припасы, доставляемые имъ моремъ. Вывозъ этихъ матерій также запрещенъ (*).

(*) Мы уже сообщали нѣсколько подробностей объ этомъ любопытномъ и оригинальномъ островѣ. Прибавимъ еще, что Японцы овладѣли имъ въ 1487 году,

*

Шелководство и шелковая промышленность давно уже въ большой чести въ Японіи. Оно введено тамъ Китайцами и Корейцами около 310 года по Р. Х. Книга, написанная въ началѣ XIX вѣка, судьей *Укаки-Морикуни*, въ провинціи *Татсими*, объ этомъ важномъ предметѣ, переведена докторомъ Гофманомъ и представлена Парижской Академіи Наукъ 1 мая 1848 г, господиномъ Бонафу, который написалъ къ ней свои объясненія, замѣчанія и комментаріи. Сочиненіе называется по яповски *Го-сан-фи-рокъ* (Тайная повѣсть о воспитаніи шелковичныхъ червей) и излагаетъ всѣ тайны японскаго шелководства. Нѣтъ сомнѣнія, что открытіе нѣкоторыхъ изъ этихъ тайнъ принесетъ существенную пользу европейской промышленности и поведетъ къ неожиданнымъ и полезнымъ нововведеніямъ. До сихъ поръ, однакоже, никто не воспользовался этимъ переводомъ.

и что на немъ, если вѣрить японской энциклопедіи, встрѣчаются дикіе коконы, называемые *яма-маю* (горные коконы); изъ нихъ выдѣлывается чрезвычайно крѣпкая и плотная матерія, которая никогда не линяетъ, но которую красить нельзя. Приготовляютъ ее исключительно для правительства и называютъ *фа-ци сіо кину*. Стало быть, ея нѣтъ въ торговлѣ, но поддѣлки встрѣчаются въ Міяко. На островахъ *Ліу-Кіу* выдѣлываютъ полосатыя шелковыя матеріи, близко подходящія къ этому *фа-ци-сіо-кину*. Японцы ищутъ ихъ и охотно покупаютъ.

Всѣ думаютъ: писалъ Японецъ! Что читать!— Откладываютъ книгу въ сторону единственно потому, что еще не знаютъ, на сколько Японцы давно опередили Европейцевъ и въ шелководствѣ и въ фабрикаціи шелковыхъ издѣлій!

Обратимся къ бумажной промышленности. Дерево, изъ котораго дѣлается лучшая бумага, называется по японски *ко-зо* (*Broussonetia papyrifera*); Китайцы называютъ его *чю-чу*. Она бѣлѣе обыкновенной китайской, но все-таки довольно желтовата. Если бумага не скоро употребляется, поверхность ея становится шероховатою. Вотъ какъ Кемпферъ описываетъ бумажное производство:

«Собравъ отпрыски, изъ которыхъ дѣлается бумага, и вываривъ ихъ порядочно, сдираютъ съ нихъ кожу и сушатъ ее до тѣхъ поръ, пока она не понадобится для фабрикаціи (*).

«Когда собрали коры достаточное количество, мочатъ ее въ водѣ три или четыре дня,

(*) У Японцевъ четыре дерева называются главнымъ:

1) Тутовое (*Morus alba*), по китайски *сан-шу*, по японски *кува но ки*, т. е. *дерево съ ходячимъ листомъ*;

2) Бумажное дерево (*Broussonetia papyrifera*);

3) Лаковое дерево (*Rhus vernix*);

4) Чайное дерево (*Thea viridis*); по японски *цзя-но ки* (*ща въ Индустанѣ, ша въ Явѣ*).

и когда она размокнетъ, снимаютъ съ нея ножомъ черную кожу. Потомъ сортируютъ кору по ея лѣтамъ, старую отдѣляютъ отъ молодой; изъ молодой выдѣлывается лучшая бумага, изъ старой—грубая.»

Впрочемъ въ Японіи, какъ и въ Китаѣ, чаще всего разные сорта бамбука употребляются для бумажнаго производства. Кромѣ того употребляютъ кору разныхъ деревьевъ и растеній. Бумага вошла въ употребленіе у Японцевъ въ VII вѣкѣ по Р. Х.

ТОРГОВЛЯ И МОРЕПЛАВАНІЕ.

Все, что мы говорили о торговлѣ Японцевъ съ Голландцами и Китайцами и объ ихъ внутренней торговлѣ, имѣло цѣлю показать, какимъ строгимъ ограниченіямъ подвергаетъ японское правительство сношенія своихъ подданныхъ съ иностранцами, и какъ удивительно развились внутреннія средства страны подъ вліяніемъ такой исключительной системы. Здѣсь мы рассмотримъ элементы той и другой торговли, ихъ средства и относительную важность.

Торговля Голландцевъ съ Японцами не очень важна, хотя затруднительна по формѣ. Вообще она раздѣляется на торговлю съ правительствомъ и торговлю частную (*камбангъ*). Въ послѣднее время *камбангъ* былъ отданъ на откупъ за 30,000 флориновъ въ годъ (около 60,000 р. ассиг.). Эта торговля основана на интригахъ и лихоимствѣ, и до сихъ поръ производится посредствомъ обмановъ. Въ пос-

лѣднія десять лѣтъ, въ Децимѣ произошли такіе безпорядки по случаю этого нечистаго торга, что факторія никогда не видывала подобныхъ. Одинъ переводчикъ, уличенный въ контрбандѣ, былъ обезглавленъ; другой постигнулъ на самоубійство и распоролъ себѣ брюхо (*).

Выгоды отъ камбанга значительны. Выручка на привозныхъ статьяхъ доходитъ до 100 процентовъ, и даже выше. Для правительства привозятся: шерстяныя и шелковыя издѣлія, бархатъ, бумажныя матеріи и много другихъ статей, золотая и серебряная монета и немного олова, свинца и ртути. Вывозъ (тоже на счетъ правительства) состоитъ только изъ двухъ статей: изъ мѣди и камфоры. Привозъ камбанга доставляетъ, сверхъ показанныхъ выше статей, пряности, химическія произведенія и множество галантерейныхъ вещей. Зибольдъ въ своемъ Опытѣ о торговлѣ Японіи (въ *Moniteur des Indes*, часть II, стр. 337) входитъ въ подробности, которыя показываютъ, что вкусъ къ мелочамъ европейской про-

(*) Въ *Moniteur des Indes* Зибольдъ помѣстилъ подробную статью объ этомъ предметѣ, подъ названіемъ: Историческій, статистическій и политическій опытъ о торговлѣ Японіи съ Голландцами и Китаемъ.

мышленности быстро распространяется по Японіи (*).

Главнѣйшія вывозныя статьи частной торговли суть: древесный воскъ (**), бамбукъ,

(*) Разсмотрѣніе списка привозныхъ предметовъ составляетъ сомнѣваться въ томъ, что Японцы и жены ихъ не употребляютъ драгоценныхъ украшеній. Въ этомъ списокѣ помѣщены пряжки, фальшивые драгоценные камни, агаты, поддѣльный жемчугъ, крашенныя бусы и множество другихъ галантерейныхъ вещей.

(**) *Rhus succedaneum* (фазе-ноки), восковое дерево; плодъ его даетъ масло, изъ котораго добывается воскъ, неуступающій нашему. Изъ него-то выдѣлываютъ свѣчи въ Японіи. Такъ какъ въ Японіи всѣ жгутъ воскъ, потому что сальныхъ свѣчей нѣтъ, то воскъ составляетъ важную статью торговли. Только въ послѣднее время начали вывозить его въ Яву и даже въ Европу. Но поняли, что это растительное масло и что свѣчи, изъ него дѣлаемые, очень дымятъ, и потому требованіе на воскъ значительно уменьшилось. Японцы, говоритъ Зибольдъ, дѣлаютъ такія свѣтильни, что свѣчи почти не дымятъ. вмѣсто хлопчато-бумажной свѣтильни, они употребляютъ пустой цилиндръ изъ бумаги; дымъ собирается въ цилиндрѣ и сгораетъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ въ астральныхъ лампахъ. Восковое дерево растетъ особенно хорошо въ южныхъ и юго-восточныхъ провинціяхъ; его сажаютъ на извѣстномъ разстояніи одно отъ другаго, какъ въ Европѣ фруктовыя деревья. Фазе-ноки похоже и видомъ и величиной на западную яблоню, только листья у него съ зазубринками; зимою оно теряетъ листья, и деревенскіе жители навѣшивають на его вѣтви огромныя рѣдьки, которыя тутъ сушатся; потомъ ихъ солятъ.

заки (*), соя, горчица. Также шелковыя матеріи, соломенные ящички, корзинки изъ бамбука, лаковыя издѣлія, зонтики, вѣеры, фарфоръ, посуда, большія вазы для воды, и пр. Послѣднія называются *мартуанъ* (круглыя горшки). Ихъ дѣлаютъ въ Симодѣ и въ *Юмино-Мура*, въ провинціи Зоноги, на островѣ *Kiu-siu*. Это превосходная статья для вывоза въ Батавію, гдѣ въ этихъ вазахъ хранятъ воду.

Съ 1685 года ввозъ голландскихъ товаровъ ограниченъ до 50.000 кобанговъ или 300.000 таэловъ, по торговлѣ на счетъ правительства, и до 40.000 по частной торговлѣ (камбангъ).—По цѣнности кобанга въ то время, 300.000 таэловъ представляли около 2.000.000 руб. ассигн.; но нынѣ они стоятъ не болѣе милліона (**).

Какъ бы то ни было, привозъ товаровъ не

(*) Зибольдъ пишетъ *заке* и очень рѣдко *заки*; Фишеръ — *закки*. Трудно опредѣлить настоящее произношеніе этого часто встрѣчаемаго слова.

(**) *Таилъ* или *таэлъ* серебряный стоитъ въ Китаѣ около 8 руб. ассигн.; но хотя Японцы приняли для своихъ расчетовъ эту монету и ея подраздѣленія, однакоже почти невозможно составить себѣ вѣрное понятіе о цѣнности таэла въ настоящую минуту. Если вѣрить Мельборну (*Milburn, Oriental Commerce*, стр. 525), Голландцы считаютъ японскій таэлъ въ 3 флорина съ половиною, или въ семь р. ассигн. Можетъ быть и Мельборнъ неправъ. У Зибольда находимъ вѣсколько разныхъ таэловъ: обыкновенный или простой, иначе компаней-

доходилъ даже и до этой цифры, въ послѣднѣе годы. Съ 1825 года по 1833 включительно, среднимъ числомъ ввезено товаровъ на 600.000 р. ассигн. ежегодно; а въ возвратъ получено японскихъ произведеній на 1.400.000 руб. ассигнац.

Съ этого времени торговля еще уменьшилась. Въ 1846 году привезено голландскихъ товаровъ на 480.000 руб. ассигн.

Изъ всего этого можно заключить, что Голландцы получаютъ не болѣе 300.000 р. ассигн. въ годъ отъ торговли съ Японіею. Изъ этой суммы надобно вычесть издержки на содержаніе заведенія въ Децимѣ, на посольство въ Іедо, на покупку подарковъ и проч. Издержки эти, по исчисленіямъ Голландцевъ, доходятъ до 400.000 р. ассигн. Стало-быть, факторія получаетъ въ годъ не болѣе 400.000 р. чистой прибыли. Можетъ

скій, стоитъ 2 фр. 60 сантимовъ; *таэлъ камбангъ* стоитъ 2 фр. 80 сантимовъ; наконецъ серебряный *таэлъ* стоитъ иногда 4 фр. 20 сантимовъ, а иногда только 3 фр. 47 сант. *Кобангъ*, золотая монета, стоитъ шесть *таэловъ*; на нее-то вычисляютъ количество привозныхъ товаровъ; но это исчисленіе всегда невѣрно, потому что цѣна золота часто измѣняется въ Японіи.—Хотя трудно понять запутанную и тайную торговлю Голландцевъ съ Японцами, однакожъ нѣтъ сомнѣнія, что она не даетъ блистательныхъ выгодъ, и Голландцы, для поддержанія ея, тщетно жертвуютъ многимъ японскому правительству, которое рѣшилось не давать имъ хода.

быть, въ нашемъ расчетѣ есть небольшая ошибка, но еслибъ Голландцы получали вдвое болѣе, то и въ такомъ случаѣ выручки было бы недостаточно для покрытія тѣхъ пожертвованій, на которыя они себя осуждаютъ.

Въ послѣдніе годы Ява отправляла одинъ только корабль въ Дециму. Не отказываясь отъ этой неправильной торговли, японское правительство слѣдуетъ не внушеніямъ корысти, а уваженію къ стариннымъ привилегіямъ, потому что казна болѣе теряетъ, чѣмъ выигрываетъ отъ сношеній съ Голландцами (*).

Съ другой стороны ясно доказано, что жители Японіи получаютъ отъ торговли съ Китайцами значительныя выгоды; соперники (Голландцы и Китайцы) допущены въ Японію только потому, что государству стали нужны нѣкоторыя статьи заграничной торговли, и что въ случаѣ нужды, одинъ изъ

(*) Японская казна, правда, продаетъ съ значительною выгодною товары, покупаемые у Голландцевъ. Привилегированныя компаніи изъ пяти императорскихъ городовъ Іедо, Міяко, Огозака, Закай и Нагазаки, принимаютъ на себя распродажу этихъ товаровъ. Но барыши казны уничтожаются тѣмъ, что она должна доставлять Голландцамъ мѣдъ и камфору вдвое дешевле того, что эти предметы стоить въ Японіи (см. стат. Зибольда въ *Moniteur des Indes*, том. II, стр. 336 и 337.)

этихъ источниковъ можетъ замѣнить другой. Эта политика японскаго правительства доказывается слѣдующими фактами, приводимыми Зибольдомъ.

Кемпферъ, въ которомъ Зибольдъ не doubts сомнѣваться, говоритъ, что въ 1683 и 1684 годахъ, болѣе двухъ сотъ китайскихъ судовъ, съ десятию тысячами человѣкъ, приходили ежегодно въ Японію изъ всѣхъ портовъ Китая, изъ Формозы, Кохинхины (Аннама), изъ Сіама и даже изъ Батавіи, и что иностранные торговцы пользовались тамъ возможною свободою, личною и торговою. Но когда династія Манчжурская распространилась по южнымъ провинціямъ Китая и утвердилась на престолѣ въ лицѣ знаменитаго императора *Канъ-ги*, покровителя христіанства, японское правительство тотчасъ же начало прекращать сношенія свои съ этою имперіею, такъ что въ 1685 году число прибывшихъ китайскихъ судовъ уменьшилось до семидесяти, и они привезли товаровъ только на 600.000 таэловъ. Скоро упрятали китайскихъ купцовъ въ Дециму, гдѣ Голландцы были уже заперты съ 1641 года. Имъ назначили около Нагазаки мѣсто, обнесенное рвомъ и высокимъ бамбуковымъ заборомъ; оно названо *китайскою гостинницею* (*to sin yasiki*); Китайцы живутъ тутъ и до сего времени.

Съ тѣхъ поръ китайскіе корабли, подобно

голландскимъ, подвержены строжайшему осмотру; книги и рукописи ихъ разсматриваются опредѣленнымъ для этого чиповникомъ въ Нагазаки: знали, что при пекинскомъ дворѣ находятся миссіонеры, которые пишутъ книги по китайски для распространенія своей вѣры. Кромѣ того, усилили надзоръ за контрабандой; въ 1690 и 1691 годахъ казнены смертію сорокъ три Японца, уличенные въ тайной торговлѣ.

Торговое сословіе много пострадало отъ этихъ стѣснительныхъ мѣръ, и въ особенности потерпѣлъ городъ Нагазаки, который начиналъ поправляться послѣ удара, нанесеннаго ему изгнаніемъ Португальцевъ. Японское правительство думало помочь бѣдѣ, наложивъ на китайскія произведенія пошлину въ 60 процентовъ; платить ее должны были покупатели. Вырученная этимъ налогомъ сумма раздѣлялась между чиновниками и прочими жителями Нагазаки. Налогъ этотъ существуетъ до сихъ поръ; онъ поступаетъ въ казну, которая выдаетъ жителямъ этого города 42.200 таэловъ.

Подъ вліяніемъ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, торговля Китайцевъ съ Японіею нечувствительно уменьшилась. Въ наше время не увидишь болѣе десяти или двадцати джонокъ въ Нагазаки; а только этотъ портъ открытъ иностранцамъ. Джонки эти

приходятъ изъ Ша-по (Сого), лежащаго на сѣверо-востокъ отъ знаменитаго торговаго города *Гангъ-Чеу*, въ провинціи Чи-Кіянгъ. Онѣ отправляются въ Японію по четыре и по шести вмѣстѣ, въ январѣ и августѣ, а въ обратный путь пускаются въ маѣ и октябрѣ; перѣздъ продолжается отъ семи до десяти дней. Во время пребыванія Зибольда въ Японіи часто случалось, что джонки утверждали, будто бы буря загнала ихъ въ другой портъ, а не въ Нагазаки. Каждый разъ тащили ихъ въ Нагазаки, для чего употреблялось до сотни мелкихъ судовъ. Также замѣчено, что онѣ иногда приходятъ въ Нагазаки безъ груза; почему и полагаютъ, что онѣ занимаются контрбандой по берегамъ Японіи. Жителей Сацумы подозрѣваютъ въ товариществѣ съ китайскими контрбандистами.

Китайцы привозятъ сырецъ, атласъ, бархатъ, дорогія брошированные матеріи, крепъ (его посылаютъ въ Японію красить), шерстяныя европейскія матеріи: камлотъ, казимиръ, мериносъ, сукно, ковры; хлопчато-бумажныя матеріи; слоновую кость, черепаху, персидскую кожу и т. п.; тушь, корицу, сахаръ, мышьякъ, ртуть, серебро, цинкъ, киноварь, бумагу, книги, стекло, часы и множество произведеній мелкой промышленности европейской и китайской.

Японскія произведенія, доставляемыя Китайцамъ японскою казною, кромѣ мѣди, должны стоить 20.000 таэловъ. Въ числѣ этихъ произведеній находимъ сушеную рыбу, раки, лисій мѣхъ, жемчугъ, грибы, индиго, камфору, птичьи гнѣзда и пр. Частные торговцы берутъ то, что особенно цѣнится въ Китаѣ, напр. лакъ, зонтики отъ дождя и отъ солнца, ширмы, драгоценныя шелковыя матеріи, вазы изъ мѣди, желѣза и глины, и другіе предметы роскоши или необходимости для домашняго обихода. Они же вывозятъ значительныя суммы, въ золотой и мѣдной монетѣ.

Кромѣ нѣкоторыхъ статей, японская казна доставляетъ китаѣйскимъ купцамъ всѣ предметы, которые могутъ быть имъ нужны, въ возвратъ за привезенные ими товары. Хотя казна платитъ вознагражденіе жителямъ города Нагазаки, однакоже получаетъ значительныя выгоды отъ торговли съ Китаемъ и вознаграждаетъ ими потерю, которую несетъ въ голландской торговлѣ. Можно объяснить себѣ разницу между двумя этими торговыми предпріятіями, (*) если примемъ въ соображеніе слѣдующіе факты: 1) китайскіе товары болѣе уважаются въ Японіи,

(*) Здѣсь дѣло идетъ о Голландцахъ и Китайцахъ въ Японіи.

потому что въ нравахъ обоихъ народовъ есть несомнѣнное родство; отъ многихъ изъ этихъ товаровъ, вошедшихъ въ привычку, нельзя уже освободиться; 2) Китайцы могутъ доставлять европейскія произведенія за неимо- вѣрно дешевыя цѣны, потому что сами вы- мѣниваютъ ихъ очень выгодно; 3) японская казна беретъ съ Китайцевъ за мѣдъ по 25 таэловъ, т. е. вдвое дороже, чѣмъ съ Гол- ландцевъ, почему и торговая съ Китайцами оказывается гораздо прибыльнѣе; 4) грузъ возвращающихся китайскихъ кораблей со- стоитъ, болѣе чѣмъ на половину, изъ произ- веденій Японіи и сосѣдняго моря, произведе- ній нерѣдкихъ, покупаемыхъ казною доволь- но выгодно и продаваемыхъ Китайцамъ еще выгоднѣе.

Ввозъ нѣкоторыхъ европейскихъ товаровъ Китайцами всегда много вредилъ Голландцамъ въ японской торговлѣ. Поэтому начальники факторіи нерѣдко жаловались на это губер- натору Нагазакки, но усилія ихъ всегда оста- вались тщетными (какъ и ожидать слѣдо- вало), потому что требованія Голландцевъ противорѣчили частнымъ интересамъ губер- натора и казны. Китайцы теперь столько же опасны Голландцамъ по торговлѣ, сколько будетъ и всякая европейская нація, кото- рая откроетъ сношенія съ Японцами; можно даже сказать, опаснѣе всѣхъ, потому что

путь Китайцамъ проложенъ родствомъ обычаевъ, религіи и происхожденія. Это соперничество становится все сильнѣе и сильнѣе; напримѣръ, заказы на сукна и шерстяныя матеріи въ Голландіи для японской торговли простирались въ 1840 году до 111.786 флориновъ, а съ 1841 по 1846 годъ упали до 68.731 флорина среднимъ числомъ. Упадокъ этотъ произошелъ не отъ одного соперничества Китайцевъ. Ему много содѣйствовали запрещенія, наложенныя новымъ сіюгуномъ на употребленіе иностранныхъ произведеній, и успѣхи японской промышленности, которой оказываетъ всевозможное покровительство этотъ сіюгунъ (*).

Каждый разъ, какъ японское правительство видитъ, что опасность грозитъ его системѣ уединенія, оно тотчасъ же заглушаетъ въ Японцахъ всякое стремленіе къ предметамъ привозной роскоши, создавая подобныя же произведенія и постепенно подрывая цѣны на произведенія европейскія. Нельзя не сознаться, что эта система, если будетъ ис-

(*) Смотри статью Зибольда въ *Moniteur des Indes*, томъ II, стр. 346. Мы знаемъ о вступленіи въ 1842 г. новаго сіюгуна на престолъ только потому, что Зибольдъ говоритъ о немъ мимоходомъ; Зибольдъ даже не называетъ его по имени. Это вѣроятно тотъ сіюгунъ, который названъ *За-фу*, въ таблицѣ доктора Гофмана. См. хронологическую таблицу въ концѣ книги.

полняема съ неуклоннымъ терпѣніемъ, поставить наконецъ неодолимая преграды спекуляціямъ Европейцевъ, хотя бы они и выпросили значительныя улучшенія въ торговыхъ сношеніяхъ.

Какъ уже сказано, экипажи китайскихъ судовъ и китайскіе купцы живутъ въ особенномъ мѣстѣ. Входъ туда охраняется стражею грознаго вида; однакоже Китайцы свободнѣе Голландцевъ въ Децимѣ: они могутъ ходить безъ провожатыхъ и шпионовъ въ буддистскіе храмы; также позволено имъ ходить по улицамъ Нагазаки и заниматься незначительными сдѣлками. За деньги или товары они свободно получаютъ съѣстные припасы и другія потребности. Когда спрашиваетъ у переводчиковъ, почему Китайцамъ предоставлена такая свобода, а Голландцы такъ стѣснены, они отвѣчаютъ: «Китайцы всѣ изъ простаго народа, а Голландцы люди важные.» (*Зибольдъ*).

Ясно, что торговля съ Китаемъ превратилась въ необходимость, а какъ она выгодна частнымъ людямъ, то ее всегда будутъ поощрять въ ущербъ торговли съ Голландцами, до тѣхъ поръ, пока не придется запретить ее по какому нибудь неожиданному событію или по политическимъ причинамъ. До настоящей минуты, сношенія съ Китаемъ прекращались только вслѣдствіе политическихъ

смуть въ сосѣднихъ странахъ азiятскаго материка, и каждый разъ возобновлялись, послѣ измѣненій въ имперіи или въ престолонаслѣдіи, по религіозному вліянію. Важность китайской торговли будетъ возрастать или упадать, смотря по тому, что будетъ дѣлаться въ Японіи съ европейскою торговлею, которая можетъ войти въ милость у сіюгуновъ посредствомъ мирныхъ переговоровъ, или утвердиться силою.

Мореплаваніе и морская наука не могли оказать важныхъ успѣховъ въ странѣ, гдѣ вся морская торговля ограничивается каботажемъ и гдѣ законы ограничиваютъ постройку судовъ такими правилами, что эти ограниченія равняются совершенно запрещенію всякаго дальнѣйшаго путешествія. Однакоже матросы или моряки японскіе отличаются проворствомъ, знаніемъ приемовъ и смѣлостію: они не боятся бури на своихъ утлыхъ судахъ. За то береговое плаваніе достигло такого же развитія, какъ и внутренняя торговля, которая находитъ болѣе пособія въ сообщеніяхъ водяныхъ, чѣмъ сухопутныхъ; къ послѣднимъ прибѣгаютъ только въ случаяхъ совершеннаго отсутствія первыхъ. Уже въ концѣ втораго вѣка у Японцевъ былъ такой значительный флотъ, что они могли сдѣлать высадку въ Корею и завоевать этотъ полуостровъ. «Вѣроятно, го-

ворить Зибольдъ, старинные японскіе корабли строились по образцу корейскихъ, потому что Корейцы ѣздили въ Японию въ 43 году до Р. Х.» Форма японскихъ кораблей того времени (второго вѣка), рисунки которыхъ можно видѣть въ храмахъ, оправдываетъ это мнѣніе. Но потомъ принята новая форма постройки, сохранившаяся до нашего времени. Она мало похожа на китайскую и вовсе непохожа на европейскую, хотя Японцы могли изучать и ту и другую въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Время, когда введена эта форма постройки, и политическія причины, заставившія принять ее, до сихъ поръ неизвѣстны. Какъ бы то ни было, ясно доказано, что нынѣшняя постройка японскихъ судовъ не даетъ имъ возможности предпринимать дальнія путешествія безъ явной опасности; что Японцамъ запрещено выѣзжать изъ отечества, и что Японецъ, возвратившійся изъ чужихъ краевъ, куда былъ брошенъ бурею или крушеніемъ, подвергается надзору, а иногда попадаетъ въ тюрьму на всю жизнь.

Японскіе корабли строятся изъ кедра, сосны и камфорнаго дерева. Иногда, но рѣдко, употребляютъ другіе сорта деревьевъ. Въ этихъ корабляхъ киль едва замѣтенъ, корма открытая; рѣчныя суда тяжеле и не такъ изящны, какъ морскія; и содержатся

они не такъ чисто, за исключеніемъ тѣхъ, которыя служатъ для прогулокъ. Почти на всѣхъ судахъ одна мачта, состоящая изъ нѣсколькихъ частей, съ однимъ парусомъ. Гвозди и приборъ мѣдные. Канаты изъ пеньки или изъ листьевъ пальмы (*chamaerops excelsa*). Паруса изъ хлопчато-бумажной холстины, а на малыхъ судахъ—изъ цыновокъ. Якори желѣзные, съ четырьмя вѣтвями. На малыхъ судахъ употребляютъ якори деревянные и бросаютъ ихъ въ воду съ камнемъ. Купеческія суда длиною отъ пятнадцати до тридцати метровъ, шириною въ семь и болѣе. Они могутъ нести до ста пятидесяти тоннъ груза. Зибольдъ очень подробно исчисляетъ разные роды кораблей и барокъ, употребляемыхъ для войны, береговой полиціи, рыбной ловли и торговли. Онъ означаетъ различіе между ними и приводитъ названія, которыя даютъ имъ въ Японіи.

Военные корабли (*икуза-фуне*)—съ двойной палубой и съ галереей на кормѣ, или съ одной палубой безъ галереи. Купеческіе корабли (*акинай-фуне*) раздѣляются на два рода: *сѣверные*, больше размѣромъ и съ высокою кормою, производятъ торговлю въ сѣверной части Японіи, и *южные*. Кромѣ того, есть китоловныя суда (*кудзира-фуне*), рыбацкія барки (*дзури-фуне*), и пр. Большая часть японскихъ судовъ строятся такъ, что

они идутъ и на парусахъ и на веслахъ. Главнѣйшія верфи въ Огозаки, Закай и Фіого.

Въ прибрежныхъ провинціяхъ много портовъ, изъ которыхъ лучшіе для большихъ кораблей суть: Нагазаки, Симонозеки, Фіого, Закай, Іедо, Изиномаки и Авомори. Все-го болѣе посѣщаютъ портъ Огозаки, но онъ неглубокъ и большія суда не могутъ входить въ него. Во всѣхъ этихъ приморскихъ городахъ есть канцеляріи (*тофи-я*), гдѣ производятся сдѣлки и собираются пошлины. Въ большихъ торговыхъ городахъ есть также таможенные и морскіе чиновники, которые строго надзираютъ за привозомъ и отпускомъ товаровъ.

Плаваніе по озерамъ и рѣкамъ столько же помогаетъ успѣхамъ внутренней торговли, сколько и каботажное. Рѣка *Іодо-гава*, текущая изъ большаго озера Оми и соединяющая Огозаку, центръ торговли, съ провинціями *Оми*, *Ямазиро*, *Кавачи* и даже *Танбой* и *Игой*, особенно полезна для торговыхъ сношеній. Не менѣе полезны *Сумида-гава* и *Нага-гава*, обезпечивающія продовольствіе столицы Іедо, и *Зето-гава*, *Огой-гава* и *Абе-гава*, хотя онѣ гораздо меньше.

При такихъ удобствахъ и разнообразіи японскихъ произведеній, и вслѣдствіе дѣятельнаго характера Японцевъ, внутренняя торговля чрезвычайно оживлена. Это замѣчено еще

Кемпферомъ. «Едва вѣроятно, говоритъ онъ, до чего доходитъ торговля въ разныхъ провинціяхъ и одной части имперіи съ другой; какъ купцы заняты и промышленны въ разныхъ мѣстахъ, какъ порты наполнены судами; какъ много видно городовъ богатыхъ и торговыхъ. По берегамъ моря и вблизи портовъ столько народа, столько гребцовъ и матросовъ, кораблей и барокъ, какъ для дѣла, такъ и для прогулокъ, что можно подумать, что вся нація живетъ на берегу морскомъ, а внутренность страны необитаема и брошена.»

Сухимъ путемъ товары перевозятся на лошадяхъ и быкахъ, которые всходятъ и спускаются по лѣстницамъ, выбитымъ въ утесахъ.

Поощреніе, оказываемое туземной промышленности, съ цѣлію избавить Японскую Имперію отъ торговли иностранной, не могло не содѣйствовать развитію внутренней торговли. Уже говорено, что дороги хороши и превосходно содержатся. Правительство не менѣе заботится и о прочихъ средствахъ сообщеній (*).

(*) Учрежденіе заставъ, почтовыхъ станцій, таксы носильщиковъ и пр. восходятъ, кажется, до VII вѣка, до царствованія микадо *Ко-току тенг-о*. Этимъ же государемъ распределены государственныя дѣла на восемь министерствъ или департаментовъ, а именно:

1. Центральное управленіе;

Главное управленіе почтъ (для писемъ и курьеровъ) находится въ Огозакѣ, потому что этотъ городъ считается первымъ по торговлѣ въ имперіи. Изъ него безпрестанно сносятся съ столицами Міяко и Іедо, съ резиденціями князей, губернаторовъ и съ Нагазаки, невольнымъ мѣстомъ жительства иностранцевъ. Почта непремѣнно идетъ изъ Огозаки 7, 17 и 27 чиселъ каждаго мѣсяца въ Нагазаки, а 8, 18 и 28 въ Міяко и Іедо. Впрочемъ, ежедневно можно переписываться изъ Огозаки съ Міяко. Письма вкладываются въ сумку изъ клеѣнки; ее несетъ на палкѣ скороходъ. Подбѣгая къ слѣдующей станціи, онъ кричитъ; отъ него принимаетъ

-
2. Управленіе законовъ и народнаго просвѣщенія;
 3. Внутреннее управленіе;
 4. Общая полиція;
 5. Военное управленіе;
 6. Уголовныя дѣла;
 7. Общее управленіе казны, и
 8. Придворное управленіе.

Ему же приписываютъ поземельное раздѣленіе имперіи по городамъ и рѣкамъ, учрежденіе губернаторовъ въ провинціяхъ и начальниковъ въ округахъ и общинахъ; — перепись домовъ и жителей, исчисленіе податей, произведеній земли, и пр. Наконецъ, увѣряютъ, что онъ же раздѣлилъ всѣхъ чиновниковъ на семнадцать классовъ, и отличилъ ихъ формою и цвѣтомъ шапокъ. Этотъ микадо царствовалъ десять лѣтъ, съ 645 до 654 года.

сумку другой скороходъ и бѣжить далѣе; такимъ образомъ остановки нѣтъ нигдѣ. Если въ сумкѣ есть цѣнныя бумаги, ее несутъ два скорохода; ихъ называютъ *фи-фи-як* отъ китайскаго слова; это значитъ *крылатыя ноги* (*).

Если величайшій и важнѣйшій князь имперіи встрѣтитъ почтоваго гонца, то обязанъ дать ему дорогу и позаботиться, чтобы тоже сдѣлала его свита. Кромѣ этихъ постоянныхъ почтъ всегда можно послать нарочнаго; плата такому скороходу зависитъ отъ времени года. Отъ Огозаки до Нагазаки платятъ отъ 200 до 400 руб. асс. Если же надобно передать важное извѣстіе какъ можно скорѣе, то зажигаютъ на вершинахъ горъ огни или пускаютъ ракеты.

Земледѣіемъ Японцы занимаются прилежно и успѣшно. Вся земля обработана, до самыхъ вершинъ горъ, за исключеніемъ дорогъ и мѣстъ, гдѣ растутъ лѣса, необходимыя для снабженія имперіи строевымъ лѣсомъ и углемъ. Тамъ, гдѣ нельзя пахать водами, люди замѣняютъ ихъ или даже вмѣсто сохи дѣйствуютъ руками. Почва вообще посредственна; но посредствомъ труда, дѣльно рассчитанныхъ орошеній и сильнаго удобре-

(*) Передача денегъ въ Англійской Индіи производится такимъ же образомъ.

нія, изъ нея извлекають нередко самую большую жатву.

Всего болѣе воздѣлываютъ рисъ, который считается лучшимъ въ Азіи. Самый уважаемый сортъ бѣлъ, какъ снѣгъ, и такъ питателенъ, что по словамъ Кемпфера, иностранцы, непривыкшіе къ нему, не могутъ съѣсть его много за одинъ разъ. Ячмень и пшеница также растутъ въ Японіи. Первый употребляется единственно на кормъ скота; да и пшеницу мало уважаютъ. Однако изъ нея готовятъ пироги; она же входитъ въ составъ *сом*, японской приправы, которая въ большомъ употребленіи во всей Японіи и которую привозятъ даже въ Европу. Кроме того, разводятъ много другихъ хлѣбовъ и овощей; у Кемпфера и Зибольда они всѣ исчислены, равно какъ и другія полезныя произведенія, которыя японская промышленность умѣла извлечь изъ царства растительнаго. Выше замѣчено, что Японія производитъ теперь все необходимое для нея количество хлопчатой бумаги и сахару, или, по крайней мѣрѣ, это будетъ въ самомъ скоромъ времени.

Однакоже послѣ риса Японцы главнѣйше занимаются произведеніемъ чая. Онъ ввезенъ въ Японію въ началѣ IX вѣка, когда бонзъ *Енцинь*, возвратившись изъ Китая, поднесъ микадо *Зага* первую чашку чая. Теперь по-

требуется его неимоверное количество. Кроме обширных чайных плантацій, почти все изгороди около ферм состоятъ изъ чайныхъ деревьевъ и доставляютъ этотъ напитокъ семейству и служителямъ фермера. Лучшій чай требуетъ особеннаго ухода. Плантаціи устроены какъ можно дальше отъ жилищъ и даже отъ вспаханныхъ и засеянныхъ полей, чтобы необходимость чая не пострадала отъ дыма и испареній. Земля въ этихъ плантаціяхъ удобряется сушеными анчоусами и жидкостію, добываемою изъ горчичнаго сѣмени. Она должна лежать подъ прямыми лучами утренняго солнца и даетъ хорошій и обильный плодъ на скатѣ холмовъ, достаточно орошаемыхъ водою. Ранѣе пятилѣтняго возраста не снимаютъ листьевъ съ чайнаго дерева. Сборъ чая и распредѣленіе его—дѣло довольно сложное. Снимая листья, отдѣляютъ простые отъ тѣхъ, изъ которыхъ можетъ выйти чай превосходнаго качества; срываютъ ихъ столько, сколько могутъ высушить до наступленія ночи. Сушатъ чай двоякимъ образомъ: сухимъ путемъ и мокрымъ. Первый способъ состоитъ въ томъ, что листья, безъ всякихъ приготовленій, поджариваются въ желѣзномъ сосудѣ, выбрасываются на цыновку и скатываются рукою. Операция повторяется разъ пять или шесть; при чемъ изъ листьевъ вытекаетъ желтый

сокъ. Второй способъ состоитъ въ томъ, что листья предварительно обдають паромъ, чтобы они завяли; потомъ свертываютъ ихъ рукою и сушатъ, перетряхивая въ желѣзномъ тазѣ.

При такомъ приготовленіи листья теряютъ менѣе желтаго сока, сохраняютъ свѣжій зеленый цвѣтъ и удерживаютъ въ себѣ болѣе наркотическаго свойства. Изъ этого Зибольдъ заключаетъ, что черный и зеленый чай произведеніе одного и того же растенія; вся разница происходитъ отъ способа приготовленія. Тоже говорили г-ну Жансини въ Китаѣ, гдѣ вся разница зеленого чая отъ черного состоитъ въ приготовленіи, которое сообщаетъ зеленымъ чаямъ свойства, несомнѣнно благопріятныя человѣческому здорovью.

Чай легко принимаетъ посторонній запахъ; надобно тщательно беречь его отъ такой заразы.

Японцы въ своихъ статистическихъ таблицахъ дѣлятъ земли на четыре разряда: на весьма плодоносныя, плодоносныя, мало-плодоносныя и бесплодныя. Земли, доставляющія рисъ, принадлежатъ къ первому разряду, и всѣ доходы, какъ императора, такъ и князей и ничтожнѣйшихъ чиновниковъ, исчисляются по числу рисовыхъ мѣръ (*сіо*); сто *сіо* стоятъ среднимъ числомъ около 25 р.

ассигн. Три мѣшка риса содержатъ почти сто *sio*. и составляютъ то, что Кемпферъ называетъ *кокфъ*, а Зибольдъ *кокъ* или *кокхъ*. Когда хотятъ выразить состояніе какого нибудь князя, то говорятъ, что у него дохода столько-то тысячъ *кокъ*. Такимъ образомъ князь Фицева (на островѣ Кіузіу) имѣетъ, по словамъ Зибольда, 370 т. *кокъ* или 8.925.000 руб. ассигн. Жалованье чиновникамъ платится монетою и рисомъ. Такъ начальникъ переводчиковъ въ Децимѣ получаетъ 3.500 серебряныхъ тааловъ и 1050 *sio* риса (*).

Поверхность обработанныхъ полей измѣряется посредствомъ *цзо* или *маци* (маци немного болѣе французскаго гектара). Ежегодно, передъ посѣвомъ, поля измѣряются присяжными землемѣрами, «которые гордятся своими геометрическими знаніями и имѣютъ право носить двѣ сабли; право, предоставленное только дворянамъ и солдатамъ» (**).

При наступленіи жатвы, приступаютъ къ новому измѣренію, и землемѣры вычисляютъ возможный урожай. Заключенія ихъ всегда удивительно вѣрны. Они дѣлаютъ частную жатву на извѣстномъ пространствѣ и по ней выводятъ заключеніе обо всемъ урожаѣ.

(*) См. Зибольда. «Опытъ о торговлѣ съ Японіею», въ *Moniteur des Indes*, томъ II, стр. 334.

(**) Смотри. Кемпфера, часть I, стр. 104.

Землевладельцы получают въ Японіи шесть десятыхъ долей жатвы изъ риса, пшеницы, овощей, и пр., а фермеръ имѣетъ право на остальные четыре десятыхъ. Фермеры, обрабатывающіе казенныя земли, отдають казенному вѣдомству только четыре десятыхъ доли жатвы, а остальными шестью пользуются сами. — Кто разработалъ бесплодную землю, тотъ можетъ пользоваться ею впольнѣ въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ. При заключеніи условій на обработку земли, принимается во вниманіе ея качество; но вообще встрѣчаются расчеты землевладельцевъ съ фермерами въ такой пропорціи, какая показана выше. Если земледѣлецъ цѣлый годъ не обрабатываетъ своего поля, то теряетъ право на самую землю.

Остается сказать нѣсколько словъ о чудесахъ садоводства. Мы уже говорили мимоходомъ объ удивительномъ искусствѣ японскихъ садовниковъ. Они равно умѣютъ изъ маленькихъ растеній дѣлать высокія и изъ высокихъ низенькія. Мейланъ говоритъ, что видѣлъ въ 1826 году небольшой ящикъ, не болѣе дюйма въ діаметрѣ и трехъ въ вышину (Фишеръ утверждаетъ, что ящичекъ былъ длиною въ четыре дюйма, шириною въ полтора), въ которомъ превосходно росли сосна, бамбукъ и вишневое дерево; послѣднее даже цвѣло! Цѣна этой диковинки не пре-

вышла 2.500 р. ассигн. Какъ примѣръ противнаго, Мейланъ указываетъ на сливныя деревья, покрытыя цвѣтами, изъ которыхъ каждый равнялся четыремъ большимъ розамъ! Онъ также рассказываетъ о рѣдкахъ, которыя вѣсили отъ 50 до 60 фунтовъ! Рѣдка въ пятнадцать фунтовъ не считается чѣмъ нибудь необыкновеннымъ; такія рѣдки попадаютъ очень часто въ торговлѣ.

Зибольдъ упоминаетъ о гигантскомъ латукѣ (*tussilago gigantea*); въ садахъ листья его бываютъ длиною въ полтора аршина. Также придаютъ гигантскіе размѣры нѣкоторымъ деревьямъ, на примѣръ, ели. Зибольдъ указываетъ на одну изъ такихъ знаменитыхъ елей въ провинціи *Кай* и на другую въ провинціи *Кадсуза*; послѣдняя имѣетъ десять футовъ въ діаметрѣ. Возлѣ храмовъ часто встрѣчаешь ели громадныхъ размѣровъ. Тунбергъ тоже говоритъ, что видѣлъ близъ Іедо, въ Олеварѣ, огромную сосну, которой горизонтальныя вѣтви, поддерживаемыя палками, простирались на двадцать шаговъ во всѣ стороны и совершенно покрывали сельскій домикъ или бесѣдку.

Изъ сказаннаго выше видно, что земледѣліе и садоводство въ Японіи представляютъ много общаго съ садоводствомъ въ Китаѣ. Любовь къ растительнымъ чудовищамъ равносильна тутъ и тамъ. Въ искусствахъ и въ

домашней экономіи много одинаковыхъ приемовъ; и въ общественной системѣ обоихъ народовъ много общаго. Однакоже характеры этихъ двухъ націй совершенно различны, и надобно признаться, что это различіе въ пользу Японцевъ. Они усовершенствовали почти все, что заняли у Китайцевъ, и самимъ себѣ обязаны тѣмъ мѣстомъ, которое занимаютъ между азійскими народами.

Для объясненія японскихъ монетъ и ихъ цѣнности, въ концѣ этой книги приложена особая таблица.

УСИЛІЯ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ ВСТУПИТЬ ВЪ СНОШЕНІЯ СЪ ЯПОНИЕЮ.

Съ той минуты, какъ японское правительство рѣшительно истребило христіанство въ своемъ архипелагѣ и торговля имперіи съ Европой ограничилась сношеніями съ голландскою факторіей въ Децимѣ, произвольное политическое уединеніе этой гордой націи было уважаемо въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ; никто не думалъ мѣшать ему. Можно указать, какъ на исключеніе, на робкую и неловкую попытку Англичанъ, въ царствованіе Карла II, въ 1673 году. Она не удалась по многимъ причинамъ; но главнѣйшая изъ нихъ, безъ сомнѣнія была та, что англійская королева принадлежала къ португальскому королевскому дому (*).

Не имѣя пищи, страсти, причины исклю-

(*) Всю эту ненависть Японцевъ къ Португалии породили португальскіе миссіонеры, которыхъ неосторожная ревность много повредила Европейцамъ въ мнѣніи японскаго правительства.

чительныхъ законовъ, мало по малу замерли; въ концѣ прошедшаго вѣка запретительная система все еще поддерживалась; но равнодушіе Японцевъ къ заграничной торговлѣ и неизмѣнное ихъ уваженіе къ существующимъ обычаямъ помогали ей болѣе, чѣмъ ненависть къ иностранцамъ или страхъ видѣть ихъ въ Японіи. Въ такомъ положеніи, торговля и всякое бесполезное сообщеніе съ иностранцами были запрещены; но позволяли иностраннымъ кораблямъ, въ минуты опасности, подходить къ японскимъ берегамъ и доставляли имъ съѣстные и другія потребности. Капитанъ Браунтъ (Broughton), изслѣдовавшій японскія моря въ 1795—97 годахъ, былъ послѣдній англійскій мореходецъ, воспользовавшійся гостепріимствомъ и довѣренностію Японцевъ. Съ того времени сдѣлано нѣсколько несчастныхъ попытокъ, которыя, по увѣренію Голландцевъ, возвратили націи всю энергію прежней ея ненависти къ иностранцамъ. Зибольдъ, однакоже, сомнѣвается въ этой реакціи, и увѣренъ, что отъ нея не осталось теперь слѣдовъ, если даже она когда нибудь и существовала.

Американцы прежде другихъ націй пытались нарушить японскіе законы. Первая попытка ихъ относится къ тому времени, когда Англія воевала съ Голландіей (а Голландія принадлежала тогда Франціи). Извѣ-

стно, что голландскіе правители въ Батавіи, для продолженія торговли Явы съ Японіей, нанимали корабли нейтральныхъ державъ, чтобъ англійскіе крейсера не захватили голландскихъ транспортовъ. Первый американскій корабль, отправленный Голландцами въ Японію, былъ *Элиза*, изъ Нью-Йорка, капитанъ Стеуартъ, совершившій путешествіе въ 1797 году.

Прибытіе его тотчасъ же возбудило въ Японцахъ подозрѣнія. Корабль подъ голландскимъ флагомъ, а матросы говорятъ по англійски: это показалось японскимъ властямъ такою непонятною странностію, что онѣ пришли въ ужасъ. Не безъ труда президентъ факторіи объяснилъ губернатору, что эти кажущіеся Англичане вовсе не Англичане, живутъ очень далеко отъ Англіи и не подчинены англійскому королю. Президентъ увѣрялъ, что это Англичане втораго разряда (такъ называютъ Американцевъ въ Китаѣ). Но эти объясненія оказались недостаточными; прежде всего слѣдовало доказать, что Американцы не участвуютъ въ торговлѣ, что они употреблены только для перевозки товаровъ, и притомъ на военное время. Губернаторъ убѣдился наконецъ, что эти иностранцы прибыли не для торговыхъ дѣлъ и что употребленіе нейтральныхъ судовъ въ то время было необходимо; поэтому изъявилъ согласіе принять *Элизу* какъ голландскій корабль.

Въ слѣдующее путешествіе капитанъ Стеуартъ претерпѣлъ крушеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что частыя его свиданія съ Японцами, во время починки *Элизы*, подали ему мысль завести съ ними прямыя сношенія. Президентъ Дёфъ не очень ясно излагаетъ планъ и средства американскаго капитана; но вотъ подробности этого любопытнаго дѣла.

Послѣ починки *Элизы*, ее нагрозили и отправили въ обратный путь; но отъ сильнаго вѣтра она скоро потеряла мачты и воротилась опять въ Нагазаки. Это несчастное обстоятельство задержало ее такъ долго, что прибылъ въ Японію и другой нанятый Голландцами американскій корабль, *Франклинъ*, капитанъ Деверѣ, въ 1799 году, и готовился къ отплытію, когда самъ Стеуартъ предпринималъ обратный путь. Но онъ рѣшительно отказался подождать товарища и вышелъ въ море въ первыхъ числахъ ноября 1799 года. На слѣдующій годъ капитанъ Стеуартъ опять явился, но уже на новомъ кораблѣ и для другой цѣли. Онъ не могъ (говорилъ онъ) добраться до Батавіи; *Элиза* погибла, и съ нею погибли и всѣ его сокровища и грузъ Голландцевъ. По счастію одинъ изъ его друзей въ Маниль далъ ему денегъ на постройку новаго брига, и капитанъ пріѣхалъ продавать свой грузъ для расплаты съ факторіей.

Между-тѣмъ въ управленіе факторіею всту-

нилъ новый президентъ, Виллемъ Ваарденааръ. Онъ догадался, что новый прїѣздъ Американца скрываетъ тайные замыслы; что его привело въ Японію желаніе завести торговыя сношенія, отъ своего частнаго имени или отъ имени Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Онъ убѣдился, что Стеуартъ рассказываетъ ложь и выдуманную исторію, когда увидалъ на новомъ бригѣ разные предметы, видѣнные на *Элизѣ*, хотя по рассказамъ капитана, при крушеніи послѣдняго корабля не успѣли спасти ничего. Поэтому президентъ принялъ свои мѣры. Продавъ грузъ капитана Стеуарта, заплатили вырученными деньгами долгъ его факторіи; но не дали ему возвратнаго груза; самого капитана взяли и отправили въ Батавію на голландскомъ кораблѣ, чтобы онъ тамъ оправдался въ растрату груза, отправленнаго на *Элизѣ*.

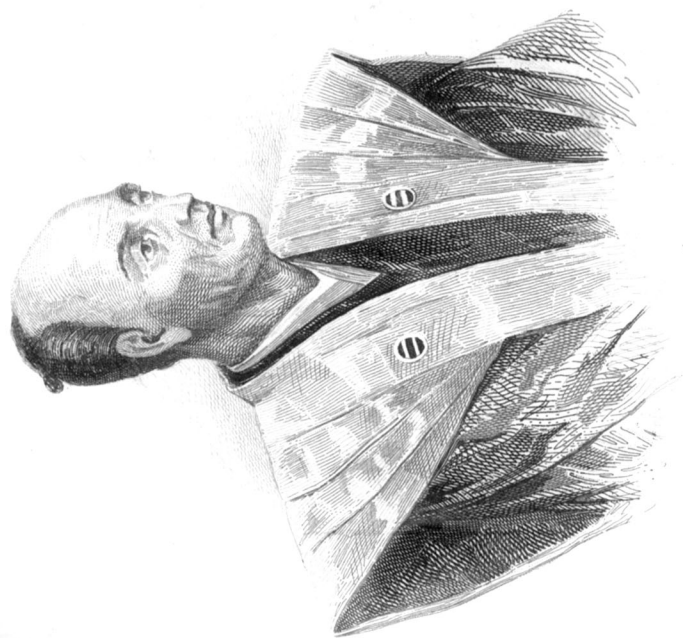
Во время слѣдствія, Стеуартъ успѣлъ бѣжать изъ голландской колоніи, и года два о немъ не слыхали ни слова. Въ 1803 году онъ опять явился въ заливѣ Нагазаки, но уже открыто и безъ обмана. На кораблѣ его развѣвался американскій флагъ; грузъ его, изъ Бевгаліи и Кантона, считался американскою собственностію; онъ просилъ позволенія торговать и запастись водою и масломъ. На первую просьбу послѣдовалъ рѣшительный отказъ, на вторую же согласились и,

доставивъ ему припасы, тотчасъ принудили удалиться. Болѣе капитанъ Стеуартъ не являлся; онъ вѣроятно убѣдился, что всѣ его попытки будутъ тщетны и бесполезны.

Въ 1800, 1801, 1802 и 1803 годахъ торговля между Батавіей и Нагазаки производилась посредствомъ американскихъ кораблей, подъ голландскимъ флагомъ. Въ 1806 году отправлены корабли, одинъ американскій, другой бременскій; въ 1807, американскій и датскій; наконецъ, въ 1809, одинъ американскій, *Ревекка*. Съ 1800 по 1804 годъ видимъ только двѣ попытки завести прямую торговлю съ Японіей: первая произведена капитаномъ Стеуартомъ, а вторая, въ 1803 году, англійскими купцами изъ Калькутты, которые отправили два корабля въ Нагазаки.

Послѣ капитана Стеуарта, Японцы не слышали объ Американцахъ до 1807 года. Въ это время американскій корабль плылъ изъ Кантона къ западнымъ берегамъ Америки и присталъ къ Нагазаки, увѣряя, что у него нѣтъ ни воды, ни дровъ; по ходатайству Дѣфа, ему безденежно дали то и другое. Правду ли говорилъ американскій корабль? или это была новая попытка завести торговля сношенія? этотъ вопросъ факторія не могла рѣшить удовлетворительно.

Потомъ американскіе купцы въ Макао рѣшились на попытку частію религіозную, ча-

1.

2.

стію торговую. Въ іюлѣ 1837 года миссіонеръ-докторъ и ученый оріенталистъ Гуцлафъ отправились изъ Макао на *Мориссонъ*; корабль совершалъ путешествіе съ самою безукоризненною цѣлію: онъ отвозилъ въ Японію нѣсколькихъ Японцевъ, претерпѣвшихъ крушеніе. *Мориссонъ* вошелъ въ заливъ Іедо, куда запрещенъ входъ даже судамъ, изъ странъ, принадлежащихъ Японіи. Послѣ переговоровъ, подавшихъ надежду миссіонерамъ, начали палить въ ихъ корабль. Они поспѣшили уйдти въ море и потомъ бросили якорь въ заливѣ Каго-Сима, въ сачумскомъ княжествѣ; ихъ и оттуда выгнали такимъ же образомъ. Вознегодовавъ на измѣну Японцевъ (такъ называетъ докторъ Паркеръ стойкость ихъ), мореплаватели рѣшились воротиться въ Макао, не посѣтивъ именно того порта, гдѣ могли бы высадить своихъ бѣдныхъ Японцевъ. Отчего произошла эта ошибка? отъ незнанія, или отъ недовѣрчивости къ Голландцамъ? Миссіонеры интригамъ факторіи приписывали неудачу первыхъ попытокъ, и привезли своихъ Японцевъ обратно въ Макао (*).

(*) Противъ такого обвиненія трудно защищать Голландцевъ; разумѣется, они всѣми силами старались сохранить то, что пріобрѣтено столь тяжкими трудами и неисчислимыми пожертвованіями. Для торговли съ

Ниже увидимъ, чѣмъ кончилась попытка, произведенная по приказанію американскаго правительства.

Русскіе, въ началѣ XIX вѣка, тоже хотѣли познакомиться съ Японіей, и сначала можно было надѣяться, что дѣло приметъ самый благопріятный и выгодный оборотъ.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, японскій корабль погибъ у сибирскихъ береговъ; Императрица приказала отвести въ Японію весь экипажъ, спасенный отъ смерти. Русскій корабль дѣйствительно привезъ несчастныхъ въ Мацмай въ 1792 году; капитанъ Адамъ Лаксманъ, командиръ корабля, завелъ переговоры о торговлѣ. Его офиціально благодарили за возвращеніе японскихъ матросовъ и позволили запасти съѣстными припасами въ Нагазаки, гдѣ онъ могъ продолжать и переговоры съ мѣстными властями о своихъ предложеніяхъ. Въ то же время ему объявили, что только одинъ портъ, Нагазаки, назначенъ для приѣма иностранцевъ, и если когда нибудь Русскіе войдутъ въ какое другое мѣсто, даже для доставки Японцевъ, то ихъ (Русскихъ) безъ всякихъ

Японіей факторія жертвуетъ даже своей свободой и живетъ въ-заперти, въ самомъ строгомъ заключеніи. При томъ же, она такъ мало получаетъ выгоды, что и дѣлится ей нечѣмъ съ Американцами.

оговорокъ возмутъ въ плѣнъ. До сихъ поръ дѣло шло хорошо; но капитанъ Лаксманъ не пошелъ въ Нагазаки. Вѣроятно, вниманіе мудрой Императрицы отвлекалось отъ японскаго вопроса важностію тогдашнихъ политическихъ событій въ Европѣ (*).

Въ 1804 году послали русскій военный корабль въ Нагазаки. На немъ отправился камергеръ Резановъ, посланникъ Русскаго Императора къ сіюгуну. Камергеру дали полномочіе для переговоровъ и заключенія мирнаго и торговаго трактата между Россіей и Японіей. Голландское правительство офиціально рекомендовало Резанова голландской факторіи въ Децимъ; кромѣ того, изъ Батавіи прислали особыя инструкціи на счетъ этого новаго русскаго посольства. Часть ихъ президентъ Дѣфъ сообщилъ губернатору,

(*) Докторъ Зибольдъ полагаетъ, что капитана Лаксмана отсылали въ Нагазаки князь или его секретарь, чтобы избавиться отъ гостя, потому что городъ Мацмай никакъ не могъ держаться противъ русскаго военнаго корабля. Но достопочтенный докторъ явно ошибается. Капитанъ Лаксманъ пришелъ въ Японію какъ союзникъ, съ миролюбивыми инструкціями, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ нападать на японскіе города. Японцы не такіе трусы, чтобы имъ причудилось враждебное расположеніе въ Лаксманѣ. Дѣло объясняется очень просто: Лаксманъ долженъ былъ отвести Японцевъ, — отвезъ и воротился. Вести переговоры въ Нагазаки онъ не могъ, потому что не имѣлъ инструкцій на этотъ случай.

такъ что японскія власти были приготовлены къ прїѣзду Резанова.

7-го октября русскій корабль вошелъ въ заливъ Нагазаки. Послали къ нему особенную комиссію для осмотра и отобранія оружія. Изъ уваженія къ русскому посланнику, Японцы пригласили съ собой и президента факторіи. При первомъ свиданіи, начались несогласія Русскихъ съ японскими чиновниками. Чиновники требовали необыкновенныхъ почестей, какъ представители сіюгуна; разумѣется, Резановъ не могъ согласиться на ихъ требованія, потому что самъ былъ посланнымъ Русскаго Императора и не хотѣлъ кланяться чиновникамъ простаго провинціальнаго губернатора (*).

Кромѣ того возникъ другой споръ, объ оружіи, которое Русскіе никакъ не хотѣли отдать. Въ этомъ второмъ вопросѣ, какъ и въ первомъ, дѣло шло совсѣмъ не о безопасности:

(*) Кстати здѣсь припомнить раздоры между Кореей и Японіей, которыя прекратились только во времена Дѣфа. Принято, что владѣтель Кореи отправляетъ посольство къ новымъ сіюгунамъ, съ поздравленіемъ по случаю вступленія на престолъ. Прежде посольство всегда являлось въ Іедо; но послѣдній сіюгунъ не допустилъ его въ свою столицу и приказалъ, чтобы послы поклонились цузимскому князю, непосредственному надзирателю за Кореей. Корейцы не хотѣли покориться такому униженію: они непремѣнно хотѣли быть въ Іедо. Переговоры продолжались нѣсколько

Русскіе объявили, что они готовы выдти на берегъ и отдать въ руки Японцевъ всѣ военные припасы.

Президентъ Дёфъ увѣряетъ, что только по его неотступной просьбѣ губернаторъ согласился впустить русскій корабль въ портъ и позволить ему ждать, въ безопасномъ мѣстѣ, отвѣта высшаго правительства на счетъ вопросовъ, которые завязались между Русскими и Японцами. Только вечеръ 7 ноября могли Голландцы провести весело въ обществѣ Европейцевъ. На другой день мѣстные власти въ Нагазаки начали показывать недовѣрчивость; начали бояться стачки между этими иностранцами, которыхъ интересы были такъ различны и такъ прямо противоположны. Съ этой минуты, не позволили имъ и разговаривать между собою. Однакоже они достигли того, что переписывались по Французски, при помощи переводчиковъ.

лѣтъ; поклоненіе не было совершено. Наконецъ послали въ Цзиму князя Кокура (великаго казначея) и еще министра финансовъ, въ качествѣ представителей сіюгуна, для принятія поздравленій отъ Корейцевъ, которые согласились на эту сдѣлку. Депутатія проѣхала чрезъ Дециму и посѣтила Дёфа. Какъ все это ничтожно и мелко! Но надобно же умѣть уживаться съ людьми; не смотря на это золотое правило, нельзя, кажется, не ссориться съ японскими чиновниками, которые постоянно отличаются пустымъ чванствомъ, корыстолюбіемъ и мнимымъ усердіемъ къ службѣ.

Японцы такъ боялись, что даже удалили съ обыкновенной стоянки настоящій голландскій корабль, пришедшій изъ Явы въ этотъ годъ; его поставили на большомъ разстояннѣ отъ русскаго, и когда онъ уходилъ, ему рѣшительно запретили отвѣчать на русскія привѣтствія. Едва позволили голландскому капитану махнуть шляпой. Эта неучтивость очень оскорбила Русскихъ, которые вообще не привыкли къ такимъ поступкамъ и продѣлкамъ.

Между тѣмъ посланникъ настоятельно просилъ позволенія выйти на берегъ. Капитанъ Крузенштернъ, командиръ корабля, не менѣе Резанова желалъ отдохнуть. Но просьбы ихъ были противны японскому закону. Слѣдовало просить разрѣшенія изъ Іедо. Всѣ эти затрудненія довели до того, что оба губернатора съѣхались въ Нагазаки, чего никогда не видывали въ Японіи. Въ такомъ опасномъ положеніи очередной губернаторъ не смѣлъ ѣхать въ Іедо, хотя товарищъ его прибылъ уже на смѣну. Они долго совѣщались и ждали приказаній изъ Іедо. Они прежде всего справились, можетъ ли факторія принять Русскихъ къ себѣ въ Дециму. Дѣфъ согласился, хотя часть факторіи была недавно истреблена пожаромъ. Губернаторы, узнавъ о согласіи Дѣфа, вздумали помѣстить Русскихъ въ храмъ. Но и этотъ про-

эктъ былъ брошенъ, и рѣшились дать имъ квартиры на рыбномъ рынкѣ, на самомъ концѣ города, противъ Децимы. Поспѣшно очистили рынокъ и приготовили къ принятію посольства, окруживъ это мѣсто заборомъ, чтобы Русскіе не могли ни съ кѣмъ имѣть сообщенія. Приготовленія кончились въ концѣ декабря; Резановъ со свитой своей перешахъ въ эту странную гостиницу; около нея караулъ содержали русскіе солдаты, съ незаряженными ружьями. Говорятъ, что сіюгунъ былъ очень недоволенъ распоряженіемъ губернаторовъ: они могли вовсе не принять посольства, но принявши, должны были обходиться съ нимъ чрезвычайно вѣжливо, особенно въ дѣлахъ неполитическихъ, всеневныхъ. Въ прежнее время сіюгунъ отрубилъ головы португальскимъ посламъ и отослалъ живыми только необходимыхъ свидѣтелей казни; но онъ и не думалъ ушибать, огорчать или оскорблять ихъ.

Дѣфъ приписываетъ всѣ эти замедленія, затрудненія, словомъ всю неудачу, тому несчастному обстоятельству, что Русскіе не хотѣли выдать оружія и подвергнуться японскимъ поклошеніямъ (эти поклоненія впрочемъ не такъ унизительны, какъ китайское *коту*). Русскіе же приписывали неудачу свою недоброжелательству и интригамъ голландскихъ купцовъ. На этомъ вопросѣ нечего и

останавливаться: очевидно, что Голландцамъ вовсе ненуженъ былъ успѣхъ предложеній Резанова; но съ другой стороны, ненужно было Голландцамъ и стараться о неуспѣхѣ: они навѣрное знали, что всѣ усилія посольства тщетны, по расположенію сіюгуна, по силѣ законовъ и по инстинкту всей націи. Однакожъ это дѣло показалось столь важнымъ, что, по словамъ Фишера, сіюгунъ счелъ нужнымъ испросить разрѣшенія микадо: вѣроятно для того, чтобы сложить съ себя отвѣтственность за поступокъ, который могъ довести до войны.

Въ концѣ марта прибылъ въ Нагазаки комиссаръ, изъ самыхъ высшихъ шіюновъ, съ отвѣтомъ отъ сіюгуна. Резанова пригласили на аудіенцію для выслушанія этого отвѣта. Губернаторъ просилъ Дѣфа дать русскому посланнику президентскій *нормонъ*, чтобы перенести его изъ его жилища въ губернаторскій домъ. Всѣ приготовленія, сдѣланныя по этому торжественному случаю, имѣли одну цѣль: воспрепятствовать Резанову видѣть городъ и жителей. Мѣстные власти приказали запереть ставни во всѣхъ домахъ на тѣхъ улицахъ, по которымъ слѣдовало проѣзжать русскому посольству, заперли всѣ другія улицы, черезъ которыя можно было пробраться на путь посольства, и приказали всѣмъ жителямъ сидѣть дома,

за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ призвали на службу.

Русское посольство переѣхало черезъ заливъ въ увеселительной лодкѣ фиценскаго князя; *норимонъ* голландскаго президента ждалъ посланника у пристани: это было первое и послѣднее почтеніе, оказанное его высокому сану. Свита его шла пѣшкомъ. На другой день дали ему вторую аудіенцію и какъ въ то время шелъ проливной дождь, то дали русскимъ офицерамъ *канго*. Отвѣтъ сіюгуна былъ рѣшительный отказъ; пригласили Дѣфа перевести официальную бумагу на голландскій языкъ; онъ замѣтилъ, что Русскіе вѣроятно не знаютъ по голландски и предложилъ перевести ее тутъ же на французскій языкъ. Но Японцы, не знавшіе, что такое французскій языкъ, не могли бы провѣрить этотъ переводъ, и потому отказались отъ него. Они хотѣли только объявить отвѣтъ сіюгуна, нисколько не заботясь о томъ, будетъ ли онъ понятъ.

Главный предметъ переговоровъ былъ уже устраненъ; но переговоры еще не прекратились. Сіюгунъ не принялъ русскихъ подарковъ, поэтому и Резановъ не могъ принять подарковъ, ему предложенныхъ. Это обстоятельство было для губернатора чрезвычайно важно. Онъ получилъ приказаніе доставить и вручить Резанову подарки; еслибъ послан-

никъ оскорбилъ его отказомъ, то губернатору оставалось бы только одно средство: распороть себѣ брюхо. Такому примѣру послѣдовали бы и многіе его подчиненные. Переводчики, научившіеся немного по русски, упростили Резанова принять кое-что. Разумѣется, что онъ не могъ отказать въ принятіи подарковъ изъ челоуѣколюбія, узнавъ отъ переводчиковъ или отъ Дѣфа, какая страшная участь ожидаетъ губернатора и чиновниковъ.

Японцы, согласно существующему обычаю, содержали Русскихъ на свой счетъ во все время пребыванія ихъ въ Нагазаки, а кораблю доставили всѣ необходимыя предметы передъ его отплытіемъ.

Резановъ вскорѣ умеръ, и потому не успѣлъ ни прочесть обвиненій, вводимыхъ на него Дѣфомъ, ни написать собственнаго своего разсказа о посольствѣ.

Онъ рѣшился отмстить за все, что перенесъ въ Японіи. По его настоянію отправились два корабля, подъ командою гг. Хвостова и Давыдова, для занятія сѣверныхъ острововъ Японіи или другихъ земель, ей принадлежащихъ.

Русскіе, въ то время, уже основались на сѣверныхъ Курильскихъ островахъ. Занятіе этихъ дикихъ и бесплодныхъ острововъ было, можетъ статья, совершенно неизвѣстно въ Едо.

Хвостовъ и Давыдовъ вышли на островъ Крафто (или Сахалинъ), одинъ изъ южныхъ острововъ, принадлежавшихъ еще Японіи. Они напали на него въ 1806 году, сожгли нѣсколько деревень и увели жителей. Передъ отъѣздомъ, они разбросали по острову объявленія на русскомъ и французскомъ языкахъ о томъ, что экспедиція ихъ имѣла цѣлю показать Японцамъ силу Россіи, и какъ дурно поступили они, не принявъ дружескихъ предложеній Резанова.

Мѣстное управленіе и правительство остоленѣли, узнавъ объ этомъ происшествіи. Губернаторъ Нагазаки вѣроятно во исполненіе приказаній высшаго начальства, нѣсколько разъ спрашивалъ президента голландской факторіи, что думаетъ онъ объ этомъ дѣлѣ и прислалъ въ факторію русскій манифестъ на французскомъ языкѣ съ просьбою перевести его по голландски. Японскіе переводчики перевели кое какъ русскій текстъ: они (говоритъ Жансиньи) успѣли научиться по русски во время пребыванія русскаго посольства въ Нагазаки, т. е. въ нѣсколько мѣсяцевъ (*).

(*) Или Японцы имѣютъ изумительную способность учиться языкамъ, или г. Жансиньи явно ошибается, увѣряя, что они могли научиться русскому языку въ такое короткое время. Впрочемъ они могли перевести русское объявленіе безъ большаго труда, напередъ зная, что некому повѣрять ихъ.

Но это событіе не произвело никакихъ важныхъ послѣдствій.

Если вѣрить Бюргеру и рассказамъ, которые слышалъ г. Жансини въ Батавіи, то нѣтъ сомнѣнія, что цѣль русскаго посольства была бы достигнута, если-бъ оно было ввѣрено человѣку осторожнѣе и осмотрительнѣе Резанова. По мнѣнію Зибольда и Бюргера посольство не удалось особенно потому, что Резановъ не зналъ обычаевъ и формъ японскихъ, что самые переговоры ведены очень неискусно и что не успѣли воспользоваться прежними обѣщаніями, данными во время пріѣзда Лаксмана въ Японію. Хотя о посольствѣ Резанова мало писано, однакожъ и изъ напечатаннаго ясно видно, что онъ дѣла своего не исполнилъ, хотя оно было возможно.

Черезъ четыре года послѣ этихъ событій, капитану Головнину поручили изслѣдовать японскія моря и особенно ту часть Курильскаго Архипелага, которая принадлежала Россіи. Во время этого замѣчательнаго путешествія нѣсколько матросовъ вышли на островъ Еторопъ (по Зибольду), близъ крѣпости. Ихъ едва не взяли въ плѣнъ. Головинъ убѣдилъ комманданта, что набѣгъ Хвостова и Давыдова былъ дѣломъ частнымъ, что они за него достойно наказаны и что самъ онъ приблизился къ берегу только по-

тому, что нуждается въ водѣ. Головнинъ имѣлъ двухъ переводчиковъ: Курильца, говорившаго по русски, и Японца, говорившаго по курильски. Японскій начальникъ, удовольствовавшись этимъ объясненіемъ, принялъ и угощалъ русскаго капитана гостепріимно и далъ ему письмо къ начальнику другой крѣпости, на томъ же островѣ, гдѣ стоянка будетъ лучше и гдѣ легче будетъ запастись необходимыми для корабля припасами.

Головнинъ не считъ за нужное воспользо-ваться этимъ одолженіемъ и письмомъ и продолжалъ изучать подробности архипелага, сообразно съ данными ему инструкціями. Наконецъ дѣйствительно понадобились ему дрова и вода, и онъ пошелъ не въ то мѣсто, куда было дано письмо, а въ заливъ Кунаширь (Куназиро), одинъ изъ самыхъ южныхъ въ архипелагѣ. Начались переговоры съ тамошнимъ начальникомъ, но кончились плачевно. Японецъ принялъ его ласково; даже внушилъ ему полное довѣріе; но въ одинъ день, когда Головнинъ вышелъ на берегъ безъ особенныхъ мѣръ осторожности, его схватили и связали съ офицерами и гребцами.

Съ Русскими обращались и жестоко и ласково; эта странная смѣсь всего болѣе удивляла ихъ, хотя она вовсе не кажется уди-

вительною людямъ, коротко знакомымъ съ японскими нравами. Японцы думали, что надобно беречь ихъ пуще глаза, и потому рѣшительно пускались на всякія пытки, только бы плѣнники не ушли. Съ другой стороны, Японцы очень человеколюбивы и всегда готовы показать состраданіе къ страждущему человеку и подать ему облегченіе и развлеченія, какія позволяютъ обстоятельствами (*).

Русскихъ перевязали бичевками, такъ что они едва могли передвигать ноги; руками двигать не могли: ихъ кормили и поили какъ маленькихъ дѣтей. За каждый конецъ бичевки держался японскій солдатъ; въ такомъ положеніи повели ихъ въ плѣнъ. При переездахъ по морю, ихъ клали одного на другого, въ лодкахъ. Бичевки наконецъ врѣзались имъ въ тѣло, и, не смотря на частыя жалобы несчастныхъ, Японцы не думали перевязать ихъ и перемѣнить бичевки. Между тѣмъ каждый вечеръ примачивали ихъ раны съ величайшимъ стараніемъ; сторожа, сами истомленные, всегда готовы были нести плѣнниковъ, какъ скоро замѣчали въ нихъ уста-

(*) Мы съ намѣреніемъ не измѣняемъ разсказа Жан-сина о плѣнѣ Головнина. Это иностранный источникъ, и читатели могутъ сравнить его съ разсказомъ самого Головнина, давно уже напечатаннымъ по русски и переведеннымъ почти на всѣ европейскіе языки.

лость; жителямъ обоихъ половъ позволялось безпрепятственно кормить ихъ самыми сытными блюдами.

Впрочемъ, Русскимъ нѣсколько разъ говорили, что содержать ихъ въ плѣну нисколько не хуже Японцевъ, равныхъ имъ по чину.

Наконецъ привели ихъ въ Мацмай и посадили въ тюрьму. Черезъ нѣсколько времени устроили особый домъ, гдѣ плѣнники могли жить поудобнѣе. Но они воспользовались этимъ облегченіемъ и хотѣли бѣжать; за такую попытку ихъ подвергли самому строгому тюремному заключенію. Однакоже губернаторъ остался по прежнему къ нимъ внимателенъ, хотя ему пришлось бы распороть себѣ брюхо, еслибъ намѣреніе ихъ удалось. Онъ почти подвергался этому страшному самоубійству, потому что плѣнники были нѣсколько дней на свободѣ. Другое доказательство врожденной японской доброты видимъ въ поступкѣ одного изъ сторожей. Онъ стоялъ на часахъ, когда бѣжали русскіе плѣнники. Его разжаловали и обратили въ тюремщика. Когда Русскихъ привели опять въ тюрьму, онъ не только не мстилъ имъ, но даже старался оказывать всякое пособіе и облегчать ихъ участь.

Головникъ особенно жаловался на недостатокъ сѣбѣстныхъ припасовъ и на непрерыв-

ные распросы, которыми надоѣдали ему самому и его товарищамъ; но могли ли Японцы, питающіеся однимъ рисомъ, понять, что можетъ истребить здоровый русскій желудокъ, привыкшій къ самой питательной пищѣ. Также Японцы не могли не обнаруживать любопытства въ отношеніи Европейцевъ, которые, при другихъ, болѣе пріятныхъ обстоятельствахъ, были бы имъ очень довольны.

Во время плѣна Головнина японское правительство заставило своихъ переводчиковъ учиться по русски. Оно не менѣе старалось воспользоваться астрономическими знаніями русскихъ, справедливо предполагая, что опытные моряки знаютъ болѣе голландскихъ купцовъ. Въ числѣ ученыхъ, присланныхъ изъ Іедо для этой цѣли, находился другъ Дѣфа, астрономъ Такагазо Зампай, считавшійся въ то же время комиссаромъ правительства и товарищемъ мацмайскаго губернатора. Головнинъ называетъ его Теске и говорить о немъ съ участіемъ, но не подозреваетъ настоящей его роли: ученый астрономъ вѣроятно былъ *мецукъ* (шпіонъ).

Черезъ два года въ Японію прибылъ товарищъ Головнина, капитанъ-лейтенантъ (нынѣ адмиралъ) Рикордъ, и освободилъ бывшего своего начальника. Долго длились переговоры; но Рикордъ достигнулъ цѣли. При отъѣз-

дѣ Русскихъ, японскіе друзья ихъ показали имъ самое трогательное участіе.

Головнину отъ имени японскаго правительства вручили ноту, въ которой объясняли, что всякая попытка къ учрежденію торговли съ Японіей будетъ совершенно бесполезна.

Въ 1852 году Русскіе опять посѣтили Японію, для доставленія Японцевъ, претерпѣвшихъ крушеніе. Какъ они были приняты, видно изъ рапорта, представленнаго шкиперомъ корабля: *Князь Меншиковъ*, господиномъ Линденбергомъ, главному правителю колоній Сѣверо-Американской Компаніи. Рапортъ этотъ такъ любопытенъ, что передаемъ его безъ всякихъ измѣненій:

«Во исполненіе предписанія вашего высокоблагородія, отъ 24-го мая сего 1852 года, оставилъ я на вѣренномъ мнѣ кораблѣ «*Князь Меншиковъ*», Ново-Архангельскую гавань, мая 29-го дня, и, вышедъ изъ залива Ситха, направилъ курсъ къ берегамъ японскаго острова Ниппонъ, въ портъ Симода. Для сокращенія пути старался я держаться въ большихъ широтахъ, гдѣ градусы долготы меньше; но постоянные западные вѣтры заставили меня *дѣлать широту*, дабы не даромъ потерять время. По позднему выходу изъ Ситхи, я не могъ надѣяться достигнуть до береговъ Японіи ранѣе іюля, и какъ въ

это время года тамъ преимущественно дуютъ югозападные вѣтры, то, для избѣжанія лавировки противъ нихъ, что почти невозможно съ успѣхомъ исполнить при постоянномъ и значительномъ теченіи отъ запада, я долженъ былъ придти на долготу Симоды въ малой широтѣ, а именно: 27 или 28 градусовъ, въ каковой полосѣ господствуютъ югозападные вѣтры.

«Противные вѣтры и штили весьма замедляли плаваніе, и только 26-го іюля, дойдя до долготы 219° W отъ Гринича, стали я спускаться къ берегамъ Японіи, при свѣжемъ вѣтрѣ отъ WSW; того же дня увидѣли Островъ Св. Петра; утромъ другаго дня открылись: Островъ Южный, потомъ Острова Фатизію, каменья Бротона, Вулканъ, Брокенъ и Вриса. Всѣ эти острова невѣрно помѣжены на картѣ, что, при сильныхъ теченіяхъ, коихъ направленіе не извѣстно, дѣлаетъ плаваніе здѣсь весьма опаснымъ.

«Іюля 28-го числа, открылся намъ къ сѣверозападу рядъ высокихъ горъ, образующихъ полуостровъ Изу, на югозападной оконечности котораго находится гавань Симода; приближаясь къ берегу, высокому и каменному, окруженному отдѣльно стоящими утесами, увидѣли небольшой островокъ, въ сорокъ футовъ вышиною, который, находясь прямо противъ залива, въ разстояніи около

пяти миль, можетъ служить вѣрною примѣтою при отысканіи гавани, которой въ нѣкоторомъ разстояніи невозможно рассмотретьъ, и потому безъ этого островка весьма трудно было бы найти. Между этимъ островкомъ и югозападнымъ мысомъ залива еще лежатъ два островка или вѣрнѣе *какура*, между которыми пройти нельзя, но по обѣ стороны ихъ, сколько можно было видѣть, и по словамъ Японцевъ, пути чисты. Оставляя всѣ эти острова въ правой рукѣ, придерживаясь я къ югозападному мысу залива, по причинѣ дувшаго тогда западнаго вѣтра, который для входа нѣсколько крутъ, и, пройдя между этимъ мысомъ и лежащимъ отъ него въ разстояніи двухъ кабельтовыхъ подводномъ камнѣ, на которомъ при мелкой водѣ играетъ бурунъ, направилъ я курсъ внутрь бухты къ небольшому островку, который, находясь на срединѣ оной, представляетъ по обѣ стороны два безопасные пути въ гавань. Приближаясь къ островку, мы были встрѣчаемы нѣсколькими лодками, съ которыхъ люди крикомъ и знаками старались насъ убѣдить не идти дальше, а остановиться тутъ на якорѣ; но, не обращая на это вниманія, прошелъ я островокъ и сталъ за нимъ на якорѣ, на глубинѣ шести сажень. Не останавливаясь на рейдѣ, я, пройдя прямо въ гавань, хотѣлъ отнять у Японцевъ возмож-

ность запретить мнѣ входъ въ оную, что они непременно сдѣлали бы, еслибъ я остановился на рейдѣ. Но рейдъ совершенно открытъ съ моря и даже такъ называемая гавань не представляетъ безопаснаго якорнаго мѣста. Островокъ слишкомъ малъ, чтобы защитить отъ волненія съ моря; заливы же, показанные на картѣ Японцами, не существуютъ, въ чемъ я убѣдился, переходя съ кораблемъ въ лучший изъ нихъ, т. е. восточный; но, не находя тамъ никакой защиты при вѣтрѣ съ моря (южномъ и югозападномъ), рѣшился воротиться на прежнее мѣсто. Сверхъ того слишкомъ мало мѣста; разстояніе между островкомъ и мелководіемъ, выдающимся отъ сѣвернаго берега залива, всего полтора кабельтова и, стоя на одномъ якорѣ (фертоингъ я не могъ стать, чтобы согласно предписанію вашего высокоблагородія, быть всегда въ готовности къ выходу въ море), почти при всякомъ вѣтрѣ не возможно вытравить достаточно каната; сверхъ того, при многихъ случаяхъ безъ завоза нельзя сняться съ якоря, имѣя или островокъ, или мелководіе за кормою, въ слишкомъ близкомъ разстояніи.

«Заливъ Симода окруженъ высокими горами, покрытыми до самой вершины густою растительностью; земля кажется весьма хорошо обработана и вообще виды окружно-

стей весьма живописны. На западной сторонѣ залива лежитъ городъ Симода, при небольшой рѣчкѣ, которая впрочемъ достаточно глубока для входа туда довольно большихъ джонокъ. Городъ не большой, но, какъ складочное мѣсто, кажется довольно значителенъ въ торговомъ отношеніи, лежа на пути джонокъ изъ Нагазаки и другихъ западныхъ и южныхъ портовъ Японіи, въ главный городъ Іедо.

«Только что успѣли отдать якорь, какъ со всѣхъ сторонъ стали стекаться посѣтители въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, такъ что и палуба и каюты были совершенно полны. Дабы хоть сколько нибудь сохранить порядокъ, я просилъ ихъ не всѣмъ вдругъ входить на палубу, а поочередно, но они возражали, что должны торопиться осмотрѣть корабль, ибо съ приѣздомъ на него губернатора прекратится для нихъ всякая возможность приѣзжать къ намъ.

«Вскорѣ прибылъ на корабль губернаторъ города, въ сопровожденіи множества офицеровъ и чиновниковъ; они опрашивали нашихъ семь человекъ Японцевъ, осмотрѣли судно и все тщательно записывали.

«Позвавъ ихъ въ каюту, объявилъ я имъ причину моего прихода, прибавивъ къ тому, что имѣю отъ вашего высокоблагородія бумагу на имя губернатора города, которую я

и желаю ему вручить и получить отъ него отвѣтъ. Онъ, отъ лица японской націи, благодарилъ Русскихъ за доставленіе на родину его претерпѣвшихъ кораблекрушеніе соотечественниковъ и за попеченія и благодаренія, оказанныя имъ во время пребыванія ихъ въ Россіи; говоря это, онъ знаками старался дать мнѣ понять, что такой благодарный поступокъ Русскихъ трогаетъ его до слезъ. Далѣе онъ говорилъ, что, не имѣя никакого права входить въ какія бы то ни было сношенія съ иностранцами, безъ разрѣшенія своего начальства въ Іедо, не можетъ принять ни привезенныхъ Японцевъ, ни бумаги. По долгомъ убѣжденіи съ моей стороны, онъ просилъ меня показать ему бумагу, и когда я передалъ ему оную, онъ со знаками почтенія (поднявъ ее надъ головою) принялъ, открылъ и пробѣжавъ объявилъ, что хотя буквы тѣ же, что у нихъ, но смысла онъ не понимаетъ, и какъ онъ бумаги принять не можетъ, то желалъ бы снять копию для отправленія въ Іедо, гдѣ, основываясь на моихъ словахъ, что она написана по китайски, онъ полагаетъ, что ее разберутъ, ибо тамъ есть переводчики этого языка. Соглашаясь на это, я полагалъ скорѣе достигнуть цѣли экспедиціи, то есть извѣстить японское правительство о требованіяхъ вашего высокоблагородія, и получать отвѣтъ

на бумагу, и какъ, судя по началу нашихъ съ Японцами сношеній, по всей вѣроятности, они не приняли бы бумаги, не зная напередъ ея содержанія, то я рѣшился не препятствовать губернатору въ снятіи копій; когда я объявилъ ему мое на то согласіе, то онъ досталъ изъ-за пояса кисть и чернилицу, и, попросивъ у меня бумаги, сталъ снимать копію. Когда онъ кончилъ это дѣло, то возвратилъ мнѣ бумагу и спросилъ, не нуждаемся ли мы въ чемъ нибудь? Я объявилъ ему, что послѣ столь долгаго плаванія, желалъ бы получить прѣсной воды и свѣжей провизіи, рыбы или мяса, и разумѣется, что будетъ стоить—заплату, и онъ изъяснилъ величайшую готовность удовлетворить всѣ мои требованія. Передъ отъѣздомъ, онъ объявилъ мнѣ, что поставитъ къ судну на лодкахъ караульныхъ, и просилъ не посылать никого на берегъ, а если я самъ хочу ѣхать, то чтобы сперва объявилъ ему объ этомъ, и онъ уже со мною отправится. Я тотчасъ хотѣлъ воспользоваться его предложеніемъ, но было уже темно и я боялся—неумѣстнымъ желаніемъ удовлетворить любопытству—возбудить извѣстную подозрительность Японцевъ. Того же вечера съ капитаномъ надъ портомъ приехали на корабль немного воды и сушеной рыбы, извиняясь, что для добыванія свѣжей рыбы слишкомъ темно. Поставлено было

шесть караульныхъ лодокъ вокругъ корабля, въ разстояніи 20-ти или 30-ти сажень.

«Утромъ слѣдующаго дня губернаторъ вновь пріѣхалъ со свитою на корабль и снова опрашивалъ нашихъ Японцевъ, до малѣйшихъ подробностей, о ихъ разбитіи, о пребываніи у Русскихъ, о обхожденіи ихъ съ ними, о пищѣ, которую имъ давали, и проч. Все это они тщательно записывали; потомъ осматривали корабль, орудія, пожелали видѣть ружья и пистолеты, спрашивали нѣтъ ли въ трюмѣ еще пушекъ, сколько огненнаго оружія, пороху, ядеръ и картечи, и всѣ мои отвѣты записывали; потомъ явились живописцы, которые съ лодокъ снимали видъ корабля и потомъ, всходя на палубу, разныя части онаго. Пригласивъ губернатора и главныхъ чиновниковъ въ каюту, я объявилъ ему, что желалъ бы съѣздить на берегъ, но онъ сказалъ, что этого не можетъ мнѣ позволить, пока не получить разрѣшенія изъ Іедо. Когда я напомнилъ ему вчерашнія его слова, то онъ сконфузился, но вмѣсто всякаго объясненія продолжалъ твердить: что намъ никакъ нельзя ѣхать на берегъ.

«Между тѣмъ Японцы продолжали посѣщать корабль, но не иначе, какъ въ свѣтъ губернатора или портоваго, а тѣ ѣздили только по дѣлу. Они казались весьма хорошо расположенными къ Русскимъ, были вѣжливы

и радушны; осматривали все съ любопытствомъ, и любовались въ особенности огнестрѣльнымъ оружіемъ, но, не смотря на всѣ наши убѣжденія, никакихъ подарковъ принимать не хотѣли, и на предложеніе купить какую нибудь вещь всегда отвѣчали, что смотрѣть готовы, но купить не смѣютъ, ибо только въ Нагазаки позволено торговать иностранцамъ. Губернаторъ долго спрашивалъ нашихъ Японцевъ о Камчаткѣ, Охотскѣ, Ситхѣ и Курильскихъ Островахъ, и, кажется, японское правительство опасается столь близкаго сосѣдства Русскихъ.

«Съ каждымъ днемъ строгость присмотра за нами усугублялась и число караульныхъ лодокъ постоянно увеличивалось; въ нихъ сажали солдатъ, которые въ завѣтный кругъ, составляемый ихъ лодками около корабля, ни подъ какимъ видомъ никого не впускали. Между тѣмъ привезли на корабль семнадцать бочекъ воды, нѣсколько куръ, яицъ и свѣжей рыбы; на счетъ мяса же они извинялись, что не могутъ намъ доставить, потому что у нихъ весьма мало рогатаго скота, да и тотъ употребляется на полевые работы.

«Между тѣмъ стекались съ разныхъ сторонъ въ городъ Симода солдаты, вооруженные мушкетонами, ружьями и пиками, сверхъ сабель и кинжаловъ, которые носятъ всякій; цѣлые караваны, съ навьюченными буйво-

лами и лошадьми, тянулись мимо нашего корабля вдоль морского берега, по которому пролежала дорога изъ внутри страны въ городъ Симода, и, хотя за темнотою сумерекъ мы не могли разсмотрѣть, что они везли, однако должно полагать, что это были пушки, ибо вскорѣ противъ корабля, въ разстояніи полутора кабельтова отъ него, возникли между деревьями на берегу палатки подъ флагами, весьма похожія на скрытыя батареи.

«Губернаторъ, капитанъ надъ портомъ и другіе японскіе чиновники, посѣщая корабль, неоднократно изъявляли свою благодарность за вспомошествованіе, оказанное ихъ соотечественникамъ, со всѣми признаками искренности, и какъ я не вызывалъ ихъ на это, а напротивъ они поступали совершенно добровольно, и я считалъ ихъ мнѣніе и чувства отголоскомъ правительства, то не могъ не надѣяться на благопріятный конецъ нашихъ сношеній съ Японцами. Я поставилъ губернатору на видъ, что Русскіе уже не въ первый разъ доставляютъ бѣдствовавшихъ Японцевъ на родину, и что это должно убѣдить ихъ въ дружественномъ расположеніи Россіи къ Японіи, и что если бы его соотечественникамъ пришлось посѣщать наши берега, то навѣрное бы встрѣтили дружескій пріемъ.

«31-го числа прибылъ на корабль, пріѣхавшій изъ губернскаго города Одовара, вице-губернаторъ, и тогда начались опять тѣ же допросы нашимъ Японцамъ, и всѣ ихъ показанія записывались. На мой вопросъ, когда они возьмутъ отъ насъ Японцевъ и примутъ бумагу отъ вашего высокоблагородія, отвѣтилъ онъ мнѣ, что извѣстіе о прибытіи сюда русскаго корабля отправлено въ Іедо, и что, до полученія приказаній оттуда, они ничего не могутъ предпринять; сверхъ того, онъ объявилъ мнѣ, что, вмѣстѣ съ приказаніемъ изъ Іедо, прибудетъ сюда губернаторъ города Одовара. Когда я просилъ его принять плату за провизію и воду, то онъ рѣшительно отказался, говоря, что это такая бездѣлица, и что мы столько сдѣлали для его соотечественниковъ, что они счастливы, если чѣмъ нибудь могутъ показать свою благодарность; всѣ мои убѣжденія остались тщетны; я представлялъ ему, что принять что нибудь даромъ, не совмѣстно съ достоинствомъ Русскихъ, и что если бы зналъ, что они не возьмутъ платы, то ничего бы не принималъ, но все было напрасно: онъ твердилъ, что не смѣетъ ничего брать.

«Вечеромъ 1-го числа, еще засвѣтло, по дорогѣ, тянувшейся вдоль морскаго берега гавани, стали показываться отряды конныхъ и пѣшихъ воиновъ, и вскорѣ, когда стемнѣ-

ло, вся дорога покрылась безчисленнымъ множествомъ фонарей, выходившихъ въ продолженіе цѣлаго часа изъ лѣса, откуда шла дорога, и двигавшихся мимо корабля по направленію къ городу. На вопросъ мой нашимъ Японцамъ, что это значитъ, они сказали, что это ѣдетъ губернаторъ Одовары, который весьма важный чиновникъ и никогда не отправляется въ дорогу со свитою менѣе чѣмъ въ 700 чел. солдатъ.

«На другой день утромъ пріѣхалъ на корабль вице-губернаторъ города Одовары, на множествѣ большихъ лодокъ, и, вышедъ на палубу, окруженный свитою, собралъ привезенныхъ Японцевъ на колѣняхъ около себя въ полукругъ, и сталъ говорить имъ длинную рѣчь, въ продолженіе которой всѣ провожавшіе его Японцы стояли, низко наклонившись, изъ уваженія къ произносимымъ имъ словамъ. По мѣрѣ того, какъ онъ продолжалъ говорить, на лицахъ нашихъ Японцевъ ясно выразились горестъ и уныніе, и наконецъ отпечатались явные знаки безвыходнаго отчаянія; нѣкоторые изъ нихъ плакали навзрыдъ. На вопросъ мой, что это значитъ, Японецъ Таробе, съ едва удерживаемою яростію, сказалъ мнѣ, что губернаторъ объявилъ имъ, что не можетъ ихъ принять, и что они должны съ нами отправиться далѣе. Отказъ этотъ тѣмъ сильнѣе пора-

зилъ бѣдныхъ Японцевъ, что былъ совершенно неожиданный, ибо, по началу нашихъ съ ихъ соотечественниками сношеній, они были совершенно увѣрены въ благопріятномъ концѣ. Не желая объясняться съ вице-губернаторомъ на палубѣ, попросилъ я его въ каюту, и тогда онъ объявилъ мнѣ, что, по полученнымъ изъ Іедо приказаніямъ, не можетъ принять Японцевъ и слѣдовательно и бумаги; какъ этотъ портъ не открытъ для иностранцевъ, то онъ и не имѣетъ права входить ни въ какія сношенія съ ними, и что, получивъ теперь такой рѣшительный и неизмѣнный отвѣтъ отъ японскаго правительства, онъ находитъ, что мнѣ стоять здѣсь больше не зачѣмъ, и потому просить немедленно выйти въ море. Напрасно представлялъ я ему несообразность и даже жестокость сего поступка съ соотечественниками его, и неблагодарность въ отношеніи къ Русскимъ, предпринявшимъ столь долгое и трудное плаваніе, единственно съ благодѣтельною цѣлью: возвратить отечеству и ихъ семействамъ невинно пострадавшихъ въ кораблекрушеніи и находившихся два года въ невольномъ изгнаніи его соотечественниковъ; наконецъ, что если я повезу Японцевъ обратно въ Россію, то на будущій годъ прійдетъ опять сюда русскій корабль съ ними, и что наконецъ они должны же

будутъ принять ихъ; на это онъ сказалъ, что и на будущій годъ и впредь всегда будетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что это воля правительства, и онъ тутъ ничего не можетъ сдѣлать; но, по его лицу и по лицамъ всѣхъ присутствующихъ, видно было, что они внутренно не одобряли этого рѣшенія, хотя и должны были повиноваться. Тогда я изъявилъ желаніе имѣть личное свиданіе съ губернаторомъ Одовары, чтобы отъ него самого получить отвѣтъ; но онъ сказалъ мнѣ, что это не возможно, и что онъ съ тѣмъ и присланъ на корабль, чтобы объявить мнѣ окончательное рѣшеніе, и сталъ убѣдительно просить меня какъ можно скорѣе оставить гавань, такъ какъ вѣтеръ былъ понутный. Онъ поставилъ мнѣ на видъ, что въ пользу нашего корабля сдѣлано и такъ уже весьма важное отступленіе отъ японскаго закона, рѣшительно запрещающаго пребываніе вооруженныхъ судовъ во всѣхъ гаваняхъ имперіи, и что до сихъ поръ всѣ иностранныя суда, посѣщавшія ихъ гавани, должны были сдавать имъ оружіе и аммуницію и даже руль. Онъ говорилъ мнѣ, что я могу везти Японцевъ въ Нагазаки и попросить, не примутъ ли ихъ тамъ, на что я, видя ясно, что это только отводъ и что тамъ еще менѣе предстояло вѣроятности въ успѣхѣ — сказалъ ему, что, не имѣя приказанія

моего начальства, не могу идти въ Нагазакъ, и какъ мнѣ велѣно высадить Японцевъ въ Симода, то я посажу ихъ на шлюпки и отпращу на берегъ. Онъ, понимая, что я хочу это сдѣлать въ гавани, сказалъ, что нельзя, и въ страшномъ испугѣ вскочилъ со стула и хотѣлъ бѣжать на берегъ. Я остановилъ его и сказалъ ему, что какъ я пришелъ сюда не съ враждебными намѣреніями, а единственно для отвоза его соотечественниковъ на родину, то слѣдовательно и не желаю дать повода къ нарушенію дружескихъ отношеній между Русскими и Японцами, поступкомъ противъ ихъ постановленій, но, во исполненіе данного мнѣ приказанія: доставить Японцевъ на родину, долженъ непременно ихъ высадить, и если мнѣ, для ихъ блага, нельзя этого сдѣлать тутъ же, то я все таки обязанъ исполнять это въ другомъ мѣстѣ. На это онъ сказалъ, что не знаетъ, можно ли это или нѣтъ, но что за мои дѣйствія, во выходѣ изъ гавани, онъ не подлежитъ отвѣту; что тамъ моя воля, но что теперь онъ убѣдительнѣе проситъ меня вступить подъ паруса и оставить гавань. Считаю неблагоразумнымъ, если не невозможнымъ, высадить здѣсь Японцевъ насильно, и, не видя средствъ заставить губернатора принять бумагу отъ вашего высокоблагородія противъ желанія, и бу-

лучи увѣренъ, что Японцы прибѣгнутъ къ непріязненнымъ мѣрамъ, судя по сдѣланнымъ ими къ тому приготовленіямъ, въ случаѣ моего упорства, и хотя мѣткость японскихъ выстрѣловъ неопасна, но, не желая подвергать флага униженію и не имѣя разрѣшенія вашего высокоблагородія, ни средствъ съ успѣхомъ отразить силу силою,—рѣшился я не доводить до этого, и не видя ни какого другого выхода изъ затруднительнаго положенія, принужденъ былъ уступить, и потому объявилъ вице-губернатору, что какъ онъ не принимаетъ своихъ соотечественниковъ и не хочетъ входить ни въ какія со мною сношенія, то мнѣ здѣсь болѣе дѣлать нечего, и я, склоняясь на его просьбу, готовъ выйти въ море, но все таки высажу Японцевъ тутъ же по близости. Тогда онъ приказалъ находившимся около корабля двадцати большимъ лодкамъ взять корабль на буксиръ, и, простившись съ нами со знаками искренняго расположенія, отправился со свитою на берегъ. Обогнувъ островокъ, мы поставили паруса и, отправивъ лодки на берегъ, пошли изъ залива.

«По выходѣ изъ гавани, Японцы объявили мнѣ рѣшительно, что не желаютъ идти дальше съ нами и стали усиленно просить, чтобы я ихъ высадилъ тутъ же, говоря, что хотятъ здѣсь остаться, хотя бы ихъ и ожида-

ла неизбежная смерть. Видя несообразность везти ихъ съ собою въ Китай, гдѣ невозможно было бы ихъ скрыть, по недостатку помѣщенія на кораблѣ, который весь потребуетъ подѣ чай, я не видѣлъ другого выхода, какъ согласиться на ихъ просьбу, и потому, идучи вдоль берега, выбралъ небольшую бухту, въ разстояніи около пяти миль отъ гавани, и, подошедъ вплотъ къ берегу, отправилъ Японцевъ на двухъ колошенскихъ ботахъ, имѣвшихъ на сей предметъ на кораблѣ. При прощаніи, они на колѣняхъ со слезами благодарили за оказанныя имъ Русскими благодѣянія и просили меня передать ихъ искреннюю благодарность вашему высокоблагородію за все имъ сдѣланное добро; потомъ съ непритворными знаками радости вскочили въ боты и отправились на берегъ. Когда они пристали къ небольшой деревнѣ, лежащей въ углубленіи бухты, я снялся съ дрейфа и, согласно съ предписаніемъ вашего высокоблагородія, направилъ путь къ берегамъ Китая.»

Англичане также безъ успѣха старались открыть себѣ Японію. Первая попытка совершена ими вскорѣ за послѣднимъ появленіемъ американскаго капитана Стеуарта. При полученіи извѣстія о прибытіи иностраннаго корабля, депутаціи голландская и японская поѣхали къ нему на встрѣчу. Капитанъ отвѣчалъ на

ихъ вопросы, что корабль англійскій и прибылъ изъ Калькутты, въ надеждѣ поторговать съ Японцами. Чтобы его лучше поняли, онъ выкинулъ англійскій флагъ безъ креста. Не смотря на снисхожденіе, оказанное капитаномъ къ японскимъ предразсудкамъ, ему отказали въ просьбѣ и предложили удалиться.

Послѣ этого англійскаго корабля явился фрегатъ *Фазтонъ*, о которомъ говорено выше. Читатели уже знаютъ, какая у него была цѣль. Это несвоевременное посѣщеніе, имѣвшее несчастныя послѣдствія для многихъ, въ этомъ дѣлѣ совершенно невинныхъ людей, возбудило въ Японцахъ сильную ненависть къ Англичанамъ; оно помѣшало учрежденію торговыхъ и мирныхъ сношеній и заставило Японцевъ принять новыя мѣры предосторожности. Съ этого времени, по словамъ Зибольда, требуютъ заложниковъ съ прибывшихъ кораблей.

На этомъ и остановились англійскія попытки; но въ 1811 году Англичане напали на Батавію и генералъ-губернаторъ Янсень (*Janssens*) сдалъ на капитуляцію островъ Яву и его принадлежности. Англичане, разумѣется, объявили претензію, что и децимская контора должна быть включена въ эту капитуляцію, на томъ основаніи, что *opperhoofd* и всѣ члены факторіи всегда назначаются генералъ-губернаторомъ; что *opperhoofd*

всегда повиновался ему и переписывался съ нимъ однимъ. Англійскій губернаторъ Реффлесь (Stamford Raffles), почитая факторію подчиненнымъ себѣ мѣстомъ, захотѣлъ доставить Англии эту часть наслѣдства отъ Голландіи. Мѣры, принятыя имъ, были, впрочемъ, совершенно мирныя; онъ отправилъ въ Японію два корабля, которые ежегодно приходятъ туда для торговли; но съ ними же отправилъ новаго президента, Голландца Касса (присягнувшаго Англии), для замѣщенія президента Дѣфа, который занималъ эту должность вдвое болѣе времени, чѣмъ это дѣлалось обыкновенно. При новомъ президентѣ ѣхали два комиссара, одинъ Голландецъ, Ваарденааръ, предшественникъ и покровитель Дѣфа, другой Англичанинъ, докторъ Энсли (*Ainslie*); имъ поручено было рассмотреть и устроить дѣла факторіи.

Японцы приняли эти два корабля просто за американскіе, нанятые Голландцами. Чиновники факторіи догадывались, что тутъ кроется тайна; но не могли предчувствовать ни ея свойства, ни ея важности. Наконецъ, Ваарденааръ вышелъ на берегъ; онъ объяснилъ президенту и смотрителю магазиновъ настоящее положеніе дѣлъ: Голландіи уже нѣтъ! Ея провинціи на европейскомъ материкѣ обращены въ французскій департаментъ; колоніи отдались Англии! Что долженъ былъ

чувствовать Дёфъ въ эту минуту? Какъ истинный Голландецъ, онъ не повѣрилъ уничтоженію отечества, и потому не согласился признать надъ факторіей владычества Англіи (*).

Поступокъ директора Дёфа достоинъ похвалы, потому что имѣетъ характеръ истинно патріотическій. Къ несчастію, Дёфъ, кажется, руководствовался и частнымъ своимъ интересомъ. Дёфъ отвергнулъ переговоры съ благородною гордостію, но заставилъ переговорщиковъ дорого заплатить за бесполезное ихъ пребываніе въ Японіи. Ваарденааръ выѣхалъ съ товарищемъ своимъ, Англичаниномъ Энсли, ничего не добившись, и заплатилъ изъ денегъ, вырученныхъ за продажу его груза, огромную сумму (160.000 р. асс.), которую факторія должна была японскому правительству уже три года. Вотъ подробности этой странной сдѣлки.

(*) Дёфъ въ великодушномъ своемъ поступкѣ оправдывался тѣмъ, что ему не предъявили никакихъ *доказательствъ* въ несомнѣнности этихъ важныхъ и невѣроятныхъ событій, даже не показали какой нибудь европейской *газеты*. На слѣдующій годъ онъ тоже не получилъ никакихъ *оффиціальныхъ* документовъ. Твердость и благородство Дёфа спасли голландскую торговлю съ Японіей отъ совершеннаго разоренія: нѣтъ сомнѣнія, что Японцы не захотѣли бы имѣть дѣла съ Англичанами, и такимъ образомъ сношенія Японіи съ Европейцами могли совершенно прекратиться.

Рѣшившись остаться президентомъ и не выдавать Англичанамъ факторіи и японской торговли, Дѣфъ ловко воспользовался ненавистью Японцевъ къ Англичанамъ; онъ кста-ти напомнилъ о подвигахъ *Фаэтона*, о множествѣ животныхъ, распоротыхъ по этому случаю, и употребилъ въ дѣло услужливость переводчиковъ, съ которыми давно былъ друженъ. Дѣфъ призвалъ въ Дециму пятерыхъ главныхъ переводчиковъ и, въ присутствіи Ваарденаара, сообщилъ имъ привезенныя Англичанами новости; при этомъ онъ объявилъ, что изъ всѣхъ этихъ новостей одна кажется ему правдоподобною, и именно, занятіе Явы Англичанами, потому что прибывшіе корабли въ самомъ дѣлѣ англійскіе. Одна мысль о возможности такихъ переворотовъ привела Японцевъ въ ужасъ; отвѣтственность властей Нагазаки въ этомъ дѣлѣ показалась имъ страшною. Во второй разъ англійскіе корабли, воспользовавшись ихъ довѣрчивостію, проникли въ заливъ! Поэтому переводчики жадно схватились за планъ, придуманный Дѣфомъ и состоявшій въ слѣдующемъ: скрыть исторію о паденіи Батавіи и объявить только, что изъ нея прислали новаго президента, для смѣны Дѣфа, если японскимъ властямъ покажется, что онъ слишкомъ долго занимаетъ мѣсто начальника факторіи; но губернаторъ Батавіи желаетъ удер-

жать Дёфа въ прежнемъ званіи, съ согласія губернатора Нагазаки. Если эта первая половина плана удастся, Дёфъ бралъ на себя купить грузъ обоихъ кораблей, распродать его и доставить англійскимъ комиссарамъ возвратный грузъ.

Дёфъ и переводчики принялись убѣждать Англичанъ въ необходимости принять предложенія Дёфа, для избѣжанія кровопролитія и разныхъ несчастій, какія могли послѣдовать, если японское правительство узнаетъ истину. Сильная его ненависть къ Англичанамъ, со временъ *Фаэтона*, могла имѣть страшныя послѣдствія, если оно убѣдится, что экспедиція прислана Англичанами. Эти причины, представленныя съ жаромъ, произвели желаемое дѣйствіе. Англійскіе комиссары приняли предложенныя имъ условія. Корабли пошли за американскіе; Дёфъ остался начальникомъ факторіи, а Децима, въ продолженіе нѣкотораго времени, была единственнымъ независимымъ голландскимъ владѣніемъ (*).

Въ 1814 году г. Касса воротился въ Дециму, опять въ качествѣ президента; онъ

(*) Докторъ Энсли посѣщалъ Нагазаки въ качествѣ американскаго доктора и былъ принятъ Японцами очень дружелюбно; онъ уѣхалъ въ восторгѣ отъ ихъ любезности, отъ общества женщинъ, которыя показались ему ловкими и довольными своимъ положеніемъ.

привезъ извѣстіе о событіяхъ 1813 года, о возстаніи Голландіи въ пользу Оранскаго дома, и о скоромъ вѣроятномъ возвращеніи голландскихъ колоній, занятыхъ Англичанами. Сиръ Рефлесъ и г. Касса думали такими новостями уничтожить возраженія и доводы Дѣфа и повудить его къ исполненію приказаній, присланныхъ изъ Батавіи, какъ это было въ прежнее время; но Дѣфъ принялся за прежнюю роль, то-есть, ни чему не повѣрилъ. Разыгралась прошлогодняя комедія, и переводчики помогали ей тѣмъ усерднѣе, что вѣрно лишились бы жизни, еслибъ въ Іедо узнали всю истину.

На этотъ разъ Касса приготовился къ борьбѣ. Еслибъ не служанки въ чайномъ домѣ, на которыхъ онъ понадѣялся, онъ можетъ быть одержалъ бы побѣду. Онъ подкупилъ двухъ переводчиковъ, и они обѣщали ему, не открыть всю истину, потому что за такимъ признаніемъ послѣдовала бы смерть ихъ, но употребить все свое вліяніе, чтобы правительство отвергло просьбу объ удержаніи Дѣфа на прежнемъ мѣстѣ. Но у Дѣфа были шпіонки между служанками чайныхъ домовъ.

Несправедливо говоритъ сиръ Рефлесъ въ своихъ запискахъ, что Японцы узнали въ немъ Англичанина и говорили съ нимъ объ его соотечественникахъ и Англіи съ особеннымъ уваженіемъ.

Онѣ донесли ему о заговорѣ противъ него. Дѣфъ грозилъ отпавшимъ переводчикамъ, что все откроетъ правительству, не заботясь о страшныхъ послѣдствіяхъ. Такая угроза связала имъ руки, и Касса долженъ былъ уѣхать безъ успѣха. Съ этой минуты Англичане уже не возобновляли попытокъ овладѣть голландскою факторіею. Въ 1817 году, пріѣхалъ г. Бломгоофъ смѣнить Дѣфа, который послѣ своей славной побѣды жилъ въ Японіи нѣсколько лѣтъ безъ торговли и безъ тѣхъ средствъ, которыя доставлялись ему голландскими кораблями въ прежнее время.

Въ Японіи теперь есть англійскіе, русскіе и голландскіе переводчики, которые съ 1830 г. размѣщены по разнымъ прибрежнымъ пунктамъ, на случай еслибъ прибылъ какой нибудь иностранный корабль. Удивительно, что докторъ Паркеръ не говоритъ о нихъ, описывая свою неудавшуюся экспедицію 1837 года. Можетъ быть, видя, что г. Гуцлафъ понимаетъ по китайски и можетъ замѣнить переводчика, Японцы не хотѣли показать, что понимаютъ по англійски. Вѣроятно, такимъ образомъ узнали они о замыслахъ миссіонера и тотчасъ напали на корабль, которому не предлагали даже удалиться, какъ это обыкновенно у нихъ дѣлается.

Докторъ Зибольдъ рассказываетъ о ссорахъ съ англійскими китоловами, которые

насильно ворвались въ японскій портъ, или дѣйствительно по крайней необходимости, или изъ одного любопытства. Но съ тѣхъ поръ иныя китоловныя суда получали отъ Японцевъ дрова и воду; поэтому можно думать, что ненависть Японцевъ къ Англичанамъ поуменилась, если не подновила ея попытка доктора Паркера! Вѣдь въ Японіи не знаютъ, что Сѣверо-Американскіе Штаты не Англія.

Въ послѣднее время, успѣхъ англійской экспедиціи противъ Китая навелъ вниманіе публицистовъ и спекуляторовъ на Япоцію, которая, впрочемъ, имѣетъ болѣе средствъ защиты, чѣмъ Китай.

Въ 1844—45 году, нидерландское правительство старалось внушить японскому, что интересы Японіи требуютъ, чтобы она покорилась неотвратимому ходу европейской цивилизаціи и торговли, и открыла постепенно порты свои европейскимъ націямъ. Эта благородная попытка, основанная на желаніи добра союзнику, не только не достигла цѣли, но, кажется, еще болѣе утвердила любовь японскаго правительства къ исключительной системѣ. Опираясь на примѣръ Китая, который совершенно неожиданно принужденъ былъ открыть нѣсколько пунктовъ для всѣхъ народовъ земнаго шара, король Нидерландскій, въ письмѣ къ сі-

огуну, указывалъ на близость отъ Японіи англійской колоніи Хуанъ-гана (Гонгъ-конгъ), и устье рѣки Янгъ-це-кіанга, нынѣ открытой для всѣхъ европейскихъ судовъ. Эта близость поведетъ къ такимъ послѣдствіямъ, которыя лучше предупредить добровольными и осторожными уступками Европейцамъ. Вильгельмъ II приглашалъ сіюгуна открыть не только портъ Нагазаки, но и еще два или три порта, на островѣ Ниппонѣ или на Іезо, всѣмъ иностраннымъ судамъ, безъ различія флаговъ.

«Вы легко поймете, было сказано въ этомъ письмѣ къ сіюгуну,—что частный мой интересъ впустилъ бы мнѣ совѣты, вовсе непохожіе на тѣ, которые я даю вамъ, потому что Голландія будетъ пользоваться монополіею вашей торговли до тѣхъ поръ, пока вы будете придерживаться нынѣшней системы; но дружба, которую вы оказывали намъ предпочтительно передъ другими народами, налагаетъ на насъ обязанность обратить ваши взоры на будущее, которое грозитъ Японіи. Если вы не захотите занять мѣсто между торговыми націями, то васъ къ тому принудятъ, и вы будете унижены, какъ унижена теперь Небесная Имперія. Избавьте себя отъ такого стыда своевременно, великодушными мѣрами, которыя доставили бы вамъ уваженіе и благорасположеніе европейскихъ націй.»

Черезъ два года отвѣтъ *сіюгуна* разрушилъ всѣ надежды, что эти отдаленные острова откроются европейской цивилизаціи и торговлѣ. Смыслъ отвѣта *сіюгуна* королю Нидерландскому передается здѣсь сколько возможно близко и вѣрно. «Я внимательно слѣдилъ за событіями, которыя произвели основную перемѣну въ политикѣ Китайской Имперіи. Эти-то событія, на которыя опираются ваши совѣты, служатъ мнѣ самымъ яснымъ доказательствомъ, что государство можетъ наслаждаться продолжительнымъ миромъ только при строжайшемъ исключеніи всѣхъ иностранцевъ. Еслибъ Китай не дозволилъ въ прежнее время поселиться множеству Англичанъ въ Кантонѣ, и укорениться тамъ, то не произошло бы ссоръ, которыя повели къ войнѣ, или Англичане, по слабости своей, погибли бы въ неравной борьбѣ. Но съ той минуты, какъ увлеклись на одномъ мѣстѣ, стали слабѣе на многихъ другихъ. Такъ разсуждалъ мой прапрадѣдъ, когда дѣло шло о дозволеніи вамъ торговать съ Японіей. Безъ тѣхъ многочисленныхъ доказательствъ дружбы, которыя вы намъ дали, нѣтъ сомнѣнія, что и вы были бы исключены, какъ и всѣ западныя націи. Теперь, когда вы уже получили эту привиллегію, я желаю, чтобы вы пользовались ею; но не могу дать подобной никако-

му другому народу, потому что легче держать плотину въ цѣлости, чѣмъ чинить проломы, которые въ ней сдѣлають. Я далъ моимъ чиновникамъ приказанія, сообразныя съ такою моею волею; будущее покажетъ вамъ, что наша политика гораздо мудрѣе китайской.»

Кажется, что теперь не возможно заставить японское правительство измѣнить законы, которымъ оно слѣдуетъ съ той минуты, какъ рѣшилось истребить и истребило у себя христіанство. Однакоже, и послѣ письма Нидерландскаго короля, было нѣсколько попытокъ, о которыхъ мы расскажемъ, въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ прибавленіи къ *Сингапурской газетъ* (*Singapore free press*), отъ 21 мая 1846 года, помѣщено подробное описаніе путешествія въ Японію китоловнаго американскаго корабля, подъ начальствомъ капитана Меркадора Купера. Экспедиція имѣла цѣлію доставить на родину нѣсколькихъ Японцевъ, которыхъ капитанъ собралъ частію на островѣ св. Петра, на юго-востокъ отъ Ниппона, частію съ японскаго корабля, претерпѣвшаго крушеніе. Вотъ особенности, которыми ознаменовалась эта экспедиція.

Капитанъ Куперъ, находясь въ 1845 году на китовой ловлѣ, имѣлъ счастье спасти одиннадцать Японцевъ съ утеса, на которомъ

они держались, и одиннадцать другихъ, которые пустились по морю въ небольшой лодкѣ.

Послѣ девятидневнаго плаванія около японскихъ береговъ, капитанъ успѣлъ высадить двухъ несчастныхъ на берегъ, но сила вѣтра и бурное состояніе моря не позволило ему оказать такую же услугу другимъ.

На другой день онъ высадилъ на берегъ еще двухъ человѣкъ, но былъ принужденъ выйти опять въ море, и черезъ три дня бросилъ якорь при входѣ въ заливъ Іедо. Три императорскія яхты привезли ему дозволеніе войти туда. Однакожъ, по безвѣтрію, китоловъ не могъ двинуться съ мѣста. На другой день, триста семьдесятъ или триста восемьдесятъ джонокъ (на каждой было отъ 15 до 30 вооруженныхъ воиновъ) потащили корабль и привели его передъ вторую резиденцію провинціи, гдѣ его стерегли три линіи японскихъ судовъ, на самомъ близкомъ разстояніи, такъ что положеніе ихъ было очень незавидное, когда во время прилива корабль повертывался на якорѣ. На корабль пріѣзжало множество посѣтителей; японскіе чиновники измѣрили корабль, мачты, словомъ, всѣ малѣйшія части, срисовали ихъ и сняли портреты съ нѣсколькихъ матросовъ; расспросы доходили до самыхъ мелочей. Много спрашивали о положеніи разныхъ частей

свѣта; разсматривали географическія карты, рисунки, и пр. Японцы не принимали ни малѣйшаго подарка, но и сами ничего не дарили. Они безпрестанно подносили руку къ шеѣ и старались этимъ выразить, что ихъ повѣсятъ, если они примутъ или предложатъ подарокъ. Губернаторъ, родственникъ императора, обѣщавъ прислать на корабль нѣсколько просимыхъ вещей, на другой день отказался отъ своего слова и сдѣлалъ тоже выразительный жестъ руки къ шеѣ. Корабль, ожидая императорскихъ приказаній, простоялъ три дня въ заливѣ и ежедневно все болѣе и болѣе возбуждалъ вниманіе народа, который толпами собирался на берегъ, чтобы насладиться этимъ страннымъ зрѣлищемъ; наконецъ капитану посредствомъ письма, которое губернаторъ прочелъ въ присутствіи пяти важныхъ чиновниковъ, дали приказаніе немедленно уѣхать; переводчики перевели это письмо по голландски. Переводъ дали капитану на бумагѣ. Прежде того, ему прислали множество всякой провизіи и возвратили оружіе, отобранное при его приѣздѣ. Бурная погода помѣшала ему на другой день выйти въ море; триста съ чѣмъ-то судовъ принялись тащить корабль и вытянулись на цѣлую милю.

Такъ корабль вышелъ изъ порта, въ которомъ никогда еще не бывало иностранцевъ.

Письмо, данное капитану, было слѣдующаго содержанія:

«Я узналъ изъ устъ претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, что они, мои соотечественники, привезены обратно на вашемъ кораблѣ и что съ ними обходились хорошо. Но по нашимъ законамъ, ихъ могли привезти въ отечество только Китайцы или Голландцы; впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ сдѣлано будетъ исключеніе, потому что возвращеніе этихъ претерпѣвшихъ крушеніе (*чрезъ ваше посредство*) должно быть приписано незнанію нашихъ законовъ. На будущее время японскіе подданные не будутъ принимаемы при подобныхъ обстоятельствахъ. Вотъ въ чемъ васъ предупреждаютъ; то же скажите и другимъ.

«Какъ въ слѣдствіе долгаго путешествія, у васъ оказывается недостатокъ въ провизіи, дровахъ и водѣ, то обращено вниманіе на вашу просьбу, и вамъ будетъ доставлено все необходимое.

«Тотчасъ по полученіи этого приказанія корабль долженъ уѣхать и возвратиться какъ можно скорѣе въ собственное отечество.»

Документъ этотъ ясно показывалъ, что японское правительство рѣшилось удержать прежніе законы о недонущеніи иностранцевъ (кроме Голландцевъ и Китайцевъ); но

рѣшимость выказалась еще ярче при новой, неожиданной попыткѣ.

Нидерландскій посланникъ въ Парижѣ доставилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ ноту, которая напоминала, согласно желанію японскаго правительства, императорскій приказъ, обнародованный въ 1843 году, слѣдующаго содержанія:

«Японцы, претерпѣвшіе крушеніе, могутъ быть привозимы въ свое отечество только голландскими и китайскими кораблями; если ихъ привезутъ корабли другихъ націй, *то они не будутъ приняты*. Японскимъ подданнымъ запрещено изслѣдовать берега или острова имперіи; тѣмъ болѣе *это запрещеніе* распространяется на иностранцевъ.»

Нидерландскому посланнику приказано было прибавить къ этому, что японскія власти изъявили желаніе, чтобы голландское правительство взяло на себя трудъ сообщить это распоряженіе другимъ націямъ. Такимъ образомъ, только послѣ двухъ новыхъ сношеній между обоими народами, рѣшились Японцы просить Голландцевъ о сообщеніи этого извѣстія прочимъ націямъ. Голландія не спѣшила исполнить желаніе японскаго правительства, потому что Франція въ 1843 г. вовсе не думала заводить сношенія съ Японіей. Мысль объ этомъ родилась гораздо позже. При этомъ случаѣ нидерландскій по-

сланникъ не упомянулъ о великодушной попыткѣ Нидерландскаго короля въ 1844—45 г., — попыткѣ, неимѣвшей успѣха, но тѣмъ не менѣе замѣчательной.

Ни Франція, ни Сѣверо-Американскіе Штаты ничего не знали о благородномъ предложеніи короля Голландскаго, когда адмиралъ Сесиль, командиръ французскаго флота въ китайскихъ моряхъ, и коммодоръ Бэдль (*Biddle*), Американецъ, начальникъ линейнаго корабля и принадлежащаго къ нему фрегата, явились—послѣдній передъ Едо, первый въ Нагазаки (что было гораздо благоразумнѣе).

Цѣли этихъ двухъ моряковъ были совершенно различны. Французскій адмиралъ, по собственному произволу, пошелъ къ японскимъ берегамъ и остановился съ кораблями своими въ Нагазаки, съ желаніемъ показать Японцамъ, что у Франціи есть также большіе корабли, съ хорошо обученнымъ экипажемъ, который умѣетъ драться. Напротивъ того американскій коммодоръ получилъ инструкціи, которыми поручали ему завести торговые сношенія съ Японіей.

Американскіе корабли едва бросили якорь, какъ ихъ окружили вооруженныя суда и множество лодокъ; въ каждой сидѣло не болѣе двухъ человекъ. Два чиновника вошли на палубу и принесли флагъ коммодора; они положили на оба конца корабля двѣ па-

лодки съ бандеролемъ; коммодоръ позволилъ имъ распоряжаться; но когда узналъ, что палочки означаютъ запрещеніе всякаго сообщенія, какъ съ берегомъ, такъ и съ другимъ американскимъ кораблемъ, то немедленно приказалъ снять ихъ, чему японскіе чиновники не воспротивились. Когда шлюпка корабля хотѣла идти къ фрегату, лодки столпились около нея, но дали ей дорогу, когда капитанъ рѣшительно приказалъ ей идти впередъ. Письменная нота, въ которой коммодоръ объяснялъ цѣль своего прибытія, пошла во дворецъ сіюгуна, который находился не далеко отъ того мѣста, гдѣ стояли американскіе корабли. Дожидаясь отъѣта, японскіе чиновники разговаривали съ коммодоромъ посредствомъ японскаго переводчика, который превосходно зналъ по голландски. Они были очень учтивы и, казалось, ни мало не хотѣли оскорбить, ни даже огорчить иностранцевъ. Поведеніе ихъ нисколько не напоминало о китайской докучливости и коварствѣ. Черезъ нѣсколько времени привезли отвѣтъ; онъ состоялъ въ томъ, что никакъ нельзя завести торговыхъ сношеній съ Американцами. Американскіе корабли снялись съ якоря, и при слабомъ вѣтрѣ, коммодору предложили вывести его изъ порта гребными судами. Коммодоръ принялъ такую услугу. Официальный рапортъ его на-

печатанъ недавно; мы переводимъ его безъ измѣненій, потому что онъ вполне достоинъ вниманія. Въ немъ нѣтъ ни новыхъ политическихъ взглядовъ, ни новыхъ наблюдений и замѣчаній о нравахъ, мѣстности, народномъ характерѣ и пр., но весь рассказъ дышетъ оригинальною откровенностью и военною аккуратностью, которыя внушаютъ довѣріе.

*«Начальнику морской силы въ Вашингтонъ,
Достоп. г. Банкрофту.*

Съ корабля *Колумбусъ*, принадлежащаго Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, въ виду японскихъ береговъ, 31 іюля 1846 года.

«Милостивый Государь,

«Колумбусъ и Винсенъ отправились отъ острова Чусана 6-го текущаго мѣсяца. Какъ ваши инструкціи предписывали мнѣ оевѣдомиться, нельзя ли проникнуть въ японскіе порты, я направился отъ береговъ китайскихъ къ японскимъ.

«Японцы, какъ вамъ извѣстно, всегда были неумолимѣе къ иностранцамъ, чѣмъ даже самыя Китайцы. Къ торговлѣ тамъ допускаютъ однихъ только Европейцевъ, то есть Голландцевъ изъ Батавіи, и вся торговля ихъ ограничена однимъ портомъ и однимъ кораб-

лемъ ежегодно. По японскимъ законамъ, иностранные корабли не могутъ заходить ни въ какой другой портъ, кромѣ Нагазаки. Попытка зайти въ этотъ портъ была бы неблагоприятно принята Голландцами, которые до сихъ поръ всѣми силами старались удержать за собой монополию. Японскіе чиновники, живущіе въ Нагазаки, не имѣютъ права вступить въ переговоры съ иностранцами; они не могутъ принять ни какого предложенія; могутъ только передать его главному правительству въ Иедо (*).

«Разстояніе между Нагазаки и Иедо составляетъ 347 миль, и путешествіе между этими городами совершается обыкновенно въ семь недѣль, если вѣрить сочиненію, изданному въ Нью-Йоркѣ объ Японіи въ 1840 году. Поэтому я рѣшился отправиться прямо въ заливъ Иедо, гдѣ и бросилъ якорь 16 числа сего мѣсяца, вмѣстѣ съ фрегатомъ *Винсенъ*. Мы еще не успѣли остановиться, какъ японскій чиновникъ съ голландскимъ переводчикомъ посѣтили насъ. Онъ спросилъ, зачѣмъ я прибылъ въ Японію. Я отвѣчалъ, что прибылъ, какъ другъ, узнать, не открыла ли Японія своихъ портовъ иностранцамъ, подобно Китаю, и если это такъ, то заключить условія, на которыхъ американскіе корабли

(*) И этого не могутъ.

могутъ торговать съ Японіей. Онъ просилъ меня написать этотъ отвѣтъ, и я написалъ ему ноту, съ которой копія при семъ прилагается. Онъ увѣдомилъ меня, что правительство дастъ мнѣ всѣ потребности, въ которыхъ мнѣ встрѣтится нужда. На вопросъ мой: позволено ли мнѣ будетъ выйти на берегъ? онъ отвѣчалъ отрицательно. Онъ хотѣлъ было, чтобъ *Колумбусъ* и *Винсенъ* не сообщались посредствомъ шлюпокъ, но я настаивалъ на этой необходимости, и онъ уступилъ мнѣ. Скоро окружило насъ множество казенныхъ судовъ, и толпа Японцевъ взошла на палубу. Я не мѣшалъ имъ, чтобъ могли убѣдиться въ дружескомъ нашемъ расположеніи и видѣли, что мы можемъ во всякомъ случаѣ защитить себя (*to take care of ourselves*).

«На слѣдующее утро чиновникъ высшаго чина пріѣхалъ къ намъ. Онъ замѣтилъ мнѣ, что иностранные корабли, входя въ японскіе порты, всегда высылаютъ на берегъ свои пушки, ружья, сабли, и пр. Я отвѣчалъ ему, что мнѣ невозможно сдѣлать этого, и увѣрялъ его, что пришелъ съ мирными намереніями. Онъ сказалъ мнѣ, что вчерашнее мое писанье представлено императору, который находится теперь внѣ Іедо, и что отвѣтъ будетъ данъ черезъ пять или шесть дней. Я спросилъ у него, зачѣмъ насъ ок-

ружили лодками? Онъ отвѣчалъ, что онѣ поставлены тутъ на случай, если мы пожелаемъ, чтобъ онѣ тащили насъ. Это, разумѣется, было несправедливо; цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы мы не могли имѣть сообщенія съ берегомъ. Когда мы послали наши шлюпки измѣрить глубину воды около того мѣста, гдѣ мы стояли, то съ ними пошло множество лодокъ, но онѣ нисколько не беспокоили нашихъ шлюпокъ. Во все время нашего пребыванія въ заливѣ, эти лодки не разставались съ нами. У меня на кораблѣ находились копіи, на китайскомъ языкѣ, съ трактатовъ, заключенныхъ съ Французами, Англичанами, Американцами. Я предложилъ эти трактаты японскому чиновнику, который не согласился принять ихъ и объявилъ, что не можетъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія своего императора. Потомъ я предлагалъ эти же трактаты другимъ японскимъ чиновникамъ, но и тѣ также отказались принять ихъ.

«Не бесполезно, можетъ быть, сказать, что въ первый день, какъ Японцы взялись доставить мнѣ воды, они прислали мнѣ сто восемьдесятъ галлоновъ, а на другой восемьсотъ. Мы ежедневно употребляли около восьмисотъ галлоновъ. Я сказалъ чиновнику, что пошлю шлюпки за водою на берегъ, если не буду получать ее столько, сколько намъ

нужно. Онъ возразилъ, что произойдетъ неприятность, если я пошлю шлюпки на берегъ; я отвѣчалъ, что найдусь принужденнымъ сдѣлать неприятность, если намъ не будутъ доставлять того, что намъ необходимо. На третій день привезли намъ тысячу сто галлоновъ, а на четвертый почти десять тысячъ.

«25-го числа, не получивъ отвѣта на письмо, высланное на берегъ назадъ тому пять дней, я выразилъ японскому чиновнику свое удивленіе по этому случаю и просилъ его увѣдомить губернатора въ Иедо, что прошу отвѣта какъ можно скорѣе.

«27-го числа, чиновникъ, со свитой изъ восьми человекъ, пріѣхалъ къ намъ съ императорскимъ отвѣтомъ. Отвѣтъ переведенъ японскимъ переводчикомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«По японскимъ законамъ, Японцы могутъ торговать только съ Голландцами и Китайцами. Не будетъ позволено Америкѣ заключить торговый трактатъ съ Японіей, какъ не будетъ это дозволено ни какой другой націи. Все относящееся до иностранцевъ опредѣляется въ Нагазаки, а не въ здѣшнемъ заливѣ; по этому вы должны уѣхать какъ можно скорѣе и не возвращаться сюда.»

«Я замѣтилъ чиновнику, что Северо-Аме-

риканскіе Штаты желаютъ заключить торговый союзъ съ Японіей, если сама Японія того желаетъ; что я прибылъ узнать объ этомъ желаніи, и, убѣдившись, что она не намѣрена еще открыть своихъ портовъ внѣшней торговлѣ, уѣду завтра же, если погода позволитъ. Отвѣтъ мой, по просьбѣ чиновника, я былъ принужденъ написать и отдать ему. Я отправилъ письмо императора къ доктору Паркеру, съ просьбою, чтобъ онъ перевелъ его и доставилъ вамъ переводъ, вмѣстѣ съ самымъ оригиналомъ.

«Могу упомянуть здѣсь, что консулъ нашъ въ Шапгаи, г. Уалькотъ сообщилъ мнѣ, что онъ купилъ значительный грузъ американской хлопчатой бумаги для китайскихъ купцовъ, которые отправятъ ее въ Нагазаки. Можетъ быть, такимъ способомъ мы могли бы доставлять Японіи весь запасъ хлопчатой бумаги, которая ей потребна.

«Во время пребыванія въ Батавіи, въ прошломъ октябрѣ мѣсяцѣ, я узналъ, что голландская торговля съ Японіей не достигаетъ до значительной суммы; что барыши едва покрываютъ расходъ факторіи и только что вознаграждаютъ обычные подарки, и что Голландцы держатся за эту торговлю единственно или главнѣйше потому, что флагъ ихъ—только одинъ флагъ, принимаемый въ этой странѣ; такое предпочтеніе лестно ихъ на-

родной гордости. Эти подробности подтверждаются тѣмъ, что голландская компанія въ Индіи добровольно предоставила торговлю съ Японіей своему правительству назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Онѣ же подтверждаются и письмомъ ко мнѣ отъ консула нашего въ Батавіи, г. Робертса, опытнаго негоціанта, который уже давно живетъ въ этихъ краяхъ.

«Остается мнѣ увѣдомить васъ объ одномъ непріятномъ обстоятельстве. Въ то утро, когда пріѣхалъ чиновникъ съ императорскимъ письмомъ, меня попросили сойти на его джонку для принятія письма. Я отказалъ въ этомъ требованіи и объявилъ переводчику, что мнѣ должно передавать письма, ко мнѣ адресованныя, на моемъ кораблѣ. Чиновникъ согласился со мной, но полагалъ, что какъ мое письмо было принято отъ меня на американскомъ кораблѣ, такъ письмо императора должно быть отдано на японскомъ кораблѣ. Какъ японскій чиновникъ, хотя приписывалъ важность этому обстоятельству, тотчасъ согласился устранить несогласіе, то я счелъ полезнымъ сдѣлать ему удовольствіе и сказалъ переводчику, что поѣду на японскій корабль и тамъ приму письмо. Переводчикъ поѣхалъ къ чиновнику. Черезъ часъ, я надѣлъ мундиръ и въ шлюпкѣ своей прибылъ къ японскому кораблю. Когда я всходилъ на корабль, одинъ Японецъ ударилъ меня

и отбросилъ въ шлюпку. Я тотчасъ закричалъ переводчику, чтобъ схватили этого человека, и вернуися на свой корабль въ сопровожденіи переводчика и многихъ японскихъ чиновниковъ.

«Всѣ они изъявляли величайшее сожалѣніе о томъ, что случилось, увѣряя, что виновный — простой солдатъ и будетъ строго наказанъ. Они спрашивали у меня, какъ я желаю, чтобъ онъ былъ наказанъ; я отвѣчалъ. «По японскимъ законамъ.» — Я замѣтилъ, что и сами чиновники очень виноваты. Они должны были быть на палубѣ и встрѣчать меня. Они объявили, что никакъ не ожидали видѣть меня, и я дѣйствительно убѣдился, что, по ошибкѣ переводчика, они думали, что мое послѣднее рѣшеніе было принять ихъ на моемъ кораблѣ. Я постарался объяснить имъ, какъ велико это оскорбленіе, и сколько они обязаны моей скромности, моему снисхожденію. Они показывали досаду и страхъ и всячески старались успокоить меня. Въ тотъ же день губернаторъ Іедо прислалъ ко мнѣ чиновника сказать, что солдатъ будетъ строго наказанъ, и выразить надежду, что я не примусь за это дѣло серьезно. Поступокъ этого солдата тѣмъ необъяснимѣе, что всѣ Японцы, бывшіе какъ у насъ на кораблѣ, такъ и около насъ, показывали чрезвычайно доброе расположение

(*great good nature*) въ сношеніяхъ съ нами.

«Убѣдая, что оскорбленіе совершено безъ участія и безъ вѣдома японскихъ властей, и видя, что мнѣ готовы оказать всякое вознагражденіе, я бы даже ни слова не донесъ вамъ объ этомъ происшествіи, еслибъ не думалъ, что журналы могутъ представить его не въ настоящемъ его видѣ.

«Я вышелъ изъ залива Іедо 29-го числа. Вчера разстались мы съ *Винсеномъ*. При семъ прилагаются данныя ему инструкціи.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ

«Вашъ покорнѣйшій слуга

«*Джемсъ Бредль.*»

Японцы показали себя въ этомъ случаѣ столько учеными, столько услужливыми, сколько имъ позволяютъ ихъ законы. Въ то же время они дѣйствовали съ рѣшимостію и твердостію, которыя составляютъ главную черту характера ихъ правительства. Американскіе офицеры были особенно поражены ихъ обращеніемъ съ иностранцами, во все непохожимъ на обращеніе Китайцевъ. Въ наружномъ видѣ Японцевъ, въ ихъ жестахъ, разговорѣ есть особая ловкость, достоинство и откровенность, которыхъ почти никогда не встрѣчаешь въ сосѣдяхъ ихъ, Ки-

*

тайцахъ. Съ этимъ согласны всѣ путешественники, и нельзя сомнѣваться въ нравственномъ превосходствѣ Японцевъ надъ жителями Небесной Имперіи. Разсказъ о попыткѣ адмирала Сесилия, мы возьмемъ изъ журнала *des Débats* (5-го января 1847), зная, что въ этой статьѣ подробности изложены вѣрно.

«Адмиралъ Сесиль вышелъ изъ Манилы 18 іюля 1846 года и 28 числа того же мѣсяца бросилъ якорь въ Нагазаки (*).

«Едва успѣли они бросить якорь, какъ ихъ

(*) Тутъ *Journal des Débats* прибавляетъ: Нынѣ, когда сила обстоятельствъ увлекаетъ къ этимъ мѣстамъ всѣ коммерческія и морскія державы, когда Голландія употребляетъ новыя усилія, чтобы развитъ сношенія свои съ этою страной, когда американскій коммодоръ посѣщаетъ ее и привозитъ къ ея повелителю письмо отъ президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, когда адмиралъ Кохренъ ѣздитъ туда показывать британскій флагъ, и Англія вѣроятно скоро рѣшится сдѣлать проломъ въ этой недоступной имперіи, — какъ слѣдовало бы обвинять французскаго адмирала, еслибъ онъ явился въ этихъ моряхъ только для того, чтобы сохранить постыдное *инкогнито*! У адмирала Сесилия была въ распоряженіи такая сила, какой не бывало ни у одного моряка, ходившаго въ эти мѣста; разумѣется, ему дали ее для того, чтобъ онъ воспользовался ею. Стало быть онъ долженъ былъ вести корабли свои въ японскія воды; но не имѣя спеціальныхъ инструкцій, онъ не могъ вступить въ переговоры; онъ въ самомъ дѣлѣ и не думалъ о нихъ. Во всякомъ случаѣ онъ обязанъ былъ представить Японцамъ Францію, если не союзною, такъ дружелюбною державой.

«Это онъ и сдѣлалъ.»

окружили множество лодокъ съ любопытными, съ товарами, съ овощами, живностью и съ свѣжими припасами, которые были привезены для продажи (*полно такъ ли?*). Въ томъ числѣ нѣсколько лодокъ, побогаче украшенныхъ, привезли чиновниковъ, которые тотчасъ же взошли на французскій корабль, безъ недовѣрчивости, но и безъ заносчивости. Они пріѣхали просить адмирала, именемъ своихъ законовъ и для сохраненія собственной своей жизни, не дѣлать попытокъ для выхода на берегъ. Впрочемъ, они были очень учтивы, обязывались доставить кораблямъ все, что можетъ имъ понадобится и особенно хотѣли взглянуть на огромныя орудія, которыхъ большая часть Японцевъ никогда не видывала....

«Ночью, на берегу зажгли много огней; на островѣ замѣчалось большое движеніе, особенно въ фортахъ и баттарейхъ, которыми окруженъ превосходный портъ Нагазаки. Впрочемъ, Японцы принимали только простыя мѣры осторожности, потому что на другой день, на развѣтѣ, тѣ же посѣтители и еще множество другихъ пріѣхали опять на корабль. Все происходило, какъ наканунѣ: та же учтивость, то же мирное расположеніе, и та же страсть разсматривать все, что попадалось имъ на глаза. Когда вопросы ихъ истощились, и они записали все, что хотѣли

(между ними были писцы, которые не переставали писать целый день), адмиралъ объявилъ имъ вечеромъ, что запасся провіантомъ и потому уйдетъ въ море, для продолженія пути своего....

«Теперь дворъ въ Тедо знаетъ, по донесеніямъ своихъ чиновниковъ, что Франція также имѣетъ большіе корабли; что на нихъ хорошо-обученные экипажи, которые умѣютъ защищать права своей страны и интересы своихъ соотечественниковъ.»

Передавъ слово въ слово эту статью, позволимъ себѣ сдѣлать на нее одно замѣчаніе. Нельзя не одобритъ поведенія французскаго адмирала, но не по тѣмъ причинамъ, которыя выставляетъ *Journal des Débats*. Еслибъ адмиралъ Сесиль и не зашелъ въ Японію, то нельзя было бы назвать его осторожность — постыднымъ инкогнито. Франція можетъ столь-же мало заниматься Японіею, сколько занималась сама Японія Франціей; и взгляды Японцевъ на большіе французскіе корабли нисколько не могъ измѣнить мнѣнія японскаго правительства на счетъ тѣхъ мѣръ, которыя оно приняло назадъ тому двѣсти лѣтъ для удаленія иностранцевъ изъ имперіи. Если Японія и приметъ когда нибудь европейскія идеи, то вѣрно приметъ ихъ мирнымъ путемъ.

Овермеръ Фишеръ, говоря о невозможно-

сти вторженія въ Японію, излагаетъ такъ свое мнѣніе о характерѣ этихъ гордыхъ островитянъ.

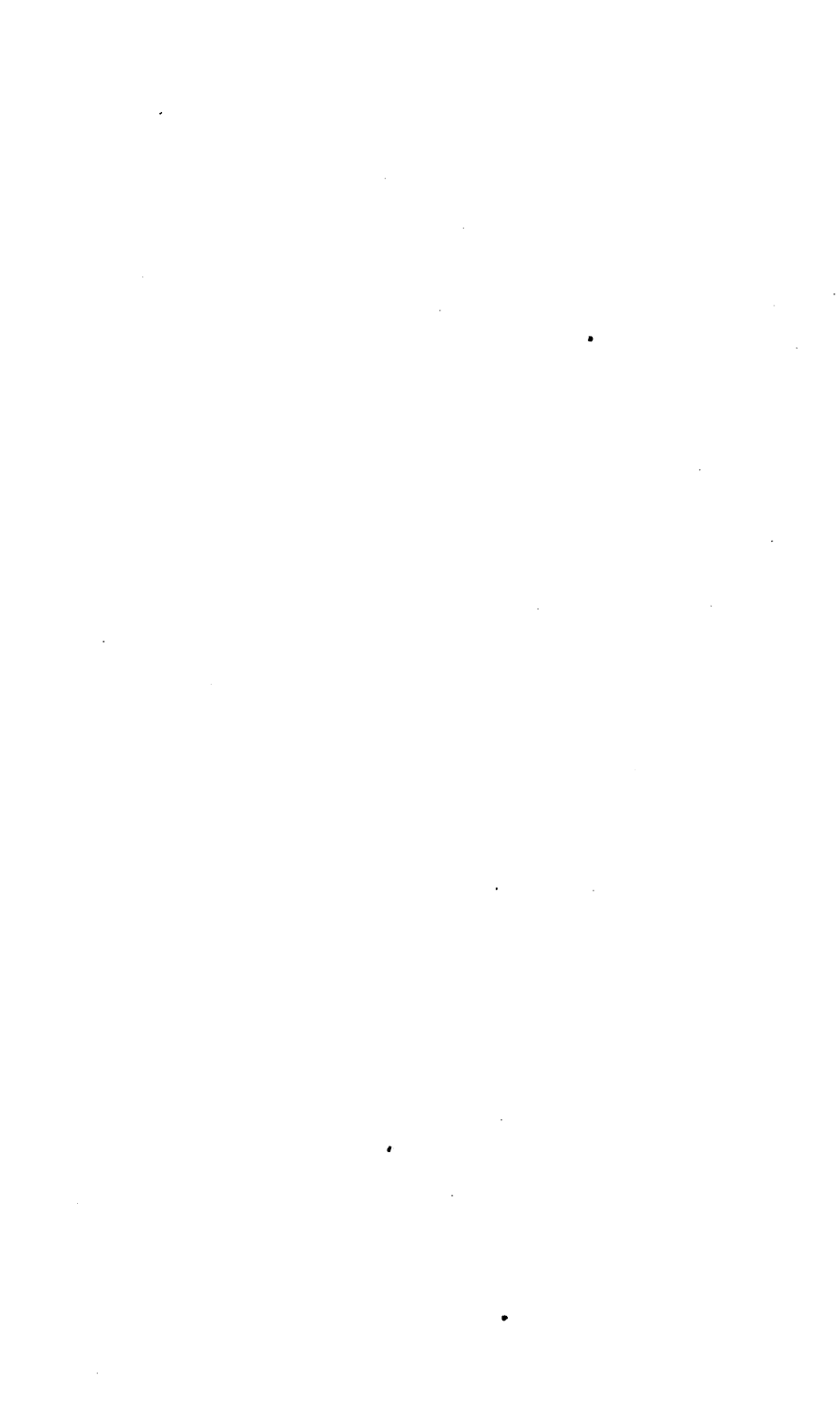
Японцы будутъ непобѣдимы до тѣхъ поръ, пока станутъ безусловно придерживаться настоящихъ своихъ учрежденій. Японецъ скорѣе умретъ, чѣмъ оставитъ порученный ему постъ: онъ знаетъ, что Японцу, который измѣнилъ принятому обычаю, нѣтъ никакой возможности оправдаться или быть оправданнымъ. Когда онъ хочетъ серьезно попросить, или торжественно подтвердить слова, или выразить самое горделивое чувство, онъ говоритъ только: «Я Японецъ!» Какое вторженіе возможно въ страну, которая, кромѣ того, что защищена самой природой, защищается единодушнымъ народомъ, состоящимъ почти изъ сорока милліоновъ душъ!

Таковы убѣжденія бѣльшей части Голландцевъ. Съ ними не соглашаются нѣкоторые публицисты, англійскіе и французскіе. Последние ставятъ на видъ несомнѣнное превосходство средствъ атаки, которыми владѣютъ Европейцы, надъ средствами защиты, какія можетъ доставить самый пламенный патріотизмъ. Они ставятъ на видъ, какъ Кравфордъ, что Японская Имперія, состоя изъ множества острововъ, можетъ быть атакована и подвергается опасности во многихъ

пунктахъ; что она составлена изъ нѣсколькихъ княжествъ, которыя сохранили отчасти прежнюю свою независимость, и что ихъ можно оторвать отъ Іедо; что во всякомъ случаѣ, легко завладѣть однимъ изъ острововъ и держаться на немъ, съ помощію значительной морской силы, противъ всѣхъ военныхъ силъ Японской Имперіи, и пр. Нельзя отвергать справедливости нѣкоторыхъ изъ этихъ предположеній; но очевидно, что завоеваніе Японіи или даже одного острова потребуетъ значительныхъ силъ, будетъ стоять чрезвычайно дорого, и едва ли поведетъ къ достиженію цѣли. Трудности, порождаемыя недовѣрчивостію японскаго правительства къ иностранцамъ, не должно считать непреодолимымъ препятствіемъ. Въмѣсто того, чтобъ нападать прямо на эту неприступную позицію, надобно ловко обойти ее и къ этому есть два средства, которымъ принадлежитъ вся будущность: цивилизація и торговля. Японцы пріучились видѣть Голландцевъ и Китайцевъ; также привыкнуть и къ Русскимъ, и къ Англичанамъ, если эти просвѣщенные націи чаще будутъ посылать туда ученыя экспедиціи, столь важныя и полезныя какъ для самой науки, такъ и для торговаго мореходства.

Въ числѣ элементовъ успѣха въ этомъ затруднительномъ дѣлѣ слѣдуетъ считать откры-

тый характеръ Японцевъ, ихъ врожденную любовь къ обществу, ихъ умную любознательность, ихъ замѣчательное стремленіе къ дѣльному и разностороннему образованію, котораго единственнымъ и неизсякаемымъ источникомъ они считаютъ Западъ. Можетъ быть, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, Японія уступитъ, не европейскимъ паровымъ фрегатамъ и баттареямъ, а соединенному и неотразимому вліянію ума, науки, торговли и промышленности Европейцевъ. Эта нравственная побѣда будетъ вѣрнѣе и прочнѣе всякой другой, какъ бы ни были блистательны успѣхи оружія.

ЯПОНСКІЯ ЗАВЕДЕНІЯ

НА ЮГѢ И СѢВЕРѢ ЯПОНИИ.

Описывая географическое раздѣленіе Японской Имперіи, мы указали, какъ на принадлежность Японіи, на слѣдующіе острова: *Иезо*, *Гикази-Иезо* (южные Курильскіе), *Кита-Иезо* (Крафто), *Бонинъ* (Мунинъ-сима) и архипелагъ *Лиу-киу*. Острова эти еще недовольно хорошо обслѣдованы. Извѣстія о нихъ доставлены несчастнымъ Лаперузомъ и знаменитымъ Крузенштерномъ. Архипелагъ *Бонинъ* состоитъ изъ трехъ или четырехъ группъ и изъ сотни острововъ или островковъ и утесовъ. Главнѣйшій изъ этихъ острововъ, *Бонинъ-Сима*, открытъ Японцами, кажется, въ 1675 году, и получилъ такое названіе, потому что они не нашли на немъ жителей (*).

(*) Монинъ или Бонинъ, по китайски *Ву-жинъ* (Woo-jin), значитъ *безъ жителей*. Въ Кемпферъ мы находимъ въ I томѣ на стр. 60: «Они назвали его Бунезима или островъ Буне, потому что не нашли на немъ жителей.»

Впрочемъ, можетъ быть, имя это относится къ сѣверной группѣ, потому что два главнѣйшіе острова, у японскихъ географовъ, называются *Кита-сима* и *Мизамизи-сима*. Европейцы знаютъ только одинъ островъ, принадлежащій къ сѣверной группѣ, на которомъ былъ Бичи въ 1827 году и который онъ назвалъ *островомъ Пила, Пильсъ-Эйландъ, (Peel's Island)*. На южной части острова основались нѣсколько искателей приключеній изъ Американцевъ. Англичанъ, одинъ Датчанинъ, одинъ Генуезецъ; они привезли съ собою туземцевъ съ Сандвичевыхъ острововъ, и учредили небольшое заведеніе, которое иногда посѣщается китоловами. Сначала оно называлось *портъ Лойдъ*, потомъ *портъ Сенъ-Джорджъ* и наконецъ *портъ Сенъ-Вильямъ*, если вѣрить разсказу доктора Рушенбергера, который, путешествуя на американскомъ фрегатѣ *Peacock*, останавливался на островахъ Бонинъ въ 1836 году. Объ японскихъ заведеніяхъ на этихъ островахъ мы ничего не знаемъ; объ этомъ нѣтъ ни слова въ самыхъ новыхъ путешественникахъ.

ІЕЗО И СОСѢДНІЯ ЗЕМЛИ.

Проходъ, открытый Лаперузомъ въ 1787 году, на сѣверѣ Японіи, между 45° и 46° , раздѣляетъ на двѣ части островъ, который до сихъ поръ считался цѣлымъ. Верхняя часть есть *Оку-Іезо*, то-есть *Верхній или Сѣверный Іезо* японскихъ картъ, онъ же *Таракай* (*Шока, Сахалинъ, Карафутто, Крафто*), а южная часть составляетъ самый островъ *Іезо*, котораго южная оконечность, *Мацмай*, отдѣляется заливомъ *Сангаръ* отъ сѣверной оконечности *Ниппона*. Самому южному мысу острова Крафто, Лаперузъ далъ имя *Мысъ Крильонъ*. Съ высоты этого мыса можно убѣдиться въ существованіи прохода, названнаго *проливомъ Лаперуза*, и еще въ существованіи сильнаго теченія, которое изъ открытаго океана стремится черезъ проливъ къ западу. Волны съ яростію разбиваются объ утесистые острова, лежащіе передъ мысомъ; одинъ изъ нихъ, въ четырехъ льѣ отъ мыса, наз-

ванъ *Опаснымъ*. На востокъ отъ мыса Крильона открывается, въ видѣ полумѣсяца, огромный заливъ *Анива*, который на востокъ ограниченъ другимъ мысомъ, называемымъ *Мысъ-Анива*. Страна эта была извѣстна мореходамъ, которые предшествовали Голландцамъ, и изслѣдована Крузенштерномъ. Но прежде представимъ извѣстія, собранныя Лаперузомъ, о жителяхъ южной оконечности острова *Шоки*, близъ Мыса-Крильона.

Это были первые изъ островитянъ, посѣтившіе чужеземный корабль. Жители обоихъ береговъ Татарскаго Залива нисколько не любопытствовали видѣть огромныя морскія зданія, хотя вѣроятно это были первые корабли, представившіеся ихъ глазамъ. Обитатели Мыса-Крильона, напротивъ того, скоро прибыли къ своимъ гостямъ. Изъ всѣхъ подарковъ, наиболѣе понравились имъ табакъ и водка. Одинъ изъ ихъ старшинъ, получивъ въ подарокъ бутылку водки, опустилъ въ воду двѣ или три капли, какъ жертвоприношеніе божеству. Лаперузъ говоритъ, что островитяне крѣпки, сложенія правильнаго и даже красиваго; кожа у нихъ самага темнаго цвѣта; руки, шея и спина покрыты волосами; борода спускается даже на грудь; въ обращеніи важны и надоедаютъ только тѣмъ, что безпрестанно просятъ подарковъ, но нисколько не благодарны за то, что получаютъ.

У нихъ хотѣли купить рыбы, но они требовали за нее непомерныхъ цѣнъ. Радость французскихъ мореходовъ, когда они открыли проливъ, располагала ихъ къ щедрости; но разница между поведеніемъ этихъ островитянъ и скромностію *Орочисовъ* была такъ разительна, что остановила первые порывы этой щедрости: послѣдніе едва принимали подарки, боясь, такъ сказать, принять слишкомъ много. Они, кажется, столько же превосходили островитянъ въ нравственномъ отношеніи, сколько островитяне превосходили ихъ тѣлеснымъ сложеніемъ, крѣпостію и промышленностію. Хотя это двѣ совершенно различныя породы, потому что одни происходятъ отъ Тунгузовъ, а другіе отъ Айносовъ, но и тѣ и другіе живутъ одинаковымъ образомъ, строятъ свои хижины по одному образцу, ставятъ въ нихъ грубые идолы и катаются въ одинаковыхъ пирогахъ. Оба племени не знаютъ ни земледѣлія, ни скотоводства и живутъ единственно звѣриною и рыбною ловлею. Первые принадлежатъ къ ослабѣвшимъ человѣческимъ породамъ, каковы Самоѣды и Лапландцы; послѣдніе, напротивъ, по наружности, крѣпче Манчжуровъ, Японцевъ и Китайцевъ; черты лица у нихъ почти европейскія. Одежда ихъ была сшита изъ матеріи, которую они сами прятотовляютъ; жилища опрятны, даже кра-

сивы, утварь почти вся японская; у многихъ были роскошныя лаковыя вазы. Въ обмѣнъ за эти разныя статьи, они предлагаютъ своимъ южнымъ сосѣдямъ вывозную статью, которой у тѣхъ недостаетъ: *ворвань*. Лаперузъ не видалъ ни одного кита въ Татарскомъ Заливѣ; но когда вошли въ Лаперузовъ Проливъ, то увидѣли ихъ множество, почти столько же, сколько въ проливѣ *Лемеръ*, у Огненной-Земли.—«Островитяне, говоритъ Лаперузъ, рѣжутъ китовъ на части, выпускаютъ жиръ на солнцѣ, собираютъ его въ корзины изъ древесной коры и въ мѣхъ изъ кожъ акулы, и это произведение составляетъ ихъ богатство. Кажется, въ земляхъ ихъ нѣтъ металловъ; Французскіе естествоиспытатели нашли только произведенія волканическія. Растительность не богата, однакоже сильнѣе растительности на противоположномъ континентѣ. Эти островитяне, при своихъ физическихъ преимуществахъ, храбрѣе жителей материка, которые не могутъ стрѣлами бить медвѣдей и лосей и ставятъ имъ капканы и силки. Напротивъ того, Айносы-островитяне, на зимней охотѣ, часто входятъ въ борьбу съ медвѣдями и убиваютъ ихъ стрѣлами и палицами. Изъ этихъ опасныхъ дуелей они часто выносятъ раны, которыя показываютъ съ гордостію. *Пирогги* суть выдолбленные сосновые стволы,

которые сидятъ отъ двѣнадцати до пятнадцати дюймовъ въ водѣ. Помѣщается въ *нирôгъ* отъ шести до семи человѣкъ; они ѣздятъ въ этихъ грубыхъ судахъ отъ 42° до 53° сѣв. шир.; проѣзжаютъ въ день по двѣнадцати льё, но не отходятъ отъ береговъ болѣе, чѣмъ на пистолетный выстрѣлъ, развѣ только для переѣзда съ одного острова на другой. Какъ ловятъ они китовъ, до сихъ поръ не извѣстно. Даже Крузенштернъ не говоритъ объ этомъ ни слова; но упоминаетъ, что они ловятъ сивучей и моржей. Не изъ этихъ ли животныхъ получаютъ жиръ, и не ошибся ли Лаперузь? Крузенштернъ замѣчаетъ, что даже Японцы въ его время не занимались китоловствомъ, хотя заливъ Анива очень богатъ китами. Японскій писатель Ринсифе тоже говорилъ, что они не умѣютъ ловить китовъ, но считаютъ ихъ своими благодѣтелями, потому что киты гонятъ къ берегу множество рыбы. Когда стали спрашивать жителей залива *Анивы* объ ихъ островѣ, они обрисовали его точно такъ же, какъ и западные ихъ соотечественники, принадлежащіе къ тому же племени; означили каждую станцію каботажнаго плаванія и сказали имя каждой. Удивительно, что они, какъ и прочіе Айносы, довольно хорошо знаютъ Амуръ, хотя живутъ отъ него далеко (болѣе полутора ста льё). Надобно полагать,

что рѣка эта часто бываетъ посѣщаема, хотя устье ея почти необитаемо. Безъ Амура, который, какъ и всѣ большія рѣки, есть главное средство сообщенія и безъ *Манчжуровъ*, которые здѣсь ведутъ сношеніе съ Западомъ, островитяне Мыса-Крильона не знали бы ни *Орочи*, ни Китайцевъ, ни Тунгузовъ. Надобно замѣтить, что тартарійскій берегъ отдѣленъ рѣкою Амуромъ и что онъ не посѣщается ни Китайцами ни Корейцами, можетъ быть, по причинѣ негостепріимныхъ горъ, или по незнанію, или наконецъ по причинамъ политическимъ.

Восточный берегъ, близкій къ ихъ берегу, оказался совершенно незнакомымъ племени, живущему около Мыса-Крильона. Но они очень хорошо знали островъ *Іезо* и называли его *Чиха* или *Чика*. Они получаютъ оттуда японскіе товары охотнѣе, чѣмъ китайскіе; это особенно слѣдуетъ приписать тому, что на южной оконечности острова *Іезо* давно уже существуетъ японская колонія, называемая *Мацмай*.

Лаперузъ замѣчаетъ, что окрестности Мыса-Крильона, съ жилищами на высотахъ около мыса, среди зеленѣющихъ холмовъ и ручейковъ, показались ему не безъ прелести. Онъ говоритъ, что Айносовъ на южной оконечности острова до трехъ тысячъ душъ. Всѣ же племена, найденныя экспедиціею

на всемъ тартарійскомъ берегу, едва ли могли бы доставить три сотни человѣкъ (*).

Туземцы Мыса-Крильонъ не знали названія *Иезо* и *Оку-Иезо*; свой островъ называли они *Шока*, и Лаперузъ сохранилъ ему это имя. Онъ полагалъ, что жители цѣпи Курильскихъ острововъ и жители *Иезо* и *Шока* принадлежать къ одному племени, по своему характеру и происхожденію, но отличны отъ жителей азійскаго материка, и что это не колонія, высланная съ континента. Однакожъ Клапротъ (въ *Asia polyglotta*, стр. 302) замѣчаетъ, что между нарѣчіями айно и самоподскими есть сходство; кромѣ того, есть сходство даже съ языками Сѣверной Азіи. Лаперузъ же утверждаетъ, что нарѣчіе на *Иезо*, *Шока* и на Курильскихъ островахъ происходитъ изъ одного корня; и это подтверждается ея филологическими розысканіями Клапрота, который сравнивалъ словарь айно—или курильскій южной оконечности Камчатки (обыкновенно называемый Курильской-Донаткой)

(*) Риттеръ (въ *Encyclopædie, Asien*, Band. III, стр. 468) замѣчаетъ, что весь берегъ къ сѣверу отъ Кореи долженъ быть одною изъ пространѣйшихъ пустынь на Зѣмномъ Шарѣ, если принять въ соображеніе самое мѣстоположеніе, лежащее подъ негостепріимными широтами. На пространствѣ тысячи морскихъ миль по берегу, корабль въ триста тоннъ едва ли вынесъ бы себѣ достаточный грузъ.

съ словарями Курильцевъ и Айно, живущихъ на островѣ *Iezo* и на *Tarakaï* (*).

Сами себѣ они даютъ названіе *Айно*, то есть, людей; имя Курилецъ, вѣроятно, происходитъ, по словамъ Клапрота, отъ *куръ* или *гуру*, что значитъ то же человѣкъ или племя. Дѣйствительно, эти племена, разсѣянные по островамъ и разъединенныя бурнымъ моремъ, должны происходить отъ одного корня. Нельзя думать, чтобъ они могли сдѣлать *прямой переездъ* изъ Камчатки до *Щоки*, въ утлыхъ своихъ пирогахъ, по такимъ бурнымъ волнамъ, на разстояніи ста двадцати географическихъ миль; однакоже *постепенное распространеніе* съ одного острова на другой, изъ одного залива въ слѣдующій, вдоль цѣпи Курильской, кажется очень вѣроятнымъ. Также понятно, что туземцы могли пробраться къ Амуру, чрезъ *Iezo*, а потомъ вдоль большаго острова *Щока*.

Знаменитый Крузенштернъ довершилъ дѣло, начатое Лаперузомъ. 2-го мая 1805 года вошелъ онъ въ заливъ на сѣверной оконечности острова *Iezo* (*Iezo* или *Иезо*, по Клап-

(*) См. *Asia polyglotta*, стр. 300—315. См. также *Sankof tsou han to sets*, соч. Ринсифе (Общій взглядъ на три государства), переводъ съ японо-китайскаго оригинала Клапрота. Парижъ, 1832—1838 г.—*Vocabulaire de la langue des Aïnos, de Kamtschatka, de Tarrakai et de Iezo*, 242—255.

роту, *Инсу* или *Энсо* по Броутону); этотъ заливъ онъ называлъ *Румянцевымъ*, возлѣ мыса *Румянцева* подъ $45^{\circ} 25' 50''$. Во многихъ мѣстахъ лежалъ еще плотный снѣгъ; не было ни малѣйшихъ признаковъ весны, ни зелени, ни листьевъ. Въ Камчаткѣ, говоритъ Крузенштернъ, въ это время гораздо теплѣе. Въ Западной Россіи, только въ Архангельскѣ, то есть, восемнадцатью градусами ближе къ сѣверу, погода такъ сурова въ апрѣлѣ, какъ здѣсь въ *май*. Русская экспедиція, только что вышедшая изъ Японіи (16 апрѣля 1805) и сказавшая тамъ, что имѣетъ намѣреніе пройти между Японіею и Кореей, должна была возбудить подозрѣніе въ японскомъ правительствѣ. Переводчикамъ предоставили объяснить Крузенштерну невозможность пройти между Японіей и *Иезо*, по проливу *Сангаръ*; ему сказали, что проливъ испещренъ утесами, шириною не болѣе трехъ японскихъ миль, то есть, всего одну морскую милю, и очень опасенъ. Приготовили императорское приказаніе Русскимъ о томъ, чтобы они нигдѣ не подходили къ японскимъ берегамъ, кромѣ случая бури, и тогда имъ подадутъ помощь. Между тѣмъ Крузенштернъ секретно получилъ позволеніе изслѣдовать сѣверо-западные берега Японіи, для безопасности дальнѣйшаго его плаванія; но за то онъ обѣщалъ не заходить въ Японію на воз-

вратномъ пути изъ Камчатки. По этому японскіе чиновники, находившіеся въ Румянцевомъ заливѣ въ качествѣ *блюстителей торговли*, настаивали, чтобы русскій корабль немедленно удалился. Главнаго изъ нихъ не могли уговорить принять какой нибудь подарокъ; онъ даже отказался отъ японскаго *закки* (которое высоко цѣнится въ этихъ мѣстахъ), потому что не хотѣлъ унижать свое достоинство, или потому, что не смѣлъ нарушить приказанія, которымъ рѣшительно запрещается принимать что либо отъ иностранцевъ. Этотъ Японецъ сообщилъ слѣдующія географическія свѣдѣнія.

Онъ назвалъ свой округъ *Ноцамбу* (по Клапроту *Носамбу*), и другой южный—*Соя*. Маленькій на западѣ островъ, на которомъ *Никъ-де-лангль*, назвалъ онъ *Тимо-ми*. Крузенштернъ опредѣлилъ положеніе двухъ острововъ *Тимо-ми* и *Тиши*. Проливъ, отдѣляющій эти острова отъ Большаго Іезо, по словамъ Японца, не болѣе пяти географическихъ миль (или восемнадцати морскихъ миль) въ ширину, а Іезо на такомъ же разстояніи отъ острова *Карафута*, который и видѣть можно при ясномъ небѣ. На этотъ разъ *Карафута* или *Крафто* означало тотъ островъ, который у Лаперуза называется *Шона*. На сѣверъ, говорилъ тотъ же Японецъ, *Крафто* отдѣляется отъ другой земли не-

большимъ проливомъ. Крафтѣ, по словамъ его, не болѣе половины *Иезо*; но онъ не зналъ сѣверной его части, которую Айно называютъ *Санданъ*, потому что Японцы успѣли изслѣдовать только южную. Тутъ, говорилъ онъ, стоятъ императорскія войска; онъ же показалъ *Мацмай* на югѣ и назвалъ на сѣверовостокѣ четыре Курильскихъ острова, которые будто бы принадлежатъ Японіи. Онъ называлъ еще другіе мысы, рѣки, и проч., означенные на японскихъ географическихъ картахъ. Первоначальные обитатели этихъ острововъ, называющіеся у Русскихъ *Мокнатими* Курильцами, называютъ сами себя *Айно*; но они живутъ только на сѣверной оконечности *Иезо*, потому что южная, въ *Мацмай*, принадлежитъ непосредственно Японіи; подъ именемъ *Оку-Иезо* (Большой-Иезо), эти Айно разумѣютъ Южные Курильскіе-Острова.

Ни здѣсь, ни въ заливѣ Аяива, никто не зналъ именъ *Чика* или *Щока*, записанныхъ Лаперузомъ. *Щока* означаетъ, можетъ быть, только западный берегъ съ заливомъ *Делангль*; *Карафутто*—южную оконечность съ заливомъ Аяива, а *Санданъ* (у Айно) сѣверную оконечность того же острова, который у Крузенштерна по прежнему называется *Сахалинымъ*. Крузенштернъ узналъ еще отъ блюстителя японской торговли, что Айно на сѣверной оконечности *Иезо* могутъ доставить

только рыбу, неважные мѣхà, лисьи и волчьи шкуры; все это промѣниваютъ они на трубки, табакъ, рисъ, домашнюю посуду и разныя лаковыя вещи, получаемыя отъ Японцевъ; но что эта торговля производится только лѣтомъ, и что самъ онъ (блюститель) возвращается на зиму въ Мацмай къ своему семейству.

Заливъ Анива (Gama-gu-Aniwa), въ послѣдствіи посѣщенный Крузенштерномъ, далеко вдается въ берегъ, въ видѣ полумѣсяца, съ двумя рогами, мысомъ Крильономъ и мысомъ Анива. Внутри этого огромнаго залива есть небольшая бухта, при которой находится японская факторія (подъ 46° 36' сѣв. шир.). Открытіемъ ея и опредѣленіемъ ея положенія обязаны знаменитому русскому мореходцу. Отъ него узнали въ первый разъ, что Японцы проникли сюда.

Западный берегъ залива Анива, по словамъ Крузенштерна, очень гористъ. Горы во многихъ мѣстахъ были еще покрыты снѣгомъ. Передъ японскимъ селеніемъ, у бухты Крузенштерна, стоялъ на якорѣ японскій одномачтовый корабль, съ грузомъ сушеной рыбы. На вопросы, сдѣланные командиру этого корабля, онъ отвѣчалъ такими же географическими показаніями, какъ и блюститель торговли; онъ только прибавилъ, что корабль, сидящій въ водѣ на семь или восемь футовъ,

не пройдетъ по проливу на сѣверъ отъ *Сандана*. Онъ говорилъ, что японскимъ чиновникамъ, живущимъ въ этомъ мѣстѣ, поручено смотрѣть за торговлей съ *Айносами*, чтобъ эти островитяне не терпѣли обидъ и притѣсненій. Послѣ узнали отъ другаго японскаго мореходца, что торговля въ этихъ мѣстахъ чрезвычайно важна для *Японцевъ*, которые получаютъ отсюда важнѣйшую статью своего продовольствія, сушеную рыбу; что прежде это была торговля свободная, но съ нѣкотораго времени японское правительство присвоило себѣ монополію и извлекаетъ изъ нея значительныя выгоды. Жители же должны платить очень дорого за предметы первой необходимости.

Стало быть, блюстители находились тутъ не съ тою цѣлю, въ которой признавались, хотя *Крузенштернъ* вообще замѣтилъ, что *Японцы* обходятся съ *Айносами* очень ласково. Когда *Русскіе* были въ *Крузенштерновой-бухтѣ*, японскія жилища казались вновь построенными; на одной рѣчкѣ насчитали восемь магазиновъ, наполненныхъ рыбой, солью и рисомъ. Японскіе чиновники выразили чрезвычайный ужасъ, когда увидѣли иностранцевъ. Всѣ они дрожали, вѣроятно боясь нападенія. Ихъ окружали дюжины двѣ *Японцевъ* и полсотни *Айно*. Десять плоскодонныхъ судовъ стояли въ рѣчкѣ. По сосѣдству

видно было только нѣсколько хижинъ туземцевъ: здѣшняя торговля должна употреблять ежедневно до десяти или двѣнадцати японскихъ каботажныхъ судовъ, отъ ста до ста двадцати тоннъ.

Но главный центръ японской торговли долженъ быть въ *Тамари-Анива*, гдѣ и факторія гораздо болѣе. Тутъ болѣе ста домовъ Айносовъ, и болѣе трехъ сотъ человѣкъ чистили и сушили рыбу. Пять небольшихъ судовъ съ мачтами и одна большая лодка, съ множествомъ лодочекъ, стояли въ портѣ, который не великъ, но безопасенъ. Равнина, на которой расположена колонія, пріятнѣе прочихъ мѣстъ на берегу; да и чиновники японскіе, жившіе тутъ, казались высокаго чина. Каждый изъ нихъ носилъ по двѣ сабли, а чиновники въ Крузенштерновой-бухтѣ носили по одной. Они не показали испуга и обошлись съ иностранцами привѣтливо и гостепріимно.

Въ заливѣ такъ много китовъ, что русскіе корабли принуждены были подвигаться впередъ съ большою осторожностію. Число китовъ еще болѣе увеличилось на востокъ отъ залива *Терильніа*. Разумѣется кашалотъ далъ бы здѣсь значительныя выгоды, еслибъ Японцы принялись ловить этихъ водяныхъ гигантовъ, чего они до сихъ поръ не дѣлаютъ, хотя въ Японіи уже высоко цѣнятся

спермацетъ и сѣрый янтарь. Берега богаты устрицами, раками и рыбой. Въ обѣихъ факторіяхъ, болѣе четырехъ сотъ Айно заняты единственно чищеніемъ рыбы; ее такъ много, что во время отлива собираютъ ее цѣлыми корзинами.

По обѣимъ сторонамъ рѣчки стоятъ прекрасныя сосновыя рощи; они доставляютъ матеріалъ для постройки домовъ и судовъ.

Крузенштернъ полагаетъ, что это мѣсто превосходно для европейской колоніи; помѣстивъ здѣсь депо европейскихъ товаровъ, удобно было бы производить торговлю и съ Японцами и съ Китаемъ. Последнимъ такъ нужны мѣха и рыба, что сбытъ этихъ двухъ статей вѣренъ; къ этой торговлѣ присоединилась бы торговля европейскими товарами, которые покупала бы охотно Камчатка, хотя она можетъ платить только мѣхами. Все-го легче могутъ основать подобное заведеніе Англичане изъ Индіи или Испанцы съ Филиппинскихъ Острововъ; еще приличнѣе было бы оно Русскимъ, для пользы Камчатки, еслибъ недостатокъ народонаселенія въ Сибири и трудность сообщеній между Петербургомъ и Русскими Владѣніями въ Сѣверной Азіи не представляли препятствій къ выполненію такого проекта.

По мнѣнію Крузенштерна, можно овладѣть Ашивою, не проливъ ни капли крови. При

хорошемъ вѣтрѣ, два судна съ двѣнадцатью пушками и шестьюдесятью матросами, могутъ отразить легко цѣлый японскій флотъ, еслибъ на немъ было даже до десяти тысячъ человекъ. Японцы не имѣютъ ни какого права на исключительное обладаніе *Сахалиномъ*; въ *Мацмай* у нихъ очень мало войска; переходъ сухимъ путемъ черезъ весь островъ изъ *Мацмая* къ сѣверной оконечности почти невозможенъ, потому что въ этой дикой странѣ нѣтъ вовсе дорогъ; а на сѣверѣ *Иезо*, какъ въ факторіи *Анивы*, нечего бояться сопротивленія.

На востокъ отъ залива *Анивы* тянется къ сѣверу цѣпь высокихъ горъ и проходитъ во всю длину острова. Горы были еще покрыты снѣгомъ, 16 мая, когда Крузенштернъ огибалъ мысъ, до тѣхъ поръ неизвѣстный, нынѣ называемый *Ловѣнернъ*. За этимъ показался мысъ *Тонимъ*, и за нимъ *Мордвиновъ-Заливъ* подъ 46° 48' сѣв. шир. Прибрежные жители, Аїно здѣшнихъ мѣстъ, казались лучше сложенными и поворотливѣе своихъ южныхъ соотечественниковъ въ *Иезо* и около залива *Анива*; говорили они тѣмъ же языкомъ, одѣвались въ шкуры моржей, ловили какъ этихъ животныхъ, такъ и сивучей, доставляющихъ въ большомъ количествѣ жиръ, который туземцы продаютъ Японцамъ. Факторія *Анивы* отстоитъ

отсюда сухимъ путемъ на пять географическихъ миль. Домашняя утварь и мебель этихъ Айно куплена отъ Японцевъ. Восточный берегъ тянется отъ *Мордвинова Залива* прямо на сѣверъ, и представляетъ, при заливѣ *Терпнія*, опять выемку въ видѣ полу-мѣсяца.

Во внутренности острова горы продолжаютъ къ сѣверу. Самая высокая округленная вершина (подъ $47^{\circ} 33'$ сѣв. шир.) названа уже была Голландцами *Спенбергъ*; 20-го мая, часть ея была еще покрыта снѣгомъ. На восточномъ берегу, покрытомъ зеленью, разстилались равнины, богатые лѣсомъ. 21-го мая снѣгъ еще шелъ около мыса *Терпнія*, гдѣ Крузенштернъ бросилъ якорь, не смотря на неудобства этой стоянки.

На юго-востокъ отъ Мыса-Терпнія находится очень опасная утесистая мель, *Островъ-Роббенъ*, длиною въ тридцать пять географическихъ миль; на ней волны океана разбиваются съ страшною силою. На сѣверъ отъ этого острова, 26-го мая, видѣли только ледяное поле, исчезавшее въ отдаленіи. Отъ этого острова принуждены были идти на юго-востокъ, чтобы обойти огромныя ледяныя массы. Пройтись далѣе на сѣверъ было невозможно въ этотъ разъ; уже подъ 48° сѣв. широты представилось множество опасностей. Поэтому Крузенштернъ рѣшилъ

ся идти прямо въ Камчатку, мимо Курильскихъ Острововъ, и потомъ, въ теплое и болѣе благопріятное время, возвратиться опять къ Мысу Терпѣнія и дополнить съемку береговъ этого страннаго острова. Островъ Роббенъ и утесистая отмель опредѣлены точно въ эту первую поѣздку, и потомъ вычисленіе повѣрено во время второй. Сообщаемъ изъ путешествія Крузенштерна нѣсколько любопытныхъ подробностей объ *Айносахъ*, живущихъ на югѣ острова *Таракаи*.

Аино называются жители сѣверной оконечности острова. *Иезо* и жители южной оконечности острова *Сахалина* (*Шока* или *Таракаи*, по японски *Крафто*). Ростъ, сложеніе и языкъ доказываютъ, что оба племени происходятъ изъ одного корня. По этому-то старинные мореходы, незнавшіе Лаперузова Пролива, могли думать, что эти два народа составляютъ одинъ, къ которому принадлежатъ и косматые Курильцы, извѣстные съ 1739 года, со времени, когда Спангенбергъ посѣтилъ эти мѣста. Они почти одинаковаго роста, не болѣе пяти футовъ двухъ дюймовъ, почти совсѣмъ черные, съ густою и длинною бородою, съ вислокоченными черными волосами, почему (безъ бороды) они похожи на Камчадаловъ; однакоже черты ихъ лица гораздо правильнѣе. Старинное мнѣніе, что у нихъ волосы растутъ по всему тѣлу, не

подтверждено Крузенштерномъ; онъ называетъ его басней.

У женщинъ косы очень длинныя и совершенно черныя; лицомъ онѣ смуглы; губы окрашены въ синюю краску, руки татуированы, а грязь, которою онѣ покрыты, придаетъ имъ отвратительный видъ, хотя онѣ очень скромны и выраженіе ихъ лица не лишено нѣкотораго благородства. Въмѣсто жадности и любви къ грабежу, которыми обыкновенно отличаются жители острововъ Южнаго Океана, здѣсь встрѣчаешь услужливость и откровенность. Одежда ихъ изъ собачьихъ шкуръ и иногда изъ медвѣжьихъ. Также они употребляютъ грубую матерію изъ древесной коры, которую обшиваютъ сукномъ, а подъ нею носятъ легкую одежду Японцевъ. Мужчины носятъ серьги изъ латуни. Въ *Анивь* болѣе благосостоянія, чѣмъ на *Иезо*. Хижины, построенныя лучше тѣхъ, которыя стоятъ при *Румянцевомъ Заливѣ*, снабжены домашнею японскою утварью на восемь или на десять человѣкъ, показываютъ довольство и вообще несравненно удобнѣе временныхъ жилищъ у залива *Анивы* или на *Курильскихъ* островахъ, и въ *Камчаткѣ*.

Обыкновенно пьютъ снѣговую воду. Въ каждомъ домѣ есть молодой медвѣдь, котораго тамъ воспитываютъ и которому даютъ уголъ въ общей комнатѣ. Хотя онъ жилецъ

довольно неудобный, однакоже нельзя было уговорить ни одного домохозяина, чтобъ онъ продалъ своего медвѣдя. Преданіе (подтвержденное, какъ увидимъ послѣ, и новѣйшими путешественниками) о томъ, что этихъ медвѣдей кормятъ женщины—тоже басня.

У этихъ *Айносовъ* не найдено никакихъ слѣдовъ земледѣлія и скотоводства; они употребляютъ въ дѣло только собакъ и ѣздятъ на нихъ зимою въ санкахъ. Управление у нихъ патріархальное (*).

(*) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ и по мнѣнію ученѣйшихъ географовъ, *Айносы* принадлежатъ къ монгольской породѣ и тянутся небольшими племенами не только въ *Иезо*, но въ Таракаи и на Курильскихъ Островахъ, почти до Камчатки. По японски они называются *Иезо*, по китайски—*Гіа-и*, то есть, *малые варвары*. Островъ, названный Европейцами *Иезо* по имени народа, въ немъ живущаго, содержитъ (какъ увѣряютъ Японцы), тысячу шесть сотъ селъ, раздѣленныхъ на шесть *куръ* или племенъ. Японскіе купцы часто посѣщаютъ эти села, для торговли съ *Айносами*. Они получаютъ это позволеніе, по поднесеніи подарковъ князю *Мат-су-мае*.

Островъ *Карафто* или *Карафутто*, котораго настоящее имя *Таракаи*, содержитъ, когда на немъ нѣтъ Китайцевъ, только двадцать два селенія Айно, которыхъ жители, какъ и всѣ Айносы, добры и дружелюбны, и живутъ такъ же, какъ Айносы на *Иезо*. Они поддерживаютъ дѣятельную торговлю съ Японцами и Манчжурами, и даже съ Русскими, занимающими большую часть Курильскихъ Острововъ, которые состоятъ подъ управленіемъ Русской Американской Компаніи.

Кромѣ *Иезо*, посѣщаютъ только одинъ изъ этихъ

Они всегда казались вполне довольны подарками, которые имъ доставались; всегда были чрезвычайно учтивы и готовы на всякую услугу; постоянно предлагали иностранцамъ свои лодки, безъ всякаго за то вознагражденія.

Число ихъ, весьма ограниченное на сѣверной оконечности Іезо, не превышало вось-

острововъ, называемый Японцами *Зи-сима*, то есть, тысяча острововъ, и носящій кромѣ того непереводимое имя *Кі-ита-зубъ*.

Ловля звѣрей, земноводныхъ и морскихъ, для добыванія мѣховъ, — главнѣйшее занятіе Айносовъ. Эти мѣха промѣниваютъ они на иностранныя произведенія, какъ-то, матеріи для обыкновенной одежды, шелковыя матеріи, трубки, табакъ, рисъ, японское вино или *заки* и пр. У Айносовъ нѣтъ храмовъ; божество ихъ называется *Камои*. Въ честь ему зажигаютъ они на горахъ и на берегу огромные огни; въ этомъ и состоитъ все богослуженіе. У этихъ *Іезо* или *Айносовъ*, по увѣренію Японцевъ, въ каждомъ селеніи самому почетному старику поручается управленіе дѣлами общины. Хотя умственные способности этихъ людей весьма мало развиты, однакоже они отличаются превосходнымъ характеромъ. Тѣ изъ нихъ, которые состоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Японцами, съ особеннымъ участіемъ спрашиваютъ объ ихъ обычаяхъ и законахъ; вопросы объ этомъ слышны и отъ взрослыхъ и отъ дѣтей. «По этому, говоритъ одинъ японскій географъ, можно предполагать, что народъ этотъ пойдетъ все болѣе и болѣе къ образованію; въ слѣдствіе торговыхъ и мореходныхъ сношеній съ Японцами умъ его разовьется, и превосходныя качества его характера получатъ направленіе, благопріятное для его интересовъ.»

мидесяти душъ, въ восьми жилищахъ. Далѣе во внутреннейности острова не видно жилищъ, потому что эти племена живутъ рыболовствомъ: это главный ихъ промыслъ. Въ заливахъ *Крузенштерновомъ* и *Анивъ*, во время ловли, сходится отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ, такъ что можетъ быть все это народонаселеніе, на обоихъ берегахъ Лаперузова Пролива, состоитъ не болѣе какъ изъ пяти сотъ человѣкъ.

Ниппонскія лѣтописи рассказываютъ объ удачныхъ походахъ до залива, которымъ сѣверъ Японіи отдѣляется отъ Іезо; однакоже Японцы основались на этомъ островѣ, и то въ одной южной части, не ранѣе половины VII вѣка (въ 659 году), или еще позже, если вѣрить одному японскому писателю, *Гаке-Сибей*, въ которомъ Зибольдъ не сомнѣвается. — Японцы должны были безпрестанно бороться съ дикими туземцами, и исторія умалчиваетъ о сношеніяхъ съ ними отъ IX до XV вѣка. Однакожъ, кажется, японское заведеніе продолжало существовать на югѣ Іезо; объ этомъ положительно говорятъ Іеронимъ Анжели и другіе іезуиты, которые посѣщали эти мѣста; но владычество Японцевъ утвердилось на небольшомъ углу Іезо, котораго величины они даже не подозрѣвали. Въ 1670 году на Іезо начались смуты; и въ японскихъ лѣтописяхъ, *Ванъ-ненъ-*

жи, можно прочесть, что «жители Иезо были преслѣдованы и побѣждены.» Съ тѣхъ поръ островъ Иезо управляется императорскимъ японскимъ губернаторомъ, который называется *Мацумай-но-ками*, то есть князь Мацумай (*).

Городъ *Мацумай*, резиденція его, сталъ центромъ туземной торговли съ Японіей. Въ концѣ XVIII вѣка Японцы распространили свое владычество на восточную часть этого острова и даже на южную острова Крафто (Сахалина). Японскій офицеръ, по имени Магами Ток-най, первый переѣхалъ съ Иезо на Крафто, въ іюль 1785 года, то есть, за два года до того, какъ Лаперузъ открылъ проливъ, раздѣляющій эти острова; этому-то офицеру обязана Японія всѣми свѣдѣніями объ этомъ замѣчательномъ островѣ, свѣдѣніями очень вѣрными. Черезъ нѣсколько лѣтъ японское правительство, котораго вниманіе было обращено на эти острова появленіемъ Лаперуза, Броутона и Лаксмана, поручило довѣреннымъ чиновникамъ осмотрѣть его и подчинить японскому управленію. Но

(*) Съ 1825 года Мацумай уступленъ князю *Симава* левное владѣніе; этотъ князь обязанъ черезъ каждые пять лѣтъ являться ко двору въ Иедо, подносить обыкновенные подарки (орлиные хвосты, шкуры выдръ и серебро) и принимать другіе подарки, въ замѣнъ привезенныхъ имъ.

распространенію заведеній и торговли японской на островахъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Японіи, всего болѣе содѣйствовало появленіе Резанова, а въ слѣдъ за нимъ не мало помогли усиліямъ Японцевъ событія Хвостова и Давыдова, происходившія на Крафто и на Курильскихъ Островахъ. До тѣхъ поръ Японцы жили только въ городѣ Мацумаѣ и на югѣ острова Іезо; но съ тѣхъ поръ они распространились по всему острову, на обоихъ Курильскихъ Островахъ, выше названныхъ, и на югѣ Крафто. Для защиты своихъ подданныхъ въ этихъ мѣстахъ и главное—для удаленія иностранцевъ, японское правительство построило множество небольшихъ фортовъ и обсервационныхъ башенъ. Подобно туземцамъ (Айно), Японцы занимаются здѣсь ловлею или стараются извлечь всѣ возможные выгоды изъ моря. Для Японіи, гдѣ народонаселеніе, безпрестанно возрастающее, питается наиболѣе рыбою и рисомъ, привозъ сушеной или соленой рыбы изъ Іезо и изъ другихъ сѣверныхъ острововъ, гдѣ рыбы чрезвычайно много, оказывается и всегда будетъ сущою необходимостію. Другія произведенія моря доставляютъ японской казнѣ выгодныя статьи для торговли съ Китаемъ. По этому торговля Японіи съ сѣверными островами, доставляющая самый необходимый предметъ народнаго продовольствія,

гораздо для нея важнѣе торговли съ другими землями, отъ нея зависящими; даже важнѣе торговли съ Китаемъ, который доставляетъ только предметы роскоши и удовольствія. Ловля лосѣсей, трески, сардинокъ, особенно богата въ этихъ мѣстахъ; также начинаютъ ловить тамъ китовъ, изъ которыхъ Японцы съ большою охотою пользуются мясомъ, чѣмъ ворванью. Другія вывозныя статьи суть мѣха, наприм. шкуры медвѣжьи, лисьи, выдръ, и пр., — орлиныя перья для стрѣлъ, которыя жители острова подносятъ князю Мацумая, какъ дань или какъ предметъ обмѣна. Кромѣ того вывозятъ лекарственныя снадобья, строевой лѣсъ, ворвань, икру и произведенія земли не столь важныя. Говорятъ, на островѣ Iezo есть богатая золотая руды; въ рѣкахъ его встрѣчаются частицы этого драгоцѣннаго металла; но открытіе рудниковъ строго запрещено сіюгуномъ. Золотой песокъ, находимый *Айносами*, приказано отдавать мацумайскому князю.

Привозъ ограничивается предметами, употребляющимися у Японцевъ въ домашнемъ обиходѣ, какъ напримѣръ, одеждой, домашнею утварью, съѣстными припасами (особенно рисомъ), табакомъ, *заки* и *соей*. Впрочемъ, давно уже *Айносы* употребляютъ двѣ послѣднія статьи; потому что, когда началь-

ники ихъ являются съ данью въ Мацумай, то для возвратныхъ подарковъ выбираютъ именно эти двѣ статьи, послѣ аудіенціи старшинъ и приличнаго имъ угощенія. Создавая новыя потребности, эта отрасль промышленности должна скоро получить огромное развитіе. Уже ввозъ табаку и заки въ Іезо очень значителенъ. Кромѣ того, туземцы охотно покупаютъ грубыя шерстяныя матеріи, горшки, фарфоръ и мѣдныя издѣлія, необходимыя для хозяйства, оружіе и недорогія лаковыя произведенія.

Торговля съ императорскими городами, то есть, Огозаки, Закаи, Іедо и Нагазаки, очень оживлена; она производится посредствомъ большихъ судовъ, построенныхъ для этой цѣли, съ кормою, которая гораздо выше чѣмъ у обыкновенныхъ кораблей. Эти суда называются *гоксенъ* (торговля съ северными судами). Часто посѣщаемые порты на Іезо суть: южные—Мацумай и Гакотаде; восточные—Акези и Немора; и на сѣверѣ—Сойя. Мацумай есть центръ торговли всего острова; тутъ живутъ агенты отъ казенной палаты изъ Нагазаки. Акери и Немора торгуютъ также съ Курильскими Островами, а Сойя съ южною частию острова Крафто, гдѣ находится, въ пунктѣ Сиранузи, богатѣе японское заведеніе. Во время лѣта японскіе рыболовы часто посѣщаютъ восточный берегъ Краф-

то; торговля же японская нечувствительно и мало-по-малу распространяется и по западному берегу. Особенно стараются не встрѣчаться съ купцами и чиновниками манчжурскими, которые имѣютъ большое заведеніе и складочный магазинъ въ Деренѣ, на правомъ берегу Амура, откуда китайское владычество распространяется на бѣдныхъ рыбаковъ, ничего неимѣющихъ, кромѣ сѣверныхъ оленей и кожъ, добываемыхъ звѣриною ловлею.

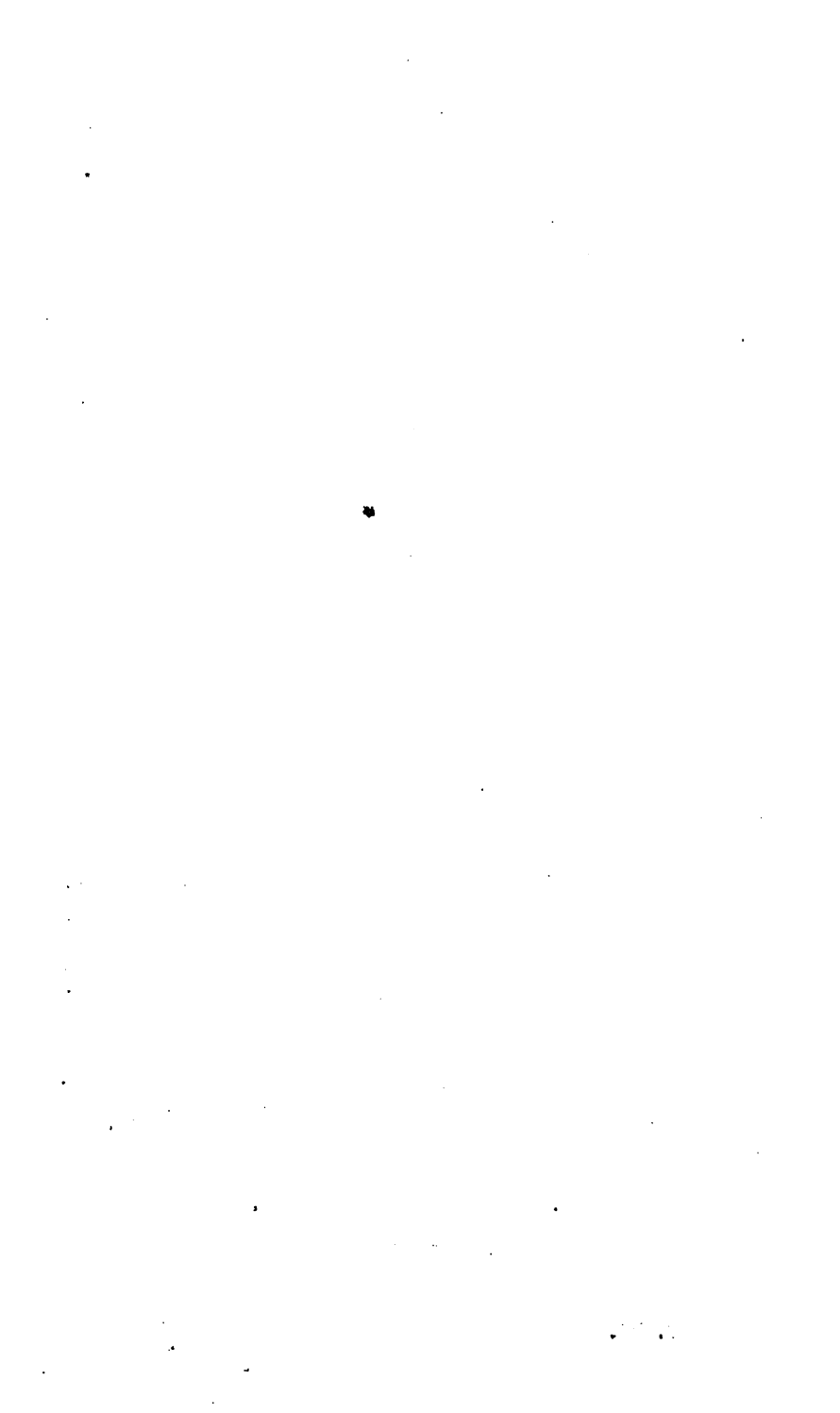
Жители Амура, которыхъ Японцы называютъ *Сантанъ* или *Саиданъ*, тоже торгуютъ съ Айносами на западномъ берегу Крафто. Они привозятъ свои товары на небольшихъ судахъ, кладутъ на берегъ и удаляются; Айносы рассматриваютъ товары, выбираютъ что понравилось, берутъ и замѣняютъ собственными своими произведеніями; такимъ образомъ совершается обмѣнъ, основанный на безпримѣрной честности и на взаимномъ довѣріи. Сантаны обыкновенно привозятъ шелковыя китайскія матеріи, извѣстныя въ Японіи подъ именемъ *Иезо низики*, — кораллы, голубые драгоцѣнные камни (*Крафто-тама*); Айносы отплачиваютъ имъ мѣхами. Также есть торговыя сношенія съ Урупомъ (восемнадцатый островъ по русскимъ картамъ); тутъ Японцы торгуютъ съ Русскими, и сколько извѣстно, эти сношенія ежегодно увеличиваются и усиливаются.

Всѣ пять провинцій на островѣ Іезо населены жителями, которые не знаютъ ни денегъ, ни нуждъ, и живутъ звѣриной охотой и рыбною ловлею. Одѣваются они въ шкуры звѣрей: медвѣдей, волковъ, лисицъ, бобровъ и пр., которыхъ убиваютъ стрѣлами. Однакоже, богатые жители Іезо добываютъ матеріи японскія и китайскія, которыя имъ даютъ въ обмѣнъ жители Крафто или Японцы изъ Мацмая. Кромѣ того они носятъ золотыя и серебряныя серьги и другія украшенія изъ пуговицъ и бусъ и даютъ дорогую цѣну за пестрыя и разноцвѣтныя матеріи. Они уважаютъ только одно право, — право старости, потому что въ случаѣ споровъ ихъ судятъ старики; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они нисколько не выше животныхъ. Здѣсь братъ можетъ жениться на сестрѣ, и каждый повинуется своей прихоти, не покоряясь ни какому закону. Фишеръ, у котораго мы заимствуемъ эти подробности, прибавляетъ, основываясь на японскомъ сочиненіи, что во многихъ семействахъ женщины кормятъ грудью медвѣжатъ, чтобы зимою возможно было скушать лакомый кусочекъ и чтобы воспользоваться желчью животнаго, которую они считаютъ превосходнымъ средствомъ отъ болѣзней. Въ большей части селеній, обитаемыхъ Айносами и лежащихъ почти всегда на морскомъ

берегу, есть домъ, особенно выстроенный для торговли или производства обмѣновъ; чтобъ получить позволеніе на постройку такого дома, Айносы платятъ князю Мацумая подать кожами и сушеною рыбою.

Страна очень гориста; правильныхъ дорогъ вовсе нѣтъ; поэтому иностранцы не могутъ осматривать ее. Народъ, привыкшій къ такой тяжелой жизни, долженъ имѣть замѣчательную физическую силу. Мужчины занимаются охотой и рыбной ловлей; женщинамъ поручены всѣ домашнія работы. У Айносовъ одно оружіе, лукъ съ намазанными ядомъ стрѣлами; каждая рана смертельна; этимъ оружіемъ они одолеваютъ самыхъ огромныхъ звѣрей. Иногда употребляютъ они ножи и старыя сабли, привозимыя Японцами.

Посредствомъ торговли съ Айносами, Японцы иногда входятъ въ сношенія съ жителями русскихъ Курильскихъ острововъ. Эти Курильцы посѣщаютъ берега Иezo и ведутъ съ жителями острова Крафто значительный торгъ мѣхами. Японцы называютъ русскихъ Курильцевъ—*Оорусія* и уважаютъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ жителей острова Иezo.

ОСТРОВА ЛІУ-КІУ.

Сколько японское правительство старается не входить въ сношенія съ Китаемъ и другими державами, столько же покровительствуетъ оно распространенію торговли и колонизаціи на островахъ, лежащихъ на сѣверѣ и на югѣ имперіи. Острова Ліу-Кіу находятся подъ его покровительствомъ съ половины XV вѣка, хотя сношенія были въ это время нѣсколько разъ нарушаемы интригами Китайцевъ и разбоями самихъ Японцевъ. Іезу, основатель нынѣшней династіи сіогуновъ, умѣлъ воспользоваться благоприятною минутою и подчинилъ себѣ владѣтеля острововъ Ліу-Кіу, Чангъ-Шига. Безпорядки, происходившіе тогда въ Китаѣ, не дозволили тогдашнему императору подать помощь королю Ліу-Кіу. Торговля сношенія съ этими островитянами, которыхъ характеръ, религія и нравы очень сходны съ японскими, идутъ успешно; множество японскихъ учрежденій

образовалось на сѣверныхъ островахъ этой группы, въ Огозимѣ и Токузимѣ. Произведенія острововъ: лекарственныя снадобья, краски, янтарь, перламутръ, эмальированныя вазы, олово, киноварь, сѣра, сахаръ, шелковыя матеріи и родъ холста изъ листьевъ особеннаго рода банановаго дерева (*musa coscinea*) (*).

Ліу-Кіу платятъ дань и Китаю и Япоіи, а потому многія китайскія произведенія попадаютъ въ Япоію черезъ эти острова, и японскія произведенія, тѣмъ же путемъ, доходятъ до Китая. Драгоцѣнныя японскіе товары, поднесенные королемъ *Ліу-Кіу* китайскому императору, возбудили въ немъ желаніе покорить Япоію; дѣйствительно, въ началѣ XVII вѣка, онъ началъ войну съ Японцами, которая кончилась для него невыгодно. Нѣкоторые европейскіе товары тоже ввозятся въ Япоію черезъ острова *Ліу-Кіу*. Поэтому сацумскій князь имѣетъ контору (*Сатсума-языки*) въ Нагазаки, гдѣ покупаетъ товары голландскіе и китайскіе, привозимые этимъ путемъ. Открытіе порта *Напа* было бы во всѣхъ отношеніяхъ важнымъ приобрѣтеніемъ для европейской торговли; въ немъ можно учредить складочное мѣсто для всѣхъ

(*) Такого рода холстъ, превосходной работы, приготавливаютъ и на Филиппинскихъ Островахъ.

товаровъ, любимыхъ на японскихъ рынкахъ, потому что торговля Японцевъ на островахъ *Лиу-Киу* гораздо важнѣе китайской. Кромѣ того, портъ *Нана* былъ бы превосходною стоянкою для военныхъ кораблей, пароходовъ и китоловныхъ судовъ. Важность этой станціи еще болѣе увеличится, когда торговля между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ найдетъ себѣ дорогу по Тихому Океану.

Г. Макъ-Леодъ, медикъ на *Альцестъ*, даетъ вѣрное понятіе объ общемъ видѣ большаго острова *Лиу-Киу*, его климатѣ, произведеніяхъ и о характерѣ жителей (*).

«Одежда жителей *Лиу-Киу*, говоритъ Макъ-Леодъ, замѣчательна, какъ по простотѣ, такъ и по изяществу. Волоса ихъ, необыкновенно блестящаго чернаго цвѣта (они мажутъ волосы масломъ, добываемымъ изъ растений), приподняты на лбу и на затылкѣ и собраны на маковкѣ въ одинъ пучекъ. Очень стараются о томъ, чтобы какъ можно лучше вычесать голову. На косу надѣваютъ два кольца, называемыя *камезаки* и *узизаки*. Кольца дѣлаются изъ золота, серебра или мѣди, смотря по чину и состоянію людей; надъ *камезаки* дѣлается звѣздочка. Этотъ уборъ принимаютъ всѣми, отъ короля до самаго послѣд-

(*) Макъ-Леодъ посѣтилъ острова *Лиу-Киу* гораздо послѣ путешествія Зибольда въ Японію.

няго его подданнаго, съ удивительнымъ одуобразиємъ, и производитъ превосходный эффектъ. Въ десять лѣтъ, дѣти начинаютъ носить *узизаки*; въ пятнадцать, надѣваютъ и *камезаки*. Кромѣ чиновниковъ, которые надѣваютъ шапку при исполненіи своихъ обязанностей, всѣ жители никогда не покрываютъ головы, по крайней мѣрѣ въ хорошую погоду. Они носятъ родъ рубашки и шараваръ, а сверху длинную одежду съ широкими рукавами и съ широкимъ поясомъ. На ногахъ носятъ они сандалии, художественно сплетенныя изъ соломы. Качество матеріи, изъ которой сшита одежда, зависитъ отъ чина. Высшіе классы носятъ шелковыя матеріи разныхъ цвѣтовъ, съ поясомъ, который часто бываетъ вышитъ золотомъ. Низшій классъ вообще носитъ бумажную матерію темнаго цвѣта, иногда бѣлую, съ синеваатыми мушками.

«Высшій классъ (чиновники) раздѣляются на девять разрядовъ; разряды отличаются по шапкамъ; мы замѣтили ихъ четыре сорта. Одинъ членъ королевской фамилии носилъ шапку фіолетоваго цвѣта, съ цвѣткомъ ярко-желтымъ; цвѣта шапокъ идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: пурпуровый, желтый и наконецъ красный, назначенный для низшаго класса.

«О женскомъ нарядѣ мы почти ничего не

можемъ сказать. Говорятъ, что женщины высшаго класса носятъ просто широкія платья безъ пояса. Волосы распускаютъ онѣ по плечамъ или сбираютъ ихъ на лѣвой сторонѣ головы и завязываютъ лентой, около которой выются со всѣхъ сторонъ локоны. Женщины изъ простаго народа носятъ коротенькія юпки, похожія на шотландскія, а сверху короткое, но очень широкое платье.

«Островъ Ліу-Кіу лежитъ въ самомъ счастливомъ климатѣ. Во всѣ времена года, его освѣжаютъ морскіе вѣтры, и на немъ не бываетъ, какъ въ другихъ странахъ, ни душливаго жара, ни чрезмѣрной стужи. На немъ нѣтъ ни прудовъ, ни болотъ, источниковъ болѣзней; есть только ручьи и рѣчки. Жители наслаждаются здоровьемъ. Никогда не видали мы больныхъ и щедушныхъ, равно какъ и просящихъ милостыни.

«Зеленые равнины и прелестные пейзажи Тиниана и Жуанъ-Фернандеса, превосходно описанные въ путешествіи Ансона, здѣсь еще великолѣпнѣе, потому что труды земледѣльца придаютъ новую прелесть красотамъ природы. Съ вершины горъ видъ былъ во всѣ стороны живописный и очаровательный. Съ одной стороны, изъ среды океана возвышались острова, и скваъ прозрачную воду можно было видѣть коралловыя груды. На югѣ тянулся городъ *Нана-фу*; ниже его

суда, стоявшія на якорѣ, съ флагами, развѣвавшимися въ воздухѣ; а между городомъ и судами множество селъ, на рѣкахъ, орошавшихъ равнину. Около домовъ превосходная зелень самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. На востокѣ, столица *Кинтъ-Чингъ* привлекаетъ вниманіе оригинальною архитектурою домовъ и простотою ихъ положенія. Они стоятъ среди высокихъ деревьевъ, доставляющихъ имъ прохладу, и поднимаются одинъ надъ другимъ по уступамъ горы; на самой ея вершинѣ стоитъ дворецъ короля. Равнины между Кинтъ-Чингомъ и Напа-фу, на разстояніи нѣсколькихъ миль, устѣяны дачами. На сѣверѣ глазъ видитъ густые лѣса, которымъ нѣтъ предѣла.

«Недалеко отъ вершины, тропинка ведетъ путешественника въ небольшой лѣсъ. Войдя туда, чрезъ арку, сплетенную изъ древесныхъ вѣтвей, видишь себя въ лабиринтѣ, гдѣ тысячи дорожекъ и нѣтъ выхода. Есть небольшія живыя калитки; отоприте одну изъ нихъ, и вы увидите дворъ съ птицами и домъ и всѣ принадлежности фермы. Войдите въ домъ; вы найдете въ немъ цѣлое семейство, одно изъ той тысячи семействъ, которая расположена около лабиринта. Путешественникъ думаетъ, что находится въ пустынѣ, а въ самомъ дѣлѣ окруженъ большимъ, но невидимымъ селомъ.

«Природа щедро одарила своими благами островъ Ліу-чіу; почва и климатъ такъ хороши, что въ одно время и въ одномъ саду растутъ произведенія растительнаго царства, встрѣчаемыя обыкновенно въ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ странахъ. Здѣсь страна не только апельсиновъ и лимоновъ, но и индійскихъ банановъ и норвежской сосны, чая и сахарнаго тростника. Кромѣ этихъ рѣдкихъ выгодъ, на островѣ много рѣкъ и превосходныхъ портовъ; а лучше всего—счастливый характеръ, любезность и привѣтливость жителей этого острова.

«Жители Ліу-чіу очень невысоки ростомъ; мужчины не выше пяти футовъ. Почти всѣ животныя замѣчательны небольшимъ ростомъ, но превосходны въ своемъ родѣ. Быки рѣдко вѣсятъ болѣе трехъ сотъ съ половиною фунтовъ; но они жирны и крѣпки, и мясо ихъ вкусно. Козы и свиньи такого же рода. Живность побольше. Хотя мужчины низки ростомъ, однакоже, сильны, крѣпки и хорошо сложены. Мы не имѣли случая измѣрять ростъ женщинъ; но кажется, онѣ не выше мужчинъ.

«Островитяне эти вѣроятно переселились изъ Японіи и Кореи, потому что очень похожи на Корейцевъ, хотя черты ихъ нѣжнѣе и пріятнѣе. Они очевидно не китайскаго происхожденія, потому что не имѣютъ

странныхъ китайскихъ глазъ, составляющихъ главное отличіе этого народа. Китайцы, поселившіеся на островѣ, не соединялись бракомъ съ туземцами; оба народа сохранили свои оригинальныя черты. Еще менѣе похожи туземцы на Индѣйцевъ: они всѣ бѣлы, какъ южные Европейцы; даже тѣ, которые безпрестанно работаютъ на солнцѣ, загараютъ не болѣе испанскихъ или португальскихъ земледѣльцевъ.

«Китайскому языку учатся немногіе, какъ французскому въ Англіи; но бонзы, занимающіе въ то же время мѣсто школьныхъ учителей, учатъ дѣтей туземному языку, нарѣчію японскаго, вообще пріятному и гармоническому. Они произносятъ слова не съ такимъ трудомъ, какъ Китайцы, и языку не помогаютъ пальцами. Приказы правительства отдаются иногда на туземномъ, иногда на японскомъ языкѣ; но есть у нихъ книги и на китайскомъ.»

Въ 1842—43 годахъ, когда адмиралъ Сесиль находился въ этихъ мѣстахъ съ французской эскадрой, католическіе миссіонеры вздумали воспользоваться его присутствіемъ. Въ концѣ апрѣля 1844 года корветъ *Алкмена* отправился изъ Макао въ *Напу*, столицу острововъ *Лиу-Киу*, гдѣ бросилъ якорь въ началѣ мая. Онъ привезъ туда двухъ миссіонеровъ, которыхъ мѣстному начальству вы-

дали за переводчиковъ, и оставилъ ихъ тамъ, объявивъ, что придетъ еще разъ съ французскими военными кораблями, но въ мирныхъ видахъ. Король острововъ, изумленный появленіемъ *Алкмены* и объявленіемъ о прибытіи французской эскадры и поставленный въ затрудненіе особенно тѣмъ, что по отплытіи *Алкмены* миссіонеры объявили настоящее свое званіе, написалъ китайскому правительству о случившемся и просилъ инструкцій. Въ октябрѣ 1844 года императорскій комиссаръ потребовалъ объясненій отъ французскаго чрезвычайнаго посланника, г. Лагрене (того самаго, который долгое время былъ секретаремъ французскаго посольства при русскомъ дворѣ). Послѣ долгой переписки, послали въ *Hany* корветъ *Victorieuse*, въ 1846 году, и вывезли оттуда обоихъ миссіонеровъ. Почти въ то же время англійскій адмиралъ Кохранъ бросилъ якорь передъ *Напой* на кораблѣ *Agincourt*; и докторъ Беттельгеймъ, американскій миссіонеръ, (*) вышелъ на берегъ со всѣмъ своимъ семействомъ и началъ проповѣдывать методизмъ (въ апрѣлѣ 1846 г.). Ободренный примѣромъ Американцевъ, французскій адмиралъ приказалъ опять перевезти католическихъ мис-

(*) Въ *Chinese Repository* (янв. 1848 г.) увѣряютъ, что онъ принялъ англійское подданство.

сіонеровъ на острова Ліу-кіу, лѣтомъ 1847 года, на томъ же корветѣ *La Victorieuse*, который погибъ съ фрегатомъ *La Gloire* у корейскихъ береговъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, тоже перевозя другихъ католическихъ миссіонеровъ.

Объ участи миссіонеровъ немного извѣстно. Получено только письмо изъ Китая, гдѣ пишутъ: «Миссіонеры, оставленные на островахъ Ліу-кіу, находятся въ странномъ положеніи. Ихъ не мучать, даютъ имъ ѣсть; но избѣгаютъ разговора съ ними. Едва вздумаютъ они говорить, какъ присутствующіе за-тыкаютъ уши и бѣгутъ безъ оглядки!» Какъ бы ни были усердны и терпѣливы миссіонеры, имъ едва ли удастся сдѣлать что нибудь на островахъ Ліу-кіу.

Однакоже, назадъ тому пять или шесть лѣтъ, японскій сіюгунъ написалъ собственноручное письмо къ нидерландскому королю на голландскомъ языкѣ. Это показываетъ желаніе его войти въ сношеніе съ одною изъ европейскихъ націй; но отъ этого перваго шага до сближенія съ Европейцами—много еще разстоянія!

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

(Эта таблица составлена по Клапроту и Зинбольду (или лучше сказать, Гофману). Трудъ Гофмана, какъ позднѣйшій, внушаетъ наиболѣе довѣрія).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ *Зинъ-му* (завоевателя) до первой Корейской войны. (Отъ 667 до Р. Х. по 200 г. послѣ Р. Х.)

Микадо.

667 до Р. Х.	1	Зинъ-му.
581 —	2	Суи-сей.
548 —	3	Анъ-ней.
510 —	4	И токъ.
475 —	5	Ко-сео.
392 —	6	Ко-анъ.
290 —	7	Ко-реи.

Микадо.

214 до Р. Х.	8	Ко-генъ.
157 —	9	Кай-ква.
97 —	10	Сиу-зинъ.
29 —	11	Суи-нинъ.
71 по Р. Х.	12	Кей-ко.
113 —	13	Сей-му.
192 —	14	Циу-ци.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Съ первой Корейской войны до введенія буддизма въ Японію (съ 200 г. по Р. Х. до 572).

Микадо.

201 г. 15 Синъ-гу-кво-гу.
270—16 Во-синъ.
313—17 Нинъ-токъ.
400—18 Ли-цзю.
406—19 Фанъ-сію.
412—20 Инъ-кію.
424—21 Анъ-ко.
457—22 Ю-ліякъ.

Микадо.

480 г. 23 Сеп-нел.
485—24 Кенъ-со.
488—25 Нинъ-генъ.
499—26 Му-рець.
507—27 Кен-тан.
534—28 Анъ-канъ.
536—29 Сенъ-ква.
540—30 Кинъ-мем (или Кинъ-мію).

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Со времени введенія буддизма до установленія власти сіюгуновъ знаменитымъ Минамото-Іоритомо (съ 572 г. по Р. Х. до 1286 года.)

Микадо.

572 г. 31 Биндаць или Биндаць.
586—32 Ію-мен.
588—33 Сіу-зіунъ.
593—34 Сун-ко.
629—35 Сію-мен.
636—36 Кво-гокъ.
642—37 Ко-токъ.
655—38 Сан-мен.
662—39 Тенъ-ци.

Микадо.

673—40 Тенъ-му.
687—41 Ци-то.
697—42 Монъ-му.
708—43 Генъ-мен.
715—44 Генъ-сію.
724—45 Сію-му.
750—46 Ко-кенъ.
759—47 Охги-но-микото.
765—48 Сію-токъ.
771—49 Кво-нинъ.

782—50	Кванъ-му.	1012—67	Санъ-тео.
806—51	Фей-цей.	1017—68	Го-ици-тео.
810—52	Са-га.	1037—69	Го-сіу-зіакъ.
824—53	Зіунъ-ва.	1046—70	Го-рей-зенъ.
834—54	Нинъ міо.	1069—71	Го-санъ тео.
851—55	Монъ-токъ.	1073—72	Сяра-гава.
859—56	Сей-ва.	1087—73	Фори-гава.
877г. 57	Ю-зен.	1108—74	Тоба.
885—58	Кво-ко.	1124—75	Сіу-токъ.
888—59	Уда.	1142—76	Кинъ-іе.
898—60	Дай-го.	1156—77	Го-сира-гава.
931—61	Сіу-зіакъ.	1159—78	Ни-сіо.
949—62	Мура-камн.	1166—79	Рокъ-сіо.
968—63	Рей-зенъ.	1169—80	Така-кура.
970—64	Іенъ-іу.	1181—81	Анъ-токъ.
985—65	Ква-санъ.	1184—82	Го-тоба.
987—66	Ици-тео (или Ици-сіо).		

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Со времени наслѣдственности званія сіюгуповъ до сіюгуна Минамото-но іе-ясъ. (Съ 1286 года по Р. Х. до 1603 года).

Въ этомъ періодѣ, 95-й микадо (*Го-дай-го*) нѣсколько разъ принужденъ былъ обращаться въ бѣгство, во время междоусобныхъ войнъ, терзавшихъ Японію, и наконецъ основалъ столицу въ *Іозино* (въ *Яматѣ*).—96-й микадо, *Гво-гонъ*, и наслѣдники его, подъ №№ 97, 98, 99, 100 и 101, считаются похитителями; съ помощію сіюгуповъ, они заняли *Міяко*. Въ это время, продолжавшееся около шестидесяти лѣтъ, въ Японіи бы-

ло два императора или *микадо*: одинъ сѣверный, другой южный. Въ 1392 году южный микадо пріѣхалъ въ Міяко и помирился съ сѣвернымъ, которому выдалъ всѣ знаки власти: *шпръ* (или *дощечку*, говоритъ Клапротъ, какъ будто дощечка похожа на шаръ), *мечъ* и *зеркало*. (Эти три драгоценныя вещи—небеснаго происхожденія, по японскимъ понятіямъ). Похититель принялъ названіе *Тай-цѳо-тенъ-о* и удалился въ монастырь.

Микадо.

Сіогуны.

1199 г. 83 Цуци-микадо.
1211— 84 (іупъ-токъ
1222— 85 Го-фери-гава.
1233— 86 Си-тео.
1243— 87 Го-сага.
1247— 88 Го-фукакуза.
1260— 89 Каме-яма.
1275— 90 Гуда.
1288— 91 Фузими.
1299— 92 Го-фузими.
1302— 93 Го-низіо.
1308— 94 Фана-зоно.
1319— 95 Го-дай-го.
1332— 96 Кво-гонъ (похититель).
1337— 97 Кво-міо.
1349— 98 Зо (или Сіу) кво.
1352— 99 Го-кво-гу.
1372—100 Го-іенъ-ю.
1383—101 Го-ко-мацу.
1413—102 Сіо-кво.
1429—103 Го-фана-зоно.
1465—104 Го-цуци-микадо.
1501—105 Го-казива-бара.

1186 г. 1 Минамотоно Іори-томо.
1202— 2 Минамотоно Іори-іе.
1203— 3 Минамотоно Сане-томо.
1220— 4 Фудзіварано Іори-цуне.
1224— 5 Фудзіварано Іори-цугу.
1252— 6 Мунетака синво.
1266— 7 Коре лзу синво.
1289— 8 Физа Акира синво.
1308— 9 Мори Куни синво.
1333—10 Мори Іози синво.
1334—11 Нори Іози синво.
1338—12 Минамотоно така-удзи.
1358—13 Іози Казі.
1368—14 Іози Мицу.
1394—15 Іози Моци.
1423—16 Іози Казу.
1428—17 Іози Норі.
1441—18 Іози Кацу.

1527—106 Го-нара ⁽¹⁾.
 1558—107 Огоки-мацн.
 1587—108 Го-ю-сея

1449—19 Азикага Іозимаза.
 1472—20 Іози Физа.
 1490—21 Іози тане.
 1494—22 Іози-зуми.
 1521—23 Іози-фару.
 1546—24 Минамотоно іози
 Теру ⁽²⁾.
 1568—25 Іози-нага.
 1568—26 Минамотоно іози
 аки.
 1573—27 Таирано нобу на-
 га.
 1582—28 Санъ-фози ⁽³⁾.

(1) Въ царствованіе этого микадо и во времена сіогуна Іози-Фару, въ 1543 году, Японія открыта Португальцами. Черезъ нѣсколько лѣтъ тамъ уже появились христіане, но дѣйствія римско-католическихъ миссіонеровъ или, лучше сказать, іезуитовъ довели до того, что правительство рѣшилось истребить ихъ и съ новообращенными въ христіанство Японцами.

(2) Іози-Теру погибъ насильственною смертію въ 1565 году. Съ 1565 по 1568 годъ разные военачальники спорили о власти.—Въ 1568 году Іози-Гиеи сдѣлался сіогуномъ и принялъ имя Іози-нага; но умеръ въ девятomъ мѣсяцѣ того же года, а въ десятый сіогуномъ провозгласили Іози-аки. Въ хронологической таблицѣ Гофмана не показанъ Іози-нага; Гофманъ прямо переходитъ отъ 24 къ 26 сіогуну, безъ всякихъ толкованій или объясненій.

(3) Акици-но-мицу-федэ, который возсталъ противъ власти Нобу-нага и заставилъ его посягнуть на самоубійство, правилъ только двѣнадцать дней. Пользовался ли онъ титуломъ сіогуна?—Это невѣроятно Санъ-фо-си, третій сынъ Нобу-нага, безъ сомнѣнія былъ сіогуномъ, но принужденъ былъ передать верховную власть въ руки Фидеіюзи. У насъ Санъ-фо-си означенъ 28 сіогуномъ. Въ хронологической таблицѣ Гофмана переходъ отъ 27 къ 29 сіогуну ничѣмъ не объясненъ.

1586—29	Тоіо доми Фиде іези ⁽¹⁾ .
1591—30	Фиде цугу ⁽²⁾ .
1598—31	Фиде іори ⁽³⁾ .

ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ.

Отъ Минамото-Іе-язу (основателя нынѣшней династіи сіюгуновъ) до нашего времени (съ 1603 года по Р. Х. до 1822 г.).

Микадо.

Сіюгуны.

1612г. 109 Го-мидзуново.	1603—32 Минамото-іе-язу.
1630—110 Меп-сіо.	1603—33 Фиде-тада.
1644—111 Го-кво-міо.	1623—34 Іе-мицу.

(¹) Съ 1467 года въ Японіи начались непрерывныя междоусобныя войны. Тоіо-доми-Фиде-іези или Таико-сама возстановилъ миръ, снова нарушенный послѣ его смерти, въ 1598 году, борьбою, которая началась между Іе-ясомъ и другими претендентами на престолъ.

(²) Фиде-Цугу былъ сынъ брата Таика-Сама; послѣдній усыновилъ его и далъ ему часть въ управленіи государствомъ въ 1591 году. Кажется, Таико-Сама никогда не носилъ титулъ сіюгуна; онъ былъ *кванбакъ* (правитель); когда же удаленъ отъ дѣлъ, то титулъ кванбака передалъ своему питомцу, а самъ назвался Таико (см. Клапрота *Лѣтописи императоровъ, и пр.* стр. 403, прим.). Фиде-Цугу прогнѣвалъ отца жестокостію и дурнымъ поведеніемъ, былъ заключенъ въ храмъ, гдѣ и лишилъ себя жизни въ 1595 году.

(³) Это сынъ Таико-Сама, лишенный престола сіюгуномъ Іе-язу. И его вѣтъ въ хронологической таблицѣ доктора Гофмана, который перескакиваетъ отъ 30 къ 32 сіюгуну безъ объясненій.

1655—112	Го-саи.	1650—35	Іе-цуна.
1664—113	Рей-генъ.	1681—36	Цуна-іози.
1687—114	Фигаси-яма.	1709—37	Іе-нобу.
1710—115	Накано-микадо.	1713—38	Іе-цугу.
1726—116	Сакура-мац.	1716—39	Іози-муне.
1747—117	Мамо-соно.	1745—40	Іе-сиге.
1763—118	Го-сакура-мац.	1762—41	Іе-фару.
1771—119	Го-момо-соно.	1787—42	Іе-нари (3).
1780—120	Сенъ-то (1).		
1817—121	(или 123) Ку-сіо (2)		

(1) Имя 120-го микадо въ таблицѣ Гофмана поставлено въ скобкахъ. Но объясненія никакого нѣтъ. Клапротъ замѣчаетъ, что это не имя, а титулъ, даваемый обыкновенно каждому отказавшемуся отъ престола микадо.

(2) Ку-сіо, по таблицѣ Гофмана, 123 микадо, а не 121, но сто двадцать перваго и сто двадцать втораго микадо въ ней недостаетъ; этотъ недостатокъ тѣмъ замѣтнѣе, что Зибольдъ и Гофманъ говорятъ въ примѣчаніяхъ, предшествующихъ таблицѣ, что въ ней содержится 123 микадо. Клапротъ ставитъ Ку-сіо подъ № 121 и увѣряетъ, что онъ царствуетъ съ 1818 г. до нашего времени.

(3) Сіогунъ Іе-Нари правилъ государствомъ еще въ 1830 году. Зибольдъ (въ Опытѣ объ японской торговлѣ) мимоходомъ упоминаетъ, что новый сіогунъ вступилъ въ управленіе въ 1842 году.

ТАБЛИЦА МѢРЫ, ВѢСА И МОНЕТЪ. (*).

МѢРЫ ПРОТЯЖЕНІЯ.

Японскій футъ, *сази* или *сіякѣ*, слѣдуетъ считать единицею мѢры протяженія. По исчисленію Зибольда,

1 *сази* = 0,303 метра = 11 дюйм. 11 лині-
ямъ (англійскаго фута). Стало быть *сази*
почти или безъ малаго англійскій футъ.

Сази раздѣляется на 10 *сунѣ*, 100 *бунѣ* и
1000 *ринѣ*. 10 *ринѣ* = 1 *бунѣ* = 0,00303 метра.

10 *бунѣ* = 1 *сунѣ* = 0,0303 метра.

10 *сунѣ* = 1 *сіякѣ* = 0,303 —

6 *сіякѣ* и 3 *сунѣ* = 1 *кенѣ* (**) = 1,909 мет.

60 *кенѣ* = 1 *цѣо* или *маци* (***) = 114,540 —

(*) При составленіи этой таблицы, г. Жансинъ преимуще-
ственно пользовался трудами Зибольда; но едва
ли Зибольдъ вѣренъ и заслуживаетъ довѣрія въ исчи-
сленіи *вѣса* и *монетѣ*.

(**) Также *иккенѣ*; Въ Децимѣ, *ики*.

(***) Слово въ слово значитъ *улица*.

36 *цзо* = 1 *ри* (китайск. *ли*) = 4123,44 мет.

28¹/₈ *ри* составляютъ градусъ, по вычисленіямъ японскихъ астрономовъ.

Старинная мѣля въ 50 *мацц* до сихъ поръ въ употребленіи въ нѣкоторыхъ провинціяхъ (*).

Также употребляются слѣдующія мѣры:

Зіоо (по китайски *чангъ*), родъ аршина для измѣренія матерій; въ немъ, по увѣренію Зибольда, содержится два *кена*.

Цуне-сази или *кузира-сази*, мѣра для тканей и портныхъ, содержитъ 379 сантиметровъ или 1 французскій футъ 2 дюйма.

Ге-сіакъ служитъ для измѣренія дерева. (Съ употребленіемъ этой мѣры соединено суевѣріе, какъ увѣряетъ Зибольдъ; но онъ не объясняетъ ни этого суевѣрія, ни что такое самая мѣра.)

Наконецъ *фиро* или *хиро*, соответствующее французскому туазу и брассу; Зибольдъ говоритъ, что въ *фиро* около пяти *сіакъ*.

(*) Прежде японская мѣля раздѣлялась на пятьдесятъ *мацц*, каждое *мацц* на шестьдесятъ *пу* или два шага, а *пу* дѣлилось на шесть *сіакъ* (футовъ) и пять *сунъ* (дюймовъ). Со времени Среднихъ Вѣковъ, мѣля содержитъ тридцать шесть *мацц* и одинъ *пу* въ шесть футовъ. Нѣнѣшняя японская мѣля равна шести китайскимъ *ли*; ею обыкновенно считаютъ на сѣверѣ Японіи.

МѢРЫ ПОВЕРХНОСТИ.

Пу или *иппу*, единица мѣръ поверхности, равняется квадратному кену или почти 3,644 квад. метрамъ.

Се—прямоугольный четырехугольникъ длиною въ шесть *пу*, шириною въ пять.

Рисовыя поля измѣряются *таномъ*. *Танъ* имѣетъ въ длину 20 *пу*, въ ширину 15, или 300 квад. *пу*. (*Иттанъ*, говоритъ *Зибольдъ*, есть правильное пространство, занимаемое рисовымъ полемъ, по японски *денъ-го*.)

Цю длиною въ шестьдесятъ *пу*, шириною въ 50; стало быть, поверхность его въ 3,000 квадратныхъ *пу*. Эти полевые мѣры введены при сѣюгуи Таико-гиде-Юзи, съ 1586 по 1590 годъ (*).

ВѢСЪ.

Монме есть единица вѣса и равняется, по *Зибольду*, 0,1750 граммы или $1\frac{3}{4}$ граммъ.

(*) Прежде употреблялись слѣдующія мѣры:

Се=36 квад. *пу*.

Танъ=360 квад. *пу*.

Цю = 3.600 квад. *пу*.

Монме раздѣляется на 10 *пунъ*.

Пунъ — — — 10 *ринъ*.

Ринъ — — — 10 *моо*.

Десять *монме* серебра составляютъ 1 таэль въ счетахъ голландской факторіи.

Сто *монме* или 1 *хякме* = 100 таэламъ.

Тысяча *монме* или 1 *икванъ-ме* = 100 таэламъ.

160 *монме* составляютъ японскій фунтъ, *кинъ*, вѣсящій почти 280 граммъ. *Кванме* вѣситъ $6\frac{1}{4}$ *кинъ* или $1\frac{3}{4}$ килограмма. Въ Японіи навьючиваютъ на лошадь 36 *кванме*, или около шестидесяти трехъ, *кило* (почти 130 фунтовъ).

МОНЕТА.

Монъ (*ицу-монъ*), самая меньшая монета, служитъ единицею для монетъ мѣдныхъ или желѣзныхъ. Монету *монъ* обыкновенно называютъ *зени* или *сенъ*. Она равна серебряному *ринъ*.

10 *монъ* или *ринъ* (*зіу-монъ*) равны одному *пунъ* и стоятъ 3, 5 сантима.

Въ провинціяхъ, принадлежащихъ императорскому вѣдомству, 96 *монъ* составляютъ одинъ *монме*. Въ другихъ провинціяхъ, цѣна этой монеты или выше или ниже. Есть

еенъ простые и двойные; тѣ и другіе круглой формы, съ дырою посрединѣ; ихъ называютъ, какъ четки, на одну нитку столько, сколько нужно, чтобы составить *монме*; потомъ соединяють по десяти такихъ связокъ въ одну, и такая большая связка составляетъ *десять монме*. Такая мелкая монета въ большомъ употребленіи въ Японіи, въ Китаѣ и во многихъ частяхъ Архипелага и Индо-Китая (*).

Зибольдъ говоритъ, что единица серебряныхъ монетъ называется *ryo*, *ryo жинъ*, а единица золотыхъ называется *ryo-кинъ*.

1 *ryo* серебромъ (*жинъ*) вѣситъ 4 *монме* 3 *пуна*. 10 *ryo* или 43 *монме* составляютъ *май*.

Золотой *ryo* равняется 60 серебрянымъ *монме*; это цѣнность *кобанга*; но торговая цѣнность *кобанга* измѣняется отъ 58 до 65 сереб. *монме*,

Главнѣйшія серебряныя монеты суть: *итакане* (металлическія полосы) и *кодама* (драгоцѣнные камешки).

Не смотря на старанія Зибольда и уче-

(*) По китайски она называется *ченъ*; у Европейцевъ извѣстна подъ названіемъ: *cache, cash, sapèque* и пр.

ныхъ издателей *Chinese Repository*, нельзя войти въ подробный разборъ всѣхъ японскихъ монетъ, по сбивчивости и неполнотѣ извѣстій. Слѣдуетъ ограничиться необходимыми и вѣрными свѣдѣніями (*).

Въ Японіи ходятъ деньги золотыя, серебряныя, мѣдныя и желѣзныя. — Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ ходятъ ассигнаціи (бумажныя деньги).

Японское нумизматическое сочиненіе *Кинъ-жинъ-цу-року* (Записка и рисунки золотыхъ и серебряныхъ монетъ), изданное въ Іедо въ 1822 году въ семи томахъ въ осьмушку, заключаетъ въ себѣ опытъ о древнихъ и нынѣшнихъ монетахъ, и описываетъ пятьсотъ пятьдесятъ сортовъ монетъ, изъ коихъ большая часть отпечатаны красками (это заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что раскраски не находимъ въ подобныхъ книгахъ, изданныхъ въ Китаѣ).

Всѣ монеты, какъ золотыя и серебряныя, такъ и мѣдныя, не выбиваются, а отливаются. Оконченность отдѣлки и чистота изображе-

(*) Любопытные могутъ не безъ пользы прочесть сочиненіе, изданное барономъ Шодуаромъ въ 1842 году въ С.-Петербургѣ: *Recueil des monnaies de la Chine, du Japon, de la Corée, d'Annam et de Java.*

ній на нѣкоторыхъ монетахъ принесли бы честь даже европейскимъ артистамъ.

О цѣнности бѣльшей части монетъ, находящихся въ обращеніи, ничего не извѣстно положительно.

Наибольшая золотая монета, *огобанъ*, стоитъ номинально 20 золотыхъ *рыо* или *кобанъговъ*, а съ промѣномъ, отъ 24 до 26; но она не въ ходу, а только идетъ на подарки.

Нынѣшній *кобанъ* или *кобангъ*, по расчету Зибольда, стоитъ $12\frac{1}{2}$ голландскихъ флориновъ или 26 франковъ 25 сант. французскою монетою (*).

Обѣ эти золотыя монеты очень тонки и имѣютъ эллиптическую форму; на нихъ, какъ и на многихъ другихъ золотыхъ и серебря-

(*) Въ французскомъ ученомъ календарѣ (*Annuaire du bureau des longitudes*) на 1848 годъ, *кобанъ* вышелъ въ 39 фр. 69 сантимовъ. Старый *кобанъ* означенъ тамъ въ 51 фр. 2½ сантима! Принявъ въ соображеніе съ одной стороны ученость и осторожность людей, которымъ французское правительство поручаетъ составленіе ежегоднаго *Annuaire du bureau des longitudes*, а съ другой, вѣрность и точность извѣстій Зибольда, котораго можно назвать самымъ добросовѣстнымъ путешественникомъ, поневолѣ подумаешь, что тутъ дѣло идетъ о какихъ нибудь двухъ совершенно разныхъ монетахъ. Такъ-то сбивчивы еще наши свѣдѣнія о Японіи!

ныхъ монетахъ, изображенъ гербъ микадо, то есть, цвѣтокъ и три листика дерева, которое Японцы называютъ *кири* (у нашихъ ботаниковъ *driandria*). Кемпферъ говоритъ объ этомъ изображеніи: «Листъ съ тремя распустившимися почками (*)».

Зибольдъ говоритъ, что есть кобаны совершенно круглые (*козіу-кинъ*).

Они въ обращеніи въ провинціи *Кан*.

Кромѣ этихъ монетъ существуютъ:

Ни-пу (полу-кобанъ);

Ици-пу (четверть кобана), и

Иссиу (шестнадцатая доля кобана).

Всѣ эти монеты золотыя.

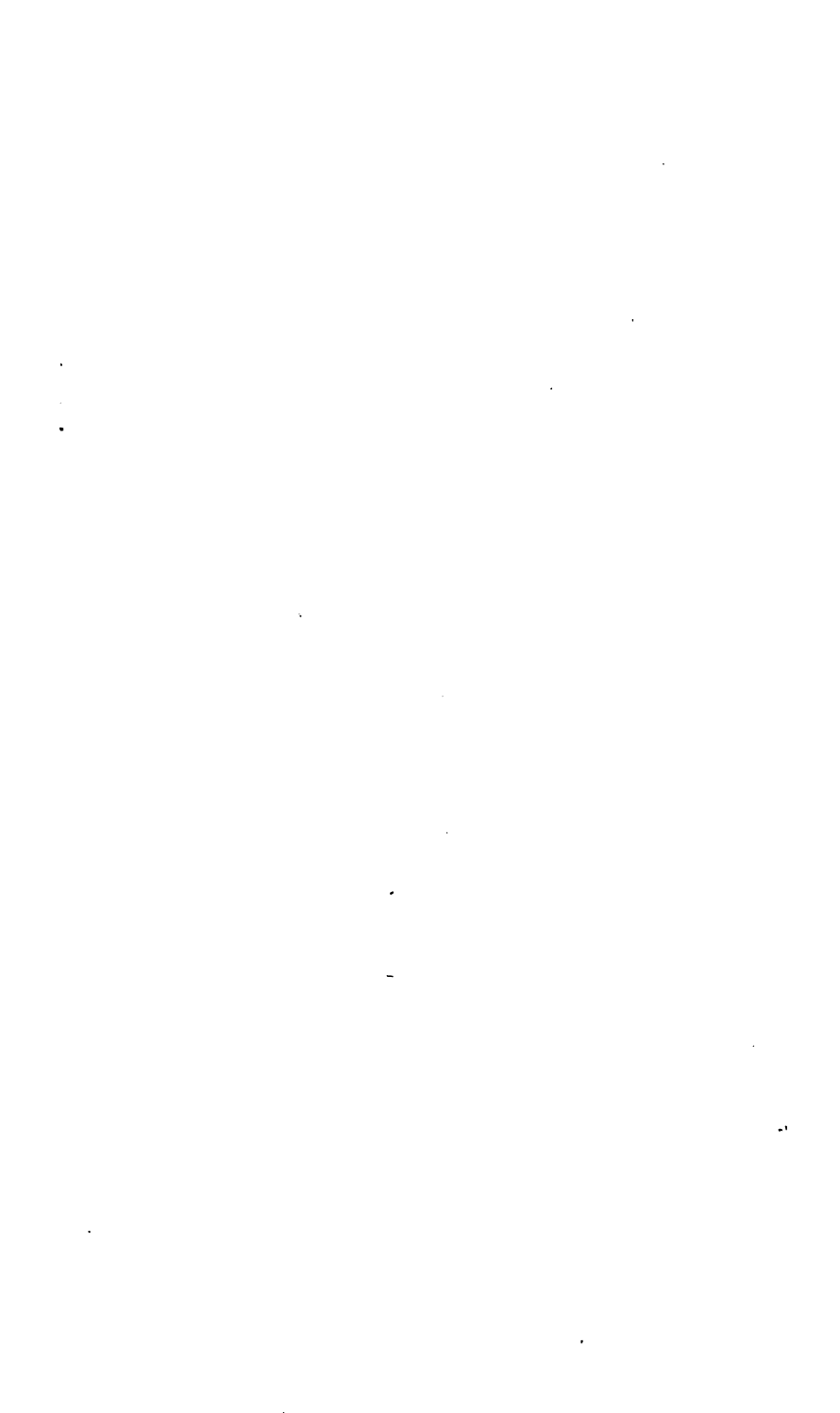
Есть также серебряныя монеты, цѣною въ восьмую и въ шестнадцатую долю кобана

Бумажныя деньги, имѣющія ходъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, вообще называются *фуда* или *сацъ* (листочки, маленькія таблетки).

Жинъ-сацъ (серебряные листочки) стоятъ 1 монме. Ассигнаціи меньшей цѣны называются *зени*. Есть ассигнаціи въ восьмую долю кобана; ихъ называютъ *га-гаки*. Въ атласѣ Зибольда есть изображеніе одной такой ас-

(*) См. Кемпфера, Томъ I, стр. 103.

сигнаціи (листъ II, изоб. 13 и 13а). Правительство всячески старается затруднить подѣлку этихъ бумагъ. Поддѣльвателямъ фальшивыхъ ассигнацій назначена смертная казнь, чему не слѣдуетъ удивляться: вездѣ, гдѣ существуетъ смертная казнь, вездѣ правительства этимъ средствомъ защищаютъ свою монету.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПОРОШОКЪ ДОЗІА И ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ЕГО КОБУ-ДАНЗИ.

(Это извѣстіе взято изъ сочиненій *Титсин-га*, который въ 1812 году скончался въ Парижѣ, по возвращеніи изъ Японіи, гдѣ прожилъ четырнадцать лѣтъ. Онъ превосходно зналъ по-японски и собралъ богатѣйшую коллекцію книгъ, гравюръ и разныхъ рѣдкостей японскихъ. Она, послѣ его неожиданной смерти, разошлась по разнымъ рукамъ; часть ея была похищена. Замѣчанія Титсинга о порошокѣ *Дозіа* тѣмъ любопытнѣе, что дѣло это до сихъ поръ остается спорнымъ и нерѣшеннымъ.)

Японцы хоронятъ мертвыхъ не такъ, какъ Европейцы: они не кладутъ ихъ въ гробы, сдѣланные по росту покойника, а прячутъ въ бочки въ три фута вышиною; діаметръ этихъ боченковъ на верху въ два съ половиною, а внизу въ два фута. Трудно понять, какъ можно согнуть трупъ въ такое поло-

женіе, когда члены, окоченѣвъ, не могутъ гнуться.

Японцы, которымъ я сообщалъ это замѣчаніе, отвѣчали миѣ, что они доходятъ до этого результата посредствомъ особеннаго порошка, называемаго *dosia*.

Порошокъ этотъ всыпаютъ въ уши, ноздри и ротъ умершаго, и членамъ тѣла немедленно возвращается удивительная гибкость. Какъ миѣ обѣщали сдѣлать опытъ въ моемъ присутствіи, то я и воздержался отъ опроверженій на счетъ факта, который казался миѣ невѣроятнымъ (*).

Вотъ какой опытъ сдѣлали при миѣ. Наступилъ октябрь 1783 года и холодъ былъ довольно чувствителенъ. Въ Децимѣ умеръ молодой Голландецъ; я поручилъ медику омыть трупъ и положить его на всю ночь на столъ на открытомъ воздухѣ, чтобы члены еще болѣе окрѣпли.

На другой день, многіе Японцы и слу-

(*) Когда Титсингъ жилъ въ Бенгаліи, онъ выслалъ въ письмѣ къ г де-Гинь старшему, 12 марта 1788 г., нѣсколько неполныхъ подробностей о порошокѣ *dosia*. Письмо его, напечатанное въ *Journal des Savants*, попало въ лондонскій *Monthly-Review*, а потомъ перешло въ одинъ голландскій журналъ. Гровингенскій химикъ г. Фибоаль невполнѣ понялъ мысль Титсинга, и принялъ за достовѣрное то, что онъ описывалъ съ сомнѣніемъ.

жащіе при факторіи, въ томъ числѣ и я, пошли осматривать тѣло: оно было крѣпко, какъ кусокъ дерева. Одинъ изъ переводчиковъ, по имени Зенби, вынулъ *сантокъ* (бумажникъ) и досталъ изъ него продолговатую бумажку, съ грубымъ порошкомъ, похожимъ на песокъ: это былъ знаменитый *дозіа*. Онъ положилъ щепотку этого порошка въ уши, другую въ ноздри и ротъ, и скоро, отъ дѣйствія ли *дозіи* или отъ какого нибудь обмана, котораго однакоже я не замѣтилъ, руки, лежавшія крестомъ на груди, сами собою опустились, а черезъ двадцать минутъ (я держалъ часы въ рукѣ) тѣло получило гибкость.

Я приписывалъ это явленіе дѣйствию какого нибудь тончайшаго яда; но меня увѣряли, что порошокъ *дозіа* не только не ядовитъ, но даже очень полезенъ въ трудныхъ родахъ.

Я имѣлъ случай добыть славнаго порошка; для этого мнѣ пришлось посылать въ *Киццо* (девять провинцій), во всѣ храмы *Сингу*, которые исключительно имъ торгуютъ, потому что принадлежать къ ученію *Кобу-Даизи*, изобрѣтателя порошка. Дѣйствительно, послѣ смерти этого Кобу-Даизи, во второй годъ *ненго-зіо-ва* (по нашему 825 годъ

но Р. Х.) песокъ этотъ вошелъ въ употребленіе во всей Японіи. При этомъ первомъ поискѣ я могъ получить его только весьма малое количество, и то по особенной благоклонности жрецовъ: они никогда не отпускаютъ болѣе щепотки разомъ.

Однакоже, при отъѣздѣ въ 1784 году изъ Японіи, я вывезъ довольно значительное количество порошка дозіа. Часть его разложена была въ двадцати маленькихъ пакетцахъ, съ надписями красными буквами; остальное находилось въ небольшихъ мѣшечкахъ; но это былъ простой, невыдѣланный порошокъ, съ частичками золота; онъ вѣроятно не имѣлъ полной силы. Только въ одномъ пакетѣ находился порошокъ, очищенный химически, что необходимо для полного его дѣйствія, и этотъ порошокъ былъ совершенно бѣлый, какъ снѣгъ.

Изобрѣтеніе дозіи приписываютъ жрецу, по имени *Кобу-Данзи*; онъ узналъ свойства этого драгоцѣннаго минерала на горѣ *Коягосенъ* или *Кимбенсенъ*, въ провинціи *Ямотто*, въ которой много золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ. Онъ принесъ значительное количество этого порошка въ храмъ, гдѣ служилъ, на гору *Коясъ-анъ*.

Жрецы этого храма до сихъ поръ восста-

ваютъ благодарственные гимны богамъ, допустившимъ Кобу-Даизи узнать свойства драгоцѣннаго порошка. Когда запасы его истощаются, жрецы идутъ за нимъ на гору Конгозенъ и переносятъ его въ муравленыхъ горшкахъ. Едва принесутъ новый запасъ, его кладутъ въ муравленный и золоченный тазъ, передъ идоломъ Даиници или Биронъ-санна: жрецы стоятъ кружкомъ передъ жертвенникомъ и, поворачивая между пальцами что-то въ родѣ четокъ, произносятъ въ продолженіи семи сутокъ, пѣснь, называемую *Гуо-міо-синго*; вотъ ея текстъ:

Онъ о бокіа Биронъ санна номака фодора мани
Фандо ма, зимбара фара, фаре тая вонъ. —

Жрецы увѣряютъ, будто бы послѣ этихъ продолжительныхъ взываній, въ песокъ слышится шопоть: всѣ нечистыя частицы выходятъ изъ сосуда сами собою. Остается въ немъ только чистый порошокъ дозіа, который и дѣлятъ между всѣми храмами *Сингу*.

Кобу-Даизи вывезъ эту пѣснь или гимнъ изъ Китая, куда онъ введенъ жрецомъ секты *Сіака*, пріѣхавшимъ изъ Малабара. Я не могъ добиться, чтобы мнѣ объяснили содержаніе гимна, и узналъ только слѣдующее: Солн-

це, по вѣрѣ синто или сектаторовъ первоначальнаго японскаго вѣрованія, называется *Фонсіо-Даизинъ*, *Даизингу* и *О-фируме-но микотто*; во жрецы Сингу называютъ его ма-лабарскимъ именемъ *Мака-Биронъ-санна-буцъ*, что значитъ: божество, разсѣивающее великій мракъ. Это названіе схоже съ японскимъ *Дай-мезъ-ніо-раи*.

Когда рыбаки занимаются своимъ дѣломъ на берегу морскомъ, они всегда поютъ этотъ гимнъ, думая, что безъ него они будутъ какъ заколдованные и вовсе ничего не поймаютъ.

Японцы, которыхъ я спрашивалъ о смыслѣ другихъ словъ, откровенно признавались мнѣ, что ни одного не понимаютъ, за исключеніемъ послѣдней фразы: *зимбара фара, фаре тая вонъ*. Когда японскій сластолюбецъ сытно покушалъ, то онъ охотно произноситъ эти слова, потому что они значатъ: *переполненное мое брюхо тяготитъ меня*. Но, вѣроятно, этого дѣлать не должно, потому что маленькихъ дѣтей увѣряютъ, что у нихъ тотчасъ скривится ротъ на сторону, если они осмѣлятся повторить эту богамъ противную фразу.

Кобу-Даизи нѣсколько разъ перемѣнялъ имена во время жизни. Всего дольше носилъ

имя *Сіоку-но-кукаи*; онъ родился въ *Фодо-но-кори*, въ провинціи Сануки. Отецъ его назывался Денко и происходилъ отъ Саеки; мать его—изъ знаменитой фамиліи Ато. Она родила своего сына, въ пятый годъ ненго-фоки (774 годъ по Р. Х.) въ царствованіе сорокъ девятого даири, Коненъ-Тенъ-о (*).

Новорожденного назвали *Фато-Моно*, что значитъ драгоценный камень.

Когда ему минуло двѣнадцать лѣтъ, его начали учить ариѳметикѣ; онъ скоро выучился читать всякія книги, китайскія и японскія. Будучи восемнадцати лѣтъ, онъ зналъ уже всѣ важнѣйшія произведенія мудраго Кунфу-цзы.

Учителемъ его былъ родной его дядя, по матери; *Фіозанъ-Даибу-ото-но-Отари*. Подъ руководствомъ такого опытнаго наставника, онъ успѣвалъ удивительно; но ему очень хотѣлось изучить сочиненія *Сіяко*: ученый бонзъ этой секты, по имени Самонъ-Гузо, жившій въ Ивабути, доставилъ ему случай удовлетворить это желаніе (**).

(*) Титсингъ употребляетъ здѣсь слово *даири* (духовный дворъ) вмѣсто *микадо* (духовнаго императора).

(**) Сектаторы *сіяко* дѣлятся на восемь сектъ:

Дѣйствительно, отъ Самонъ-Гусо узналъ онъ объясненія гимна, посвященнаго боже-
ству Кокузо-гу-музи. Въ награду за его рев-

1. *Ріецы*, которымъ приказано наблюдать пять осо-
быхъ правилъ.

2. *Кусіа*.

3. *Зіозимы*.

4. *Фоссо*.

5. *Санроны*.

6. *Сингоны*, принадлежащіе собственно къ сектѣ
Кобу.

7. *Теидаи*, которыхъ ученіе во многомъ очень похо-
же на секту сингомовъ.

8. *Кейгоны*.

Въ Ниппонъ-о-даи-ице-ранъ сказано, что король Фіак-
санъ, въ третій годъ царствованія тридцатаго даири,
Кинъ-мен-тенъ-о, отправилъ посольство, которое везло
въ подарокъ изображеніе божества Сіаки, и вмѣстѣ
съ нимъ тосаны или значки, которые носятъ съ пра-
вой и съ лѣвой стороны около верховнаго жреца, тен-
гаи или зонтикъ, и книгу съ гимнами. Такимъ обра-
зомъ секта Сіаки проникла въ Японію.

Хотя она распространилась по всей Японіи, однакожъ
лишилась уваженія и поддерживается только полити-
ческими причинами. Напримѣръ: даири, у котораго
нѣсколько сыновей, принужденъ дать каждому изъ
нихъ по провинціи; но, не имѣя возможности испол-
нить это, онъ назначаетъ ихъ верховными жрецами
въ главнѣйшіе храмы Сіаки; они не могутъ жеваться,
но ведутъ блестящую жизнь. Дѣйствительно, многіе
князья даютъ этимъ храмамъ значительные доходы.

ность, учитель позволилъ ему, по достиженіи двадцатилѣтняго возраста, брить голову (*).

Въ началѣ прошедшаго вѣка, князь Фицена, Мац-даира-синтаро, приказалъ разрушить въ своихъ владѣніяхъ всѣ храмы Сіаки, за исключеніемъ восьми. Земли, принадлежавшія къ этимъ храмамъ, оставлены жрецамъ на прокормленіе. Металлическихъ идоловъ растопили, деревянныхъ бросили въ море. Два деревянные идола выбросило волнами на берегъ у Нагазаки; ихъ подняли съ особеннымъ уваженіемъ и до сихъ поръ сохраняютъ въ храмѣ Аузенси.

(*) Жрецы Синто, приверженцы первоначальной японской религіи, не брѣютъ головы; жрецы Сіаки совершенно бриты и ихъ называютъ въ насмѣшку *ками-нага* (людьми съ длинными волосами). Имъ не позволяется являться ко двору микадо. Когда они хотятъ посѣтить храмъ въ ІIZE, то должны прежде помолиться въ ту сторону, гдѣ рѣка Мія-гава и потомъ надѣтъ парикъ: безъ этого ихъ никакъ не впустятъ въ храмъ.

Презрѣніе къ этой сектѣ доходитъ до того, что когда говорятъ о нихъ при дворѣ микадо или въ храмѣ ІIZE, то употребляютъ особыя выраженія, которыя показываютъ насмѣшку.

Такъ, вмѣсто *сіако*, говорятъ *накаго* (прозвище, данное ему на смѣхъ).

Вмѣсто *кио* (книга священныхъ гимновъ) употребляютъ слово *соне-гами* (раскрашенная бумага).

То, башня ихъ храма, прозвана *Арарати*.

Дера (храмъ) называютъ *кавари-буци* (черепичная крыша). Прежде храмы Сіаки и тюрьмы покрывались

Подъ именемъ *Кукаи*, которое онъ скоро переимѣнилъ на новое, *Сіоку*, онъ достигъ до полнаго, совершеннаго знанія ученія *санронъ* (*).

Въ это время Гоніо отправился въ провинцію *Иэуми* и уединился въ храмъ *Маки-ново-яма-Дера*. Въ четырнадцатый годъ царствованія *нянь-хао-чжень-юань* (995 годъ по

черепицею; а храмъ *Синто* и прочія зданія — деревянными досками.

Зинъ-муру, умершіе, называются *навару*, то есть, столкнутые съ мѣста.

Вмѣсто слова *нику* (говядина) употребляютъ *таке*, что значитъ грибъ.

Вмѣсто *янна-и* (больные) говорятъ *яссуми*, то есть, сидящіе дома.

Наку (плакать) передѣлано въ *зувотаруру* (поливать соленою влагою).

Тге (кровь) измѣнено въ *азе* (потъ).

Когда хотятъ сказать, что приверженца *Сіаки* поколотили (*уцу* или *такаку*), то говорятъ, *назуру* (его поласкали).

Наконецъ, слово *фака* (могила) замѣняется словомъ *цутіи-куре* (куча земли)—и пр.

(*) Въ ученіи *санронъ* три секты:

1-я *Тюронъ*.

2-я *Сіюни-монронъ*.

3-я *Фиакронъ*.

Между этими тремя сектами почти нѣтъ различія.

Р. Х.) Кобу-Даизи былъ избранъ верховнымъ жрецомъ въ храмъ Фодаизи, въ Меако, и принялъ имя *Сіоку-но-кукаи*. Достигнувъ до этого высшаго званія, онъ рѣшился отправиться въ Китай.

Въ Ниппонъ-о-даи-ице-ранъ видно, что Гуань-минъ-тянь послалъ въ Китай, въ двадцатый годъ царствованія нянь-хао-чжень-юань (804 г. по Р. Х.), посольство, состоявшее изъ Фонсаваро-но-кадо-но-маро, перваго посла, Изигавано-мице-мазу, втораго посла, и Суга-вара-но-сейко, третьяго посла. Секретаремъ этого посольства былъ Азано-но-катори. Всѣ три посла были ученые перваго разряда: они взяли съ собою двухъ жрецовъ, Тенгу и Кукаи, для разбора религіозныхъ ученій въ Китаѣ.

Составитель жизнеописанія Кобу-Даизи утверждаетъ, что этотъ жрецъ ѣздилъ съ другимъ посольствомъ, именно съ тѣмъ, которое посылалъ въ Китай Гуань-му, въ пятый мѣсяцъ двадцать третьяго года нянь-хао-чжень-юань. Посолъ назывался Корокъ-даи-бу фузивара. Они пустились въ западное море изъ Огозаки и достигли до береговъ провинціи Косіу въ восьмой мѣсяцъ. Въ Китаѣ управлялъ тогда императоръ Дэ-цзунъ. Посла продолжительнаго путешествія по сухо-

му пути, они прибыли въ двѣнадцатый мѣсяцъ къ императорскому двору въ царствованіе Чжень-юань, и получили квартиры по императорскому повелѣнію въ улицѣ Синіобо, гдѣ они заняли предназначенный имъ домъ.

По отъѣздѣ посла, Кобу остался въ Китаѣ. Императоръ приказалъ дать ему квартиру въ храмѣ Саи-ми-іози и дозволилъ ему посѣщать всѣ придворные храмы. Кобу встрѣтилъ въ храмѣ Сіорузи жреца, по имени Кигуа-Азари, искуснѣйшаго ученика Коци-Санзу. Этотъ жрецъ милостиво принялъ желаніе Кобу—узнать тайны ученія Сіяки, и приказалъ своимъ ученикамъ обращаться съ гостемъ съ тѣмъ уваженіемъ и почтеніемъ, какія слѣдуютъ потомку славнаго. Сан-си-Бозать-су.

Въ седьмой мѣсяцъ Кобу объяснилъ гимнъ, посвященный божеству Конго-каи-даи-манъ, и дошелъ до такого совершенства, что въ восьмомъ мѣсяцѣ получилъ имя Денбо-Азари. Тогда его произвели въ верховные жрецы, и въ знакъ радости онъ далъ пиръ пяти-стамъ своимъ товарищамъ. Азари при этомъ случаѣ подарилъ ему книги гимновъ Конго Тіогіо, Даиницгіо, Зосицгіо и нѣсколько другихъ. Также онъ подарилъ ему изображенія боговъ (мандера), нарисованныя на

длинныхъ свиткахъ, и всѣ принадлежности, необходимыя для совершенія жертвоприношеній.

Азари сказали ему слѣдующее: «Поелику ты человекъ весьма ученый и постоянно занимаешься наукой, я дарю тебѣ всѣ мои книги, всѣ мои рукописи и жреческія украшенія.»

Кобу принялъ подарки съ живѣйшею благодарностью и впоследствии вывезъ ихъ въ Японію; онъ молилъ боговъ, чтобы они сохранили его во время переѣзда, потому что отъ опаснаго морскаго путешествія зависѣло благо имперіи. Къ этому онъ прибавилъ, что одного недостаетъ ему: молодости. Онъ чувствовалъ, что по старости лѣтъ не можетъ исполнить долга въ отношеніи къ богамъ.

Азари сказалъ Кобу, что недостаточно словесныхъ объясненій о формахъ жертвоприношеній, и что надобно прибѣгнуть къ помощи императорскихъ живописцевъ. Живописецъ Лиссокъ, при помощи десяти товарищей, вѣрно изобразилъ главнѣйшія церемоніи. Ютпозинъ, императорскій литейщикъ, сдѣлалъ предметы, необходимыя для совершенія жертвоприношеній. Болѣе двадцати извѣстнѣйшихъ писцовъ принялись переписывать всѣ книги гимновъ, какъ публичныя,

такъ и хранившіяся у частныхъ людей, и эти драгоцѣнныя рукописи были подарены Сіоку-но-Кукаи.

Одинъ разъ, когда онъ находился въ гостяхъ у верховнаго жреца Фаціо-сансо, послѣдній разсказалъ ему, что съ юныхъ лѣтъ отправился онъ изъ отечества своего Каи-Финкокъ (собственно Фанніа) и прошелъ по всему Индостану, умоляя Сіаку распространить его ученіе по всему міру. Уже мольбы его исполнились въ Китаѣ, и онъ хотѣлъ переѣхать въ Японію, съ намѣреніемъ распространять то же ученіе. Встрѣча съ Сіоку-но-Кукаи останавливаетъ его, потому что японскій ученый жрецъ рѣшился посвятить себя тому же дѣлу. По этому онъ поднесъ ему книгу Кеигонъ-рокъ-фара-міецкію, переводъ съ индійскаго на китайскій языкъ, и вмѣстѣ съ нею, всѣ рукописи, сочиненныя имъ во время путешествій. *Кукаи* принялъ эти новыя подарки съ новою, невыразимою благодарностію.

Въ третій мѣсяцъ перваго года царствованія Юань-хо (806 г. по Р. Х.) Кукаи возвратился въ Японію и вышелъ на берегъ въ первый годъ юань-хо-даидо, при пятьдесятъ первомъ даири, Физіо-тенъ-о. Во время перѣзда, съ нимъ ѣхалъ Фатибана-но-фая-нари,

извѣстный даже въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ красивымъ почеркомъ.

Тутъ - то Кукаи принялъ имя Кубу или Кобу.

Новое ученіе быстро распространялось по имперіи. Даири вообразилъ, что переводъ книгъ Сіаки на японскій языкъ будетъ дѣломъ знаменитымъ. По этому, Кобу издалъ сперва изъ книгъ гимновъ Даи-мецъ-гіо, потомъ Бодаи-синронъ, и наконецъ Сіу-сіу-синронъ. Размышленія надъ писаніями собственной его секты и многихъ другихъ привели его къ замѣчанію, что у человѣчества четыре бича, а именно:

1. *Сигокфъ* (адъ),
2. *Гаки* (женщина),
3. *Тіикузіо* (развращенный человѣкъ) и
4. *Сіура* (война).

Кобу сочинилъ книгу подъ названіемъ *Сіу-Тіу-Синронъ*, въ которой содержатся нѣсколько правилъ ученія Сіаки.

Вотъ два основныя изъ этихъ правилъ:

Ізіо-ти-іо-зинъ: душа грѣшника послѣ смерти переходитъ въ тѣло барана.

Таинъ-даи-зіо-зинъ: Кто съ пламеннымъ усердіемъ предается ученію *Даи-зіо* (то есть,

тому, что есть самое возвышенное въ учѣніи Сіяки), тотъ получить особенную награду, а именно: душа его перейдетъ въ тѣло одного изъ лучшихъ и почтеннѣйшихъ жрецовъ секты Сіяки.

Въ седьмой годъ нянь-хао-коринъ (816 г. по Р. Х.) Кобу совершилъ путешествіе въ провинцію Кино-куни, чтобы сыскать тамъ мѣсто, удобное для построенія храма. Ему понравилась особенно гора Коюзанъ, и онъ выстроилъ на ней храмъ, который носитъ названіе Конго-Бузи.

Въ одиннадцатомъ году (820 по Р. Х.) дайри, торжественнымъ актомъ, далъ ему званіе *Денто-Дай-Фузи* и кромѣ того, подарилъ въ первый мѣсяцъ четырнадцатаго года (823 г.) храмъ Фози въ Меако. Знаменитый жрецъ приказалъ выстроить въ этомъ храмѣ *кантіоинъ* (капище для своихъ учениковъ). Все въ этомъ мѣстѣ было устроено какъ въ храмѣ Сиріози въ Китаѣ. Въ храмѣ Фози хранятся до сихъ поръ, какъ драгоценности, жреческія одежды, которыя онъ получилъ отъ учителя своего Ки-куа и съ которыми онъ не разставался.

Въ первый годъ царствованія ненго-фанъ-тіо (824-й по христіанскому численію) про-

славленному жрецу поднесли новый титулъ. *Зозу.*

Во второй годъ (825 по Р. Х.) онъ перемѣнилъ названіе храма *Сингуанси*, находившагося въ провинціи Ямасиро, на горѣ Факаво, и назвалъ его *Синго-коксо-сингузи*. Дайри подарилъ ему это зданіе.

Въ первый годъ царствованія ненго-зіо-ва (834 г.) онъ получилъ отъ дайри Ниммю-тенъ-о, позволеніе построить во внутренности его двора храмъ *Сингу-инъ*, на подобіе того, который существуетъ на императорскомъ дворѣ въ Китаѣ. Для этого отдали жрецу Мандера-дозіо зданіе, гдѣ жили счетоводы. Въ этомъ храмѣ ежегодно, съ восьмага до четырнадцатаго дня перваго мѣсяца, произносятся молитвы за благо народа.

Въ первый мѣсяцъ втораго года (835), по его же просьбѣ, назначили трехъ учителей, изъ которыхъ одинъ объясняетъ книгу Даймецъ-гіо, другой—книгу Кенго-тіокіо, а третій—Сіоміо.

Кобу скончался въ двадцать первый день третьяго мѣсяца, въ храмѣ Конго-гузи.

Ученики Кобу совершали на могилѣ его непрерывныя приношенія и поставили надгробный памятникъ. Черезъ четыре дня,

даири послалъ придворнаго похороннаго церемоніймейстера для приношенія жертвъ на могилу, и принялъ на себя издержки погребенія. Надгробное слово, сочиненное старымъ даири *Физіо-тенъ-о*, содержало исчисленіе добродѣтелей усопшаго.

Разсказываютъ, что Кобу могъ писать разомъ пять разныхъ бумагъ; для этого онъ бралъ кисточку въ зубы, двѣ въ руки и двѣ ногами. Одинъ разъ онъ взялся поправить *гакфъ* (надпись) на западныхъ воротахъ двора даири (*).

Когда отняли лѣса, онъ замѣтилъ, что забылъ точку въ надписи; взялъ кисточку и бросилъ ее такъ ловко въ надпись, что точка явилась тамъ, гдѣ ея недоставало. Это

(*) *Гакфомъ* называется дощечка, на которой пишутъ слова. Во дворѣ даири такія дощечки висятъ надъ каждымъ воротами. Онѣ также висятъ у храмовъ; даже бываютъ надъ дверьми частныхъ домовъ.

Въ Ниппонъ-о-даи-ици-ранъ сказано, что пятьдесятъ второй даири, Сагатенъ-о, далъ приказаніе, въ четвертый мѣсяцъ девятаго года нянь-хао-ко-нинъ (818 г. по Р. Х.) возобновить всѣ *гакфы* на дворѣ. Онъ самъ поправлялъ надписи на сѣверныхъ воротахъ.

Татебана писалъ на восточныхъ, а Кобу на южныхъ и на воротахъ Дацутенмонъ инъ.

искусство изумило даири и всѣхъ его приближенныхъ особъ.

По возвращеніи изъ Китая, Кобу привезъ восемьдесятъ отломковъ отъ главнаго истукана, нѣсколько вещей, которыя Индусы употребляютъ для богослуженія, четыреста шестьдесятъ одну книгу и множество рѣдкостей.

Въ десятый мѣсяцъ двадцать перваго года вянъ-хао-иньи (921 г. по Р. Х.), шестидесятый даири, *Дам-го-тенъ-о*, отправилъ посольство въ храмъ *Конго Бузи*, чтобы почтить Кобу титуломъ Даизи. Съ тѣхъ поръ его называютъ Кобу-Даизи. Память его въ такомъ почтеніи, что при отъѣздѣ моемъ изъ Японіи, въ ноябрѣ 1783 года, выставили на О-фато (на большой лѣстницѣ порта Нагазаки) приказаніе справлять праздникъ въ честь его, по всей имперіи. Праздникъ назначили въ двадцать первый день третьяго мѣсяца слѣдующаго года, черезъ 950 лѣтъ послѣ смерти Кобу-Даизи.

Къ запискѣ Титсинга слѣдуетъ прибавить то, что говоритъ о порошокѣ дозіа Французъ Шарпантье-Коссиньи, въ *Путешествіи*
т. II.

своемъ въ Бенгалію, которое напечатано въ 1799 году Коссинъ имѣлъ случай видѣть Титсинга въ Бенгаліи и получилъ отъ него нѣсколько пакетцевъ знаменитаго порошка. Онъ состоялъ изъ сѣроватаго вещества, похожаго на пепелъ, съ примѣсью мельчайшихъ камешковъ, изъ которыхъ самый большой былъ не болѣе булавочной головки. Эти камешки или совершенно прозрачные, или полупрозрачные, или разноцвѣтные. Десятую долю порошка *дозіа* составляли расплющенные осколки, синіе или темно-зеленые съ одной стороны. Коссинъ разсматривалъ ихъ въ увеличительное стекло, и полагаетъ, что это осколки пиритовъ. Разложить порошокъ оказалось невозможнымъ. Коссинъ считаетъ его искусственно составленнымъ, посредствомъ смѣшенія расплющенныхъ камешковъ. Отъ сильнаго зажигательнаго стекла порошокъ не расплавился, а только почернѣлъ.

Не узнавъ ничего положительнаго о составѣ порошка, Коссинъ пробовалъ его дѣйствіе на совершенно окоченѣвшихъ трупахъ и говорить:

«Ни какими трудами и ни какими усиліями не могъ я согнуть въ этихъ трупахъ ни одного члена, хотя наивно ждалъ дѣйствія

порошка четверть часа, полчаса и даже часъ.... Кромѣ того, я самъ принималъ порошокъ *дозіа* и не чувствовалъ въ себѣ ни малѣйшей перемѣны, ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Онъ ни чѣмъ не пахнетъ и похожъ на песокъ, то есть, вовсе безвкусе-
сень.»

По этому Косиньи полагаетъ, что вся сила порошка состоитъ въ суевѣріи Японцевъ, которое мастерски поддерживается людьми, сбывающими *дозіа* за дорогую цѣну. Нѣтъ сомнѣнія, что японскіе жрецы никогда не откроютъ состава порошка, чтобы не лишиться значительнаго дохода.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЯПОНИИ.

	<i>Стр.</i>
Нравы и обычаи Японцевъ	1
Общественное состояніе и частная жизнь	—
Характеръ Японцевъ	37
Японская мнѳологія и религіозныя секты въ Япо- нии	59
Языкъ японскій.—Азбука.—Литература и поэзія	81
Науки въ Японіи.	99
Искусства и мануфактуры у Японцевъ.	115
Торговля и мореплаваніе	127
Усилія Европейцевъ вступить въ сношенія съ Япо- ніею.	153
Японскія заведенія на югѣ и сѣверѣ Японіи	227
Іезо и сосѣднія земли	229
Острова Ліу-Кіу.	259
Хронологическая таблица.	269
Таблица мѣры, вѣса и монетъ.	277
Приложеніе: Порошокъ-дозіа и изобрѣтатель его Кобу-Данзи	287

БИБЛИОТЕКА
ПУТЕШЕСТВІЙ.

ИЗДАНИЕ А. А. ПЛЮШАРА.

ТОМЪ III.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЯПОНИЮ.

ТОМЪ III.

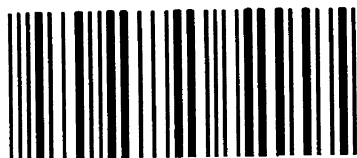
(КОРЕЯ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. Дмитріева.

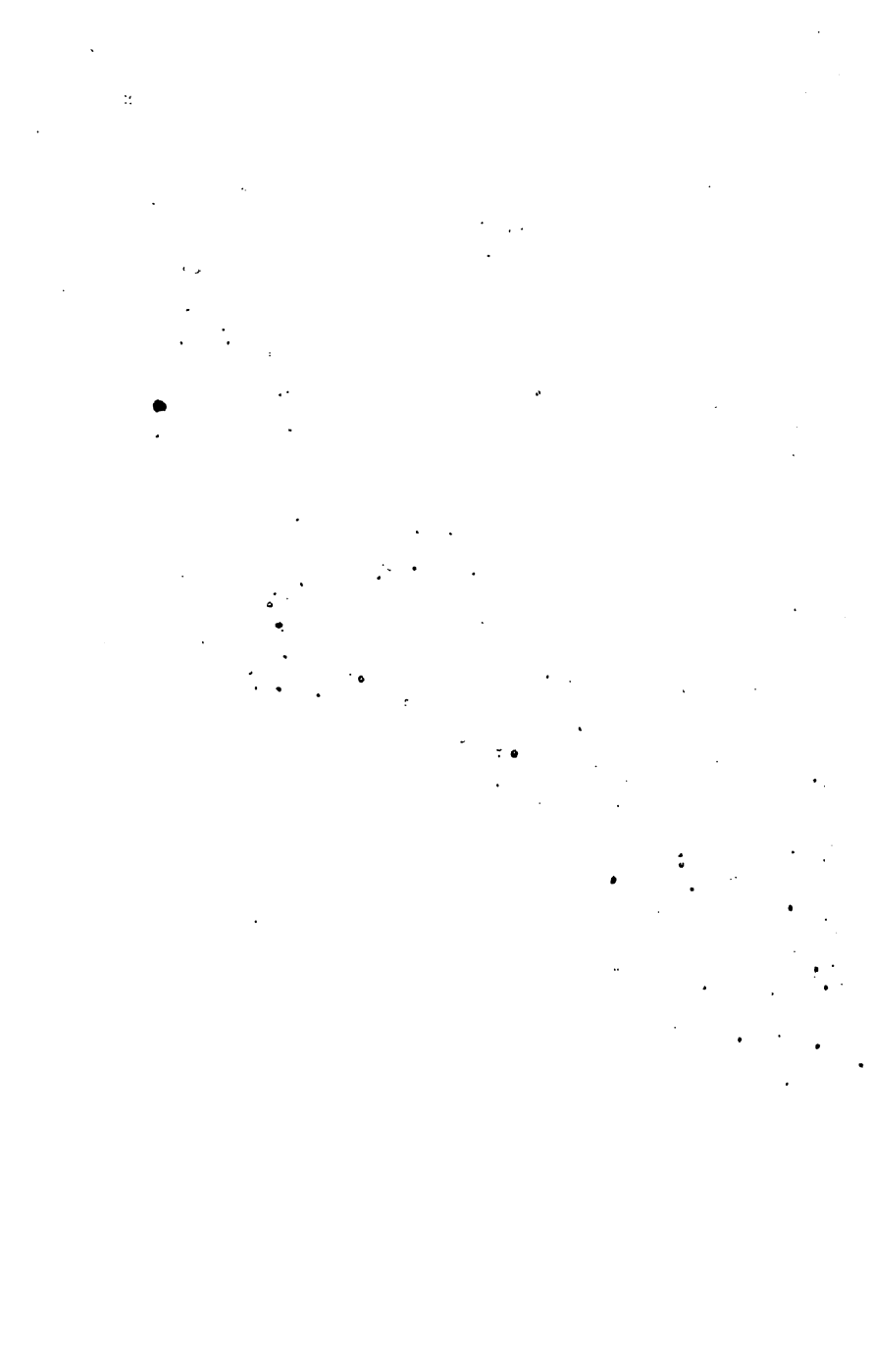
1854.

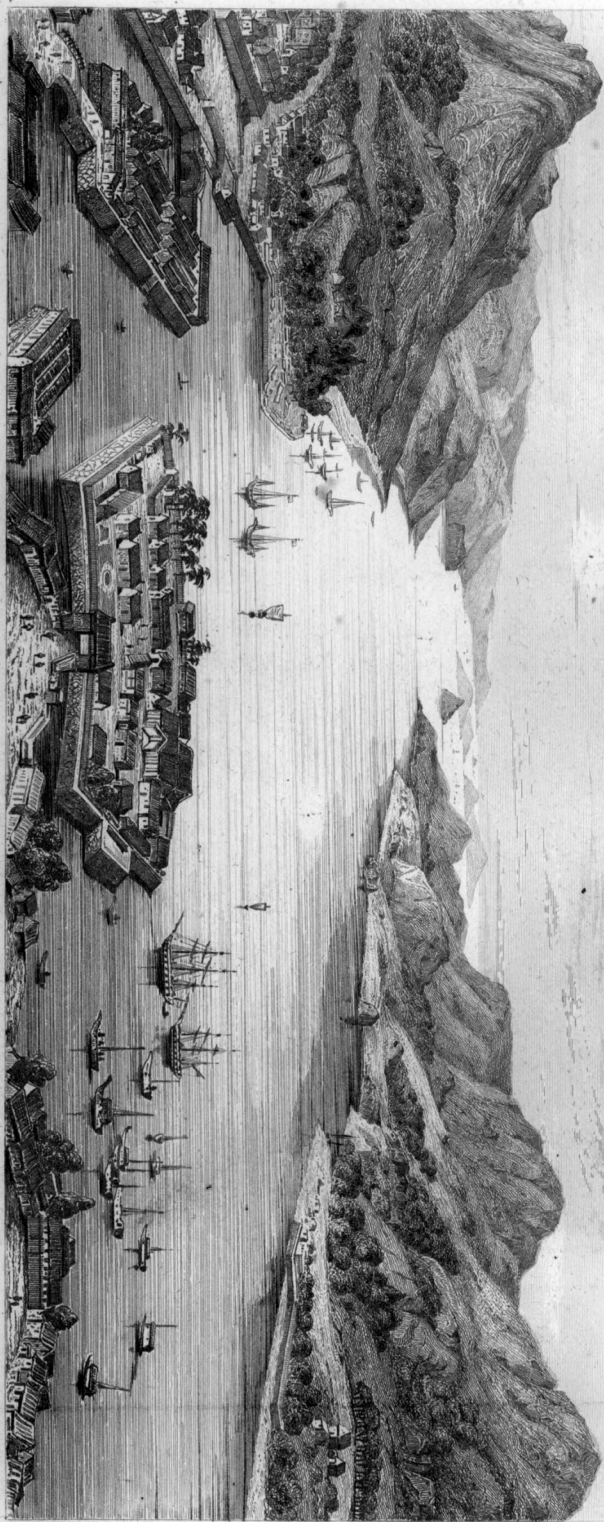

2007087259

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЯПОНИИ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ЯПОНИИ

ИЛИ

ОПИСАНІЕ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРІИ,

ВЪ ФИЗИЧЕСКОМЪ, ГЕОГРАФИЧЕСКОМЪ И ИСТОРИЧЕСКОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ,

Ф. Зибольда,

ДОПОЛНЕННОЕ СВѢДѢНІЯМИ И ИЗВѢСТІЯМИ ИЗЪ КЕМПФЕРА,
ФИШЕРА, ДѢФА, ШАРЛЬВУА, ГРАФА ГОГЕНДОРНА, КРУЗЕН-
ШТЕРНА, ТУНБЕРГА, ТИТСИНГА, ВАРЕНИУСА И ДР.

ПЕРЕВОДЪ

В. М. Стресса.

ИЗДАНИЕ А. А. ПЛЮШАРА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРИЕВА.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.**

С.-Петербургъ, 29-го Сентября 1853 года.

Ценсоръ А. Фрейманъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО ЯПОНИИ.

КОРЕЯ.

ГЛАВА I.

КОРЕЙСКІЕ РЫБАКИ.

Весеннія сѣверо-восточныя бури, господствующія въ японскихъ моряхъ, почти ежегодно выбрасываютъ на берега этого государства рыболовныя и каботажныя корейскія суда. Экипажи, потерпѣвшіе крушеніе, и суда ихъ препровождаются, по предписаніямъ правительства, въ Нагазаки, единственный японскій городъ, въ который допускаются иноземцы; тамъ они помѣщаются въ отдѣльномъ зданіи, подъ покровительствомъ и на иждивеніи цузимскаго владѣтельнаго князя, черезъ котораго производятся политическія и торговыя сношенія между Японіей

и Кореей. Такъ живутъ они, пока перевезутъ ихъ на островъ Цузиму, откуда они и препровождаются уже въ отечество. По этой причинѣ отъ времени до времени пріѣзжаютъ въ Нагазаки семейства купцевъ, рыбаковъ и матросовъ, состоящія изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей; а какъ контора цузимскаго владѣтеля находится возлѣ децимской факторіи, то Голландцы удобно могутъ наблюдать пріѣзжихъ, относительно нравовъ и всѣхъ подробностей ихъ частной жизни. Заѣзжіе Корейцы проживаютъ въ Нагазаки иногда по нѣсколькимъ мѣсяцевъ, въ ожиданіи благопріятнаго вѣтра; въ это время они занимаются починкою судовъ, приготовленіемъ снарядовъ для своего промысла или другими подѣлками. Жилище ихъ просто и даже бѣдно; но это неудобство вознаграждается отличною пищею, которая состоитъ изъ хорошаго туземнаго риса, здоровыхъ овощей и рыбы. Имъ предоставлена свобода ходить по городу во всякое время, когда имъ вздумается, и посѣщать дома горожанъ, вообще чрезвычайно радушныхъ и гостепріимныхъ; это возбуждаетъ невольную зависть въ децимскихъ плѣнникахъ, которые, среди удобствъ и роскоши европейскаго образа жизни, не могутъ заглушить скуки своего заключенія.

Корейцы вообще выше Японцевъ; однако, ростъ ихъ рѣдко заходитъ за пять съ поло-

виною футовъ. Они крѣпкаго сложенія, статны, сильны и проворны. Общность ихъ фizioноміи запечатлѣна характеристическими чертами монгольскаго племени: широкимъ лицомъ, выдавшимися скулами, развитіемъ челюстей, сплюснутымъ переносьемъ и широкими ноздрями, большимъ ртомъ, толстыми губами, косвенностью глазъ, жесткими густыми волосами, бѣльшею частію темнорусыми или даже рыжеватыми, густыми бровями, рѣдкою бородою, и наконецъ красно-желтымъ цвѣтомъ кожи. По этимъ признакамъ въ нихъ, съ перваго взгляда, можно узнать жителей сѣверо-восточной Азіи. Эти отличительныя черты замѣчены нами почти у всѣхъ Корейцевъ, которыхъ намъ удалось видѣть; да и они сами подтверждаютъ, что черты эти дѣйствительно составляютъ отличіе ихъ народа.

Однакоже, между Корейцами можно различить два типа двухъ совершенно несходныхъ между собою племенъ; у одной части туземцевъ носъ сплюснутъ между внутренними глазными глазками и отличается широкими ноздрями; глаза косвенные, широко разставленные одинъ отъ другого, и выдавшіяся скулы; у другой же переносье возвышено и носъ прямъ, и все лице Корейца приближается нѣсколько къ типу кавказскаго племени; положеніе глазъ почти такое же,

какъ у Европейцевъ, и скулы становятся незамѣтными, и рѣзче и выразительнѣе очерченная профиль лица представляетъ явственную противоположность съ монгольскимъ очертаніемъ лица. Чѣмъ больше физіономія Корейца подходитъ къ первому типу, тѣмъ борода у него рѣже, и напротивъ, она гуще у людей, ближе подходящихъ ко второму типу. Въ послѣднемъ случаѣ и маковка головы бываетъ не такъ сплюснута, лобъ не кажется уже вдавленнымъ, а представляетъ прямые и правильные черты; вообще, весь наружный видъ такого Корейца являетъ больше благородства, чѣмъ грубая фигура Монгола.

Жители Кореи въ обращеніи серьезны и положительны; но они легко предаются веселости и откровенности. Походка ихъ легка и бодра. Осанка ихъ свободнѣе и самоувереннѣе, чѣмъ у Японцевъ; словомъ, все выражаетъ въ нихъ энергію и гордость, въ меньшей степени замѣтныя у народовъ, населяющихъ Китай и Японію. По нашему мнѣнію, Корейцы стоятъ ниже Японцевъ въ отношеніи гражданственности и умственного развитія; въ обыденныхъ сношеніяхъ, они вовсе не обнаруживаютъ той привѣтливости и развязности, какими удивляютъ Японцы всѣхъ состояній. Говорятъ, что Корейцы добры, честны и постоянны; но они

не слишкомъ воздержны за хорошимъ столомъ, любятъ крѣпкіе напитки и вообще больше склонны предаваться восточной нѣгѣ, чѣмъ Японцы.

Одѣваются Корейцы неизысканно; оба пола замѣтно предпочитаютъ бѣлый цвѣтъ, и только изрѣдка замѣняютъ его голубымъ; простой народъ одѣвается въ бумажныя ткани, а богатые въ шелковыя. Бѣлое платье простолюдиновъ легко пачкается и придаетъ имъ неопрятный видъ. Мужской костюмъ состоитъ изъ камзола, спускающагося на бедра, и изъ широкихъ шараваръ. Обѣ части наряда дѣлаются на подбоѣ. Шаравары обвязываются у лодышки сверхъ обуви, и напротивъ остаются свободными, когда ходятъ босикомъ. Обувью служитъ родъ соломенныхъ туфель, которыя у женщинъ и у дѣтей красиво убираются цвѣтною тесьмою; но люди высшаго общества носятъ чулки въ родѣ китайскихъ. Мужчины зачесываютъ волосы на маковку головы пучкомъ. Лѣтомъ они брѣютъ значительную часть головы и тѣмъ облегчаютъ поддержаніе прически въ порядкѣ. Молодые люди и вообще холостяки расчесываютъ волосы на маковкѣ на-двое, и спускаютъ на затылокъ густыми, болѣе или менѣе длинными космами. Мужчины, большею частію, носятъ также бакенбарды, и часто составляютъ изъ нихъ

и бороды опушку вокругъ всего лица; старики же отпускаютъ очень длинныя бороды. Довольно страненъ обычай у мужчинъ, обвязывать лобъ волосяною сѣтчатою повязкой и накрывать голову остроконечною шапочною изъ той же матеріи. Головные повязки, называемыя *манъ-гонъ*, готовятся весьма искусно. Манъ-гонъ составляетъ принадлежность національнаго костюма, и каждый Кореецъ прикрываетъ лобъ этой повязкой и даже сберегаетъ его отъ дождя и солнца подъ шляпою, огромнаго размѣра, съ широчайшими полями. Шляпы эти выдѣлываются изъ соломы или бамбука, покрываются проклеенною черною или бѣлою хлопчатобумажною тканью, или плетутся изъ соломы для предохраненія себя отъ солнечныхъ лучей или сырости. Остроконечная шляпа, въ которой хохоль или пучекъ волосъ помѣщается какъ въ футлярѣ, подвязывается лентою или тесьмою подъ подбородкомъ. Зимой, подъ шляпу поддѣвается мѣховая шапка, покрывающая всю голову до затылка. На поддѣваемые шапки обыкновенно употребляется бѣличій мѣхъ. Люди высшаго сословія носятъ еще бѣлую накидку; шелковыя же ткани съ дорогимъ шитьемъ, какія встрѣчаются въ старинномъ китайскомъ костюмѣ, представлены придворнымъ.

Женскій туалетъ также простъ; полот-

няная кофточка, нижнее платье, почти такое же какъ у мужчинъ, и короткое верхнее платье со складками въ обтяжку составляютъ ихъ нарядъ. Широкіе шаравары, видныя изъ-подъ короткой юбки, производятъ довольно странное впечатлѣніе. Платье у дамъ внизу дѣлается очень полнымъ, руки совершенно скрыты въ рукавахъ, а волосы, спускаясь на лобъ бровями, на затылкѣ собираются въ шишонъ и поддерживаются богатоукрашенной булавкой. Женщины низшаго сословія гладко расчесываютъ волосы на верхней части головы въ проборъ на двѣ стороны и спускаютъ ихъ за уши натуральными прядями или заческами шириною въ ладонь. Многія изъ этихъ женщинъ повязываютъ голову чернымъ платкомъ. Дѣтскій костюмъ почти не отличается отъ одежды взрослыхъ. На полуостровѣ Корей, подобно Китаю и Японіи, зонтики и вѣера во всеобщемъ употребленіи. Вѣера не рѣдко изящно украшаются камнями и отдѣляются съ отличнымъ вкусомъ.

Корейскія суда, которыя намъ пришлось видѣть, отличались простымъ и легкимъ устройствомъ; обыкновенно они бываютъ двух-мачтовыя, длиною не больше какъ отъ 30 до 50 футовъ. Палуба и борты отдѣляются грубо и нигдѣ не скрѣпляются ни желѣзомъ, ни какимъ либо другимъ металломъ;

железные гвозди замѣняются деревянными нагелями. Обыкновеніе это показываетъ, что Корейцы нуждаются въ металахъ, какъ мы увидимъ ниже. На каждой мачтѣ находится парусъ изъ соломенной рогожи; онъ прикрѣпляется къ железной реѣ, такъ что его безъ большаго труда можно поднимать или спускать посредствомъ блока, укрѣпленнаго на верху мачты. Парапетъ низокъ и легокъ, а на носу помѣщается кабестанъ для поднятія якоря. Руль и снасти походятъ на китайскіе; якоря деревянные, снасти изъ соломенныхъ канатовъ или изъ листовыхъ стебельковъ пальмы (*palmier à balai*). Такая оснастка была на одномъ каботажномъ суднѣ, стоявшемъ передъ жилищемъ Корейцевъ въ Нагазаки. Съ него были сняты руль и паруса; рей, укрѣпленные на мачтахъ горизонтально надъ палубою, были покрыты бамбукомъ и цыновками для составленія навѣса.

Мы уже сказали, что претерпѣвшіе кораблекрушеніе проживали по нѣскольку мѣсяцевъ въ сосѣдствѣ съ нами. Всѣ они переносили свой жребій довольно спокойно; надежда на скорое возвращеніе въ отечество поддерживала въ нихъ бодрость. При наступленіи утра, они молились при звукахъ барабана; потомъ, каждый членъ семейства принимался за какое нибудь дѣло, необходимое въ ежедневномъ хозяйствѣ, или зани-

мался приготовленіями къ отплытію; пѣніе, игры и трубка разнообразили часы досуга.

Барабанный бой при религіозныхъ обрядахъ начинается нѣсколькими звучными и рѣдкими ударами съ паузами; но удары постепенно учащаются и наконецъ сливаются въ глухое рокотаніе; затѣмъ снова начинаются громкіе и рѣдкіе удары. Такимъ же образомъ большіе барабаны буддистскихъ пагодъ сзываютъ своихъ поклонниковъ на утреннюю, полуденную и вечернюю молитвы.

Намъ показалось, что корейскіе простолюдины очень любятъ азартную игру; впрочемъ, быть можетъ, эта страсть возродилась въ нихъ отъ скуки во время пребыванія ихъ, вмѣстѣ съ нами, на японской землѣ. Мы часто видѣли, какъ они толпились вокругъ игроковъ, совершенно погруженныхъ въ перемѣну обстоятельствъ на доскѣ го-бана, японской шашечницы. Игра состоитъ въ стѣсненіи непріятельскихъ силъ и въ защитѣ завоеванныхъ мѣстъ.

Корейцы играютъ также и въ шахматы, извѣстные Китайцамъ и Японцамъ съ незапамятныхъ временъ. Шахматы состоятъ изъ двадцати фигуръ, почти съ тѣми же названіями какъ и у насъ; но онѣ различаются не видомъ, а надписями на прикрѣпленныхъ къ нимъ продолговатыхъ кусочкахъ дерева. У бѣдныхъ рыбаковъ и матросовъ не было

ни какихъ вещей, которыя могли бы дать намъ понятіе объ ихъ промышленности. Но намъ удалось видѣть инструменты и другія принадлежности болѣе зажиточныхъ Корейцевъ, какъ у нихъ самихъ, такъ и у приставовъ при нихъ и у японскаго переводчика, а потому мы обратимся къ этому предмету впоследствии.

Лишь только въ первые ясные майскіе дни подуетъ юго-восточный вѣтеръ, такъ долго и нетерпѣливо жданный на чужбинѣ, терпѣвшіе кораблекрушеніе Корейцы радостно готовятъ кѣ отплытію. Сперва они лавируютъ въ нагазакской бухтѣ, чтобъ испытать свое судно, исправленное не совсѣмъ прочно, и потомъ уже пускаются на родину, въ сопровожденіи нѣсколькихъ японскихъ судовъ и приставовъ, которыхъ назначаетъ имъ цузимскій князь. Изъ Нагазаки отправляются они къ Ики, 13 ри, оттуда въ Цузиму, 40 ри, а отъ нея въ Фузанкаи, 48 ри. Тамъ ихъ передаютъ чиновникамъ японской факторіи, которые и возвращаютъ ихъ въ отечество.

ГЛАВА II.

ПОСѢЩЕНІЕ КОРЕЙСКИХЪ КУПЦЕВЪ, ПОТЕРПѢВШИХЪ КРУШЕНІЕ У ЯПОНСКИХЪ БЕРЕГОВЪ.

Каждый разъ, когда Корейцы, потерпѣвшіе крушеніе, прибывали въ Нагазаки, я старался посѣтить ихъ, чтобы покороче съ ними познакомиться и собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ странѣ, еще такъ мало извѣстной Европейцамъ. Въ попыткахъ своихъ я всегда встрѣчалъ много трудностей: каждый разъ надо было выхлопотать позволеніе нагазакскаго губернатора; безъ того японскій приставъ, которому цузимскій князь ввѣрялъ потерпѣвшихъ крушеніе, никакъ не осмѣливался ни принять меня въ свой домъ, ни допустить въ жилища Корейцевъ. Въ такихъ обстоятельствахъ пріатели мои изъ Японцевъ умѣли находить предлогъ къ исходатайствованію мнѣ необходимаго позволенія и открывали мнѣ доступъ къ этимъ иностранцамъ, которые постоянно принимали

меня съ чрезвычайно вѣжливостію. При посѣщеніи ихъ 17 марта 1828 года, я особенно былъ очарованъ ихъ привѣтливостію и имѣлъ удобный случай сдѣлать любопытныя наблюденія надъ ихъ тѣлосложеніемъ, нравами, языкомъ и письмомъ. Колонія, которую мы посѣщали, состояла изъ Корейцевъ высшаго сословія, и потому мы могли судить о степени цивилизаціи, состояніи наукъ и искусствъ въ этомъ почти неизвѣстномъ государствѣ и собрать о немъ вѣрныя подробности.

Въ конторѣ цузимскаго князя проживали тогда тридцать шесть корейскихъ рыбаковъ, мореходовъ, купцевъ и путешественниковъ изъ округа Цюаньло-дао, которые, отправившись на трехъ корабляхъ на юго-западъ отъ своего полуострова, потерпѣли крушеніе. одни у берега Цюсю (Кіу-зіу), другіе у одного изъ острововъ группы Гото. Я уже прежде познакомился съ приставомъ, а также съ нѣсколькими чиновниками и офицерами князя. По мѣстному обычаю, я предупредилъ ихъ о своемъ посѣщеніи подарками, которые были приняты съ удовольствіемъ, и при этомъ случаѣ вновь убѣдился въ такомъ радушномъ гостепріимствѣ Японцевъ, что имъ нельзя довольно нахвалиться. Въ залѣ пристава все было приготовлено къ приличному пріему лица, принадлежащаго къ націи, которая поль-

зуется въ Японіи безпримѣрнымъ отличіемъ, чтобы показать иноземцамъ, что Японцы, чуждаясь другихъ Европейцевъ, всегда готовы оказывать уваженіе союзникамъ, съ которыми находятся они въ торговыхъ и дружескихъ отношеніяхъ уже въ теченіе двухъ столѣтій.

Хозяинъ избралъ мнѣ въ собесѣдники четырехъ самыхъ почетныхъ и самыхъ ученыхъ Корейцевъ, а чтобы доставить мнѣ полный образчикъ одеждъ этого народа, привелъ также матроса и юнгу. Они вошли въ комнату всѣ вмѣстѣ степенно въ лучшихъ своихъ нарядахъ, и сѣли на циновкахъ, по степенямъ своего званія, скрестивъ ноги, иные по японски, иные по корейски. Эти несчастные, повидимому, были одѣты въ лучшія свои платья, какія уцѣлѣли у нихъ отъ кораблекрушенія; нѣкоторые довольно странно надѣли по нѣскольку одеждъ, одну на другую, и мнѣ легко было замѣтить по разнообразію головныхъ уборовъ посѣтителей, что они желали показать мнѣ все разнообразіе своихъ нарядовъ. Иные были въ длинныхъ плащахъ изъ бѣлой бумажной ткани, надѣтыхъ сверхъ камзоловъ, и въ широкихъ шараварахъ изъ той же матеріи и того же цвѣта; одинъ изъ нихъ принарядился въ свѣтлоголубой шелковый камзолъ, подбитый и отороченный, и въ шелковые чулки того же

цвѣта. Головные уборы были очень разнообразны; у однихъ лобъ былъ повязанъ мангономъ, или съ сѣтчатою волосяною повязкой на головѣ; другіе были въ шапкахъ, или шляпахъ и мангонахъ; у двоихъ были въ рукахъ еще шляпы, что и заставило меня почестъ этотъ излишекъ въ нарядѣ принадлежностью параднаго костюма. У матроса волосы были собраны въ пучекъ на маковкѣ, а у юнги они были густые и длинные и падали прядями на затылокъ.

Окинувъ взглядомъ Корейцевъ, которые сидѣли передо мною полукружіемъ, я поклонился имъ и черезъ переводчика объяснилъ цѣль своего посѣщенія, предложивъ имъ въ то же время нѣсколько подарковъ. Кореецъ, сидѣвшій на первомъ мѣстѣ, отвѣчалъ мнѣ такимъ тономъ, который показывалъ нѣкоторый навыкъ объясняться, даже съ замѣтною изысканностію. Онъ выразилъ мнѣ свое и товарищей его сожалѣніе, что они, въ настоящемъ своемъ положеніи, не въ состояніи отблагодарить меня за подарки. За тѣмъ началъ говорить второй Кореецъ и изъявлялъ мнѣ благодарность, больше знаками, чѣмъ словами. За этими привѣтствіями послѣдовало молчаніе, и я замѣтилъ, что ни одинъ изъ сидѣвшихъ не оставался неподвижнымъ, а всѣ покачивались верхнею частию тѣла изъ стороны въ сторону. Я бесѣдовалъ съ двумя

купцами, учителемъ китайскаго и корейскаго языковъ, который преподавалъ также учение Кунфу-цзы, богатымъ промышленникомъ и шкиперомъ. Наружность этихъ добрыхъ людей была привлекательна; взгляды ихъ, сперва нѣсколько робкіе, скоро оживились. Въ такомъ необыкновенномъ обществѣ я провелъ цѣлый день, который показался мнѣ замѣчательнымъ и поучительнымъ. Одинъ изъ негоціантовъ казался очень разстроеннымъ, какъ будто страдая какимъ то нравственнымъ недугомъ; онъ лишился всего своего имущества, здоровье его сильно разстроилось, и безпрестанная дума о семействѣ, какъ сказывали мнѣ, погружала его въ мрачную меланхолію. Другой, по имени Го-са-цянь, былъ бодръ, но серъезенъ, и, казалось, на этотъ день забылъ свои несчастія, стараясь только показать мнѣ, что горе не подавило его. На физіономіи профессора выражалось болѣе хитрости, чѣмъ учености; впрочемъ, видъ его былъ довольно обыкновенный, и когда я спросилъ у Го-са-цяня, кто изъ его сотоварищей соединяетъ въ себѣ самыя характеристическія простонародныя черты, онъ съ довольною смѣтливостію указалъ мнѣ на Кун-цюна (имя ученаго), представляя собою типъ корейскаго аристократа. Капитанъ отличался зоркимъ и важнымъ взглядомъ и густыми бровями, сросшимися будто нарочно для за-

щиты глазъ отъ блеска солнца и моря, что нерѣдко замѣчаешь у моряковъ почти всѣхъ націй. Матросъ могъ служить образцомъ крѣпкаго, костляваго сложенія; свойственнаго людямъ его званія; юнга же отличался веселымъ и круглымъ лицомъ какъ юноша монгольского племени. У взрослыхъ волосы на головѣ, бакенбарды и борода были чернаго цвѣта, съ рыжеватымъ отливомъ. Въ ихъ физіономіяхъ легко было замѣтить различіе двухъ племенъ, о которомъ мы уже упомянули: ученый служилъ представителемъ монгольского племени, а Го-са-цянь кавказскаго; на исхудаломъ лицѣ шкипера, также какъ и у перваго негоціанта, носъ выдавался рѣзче, чѣмъ въ обыкновенномъ состояніи. Первое мое замѣчаніе о кажущемся косоглазіи подтвердилось расположеніемъ глазъ юноши, съ котораго мы послѣ списали портретъ.

Еще черезъ прежнія сношенія свои съ Корейцами и Японцами, которые посѣщали Цузиму и Фузанкаи, я приобрѣлъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія о корейскомъ языкѣ и письмѣ, а также о самой странѣ, нравахъ и обычаяхъ. Образованные люди, съ которыми я находился въ обществѣ, значительно распространили мои свѣдѣнія въ этомъ отношеніи; свиданія и бесѣды съ претерпѣвшими крушеніе были мнѣ особенно полезны для ближайшаго знакомства съ ихъ языкомъ и

письмомъ, вообще мало извѣстными въ Европѣ.

Подарки мои, состоявшіе изъ нѣсколькихъ аршинъ цвѣтныхъ суконъ, ситца и небольшого количества арака и можжевеловой водки, приняты были Корейцами съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Казалось, они совѣтовались между собою чѣмъ бы отблагодарить меня, и первый, начавшій говорить, не безъ замѣшательства извинился своею бѣдностью. Онъ просилъ меня принять кое-какія вещи, которыя удалось имъ спасти при кораблекрушеніи: рукописи, свертки рисунковъ, столикъ, кувшины и блюда; каждый прибавилъ отъ себя какой нибудь цѣнный камень или принадлежность наряда, безъ которыхъ могъ обойтись. Ораторъ говорилъ свободно; однако, вообще думали, что онъ не импровизировалъ, а произносилъ слова, которыхъ значенія самъ не понималъ; странность эта встрѣчается и у Японцевъ, при произношеніи рѣчей. Корейцы произносятъ слова явственно, твердо, но сквозь зубы и протяжно, рѣзко отдѣляя слоги, слова и цѣлыя выраженія. Когда поданы были всѣ принадлежности для письма, трое изъ этихъ иноземцевъ написали для меня по нѣсколько строкъ на корейскомъ и китайскомъ языкахъ. Г. Вильнёвъ, уважаемый мною какъ живописецъ, а еще болѣе какъ другъ и товарищъ въ счастіи и

неудачахъ, взялся списать портреты съ Корейцевъ, а Тожоскъ (Tojoske), мой японскій художникъ, принялся срисовывать ихъ костюмы и другіе предметы. На этотъ разъ оба успѣли лучше чѣмъ когда нибудь; наши собесѣдники съ большою готовностію служили для живописцевъ оригиналами, нежели одноземцы ихъ, которыхъ мы видѣли прежде. Во всемъ они обнаружили такую вѣжливость, какой нельзя было ожидать отъ народа, заранѣе описаннаго намъ грубымъ и дикимъ; они нѣсколько разъ принимались благодарить насъ за подарки и за сдѣланный имъ пріемъ. Впослѣдствіи, вмѣстѣ съ Вильнёвомъ, я не разъ навѣщалъ своихъ корейскихъ пріятелей, которые показывали къ намъ особенную привязанность. Они часто присылали намъ свои привѣтствія съ образчиками своего письма и съ прощальными посланіями, на память о себѣ. Отъ одного изъ нихъ мнѣ достался ландшафтъ, нарисованный въ Корей очень искусно по старинному китайскому способу.

ГЛАВА III.

ЯЗЫКЪ И ПИСЬМО.

Изъ всѣхъ языковъ сѣверо-восточной Азіи, до сихъ поръ наименѣе извѣстенъ языкъ корейскій. Королевство это во всѣ времена оставалось недоступнымъ для Европейцевъ; только кое-какія неопредѣленные свѣдѣнія о немъ доставили:

Голландецъ Генрихъ Гамель ⁽¹⁾, который потерпѣлъ крушеніе въ 1653 году, у острова Кельпаарта (Quelpaart), и содержался плѣнникомъ въ Корей тринадцать лѣтъ; соотечественникъ его Николай Витсенъ ⁽²⁾, Братонъ (Broughton) ⁽³⁾, Безиль Галль (Basil Hall) ⁽⁴⁾,

⁽¹⁾ Journal van de ongelukkige voyagie van't jacht De Sperwer, gedestineerd na Tayowan, in't jaar 1655, Rotterdam, 1668.

⁽²⁾ Noord-en Oost Tartarye, Jb. T. II стр. 19—23.

⁽³⁾ A voyage of discovery to the north Pacific Ocean.

⁽⁴⁾ Account of a voyage of discovery to the West-Coast of Corea, etc.

Мёрре Мэквель (Murray Makwell) ⁽¹⁾ и Джонъ Леодъ ⁽²⁾; документы же, изъ которыхъ можно заимствовать наиболѣе свѣдѣній объ этомъ отдаленномъ полуостровѣ, заключаются въ китайскихъ и японскихъ сочиненіяхъ. Отцы Мартиніусъ ⁽³⁾ и Дю-Гальдъ ⁽⁴⁾, а также и Данвиль ⁽⁵⁾, преимущественно пользовались китайскими источниками; мы же заимствовали болѣе изъ позднѣйшихъ изслѣдованій Клапрота, обогатившаго географію и этнографію точными и драгоцѣнными открытіями, извлеченными изъ собственныхъ корейскихъ сочиненій. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій ⁽⁶⁾, этотъ ученый впервые напечаталъ азбуку корейскаго языка, съ присовокупленіемъ словаря, нелишеннаго достоинства ⁽⁷⁾.

(1) Voyage en Chine, ou Journal de la dernière ambassade à la cour de Péking, par M-r H. Ellis; traduit de l'ang'ais. Paris, 1818, T. II, глав. VIII, Observations sur les îles de Corée et de Loo Choo.

(2) Zeereis van het engelsche oorlogsfregat De Alceste langs de stranden van Corea, naar het eiland Loo Choo etc. Uit het engelsch van John M-c Leod; Rotterdam, 1818.

(3) Novus Atlas Sinensis. P. M. Martinius.

(4) P. du Halde, Description géographique etc. de la Chine, etc. Paris, 1735; 4 vol. in-folio.

(5) Nouvel Atlas de la Chine, etc. par M. d'Anville.

(6) San kokf tsou ran to sets. ou Aperçu général des trois royaumes; traduit de l'original japonais-chinois par Fr. J. Klapproth. Paris, 1832; 1 vol. in 8°, pag. 11—168.

(7) Въ 1824 году, такого же рода азбуку мы отпра-

Чистый и самобытный въ основаніи, корейскій языкъ искаженъ и почти совершенно измѣненъ общимъ употребленіемъ китайскихъ письменныхъ знаковъ, такъ что этотъ древній языкъ подвергся той же участи, какъ яматскій въ Японіи, который сохранился только въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ историковъ, поэтовъ, на сценѣ и при дворѣ микадо; между тѣмъ, какъ и простой народъ и высшее сословіе ввели множество китайскихъ словъ въ свой благозвучный природный языкъ, мягкій и богатый гласными буквами.

Коренныя корейскія слова, обыкновенно двусложныя или многосложныя, напр. *ха—*

вили изъ Японіи къ правительству индійскихъ колоній, съ просьбою представить ее, вмѣстѣ съ особымъ объяснительнымъ письмомъ, Французскому Институту. Всеобщая извѣстность гг. Абель-Ремюзы и Клапрота позволяла намъ надѣяться, что въ Парижѣ объяснятся наши сомнѣнія и подтвердится важное въ языкознаніи открытіе. Но эти бумаги были отосланы въ Нидерландскій Королевскій Институтъ, который долженствовалъ разсмотрѣть ихъ и передать кому слѣдовало. Изъ отзыва Института, состоявшагося въ Амстердамѣ, 23 мая 1827 г., мы узнали, прежде отъѣзда своего изъ Японіи, что наши замѣчанія о новой азбукѣ отправлены по своему назначенію; но изъ того же отзыва легко было усмотрѣть, что выводы нашихъ замѣчаній о корейскомъ письмѣ и отчетъ о нашихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ въ Японской Имперіи, не удостоились одобренія Нидерландскаго Института. Жребій нашей азбуки остался для насъ неизвѣстнымъ.

наль , небо , кюломъ , облако , палами , вѣ-теръ .

Существительныя имена не имѣютъ родовъ и употребляются чаще въ единственномъ числѣ, чѣмъ во множественномъ, которое озна-чается приставкою особаго слова; напримѣръ, сарамъ, человекъ, сарамъ мата, каждый че-ловѣкъ, люди. Падежи выражаются рѣдко; большею частію для нихъ употребляются односложныя частицы , приставляемыя въ концѣ имени. Сравнительная степень прила-гательныхъ именъ выражается также части-цею, приставляемою къ тѣмъ именамъ и мѣстоименіямъ, которыя составляютъ пред-метъ сравненія; эта частица *ися*, значитъ *отъ*, *передъ*, *въ сравненіи съ...*; такъ говорит-ся: *жи сюль-цанъ жи тюнь-паль ися кунта*, эта чара велика *въ сравненіи съ* этой чайной чашкой; то есть, больше этой чашки. Пре-восходная степень образуется посредствомъ частицы, которая значитъ *очень*, *весьма*, и ставится передъ прилагательнымъ именемъ.

Первыя количественныя числительныя име-на слѣдуютъ отъ одного до десяти, и потомъ продолжается счетъ въ десятичномъ поряд-кѣ. Для каждаго числа есть два названія, одно чисто корейское, другое китайско-ко-рейское. Послѣднія въ большемъ употреб-леніи и образованы по правиламъ китай-ской грамматики. Ихъ употребляютъ такъ

же въ значеніи порядочныхъ числительныхъ именъ.

Всѣ мѣстоименія также двусложныя и многосложныя, смотря по значенію лица, къ которому относятся. Третье лицо замѣняется особымъ словомъ, значащимъ *этотъ человекъ*. Личныя мѣстоименія, поставленныя передъ именемъ существительнымъ, получаютъ значеніе притяжательнаго.

Три времени въ глаголахъ, въ дѣйствительномъ залогѣ, выражаются окончаніями. Страдательный залогъ обозначается долгимъ окончаніемъ, которое можно принимать за вспомогательный глаголъ, показывающій страдательное состояніе предмета; этотъ залогъ имѣетъ также три времени.

Повелительное наклоненіе отличается краткостью. Неокончательное наклоненіе сходно съ настоящимъ временемъ изъявительнаго. Отрицательныя частицы сливаются съ глаголами, но въ спряженіяхъ отдѣляются отъ нихъ и ставятся послѣ глагола. Частицы рѣчи ставятся всегда послѣ слова, къ которому относятся; напримѣръ, *гай-ро*, «съ кораблемъ.»

Кромѣ китайскаго письма, которое въ Корей, какъ и въ Японіи, употребляется высшимъ сословіемъ, а также и въ дѣловыхъ бумагахъ, въ наукахъ и религіи, существуетъ еще и другой родъ письма, сохранившійся въ част-

ной жизни; азбука его замѣчательна по своей простотѣ. Это письмо, котораго изобрѣтеніе приписывается синьлоскому королю, жившему около 374 г. по Р. Х., называется *Он-мюнъ* (Клапротъ называетъ его *Гинбунъ*, по китайски *Юань-вэнь*). Письменные знаки пишутся кистью въ вертикальныхъ столбцахъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ отъ правой руки къ лѣвой, и раздѣляются на главныя буквы или *согласныя*, и на второстепенныя или *гласныя*; изъ соединенія ихъ, весьма простаго и естественнаго, составляется чрезвычайно богатый алфавитъ, который содержитъ сто шестьдесятъ три буквы. Согласныя буквы раздѣляются на *простыя*, или мягкія, и на *сложныя*, или твердыя. Первыхъ считается девять.

По неопредѣленности корейскаго произношенія, трудно обозначить точное различіе въ выговорѣ нѣкоторыхъ мягкихъ и твердыхъ буквъ. Изъ соединенія согласныхъ буквъ, которыхъ число простирается до пятнадцати, съ гласными, помѣщаемыми или съ правой стороны согласной буквы или подъ нею, образуются склады. Согласными буквами оканчиваются также слоги и слова. Число гласныхъ и дугласныхъ простирается до одиннадцати. Они входятъ только въ составъ словъ и никогда не употребляются какъ отдѣльныя гласныя въ началѣ, но иногда ста-

вятся въ концѣ слога и тогда произносятся отдѣльно отъ предшествующей имъ гласной буквы.

Шрифтъ для печати нѣсколько отличается очертаніемъ буквъ отъ рукописныхъ.

Дальнѣйшія подробности о корейскомъ языкѣ утомили бы нашихъ читателей; мы пропускаемъ ихъ, какъ предметъ занимательный только для ученыхъ оріенталистовъ. Равнымъ образомъ мы не помѣщаемъ и всей 4-й главы, которая у Зибольда составляетъ корейскій словарь.

ГЛАВА V.

КОРЕЙСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Къ предыдущимъ замѣчаніямъ о корейскомъ языкѣ, мы присовокупимъ нѣсколько стихотвореній, сообщенныхъ намъ тѣми же Корейцами, о которыхъ мы выше говорили. Эти стихотворенія мы сохранили, какъ образчики корейско-китайской поэзіи, въ воспоминаніе встрѣчи людей двухъ разныхъ націй, живущихъ на противоположныхъ концахъ древняго материка, случайно столкнувшихся въ странѣ, чуждой и тѣмъ и другимъ.

КОРЕЙСКАЯ ПѢСНЯ

(въ буквальномъ переводѣ).

Нѣтъ ничего на землѣ отвратительнѣе паука, который изъ внутренности своей вытягиваетъ нити, составляя изъ нихъ широкую ткань, чтобы опутать ею бабочку, весело порхающую по цвѣтамъ.

*

ДРУГАЯ ПѢСНЯ.

Между небомъ и землею простирается море; и кто можетъ знать всѣ страны, возвышающіяся надъ его поверхностью? во всю мою жизнь, я никогда ничего не слыхалъ о Голландцахъ. Теперь я встрѣтилъ этотъ народъ, и наша печаль нашла сочувствіе. Чаши наполнились виномъ, и люди высокаго роста передъ нами. Сдѣлавшись игралищемъ вѣтровъ, мы живемъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, исполненные воспоминаній объ отдаленномъ отечествѣ. Но мы вступимъ опять на свой, вчера исправленный корабль, будемъ веселиться и плясать въ тотъ день, когда возвратимся въ свои жилища.

ТРЕТЬЯ ПѢСНЯ.

Три народа соединились въ этой залѣ, и древнія тѣни усопшихъ Гань-ню видятъ струи винограднаго сока. Сегоднешнее свиданіе доставило намъ радушный пріемъ. Разставаніе сопровождалось пожатіемъ рукъ, и мы никогда не забудемъ своихъ друзей и ихъ благосклонности.

Го-са-цянъ, уроженецъ канъ-цинъскій, въ цюаньло-скомъ округѣ, посылаетъ это къ Цуань-сяню, въ знакъ своей благодарности за гостепріимство, оказанное ему при первомъ посѣщеніи.

Сочинители этихъ пѣсенъ вовсе не считаются поэтами, а старались только соблюдать размѣръ китайскаго стихосложенія. Однако, попытки этихъ простыхъ людей доказываютъ, что въ Корей, какъ и въ Японіи, любятъ употреблять китайскій метръ. Оба народа выучиваются читать по китайски почти такъ же хорошо, какъ и сами Ки-

тайцы; по съ перваго взгляда, они легко передають на природномъ своемъ языкѣ всѣ мысли, изображенныя китайскимъ письмомъ. Переводъ для нихъ тѣмъ легче, что они больше обращаютъ вниманія на очертаніе и значеніе знаковъ, чѣмъ на произношеніе.

Корейское произношеніе подходитъ къ первобытному китайскому ближе, чѣмъ японское, потому-что корейская азбука полиѣе и болѣе способна къ обозначенію разнообразныхъ звуковъ. Однакожъ, ея звуковыя уклоненія составляютъ переходъ отъ настоящаго китайскаго произношенія къ японскому, и молчаніе лѣтописей объ этомъ предметѣ придаетъ большую вѣроятность мнѣнію ученыхъ Срединной Имперіи, что японское произношеніе произошло отъ корейскаго.

Словосочиненіе въ приведенныхъ выше пѣсняхъ чисто китайское; только первая изъ нихъ отличалась особенностями корейской фразеологіи.

Если образъ выраженія чувствъ бѣдныхъ Корейцевъ обнаруживалъ ограниченность ихъ образованія, то смыслъ и форма ихъ письменъ не мало говорятъ въ пользу ихъ общечеловѣчности и характера. При всей слабости стихотворной импровизаціи, чистота и скорость почерка китайскими буквами даютъ довольно выгодное понятіе о состояніи словесности въ Корей. Вообще свѣдѣнія этого

народа, откровенность его и доброта, явственныя во всѣхъ его дѣйствіяхъ, даже мысль, побудившая къ сочиненію этихъ стиховъ, позволили намъ лучше оцѣнить его, вопреки другимъ иностранцамъ, которые, по нерасположенію правительственныхъ лицъ, принуждены были отказаться отъ намѣренія своего пристать къ полуострову.

ГЛАВА VI.

ЗАМѢЧАНІЯ О КОРЕѢ, ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ
НѢКОЛЬКИХЪ ТУЗЕМЦЕВЪ, ЦУЗІМСКИХЪ ЧИНОВНИКОВЪ
И ЯПОНСКИХЪ ПРИСТАВОВЪ ФУЗАКАЙСКОЙ ФАКТОРІИ.

Полуостровъ, лежащій къ западу отъ Япо-
ніи и описанный нашими географами XVII
вѣка подъ именемъ Кореи, называется Ко-
рейцами *Коре*, Японцами—*Корай*. Это назва-
ніе, какъ и первое, произошло отъ китай-
скаго *Гаоли*. Нѣкогда имя это принадлежа-
ло только одному изъ *Санго*, или трехъ
царствъ; вѣроятно, не раньше X вѣка, когда
Кореецъ *Ванъ Цзянь* соединилъ подъ одинъ
скипетръ и другія два царства, *Пеци* или *Боцзи*
и *Синло*, весь полуостровъ получилъ у ки-
тайскихъ и японскихъ историковъ нынѣшнее
свое названіе. До основанія трехъ царствъ,
въ отдаленной древности, полуостровъ на-
зывался *Чаосянъ* (*утренній свѣтъ*), на народ-
номъ языкѣ *Ціо-Сянъ*, по японски *Чжіоцянъ*

или *Чжаоцзянь*; названіе Чаосянъ Корейцы даютъ своему отечеству до сихъ поръ. Это имя, употребительное вообще въ Китаѣ, заслуживало бы предпочтенія во многихъ отношеніяхъ; однако, мы сохранили полуострову названіе «Кореи», чтобъ не отличаться мелочами отъ нашихъ предшественниковъ.

Корейскій полуостровъ, между 34° и 43° с. ш., окруженъ съ трехъ сторонъ моремъ, а съ сѣвера ограниченъ рѣками *Ялу-цзянъ*, *Тумынь-цзянъ* и высокою горой *Чанбо*. Таковы естественныя границы этого государства, простирающагося отъ юга къ сѣверу на двадцать семь дней пути, а отъ востока къ западу на десять дней. Отъ *Ляодуна* Корея отдѣляется рѣкою *Ялу-цзянъ*, которая, какъ говорятъ, протекаетъ сто японскихъ ри, а отъ *Нингута*, рѣкою *Тумынь-цзянъ*. Въ сѣверной и восточной частяхъ полуострова возвышаются громадныя горы; высочайшая изъ нихъ, *Чанбо шанъ* (длинный бѣлый хребетъ), покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. По увѣреніямъ Японцевъ, отъ подошвы горы до вершины полагается двадцать ри,—возвышеніе очень значительное надъ уровнемъ моря. Корейцы же утверждаютъ, что бѣлая вершина *Чанбо-шанъ* совершенно теряется въ небѣ и что точное опредѣленіе ея положенія въ воздушномъ пространствѣ невозможно. Рѣка *Тумынь-цзянъ*, вытекающая изъ этихъ горъ,

какъ обозначено на подлинныхъ географическихъ картахъ, также служитъ доказательствомъ значительнаго возвышенія почвы. Изъ горной цѣпи, къ востоку отъ Кореи, вытекаетъ еще нѣсколько рѣкъ; мы упомянемъ: Хань-цзянъ, которая впадаетъ въ Желтое Море на разстояніи однодневнаго пути отъ столицы, и Цзинь цзянъ, которая, близъ Фузанкаи, снабжаетъ водою Корейскій каналъ. Климатъ во всей этой странѣ суровѣе, чѣмъ въ Японіи подъ тѣми же широтами; въ сѣверныхъ горахъ зимы бываютъ жестоки; земля покрывается толстымъ слоемъ снѣга, а Ялу-цзянъ, какъ и другія рѣки, замерзаетъ такъ крѣпко, что по льду можно переправлять всякія тяжести. Японцы, посѣщавшіе эту страну, почитаютъ ее неплодородною. Посѣвы риса и проса даютъ жатву не столько богатую и доброкачественную, какъ въ Японіи; въ сѣверныхъ же провинціяхъ урожаи вообще ненадежны и скудны. На самыхъ обычаяхъ и правахъ жителей лежитъ отпечатокъ бѣдности, которая представляетъ неотрадную противоположность съ веселою и удобною жизнью счастливыхъ обитателей Японіи.

Корея производитъ пшеницу, сарацинское пшено, ячмень, просо (*), капусту китай-

(*) *Paniculum italicum* (L., *Echinocloa crus corvi* (Palisot).

скую и восточную ⁽¹⁾, разные виды паровой рѣдки и огурцовъ, бобы *de soja* ⁽²⁾, *de sa-jan* ⁽³⁾, деревья: восковое ⁽⁴⁾, кедръ, груша, орѣшникъ, корень жиньшень, каштаны, бамбукъ, лаковое дерево или сумахъ ⁽⁵⁾, папирсъ ⁽⁶⁾, табакъ ⁽⁷⁾, травянистый хлопчатникъ ⁽⁸⁾, красильная гречиха ⁽⁹⁾, пенька и крапива ⁽¹⁰⁾. Тамъ разведены также деревья: померанцевыя, сливыя, абрикосовыя, грушевыя, гранатовыя, какійныя ⁽¹¹⁾, и особый видъ пихты ⁽¹²⁾, которой шишки или орѣхи употребляются въ пищу. Чайное деревцо рѣдко тамъ встрѣчается, потому что любимый напитокъ Японцевъ мало употребителенъ между Корейцами и замѣняется у нихъ биньлановымъ взваромъ, который и назы-

(1) *Brassica sinensis* (D. C.), *Brassica orientalis* (L.).

(2) *Dolichos soja*, (Th flor. japon.)

(3) *Phaseolus radiatus* (Th. fl.).

(4) *Rhus succedaneum* (L.).

(5) *Rhus vernix* (L.).

(6) *Broussonetia papyrifera* (l'Hér.).

(7) *Nicotiana chinensis* (R. S.).

(8) *Gossypium indicum* (D. C.).

(9) *Polygonum chinense* (L.) sive tinctorium.

(10) *Urtica nivea* (Th. fl.).

(11) *Diospyros Kaki* (Th. fl.).

(12) Она происходитъ отъ пихты, сходной съ *Pinus Strobus*, которой иглы длиною отъ трехъ до четырехъ дюймовъ, а шишка величиною съ лѣсной орѣхъ. Ядро ея маслянисто и неприятно по своему смолистому вкусу.

вается биньлановымъ чаемъ. Биньланъ (*), плодъ похожій на орѣхъ, не растетъ въ Корей и доставляется Китайцами, получающими его изъ государствъ Аньнанъ и Хайнанъ.

Одно изъ произведеній Кореи требуется въ значительномъ количествѣ въ Китай и Японію; мы говоримъ о жиньшенѣ (**), всеобщемъ лекарствѣ по понятіямъ тамошней медицины. Утверждаютъ, что качество его преимущественно зависитъ отъ мѣстности, гдѣ онъ собранъ, и лучшимъ почитается жиньшень, растущій въ горахъ на сѣверѣ полуострова. Трудно повѣрить, что лучший жиньшень продается по двѣсти руб. сер., и даже дороже, за фунтъ въ Пекинѣ. Какъ бы то ни было, фактъ дѣйствительно справедливъ, въ чемъ не разъ увѣряли насъ Японцы, да и мы сами были свидѣтелями, какъ за корешокъ жиньшеня, въ нѣсколько дюймовъ, платили очень дорого. Корень совершенно прозрачный, цвѣта желто-янтарнаго, хранятъ въ красивыхъ золотыхъ и серебряныхъ ящичкахъ, наполненныхъ рисомъ. Но обыкновенный корейскій жиньшень, корень бѣлый, длиною около вершка, продается въ Пекинѣ по 25 р. сер. за фунтъ, и по отзыву русскихъ медиковъ совершенно не

(*) *Aegae cathesa* (L.).

(**) *Panax quinquefolium* (Linn.), var β . *Côraiense* m.

имѣетъ того возбуждательнаго свойства, которымъ отличается лучшій и дорогой жиньшень.

Домашнія животныя: рогатый скотъ, лошади, свиньи, козы, собаки и кошки. Особая порода небольшихъ, но крѣпкихъ и сильныхъ лошадей, называется *мон-ква*. Въ лѣсахъ и степяхъ водятся олени, зайцы, лисы, волки и шакалы; королевскій тигръ и барсъ (*) попадаютъ въ такомъ множествѣ, что шкуры ихъ составляютъ особую статью заграничной торговли, замѣчательную по сѣверному положенію Кореи. Эти звѣри въ Корейѣ отличаются отъ тожественныхъ съ ними породъ, водящихся въ тропическихъ странахъ, большею длиною шерсти, и потому изъ здѣшнихъ мѣховъ королевскаго тигра приготовляются мантии роскошнѣе и красивѣе, чѣмъ изъ шкуръ тигровъ бенгальскихъ и водящихся на Сонскихъ островахъ. Корейскій мускусъ употребляется въ составъ лекарствъ и благовоній; это даетъ поводъ думать, что мускусовая кабарга принадлежитъ также къ фаунѣ корейскаго полуострова. У жителей мы видѣли: домашнихъ куръ, голубей, гусей, утокъ, баклановъ, а изъ дикихъ птицъ,—фазановъ, соко-

(*) *Felis irbis* (Pall).

ловъ, цаплей и журавлей. Еще въ Японіи мы видѣли перелетныхъ птицъ изъ Кореи, вороновъ, европейскихъ сорокъ и разные виды зябликовъ и дроздовъ. Судя по обилію рыбы у японскихъ береговъ, можно полагать, что и берега Кореи весьма выгодны для рыбной ловли. Въ Корейскомъ проливѣ, обильномъ китами, японскіе китоловы съ успѣхомъ занимаются симъ промысломъ. Въ Корейскомъ королевствѣ добываются золото, серебро и мѣдь; но желѣза мало, и то дурного качества. Статьи вывоза: тигровыя и скатовыя шкуры, шелкъ-сырецъ, шелковая бумага, шелковыя и бумажныя ткани и жиньшень.

Страна раздѣляется на восемь округовъ; Китайцы и Японцы сообщили намъ ихъ названія, но туземныя заслуживаютъ предпочтенія. Впрочемъ, мы выставимъ здѣсь и тѣ и другія:

Корейско-китайскія названія.	Китайскія назва- нія.	(*) Японско-ко- рейскія назван.
I. Кинъ-куй-то.	Цзинцзи дао.	Кеп-ки тѣ.
II. Канъ-он-то	Цзянь-юань-дао.	Кѣ-генъ-тѣ.
III. Гуанъ-гай-то.	Хуанхай-дао	Кво-кай-то.
IV. Цюаньло-то.	Цюаньло-дао.	Цю-ло-то.
V. Циншанъ-то.	Циншанъ-дао.	Ци-си-то.
VI. Чжунцинъ-то.	Чжунцинъ-дао.	Чжу-си-то.
VII. Сяньцзинъ-то.	Сяньцзинъ-дао.	Санъ-цзи-то.
VIII. Пинъ-анъ-то.	Пинъ-анъ-дао.	Пинанъ-то.

(*) См. *San kokf-tsu-ran*, въ перев. Клапрота.

Въ японскихъ сочиненіяхъ о Корей названія ея округовъ пишутся невѣрно и представляютъ искаженіе настоящихъ именъ. Названія, принятыя Мартиніемъ и д'Анвилемъ, точнѣе. Сочиненіе Клапрота, о которомъ мы уже говорили, заключаетъ въ себѣ драгоцѣнные матеріялы для топографіи и исторіи Корейскаго полуострова, и мы не можемъ указать никакого другого, болѣе достовѣрнаго источника.

По японской энциклопедіи и по *Цюцену-моногатари* эти восемь округовъ дѣлятся на сорокъ одинъ уѣздъ, *цзюнь*, по кит. тоже *цзюнь*, въ которыхъ считается 33 города перваго класса (фу), 38 втораго (чжеу) и семьдесятъ третьяго (сянь). Столица королевства лежитъ въ Цзинцзискомъ округѣ и называется *цзинцзи* или *хань-ченъ* т. е. резиденція; иногда называютъ ее *ванъ-ченъ* или королевская крѣпость. *Цзяилинъ*, въ *Цзянъ-юаньскомъ* округѣ, занимаетъ второе мѣсто между корейскими городами. Въ японскомъ *Санъ-кокъ-цюранъ* помѣщена довольно любопытная статистическая таблица, которую мы и передаемъ здѣсь:

ОКРУГИ.	Мѣстопробыванія пра- вительственныхъ лицъ.	Правленіе.	Города.	Уѣзды.	Присутственные мѣ- ста.	Мѣстопробыванія при- ставовъ или ревизоръ.	Почтовые управленія.	Укрѣпленныя мѣста.	Адмиралтейства.	Чины арміи и флота.	Корабли.	
											Большіе.	Малыя.
I.	28	4	9	8	5	12	6	6	2	4	9	9
II.	26	1	6	7	2	9	4	3	—	3	—	—
III.	24	2	4	7	4	—	6	7	—	9	—	—
IV.	54	4	1	11	1	37	6	6	—	3	20	20
V.	57	4	4	12	6	31	6	18	—	24	42	12
VI.	69	4	11	14	1	34	11	24	—	33	56	51
VII.	42	2	10	17	8	5	2	18	—	49	—	—
VIII.	32	2	15	4	—	2	3	3	—	55	—	—
	332	23	60	80	27	130	44	87	2	180	127	92

Корея управляется королемъ, который носитъ титулъ *Циб-сянь ванъ* (цюсяньскій король) и пользуется неограниченною властью, хотя и считается данникомъ Китая и Японіи. Относительно Китая, зависимость корейскаго владѣтеля ограничивается тѣмъ, что онъ ежегодно отправляетъ къ пекинскому двору посольства съ подарками и извѣщаетъ о всѣхъ политическихъ событіяхъ, замѣчательныхъ въ какомъ нибудь отношеніи. Говорятъ, что китайскому императору принадлежитъ право утвержденія корейскаго короля и что онъ получаетъ дань каждый разъ при вступленіи на престолъ новаго короля. Такія отношенія едва ли можно назвать *политическою зависимостію*; начало ихъ относится къ 1636 году, когда нынѣшняя маньчжуская династія установила ихъ силою оружія (*).

Со времени вторженія Японцевъ, отъ 1592 до 1598 года, при сіюгунѣ *Фидеібзи*, обыкновенно называемомъ *Таико*, между японскими и корейскими государями установились сношенія, болѣе похожія на союзническія, чѣмъ на отношенія сюзерена къ васалу. Оба двора присылаютъ взаимно представителей, когда новый государь вступаетъ

(*) *San kokf tsou ran*, перев. Клапрота, стр. 38—42

на престолъ. Нѣкогда, обоюдныя посольства, при подобныхъ случаяхъ, снаряжались съ ослѣпительною роскошью, для извѣщенія о восшествіи на престолъ государя и для поднесенія подарковъ. Съ 1790 года, эти церемоніи значительно поупростились и совершаются нынче на островѣ Пузимѣ. Предусмотрительное японское правительство назначило этотъ островъ мѣстопробываніемъ одного изъ принцевъ императорскаго дома и отдало въ его управленіе торговлю съ Корейскимъ полуостровомъ.

Какъ эта торговля и самый островъ Пузима доставляютъ незначительный доходъ, то принцу-правителю отведены, подъ названіемъ *вознагражденія*, земли въ одной изъ плодороднѣйшихъ провинцій острова Кіу-зіу, (*Цю-сю*) изобильнаго рисомъ, въ которомъ такъ нуждаются Корейцы. Островъ Пузима весьма важенъ въ политическомъ отношеніи для Японіи; пребывающій на немъ принцъ основалъ въ самой Корей, близъ Фузанкаи, портового города цинсянскаго округа, японскую колонію, въ 500 душъ. Эти поселенцы, родъ наблюдательнаго отряда, живутъ въ огражденномъ мѣстѣ около четверти мили въ окружности; только этихъ Японцевъ и можно встрѣтить въ Корей, разумѣется, за исключеніемъ корабельныхъ экипажей. Всѣ, солдаты и должностныя лица, ремесленники и

купцы, живутъ вмѣстѣ, почти въ совершенномъ удаленіи отъ природныхъ жителей; въ браки вступаютъ они только въ своей общинѣ и безъ особаго разрѣшенія не могутъ посѣщать внутренности страны. По отношенію къ богатству обоихъ народовъ, торговля между Кореей и цузимскимъ княземъ почти не заслуживаетъ этого названія; по увѣренію Японцевъ, ее скорѣе можно считать взаимнымъ размыномъ подарковъ. Цузимскій князь отправляетъ въ Корею рисъ, перецъ и буйволы рога, а въ замѣнъ получаетъ оттуда прославленный жиньшень и тигровыя и скатовыя шкуры. Японцы Фузаккайской Факторіи торгуютъ также шелковыми и бумажными матеріями, превосходнымъ сырцомъ, лакированными издѣліями и шелковой бумагой, вошедшей издавна въ употребленіе.

Округи управляются сановниками, присылаемыми изъ столицы. По учрежденію, сходному съ японскимъ, они обязаны личною отвѣтственностію за свои дѣйствія, но пользуются неограниченною властію, самопроизвольно примѣняя законы и дѣйствуя, болѣею частію, по видамъ личной пользы. Народъ дѣлится на четыре сословія: земледѣльцевъ, ремесленниковъ, военныхъ и духовенство. Вооруженіе солдата состоитъ изъ ружья или лука и сабли, которая виситъ за

спиною и вынимается изъ ноженъ черезъ плечо. Ружья съ фитилями, какъ у Японцевъ и Китайцевъ, походятъ на европейскія XVI вѣка, а большіе и толстые луки приготавливаются изъ буйволовоыхъ роговъ. Вообще оружіе грубой отдѣлки и далеко уступаетъ японскому. Корейцы безпрестанно упражняются въ стрѣльбѣ, приобрѣтаютъ большую ловкость и всегда попадаютъ въ цѣль на разстояніи шестисотъ футовъ.

Пушки, употребляемыя на сушѣ и на флотѣ, небольшихъ калибровъ. Въ военномъ искусствѣ Корейцы слѣдуютъ правиламъ китайской стратегіи. Каждый Кореецъ есть уже солдатъ; сословіе же, которое называется собственно *военнымъ*, состоитъ исключительно изъ воиновъ высшихъ званій, въ родѣ римскихъ всадниковъ. Такіе избранные воины образуютъ въ Корей, какъ и въ Японіи, классъ дворянства.

Буддизмъ, господствующая религія, проникъ въ Корею изъ Китая въ 372 году; значительное число жрецовъ и монаховъ обоого пола соразмѣрно числу кумирень, молелень и монастырей; но эти религіозныя зданія пользуются бѣльшимъ уваженіемъ, чѣмъ ихъ обитатели. Изъ Кореи буддизмъ перешелъ въ Японію, и вѣроятно въ обѣихъ странахъ жреческій костюмъ одинаковъ, за исключеніемъ развѣ мелочныхъ измѣненій, которыя

допускаются этою религіею въ каждой странѣ для сближенія съ народными обычаями.

Г. Блумгофъ, который управлялъ голландскою торговлею въ Японіи, съ 1818 до 1823 г., и которому Королевскій Гаагскій Музей обязанъ самою значительною частію своихъ японскихъ рѣдкостей, успѣлъ также достать нѣсколько одеждъ и другихъ принадлежностей частной жизни Корейцевъ, и между прочимъ два идола изъ жировика (*кан-инъ*, по японски *кан-онъ*).

Въ ниппонскомъ капищѣ, посвященномъ всѣмъ богамъ, находятся два разряда этихъ божествъ; въ одномъ заключается семь, а въ другомъ тридцать три, и японскіе буддисты, слѣпо въ нихъ вѣрующіе, воздвигли въ честь ихъ великолѣпные храмы по всей имперіи. Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ каноновъ служить покрывало, накинутое на голову и плеча; они украшаются также ожерельемъ, спускающимся на грудь. На корейскихъ идолахъ замѣчено нѣчто похожее на надпись.

Божество сидитъ на пвѣткѣ лотоса; лѣвая нога поджата, а правая вытянута; въ такомъ положеніи нерѣдко изображаются и другіе кан-оны. Идола, подареннаго намъ корейскимъ приставомъ, можно почитать за *Бозацъ* (по кит. *Пуся*), небесное существо особаго разряда, но также покровительству-

ющее человеку. Головной уборъ на изображеніяхъ бозацовъ почти такой же, какъ и у кан-оновъ; только плеча вмѣсто покрывала украшаются лентою, которая ниспадаетъ до земли или спускается только до лотоса, обыкновеннаго ихъ сѣдалища. Въ правой рукѣ у нихъ или ваза съ цвѣтами или родъ лиліи.

Кажется, что въ Корей кромѣ буддизма существуетъ еще особая древняя религія, какъ *синто* въ Японіи и *даосы* въ Китаѣ. Нравоученіе Кунфу-цзы высоко уважается въ Корей и имѣетъ тамъ многочисленныхъ послѣдователей.

Земледѣліе, рыболовство и охота въ горахъ на сѣверѣ принадлежатъ къ главнымъ отраслямъ промышленности страны, гдѣ потребляется также въ значительномъ количествѣ молоко и мясо домашняго скота, за которымъ ухаживаютъ старательнѣе, чѣмъ въ Японіи. Бойни подчинены особому постановленію, которымъ опредѣлено сколько должно бить скота въ каждомъ селеніи. Корейцы такъ же воздержны, какъ Китайцы и Японцы, у которыхъ только богачи отступаютъ отъ прародительской простоты нравовъ: рисъ, ячная крупа, нѣкоторые овощи, рыба, дичь, мясо и соляная подливка, составляютъ повседневный столъ у загангскихъ народовъ. Японцы находятъ различіе между своею кухнею и корейскою, которая, впрочемъ, имъ такъ

же довольно нравится. Мануфактурная промышленность полуострова показала намъ на низшей степени, чѣмъ въ двухъ сосѣдственныхъ имперіяхъ на крайнемъ востокѣ Азіи; столлярная работа, издѣлія гончарныя, фарфоровыя, все у Корейцевъ грубѣе и обнаруживаетъ младенчество искусства. Желѣзные орудія, особенно сабли и острые инструменты, не высокаго достоинства; но встрѣчаются превосходныя шелковыя матеріи, весьма хорошія шерстяныя и бумажныя ткани и отличная писчая или шелковая бумага.

Торговая дѣятельность Кореи, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ сношеній съ Китаемъ и Японіею, ограничивается внутренними оборотами и состоитъ въ размѣнѣ туземныхъ произведеній, перевозимыхъ частью на вьючномъ скотѣ, частью посредствомъ довольно дѣятельнаго судоходства. О значительности этой торговли можно судить по государственнымъ доходамъ и по населенности страны, особенно южныхъ областей. Намъ не удалось собрать объ этомъ предметѣ точныхъ свѣдѣній; но съ вѣроятностію можно заключить, что внутренняя корейская торговля, по сравнительнымъ результатамъ, не уступаетъ торговлѣ сосѣдственныхъ имперій, потому что эта страна, не одинъ разъ уже высылавшая свои колоніи въ восточный архипелагъ, въ теченіе двухъ

вѣковъ пользуется ненарушимымъ миромъ, въ умѣренномъ климатѣ. Доходы ея полагають до 400 ман-коковъ или 4 милліоновъ кобановъ, что составляетъ на наши деньги около двадцати пяти милліоновъ руб. сер.

Ходячая монета преимущественно мѣдная, а частію и желѣзная. Въ серединѣ каждой монеты есть отверстіе, чтобъ можно было надѣвать ее на веревочку. Самая обыкновенная теперешняя монета называется *ся-пинъ тю-по* (чан-пинъ-тун-бао), то-есть, *продолжительный, постоянный миръ, общая цѣнность*. Она лѣется въ трехъ видахъ, различныхъ по величинѣ, и представляетъ большое разнообразіе въ изображеніяхъ на оборотной сторонѣ или на реверсѣ, представляющемъ иногда двѣ или три буквы, иногда нѣсколько изображеній солнца, луны и звѣздъ. Самая крупная монета, цѣною въ десять моновъ, составляетъ около копѣйки серебромъ. Другая ходячая, хотя и древняя, монета называется *Ціо-янь-тю-по* (чао-сянь-тунъ-бао); она чеканена, вѣроятно, около 1392 года, когда *Лин-ченгуй* возстановилъ для своего государства названіе *Чаосянь*. Изъ китайскихъ мѣдныхъ монетъ, обращающихся также и въ Корей, упомянемъ о *Канси-тунбао*. Древнія корейскія монеты изображены и описаны въ разныхъ нумизматическихъ японскихъ сочине-

ніяхъ (*). *Сань-ганъ-дао-бао*, ходячая монета въ три гана, и *Хай-дунъ-чжунбао* тяжело-вѣсная монета восточнаго моря, по видимому, самыя древнія. Надписи различаются, больше или меньше, видомъ и размѣщеніемъ буквъ.

Мы старались изобразить народъ, представителей котораго, изъ всѣхъ состояній, удалось намъ видѣть и даже прожить съ ними нѣсколько времени; мы въ главныхъ чертахъ обрисовывали племена, отъ которыхъ произошли Корейцы, и полагаемъ, что наше описаніе ихъ общественнаго быта измѣнить въ хорошую сторону господствовавшее до сихъ поръ объ этомъ народѣ мнѣніе. Бѣдствіе голландскаго корабля *De Sperwer*, потерпѣвшаго крушеніе у этихъ береговъ въ половинѣ XVII вѣка; суровый плѣнь корабельнаго экипажа, которому воспрещено было возвращеніе въ отечество; отважное бѣгство плѣнниковъ, возвратъ ихъ въ Голландію и ихъ баснословные рассказы, жадно собираемые и преувеличиваемые, въ такую эпоху, когда всему чудесному легко вѣрили; все это вмѣстѣ окружило Корею ка-

(*) *Ва-кан-ко-кон-сенъ-ква-канъ*, т. е. «Зеркало изображеніе) древнихъ и новѣйшихъ китайскихъ и японскихъ монетъ», издано въ Іедо, въ 1805, въ 20 тетрадяхъ.

кимъ то грознымъ мракомъ. Впослѣдствіи, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Корейцы едва снискиваютъ себѣ пропитаніе рыбною ловлею или обработкою полей, а въ горахъ, вмѣсто золота и серебра, добываютъ лишь небольшое количество мѣховъ, тогда и смѣлые мореходцы, нестрашившіеся опасностей подобнаго путешествія, не захотѣли пускаться въ эту страну. Такимъ образомъ, Европейцы избѣгали Корейскаго полуострова слишкомъ сто лѣтъ, пока общее стремленіе къ открытіямъ и торговлѣ не увлекло къ этимъ берегамъ, сперва Лаперуза, потомъ Братона, Мексвеля и Безиль Галля, которые сдѣлали любопытныя наблюденія надъ географическимъ положеніемъ страны и надъ народами, въ ней обитающими. Но подробности, сообщенныя этими путешественниками, о недоступности страны и о враждебномъ взглядѣ правительства и народа на всѣ попытки Европейцевъ войти съ ними въ дружественныя сношенія, были такъ неблагоприятны, что не оставляли вовсе надежды на успѣхъ.

Политическое положеніе государства, первое впечатлѣніе, произведенное на его правительство появленіемъ Европейцевъ, а потомъ наблюденія надъ нравственностію содержавшихся въ плѣну мореходцевъ, могли бы достаточно объяснить, почему западнымъ

народамъ воспрещенъ доступъ въ Корею, еслибъ эта строгость не оправдывалась желаніемъ обезпечить спокойствіе народа, счастливаго тѣмъ положеніемъ, какое доставляютъ ему внутренніе торговые обороты и произведенія его промышленности.

Кровавая борьба, которую Корейцамъ пришлось выдержать съ 1592 по 1598 годъ, противъ японскаго завоевателя Таико, распространила повсюду разоренія и рабство. Уже все королевство подпало подъ иго Таико, когда у самихъ Японцевъ вдругъ вспыхнула междоусобная война, возведенная Европейцами, которые были приняты ими какъ братья. Корейскому правительству не остались неизвѣстными послѣдовавшія затѣмъ религіозныя преслѣдованія и продолжительныя раздоры, и тогда какое понятіе должно было составиться у него о людяхъ, которые въ самомъ ничтожномъ числѣ, могли колебать въ основаніяхъ сильную имперію? Могли ли они не страшиться союза съ неизвѣстнымъ народомъ, руководимымъ страстью къ насильственнымъ завладѣніямъ, едва успѣвъ избавиться отъ владычества государства, съ которымъ они въ теченіе вѣковъ находились въ дружественныхъ сношеніяхъ, которому передали они свои общественныя нравы, религію, и даже часть своего народонаселенія? Запрещеніе входа иностран-

цамъ, основанное на такихъ важныхъ соображеніяхъ, можно ли почитать несправедливымъ, если взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія, соотвѣтственной этому полудикому обществу? Значитъ, нечему удивляться, что Корейцы упорно, но безъ жестокостей, вооружаются противъ тѣхъ иностранцевъ, которые по отвагѣ или по прихотямъ моря прибываютъ въ ихъ страну.

Такимъ образомъ, въ 1627 году, три матроса съ яхты «Оверкеркъ» (*Ouwerkerk*), сошедшіе на берегъ за водою и съѣстными припасами, были задержаны Корейцами. Двое изъ нихъ вступили къ королю въ службу противъ Татаръ, а третій, по имени Вельтеврее (*Weltevree*), сдѣлался переводчикомъ. Онъ пріобрѣлъ довѣренность при дворѣ и жилъ мирно въ своемъ семействѣ до глубокой старости. Въ 1652 году, корабль *De Sperwer* претерпѣлъ крушеніе у корейскихъ береговъ. Начальникъ экспедиціи Гаммель и тридцать пять его спутниковъ были спасены, но задержаны какъ чужеземцы и отправлены подъ надежнымъ конвоемъ въ столицу, а тамъ объявили имъ указъ, воспрещавшій имъ выходъ изъ страны. Король включилъ ихъ въ число собственныхъ своихъ стрѣлковъ, и по положенію своему они походили на людей вольнонаемныхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неважныхъ ограниченій. Они могли

*

даже улучшить свой бытъ; но, при изслѣдованіи ихъ поведенія и собственныхъ хвастливыхъ разсказовъ, оказывается, что поступки ихъ и во всякомъ другомъ государствѣ навлекли бы на нихъ наказанія, гораздо строже тѣхъ, которымъ подвергались они въ Корей за разныя измѣны и побѣги. Убѣдившись, что эти иноземцы не только бесполезны, но даже вредны, правительство сослало ихъ въ безопасныя мѣста; приговоръ этотъ, кажется, былъ вынесенъ желаніемъ отдѣлаться безъ шума отъ такихъ недостойныхъ гостей. Такъ должно полагать, потому-что у большей части народовъ сѣверовосточной Азіи законы, объявленные во всеобщее свѣдѣніе, признаются неизмѣнными, такъ что и верховная власть не можетъ уже измѣнить ихъ, ни отмѣнить. По этой причинѣ, нашли средства избѣгать точнаго исполненія закона, безъ явнаго его нарушенія. Многіе изъ этихъ плѣнниковъ успѣли избавиться отъ рабства и изобразили его въ самой страшной картинѣ; но ихъ неблагодарность возбуждаетъ въ такой же степени негодованіе, какъ и преслѣдованія, которымъ они подвергались въ плѣну.

Когда слухи объ этихъ происшествіяхъ достигли Голландской-Индѣйской-Компаніи, она обратила свое вниманіе на Корею. Свѣдѣнія, собранныя ею чрезъ свою японскую

факторію, оказались очень неудовлетворительными, въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ, и не могли побудить къ вступленію въ сношенія съ Кореей. Сверхъ того, Компанія опасалась, чтобы японская торговля, находившаяся тогда въ цвѣтущемъ состояніи, не потерпѣла отъ новыхъ связей и чтобы голландскій флагъ не исчезъ въ послѣдствіи съ японскихъ морей.

Прибытіе Лаперуза, который въ 1787 г. появился передъ Квельпардомъ, и прошелъ довольно близко вдоль восточнаго берега Кореи, должно было произвести тамъ сильное впечатлѣніе. Безъ сомнѣнія, туземцы тогда въ первый разъ увидѣли европейскіе военные корабли; сторожевые огни, которые каждую ночь раскладывались вдоль морского берега, и суда, отправлявшіяся для развѣдываній и обозрѣній, обличали безпокойство, которое, впрочемъ, скоро окончилось — съ удаленіемъ иностранныхъ кораблей. Журналь Гаммеля, бывшій у Лаперуза передъ глазами, отнялъ у него охоту пристать къ Корей, а когда онъ хотѣлъ пристать къ открытому имъ острову Дажелету (Dagelèt), быть-можетъ, въ надеждѣ войти въ сношенія съ туземцами, противныя теченія заставили его отказаться отъ этого намѣренія.

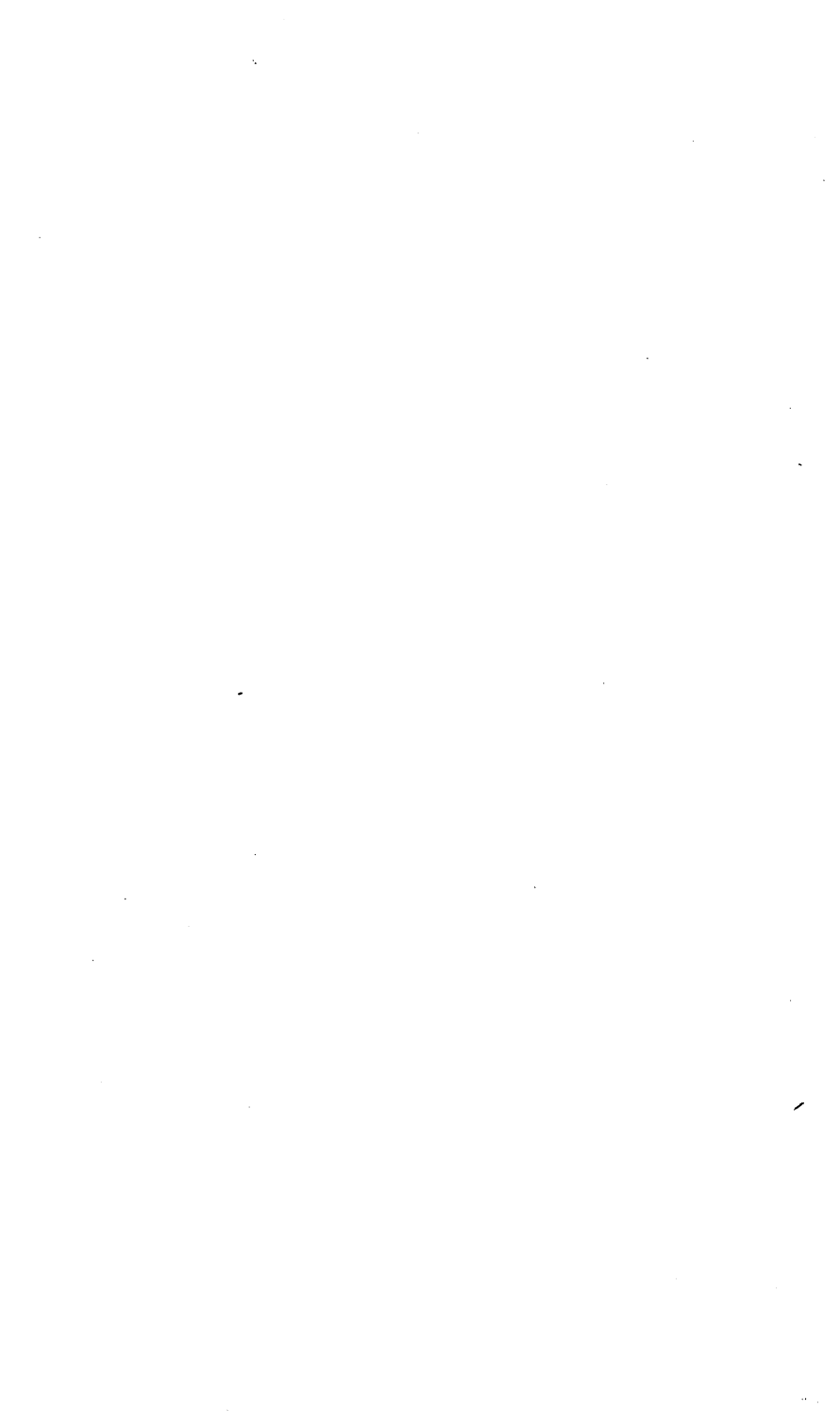
Болѣе отважный Братонъ въ 1797 г. вошелъ въ Шозанскую гавань (Fusan), подъ

35° 2' С. Ш. и 126° 47' В. Д. Неожиданность входа, видъ корабля и его экипажа, не могли внушить довѣренности тамошнему подозрительному народонаселенію и побудить его къ принятію дружественныхъ предложеній; поэтому должно извинить заблужденіе жителей, которые считали Братона скорѣе морскимъ разбойникомъ, чѣмъ посланникомъ морской державы.

Изъ всего видно, что Мэксель и Безиль Галль, во время своихъ путешествій для открытій въ Желтомъ Морѣ, справедливѣе судили о корейскомъ приморьѣ. Усилія ихъ привлечь къ себѣ туземцевъ и ознакомиться съ топографіей страны заслуживали лучшаго успѣха. Жаль, что они неудачно выбрали средства для достиженія своей цѣли. Проникнуть во владѣнія полуобразованнаго племени, приправительствѣ весьма подозрительномъ было не такъ легко, какъ пристать къ берегу, заселенному племенемъ простодушнымъ, подъ патріархальными законами, или проѣхать черезъ земли кочующихъ народовъ, предводимыхъ воинственными начальниками. Въ послѣднемъ случаѣ достаточно сдѣлать кста-ти нѣсколько подарковъ; иногда же благо-разуміе и оружіе обезпечиваютъ успѣхъ высадки и битвы; но въ первомъ случаѣ, кротостью достигнешь не больше какъ и наси-ліемъ, потому что приходится имѣть дѣло

съ безстрастными стражами, неотступающими ни на волосъ отъ своихъ обязанностей, невнемлющими ни мольбамъ, ни угрозамъ. Кто ни являлся въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, въ гавани Кореи, Китая или Японіи, каждый встрѣчалъ въ этихъ стражахъ непреодолимое препятствіе. Почтенный старикъ, котораго видѣли Галль и Мэксвель, былъ однимъ изъ такихъ орудій восточной политики. Мы говоримъ о *кензи*, или блюстителѣ общественнаго спокойствія, который, подъ личной отвѣтственностію, наблюдалъ съ величайшею точностью за исполненіемъ законовъ.

Какъ въ настоящее время, такъ и въ будущемъ нельзя открыть свободный доступъ въ эти государства путемъ, на которомъ правительство, поддержанное общимъ мнѣніемъ, воздвигло подобныя затрудненія, и предпріятіе изслѣдовать эти страны никогда не совершится съ успѣхомъ, если въ основаніе его не будетъ положено глубокое изученіе духа учрежденій, нравовъ, обычаевъ и народнаго языка.

ГЛАВА VII.

ИЗВѢСТІЯ, СОБРАННЫЯ НѢСКОЛЬКИМИ ЯПОНСКИМИ
МОРЕХОДАМИ, КОТОРЫЕ, ПОТЕРПѢВЪ КРУШЕНІЕ У
БЕРЕГОВЪ ТАТАРИИ, БЫЛИ ПРЕПРОВОЖДЕНЫ ВЪ
НЕКИИЪ И ОТТУДА ВОЗВРАТИЛИСЬ ВЪ ОТЕЧЕСТВО
ЧЕРЕЗЪ КОРЕЙСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ.

*Извлеченіе изъ японскаго сочиненія Цю-синь-
моногатари.*

У синбонскихъ и микуніурскихъ моряковъ, изъ провинціи Ятсицентъ, съ отдаленнѣйшихъ временъ, вошло въ обычай ежегодно, подъ конецъ зимы, посѣщать подвластныя Японцамъ земли, для производства тамъ торговыхъ оборотовъ. Въ первый день четвертаго мѣсяца 1645 года, *Яке Утси Тозаймонъ*, съ сыномъ своимъ *Тозо*, и капитанъ *Кукида* — *Фіозаеомонъ* отправились на трехъ судахъ, съ пятьюдесятью осмью чело-вѣками экипажа. Авторъ этого разсказа, участвовавшій въ экспедиціи, выражается такимъ образомъ: «Мы достигли острова *Фе-гюрано-Сима*, принадлежащаго провинціи *Но-*

то; тамъ, дурная погода задержала насъ нѣсколько дней, пока удалось намъ достигнуть мыса на островѣ *Садо*, гдѣ противные вѣтры снова задержали насъ около трехъ недѣль. Наконецъ, въ десятый день пятаго мѣсяца, мы оставили *Садо*, при самомъ лучшемъ настроеніи духа всего экипажа; но въ ночь поднялась вдругъ такая буря, что мы не успѣли бросить якоря и были унесены въ открытое море.

«Въ пятнадцатый или шестнадцатый день насъ прибило къ неизвѣстному гористому берегу, на которомъ не замѣтно было ни людей, ни жилищъ. Мы отправили туда шлюпки, чтобъ заpastись водою, и занялись приведеніемъ въ порядокъ нашихъ истерзанныхъ судовъ. Черезъ десять дней, которые мы употребили на починку кораблей, добывая потребный на то лѣсъ на горахъ, эскадра наша снова вышла въ море, чтобъ отыскать какую нибудь гавань; но вѣтеръ возобновился и пригналъ насъ къ возрышенному берегу, въ пятидесяти ри къ западу отъ перваго; мы вошли въ бухту, вдавшуюся въ берегъ на одинъ ри, и тотчасъ увидѣли до шестидесяти человѣкъ, сидѣвшихъ по-одному въ челнокахъ и приближавшихся къ намъ на греблѣ. Они говорили намъ что-то на языкѣ, вовсе для насъ непонятномъ, и возвратились на берегъ. Черезъ нѣ-

сколько минутъ трое изъ нихъ появились снова, плывя рядомъ; по нашему приглашенію, они вошли на бортъ. Имъ предложили заки и съѣстное, но они ничего не принимали; но когда мы отвѣдывали чтонибудь сами, для убѣжденія ихъ, что въ этой пищѣ нѣтъ ничего вреднаго здоровью, тогда и они довѣрчиво принимались за яства.

«Одинъ изъ этихъ людей вынулъ изъ-за пазухи кусочекъ жиньшеня и, указавъ на котелъ, попавшійся ему на глаза, выразилъ знаками желаніе свое произвести мѣну. Разсмотрѣвъ товаръ своего гостя, мы убѣдились, что это былъ китайскій жиньшень въ сыромъ видѣ и приняли его предложеніе.

Однакоже, намъ захотѣлось узнать гдѣ водится это растеніе и мы объяснили иноземцу, что дадимъ ему рису, если онъ сообщитъ намъ это свѣдѣніе. Онъ сдѣлалъ утвердительный знакъ, указавъ рукою на горы и отправился съ своими товарищами, распѣвая пѣтухомъ, вѣроятно, чтобъ вразумить насъ, что онъ возвратится къ разсвѣту. Дѣйствительно, въ назначенный часъ, три туземца явились къ намъ, и весь экипажъ отправился вслѣдъ за ними къ горамъ; только четырнадцать человѣкъ остались на судахъ. Японцы были совершенно безоружны, потому что во время бури, вслѣдствіе обѣта морскому божеству, они принесли ему

въ жертву свое оружіе. Едва они прошли внутрь страны на десятокъ *матси*, гдѣ возвышались холмы, поросшіе тростникомъ, какъ слышали страшные крики, и вслѣдъ за тѣмъ, были окружены многочисленною толпою, которая пустила въ нихъ тучу стрѣлъ. Напрасно старались они спастись бѣгствомъ; большая часть пала подъ ударами враговъ; тринадцать же бѣглецовъ, которые успѣли было скрыться въ тростникѣ, скоро отысканы и связаны по-парно. Вся эта враждебная толпа, свѣше тысячи чело-вѣкъ, бросилась къ берегу и напала на корабли. Изъ Японцевъ, остававшихся на судахъ, десятеро пали подъ стрѣлами.

Корабль *Фіозаефона* зажгли, бросая въ него горящія головни; капитанъ бросился въ море, и уже истощилъ силы въ безнадежной борьбѣ съ волнами, какъ вдругъ подоспѣлъ къ нему на помощь тотъ самый туземецъ, который наканунѣ обѣщалъ ему показать мѣсто, гдѣ растеть жиньшень. Онъ отклонилъ отъ капитана стрѣлы, которыя направлялись въ него, и помогъ ему достигнуть берега. Этотъ же туземецъ спасъ четырнадцати-лѣтняго сына *Тозаймона*. Корабли были ограблены и все забрано туземцами, которые размѣстили по-одиначкѣ въ домахъ своихъ пятнадцать Японцевъ, пережившихъ гибель своихъ соотечественниковъ. Насъ посылали

въ поля для собиранія травъ, и уже впоследствии намъ сдѣлалось извѣстнымъ названіе страны, гдѣ мы находились; это былъ берегъ Таттанъ (*).

«Слухъ о нашемъ кораблекрушеніи достигъ наконецъ до правителя страны, и десятеро изъ его чиновниковъ получили приказаніе изслѣдовать это дѣло. Испуганные непроницаемою для нихъ запутанностію обстоятельствъ, они вытребовали трехъ мѣстныхъ начальниковъ и отправили ихъ, вмѣстѣ съ нами, въ маньчжурскій городъ *Нингута*. Мы совершили путешествіе верхомъ, за конвоемъ, и въ тридцать пятый день прибыли къ мѣсту своего назначенія. Мы немедленно представились губернатору, который потребовалъ у трехъ привезенныхъ чиновниковъ отвѣта, по какой причинѣ они упустили изъ виду свою обязанность донести о такомъ важномъ происшествіи, и какъ осмѣлились собственною властью предать смерти такое значительное число людей; потомъ, въ сильномъ раздраженіи, разсуждалъ о дѣлѣ. Три испуганные отвѣтчика приводили въ свое

(*) *Таттанъ* кожно *фенъ-до* «берега Татаріи», какъ говорится въ подлинникѣ. Впоследствии мы увидимъ, что это была *Нингута*, земля къ сѣверу отъ Кореи, то есть противоположный Японіи берегъ Цзириньской области, въ Маньчжуріи.

оправданіе, что они перебили нашихъ соотечественниковъ, почитая ихъ японскими морскими разбойниками; но губернаторъ не удовольствовался такими отговорками и приказалъ отсчитать каждому по пятидесяти ударовъ бамбуковою тростью. Потомъ онъ обратился къ намъ и спрашивалъ насъ знаками. Фіозаемотъ вынулъ свою карманную бумагу (*) и началъ дуть въ нее, какъ въ парусъ, для объясненія губернатору, что буря бросила насъ на здѣшніе берега; потомъ, чтобъ показать ему, что мы принадлежимъ къ числу мирныхъ купцевъ, а вовсе не разбойники, онъ устылся съ видомъ человѣка, совершенно спокойнаго и довольнаго, выражая это и словами и жестами. Губернаторъ, повидимому, понялъ такое объясненіе; онъ приказалъ перемѣнить наше платье, которое слишкомъ рѣзко отличалось отъ туземнаго, и сказалъ, что мы должны отправиться въ Пекинъ, чтобъ получить отъ императора позволеніе возвратиться въ свое отечество. Онъ снисходительно успокоилъ насъ, относительно послѣдствій этой поѣздки, и мы оставили его, увѣряя въ чувствахъ своей признательности.

«Черезъ нѣсколько времени, прибыли маньчжурскіе чиновники, взяли насъ и пустились

(*) Особая бумага (*фана-гами*) закрѣпляетъ у Японцевъ носовые платки.

съ нами въ путь. Переѣздъ совершенъ вер-
хомъ въ сорокъ дней. Наши проводники,
представивъ насъ губернатору и объяснивъ
ему причину нашего путешествія, назначили
намъ гостиницу, гдѣ мы и провели нѣ-
сколько дней. Для прислуги намъ назначили
трехъ человѣкъ, и ежедневно отпускали
каждому изъ насъ порцію риса, фунтъ сви-
нины, извѣстное количество ячней муки, ри-
совой водки, чаю, живности, рыбы, соли,
мизо и дровъ. Насъ снабжали также плать-
емъ, башмаками, одѣялами и всѣмъ необхо-
димымъ.

«Въ пятый мѣсяцъ слѣдующаго года, по-
знакомившись ближе съ китайскимъ языкомъ,
мы умоляли губернатора позволить намъ воз-
вратиться въ отечество.

— «Ваша просьба, сказалъ онъ, представ-
лена императору, которому благоугодно бы-
ло выслушать ваше представленіе. *Ниппонъ*
хранитъ правосудіе и искусенъ въ войнѣ: въ
здѣшней странѣ царствуютъ истина и чело-
вѣколюбіе; императоръ также строго под-
твердилъ, чтобы вы ни въ чемъ не пужда-
лись, до возвращенія своего въ отечество;
но вы должны еще подождать разрѣшенія на
отъѣздъ.»

«Со слезами на глазахъ мы благодарили
его за благодѣянія императора, и съ утѣ-

шеннымъ сердцемъ стали ожидать окончательнаго рѣшенія своей участи.

«Въ пятый день одиннадцатаго мѣсяца того же года, насъ призвали къ губернатору, который и объявилъ, что наша просьба, поданная прошлымъ лѣтомъ, принята благосклонно и что онъ получилъ приказаніе отъ править насъ въ десятый день, назначивъ намъ конвой до Чаояня. Отъ имени императора, онъ далъ намъ нѣсколько овчинъ, мѣховъ и обуви. Съ приближеніемъ минуты, когда должны были осуществиться наши желанія, радости нашей не было границъ; мы изъявили передъ губернаторомъ живѣйшую признательность за великодушіе императора, и возвратились въ свою гостиницу.

«Въ девятый день, губернаторъ прислалъ намъ прощальные подарки, двадцать барановъ, рисовой водки и разнаго печенья, предупредивъ, что отъѣздъ нашъ назначенъ на другой день.

«На слѣдующее утро, три чиновника, съ нѣсколькими запасными лошадьми, прибыли для препровожденія насъ въ палату правосудія, гдѣ губернаторъ желалъ насъ видѣть въ послѣдній разъ. Тронутый нашею благодарностію, онъ отпустилъ насъ, съ желаніемъ счастливаго пути, и подтвердилъ чиновникамъ, отдавая имъ паспорта, чтобы они неусыпно заботились объ иностранцахъ,

которые вѣрены ихъ охраненію. Мы сѣли на лошадей, и поѣздъ тронулся. Впереди несли два большія знамени, съ изображеніями драконовъ; потомъ слѣдовали восемь штандартовъ бѣлыхъ и четыре красныхъ; Японцы шли рядами въ три линіи, предшествуемые двумя чиновниками; въ головѣ каждой линіи несли зонтикъ, копье и другія оружія. Конвой изъ ста человѣкъ окружалъ нашъ поѣздъ, который выбрался изъ Пекина съ большою торжественностію.

«По мѣрѣ нашего приближенія къ Ляодуну, холодъ постепенно становился провизительнѣе. Отъ снѣга дороги слѣпались непроходимыми для пѣшехода, и мы принуждены были постоянно ѣхать верхомъ. Прибывъ на берега рѣки Даляо-шуй, мы увидѣли, что она замерзла на всемъ пространствѣ, какое можно было окинуть глазомъ, хотя въ этомъ мѣстѣ ширина ея составляетъ 160 сажений. По льду переправились мы съ своими лошадьми, какъ по твердой землѣ, и скоро достигли рѣки Ялу-цзянъ, составляющей границу Чаосяня; рѣка эта также была покрыта льдомъ; мы легко перебравшись черезъ нее, какъ и черезъ двѣ другія рѣки, Цинчуань-цзянъ и Датунъ-цзянъ, за которыми ожидали насъ двѣсти Корейцевъ, съ верховыми лошадьми.

«Пекинскій чиновникъ вручилъ императору.

ское повелѣніе начальнику Корейцевъ и передалъ насъ на его руки. Наши прежніе проводники, числомъ до десяти, тотчасъ отправились въ обратный путь. Это случилось въ девятый день двѣнадцатаго мѣсяца. Когда мы спросили у Корейцевъ какъ называются горы, бѣлѣвшіяся на западѣ, они отвѣчали, что эта цѣпь, изъ которой вытекаетъ Ялу-цзянъ, называется Чанбо-жанъ т. е. длинный, бѣлый хребетъ, потому что онъ дѣйствительно занимаетъ большое протяженіе и зимою всегда покрывается снѣгомъ. Ялу-цзянъ получилъ это названіе отъ дѣла своей воды, зеленого какъ голова дикой утки. Когда рѣка очищается отъ льда, по ней ходятъ большія суда. Горная цѣпь на сѣверѣ называется Бо-шанъ, бѣлымъ кряжемъ, и составляетъ чаосянскую границу.

«Нашъ поѣздъ прошелъ черезъ города Ичжеу и Анъчжеу (*), и, выбравшись изъ горъ, вступилъ въ широкую долину, устланную чрезвычайно — разнообразными густыми перелѣсками и кустарникомъ, на которой находится столица. Мы прибыли въ двадцать восьмой день и были встрѣчены чиновниками, какъ ожидаемые гости; они привѣтствовали

(*) Эти два города лежатъ между рѣками Ялуцзяномъ и Датунъ-цзяномъ. Японцы проѣзжали черезъ нихъ прежде, чѣмъ достигли рѣки Датунъ-цзянъ.

нашихъ пекинскихъ проводниковъ, а намъ сказали, что мы прибыли въ назначенный часъ и что для нашего приѣма приготовлено королевское зданіе, Тунъ-фэнъ-гуань. Насъ заставили войти въ залу, въ которой стѣны украшены живописными видами, изображеніями животныхъ, птицъ и растений, а мѣстами покрыты золотомъ листовымъ и въ порошкѣ. Блескъ и красота живописи привели насъ въ изумленіе. По двумъ сторонамъ залы были разставлены стулья, покрытые тигровыми кожами; на нихъ-то насъ и разсадили. Потомъ принесли большой деревянный столъ, убранный искусственными цвѣтами, и два стола поменьше, покрытые красными коврами, спущенными до полу, чтобы подъ ними можно было прятать ноги; къ столу подавали рыбу, раковъ, живность, говядину и баранину, преимущественно въ оловянной и фарфоровой посудѣ.

«Другой столъ былъ уставленъ пирожнымъ и разными сластями, съ ложками и *фази* (*) (куайцзы). Прислужники, въ числѣ шестидесяти или семидесяти человѣкъ, усердно подчивали насъ, такъ же какъ и пекинскихъ чиновниковъ. Но, какъ мы вовсе не знали застольныхъ корейскихъ обычаевъ,

(*) Тоненькія палочки, употребляемыя вмѣсто вилокъ.

то посматривали на чиновника, который сидѣлъ въ серединѣ у стола, въ надеждѣ, что онъ подастъ намъ знакъ. Никто не рѣшался начать; тогда слуги возобновили приглашенія кушать, и уже съ такою настойчивостію, что одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, сидѣвшій на первомъ мѣстѣ, съ явнымъ замѣшательствомъ взялъ пшеничный пирожокъ; его примѣру послѣдовали всѣ прочіе.

По заведенному порядку, каждому собесѣднику прислуживали три лакея, которые стояли за нимъ и подавали ему все, чего онъ не могъ достать съ своего мѣста. Съ самаго выѣзда изъ Пекина, намъ не удавалось ѣсть рыбы, любимого нашего блюда, потому что мы постоянно находились вдалекѣ отъ моря. Одинъ изъ нашихъ товарищей вздумалъ взять съ блюда карпа, по видимому приправленнаго соусомъ изъ патоки; но онъ не могъ отодрать рыбы отъ блюда, и слуги объяснили намъ, что это не больше какъ украшеніе стола. Чтобы не попасть на другія неприкосновенныя снадобья и не просидѣть за столомъ весь вечеръ, мы стали ѣсть только пироги да сласти, запивая ихъ рисовымъ отваромъ. Когда мы кончили, столъ былъ принятъ и замѣненъ двумя другими, покрытыми также коврами; на одномъ было пять разныхъ похлебокъ, а на другомъ отъ шести до десяти разныхъ другихъ блюдъ. Посуда

была металлическая. При первыхъ пяти блюдахъ были положены ложки и фазы (куай-цзы). Мы съ удовольствіемъ поѣли этихъ вкусныхъ похлебокъ, которыя показались намъ кушаньями довольно рѣдкими и очень пріятными. Живность и рыба второй переменны различались отъ прежнихъ. При послѣднихъ блюдахъ подали превосходный рисовый отваръ, прозрачный и шипучій. Слуги безпрестанно и настойчиво подчивали гостей, и когда уже всѣ отказались отъ пищи, столъ убрали и подали чай. Правда, мы не обѣдали уже такъ роскошно ни разу во все время пребыванія своего въ столицѣ; однако, намъ подавали кушать по два раза въ день и по нѣскольку блюдъ. Когда мы встали, Фіозае-монъ обратился съ рѣчью къ своимъ соотечественникамъ.

— «Намъ часто рассказывали, что только за столомъ у нашихъ государей подается по семи или пяти различныхъ блюдъ. Но еслибъ насъ приняли и не такъ блистательно, то мы все-таки были бы обязаны принести благодарность за то, что щедрая рука *фино-мото* (*) простерлась къ намъ даже въ предѣлы здѣшней страны, и что мы, бѣдные чужеземцы, препровожденные подъ надежною

(*) *Фино мото* (источникъ свѣта или солнца) есть настоящее японское слово, тоже, что *Ниппонъ*.

защитой отъ Пекина до чаосянъскаго дворца, получили въ немъ столь явныя доказательства благосклонности. При этихъ словахъ, мы обратились къ востоку и благоговѣнно помолились.

Подъ вечеръ принесли намъ подарки. Каждый изъ насъ получилъ платье, одѣяло, три куска бѣленаго холста, поясъ, подушку, пять пачекъ китайской бумаги, пять письменныхъ кистей и три плитки китайской туши. Выражая свою благодарность приставу, мы передали ему свое желаніе, чтобы король соблаговолилъ поскорѣе отправить насъ въ отечество. Онъ отвѣчалъ намъ, что всѣ должностныя лица, при всемъ желаніи услужить намъ, въ настоящую минуту такъ обременены своими неотлагаемыми дѣлами, что не могутъ заняться нашими, и что намъ придется дожидаться окончанія года, которое наступитъ черезъ два дня. Потомъ, обратясь къ пекинскому чиновнику, сказалъ, что Японцы до наступленія ночи будутъ помѣщены въ домъ одного городского обывателя, гдѣ могутъ отдохнуть отъ утомительнаго путешествія, не заботясь о своей участи. Начальникъ конвоя объявилъ, что онъ уѣдетъ немедленно, какъ только корейское правительство отдастъ приказаніе отправить Японцевъ на родину; онъ простился съ нами и ушелъ со своими людьми въ другую гостиницу.

«Въ новой квартирѣ намъ вновь сдѣланъ такой блистательный пріемъ, что мы почли обязанностию выразить своему хозяину сожалѣніе о томъ, что ввели его въ такіе хлопоты и издержки. Онъ объяснилъ намъ, что богатый купецъ обезпечилъ его въ этомъ отношеніи и что онъ достаточно вознагражденъ, получивъ на наше содержаніе по пяти мѣшковъ риса на каждого человѣка, а сверхъ того по-три мѣшка за хлопоты.

«На другой день насъ посѣтилъ Корсецъ Каньшунъ, который, по распоряженію высшихъ властей, ежедневно проводилъ съ нами по нѣскольку часовъ. Онъ предложилъ намъ прогулку по городу, чтобы мы, вмѣстѣ съ вашими китайскими проводниками, могли осмотрѣть разныя достопримѣчательности. По этому приглашенію, мы вышли изъ дома, и черезъ нѣсколько минутъ, Каньшунъ указалъ намъ на домъ губернатора Цзюнь-вэнь-со, за которымъ безконечною линіею тянулись дома другихъ должностныхъ лицъ. Дома эти, болышею частію представляютъ на переднемъ фасадѣ парадный входъ и обнесены каждый двойною стѣною. Съ другой стороны возносился храмъ предковъ короля съ тремя входами и красною колокольнею, жумирни и чрезвычайно красивыя палаты богатей. Прямо передъ нами находились высшее и начальное училища (да-сію-цзяо и сяо-сію-цзяо),

гдѣ пребываютъ и преподають свои уроки ученые ханьлиньскаго коллегіума.

«Мы прошли мимо однихъ воротъ цитадели, которыя защищены со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами. Ворота эти, высотой до девяти сажень, самыя западныя изъ четырехъ главныхъ воротъ, которыя называются по странамъ Свѣта: гюда мынь, дунда мынь, наньда-мынь, сида мынь. Между большими южными и восточными воротами устроены еще ворота водяныя (шуймынь), шириною съ небольшимъ пять футовъ; назначеніе ихъ проводить воду въ водохранилища и пруды, находящіеся въ цитадели. Когда насъ ввели въ крѣпостцу, мы увидѣли бастіоны на каждомъ углу главной ограды и подмостки вокругъ бѣицъ. Вниманіе наше было привлечено большимъ зданіемъ съ надписью *Архивы* (Чженъ вэнь юань). Намъ объяснили, что это просто библіотека, гдѣ хранятся книги и рукописи для употребленія короля, высшихъ сановниковъ и дѣтей ихъ. Каньшунъ сказалъ намъ, что библіотека часто посѣщается людьми должностными, потому что въ ней заключаются государственныя лѣтописи и богатое собраніе китайскихъ сочиненій. Потомъ мы вошли въ палату Бэйбянь-сю, или Совѣта, на который возложена защита границъ; въ этой палатѣ, въ военное время, собираются сановники для при-

нятія пужныхъ мѣръ и разсылки приказаній. Возлѣ этого совѣта находится палата Правосудія, Чженъ-юань, въ которой, по словамъ нашего проводника, производится нелицепріятный судъ надъ всѣми, безъ различія званія и богатства. Повернувъ къ востоку отъ королевскаго дворца, мы остановились передъ дворцемъ наслѣднаго принца. На фронтисписѣ зданія изображена надпись: (Шень-чженъ-дянь) Сенатъ. Обратясь на югъ, къ третьему дворцу, мы окинули взглядомъ *Залу великаго счастья*, и при наступленіи ночи возвратились на рыночную площадь. Во время нашей прогулки, мы видѣли, что для празднованія новаго года передъ каждымъ домомъ длинной улицы, пролегающей отъ западныхъ воротъ, втыкали въ землю елки.

«Когда съ правой стороны у насъ показались Дунъ-и-мынь, ворота, Китайцы оставили насъ и мы возвратились домой, поблагодарили Каньшуня и обѣщали рассказать своимъ соотечественникамъ, что мы видѣли въ прекрасной чаосянъской странѣ.

«Первые дни года отличались чистымъ и прозрачнымъ небомъ и разлили новую жизнь въ нашихъ жилахъ. Намъ захотѣлось отпраздновать новый годъ какъ возможно лучше на чужбинѣ. Мы начали свое празднованіе прогулкою, чтобы посмотреть на

торжество чаосяньской столицы и чтобъ купить нѣсколько подарковъ для своихъ ниппонскихъ родственниковъ и друзей. Едва мы вышли изъ воротъ, Лю-мынь, какъ глазамъ нашимъ представилась торжественная процессія. Головной уборъ первоклассныхъ сановниковъ былъ тотъ самый, что у Китайцевъ называется *гуань*, а у Японцевъ *комюми*; платье ихъ, изъ камки и шелковой матеріи, украшалось на груди раззолоченными гербами и стягивалось вокругъ стана поясомъ, осыпаннымъ драгоценными камнями, котораго длинные концы спускались почти до полу. *Комюми* были также убраны золотомъ и серебромъ. Вельможи сидѣли въ паланкинахъ, окруженные многочисленною свитою; передъ каждымъ паланкиномъ было несено знамя, а зонтикъ защищалъ голову сановника отъ солнечныхъ лучей. Второклассные сановники, слѣдовавшіе за первыми, были въ шелковомъ платьѣ и мѣховыхъ шапкахъ; они ѣхали верхомъ и передъ каждымъ также развѣвалось знамя съ гербами. Нарядъ ихъ былъ скромнѣе и число сопровождавшихъ людей уменьшалось по нисходящей степени чиновъ. Мы спрашивали, не слѣдуетъ ли намъ сдѣлать визитъ нашимъ пекинскимъ проводникамъ, которые не выѣхали еще изъ города; мы считали нелишнимъ доказать имъ, что нисколько не забыли бла-

годѣній, какія оказаль намъ ихъ императоръ. Это предположеніе заслужило общее одобреніе; но мы не могли согласиться въ формѣ костюма, въ какой слѣдовало нарядиться. Наконецъ, Фіозаеомонъ предложилъ предпочесть мѣха, подаренные намъ императоромъ, и послать только стариковъ, которымъ подобнаго рода посѣщеніе наиболѣе приличествовало. Его мнѣніе одержало верхъ; мы возвратились домой и пятеро изъ нашихъ товарищей, старшіе по лѣтамъ, одѣлись въ свои шубы, нарядъ этотъ возбудилъ въ молодыхъ Японцахъ большую веселость. Дѣйствительно, нельзя было удержаться отъ улыбки при взглядѣ на нашихъ посланцевъ: по платью они походили на Китайцевъ, а по головному убору на Японцевъ, такъ что съ перваго взгляда, трудно было отгадать къ какой націи они принадлежали. По совѣту своихъ товарищей, они надѣли корейскія шляпы, и въ этомъ уже уборѣ, явившись въ квартиру китайскаго пристава, исполнили свое порученіе.

«Канъшуи» возвратился только на другой день, извиняя вчерашнее свое отсутствіе необходимостью сдѣлать множество поздравительныхъ посѣщеній, и обѣщаль въ вознагражденіе провести въ нашемъ обществѣ нѣсколько часовъ и распить съ нами кубокъ рисоваго вина, или *сюя*. Мы описали ему

*

свою прогулку и видѣнную процессію, которая, по нашему мнѣнію, приносила честь правительству.—Король нашъ, отвѣчалъ Каньшунъ, любить Шу-сію (науки) и ревностно защищаетъ всякое справедливое дѣло; онъ желаетъ, чтобы и народъ воспитывался въ томъ же духѣ. Каждый, кто только отличается успѣхами въ наукахъ или искусствахъ, будь онъ сынъ земледѣльца, ремесленника или торговца, всегда выводится нашимъ государемъ изъ толпы и ставится въ кругъ той дѣятельности, къ которой обнаружилъ способности. Сперва онъ подвергается испытанію въ коллегіумѣ, и если при этомъ обнаружить недостаточность познаній, отсылается назадъ съ тѣмъ, чтобы новыми трудами приготовиться ко второму испытанію.

«Сыновья всѣхъ должностныхъ лицъ, отъ самыхъ высшихъ до низшихъ, обучаются или военному искусству, или классической литературѣ, поэзіи, астрономіи, времясчисленію, правиламъ вѣжливости, музыкѣ и стрѣльбѣ изъ лука. Кромѣ того, у насъ есть наставники, которые преподаютъ во всей подробности экономическія и коммерческія науки, указывая народу прямой путь къ благосостоянію. Такъ нѣжная попечительность короля проникаетъ до послѣднихъ слоевъ общества, даже до тѣхъ бѣдняковъ, которые

живутъ подаяніемъ. Съ другой стороны, бродяги буддистскіе жрецы, чжеу-цзя, наводящіе скуку своимъ пустословіемъ, не пользуются въ народѣ уваженіемъ, а ихъ храмы и скиты всегда пусты. Какъ исполненіе обрядовъ не можетъ доставить имъ средствъ къ существованію, жрецы эти принуждены прибѣгать къ поденной работѣ; ихъ очень часто можно видѣть какъ они, по неопытности, неловко работаютъ при публичныхъ постройкахъ, или пашутъ землю, косятъ сѣно и жнутъ рисъ, по найму земледѣльцевъ. Неусыпное правительство запретило продажу мышьяка, потому что въ послѣдніе годы отравленія случались такъ часто, что вошло въ общій обычай, чтобы гости ѣли кушанья съ одного блюда вмѣстѣ съ хозяиномъ, и чтобъ дичь, живность и рыба приготавливались въ одной посудѣ.

«Сообщивъ намъ эти подробности, Каньшунъ спросилъ насъ что думаемъ мы о Таттанѣ. Фіозаефонъ отвѣчалъ: Въ бытность нашу въ Маньчжу и въ Пекинѣ, намъ не представилось случая судить о домашнихъ обычаяхъ высшаго класса. За то мы узнали быть простаго народа. У простолюдиновъ отецъ или хозяинъ садится вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ за общій столъ, на который ставится большое блюдо съ рисомъ или съ какими нибудь овощами; каждый

изъ сидящихъ черпаетъ изъ блюда фарфоровою ложкою кушанье и ѣстъ его, какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ, при помощи ложки и палочекъ. Отравленія сдѣлались частыми послѣ войнъ Маньчжу съ Минцами (династія Минговъ) и вошли, можно сказать, между народомъ въ обыкновеніе.

«Общественное правосудіе исполняется въ Маньчжу и въ Пекинѣ семью судилищами, члены которыхъ сходятся только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, въ другое же время подаютъ свои голоса письменно. Эти судилища произносятъ строгіе приговоры надъ должностными лицами, которые употребляютъ свое вліяніе въ пользу друзей. Преступленія, подвергающія уголовнымъ наказаніямъ, вмѣстѣ съ обстоятельствами, ихъ облегчающими или усиливающими, доводятся до свѣдѣнія сына неба (императора).

«Маньчжуры вообще добры. Высшіе обходятся съ низшими привѣтливо и ласково. Господинъ считаетъ своихъ слугъ за дѣтей, а слуги, съ своей стороны, чтутъ его какъ отца. Онъ самъ женить своихъ прислужниковъ, по достиженіи извѣстныхъ лѣтъ, и поддерживаетъ семейства. Маньчжуры чистосердечны и вѣрны; скупость и лживость извѣстны имъ только по имени. Напротивъ того, Пекинцы (Китайцы) обманщики и воры; по этому большая часть должностей ввѣряется Маньчжу-

рамъ. О внутреннемъ устройствѣ страны, гдѣ потерпѣли мы бѣдствіе, не удалось собрать намъ никакихъ свѣдѣній. Тамъ мы видѣли кумирни и храмъ, въ которомъ находилось отъ семи до осьми тысячъ деревянныхъ истукаповъ (иные говорятъ, что ихъ тамъ десять тысячъ) различной величины, и такое множество рисунковъ, что пришлось построить отдѣльныя кладовыя для ихъ храненія. Туземцы выдѣлываютъ кумиры изъ сандаловаго дерева; красота и чистота работы зависятъ отъ достатка поклонника. Кумирамъ подносятся первые куски кушанья; передъ ними всегда горятъ свѣтильники и раскладываются душистые цвѣты. Прочія приношенія употребляются жрецами на пріобрѣтеніе служебныхъ книгъ, которыя и кладутся передъ кумирами на столикахъ. Праздникъ Будды (по японски *Буцво-мацури*) бываетъ 14 и 17 чиселъ седьмага мѣсяца. Въ заключеніе, ихъ религія, состоящая преимущественно въ приношеніяхъ плодовъ (*намитамюке*) и въ служеніи усопшимъ (*ши-но-кюи*) та же самая, что и въ Ниппонѣ; вездѣ, гдѣ намъ попадалась новая религіозная секта, крикъ «*Намъ Амида*» поражалъ нашъ слухъ.

«Фіозаемонъ продолжалъ еще нѣсколько времени свой рассказъ о буддизмѣ и разныхъ предметахъ, которые привлекали наше вниманіе и въ Пекинѣ и въ Маньчжу. Когда онъ

кончилъ, Канъшунъ сказалъ: И намъ также извѣстно наказаніе бамбуковыми тростями, о которомъ вы упоминали; у насъ оно называется бичеваніемъ, *кинъ-нянь*, и число ударовъ опредѣляется по важности вины. Смертные приговоры у насъ рѣдки; важнѣйшіе преступники всего чаще ссылаются въ Олапкаи, именно туда, гдѣ вы потерпѣли крушеніе, мѣсто, по всей вѣроятности, самое нездоровое. За предмѣстьемъ, въ которомъ мы находимся, устроено лобное мѣсто. Для казни употребляется японское оружіе; наше желѣзо такъ плохо, что сабли и копья изъ него никогда не имѣютъ остраго лезвія и ими нельзя съ одного удара обезглавить преступника. Это японское оружіе относится ко временамъ вашего сіюгуна Фидеіози. Трудно повѣрить, какую придаютъ ему важность и съ какою заботливостью сохраняютъ его; офицеръ, которому удалось добыть себѣ какое нибудь японское оружіе, хранитъ его въ двойныхъ и даже въ тройныхъ ножнахъ или чаклахъ. Копьеца и острія на древкахъ знаменъ, которыя носятъ передъ нашими сановниками, дѣлаются не изъ желѣза, а изъ олова и служатъ только украшеніемъ. Отъ такого недостатка острыхъ инструментовъ зависитъ и то, что наши плотники уступаютъ въ искусствѣ другимъ; дома, построенные ими съ прямою цѣлію правиться изящ-

нымъ видомъ и тонкою отдѣлкою подробностей, далеко уступаютъ строеніямъ, какія я видѣлъ въ вашей землѣ, находясь при послѣднемъ нашемъ посольствѣ. Я не могъ не удивляться архитектурѣ палатъ цузимскаго губернатора и особенно храму, еще болѣе поразительному по искусству и великолѣвію.

«Вообще, кажется, Ниппонъ достигъ во многомъ, и особенно въ мануфактурной промышленности, высшей степени совершенства, нежели Чао-сянь (Чао-сіень). Мы отдаемъ также преимущество мѣднымъ издѣліямъ, особенно котламъ, приготовляемымъ вашими ремесленниками; наши вещи этого рода не могутъ выдержать съ ними сравненія. Мы получаемъ изъ Ниппона значительное число лампъ, домашней утвари и фарфоровыхъ вазъ, хотя эта послѣдняя отрасль промышленности не чужда и намъ.» Каньшунъ заключилъ, что Ниппонъ опередилъ свое отечество въ искусствахъ и вообще представляетъ прекрасную сторону.

На слѣдующій день, рано утромъ, мы пошли смотрѣть скачку, при которой долженъ былъ предсѣдательствовать Ціо-и-дажинь. Титулъ этотъ, соотвѣтствующій японскому *Са-даи-синъ*, принадлежитъ второму сановнику верховнаго государственнаго совѣта. Послѣ довольно продолжительныхъ предварительныхъ церемоній, появился всадникъ, объ-

ѣхалъ бѣгъ легкою рысью, и потомъ началъ постепенно ускорять аллюръ, чѣмъ и окончилось это зрѣлище, очень похожее на наше *муа-норицоме* въ новый годъ. Возвратившись домой, мы спросили у Каньшуня, общій ли здѣсь обычай прорѣзывать у лошадей ноздри, какъ мы замѣтили днемъ. Онъ отвѣчалъ намъ, что такія отмѣтки дѣлаются на всѣхъ лошадяхъ, даже на королевскихъ, и притомъ объяснилъ, что скачка, при которой мы присутствовали, вѣроятно безъ большаго интереса, составляла простой церемониальный обрядъ; но что она же становится гораздо любопытнѣе при воинскихъ упражненіяхъ, особенно, когда они сопровождаются опытами искусной стрѣльбы изъ лука. Всадники пускаютъ стрѣлы по всѣмъ направленіямъ и собираютъ ихъ въ самой густой толпѣ.

«Вечеромъ Каньшунъ сообщилъ намъ пріятную новость о томъ, что отправленіе наше въ отечество назначено въ седьмой день этого мѣсяца. Онъ передалъ намъ большое блюдо съ фруктами, присланное въ подарокъ отъ одного важнаго чиновника, хотя, впрочемъ, плоды эти вовсе не рѣдкость и растутъ по всей странѣ. Цвѣтомъ они свѣтло-желтые, видомъ трехъугольные, въ діаметрѣ около одного дюйма: съ перваго взгляда мы почли ихъ сахарными заѣдками; но Кань-

шунь вывелъ насъ изъ заблужденія, сказавъ, что это плоды морской ели (*хай сунъ*), у которой кора горька какъ *корень ученія* (какъ говорили въ старину), а внутренность сладка какъ добытый плодъ науки. Эти плоды по запаху показались намъ похожими на жолуди, но нѣсколько пріятнѣе. При этомъ случаѣ, нашъ другъ сдѣлалъ замѣчаніе, что сокровища природы, по непостижимымъ для насъ причинамъ, не равно раздѣлены по земной поверхности, и оттого становятся предметами мѣны; такъ Кореѣ не достаетъ многихъ произведеній, которыми изобилуетъ Ниппонъ; въ ней нѣтъ ни оловъ, ни слодовъ, хотя она и прележитъ къ Китаю.

Какъ уже давно мы старались собрать свѣдѣнія о корейскомъ жиньшенѣ (*жинсенъ*, *рапах quinquefolium*), то и спросили у Каньшуня, какъ это растеніе отыскиваютъ и собираютъ.

«Для этого употребляются, сказалъ онъ, деревянные лопатки, чтобы не портить корней. Жиньшенъ растетъ только въ Бѣлыхъ горахъ, отдѣляющихъ Чаосянь (*Чо-сіенъ*) отъ Гуаньдуна и населенныхъ множествомъ тигровъ, волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей. Поэтому отыскиваніе жиньшена неразлучно съ большими опасностями, для того, кто отправится одинъ или вдвоемъ. Обыкновенно начинаютъ съ того, что ватагою производятъ охоту на тигровъ, вооружась луками, стрѣ-

лами и копьями; для ловли тигровъ вырываютъ также ямы. Тигра, попавшаго въ такую западню, убиваютъ стрѣлами и копьями. Чтобъ можно было спастись при нечаянномъ нападеніи звѣря, подвѣшиваютъ къ большимъ древеснымъ вѣтвямъ веревочныя лѣстницы и для охраны ихъ приставляютъ къ нимъ стрѣлковъ, а сверхъ того переплетаютъ ремнями и крѣпкими сучьями пространство между нѣсколькими деревьями; при неожиданномъ появленіи тигра, всѣ сбѣгаютъ въ это укрѣпленіе, а стрѣлки, взобравшись на деревья, поражаютъ оттуда звѣря стрѣлами. Рѣдко случается, чтобы онъ палъ отъ перваго или отъ втораго удара. Правда, въ настоящее время, тигры появляются въ меньшемъ числѣ, однакожъ ежегодно нѣсколько искателей жиньшеня становятся ихъ жертвою. Если справедливо мнѣніе японскихъ врачей, что жиньшень нашихъ горъ по качествамъ лучше китайскаго, то причину тому надобно искать въ способѣ нашего приготовления этого медикамента, и въ естественномъ положеніи возвышенностей Чаосяня (Чао-сіена), обращенныхъ скатами преимущественно къ *яну* (югу), то есть открытыхъ дѣйствию утреннихъ и полуденныхъ лучей солнца; тогда какъ горы *Танъ*, находясь подъ вліяніемъ *инь* (сѣвера), освѣщаются, по большей части, только заходящимъ солнцемъ.

«Освѣдомившись о разстояніи столицы отъ Фузанкаи, мы узнали, что оно составляетъ двадцати-дневный путь. Три дороги ведутъ въ Фузанкаи: одна, къ востоку отъ столицы, пересѣкаетъ большую рѣку Хань-цзянъ или Сюнцзинь (медвѣжья переправа), пролегаетъ черезъ городъ Янгэнь и ведетъ въ Личуань; она самая короткая, но на ней приходится переправляться черезъ широкія рѣки. Другая дорога нѣсколько южнѣе р. Хань-цзяна и направляется въ Чжунъ-чжеу черезъ города Лунжень и Чжушань; наконецъ, третій путь, входящій при Юнтинъ въ округъ Чжунцинъ-дао, примыкаетъ ко второму пути въ Чжунъ-чжеу. Эта послѣдняя дорога вообще предпочитается путешественниками; правда, она заставляетъ ихъ дѣлать нѣкоторый объѣздъ, за то не затрудняетъ ни одною переправою черезъ большую рѣку.

«Остальное время нашего пребыванія въ столицѣ прошло для насъ такъ-же пріятно, какъ и начало; въ ночь, наканунѣ нашего отъѣзда, мы присутствовали при торжествѣ *заке*. Изъ города выѣхали мы раннимъ утромъ седьмого числа, простившись сперва съ нашими китайскими проводниками, которые отправились въ отечество въ одно время съ нами. Каньшунъ, нашъ хозяинъ и нѣкоторые изъ нашихъ друзей проводили насъ до воротъ, гдѣ ожидали насъ лошади. На один-

надцатый день мы вѣхали въ окружной городъ Чжунъ-чжеу и ночевали у градоначальника. При наступленіи ночи и на разсвѣтѣ насъ удивили звуки музыки, которыми, какъ при королевскомъ дворѣ, такъ при самомъ мелкомъ чиновникѣ, подчиненные призываются утромъ къ занятіямъ, а вечеромъ возвращаются часъ покоя, чтобы соблюдалась правильность въ распредѣленіи времени. Каждый чиновникъ, занимающій невысокую степень, и каждый, кто получаетъ содержаніе отъ правительства, обязаны выписывать на стѣнахъ своихъ комнатъ имена всѣхъ королей, начиная съ основателя династіи до родителя царствующаго властителя, въ хронологическомъ порядкѣ, съ означеніемъ времени вступленія на престолъ и кончины. Это дѣлается съ тою цѣлію, чтобы утвердить эти свѣдѣнія въ памяти молодыхъ людей. Напротивъ того, купцы болѣе склонны къ почитанію *Дао-чжу-гуна* (*), котораго изо-

(*) Это имя принялъ *Фанли*, одинъ изъ приверженцевъ *жюйскаго* короля *Цюсян*; но считая себя дурновознагражденнымъ за услуги, оказанныя этому владѣтелю, въ войнѣ его съ династіею *Ю*, *Фанли*, тотчасъ послѣ паденія этой династіи, удалился на берега озера *Ю-ху* (впослѣдствіи названное *Тай-ху*, въ области *Цзянъ су*); тамъ занялся онъ торговлею и былъ такъ счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ, что семь разъ раздавалъ свои сокровища всему мѣстному населенію.

(Замѣчаніе японскаго автора).

браженія или бюсты они помѣщаютъ въ своихъ домахъ.

16 число перваго мѣсяца мы пробыли въ домѣ санъпускаго старосты; насъ приняли очень хорошо, и на другой день, при отѣздѣ, одарили насъ китайской бумагой и табакомъ. На берегу рѣки, протекающей черезъ циншанскій округъ, мы сдѣлались свидѣтелями зрѣлища, которое ежегодно возобновляется третьяго числа третьяго мѣсяца (*). Всѣ, желавшіе записаться въ отрядъ стрѣлковъ изъ лука, упражнялись тамъ въ стрѣльбѣ въ соломенные чучелы, которыя были разставлены на судахъ на срединѣ рѣки, и были осыпаемы, смотря по степени своего искусства, похвалами или насмѣшками народной толпы.

«Двадцать восьмаго числа мы прибыли въ Тунчуань; тамошній предсѣдатель оказалъ намъ самое обязательное гостепріимство и для продолженія нашего путешествія въ Фузанкаи, далъ три дести бумаги, пятнадцать связокъ сушеныхъ фигъ (*Diospyros kaki*), пять мѣшковъ риса, двѣсти штукъ сушеной трески, заки, разнаго печенья, соли и дровъ. Всѣ эти запасы везлись на вьючныхъ лошадяхъ. Намъ оставалось до Фузанкаи проѣ-

(*) Какъ Японцы выѣхали изъ Кореи до истеченія втораго мѣсяца, то авторъ очевидно ошибся въ числѣ.

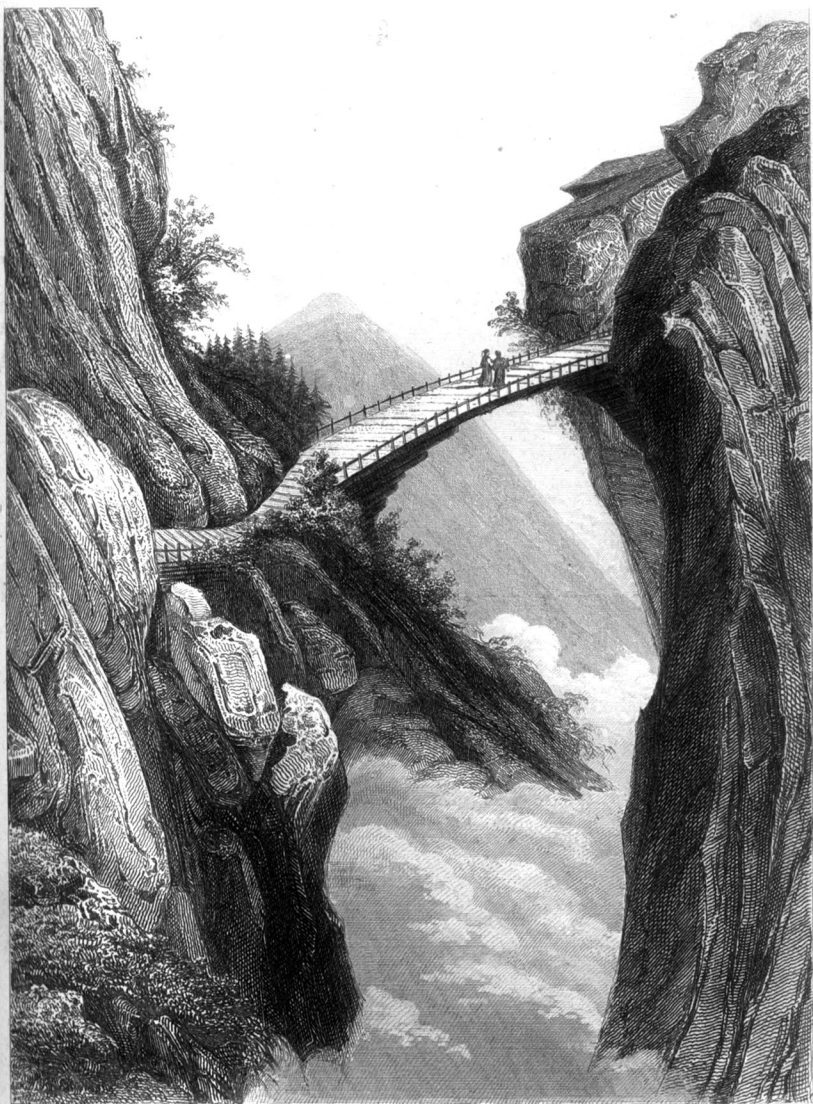
хоть не больше тридцати ри, и эта мысль заставляла насъ торопиться прибыть на мѣсто. *Шенъ-тунъ* было послѣднимъ мѣстечкомъ, которое мы проѣхали прежде, чѣмъ достигли конца своего пути.

«Въ *Паньлунской* гавани много гостиницъ, въ которыхъ мы замѣтили много молоденькихъ пригожихъ дѣвушекъ, нескрывавшихся отъ взоровъ проходящихъ. Мы знали, что мѣстные обычаи запрещаютъ женщинамъ являться въ обществѣ, а потому и обратились съ вопросомъ къ нашимъ проводникамъ; они отвѣчали, что эти дѣвушки—танцовщицы, которыя, изъ желанія нравиться путешественникамъ, придаютъ своимъ лицамъ искусственно самый иѣжный и пріятный цвѣтъ и мастерски пляшутъ, поютъ и играютъ на разныхъ инструментахъ. Какъ уже заранѣе было положено не останавливаться въ такомъ близкомъ разстояніи отъ конечнаго своего назначенія, то наши товарищи удалились вмѣстѣ съ нами, давъ обѣщаніе танцовщицамъ воротиться вечеромъ. Съ обѣихъ сторонъ тянулись жилища рабочихъ, торговцевъ и земледѣльцевъ. При входѣ въ городъ мы увидѣли королевскій караулъ, поставленный для воспрещенія доступа въ городъ Японцамъ, которые занимаютъ виѣшній кварталъ, *Ниппонъ-мацц*, въ совершенномъ отчужденіи отъ прочихъ жителей. Имъ

позволяется выходить изъ своего квартала только два раза въ годъ, четырнадцатаго и пятнадцатаго чиселъ седьмаго мѣсяца, для посѣщенія храма. Внутри *Ниппонъ-мац*и нѣтъ карауловъ; корейскимъ купцамъ открытъ туда свободный доступъ, которымъ они пользуются для торговыхъ сдѣлокъ съ Японцами, высылающими ежегодно въ здѣшній портъ по нѣскольку кораблей.

«Наконецъ мы вступили въ цузимскія палаты и были представлены посланнику *Фюрю-гава-юдзи*; при взглядѣ на него мы почувствовали такую же радость, какъ бы при свиданіи съ своими семействами. Въ короткихъ словахъ мы рассказали ему, какъ потерпѣли крушеніе у береговъ Маньчжу и какъ были пересланы въ Пекинъ; тутъ же передали мы ему офиціальныя бумаги, относительно нашего путешествія, полученныя отъ пекинскихъ властей и отъ чаосяньскаго короля. Пораспросивъ о всемъ существенно важномъ и приказавъ записать наши отвѣты, онъ назначилъ намъ квартиру, гдѣ мы нашли все для насъ необходимое. Въ гавани находилось нѣсколько кораблей, готовыхъ къ выходу въ море, и потому при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ, секретарь факторіи препроводилъ насъ на корабль съ нѣсколькими солдатами, которые также отправлялись въ Цузиму. 17 числа втораго мѣсяца мы при-

были на *Вани-ураскій* рейдъ этого острова; 22-го мы были уже въ главномъ городѣ *Фюцзю*; тамъ снова пересмотрѣли наши бумаги и подвергли допросу какъ и въ *Фузан-кай*. Мы оставили островъ 2 числа шестаго мѣсяца, снабженные каждый двумя полными японскими одеждами, которыми надѣлалъ насъ щедрый губернаторъ, и 16 числа мы сошли на берегъ въ *Огозакъ*; офицеръ, сопровождавшій насъ отъ *Цузимы*, представилъ насъ въ канцелярію, которая, по присвоенной ей власти, тотчасъ отправила насъ на родиву, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ солдатъ. Но офиціальное извѣстіе о нашемъ возвращеніи предупредило нашу прїѣздъ, принеся радость однимъ семействамъ и погрузивъ въ печаль другія. Наконецъ, послѣ представленія князю-губернатору, каждый изъ насъ могъ уже возвратиться въ свое родное пепелище; родители, братья, сестры, жены и дѣти окружили насъ съ неописаннымъ восторгомъ, какъ будто намъ послѣ дѣйствительной смерти, возвращена была новая, радостная жизнь. Между-тѣмъ, какъ все это происходило вокругъ насъ, семейства нашихъ несчастно-погибшихъ товарищей въ траурныхъ одеждахъ отправляли погребальные обряды въ память близкихъ сердцу, оставившихъ свой прахъ въ чужой сторонѣ».

Lemaître.

Pont suspendu de Kume, dans le Sinano.

ВИСЯЧІЙ МОСТЪ ВЪ КУМЕ. (СИНАНО)

ГЛАВА VIII.

УСТРОЙСТВО КОРЕЙСКАГО ГОСУДАРСТВА; ОБЩЕСТВЕН- НЫЯ И ПРИДВОРНЫЯ ДОЛЖНОСТИ.

Въ 22 томѣ *Цюценъ-моно-гатары*, въ статьѣ *Цюценъ-кван-сіок-као*, то-есть обзоръ общественныхъ должностей въ *Цюценъ*, помѣщенъ списокъ чиновъ и званій, установленныхъ въ этомъ государствѣ. Этотъ документъ нѣсколько объясняетъ государственное устройство и образъ правленія. Владѣтель носитъ титулъ *чаосяньскаго* (чаосіевскаго) *короля*.

Вообще государственное устройство основано на китайскихъ политическихъ понятіяхъ, и вся внутренняя организація почти одинакова съ учрежденіями Срединной Имперіи. Нѣчто въ родѣ министерства поддерживаетъ верховную власть *Самсаквана*, охраняющую учрежденный порядокъ, и само дѣлится на пять приказовъ. Въ нихъ сосредоточивается государственное управленіе, какъ

въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ отношеніи.

Должно замѣтить, что въ сочиненіи, изъ котораго заимствованы эти подробности, упоминается только о пяти приказахъ, между тѣмъ какъ въ Китаѣ существуетъ ихъ шесть. Въ Корей нѣтъ особаго приказа для исполненія наказаній. Существующіе же пять приказовъ соотвѣтствуютъ китайскому *Лю-бу*, и извѣстны подъ общимъ названіемъ *Люк-цо* (по китайски *У-бу*). Эти учрежденія производятъ судъ, управляютъ доходами страны, наблюдаютъ за религіею, нравами, обычаями и общественными работами; въ нихъ предсѣдательствуютъ особые начальники (*). Иностранныя дѣла относятся здѣсь къ приказу духовныхъ дѣлъ, какъ и въ Японіи. Напротивъ, извѣстно, что въ Китаѣ иностран-

(*) Изъ пяти начальниковъ!

1-й) *Ли-цо* (*Ли-бу*), гражданскій сановникъ и законовѣдъ, разбирающій вмѣстѣ съ совѣтомъ правительственный дѣла, сравниваетъ прошедшее съ настоящимъ, предлагаетъ свои мнѣнія о законахъ, отъ которыхъ зависитъ народное благосостояніе или бѣдствіе.

2-й) *Го-цо* (*Ху-бу*), начальникъ финансовъ, которому ежегодно представляются со всѣхъ концовъ государства вѣдомости о годовыхъ сборахъ, вносимыхъ рисомъ. По его распоряженію рисъ раскладывается по магазинамъ, откуда служащіе удовлетворяются назначеннымъ имъ количествомъ этого произведенія; въ неурожайные же годы рисъ отпускается въ ссуду земледѣльцамъ. По званію главнаго интенданта земледѣлія,

ныя сношенія составляютъ предметъ занятій особеннаго управленія Лифанью-ань или Канцелярія вѣшнихъ сношеній.

Восемь округовъ управляются губернаторами, или *мок-сами* (по кит. *мо-сы*), которые обыкновенно живутъ въ главныхъ или окружныхъ городахъ. Въ уѣздахъ, мѣстные чиновники собираютъ подати, свидѣтельствуютъ королевскіе магазины и наблюдаютъ за исполненіемъ законовъ. Они непосредственно подчинены губернаторамъ и обязаны доносить имъ обо всемъ, что сколько нибудь выходитъ изъ обыкновеннаго порядка; собственная же ихъ власть простирается на сельскихъ приставовъ и смотрителей (*ун-камъ*, по кит. *и-гуань*). Независимо отъ губернаторской власти, каждый округъ подчиненъ особому чиновнику, который называется *сюн-цхаръ-са*

онъ заботится также о содержаніи въ порядкѣ плотинъ и водохранилищъ.

3-й) *Ле-цо (Ли-бу)* начальникъ церемоній. На него возложены надзоръ и главное распоряженіе въ отношеніи къ церемоніямъ, исполненію музыки и религіозныхъ обрядовъ, а также вѣшнія дружескія сношенія. Ему подчинены *пан-кваны* и множество другихъ чиновниковъ.

4-й) *Пюнъ-цо (Бинъ-бу)*, начальникъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, изъ королевской резиденціи разсылаетъ свои приказанія по крѣпостямъ.

5-й) *Кон-цо (Гунъ-бу)* главный интендантъ публичныхъ зданій во всемъ королевствѣ.

(по жит. *сюнь-чаши*), то есть тайный блюститель, развѣдыватель.

Существуетъ еще и другой отдѣлъ должностныхъ лицъ и чиновъ. При титулахъ ихъ мы покажемъ ихъ обязанности, сколько позволятъ наши неполныя свѣдѣнія о составѣ государства и двора.

1. *Чжи-сы-гуань* въ буквальномъ переводѣ: знатокъ службы.

2. *Тунъ-ши-гуань*, знатокъ форменныхъ нарядовъ.

3. *Шицинъ-гуань*, управляющій работами (общественными?).

4. *Ти-ча-сы*, родъ ревизующаго чиновника.

5. *Дуюань-сы*, придворный врачъ.

6. *Тунчжи-сы*, правители городовъ.

7. *Чженши-гуань*, правительственные комиссары; въ буквальномъ переводѣ: чиновники, получающіе повелѣнія.

8. *Сюань-цюань-гуань*, передатчики королевскаго слова, или герольды.

9. *Фэнсы-гуань*, чиновники, состоящіе въ дѣйствительной службѣ.

10. *Пань-цю-гуань*, судьи.

11. *Сым-гуань*, управляющій монетнымъ дѣломъ.

12. *Шуюань-гуань*, высшіе каллиграфы.

13. *Шэулинъ-гуань*, придворные стражи.

14. *И-гуань*, медики.

15. *Тунши-гуань*, переводчики или драго-маны.

16. *Чжу гуань*, инспекторы тюремъ.

Первый лейбъ-медикъ, обыкновенно глубокий знатокъ китайскаго языка и классической литературы, считается также важнымъ сановникомъ и въ Японіи. Обязанности герольдовъ главнѣйше состоятъ въ томъ, что на аудіенціяхъ и публичныхъ церемоніяхъ они передаютъ королю произносимыя передъ нимъ рѣчи, а потомъ даютъ именемъ его отвѣты; они же объявляютъ его повелѣнія, словомъ, это герольды въ полномъ значеніи.

Въ заключеніе мы перечислимъ званія и чины сухопутной арміи и флота, которые, впрочемъ, не всѣ бываютъ въ наличности въ мирное время. Желаніе раскрыть, по возможности, статистику Кореи, побуждаетъ насъ приняться за это дѣло, не страшась скуки, неразлучной почти съ безплоднымъ перечисленіемъ неизвѣстныхъ и загадочныхъ названій.

НАЧАЛЬСТВЕННЫЯ ЛИЦА ВЪ СУХОПУТНЫХЪ ВОЙСКАХЪ.

Цзунъ-цзу, главнокомандующій.

Чжанъ-ло-сю-гуань, комендантъ (или правитель, генералъ-губернаторъ) столицы.

И-пинъ-фу-чжесу-гуань, начальникъ корпуса мстителей.

Цзун-бин-сы-чжао, начальникъ главныхъ силъ или центра.

Цзо-пинг-сы-чжао, начальникъ лѣваго кры-
ла.

Ю-пинъ-сы-чжао, начальникъ праваго крыла.

Цзун-фан-ю-сы, } начальники резервовъ
Цзо - фан-ю-сы, } центра, праваго и лѣва-
Ю - фан-ю-сы, } го крыла.

Цю-фанъ-ю-сы, начальникъ подкрѣпленія
къ резерву.

Пинъ-чжао-баньши-гуань, аудиторы.

ФЛОТСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ.

Цзунъ-ши-сюнь-сы, адмиралъ центра.

Цзо-ши-сюнь-сы, адмиралъ лѣваго крыла.

Ю-ши-сюнъ-сы, адмиралъ праваго крыла.

СНОШЕНІЯ ЯПОНІИ СЪ КОРЕЕЙ И КИТАЕМЪ.

историческій отрывокъ , составленный по японскимъ
сочиненіямъ

ГОФМАНОМЪ.

Въ слѣдующихъ главахъ мы соединили все, что успѣли извлечь изъ японскихъ лѣтописей, относительно сношеній Японіи съ материкомъ Азіи, особенно же съ Китаемъ и Кореей. Рядъ событій въ точномъ, хронологическомъ порядкѣ, съ одной стороны, показываетъ, какое вліяніе имѣла Азія на образованіе японскаго народа, на его умственное и религіозное развитіе, а съ другой, разливаютъ свѣтъ на первыя видоизмѣненія политической жизни Кореи, и особенно на ея древнія южныя племена, которыя въ началѣ соединились въ мелкія государства, и по сосѣдству съ японскими островами имѣли съ ними довольно частыя сношенія. Эта часть полуострова, очень важная для японской ис-

торіи, оставлена безъ вниманія въ китайскихъ лѣтописяхъ.

Но какъ древняя исторія и географія Кореи мало извѣстны, то мы все таки сочли нужнымъ, рассказамъ японскихъ авторовъ предпослать *Общій обзоръ исторіи Корейскаго полуострова*, представляющій въ связи главнѣйшія событія. Для географическихъ указаній можетъ служить новая карта *Чаосяня* (Чаосіена).

Изъ разныхъ сочиненій мы пользовались слѣдующими, которыхъ заглавія выставляемъ сокращенно:

(Nir^{ki}) *Nipponki*, Японская хроника, съ 661 г. до Р. Х., до 696 по Р. Х., 30 томовъ въ 8 д., изданная въ 720 г.

(Nir^{gan}) *Nippon - wō dai itsi ran*, Обзоръ юридическихъ эпохъ въ Японіи, съ 661 г. до Р. Х., по 1611 послѣ Р. Х. — 7 томовъ, въ 8-ю д., Огосака, 1795 г.

(T. s. m. g.) *Tsjō sen monogatari*, Исторія Чаосяня (Чаосіена). 5 томовъ, въ Иедо, 1750 г.

San kok tsu-ran to sets, *Общій обзоръ трехъ королевствъ Чаосяня (Чаосіена), Люцю (Ліу-یی) и Иезо*, съ атласомъ. 1785. Японская энциклопедія, *Wakan san-zai tsu-ē*, том. 13 и 64.

Hon tsjō kōk-gun ken tsi dsu-sets, Историко-географическій атласъ Японіи, съ поясни-

тельными замѣчаніями, 1 томъ въ 4-ю д.,
Иедо, 1810 г.

Wa kan nen kei, Хронологическія таблицы
Японіи и Китая. 1 том. въ-8 д., 1797 г.

Нагазакская лѣтопись, *Nagasaki nen reki*
ryō ten kwan. 1829 г.

Второе и четвертое изъ этихъ сочиненій
были уже переведены; одно Исаакомъ Тит-
сингомъ, а другое Фр. Клапротомъ.

ГЛАВА IX.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ИСТОРІИ КОРЕЙСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

I. ОТЪ ОСНОВАНІЯ ЧАОСЯНЯ (ЧАОСИЕНА) ДО ОБРАЗОВАНІЯ ТРЕХЪ КОРОЛЕВСТВЪ.

Исторія Корейскаго полуострова начинается мифами, и первыя историческія свѣдѣнія перемѣшаны съ баснословными преданіями. Въ началѣ, въ странѣ не было общаго повелителя, но во времена Китайца *Яо* (Jao), явился необыкновенный человѣкъ, который, расположившись на жительство подъ сандальнымъ деревомъ, былъ избранъ туземцами правителемъ. Его называли *Тан-цзюнь*, или повелителемъ сандальнаго дерева, а страна получила имя *Чaosянъ* (Чaosіенъ), «утренній свѣтъ, заря»; сначала онъ избралъ мѣстомъ пребыванія *Пиншанъ*, но потомъ перенесъ его въ *Боіб* (бѣлая гора). Въ осьмой годъ китайскаго владѣтеля *Удинъ* (1318 до Р. X.),

Танцзюнь удалился въ горы и сдѣлался отшельникомъ.

Сѣверо-западная часть полуострова первая вышла изъ мрака на историческое поле. Она въ самой отдаленной древности вступила въ сношенія съ Срединнымъ государствомъ, и въ ней-то сохранились первыя историческія свѣдѣнія, дошедшія до нашего времени, которыя восходятъ до первой четверти XII вѣка передъ Р. Х.

Въ эпоху основанія династіи Чжеу, Китаецъ *Цицзы* прибылъ въ эту страну и поселился на цвѣтущихъ берегахъ рѣки *Бэйшуй* (впослѣдствіи названной *Да тунъ-цзянъ*). Это былъ принцъ изъ королевскаго семейства *Шанъ*, который, послѣ паденія этой династіи, рѣшился оставить свое отечество, чтобы вдаль отъ него основать новое государство. Населеніе въ этой части Кореи, гдѣ онъ поселился, какъ говорятъ, состояло изъ племени *Сянь-то*. Столицею своею онъ назначилъ *Пинжанъ* (Пингшангъ) и въ 1119 г. до Р. Х., призвалъ надъ собою покровительство Китая, тогда извѣстнаго подъ именемъ Чжеу. Онъ призналъ надъ собой власть чжеускаго императора, и послѣдній утвердилъ за нимъ титулъ *Вана*, или короля. *Цицзы* ввелъ въ своемъ новомъ государствѣ не только китайское устройство, но также нравы, земледѣліе и механическія искусства своего

отечества. Потомки его, въ числѣ сорока одного, царствовали до конца втораго вѣка до Р. Х.; во времена же внутреннихъ войнъ въ Китаѣ (403—422), они подчинялись королевству *Янь*, которое обнимало тогда земли *Ляодуна* (*Ляотунга*) и восточныя части нынѣшней провинціи *Чжилі*. Когда же *Яньское* королевство воздвигло на своей сѣверной и сѣверо-восточной границахъ великую стѣну противъ вторженія *Сюнну* или *Гунну* (*Монголовъ*), *Корея*, оставшаяся внѣ этой ограды, снова сдѣлалась на нѣкоторое время (221—203), независимымъ государствомъ и служила убѣжищемъ для множества *Китайцевъ*, которые принуждены были удалиться изъ отечества въ смутныя времена наденія *цинской* династіи (207 г. до Р. Х.). Король *Цичжунь* принималъ этихъ эмигрантовъ, не предчувствуя, что они составятъ передовой отрядъ нашествія цѣлой арміи, которая вскорѣ должна была ниспровергнуть его власть.

Возстаніе въ 207 г. до Р. Х., вспыхнувшее противъ новой династіи *Хань* (*Гань*), окончилось полнымъ утвержденіемъ ея владычества. Вторая такая же попытка, въ 195 году до Р. Х., не удалась, какъ и первая. Будучи не въ силахъ противиться многочисленности войскъ, выставленныхъ *Ханьцами*, *яньскій* король удался къ *Гуннамъ*, и тогда-

то *Манъ*, повелитель части страны, которой грозила опасность, вступилъ съ войскомъ въ Корею, овладѣлъ скоро всею страню и лишилъ власти короля *Цичжуня*, нанеся ему сильное пораженіе, при содѣйствіи китайскихъ выходцевъ. Дворъ свой онъ учредилъ въ древнемъ *Пиншанѣ*, которому далъ новое названіе *Ванъ-сянь-ченъ*. Манъ покорилъ нѣсколько сосѣднихъ племенъ, *Воцзу* и *Вэймо*. Династія Ханъ, надѣясь найти въ немъ оплотъ противъ нападенія варваровъ, признала его въ 180 г. до Р. Х. своимъ вассаломъ и дала ему титулъ начальника за ляодунской преградой.

Пока Манъ и его преемники охраняли выгоды Китая, Срединная Имперія безпрепятственно позволяла имъ распространять владычество на югъ и востокъ, гдѣ они и привели въ покорность племена *Воцзу* и *Вэймо*. Однако сто восемьдесятъ тысячъ изъ племени *Вэймо* успѣли ускользнуть изъ подъ ихъ власти, переселившись (въ 128 г. до Р. Х.) къ границамъ Ляодуна и отдавшись непосредственно подъ покровительство Ханьской Имперіи. Внукъ завоевателя, Юцюй, не хотѣлъ признать правъ ханьскаго государства, и императоръ напалъ, въ 109 году, на Корею со стороны Ляодуна и съ моря. Эмигранты-*Вэймо* снова явились союзниками непріятельской арміи. Чтобъ отвратить бурю,

туземцы отдались подъ власть ханьскаго повелителя (109 г.). Тогда Корея обращена въ китайскую провинцію и раздѣлена на четыре округа: *Ло-ланъ*, *Юаньту*, *Чжень-фанъ* и *Линьтунъ*; послѣдніе два присоединены потомъ (88—74 г. до Р. Хр.) къ юаньтускому округу. *Ло-ланъ* состоялъ изъ земель, къ западу отъ горы *Цзинъ-танъ-шанъ*; главнымъ городомъ въ немъ былъ *Пинжанъ*; *Юань-ту* простирался къ востоку отъ той же горы, а *Воцзу* и *Вэймо*, составлявшіе часть его, раздѣлялись на семь *сянь*, или третьеклассныхъ уѣздовъ, которые были подчинены лоланскому правителю. Такое устройство существовало около столѣтія. Спустя тридцать лѣтъ по Р. Х., ханьскій императоръ уничтожилъ это раздѣленіе и сосредоточилъ власть въ лоланскомъ начальникѣ. Въ 132 году, Корея раздѣлена на 6 округовъ (бу), *Юаньту* и другіе, которые раздѣлялись на уѣзды (цзюнь) и селенія.

II. ОТЪ ОСНОВАНІЯ ТРЕХЪ КОРОЛЕВСТВЪ, ГАОЛИ, БОЦЗИ И СИНЬЛО, ДО УТВЕРЖДЕНІЯ ПРЕОБЛАДАНІЯ ПОСЛѣДНЯГО.

(Отъ 57 г. до Р. Х. по 755 послѣ Р. Х.).

ГАОЛИ (Каоли). На сѣверѣ Корейскаго полуострова, на гористой мѣстности округа

т. III. 14

Сянь-цзинь-дао и части округа *Цзянь-юань-дао* жило племя *Воцзу*, которое, не подчиняясь никакой общей власти, управлялось старшиною племени или отцами семействъ. Эти туземцы раздѣлялись на *Воцзу* южныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ. На сѣверѣ они примыкали къ *Елю*, коренному племени Маньчжу, а съ другой стороны къ племени *Фулюй*; на югѣ сосѣдями ихъ были *Вэймо* (по корейски *Юймакъ*, *Комакъ*), занимавшіе нынѣшній округъ *Цзянь-юань-дао*. Когда Манъ овладѣлъ Кореею, онъ подчинилъ своей власти также *Воцзу* и *Вэймо*. Племена эти, раздѣлявшія судьбу мановыхъ владѣній, по смерти его, перешли подъ власть ханьскаго государя и получили законы своихъ властителей. Предъ паденіемъ ханьскаго дома въ первой половинѣ III вѣка по Р. Х. *Фулюйскій* князь *Чжумэнъ* былъ возведенъ Корейцами на царство, которое назвалъ *Гаоцзюй-ли* или *Гаоли* (*Каоли*). Въ началѣ въ составъ его вошли двѣнадцать племенъ (*куе*); въ самомъ многочисленномъ изъ нихъ считалось отъ четырехъ до пяти тысячъ душъ; въ другихъ же было не больше какъ отъ шести сотъ до семи сотъ семействъ; все же народонаселеніе простиралось отъ сорока до пятидесяти тысячъ семействъ.

БОЦЗИ (Пеци). Пространство, занимаемое нынѣ округами *Цзинцзи-дао* и *Чжунцзинь-дао*, — въ западной части полуострова, омывае-

мое на сѣверѣ рѣкою Хань-цзянъ, было населено племенемъ *Махань*. Изгнанный изъ Кореи Цисунъ сдѣлался королемъ части этой страны, которая оставалась во власти его преемниковъ до 18 г. до Р. Х., когда одинъ изъ туземныхъ вельможъ, захватилъ власть и принялъ титулъ *Вень-цю-вана*. Онъ избралъ своею резиденціею крѣпость *Уире* (по кит. *Вей-м-ченъ*) и назвалъ свое королевство *Ши-тоу* (по корейски *Син-тсе*). Уже въ послѣдствіи всѣ *маханьскія* племена и тѣ двѣнадцать племенъ, которыя, подъ общимъ названіемъ *Бянь-хань* (по кор. *Пьён-ганъ*), занимали юго-западъ полуострова, подчинились этой династии. Государство *Боцзи* заключало въ себѣ до пятидесяти племенъ, весьма неравныхъ по числу душъ; въ однихъ считалось до десяти тысячъ семействъ, а въ иныхъ не больше тысячъ. Всего же насчитывалось больше ста тысячъ семействъ.

СИНЬЛО (Синра). Юго-восточная часть Кореи, которая теперь составляетъ округъ *Циншань-дао*, принадлежала къ *Чень-ханьскому* племени. Если вѣрить преданію, это племя, или по-крайней-мѣрѣ почетнѣйшія его семейства, произошли отъ потомковъ династии *Цинь*, которые послѣ ея паденія, удалились изъ отечества и нашли убѣжище на восточной границѣ *Махань*. Они построили города и замки, окруженные стѣнами; у нихъ было на-

слѣдственное дворянство и по образованію они стояли выше другихъ обитателей полуострова. Говорятъ, что языкъ и нравы ихъ очень сходствовали съ *Бэйханьскими*. За 57 лѣтъ до Р. Х. у Ченьхановъ утвердилось династія, которой основателемъ былъ *Го-цзю*. Онъ называлъ свое государство *Сюфало*; двадцать второй потомокъ этой династіи, *Чи-цинъ-ванъ* (мудрецъ, проповѣдникъ), принявшій титулъ короля, утвердилъ новое названіе для государства—*Синьло*. На тронъ вступали послѣдовательно три династіи; *По*, *Сго* и *Кинъ*.

Маханъ, Бэйханъ и Ченьханъ, отличаясь отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей языкомъ и нравами, безъ сомнѣнія, составляютъ три отрасли отъ одного и того же корня, подъ общимъ названіемъ *Санъ-ханъ*, или *Три-Ханъ*.

Три государства *Гаоли*, *Боцзи* и *Синьло* существовали современно до половины VII вѣка, находились между-собою то въ мирныхъ отношеніяхъ, то въ непріязненныхъ, когда честолюбіе и перевѣсъ одного заставлялъ другихъ вступать во временные союзы. Всѣ они очень рано подчинились власти Китая, повинаясь ей иногда волею, иногда неволею. Отъ времени до времени они отправляли въ Срединное Государство посольства и дани, и короли ихъ испрашивали у императора ут-

верженія въ своихъ правахъ и власти. Впослѣдствіи Японія, съ своей стороны, обнаруживала свое вліяніе на внутреннія дѣла этихъ королевствъ.

За 33 года до Р. Х. рыбаки на восточномъ берегу полуострова открыли путь въ Японію и распространили въ отечествѣ вѣсть о своемъ открытіи. Вслѣдствіе этого нѣкоторые изъ обитателей Синьло рѣшились переселиться къ восточнымъ своимъ соседямъ. По японскимъ лѣтописямъ, можно полагать, что до начала III вѣка, сношенія между обѣими странами тѣмъ только и ограничивались. Спустя 200 лѣтъ послѣ Р. Х., Синьло въ первый разъ отразило нападеніе Японцевъ. Это была первая вооруженная экспедиція, со славою совершенная сынами восточнаго края земли противъ азійскаго материка. Съ той поры они стали утверждаться въ Азін, гдѣ королевство Бодзи сдѣлалось для нихъ вѣрнымъ союзникомъ, между тѣмъ какъ Синьло, принявъ враждебное положеніе, хитростію и силою старалось уничтожить возрастающее вліяніе Японіи.

Японцы извлекали большія выгоды изъ своихъ новыхъ связей, и особенно выиграли много, ознакомившись впервые съ искусствами и науками Срединнаго Государства. Чужеземная образованность пустила въ Японіи глубокіе корни и процвѣтала уже, когда

ати островитяне прекратили свободное сообщеніе съ материкомъ, издавъ для огражденія своей политической независимости такіе законы, которые совершенно отдѣлили ихъ отъ всѣхъ прочихъ обитателей Земнаго Шара.

Государство *Гаоли*, проживъ едва полвѣка, было завоевано, и король его изгнанъ Ванъ-Мапомъ, который недолго былъ бичемъ китайскимъ. При возстановленіи династїи Хань (25 г.) въ Гаоли утвердился прежній порядокъ вещей; императоръ Гуанъ-уди отозвалъ изъ Кореи китайскихъ губернаторовъ (30 г.) и возстановилъ прежняго короля (32 г.). Правители въ Гаоли дѣлали впослѣдствіи вторженія въ сосѣдственныя земли Ляодуна (49—169 по Р. X). и тѣмъ навлекли на себя месть. Въ 244 году, гаолійскій король *Хой-гунъ* вторгнулся въ государство *Вэй*, которое составляло тогда сѣверную часть Китая. Правитель окружнаго города Ю-чжеу выступилъ противъ *Хой-гуна*, обратилъ войско его въ бѣгство и завоевалъ значительную часть Гаоли. *Хой-гунъ* двинулся опять въ 246 году, и на этотъ разъ, по превосходству силъ, дѣлалъ быстрые успѣхи, пока правитель провинціи *Гіуенту*, гдѣ Китайцы въ 134 году основали военную колонію изъ шести племенъ, не напалъ на него съ тыла и не разбилъ его на-голову. Губернаторъ Ю-чжеу, *Му-*

цюцзянь, пустился преслѣдовать бѣглецовъ и разрушилъ ихъ столицу *Гуанду*, которая въ послѣдствіи выстроилась вновь. Около 312 года Гаоли овладѣли *Пинжанемъ*, древнею столицею Кореи, со всѣми ея землями, которыя до того времени, подъ названіемъ *Лолапа* подчинялись военному управленію, учрежденному Китайцами. Въ 342 году, Гаоли предприняли разрушительное вторженіе на сосѣдственныя земли яньскаго короля Мужунхуана, который оказалъ имъ сильное сопротивленіе и одержалъ побѣду посредствомъ обхода непріятельскаго войска. Городъ *Гуанду* снова достался побѣдителю, который поставилъ въ немъ правителемъ нѣкоего *Нана* вмѣсто удалившагося короля *Гаочжао*. Въ 371 году, *Нану* наслѣдовалъ *Сяо шеу-минванъ*, въ правленіе котораго ученіе Будды проникло въ Гаоли (372). Гао-Лянь, будучи признанъ гаолійскимъ королемъ отъ сунскаго государя Вэнь (424), поддерживалъ посредствомъ посольствъ дружественныя сношенія съ государствомъ Сунъ. Резиденціею своею опъ избралъ городъ *Пинжанъ*, переименовавъ его въ *Чанъ-анъ-ченъ* (городъ продолжительнаго спокойствія). Въ 464 году, онъ вступилъ въ союзъ съ сунскимъ государствомъ, и въ то же время заключилъ трактатъ съ династіею Вэй, которая царствовала тогда на сѣверѣ Китая, и отправлялъ къ ней въ

разные годы пять разъ посольства. Этотъ двойной союзъ доставилъ Гаоли рѣшительный перевѣсъ надъ Боцзи, совершенно склонившимся на сторону Японіи. Гао-лянь, пользуясь обстоятельствами, вступилъ въ земли этого соперничающаго государства и овладѣлъ его столицей. Остатки королевскаго семейства удалились къ югу, въ страну, которая теперь называется округомъ *Цюань-ло-дао*, и тамъ возстановили свою потрясенную власть. Сюн-цзинь сдѣлался главнымъ городомъ Боцзи, и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, не только увидѣлъ возрожденіе своего политическаго значенія, но при помощи Синьло и Махань возвратилъ также часть земель, которыя утратилъ въ прежнія времена. Изъ этого произошла жестокая борьба, которая кончилась тѣмъ, что Боцзи, оставленное Синьло, нашлось въ необходимости уступить города *Пинжань* и *Ханьченъ*, которые оно было завоевало (552 г.). *Ханьченъ* отданъ Синьло, въ вознагражденіе за помощь, оказанную Гаоли противъ Боцзи, а равно и съ тою цѣлію, чтобы она грозила существованію этого королевства и владычеству Японцевъ въ Маханѣ. Боцзи просили Японію о помощи, чтобы противостать непріятелю соединенными силами (552 и 553); но Японцы, заботясь только о защитѣ тѣхъ пунктовъ, которые занимали сами, затянули перегово-

ры и кончили тѣмъ, что послали въ Махань ничтожный гарнизонъ, въ 556 году. Въ 562 году, войска Синьло вступили въ Махань и уничтожили тамъ японскую власть.

Въ эту эпоху, Гаоли простирался до береговъ рѣки Ляо. Въ 598 году, Гаоли вмѣстѣ съ сосѣдями своими напали на *Мохо* (при династіяхъ *Суй* и *Танъ* это имя давалось *Нючжи* и впоследствии замѣнено именемъ Маньчжу), китайскую землю, къ западу отъ рѣки Ляо. При извѣстїи о началѣ непрїязненныхъ дѣйствїй, суйскїй адмиралъ *Чжеу-Лохоу* вышелъ съ флотомъ изъ *Дунлай*, присталъ къ полуострову и осадилъ *Пинжанъ*, но безъ успѣха. Тогда суйскїй императоръ *Янъ-ди* рѣшился потушить возстаніе въ *Гаоли*. Въ 612 году, его войска подступили къ городу *Пинжану*, но были отражены какъ и въ первый разъ. Но когда новое войско переправилось черезъ р. Ляо, Гаоли увидѣли, что силы ихъ уже истощились въ продолжительной борьбѣ, и король *Цзянь* отправилъ пословъ для переговоровъ о мирѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ подчинился Суйской имперїи. Преемникъ его, *У*, признавалъ надъ собою власть танскаго двора, который даровалъ ему титулъ ляодунскаго владѣтеля. Послѣ него владѣніе досталось племяннику его воинственному *Гао Цанъ*. Онъ началъ съ того, что отказался отъ подчиненности Танъ.

скому государству. Эта имперія выслала противъ него многочисленное войско, которое перешло р. Ляо, овладѣло многими ляодунскими городами; между тѣмъ отдѣльная эскадра перешла Желтое море, чтобы приступить къ осадѣ Пипжапя. Королевская резиденція, съ обычною своею храбростію, снова отбила нѣсколько повторенныхъ приступовъ непріятеля, который и снялъ осаду въ 640 году. Гаолискій король и союзникъ его, боцзискій, обратили тогда свое оружіе противъ Синьло, которые держались стороны Танскаго государства; они разорили ихъ землю и отняли у нихъ 30 городовъ. Генераль *Ли-и-цзѣ*, посланный танскимъ дворомъ на помощь своему союзнику, ограничился разореціемъ нѣсколькихъ мѣстъ, и войска его, какъ и прежнія, не могли продолжать походъ въ Гаоли. И такъ, Гао цанъ могъ продолжать войну, которую велъ съ такимъ напряженіемъ въ пограничныхъ странахъ, и стремиться къ достиженію своихъ замысловъ, относительно завоеванія полуострова. Постоянно поддерживаемый владѣтелями Мохо, въ 654 г. онъ бросился на Танцевъ, которые отразили его съ потерей. Едва онъ оправился отъ этого тяжкаго удара, какъ въ слѣдующемъ же году напалъ на Синьлоское королевство.

Владѣтели этой страны признавали надъ

собою власть государей китайскихъ и отправляли посольства къ дворамъ Лянскому (521) и Ченьскому (555). Король Синьло Чень-Пинъ, въ 594 году, исполнилъ эту обязанность относительно государства Суй, признавшаго законность его власти съ титуломъ *Гуна* или *доланскаго* короля. Скончавшись въ 631 году безъ наслѣдниковъ мужескаго пола, Чень-Пинъ оставилъ престолъ двумъ дочерямъ своимъ, которыя, по возраставшей опасности со стороны Гаоли и Боцзи, находились въ необходимости заботливо искать благосклонности могущественнаго Танскаго государства. Когда престолъ оставался незанятымъ (655), верховная власть, перейдя къ боковой отрасли королевскаго дома, ускользнула отъ Цзюнь Цюци; по видимому, это подало поводъ Гаоли произвести вторженіе въ Синьло, пагубное для нихъ самихъ. Во время этой войны Синьло получила сильное подкрѣпленіе со стороны Танскаго государства. Императоръ Гао-цзунъ послалъ на полуостровъ генерала своего *Су-Динфана*, для низверженія Гаоли и Боцзи, и для приведенія этихъ земель, подобно *Синьло*, подъ власть танской династіи. Царствующій домъ въ Боцзи преимущественно ослабилъ свое право на престолъ тѣмъ, что лучшую часть полуострова предалъ японскому вліянію; поэтому онъ и сдѣлался первою жертвою нена-

висти Тана. Су-Динфанъ съ флотомъ вступилъ въ Сюнцзиньскую гавань, 10 числа седьмого мѣсяца 660 года, и въ то же время синьлоское войско перешло восточную границу Боцзи. Главный городъ, *Сюнцзинь*, былъ осажденъ и сдался 13 числа, послѣ трехдневнаго приступа; король со всѣмъ дворомъ отведены плѣнниками въ Танское государство. Су-Динфанъ, учредивъ въ *Сюнцзинь* временное военное управленіе, направилъ войска противъ Гаоли и въ седьмой мѣсяцъ 661 года, осадилъ столицу ихъ Пинжанъ.

Однако генералъ Фу-синь, удержавшійся въ *Дозаки*, собравъ къ югу отъ Боцзи) остатки разбитой арміи, смѣлымъ ударомъ захватилъ столицу и оттѣснилъ Синьло изъ границъ государства. Народъ, по призыву къ защитѣ родной земли, охотно вступалъ подъ знамена храбраго вождя. Въ девятомъ мѣсяцѣ 660 года, Фу-синь (*Фюшингъ*) отправилъ къ японскому правительству посольство, которое сопровождалось толпою китайскихъ плѣнниковъ. Микадо долженъ былъ признать боцзискимъ (*пецййскимъ*) повелителемъ Сюнь-чана, который долго содержался заложникомъ при микадескомъ дворѣ и оставался единственнымъ лицомъ, которое могло тогда принять на себя заботы о выгодахъ своего семейства; микадо обязанъ былъ также от-

дать въ его распоряженіе корпусъ войскъ для завоеванія его владѣній, совершенно покоренныхъ Танцами, за исключеніемъ узкой полосы земли, вдоль южнаго берега нынѣшняго Цюаньлоскаго (*Ціонлатскаго*) округа. Казалось, Японцы съ жаромъ готовились къ войнѣ, и принцесса, занимавшая въ это время микадскій престолъ, сама отправилась въ *Цукузи*, на островъ Цю-сю (*Киу-зіу*), чтобы своимъ присутствіемъ ускорить работы. За всѣмъ тѣмъ, уже послѣ ея смерти, въ осьмой мѣсяцъ 661 года, передовое японское войско выступило въ походъ; а въ девятомъ мѣсяцѣ послѣдовали за нимъ 5,000 человекъ и 170 кораблей, выставленные микадомъ Боцзи (*Пеци*) въ распоряженіи *Фюнганга* (*Сюнъ-чана*). Новый король, вышедшій на берегъ въ Боцзи (*Пеци*), въ пятомъ мѣсяцѣ 662 года, бросился въ крѣпость Чжеулю (*Цуму*). Японцы отняли у Синьлосцевъ двѣ крѣпости *Саби* и *Цинуюй*; но они сражались на удачу, безъ общаго плана, и потому, то одерживали верхъ, то терпѣли поражение, между тѣмъ какъ Синьло распространяло свои вторженія. У *Фюнганга* (*Сюнъ-чана*) не доставало отваги, необходимой для рѣшительнаго дѣйствія въ подобномъ положеніи; самую прочною своею опорою онъ пожертвовалъ близорукой зависти, убивъ собственноручно *Фу-синя* (*Фюшина*), съ ко-

торымъ даже Японцы обходились съ знаками особеннаго уваженія. Послѣ этого жители отдѣлились отъ короля, оставивъ его съ одними Японцами, которыхъ онъ содержалъ на своемъ жалованьи. Чтобы воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ, синь-лоская армія появилась передъ *Шуну* въ осьмомъ мѣсяцъ 663 года, а вскорѣ и китайскій флотъ, изъ 170 судовъ, поднялся по рѣкѣ *Пецюнкіангъ* (Поцзянъ, бѣлая рѣка), гдѣ стояла на якорѣ японская эскадра. Дошло до схватки, и Японцы отступили. На другой день, они возобновили сраженіе, но были окружены со всѣхъ сторонъ танскими кораблями и потерпѣли совершенное пораженіе. Командиръ японской эскадры съ обнаженною шпагою бросился въ толу непріятелей, чтобы спасти, сколько отъ него лично зависѣло, добрую славу о храбрости своихъ соотечественниковъ. Сюнь-чанъ удался въ Гаоли, и городъ Шуну, занятый японскимъ гарнизономъ, сдался на капитуляцію въ осьмой мѣсяцъ 663 г. Упавшіе духомъ остатки японскаго войска возвратились въ отечество съ вѣстью о своемъ пораженіи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ Боцзійцевъ (Пеційцевъ), искавшихъ убѣжища въ Японіи. Впослѣдствіи, въ эту имперію выѣхали также нѣкоторыя лица изъ королевскаго семейства и получили удѣлы въ Мучу.

Сопротивленіе Гаоли было упорнѣе. Судинфанъ (Сутингфамгъ), послѣ безполезныхъ усилій, нашедся въ необходимости снять осаду столицы, въ 662 году; но Танцы послали свѣжее войско, и древній городъ гаолійскихъ (каолиійскихъ) государей отворилъ свои ворота непріятелю, послѣ семилѣтняго сопротивленія (668). Въ покоренномъ городѣ танскій (китайскій) вождь Лю-жень (*Лиши-цзе*) учредилъ военное управленіе, чтобы обезпечить спокойствіе на востокъ, а короля Гао-чана отправилъ къ императорскому двору. Родственникъ Гао-чана старался произвести реакцію въ Гаоли (Каоли) (670); но Китайцы успѣли потушить возстаніе при самомъ его началѣ. Въ 677 году, танскій владѣтель снова пріобрѣлъ власть бывшаго короля; но когда онъ вторично поступками своими возбудилъ опасенія, его снова отвезли въ Танское государство, и Гаоли управлялось китайскими сановниками до тѣхъ поръ, пока Синьло (Сиира), воспользовавшись смутами, въ которые ввергло эту имперію возмущеніе Хань-ло-шана (755), успѣло распространить свою власть надъ всѣмъ полуостровомъ, по сторону рѣки Ялу-цзяна (Ялу-кіанга). Тогда синьлоскій престолъ занималъ Вень-у-ванъ (ученый, воинственный), тридцатый король этой династіи; Боцзи (Пеци) же было присоединено къ Синьло еще при его предше-

ственниковъ, Цунъ-цю (*Чунъ-цзю-су*), котораго историческое имя Да-цзунъ-ванъ. Полуостровъ былъ раздѣленъ на девять чжеу или департаментовъ.

Гибельный для Японцевъ исходъ морскаго сраженія на Бо-цзянъ (*Пецюнкянгъ*) прекратилъ ихъ вмѣшательство въ дѣла полуострова. Они стали заботиться только о собственной своей безопасности, охраняя свои западныя границы; они укрѣпили острова Ици и Пузиму, какъ передовые пункты, а также и нѣкоторые другіе важныя пункты. Японцы опасались, чтобы Китай не подвергъ ихъ той же участи, какъ и союзниковъ ихъ, Боцзи (*Пеційцевъ*), по этому они поспѣшили принять мирныя предложенія танскаго двора (765), отказавшись отъ всякихъ притязаній на Корею.

III. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ И ПРЕОБЛАДАНИЕ ГАОЛИ (КАОЛИ). ДИНАСТІЯ ВАНГЪ.

(904—1389).

Послѣ покоренія Гаоли (*Каолійцевъ*), отдѣльная ихъ вѣтвь основала къ западу отъ *длинно - благо хребта*, королевство Бохай (*Погаи*), которое впослѣдствіи раздвинуло свои границы до рѣки Ляо (*Ліао*) и овладѣло Пинжанемъ, древнею столицею Гао-

лійскаго государства. Это королевство возобновило, въ 728 году, союзъ, существовавшій прежде между Гаоли (Каоли) и Япо- ніей; но въ 922 году, нападеніе Цидань (Ки- тановъ) или Монголовъ положило конецъ его существованію. Въ этотъ промежутокъ Гао- лійцы, еще угнетаемые Синьло, свергли его иго и провозгласили королемъ туземна- го буддистскаго жреца, по имени Гунъ-и (*Кунги*). Онъ избралъ своею резиденціею го- родъ Кай-чжеу или Кай-цзинъ, или Дун- цзинъ (восточная столица) () Обяза- тельства благопріятствовали его намѣреніямъ: государство Танъ, которое дотолѣ поддер- живало Синьло, склонялось къ паденію, а междоусобія великой имперіи ослабили ея внѣшнее вліяніе. Правленіе этого государя было славно; къ сожалѣнію, онъ жилъ слиш- комъ недолго и не могъ насладиться плода- ми трудовъ своихъ: Ванъ-цзянь (*Вангъ-кіенъ*), одинъ изъ царедворцевъ, сдѣлался родона- чальникомъ новой династіи Ванъ (*Вангевъ*). Въ 917 году, онъ назвалъ свое королевство Новый Гаоли (Хоу Гаоли), городъ Кай-цзинъ (Кайчингъ) назначилъ восточною столицею (Дунъ-цзинъ), а Пинжанъ—западною. Въ 935 году, онъ низложилъ въ лицѣ *Кингъ-шунъ-*

(*) Нынче Кайченъ-фу, въ сѣверной части сяньцин- скаго округа.

ванга, синьлоскую королевскую династію, которая составляла рядъ пятидесяти пяти государей. Около этой же эпохи овѣ овладѣлъ Синьло и Боцзи и всею Кореею, гдѣ также утвердилась въ половинѣ IX вѣка туземная династія Хоу-Боцзи (*Гей-Нетси*), пребывавшая въ Вансянѣ (*Ваншань*). Родъ основателя этой династіи угасъ съ смертію внука его, прозваннаго *Мечемъ разума* (*Синь-цзянь*).

Сношенія этой страны съ Японцами прекратились совершенно. Только одинъ разъ въ теченіе трехъ сотъ пятидесяти лѣтъ, въ 1080 году, гаолійскій пославникъ прибылъ въ Ксиму (*Kiuziu*). Съ другой стороны японское побережье часто тревожили синьлоскіе морскіе разбойники и иностранные флоты, приходившіе съ юга, которые нѣсколько разъ нападали на островъ Ики, важный по стратегическому своему положенію; но намѣренія ихъ викогда не удавались, благодаря бдительности Японцевъ.

Династія *Ванъ* въ Гаоли, какъ и предшествовавшая ей, была соединена выгодами съ домами, царствовавшими въ Китаѣ. По слабости собственныхъ силъ она всегда зависѣла отъ иноземцевъ. Посланники ея являлись при Хоу-цзиньскомъ и при Суцскомъ дворахъ; сверхъ того, она платила дань владѣвшимъ попеременно Китаемъ монгольскимъ государствамъ, Ляо и Цзинь (*Нючжи*), у ко-

торыхъ заимствовала календарь (1116), и Юань, подъ власть котораго Гаолійцы перешли при паденіи государства Цзинь. Они были уже покорены при корейскомъ государѣ Ванъ-Дунъ этимъ народомъ, въ 1219 году, но въ послѣдствіи ускользнули изъ подъ его власти. На этотъ разъ Монголы (государство Юань) прежде всего опредѣлили въ главныхъ городахъ Гаоли своихъ приставовъ и кончили тѣмъ, что объявили *Пинжань*, съ шестьюдесятью другими городами и селами, составною частью своихъ владѣній (1269). *Пинжань* получилъ названіе *Дунъ-нинъ-фу* (*Тунъ-нинъ-фу*) и сдѣлался главнымъ городомъ губерніи *Дунъ-манъ-лу*.

Какъ Гаолійцы принимали весьма дѣятельное участіе въ походѣ Хубилая (*Кублайгана*) противъ Японіи, въ 1281 г., то это государство упорно отвергало всѣ связи съ Кореей и Китаемъ, пока продолжалась тамъ власть монгольская. Только буддистскіе жрецы допускались въ Японію; но и имъ возвратъ изъ нея воспрещался.

Мы считаемъ нелишнимъ помѣстить здѣсь вкратцѣ рассказъ объ экспедиціи Хубилая, которая была первою причиною непріязненной политики Японцевъ въ отношеніи другихъ націй.

Какъ скоро Хубилай вступилъ на монгольскій престолъ, онъ тотчасъ обратилъ вниманіе

на Японію и вознамѣрился покорить своей власти эти отдаленные острова, подобно Гаоли. Въ 1268 году, онъ потребовалъ отъ *ниппонскаго короля*, чтобы тотъ покорился его власти. Сіюгуны, державшіе въ то время твердо бразды правленія, изъ презрѣнія къ предводителю варваровъ, вовсе не отвѣчали ни на письма его, ни на повторительныя требованія, объявленныя имъ въ 1271 и 1273 годахъ. Монгольскіе посланцы каждый разъ были отправляемы въ обратный путь ксимускимъ губернаторомъ, и ни однажды не представлялись ни сіюгуну, ни микадо. Въ 1274 году, китайско-монгольскій флотъ, съ гаолійской эскадрой, пришелъ на видъ острова Цузимы; но японскій губернаторъ, ожидавшій нападенія, сдѣлалъ такія благоразумныя оборонительныя распоряженія по берегамъ Ксиму (Кіузіу), что непріятель не могъ предпринять ничего рѣшительнаго. Флотъ его, въ дѣйствіяхъ котораго не было вовсе единства, крейсеровалъ безъ всякой опредѣленной цѣли и скоро исчезъ изъ здѣшнихъ водъ, произведя кое-гдѣ грабительства и разоренія. Послѣ этого угрожающаго предпріятія Хубилай отправилъ новое посольство (1275); оно было препровождено въ *Камакуру* и призвано предъ лице сіюгуна, чтобъ условиться о признаніи императорскаго повелѣнія, подвергавшаго смертной казни каждыя

го монгольскаго подданнаго, который впоследствии осмѣлился бы вступить на японскую землю. Въ силу этого постановленія, всѣ лица двухъ послѣдовавшихъ посольствъ Хубилая были дѣйствительно казнены (1276 и 1279) (*).

Когда этотъ монгольскій ханъ распространилъ свою власть въ Китаѣ (1280), онъ снарядилъ вторую экспедицію противъ Японіи. Въ началѣ осени 1281 г., гаоли-китайскій флотъ прошелъ передъ островомъ *Фирато* и направился къ острову *Ики*, который нашелъ такъ же хорошо укрѣпленнымъ, какъ и *Ксиму* (*Kiuziū*). Перваго числа осьмаго мѣсяца, когда Монголы еще колебались начать нападеніе, поднялся ужасный ураганъ, разбилъ ихъ непрочные корабли, большую часть изъ нихъ разбросалъ по берегамъ и предоставилъ Японцамъ только обязанность исполнителей казни. Когда остатки гаолійскаго войска, думавшіе спастись, если имъ удастся достигнуть берега, отъ голода и недостатковъ всякаго рода пришли въ совершенное истощеніе, Японцы окружили ихъ и послѣ слабого сопротивленія Гаолійцы сдались; ихъ отослали въ *Факату*, гдѣ эти несчастные, въ числѣ тридцати тысячъ, безпощадно пре-

(*) Надо вспомнить, что въ 1640 году португальское посольство подверглось той же участи.

даны острію меча. Троицъ только сохранена жизнь, чтобы они отдали отчетъ Хубилаю о жребіи, постигшемъ его экспедицію, и о японскомъ правосудіи.

IV. ПОСЛѢДНІЕ ПЕРЕВОРОТЫ ВЪ ГАОЛИ. ДИНАСТІЯ ЛИ. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЧАОСЯНЬСКАГО КОРОЛЕВСТВА.

Съ паденіемъ монгольской власти въ Китаѣ, королевскій домъ *Ванъ* подчинился непосредственно китайскому дому *Минъ*, который призналъ Ванъ Чжуаня, (*Ванъ Чуена*) тридцать третьяго принца изъ фамиліи Ванъ, гаолійскимъ государемъ (1368). Однакоже, правленіе этого дома быстро приближалось къ концу. Другой домъ, *Ли*, вѣроятно китайскаго происхожденія, стремился къ престолу, и Ванъ-Чжуань былъ убитъ Женьжиномъ (*Лишиномъ*), который возвелъ на престолъ усыновленнаго имъ Синъ-У (*Синко*). Но онъ передалъ престолъ сыну своему Чану. Въ 1388 году наслѣдство его возвратилось къ потомкамъ Ванъ-Чжуаня, происходившимъ отъ древней фамиліи; въ слѣдующемъ же году, начальникъ тѣлохранителей Чана, Ли-Ченгуй (*Ли-Чингъ-Куй*), принудилъ его отказаться отъ короны въ пользу *Ванъ Яо*; но и тотъ не долго удержался на престолѣ. Ли Ченгуй (*Ли-Чингъ-Куй*) похитилъ у него власть и самого отпра-

вилъ въ заключеніе въ Юань Чжеу (*Уёньцью*) (1392). Этотъ похититель, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Ли-Дань (*Ли-Тана*), показавъ покорность минскому двору, который, замышляя возстановить древній порядокъ, въ востоминаніяхъ прошедшаго старался найти доводы усвоить полуострову названіе Чаосянн. Королевское достоинство было утверждено за Ли-Данемъ и государство названо Чаосянн (1397). Съ тѣхъ поръ имя Гаоли вычеркивалось въ офиціальныхъ бумагахъ. Ли-Дань перевелъ свой дворъ изъ Кай Чжеу фу въ Хань-цы (*Ганч'ингъ*), который и сдѣлался при немъ первымъ городомъ въ королевствѣ и сталъ титуловаться *королевскимъ городомъ* (*Ванъ-ченъ*). Онъ далъ Чаосянню такое устройство, которое продолжается до настоящаго времени, какъ и его династія. Чаосяннъ, какъ страна платящая дань Китаю, принялъ хронологію, названіе годовъ и календарь Срединнаго Государства.

Въ первый же годъ своего правленія Ли-Дань заключилъ мирный договоръ съ Японцами, при посредствѣ минскаго двора, который ещё въ 1372 г. заключилъ союзъ съ сіюгуномъ. Взаимныя посольства между обоими дворами продолжались безостановочно, не нарушаясь ни какимъ неблагопріятнымъ событіемъ до 1592 и 1593 годовъ, когда ужасный сіюгунъ *Дайкю Фидеіюзи* велѣлъ изъ

браннымъ своимъ солдатамъ, подъ начальствомъ воинственнаго дворянства, напасть на иностранцевъ и возстановить независимость имперіи, согласно съ обѣщаніями его предшественниковъ. Краткій взглядъ на японскую исторію этой эпохи яснѣе покажетъ причины войны.

Переворотъ, произведенный *Іеритомо*, уравнявшимъ почти власть главнокомандующаго съ верховною властію и оставившимъ микадской династіи только высшую духовную власть, или внутреннее господство надъ духомъ (1168), былъ причиною междоусобной войны, которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ свирѣпствовала изъ края въ край по всей Японіи. Когда низверженіе монгольской династіи въ Китаѣ позволило Японцамъ возобновить свои сношенія съ этою имеріей (1368), домъ сіюгуновъ *Минамото* сталъ искать союза съ династіею *Минъ*, чтобы обезпечить свое положеніе, тѣмъ болѣе, что начальники противной стороны добивались того же.

Съ этою мыслию сіюгунъ *Іезимицу* при восшествіи на престолъ императора Сяо-Да (*Гоей-ти*), отправилъ къ нему посольство для изъявленія покорности и для поднесенія золота. За это онъ получилъ грамоту на санъ японскаго государя и китайскій календарь. Такимъ образомъ Японцы, издавна сохра-

нявшіе свою независимость, объявили себя подданными Китая, потому что подарок, поднесенный *Иезуитамъ*, былъ знакомъ подчиненности. Послѣдующіе сіюгуны не замедлили избавить себя отъ такихъ обязанностей въ отношеніи Китая и предоставили себѣ исключительное право сношеній съ этой имперіей. Японскія суда, отправлявшіяся въ *Нинпо* для торговыхъ дѣлъ, допускались туда не иначе какъ по письменнымъ видамъ, которые выдавались имъ чрезвычайнымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ сіюгуна. Таково было относительное положеніе обоихъ государствъ, когда *Фидеіоси* принялъ бразды правленія. По собственному признанію, честолюбіе и гордость были побудительными причинами его предпріятій; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ хотѣлъ утвердить свою власть и миръ въ государствѣ, занявъ воинственную склонность своихъ вассаловъ борьбою, которой наградою долженъ былъ служить *срединный цвѣтокъ*.

Въ первую экспедицію (1592 до 1593), японское войско покорило почти весь *Чоосанъ*, дѣйствуя преимущественно въ двухъ сѣверныхъ округахъ. Китайцы вооружились для освобожденія полуострова; первая ихъ армія была разбита близъ *Пиншана* (*Пиншанга*); за то другая принудила Японцевъ сосредоточиться около столицы. Заключили

перемиріе, а за нимъ и мирный договоръ (1593).

Вторая экспедиція (1597 до 1598), направлена была противъ Китайцевъ, которые своими притязаніями возбудили гнѣвъ сіюгуна. Японцы ограничились занятіемъ ряда крѣпостей на югѣ округовъ Цинъ-шанъ-дао (*Кіѡнгъ съянъ то*) и Цюанъ ло дао (*Ціѡнъ ла то*). Храбрость и искусство гарнизона два года останавливали всѣ успѣхи Китайцевъ, какъ смерть Фидеіози неожиданно прекратила непріязненныя дѣйствія. Его полководцы удалились въ торжествѣ, и Чаосянь соединился съ дворомъ минскимъ тѣснѣе прежняго.

Маньчжу, утвердившись въ Китаѣ, послали къ Чаосяню корпусъ войска, который проникъ до Пинжана (1627). Король *Ли-цзунъ* просилъ о мѣрѣ и принялъ его условія. Въ 1637 году, возобновившіяся несогласія вызвали новую экспедицію со стороны Маньчжу; они захватили королевское семейство, и Ли-цзунъ подчинился Маньчжу, которые признали за нимъ и его преемниками владѣніе государствомъ Чаосянь.

ГЛАВА X.

СНОШЕНИЯ ЯПОНИИ СЪ ПОЛУОСТРОВОМЪ КОРЕЕЮ И
КИТАЕМЪ, ПО ЯПОНСКИМЪ СОЧИНЕНІЯМЪ.

ПЕРВЫЕ СЛѢДЫ СНОШЕНІЙ ЯПОНИИ СЪ КОРЕЕЙ.

(33 г. до Р. Х.)

Осенью 33 года до Р. Х., иностранный корабль прибылъ къ берегамъ провинціи *Нагато*, на западной оконечности острова Ниппона. Начальникъ, украшенный на лбу рогомъ, назвалъ себя сыномъ короля великаго народа *Кара* (Ову-Кара-кюни); имя его было *Цюнюга арази*. Иностранцы продолжали переходить отъ мыса къ мысу, вдоль сѣвернаго берега Ниппона, и остановились наконецъ въ бухтѣ *Кефи*, нынче *Цюрюга*, въ провинціи *Ятсицень*, гдѣ и оставались до 28 года до Р. Х. Когда они приготовились пуститься въ обратный путь, имъ приказано назвать свою страну по имени *микадо*, который умеръ за три года передъ тѣмъ; они повиновались, и земля ихъ назвалась *Маханъ* (*Миманъ*).

Махань находилась на юго-западъ отъ Синь-го и на юго-востокъ отъ Боцзи. Эта страна составляетъ нынѣшній округъ Циншанъ (*Къёнъ шанъ*), простирающійся дней на шесть пути къ югу и западу отъ рѣки Цзинь цзянь или Си цзянь (*Самланканга*), впадающей въ море близъ Цзинь хай (*Кум-гаи*), и обнимаетъ также земли городовъ Цзинь хай (*Кум-гаи*), Сянь янь (*Цъянъ юёнъ*), Цинъ чжеу (*Цин-цю*), Сюнь чуань (*Съёнъ-цю*) и Шанъ чуань (*Съянъ-цю*).

Въ Синьло однакожь не было заблаговременно извѣстно, что произошло между Арази и Японцами, что они захватили сто кусковъ красной шелковой матеріи, которые микадо назначалъ въ подарокъ миманскому королю. Продолжительная война была слѣдствіемъ этого грабительства.

Весною 27 года до Р. Х., Японцы увидѣли другое небольшое судно, прибывшее изъ Синьло; оно пристало въ провинціи *Галима*. *Аmano Фибоко*, начальникъ экипажа, объявившій себя сыномъ синьлоскаго короля, привезъ семь подарковъ для микадскаго короля; они состояли въ дорогихъ каменьяхъ, въ небольшой саблѣ, каменныхъ копьяхъ, зеркалахъ и въ жертвенномъ снарядѣ *кюmano фимороги*. Какъ онъ желалъ основать поселеніе, то ему уступили деревни *Идеза* и *Зизава*, одну въ провинціи *Галимъ*, а дру-

гую на островѣ *Авадзи*; но онъ просилъ, чтобы правительство предоставило ему самому выбрать мѣсто; просьба его была уважена, и онъ поднялся вверхъ по рѣкѣ *Иодогавъ* до страны *Оми*, гдѣ и поселился въ деревнѣ *Анѣ*. Потомки синьоскихъ колонистовъ оставались въ этой странѣ и составили, въ 720 г. по Р. Х., сословіе фарфоровыхъ мастеровъ; самъ государь посѣтилъ страну *Тациму* и женился тамъ на Японкѣ.

Отсюда видно, что двумя описанными путешествіями, безъ сомнѣнія, открылись сношенія Японіи съ материкомъ, но при этомъ не было никакихъ посольствъ съ изъявленіемъ подданства, какъ говорятъ позднѣйшіе японскіе историки.

Японцы не дѣлали уже никакихъ другихъ попытокъ для составленія новыхъ связей съ сѣверомъ. По крайней мѣрѣ, лѣтописи ничего подобнаго не говорятъ, а представляютъ только списокъ потомковъ государя, которые, въ качествѣ хранителей рѣдкостей, собранныхъ ими и почитавшихся произведеніями геніевъ, производили сильное впечатлѣніе во всей странѣ и отовсюду привлекали народъ въ *Тациму*, до 59 г. по Р. Х., когда микадо приказалъ передать эти сокровища къ своему двору. Спустя два года, *Тацима-мори*, отрасль этого рода, былъ посланъ въ страну вѣчнаго лѣта и весны (по яп. *Токо іоно*

куни), для отысканія ароматическихъ, безпрерывно возрождающихся яблоковъ (по яп. Токи сикуну какуми). Онъ возвратился черезъ десять лѣтъ (въ третьемъ мѣсяцѣ 71 года) и доставилъ въ Японію оранжевое яблоко (яфо я каке). Фамилія Ми яке (три дома) почитаетъ его своимъ прѣдкомъ.

Какую же страну должно разумѣть подъ названіемъ: страна вѣчнаго лѣта и весны? Объ этомъ вопросѣ мнѣнія самихъ Японцевъ разнорѣчивы; одни говорятъ, что это Китай, другіе указываютъ на Синьло, забывая, что апельсины вовсе не растутъ въ Корей. Какъ бы то ни было, это происшествіе не имѣло политическихъ слѣдствій, и Японцы упустили даже случай приобрѣсть нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о чужомъ краѣ, потому что Тацума-мори, въ отчаяніи, что возвратился уже послѣ смерти микадо, закололся на его гробницѣ.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ЯПОНЦЕВЪ ВЪ СИНЬЛО.

(200 г. по Р. Х.)

Сношенія Японіи съ Кореей, если судить по молчанію лѣтописей, до начала III вѣка, ограничивались двумя путешествіями, въ 33 и 27 г. до Р. Х. Правда, что только за 80 лѣтъ до Р. Х., слѣдовательно задолго до

появленія кораблей карійскаго народа, искусство мореплаванія въ Японіи развилось въ такой степени, что не представлялось уже затрудненій вступать въ сношенія съ отдаленными странами; но тѣмъ же повелѣніемъ микадо, которымъ настоятельно предписывалось Японцамъ строить суда, стѣснялись обычныя сношенія между прибрежными жителями. Въ этотъ промежутокъ времени, юго-западная часть Японіи, т. е. островъ Кіузіу (Ксимо), оставалась ли постоянно чуждою въ отношеніи къ заморскимъ народамъ? Этотъ вопросъ нельзя рѣшить; лѣтописи молчатъ о немъ.

И точно въ тѣ отдаленныя времена, Кіузіу (Ксиму), такъ же независимый отъ династіи Ямато, какъ и горныя страны на сѣверѣ Ниппона, укрылся, подобно имъ, отъ историческихъ изслѣдованій. Все, что сохранилось объ этой эпохѣ въ изустныхъ преданіяхъ, относится почти исключительно къ дѣйствіямъ династіи, господствовавшей во внутреннихъ странахъ Ниппона.

Только въ 82 г. по Р. Х., когда микадо предпринялъ покореніе Кіузіу (Ксимо), нѣкоторый свѣтъ сталъ разливаться на населеніе этого острова. Одно независимое и воинственное племя, *Кюмаозо*, занимало пространство отъ середины острова до юго-западной его оконечности, которое составляетъ нынче

провинцію *Фуго*; они упорно защищались противъ притѣсненій династіи микадо. Слѣды этой борьбы замѣтны до конца X вѣка, когда *Кюмаозо* снова возстали поголовно и отразили войска микадо, посланные для поддержанія его притязаній. При этомъ случаѣ, сопротивленіе ихъ было тѣмъ упорнѣе, что они находились въ союзѣ съ *Синьло* и энергически поддерживались этимъ королевствомъ. Микадо *Цуаи* съ войскомъ вступилъ въ *Цукузи*, сѣверную часть *Кіузіу* (*Ксимо*). Между тѣмъ, какъ онъ готовился начать войну съ *Кюмаозо*, одинъ изъ министровъ составилъ предположеніе потушить возстаніе при самомъ началѣ, перенеся театръ войны во владѣнія государства *Синьло*. Чтобы побудить государя рѣшиться на это, его юная супруга, *Окинага - Таразифиме*, прибыла къ войску, и подкрѣпляемая прежними вѣрованіями, по которымъ духи бесѣдовали съ людьми во время сна, она объявила микадо, что по сдѣланному ей во время сна откровенію, *Кюмаозо* не иначе могутъ быть покорены, какъ только когда *Синьло* будутъ наказаны за свою дерзость. Однако микадо отвергъ это предложеніе и пошелъ прямо на бунтовщиковъ; по счастію измѣнило его оружію, и онъ долженъ былъ отступить. Во второй мѣсяцъ 200 г. послѣ Р. X., онъ вдругъ заболѣлъ и умеръ въ одинъ день, какъ говорятъ, отъ

апоплексического удара. Супруга его тотчасъ же вступила въ управленіе, скрыла кончину государя отъ войска и приступила вмѣстѣ съ *Таке уци-сукуне*, прежнимъ полководцемъ и министромъ, къ исполненію своего предположенія. Принесли жертвы и воздвигли храмы въ честь небесныхъ и земныхъ боговъ; потомъ, въ девятомъ мѣсяцѣ, двинули войска въ *Цузиму*. 3 числа десятаго мѣсяца 200 г., флотъ, состоявшій изъ трехъ отдѣленій, отплылъ отъ сѣверной оконечности Ниппона къ берегамъ Синьло; онъ прибылъ безъ всякихъ приключеній въ устье рѣки Цзинь-цзянь (*Самеганганга*), и вошелъ во внутренность страны. Историки разнорѣчатъ въ мѣстностяхъ, сопровождалась ли эта высадка непріязненными дѣйствіями, или Японцы покорили землю безъ боя, какъ обѣщаль Kami; но они согласны въ томъ, что синьлоскій король призналъ надъ собою власть побѣдителей и обѣщаль платить ежегодную дань. Гаолійскій и боцзискій владѣльцы, зная силы непріятеля и невозможность имъ противиться, добровольно подчинились его власти. Японцы оставили генерала *Огоядане сукуне* съ гарнизономъ въ Цзинь-ченѣ (*Кинчингъ* мѣдная цитадель) и возвратились въ свое отечество, обогащенные добычею. Между тѣмъ, 24 числа двѣнадцатаго мѣсяца, государыня

произвела на свѣтъ сына, который по смерти матери вступилъ на микадскій престолъ.

Героиня этой экспедиціи по смерти почитается народомъ подъ именемъ *Зинъ-гу кво-гу*. Въ 205 году, Синьло послала дань имперіи и возвратила своихъ заложниковъ.

Таковы были главныя дѣйствія во время первой экспедиціи Японцевъ въ Корею. Хотя японскія лѣтописи много распространяются объ этомъ предметѣ, однакоже изъ ихъ рассказовъ остается для исторіи только этотъ простой очеркъ, если освободить его отъ поэтическихъ украшеній. Съ другой стороны легенды ихъ не безъ интереса для изученія древняго поклоненія *ками* и для оцѣнки религіознаго характера этихъ древнихъ временъ. Поэтому, я имъ даю въ этомъ сочиненіи отдѣльное мѣсто.

ПЕРВЫЯ СНОШЕНІЯ ЯПОНИИ СЪ КИТАЕМЪ.

Знакомство съ азійскимъ континентомъ, еще въ царствованіе княгини Зинъ-гу кво-гу (по китайски Бимиху), повлекло за собою сближеніе между Японіею и Китаемъ. Государство Вей (*Гоен*), состоявшее въ то время изъ сѣвера Китая, вскорѣ послѣ японскаго вторженія въ Синьло, выслало своихъ агентовъ къ Санганамъ, для устройства дѣлъ ихъ съ Японіею (см. *Tzjozen mono gatarî*, I.) Эта

страна отправила, въ 239 году, посольство ко двору Вей, который въ 240 году отвѣчалъ другимъ посольствомъ, привезшимъ золотую печать (королевскую) въ футлярѣ изъ пунцовой шелковой матеріи. Эти символы вассальства довольно показывали владычество Китая. Въ 243 году Японія отправила второе посольство изъ восьми человекъ къ той же династіи; а когда въ Китаѣ образовалось Цзиньское государство (въ 265 году), она возобновила добрыя сношенія съ ними, приславъ имъ въ слѣдующій годъ подарки.

На этомъ останавливаются первыя сношенія, которыя можно подтвердить историческими свидѣтельствами. Сношенія Японіи съ государствомъ Хань, съ 57 года по Р. Х., надобно считать сомнительными, потому что о нихъ упоминается только въ одномъ китайскомъ сочиненіи.

Занимаясь розысканіями о первыхъ сношеніяхъ между этими двумя имперіями, мы должны упомянуть о преданіи, которое родилось въ Китаѣ, оттуда перенесено въ Японію, и обогатилось въ послѣдней странѣ комментаріемъ, по которому за 220 лѣтъ до Р. Х. посѣщалъ Японію одинъ Китаецъ или даже цѣлая китайская колонія. Мы говоримъ объ исторіи искателя приключеній Сю-фу, который въ царствованіе Ши-хуанди, въ государствѣ Цинь, выѣхалъ изъ Китая съ тремя

тысячами юношей и дѣвушекъ, для отысканія *травы безсмертія*, на баснословной горѣ Пэнь-зай-шань. Онъ пропалъ безъ вѣсти.

Японцы прибавили къ этому преданію, что Сю-фу вышелъ на берега Ниппона и выбралъ жилищемъ волканъ Фузи. Разсматривая японскую прибавку въ легендѣ, видишь, что въ ней нѣтъ историческаго основанія. Древняя лѣтопись «Ниппонки» не говоритъ о ней ни слова; однакоже такое важное преданіе не могло быть пропущено въ сочиненіи, гдѣ авторъ тщательно собралъ всѣ рассказы о прошедшемъ, еслибъ оно существовало въ его время въ памяти народной. Оно родилось въ Японіи гораздо послѣ;—и гораздо послѣ стали думать, что Фузи—та самая гора, на которой растетъ трава безсмертія. Начали показывать мѣсто, гдѣ жилъ Сю-фу, и для привлеченія народа, построили тутъ храмъ. Скоро и другія мѣста стали присвоивать себѣ ту же честь. Явилась одна соперница горѣ Фузи въ Кумано, въ провинціи Кю, и другая въ Анудѣ, въ провинціи Овари; потомъ появилось еще нѣсколько другихъ, и скоро это имя распространилось на всѣ заколдованныя горы. Въ то же время и Китайцы, на основаніи своей книги *Шаньхай-цзинь*, искали у себя, на своихъ берегахъ, фантастическую гору и принимали за жилище своего искателя приключеній то островъ

въ Пекинскомъ Заливѣ, то островъ на югъ отъ Шань-Дуна (*).

Можно ли имѣть малѣйшее довѣріе къ сказанію, которое невѣрными шагами бродить по берегамъ Японіи и по Китаю? Ниппонъ-во-даи-ици-ранъ упоминаетъ о ней только какъ о преданіи (**).

Японская энциклопедія объявляетъ эту басню недостойною вѣроятія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Это преданіе распространилось постепенно по разнымъ мѣстамъ; но, не будучи основано на историческомъ доказательствѣ, должно быть отброшено со всѣми его послѣдствіями». (См. Япон. Энцикл. LVІ, стр. 12 и 15).

По этому мы не имѣемъ нужды занимать-ся выводами японскихъ антикваріевъ, кото-

(*) Въ *Шаньхай-цзинь* (Томъ XII, по японскому изданію) описываютъ эту несуществующую гору, какъ неприступную и окруженную морями; на ней живетъ пустынный, удалившійся отъ свѣта. Дворцы и дома тамъ золотые и брилліантовые; птицы и звѣри бѣлы какъ снѣгъ. Издали она кажется облакомъ. Находится она въ Бохаѣ.

(**) Вотъ вѣрный переводъ этого мѣста, неправильно переведеннаго Клапротомъ (стр. 5): «Въ царствованіе микадо Корея, нѣкій Сю-фу прибылъ въ Японію, какъ говоритъ преданіе, для отысканія лекарственной травы противъ смерти, и жилъ на горѣ Фузи. Однакоже, и въ Кумано, въ провинціи Кю, есть Сю-фуно-лэиро, то есть, храмъ, посвященный памяти Сю-фу».

рые укрѣляютъ, что въ то же время привезены въ Японію элементы китайской литературы, и между прочимъ книги императоровъ Уди и Сань-Хуанъ. Каковы бы ни были сношенія Японцевъ съ Срединною Имперіею до второй половины третьяго вѣка, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ развитія ученаго духа японской націи до той эпохи, когда въ Японіи явилось китайское письмо.

(246 г. 3-й мѣсяцъ). Японія требуетъ дани съ Пеци или Боцзи и съ Синры или Синьло. Японскій генералъ Симано-Сукуне посланъ въ страну Токшу, гдѣ король Макинъ-канки объявляетъ ему, что назадъ тому два года, три довѣренныя лица отъ короля Боцзи пріѣзжали къ нему узнавать про дорогу въ Японію, потому что король ихъ хотѣлъ доставить подарки этой имперіи; но онъ (*Макинъ*) не могъ удовлетворить ихъ, почему и отправка подарковъ отложена до прибытія японскаго корабля. Повѣренный генерала Симано-Сукуне ѣдетъ въ Боцзи, съ туземцемъ изъ Токшу, по имени Кирако. Король ласково принимаетъ его и даритъ ему пять кусковъ разной шелковой матеріи, лукъ изъ рога съ стрѣлами и сорокъ полосъ желѣза; и обѣщаетъ прислать подарки, приготовленные для микадо. Япон-

скій посолъ возвращается къ начальнику своему и вмѣстѣ ѣдутъ въ Японію (См. *Шиппонки*, IX, 15 и 16).

(247 г. 4-й мѣсяцъ). Три довѣренныя лица отъ Боцзи пріѣзжаютъ въ Японію, въ одно время съ посольствомъ изъ Синьло, котораго подарки драгоцѣннѣе. *Кути* (повѣренный отъ Боцзи) оправдывается слѣдующимъ разсказомъ: Боцзи, заблудившись, попали въ *Сам-Синра* (восточную Синьло), гдѣ жители посадили ихъ въ тюрьму. Продержавъ въ тюрьмѣ три мѣсяца, хотѣли умертвить заключенныхъ; но они подняли глаза къ небу и произнесли такія страшныя заклинанія, что испуганные враги оставили ихъ въ живыхъ; взяли себѣ только подарки, а въ замѣнъ ихъ дали предметы неважной цѣны. *Кути* прибавляетъ, что онъ долго не рѣшался сдѣлать такое признаніе, потому что повѣреннымъ Боцзи угрожали кровавою местью, если они разскажутъ о случившемся.

Цикума Нагафико ѣдетъ въ Синьло, по приказанію микадо, изслѣдовать это дѣло и наказать виновныхъ (*Шиппонки*, X, 16, 17).

(249 г. 3-й мѣсяцъ). Японскіе генералы, *Ареда-Ваке* и *Кага-Ваке*, получаютъ приказаніе предпринять экспедицію въ Синьло, куда съ ними отправится *Кути* съ товарищами въ качествѣ проводника. Прибывъ въ *Ток-си*, они находятъ помощь, тысячу воиновъ

изъ Боцзи подѣ начальствомъ Мокра-Конзи и Саза-Доза. Увидавъ такую силу, король предлагаетъ японскимъ генераламъ миръ; но тѣ нападаютъ на его войско и разбиваютъ его; послѣ чего онъ уступаетъ семь провинцій: Бицибонъ, (Кю), южную Кара, Токъ, Ара, Тара, Токшу и Кара. Побѣдители проходятъ по западнымъ провинціямъ до порта Куи (Кои), и на югѣ разбиваютъ свободное племя, Тонбитаръ, и землю ихъ отдаютъ жителямъ Боцзи. Въ Кои къ Японцамъ присоединился король Пеци съ своимъ войскомъ; четыре большія общины, *Бибби*, *Бетшу*, *Бобики* и *Банко*, добровольно покорились ему, и онъ отправился къ себѣ съ своими союзниками (См. *Ниппонки*, IX, 17, 18; и *Японск. Энцикл.* XIII, 11). На вершинѣ горы Бекимури, въ Боцзи, они взаимно поклялись въ дружбѣ, а когда поднялись на большой утесъ, который возвышался надъ Кузой, король повторилъ клятву въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Еслибъ мы сѣли на дерево или на траву, то можно бы опасаться, что со временемъ одинъ погибнетъ отъ огня, другой будетъ унесенъ водою. Вотъ почему я выбралъ эту неразрушимую скалу, которая не страшится силы времени. Да будетъ она символомъ нашего союза: царство мое всегда будетъ называться западнымъ сосѣдомъ Ниппона и посылать ему подарки ежегодно».

Цикума Нагафико былъ удостоенъ особенныхъ почестей въ столицѣ, а потомъ его проводилъ Кути. (Ниппонки, IX, 18).

(250 г. 2-й мѣсяцъ). Ареда-Ваке возвращается съ своимъ войскомъ въ Японію; въ пятый мѣсяцъ пріѣзжаютъ Нагафико и Кути, который получаетъ множество подарковъ отъ двора, а король его получаетъ въ собственность дворецъ Таза. Японія учреждаетъ почты, для облегченія сношеній, и заводитъ перевозъ переписки посредствомъ лошадей и гостинницъ (Ниппонки, IX, 18 ч, 19 г.)

Японская Энциклопедія (Томъ XIII, 2), передавъ вышеприведенное мѣсто почти слово въ слово, прибавляетъ: «Также учредили въ провинціяхъ Кары правительство съ королевскими магазинами (гунъ-цанъ), подъ предсѣдательствомъ маханскаго короля. Семь провинцій, которыя поименованы выше, равно какъ и Били, Бецу, Бобики и Банко, превращены въ управленія и присоединены къ владѣніямъ Маханя.

(251 г. 3-й мѣсяцъ). Кути опять является къ японскому двору съ подарками. Цикума Нагафико провожаетъ его въ качествѣ посланника, въ Боцзи. Они возвращаются въ Японію въ 9-й мѣсяцъ 252 года; Кути возитъ отъ имени своего короля, между прочими вещами, саблю и зеркало. (Ниппонки, IX, 19).

(255 г.) Смерть короля Боцзи, по имени *Пойку* (по китайски *Бэй-го-ванъ*). Сынъ его *Кизу* вступаетъ на престолъ въ слѣдующемъ году. (Ниппонки, та же страница).

(262). Синьло ссорится съ Японцами; они рѣшаются предпринять экспедицію въ эту страну. Синьлосцы посылаютъ на встрѣчу японскому генералу *Озоцу-Фико* двухъ прекрасныхъ дѣвъ, которыя уговариваютъ его остановиться. Онъ обращаетъ оружіе на одно племя, живущее въ Кара, котораго король, *Кобонъ Канси*, бѣжитъ въ Боцзи, съ Бакути, Акичи, Кузари, Ирамась, Низинча и всей своей свитой. Но *Китенчи*, сестра короля, обращается лично съ просьбою къ японской принцессѣ, и Мокра-Конси приходитъ съ новымъ войскомъ собирать разбѣжавшееся племя и возвращаетъ ему геніевъ страны и плодовъ, то есть, землю. *Озоцу-Фико*, не смѣя возвратиться въ Японію, умираетъ въ добровольномъ изгнаніи.

(*Пецики*, цитата въ Ниппонки, IX, 20.)

(264 г.) Смерть *Кизу*, короля Боцзи. Ему наследуетъ сынъ его *Танру* и умираетъ въ слѣдующемъ году, оставивъ престолъ малолѣтнему сыну *Аква*. *Синси*, дядя *Аквы*, похищаетъ королевскую власть и разрываетъ союзъ съ Японіей. Онъ не изъявляетъ почтенія *Возину*, наследнику княгини *Зингу*, по вступленіи его на престолъ (въ 270); по

этому новый микадо посылаетъ въ Боцзи генерала Кицуно-Сукуне съ войскомъ (въ 277 году). Для сохраненія мира, жители Боцзи убиваютъ похитителя и отдаютъ престолъ по согласію съ Японцами, законному наслѣднику Аквѣ, который принимаетъ титулъ *Кьюсу-ванъ*. (Ниппонки, IX, 20, 21; X, 2.)

Японія, этимъ дѣйствіемъ, утвердила политическое свое вліяніе на дѣла Санъхавъ, которые подпали подъ власть Возина до такой степени, что приняли отъ него государственное уложеніе и отдались подъ управленіе иностранцевъ. (Ниправъ, I, 13.)

(266.) Японское посольство къ династии Цзинь.

(276.) Осенью этого года, по приказанію микадо, въ Японіи употребляютъ жителей Гаоли, Боцзи, Махана и Синьло, для рытія колодца, который называется *Кара-удано-ике* (колодецъ людей Кары). Уже въ 272 году употребили на такое дѣло людей, жившихъ на сѣверѣ Ниппона; они же построили дорогу Мумая - сака. (Ниппонки X, 3. — Ниправъ I, 13.)

(277 г. 3-й мѣсяцъ.) Жители Боцзи пріѣзжаютъ въ Японію. Это посольство, подъ предсѣдательствомъ *Тоги*, сына короля, просило о возвращеніи нѣкоторыхъ провинцій, отнятыхъ у Боцзи, какъ-то: *Кеннанъ*, *Сизинъ*, *Кона* и *Тонбитаре*. (Ниппонки, X, 4.)

(283.) Боцзи присылаетъ двухъ швей, по имени Макецъ; онѣ основываютъ цехъ портныхъ для придворной одежды при дворѣ микадо. Въ томъ же году прїѣзжаетъ изъ Боцзи князь Юци; онъ везъ съ собой болѣе ста своихъ соотечественниковъ, но ихъ задержали Синьлосцы. Тотчасъ послали на помощь къ нимъ Озоцу-Фико, и когда онъ не воротился черезъ три года, то отправили войско, осенью 285 года, для избавленія его изъ плѣна. Король синьлоскій, видя, что границы его безъ защиты, освободилъ плѣнниковъ, и войско возвратилось въ Японію съ Озоцу-Фико и съ товарищами князя Юци. (Ниппонки, X, 7 и 8.)

(284.) Введеніе китайскаго письма въ Японію.

Король Боцзи присылаетъ къ микадо сына своего, *Атоси*, съ упряжными лошадьми. Молодой принцъ *умѣлъ читать*; японскій наслѣдникъ престола научился читать отъ него. Когда микадо спросилъ у него: есть ли люди ученѣе его, — онъ назвалъ нѣкоего *Ванг-сина*, за которымъ микадо тотчасъ послалъ въ Боцзи. Атоси былъ первый въ Японіи, понимавшій письмо. Во второй мѣсяцъ слѣдующаго года, прибылъ Ванъ-синъ и былъ первымъ учителемъ писанія въ Японіи. (Ниппонки, X, 7 и 8.)

Ниппонки ограничивается этимъ коротень-

кимъ разсказомъ; новѣйшіе же историки входятъ въ нѣкоторыя подробности. По мнѣнію ихъ Атоси привезъ китайскія сочиненія *Цзинь* и *Шань-хай-цзинь*, также *Сяо-цзинь* и *Лунъ-юй*, принадлежавшія къ собранію конфуціевыхъ сочиненій, а учитель его Ванъ-синъ познакомилъ Японцевъ съ книгою *Цянь-цю вень*. Последняя книга принадлежала къ эпохѣ Хань-чжанъ-ди (*Гангъ-чангъ-ти*). (Отъ 76 до 88 г. послѣ Р. Х.)

Это показаніе Ниппонки, подтвержденное другими авторитетами, доказываетъ, что китайское письмо и литература распространены въ Японіи Ванъ-синомъ, и что прежнія сношенія имперіи съ азійскимъ материкомъ остались безъ послѣдствій въ этомъ отношеніи. Въ другомъ мѣстѣ займемся разсмотрѣніемъ вопроса объ увѣреніи японскихъ ученыхъ, будто новое китайское письмо только замѣнило древнее народное японское. Числа, собранныя самими Японцами, и примѣчанія ихъ къ лѣтосчисленію покажутъ намъ, точно ли въ это время Корейцы опередили соседей своихъ, Ниппонцевъ, въ умственномъ отношеніи?

Искусство писать не было еще извѣстно на полуостровѣ, когда Ванъ-синъ явился въ Японію. Ванъ-синъ былъ Китаецъ по рожденію; онъ происходилъ отъ Гао-ди (*Као-ти*), основателя династіи Хань (*Гань*), и

незадолго до того поселился въ Боцзи. Ученіе его, въ этомъ государствѣ, какъ и въ Японіи, ограничивалось небольшимъ кругомъ, Дворомъ. Прошли цѣлые сто лѣтъ прежде чѣмъ народъ, совершенно незнавшій письма, началъ учиться китайскому и взялся за кисть. Только въ 374 году, когда король боцзискій наименовалъ Китайца *Гаосинъ* докторомъ, начали распространяться книги вмѣстѣ съ ученіемъ Кун-фу-цзы (Конфуція), а черезъ десять лѣтъ, вошелъ и буддизмъ. Въ 372 году, письму начали учить въ первый разъ въ Гаоли, въ одно время съ буддизмомъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ исторія Кореи.

«Во второй годъ царствованія *Сяо-шеуэана*, короля Гаоли (то есть, въ 372 годъ по Р. Х.), Цзянь-вэнь-ди (*Фу-киенъ*), король цзиньскій, прислалъ въ Гаоли буддистскаго жреца *Шунь-дао* (*Шюн-тао*), съ буддистскими книгами и изображеніями. Молодые люди учились по этимъ книгамъ и такимъ образомъ ввелся буддизмъ въ Гаоли. Въ то время учредили академіи *Дагю* (*тагю*) для образованія юношества.»—«Начало образованія, замѣчаетъ авторъ этого извѣстія, наступило довольно поздно, черезъ четыре вѣка послѣ основанія государства; однакоже Синьло оставалась еще дольше въ невѣжествѣ, и по этому можно заключить, что хотя мы и получили изъ Боцзи наше письмо

и нашихъ учителей, однакоже науки распространились у Японцевъ скорѣе, чѣмъ у Санъханъ. Жители Боцзи имѣли такого человѣка, какъ Ванъ-синъ, но не наследовали его знанія; король ихъ, знавшій этого ученаго, позволилъ ему уѣхать по просьбѣ Японцевъ. Знать вещь и не пользоваться ею — доказываетъ равнодушіе.»

(285.) Микадо возводитъ Атоси на престолъ Боцзи, оставшійся свободнымъ послѣ смерти отца его, и даетъ ему въ удѣлъ крѣпости *Капра*, *Каопанъ* и *Ниринъ*, принадлежащія къ восточной Кара. (Ниппонки, X, 8).

(289, 9 мѣсяцъ.) Китайцы поселяются въ Японіи. То были два начальника семействъ, *Оши* и *Тукіа*, которые искали убѣжища съ своимъ потомствомъ (съ семнадцатью людьми) и основали японо-китайскій кланъ, названный *Аяндо* или *Аябъ*. (Ниппонки, X, 9.)

(294.) Смерть Атоси, короля Боцзи. Малолѣтній сынъ его, *Куризи*, наследуетъ ему, подъ опекою Японца *Мокманчи*, котораго микадо отзываетъ за безчеловѣчные поступки. *Мокманчи* былъ сынъ того *Мокра-конси*, который въ 249 году совершилъ экспедицію въ Синьлѣ и женился въ этой странѣ. Изъ Маханя, гдѣ его уважали за заслуги отца, *Мокманчи* прибылъ въ Боцзи, а оттуда перѣхалъ въ Японію, гдѣ и получилъ управленіе королевствомъ Боцзи. (Ниппонки, X, 11.)

(297, 9 мѣсяцъ.) Гаолійскіе послы привозятъ къ микадо письмо, которое наследный князь разрываетъ въ ихъ присутствіи, отказываясь отвѣчать, потому что оно начиналось словами: «*Гаоли-ванъ-цзяо Ниппонъ-е* (король Гаоли приказываетъ Японіи). (Ниппонки, X, 11.)

(306.) Оба начальника китайскихъ семействъ, прибывшихъ въ 289 году для поселенія въ Японіи, посылаются въ страну Куръ (Ю), за швеями. Они проѣзжаютъ черезъ Гаоли, гдѣ король даетъ имъ двухъ проводниковъ, Куреба и Курези. Король Ю отдаетъ въ ихъ распоряженіе двухъ швей (*нуи-фиме*) и двухъ женщинъ, умѣющихъ ткать (*куреватори-фиме* и *аяватори-фиме*), съ которыми послы возвращаются въ Японію во 2-й мѣсяцъ 310 года. Одна изъ этихъ Китайнокъ остается въ Цукузи; другія ѣдутъ въ Муко, близъ Огозаки, и здѣсь распространяютъ чужеземное искусство ткать. (Ниппонки, X, 12, 14.—Япон. Энцикл. XXXVI, 1.)

(308, 2-й мѣсяцъ.) Одна изъ женъ покойнаго короля Боцзи поселяется въ Японіи, съ семью невольницами.

(323.) Синьло высылаетъ дань и получаетъ подарки.

(324, 7-й мѣсяцъ.) Гаоли даритъ Японіи щитъ и желѣзную цѣль. Микадо даетъ посламъ пиръ въ даири, на которомъ въ щитъ

и цѣль стрѣляютъ стрѣлки и попадаетъ стрѣлой начальникъ конюховъ. (Ниппонки, XI, 9, 10.)

(329, 9-й мѣсяцъ.) При требованіи дани, Синьло подноситъ, въ числѣ другихъ подарковъ, тысячу четыреста шестьдесятъ кусковъ шелковой матеріи и восемьдесятъ сосудовъ. (Ниппонки, XI, 11.)

(347.) Синь-сяо-гу-ванъ вступаетъ на престолъ Боцзи. (Въ Японской Энциклопедіи онъ называется Тунъ ку-тунъ-кіенъ, XV, 38.)

(353, 3-й мѣсяцъ.) Кицуно-сукуне отправляется въ Боцзи, раздѣляетъ королевство на провинціи и округа, и высчитываетъ его доходы. Сакено-кими, внукъ короля Боцзи, оскорбляетъ этого комиссара и высылается въ Японію; но микадо милуетъ его и призываетъ къ своему двору. Тамъ онъ распространяетъ въ 255 году соколиную охоту, какъ она была извѣстна въ его отечествѣ, обучаетъ сокола, подареннаго микадо, и беретъ съ собой на охоту эту птицу, несетъ ее на рукѣ, навязавъ ей на ногу кожаный ремешекъ, и на хвостъ колокольчикъ. (Ниппонки, XI, 19.)

(364, 5-й мѣсяцъ.) Микадо отправляетъ армію въ Синьло, которая не заплатила дани. Синьлосцы ждутъ Японцевъ за окопами; но перемѣтчикъ объявляетъ объ ихъ слабо-

сти; непріятельская конница бросается на нихъ и разбиваетъ. (Ниппонки, XI, 20.)

(370, 10-й мѣсяцъ.) Въ Японію пріѣзжаютъ послы изъ государства Ю (?) и Гаоли. (Ниппонки, XI, 21.)

(372.) Въ Гаоли появляется буддизмъ.

(384.) Буддизмъ проникаетъ въ Боцзи.

Во второй годъ царствованія Сю-шеу, короля Боцзи (то есть 384 г. послѣ Р. Х.) индійскій жрецъ (*Гу-сянь*) Марананда или Молонанто прибылъ изъ королевства Цзинь въ Боцзи; онъ былъ призванъ ко двору и снискалъ всеобщее уваженіе. Первый буддистскій храмъ, куда помѣстили десять жрецовъ, построенъ черезъ годъ, на горѣ Хань-шань.

(414, 8-й мѣсяцъ.) Медикъ, призванный изъ Синьло, вылечиваетъ микадо, который отпускаетъ его съ подарками.

(429.) Казури вступаетъ на престолъ Боцзи Историческое его имя—*Голо-ванъ*.

(453.) По полученіи извѣстія о смерти микадо Иякію, случившейся въ первый мѣсяцъ этого года, Синьло высылаетъ подарки и восемьдесятъ музыкантовъ, которые, прибывъ въ Цузиму и Цукузи, издають страшные вопли. Выйдя на берегъ въ портъ Нанива (въ Огозакѣ), всѣ они носятъ бѣлую одежду; заплативъ дань, идутъ, съ инструментами въ рукахъ, въ Міяко; въ этотъ перекодъ шныре плачутъ и кричатъ, другіе по-

ютъ и пляшутъ. Такъ входятъ они въ траурную залу, гдѣ выставленъ трупъ покойнаго микадо въ императорской одеждѣ. Музыканты остаются въ столицѣ до окончанія похоронныхъ церемоній, и уѣзжаютъ въ одиннадцатомъ мѣсяцѣ. (Ниппонки, XIII, 12.)

(461.) Казури, король Боцзи, отправляетъ въ Міяко младшаго брата своего Консикки, для примиренія съ микадо Юліякомъ (въ 458 году). Консикки проситъ Казури уступить ему супругу, которую и везетъ въ Японію. Во время переѣзда, близъ острова Цукузи, она родитъ мальчика, котораго отправляетъ къ отцу его, и слѣдуетъ въ Міяко за новымъ супругомъ. Мальчикъ названъ *Сѣомъ-киси* (каравайское имя, которое значитъ князь острова).

(462.) Посольство отъ королевства Ю. (Ниппонки, XIV, 11.)

(463.) Микадо Юліякъ отдаетъ князю Дазадекиби въ управленіе Маханъ или Миману. Даза переходитъ на сторону Сильдосцевъ, которые въ то время воевали съ Японцами, потому что не поздравили микадо со вступленіемъ на престолъ. Анекими и Вотэкими, сыновья бѣглеца, отправлены съ войскомъ противъ Сильдо. Они прибыли въ Боцзи, но послѣ однодневнаго перелома, возвратились назадъ, испугавшись угрозы генія (*юнацу-ками*), который, принявъ видъ старухи, загородилъ

имъ дорогу и сказалъ, что если они пойдутъ впередъ, то всякій день вечеромъ будутъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ находились по утру. По этому японскіе князья занялись только второю цѣлю посольства, совершенно мирною: вывезти изъ Боцзи работниковъ и артистовъ. Мастеровой, по имени *Куонъ-инъ-чи-ли*, происходившій отъ западныхъ *Низино-ая* или *Ханъ (Ганъ)*, слѣдовалъ за арміею и вербовалъ выбранныхъ людей. Онъ собралъ значительное ихъ число на большомъ островѣ близъ берега, куда Вотокими пришелъ съ своими. Противные вѣтры, въ продолженіе нѣскольکو мѣсяцевъ, мѣшали имъ воротиться въ Японію. Между тѣмъ Даза интригами старался оторвать сына отъ Японіи и удержать въ Боцзи, пока самъ будетъ держаться въ Маханѣ. Вотокими уступилъ просьбамъ отца; но дѣло не удалось, по коварству его супруги, которая убила его тайно, изъ желанія видѣть отечество. Армія оставалась на островѣ до того времени, пока микадо не узналъ объ этомъ происшествіи и не прислалъ за нею кораблей.

Новая колонія работниковъ, состоявшая преимущественно изъ гончаровъ и принадлежавшая къ китайскому цеху въ Боцзи, вышла на берегъ въ *Фиро-цуно-мура*, гдѣ бѣольшая часть этихъ людей погибла отъ эпидемическихъ болѣзней. Упѣлѣвшихъ присоеди-

нили къ существовавшимъ уже цехамъ иностранныхъ работниковъ, называвшихся *Ямато-ая* (восточный хань); всѣхъ перевезли въ общины Ками-Момобара, Симо-Момобара и Маза-Момобара. Въ числѣ этихъ мастеровъ находились также ткачи шелковыхъ матерій, сѣдельники и живописцы. (Ниппонки, XIV, 12, 14.)

(464, 2-й мѣсяцъ.) *Музано-Сукури-Аво* ѣздилъ въ Ю въ качествѣ японскаго посла, въ сопровожденіи ученаго мужа, и воротился оттуда въ девятый мѣсяцъ 466 года, съ подарками, состоявшими изъ двухъ ручныхъ гусей; когда гуси вышли на землю Цукузи, собака бросилась и заѣла ихъ. Дѣло доложили микадо, и хозяинъ собаки отдалъ въ вознагражденіе десять дикихъ гусей и нѣсколькихъ сторожей. (Ниппонки, XIV, 14, 20.)

Война вспыхнула между Синьло и Гаоли. Оба государства составили оборонительный союзъ противъ Японіи, и поэтому въ Синьло вступили гаолійскіе солдаты. Но король синьлоскій скоро замѣтилъ, что хотятъ завоевать его государство, и приказалъ въ одну ночь избить всѣхъ Гаолійцевъ. Тотчасъ Гаоли заняли синьлоскую крѣпость. Синьло попросила помощи у маханьскаго губернатора, который осадилъ укрѣпленіе, и черезъ десять дней овладѣлъ имъ, прорывъ въ него

подземный ходъ, черезъ который японское войско вошло въ крѣпость и истребило неприятелей. (Ниппонки, XIV, 14, 15.)

(465.) Микадо Юліякъ предпринимаетъ, весною этого года, походъ въ Синьло. Японская армія отнимаетъ у Синьлосцевъ землю *Токъ* (въ Маханѣ), даетъ нѣсколько битвъ, лишается главнѣйшихъ начальниковъ и, когда раздоръ появился въ ея рядахъ, возвращается въ Японію, безъ всякаго результата. Юліякъ хотѣлъ лично управлять этою экспедиціею, но геній отклонилъ его отъ этого намѣренія. (Ниппонки, XIV, 17.)

(467, 7-й мѣсяцъ.) Выходецъ изъ страны *Ю* поселяется въ Японіи. Имя его *Гу-Синъ*.

(468, 4-й мѣсяцъ.) *Музано-Сукура-Аво* отправился въ *Ю* (область Чжили) по приказанію микадо, съ ученымъ изъ *Финокума*, который сопровождалъ ему и въ прежнемъ путешествіи. Онъ привезъ, въ первый мѣсяцъ 470 года, работниковъ, артистовъ и мастерицъ тканья и нивей. Ихъ помѣстили сначала въ *Финокумаю*, потомъ въ *Курено-сара*. *Ками Огомива* женился на одной изъ нивей. Между работниками находились китайскіе архитекторы, которые построили въ Японіи первыя двухъ-этажныя жилища. (Ниппонки, XIV, 21, 23, 24.—Японская Энцикл. т. LXXXI, стр. 8.)

(472.) Въ видахъ покровительства разведе-

нию шелковичныхъ червей, въ Японіи разводять тутовое дерево. Колонисты цзиньскіе (Цинь), разсѣянные по всей имперіи, назначаются къ этой вѣтви земледѣльческой промышленности, и платятъ подать натурой.

(475.) Гаоли ниспровергаетъ власть Боцзи. Зимой года и-мао (475) многочисленная гаолійская армія вторгается въ Боцзи и овладѣваетъ столицей послѣ семидневной осады. Король Голо-ванъ, супруга и дѣти его понадаютъ въ руки враговъ. (Пецики, въ Ниппонкѣ XIV, 27.)

Мы сказали выше, въ обзорѣ исторіи Корейскаго полуострова, что одна вѣтвь павшей династіи возстала на югѣ, въ Синъ-ченъ (Гингцинъ) или *Комман*. На это-то возстановленіе намѣкаетъ слѣдующее мѣсто Ниппонки.

(477, 3-й мѣсяцъ). Узнавъ, что Гаолійцы завоевали Боцзи, микадо отдаетъ *Кума-нари* королю Монсу (*Вэнь-чжеу-ванъ*) въ управленіе, и такимъ образомъ спасаетъ существованіе Боцзи. Монсу, по смерти прозванный *Монконъ*, былъ единоутробный братъ Голована. (Ниппонки, XIV, 27 и 28.)

(479, 4-й мѣсяцъ). По смерти короля Монсу престолъ Боцзи остается свободнымъ; микадо отдаетъ его *Матъ* (*Моя-вану*), сыну того *Кинкизо*, который приѣзжалъ въ Японію въ 461 году,—и при отъѣздѣ Маты на

полуостровъ, даетъ ему военные припасы и пятьсотъ человѣкъ стражи, взятой изъ арміи Цукузи. Историческое имя этого короля Боцзи—*Тунъ-ченъ-ванъ* (король восточной крѣпости). Японское правительство, въ Цукузи, вооружаетъ флотъ противъ Гаолійцевъ; но экспедиція не приводится въ исполненіе, по причинѣ внутреннихъ смутъ и смерти микадо Юліяка, послѣдовавшей въ восьмой мѣсяцъ этого года. (Ниппонки, XIV, 28) (*).

(493.) Два архитектора, Сулки и Толки, призваны изъ Гаоли и основываютъ цехъ въ Нукадо (въ Ямато). (Ниппонки XV, 19. — Япон. Энци. VII, 8).

(502.) Въ Боцзи на мѣсто *Мака* назначается *Сіомкизи*, который принимаетъ титулъ *Унингъ-вана*. (Ниппонки, XVI, 5).

(504, 10-й мѣсяцъ.) *Манакини*, пріѣхавшій посломъ изъ Боцзи въ Японію, удержанъ, подъ предлогомъ, что страна Боцзи не запла-

(*) Сообщаемъ отрывокъ изъ Ниппонъ-во-да-ици-рана, объ отношеніяхъ Японіи къ тремъ царствамъ, потому что онъ неправильно переведенъ Клапротомъ (стр 28): «Непріятельскія дѣйствія вспыхнули между Сяньло, Гаоли и Боцзи; Японія не получала съ нихъ дани. По этому, въ эти государства посланы императорскія войска, для возстановленія порядка. Изъ Санъхановъ только Боцзи остался въ зависимости отъ Японцевъ; другіе два то покорялись, то противились имъ.»

тила дани. Король Боцзи высылаетъ, во 2-й мѣсяцъ 505 года, родственника своего *Сикакими*, для поклоненія микадо. (Нипки, XVI, 5.)

(508, 12-й мѣсяцъ.) Въ Боцзи видятъ въ первый разъ жителей острова *Танра* или *Кельнаарта*. Еще въ 476 году они высылали произведенія своей страны къ *Вань-чеу* или *Вань-чеу-вану*, королю Боцзи. (Японск. Энц. XIII, 19; LXIV, 9.)

(509, 2-й мѣсяцъ.) Послы микадо возвращаютъ въ Боцзи тамошнихъ жителей, которые выѣхали оттуда за нѣсколько времени прежде и жили въ округѣ Ниппонъ, въ *Маханѣ*. (Ниппонки, XVII, стр. 5.)

(512.) Микадо даритъ королю Боцзи сорокъ лошадей изъ *Пукузи*. Боцзи, чрезъ пословъ, проситъ уступить ему четыре округа, *верхній* и *нижній Тару*, *Бата* и *Муру*, входящіе въ составъ *Махани* (*Миманы*), управляемой японскими губернаторами. Но мѣста эти, занятые Японцами на полуостровѣ, весьма важны для Японіи, и потому въ просьбѣ отказано. (Нипки, XVII, 6.)

(513, 6-й мѣсяцъ.) *Танъ-іо-ни* (*Танъ-янъ-эрлэ*), докторъ классической китайской литературы, пріѣзжаетъ въ Японію съ посольствомъ изъ Боцзи, которому поручено принести жалобу микадо на жителей страны *Фанба* (*Панъ-но*), которые отняли у Боцзи

владѣнія *Котонъ* и *Таза*. Микадо присуждаетъ спорныя земли королю Боцзи, въ присутствіи синьоскихъ пословъ. (Ниппонки, XVII, 7.)

(514, 3-й мѣсяцъ.) Жители Фанбы, не успѣвъ купить милости двора въ Міяко богатыми подарками, начинаютъ непріязненныя дѣйствія противъ Японіи и Синьло. Они строятъ укрѣпленія въ Котонѣ и Тазѣ, гдѣ учреждаютъ также стражу и береговые огни. (Нипкн, XVII, 9, 10.)

(513, 2-й мѣсяцъ.) Послы Боцзи возвращаются въ отечество, въ сопровожденіи японскаго комиссара, *Монобе-но-Мурази*. Прибывъ на островъ *Сато* (*Шату*), они узнаютъ о непріязненныхъ дѣйствіяхъ жителей Фанбы. Тотчасъ пятьсотъ японскихъ моряковъ отправляются къ рѣкѣ *Таица*, и поддерживаемые отрядомъ Боцзи, защищаются въ укрѣпленной позиціи до 6-го дня четырнадцатаго мѣсяца, когда весь народъ Фанбы производитъ нападеніе и принуждаетъ Японцевъ бѣжать на островъ *Монмора*. (Нипки, XVII, 10, 11.)

Король Боцзи приказалъ пріютить ихъ въ пятый мѣсяцъ слѣдующаго года, когда они находились вовсе безъ средствъ къ жизни; съ помощію короля, воротились они въ Японію, въ девятый мѣсяцъ; съ ними отправился и посолъ, благодарить микадо за полученіе Котона. При нихъ же ѣхалъ ученый

Китаецъ Гао-нанъ-мю, который отправлялся на смѣну предшественника своего, Танъ-янъ-эрль. (Нипки, XVII, 10, 11.)

(523, 5-й мѣсяцъ.) Смерть У-минъ-вана, короля боцзискаго.

(524.) Минъ (блестящій), сынъ У-минъ-вана, вступаетъ на престолъ. Его королевскій титулъ—Шэнь-минъ-ванъ (мудрый и блестящій.)

(527, 6-й мѣсяцъ.) Японецъ Кемано-Доми, по приказанію микадо, собираетъ войско въ 60,000 человекъ, чтобы идти въ Маханъ и завоевать южную Кару (Арифизино-кара), Токи и Котонъ, захваченные Синьлосцами. Чтобы отразить эту экспедицію, Синьло привлекла на свою сторону Ияви, князя Цукузи, который, давно желая отстать отъ Японіи, ждалъ только случая объявить себя владѣтелемъ Кіузіу (Ксимо). Ияви принялъ подарки и помощь Синьлосцевъ, и вооружилъ жителей Фицена, Фиго, Буцена и Бунгё. Прервали сообщенія Японіи съ Боцзи и съ Маханемъ; грабили и уничтожали ея суда. Микадо послалъ въ Цукузи войско подъ начальствомъ Соанофо; битва завязалась на берегахъ Цукуго-гавы (528 г. 11-й мѣсяцъ); Ияви погибъ. (Нипки, XVII, 12, 13.)

(528.) Буддизмъ проникаетъ въ Синьло.

«Соблюденіе буддистскихъ правилъ началось, въ Синьло, съ пятнадцатаго года пар-

ствованія *Фа-гинъ-вана*, соотвѣтствующаго второму изъ годовъ *Датунъ* лянскаго государя У, и двадцать второму царствованія микадо *Кен-таи*. При королѣ *Нокхи-ванъ*, предшественникъ *Фа-гинъ-вана*, шаманъ *Ме-гуцю* приходилъ изъ Гаоли въ синьлоскій округъ *Ишенна*, гдѣ одинъ изъ туземцевъ, по имени *Маоли*, приготовилъ ему пещеру для жительства. Династія Лянъ прислала королю *Фа-гинъ-ванъ* большое количество благовоній, которыхъ ни имени, ни употребленія никто не зналъ при дворѣ. Шаманъ *Гуцю* сказалъ: «Подожгите ихъ и воздухъ наполнится ароматомъ. Есть умственное и нравственное совершенство, которое выше совершенства геніевъ (*шэнь*) и мудрецовъ (*шэнъ*); къ нему должны вы стремиться. Никогда эти геніи и мудрецы не превосходили трехъ сокровищъ, которыя называются будда, законъ, жречество. Если вы пожелаете чего нибудь при воскурении этихъ благовоній, желанія ваши исполнятся.» Король, въ радости, удостоилъ шамана милостію и подарками (*).» (Япон. Энцикл. XIII, 10.)

(529, 3-й мѣсяцъ). Боцзи просить *Ози-яма*,

(*) Описаніе буддистскихъ государствъ (*Фос-куе-ки*), переведенное съ китайскаго и истолкованное Абелемъ-Ремюза (Парижъ. 1834 г.), содержитъ на 43 стр. переводъ этого отрывка, въ которомъ слова шамана пе-

японскаго губернатора въ нижнемъ Тали, объ уступкѣ порта Таза, принадлежащаго къ землѣ Кара (въ Маханѣ), на томъ основаніи, что корабли Боцзи, везущіе дань въ Японію, не могутъ приставать къ ней удобно. Губернаторъ отдалъ портъ королю Боцзи, а король Кары, тѣмъ болѣе недовольный этою уступкою, что Таза была отдана ему по императорскому приказанію при учрежденіи японскихъ губернаторствъ (*мілке*), соединился съ Синьло противъ Японіи. (Нипк^е, XVII, 14).

Микадо, желая кончить это дѣло мирными переговорами, отправилъ посломъ въ Маханъ (Миману), генерала *Кемано*, который приказалъ построить въ *Арѣ* двухъ-этажное зданіе съ крышею въ видѣ террасы, и въ присутствіи блестящей свиты, сообщилъ прокламацію микадо представителямъ Синьло, южной Кары, Тока и Котона, собраннымъ на дворѣ зданія.

Въ 4-й мѣсяцъ король Маханя, *Кономот-та-уки*, прибылъ въ Японію и объявилъ слѣдующее: «Съ тѣхъ поръ какъ микадо *Фуда* (*Озинъ*) учредилъ губернаторства (мія-

реданы иначе. По нашему мнѣнію, онъ хочетъ показать превосходство ученія Будды надъ ученіемъ Кунфу-цзы, въ которомъ дѣло часто идетъ о *шэнь* и *шэнь*, то есть, о геніяхъ и мудрецахъ.

(Примѣчаніе Зибольда).

ке) въ заморскихъ странахъ, платящихъ дань, короли этихъ странъ не лишились государствъ, но сохранили надъ ними власть, подъ владычествомъ имперіи. А какъ Синьло, не довольствуясь назначенными ей землями, распространяетъ свои границы къ ущербу моему, то призываю микадо на помощь.»

Король уѣхалъ въ томъ же мѣсяцѣ; съ нимъ отправился посолъ съ инструкціями, къ Кемано. Уполномоченный потребовалъ къ себѣ владѣтелей Синьло и Боцзи, но они лично не явились, а прислали представителей. Кемано отпустилъ представителей, сказавъ, что вѣтвь большаго дерева прикасается только къ большимъ деревьямъ, и настаивалъ, чтобы владѣтели лично явились выслушать приказанія микадо. На этотъ разъ явился первый министръ Синьло, *Изифуре-чуки*, съ 3,000 войска. При появленіи его, Кемано удалился въ замокъ *Кози-сикори*, а Синьлосцы стали лагеремъ на равнинѣ *Татара*. Три мѣсяца прошло въ бездѣйствіи. Японцы распустили слухъ, что синьлоскіе воины хотятъ умертвить своего начальника. Изифуро-чуки далъ приказаніе отступать и воротился во-свояси, разграбивъ селенія *Татара*, *Сунара*, *Цита* и *Фици*. (Ниппи, XVII, 15, 17.)

(530, 9-й мѣсяцъ.) Послы Миманы обвиняютъ Кемано въ томъ, что онъ измѣнилъ ихъ судопроизводство и произвольно замѣ-

нилъ судебное слѣдствіе — испытаніемъ посредствомъ кипятка (*цукевію*). Онъ увѣрялъ, что только виновные пострадаютъ, а случилось, что всѣ, подверженные этому истязанію, погибли. Послы объявили, что такое варварство раздражило жителей, и государство находится въ опасности. По этому Кемано получилъ *приглашеніе* явиться въ Міяко; но онъ не повѣрилъ ласковымъ формамъ японскаго правительства и остался съ своими въ замкѣ *Изики-мура* до тѣхъ поръ, пока король Миманы (Маханя) не призвалъ войска изъ Боцзи. Кемано сразился съ нимъ, и отразилъ половину воиновъ Боцзи; но другая половина соединилась съ Синьлосцами и осадила его въ его крѣпости. Въ 10-й мѣсяцъ, отправился курьеръ изъ Маханя въ Японію, и Кемано получилъ *приказаніе* явиться въ Міяко. Онъ умеръ на возвратномъ пути на островѣ Цузимѣ. (Нип^{ки}, 18, 19.)

(537, 10-й мѣсяцъ.) Синьло разожгла войну во всемъ Маханѣ. Микадо посылаетъ сына перваго своего министра, *Канамуры*, управлять Цукузи, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ мѣры противъ вторженія Саньхановъ; другому сыну того же министра, по имени *Сатефико*, поручено возстановить порядокъ въ Маханѣ и прикрыть Боцзи отъ нападеній. (Нип^{ки}, XVIII, 8.—Япон. Энци. XIII. 12.)

(540, 2-й мѣсяцъ.) Житель Боцзи, *Коцубе*,

пріѣзжаетъ въ Ямато и поселяется въ *Яма-муръ*, въ округѣ *Софуно-Ками*; основываетъ тамъ кланъ и даетъ ему свое имя. Въ 8-мъ мѣсяцѣ, соединенные послы отъ Гаоли, Боцзи, Синьло и Маханя привозятъ дань микадо *Кинмеи*, который вступилъ на престолъ въ этомъ году. Собранны и разведены по разнымъ округамъ колонисты, вышедшіе изъ Китая (изъ государствъ Цзинь и Хань, и другихъ сосѣднихъ мѣстъ.) По переписи оказывается 7,053 семейства изъ Цзиньскаго государства. Имъ даютъ сборщика податей (*Ого курано сакванъ*), съ титуломъ *Фадано томоно мѣццуко* и званіемъ князя. Пришельцы изъ Ханьскаго государства называются въ Японіи *Ая фито*, а пришельцы изъ Цзиньскаго—*Фада*. (Ниппонки, XIX, 2, 3.)

(541, 1-й мѣсяцъ.) Три провинціи, Токшу, Тонъ и Котонъ, вмѣстѣ съ южной Карой, отдѣляются отъ Маханя и присоединяются къ Синьло (Синра). Японскій губернаторъ Ары тщетно старается вступить въ переговоры съ Синьлосцами; даже не принимаютъ вмѣшательства боцзискаго короля. (Нип^{ки} XIX, 5—9.)

(543, 9-й мѣсяцъ.) Боцзи приносятъ Японіи въ подарокъ двухъ невольниковъ и драгоценное орудіе, показывающее югъ (компасъ). (Нип. XIX, 10.)

(543, 11-й мѣсяцъ.) Японія, чрезъ посла своего *Цуморино Мурази*, требуетъ, чтобы Боц-

зи (Пеци) усмирили провинціи Махани. Король Боцзи призываетъ ко двору своему губернаторовъ Махани и Ниппонфу, и рѣшаетъ по совѣту съ ними выстроить, на берегахъ рѣки, отдѣляющей Махань отъ Синьло, шесть крѣпостей, которыя Японія должна снабдить гарнизономъ, и которыя будутъ исходными пунктами его дѣйствій. Планъ этотъ сообщенъ микадо.

(544, 12-й мѣсяцъ.) Рыбаки-Тунгузы посѣщаютъ островъ Садо.

«Въ странѣ *Кози* (*Иецизенъ*, *Иецицзю* и *Иециго*) вѣрятъ разсказу, который гласитъ, будто-бы на мысѣ *Минабе*, на сѣверномъ берегу острова Садо, живутъ люди изъ племени *Со-шинъ* (*Нючжи*, древнее имя *Маньчжу*), имѣющіе корабль и живущіе только рыбною ловлею, которую они производятъ весною и осенью. Народонаселеніе Садо (продолжаетъ разсказъ) приняло этихъ иностранцевъ за привидѣнія, къ которымъ запрещено приближаться; дѣйствительно, событіе подтвердило эту увѣренность. Жители *Уму*, селенія на восточномъ берегу острова, изжарили набранные ими *сиви*, но плоды эти превратились въ двухъ мужчинъ, которые вышли изъ огня и начали бороться надъ нимъ на разстояніи одного фута. Поселяне поставили ихъ на землю, но привидѣнія опять поднялись на воздухъ и борьба продолжалась. При этомъ одинъ изъ

зрителей сказалъ: «Берегитесь! Эти демоны скоро станутъ мучить жителей.» Слова его сбылись: привидѣнія разогнали ихъ въ разныя стороны. Со-шины удалились къ быстрой рѣкѣ (*Лай-хо*), посѣщаемой геніемъ, который непримиримо ненавидитъ людей. Никто не смѣетъ вступить въ его владѣнія. На прибрежныхъ утесахъ видны трупы, еще цѣлые или уже полусогнившіе, тѣхъ неосторожныхъ смѣльчаковъ, которые нашли смерть, приходя сюда утолять жажду. Народъ называетъ это мѣсто—*Азифа-зенокума*. (Ниппонки, XIX, 19, 20. — Япон. Энци. XIII, 27 и 28.)

(545.) Въ пятомъ мѣсяцѣ, Бонзи присылаетъ гонцевъ въ Японію; въ 9-й, отправляетъ гонцевъ въ Маханъ, съ драгоценными подарками, добытыми изъ Китая, и назначенными японскому губернатору и *канкамъ* (*канки* — туземные начальники). Между подарками замѣчательны колоссальныя статуи Будды. (Нип. XIX, 11, 20.)

(545, 11-й мѣсяцъ.) *Казиватено*, возившій депеши отъ микадо къ королю Бонзи, возвращается въ Ниппонъ. Дорогой, онъ выдерживаетъ борьбу съ тигромъ, который ночью похитилъ его сына. (Ниппонки, XIX, 20, 21.)

(546, 1-й мѣсяцъ.) Послы Бонзи (*Пеци*) возвращаются въ Японію съ подарками, состоя-

щими изъ семидесяти лошадей и десяти судовъ.

Война за наслѣдство въ Гаоли — Король По или Гаоли не оставилъ наслѣдника отъ перваго брака. Наслѣдство перешло къ сыну второй его жены, котораго защищалъ дядя Ло противъ Си, брата третьей жены умершаго короля. Страшное кровопролитіе кончилось паденіемъ Си и двухъ тысячъ его приверженцевъ, и прокламаціею васьмилѣтняго племянника храбраго Ло. (Ниппонки, XIX, 21, 22.)

(548, 4-й мѣсяцъ.) Боцзи, которому грозитъ гаолійская армія, проситъ помощи у Японіи (въ 547 году, въ 1-мъ мѣсяцѣ); помощь обѣщана въ 1-й мѣсяцъ 548 г. Боцзи умоляетъ о скорѣйшей ея высылкѣ, потому что Гаолійцы уже три мѣсяца осаждаютъ городъ Мацзинъ (лошадиная переправа.) (Ниппонки, XIX, 22, 23.)

(Того же года, 10-й мѣсяцъ.) Перевозятъ триста семьдесятъ Японцевъ въ Боцзи, гдѣ заставляютъ ихъ строить цитадель въ Токсизи.

(551, 3-й мѣсяцъ.) Японія высылаетъ въ Боцзи тысячу мѣръ хлѣба. Въ предъидущій годъ подарены этому государству тридцать стрѣлъ.

Король Боцзи, Шэнъ-минъ-ванъ, поддерживаемый Маханью и Синьло, воюетъ съ

Гаоли, беретъ города Ханъ-ченъ и Пинжанъ, и возвращаетъ шесть округовъ, прежде ему принадлежавшихъ.

(552, 5-й мѣсяцъ;—553, 1-й и 8-й мѣсяцы; — 554, 2-й мѣсяцъ.) Боцзи оставляетъ всѣ свои завоеванія. Синьло беретъ себѣ Ханъ-чешъ, и соединяется съ Гаоли (Каоли), для вторженія въ Маханъ и Боцзи; два послѣднія государства просятъ помощи у Японіи. (Нип. XIX, 25, 29.)

(552, 10-й мѣсяцъ.) Буддизмъ является въ первый разъ въ Японіи.

«Шанъ-минъ-ванъ присылаетъ двору мѣдную статую *Сакія-Будды*, знамена, балдахинъ и книги, съ письмомъ слѣдующаго содержания: «Это ученіе изъ всѣхъ лучшее. Оно раскрываетъ все, что кажется загадкой и тайною, даже Кун-фу-цзы. Оно предлагаетъ намъ вознагражденіе и блаженство, безъ границъ, безъ мѣры, и превращаетъ насъ въ несравненныхъ *Бодди*. Оно подобно сокровищу, которое понимаетъ то, что нужно человѣческому сердцу, и даетъ ему все благотворное; и сокровище этого чуднаго ученія получаетъ двойную цѣну отъ согласія своего съ нашей натурой. Желайте, смотря по расположенію душъ вашихъ, и вы ни въ чемъ не будете знать недостатка. Король боцзискій, принявшій это ученіе изъ

дальней Индіи, сообщаетъ его имперіи микадо, дабы оно тамъ распространилось.»

Въ самый день полученія этого письма, микадо спросилъ своихъ министровъ, слѣдуетъ ли поклониться статуѣ Будды? *Инаме* отвѣчалъ: Всѣ народы запада обожаютъ ее; почему намъ отвертываться отъ нея? *Мононобено Вакози* возразилъ: Владыки страны изъ туземцевъ всегда праздновали весною, лѣтомъ, осенью и зимою въ честь нашихъ ста восьмидесяти небесныхъ и земныхъ, провинціальныхъ и семейныхъ боговъ (ками). Нынѣ, если воздадимъ честь иностранному *ками*, можетъ быть это нововведеніе раздражитъ нашихъ! Тогда микадо сказалъ: Пусть *Инаме* поклоняется статуѣ!—*Инаме* унесъ ее и построилъ ей храмикъ; но скоро явилась повальная болѣзнь, и ее приписали новому поклоненію Буддѣ: храмикъ разрушили, а статую бросили въ рѣку. Религія Будды, такимъ образомъ явившаяся въ первый разъ въ Японіи, пустила корни только во второе появленіе въ 584 году. (Ниппонки, XIX, 25, 26).

(553, 6-й мѣсяцъ.) Японія посылаетъ боцзискому королю два корабля, двѣ лошади, пятьдесятъ луковъ и стрѣлъ, а у короля проситъ медиковъ, колдуновъ, учителей ариометики и составителей календарей.

(Того же года, 10-й мѣсяцъ.) Ю-чанъ, князь

бонзискій, предпринимаетъ походъ противъ Гаоли и строить пограничную стѣну въ *Пегое* (лилейномъ полѣ). — (Ниппонки, XIX, 27, 29.)

(554.) Гаоли и Синьло занимаютъ Ару, чтобы пресѣчь сообщенія между Японіею и Боцзи. Боцзи, давно уже просившее Японію о помощи, просить поскорѣе прислать обѣщанное подкрѣпленіе. Посольство привозитъ съ собою ученаго Китайца, *Ванъ-лю-цю*, которому слѣдуетъ смѣнить ученаго *Ма-тинъ-нана*, — и буддистскаго жреца *Танъ-гуй*, съ восемью его товарищами, которые занимаютъ мѣсто *Дао-шина* и шести другихъ бонзовъ. (Нипки, XIX, 28, 31.)

(556, 1-й мѣсяцъ.) Японія посылаетъ въ Боцзи тысячу воиновъ, которые занимаютъ портъ Нити, для обезпеченія сообщеній. (Нип. XIX, 35.)

(7-й мѣсяцъ.) Въ округѣ *Козима*, въ провинціи *Биценъ*, учреждены губернаторства (*міяке*), которыхъ чиновники (*дацукаси*) наблюдаютъ за сельскими работами переселенцевъ. Подобныя же учрежденія основаны въ 10-мъ мѣсяцѣ въ округѣ *Такаци*, въ странѣ *Ямато*, для колонистовъ, выѣхавшихъ изъ Боцзи, и въ округѣ *Амаби*, въ странѣ *Киу*, для колонистовъ изъ Гаоли. Послѣдніе называются здѣсь *Комано-фито*; первые *Карано-фито* и *Аяно-фито*. (Нип. XIX, 36.)

(557, 3-й мѣсяцъ.) Князь Ю-чанъ восходитъ на престолъ Боцзи. Его историческое имя—У-дэ-ванъ (могущественный, добродѣтельный).

(560, 9-й мѣсяцъ.) Послы изъ Синьло приѣзжаютъ съ подарками (въ Японію?)

(561, тотъ же мѣсяцъ.) Ихъ отсылаютъ назадъ съ подарками. Новое посольство, слѣдующее за ними, принято непріязненно, и уѣзжаетъ обратно, даже не выйдя на берегъ въ портъ Муру.

(562, 2-й мѣсяцъ.) Синьло завоевываетъ Маханъ; японское управленіе уничтожено. Маханъ состояла въ то время изъ десяти Кунъ или провинцій: Кара, Ара, Синики, Тара, Цума, Коза, Ита, Санбанъ, Кицанъ и Синре. (Ниппонки, XIX, 37.)

(7-й мѣсяцъ.) Послы Синьло привозятъ подарки микадо. Не смѣя просить позволенія воротиться, они остаются въ Японіи. Потомки ихъ живутъ въ селеніи Симацу дориконо, въ провинціи Сараръ, въ Каваци.

(Тотъ же мѣсяцъ.) Японцы начинаютъ войну, для возвратнаго завоеванія Махани; генералъ ихъ, Кино Вомаро, разбитъ Синьло-сцами. (Ниппонки, XIX, 37, 41.)

(8-й мѣсяцъ.) Японскій главнокомандующій Саде-фико вступаетъ съ десятию тысячами войска въ Гаоли и, напавъ на враговъ нечаянно, одерживаетъ побѣду. Король Янъ-

сянъ спасается бѣгствомъ, перебравшись черезъ городскія стѣны. Боцзи составили планъ этой компаніи.

(11-й мѣсяцъ.) Синьдоскіе послы пріѣзжаютъ съ подарками. Они не смѣютъ просить позволенія возвратиться на родину и поселяются въ *Фанйво*, въ провинціи *Мизимъ*, въ странѣ *Сецъ*, гдѣ живутъ и нынѣ ихъ потомки.

(565, 5-й мѣсяцъ.) Гаолійскіе переселенцы поселяются въ *Унебаръ*, *Наръ* и другихъ селеніяхъ *Ямазиро*. (Нип^{к^и}, XIX, 42.)

(570, 4-й мѣсяцъ.) По приказанію микадо щедро помогаютъ гаолійскимъ морякамъ, претерпѣвшимъ крушеніе у береговъ *Иецго*. (Нип^{к^и}, XIX, 43.)

(571, 3-й мѣсяцъ.) Японія начинаетъ вести переговоры съ Синьло о дѣлахъ *Маханя*.

(8-й мѣсяцъ.) Синьло, показывающее желаніе сблизиться съ Японіею, отправляетъ посла по случаю смерти микадо, послѣдовавшей въ 4-й мѣсяцъ. (Нип^{к^и}, XIX, 44.)

(572, 5-й мѣсяцъ.) Послы Гаоли представляются микадо *Биндацъ*. Между вещами, ими привезенными, письмо, помѣщенное на вѣрономъ перѣ, возбуждаетъ живѣйшее любопытство Двора. (Нип. XX.)

(574, 12-й мѣсяцъ.) Посольство отъ Синьло.

(575, 2-й мѣсяцъ.) Посольство отъ Боцзи.

(4-й мѣсяцъ.) Уполномоченные отъ японскаго правительства ѣдутъ въ Синьло и Боцзи для переговоровъ о возстановленіи Маханя.

(6-й мѣсяцъ.) Японія получаетъ черезъ пословъ Синьло дань съ общинъ *Татара*, *Сумара*, *Вата* и *Фоцки*. (Ниппонки, XX, 5.)

(577, 11-й мѣсяцъ.) При отъѣздѣ уполномоченныхъ, посланныхъ отъ микадо въ 5-й мѣсяцъ, король боцзискій даритъ имъ книги и свитки рукописей; въ свиту ихъ помѣщаетъ двухъ буддистскихъ жрецовъ, колдуна, ваятеля и строителя храмовъ; всѣмъ имъ назначаютъ для жительства храмъ *Налива*. (Нипки, XX, 6.)

(579, 10-й мѣсяцъ.) Посольство изъ Синьло. Въ числѣ подарковъ прирезено изображеніе Будды.

(580 и 582.) Подарки Синьло не приняты, потому что не могли рѣшить вопроса о Маханѣ.

(582, 7 мѣсяцъ.) Микадо Биндацъ призываетъ въ Японію изъ Боцзи государственнаго челоуѣка и отличнаго воина, *Ниццира*, и совѣщается съ нимъ о средствахъ возвратить Маханъ. Совѣщанія производились письменно; увѣряютъ, что наслѣдний князь *Сіотокъ Дайзи* научился отъ него тактикѣ знаменитаго полководца *Чу-го-ляна*, который служилъ основателемъ династіи *Суй-Ганъ*. Почести, воз-

даваемыхъ Ницирѣ японскими вельможами, возбуждая зависть въ двухъ его товарищахъ; одинъ изъ нихъ убилъ его измѣннически. (Нип. XX, 19.—Япон. Энци. XIII, 12.)

(584, 2-й мѣсяцъ.) Японскій посолъ ѣдетъ въ Сивьмо для продолженія переговоровъ о Махани.

(9-й мѣсяцъ.) Японцы вывозятъ изъ Боцзи двѣ статуи Будды. Министръ *Мумако*, столь же приверженный къ новому ученію, сколько прежде былъ къ нему усерденъ отецъ его Инаме, выпрашиваетъ эти статуи у микадо, и въ восточной части своего дворца строитъ для нихъ храмъ, куда помѣщаетъ буддистскаго жреца изъ *Галима*, по имени *Хумано Жебинъ*. Ученіе Будды распространяется по имперіи (Нип. XX, 11, 12.)

Въ другомъ мѣстѣ мы будемъ имѣть случай распространиться объ этомъ фазисѣ буддизма, о движеніи, которое послѣдовало за введеніемъ его въ Японію и о первыхъ его уснѣхахъ. Здѣсь же, въ хроникѣ, достаточно привести главные факты вкратцѣ. Микадо, приверженецъ китайской школы, удивлявшійся *Кунфу-цзы* и его практической философіи, терпѣть не могъ индійскаго ученія, которое нашло ревностныхъ и пламенныхъ защитниковъ въ племянникѣ микадо, *Сибто-кэ Даци*, и въ министрѣ *Мумако*. Дворъ раздѣлился на двѣ партіи; почитатели бо-

говъ (*ками*) возстали на расколъ Будды, котораго храмы были сожжены, но потомъ опять возникли изъ пепла. Фанатизмъ вооружился желѣзомъ, и микадо *Сіуэиунъ* погибъ его жертвою. Между тѣмъ Боцзи продолжалъ наводнять Японію пустынноиками; число храмовъ и монастырей безпрестанно увеличивалось. Колонисты, поселившіеся въ Японіи, вездѣ готовили пути для быстрѣйшаго распространенія новой вѣры. Послѣдніе переселенцы съ Корейскаго полуострова, принимали ее прежде другихъ; дѣти ихъ тотчасъ же наполнили буддистскія училища, и по достиженіи совершеннолѣтія, сдѣлались пустынноиками. Въ первыя времена, множество этихъ людей пріѣзжало въ Боцзи и даже въ Китай, для подробнѣйшаго узнанія догматовъ и правилъ буддистской религіи. (Нип. XXI, 6, 11.)

(588.) Посольство изъ Боцзи привозитъ нѣсколько жрецовъ; въ его свитѣ находятся также три строителя храмовъ, *Тарала*, *Та-фуке* и *Кози*, живописецъ, два литейщика, и нѣсколько кирпичниковъ; всѣ эти ремесла были еще неизвѣстны въ Японіи. Тамъ построили храмъ *Принятія закона* (*По-цзю-си*).

(591.) Микадо, рѣшившись возвратить Махань, посылаетъ въ Цукузи, въ 12-мъ мѣсяцѣ, двадцать тысячъ войска, которое гото-

во къ отплытію, пока отправляются послы въ Синьло и Махань для послѣднихъ мирныхъ переговоровъ.

(592, 11-й мѣсяцъ.) Мумако убиваетъ микадо Сіузіуна и тотчасъ отправляетъ курьера въ армію въ Цукузи съ приказаніемъ «что внутреннія распри не должны останавливать военныхъ дѣйствій» (*). (Нип. XXI, 11, 12.)

Однакожъ слѣдующій микадо отказался отъ этого похода, и войско воротилось изъ Цукузи въ седьмомъ мѣсяцѣ 595 года. (Нип. XXII, 2.)

(595, 5-й мѣсяцъ.) Въ Японію пріѣзжаютъ два буддистскіе жреца, изъ Гаоли. Одинъ изъ нихъ назначенъ учителемъ наследнаго князя и воротился въ Гаоли не ранѣе 615 года. Эти два учителя буддизма наиболѣе содѣйствовали распространенію ученія Буд-

(*) *Ниппонъ-во-даи-ици-ранъ* изображаетъ это событіе въ слѣдующемъ неясномъ и несвязномъ разсказѣ:

«Въ это время находилось въ Цукузи войско изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человекъ для усмиренія Савьхановъ. Мумако послалъ туда, какъ могъ скорѣе, приказаніе не идти назадъ, хотя смятеніе царствуетъ въ Міяко, и воздерживаться отъ наступательныхъ дѣйствій.»

Клапротъ, въ своемъ переводѣ лѣтописей, невѣрно объяснилъ это мѣсто.

(Прим. Зибольда.)

ды въ Японской Имперіи, гдѣ ихъ считаютъ столбами его поклоненія. (Нип. XXII, 2.)

(598, 4-й мѣсяцъ.) Ивокане, возвращаясь изъ посольства въ Синьло, привозитъ пару журавлей.

(8-й мѣсяцъ.) Синьло присылаетъ павлина микадо.

(599, 9-й мѣсяцъ.) Боцзи присылаетъ дань, состоящую изъ верблюда, осла и двухъ барановъ.

(600, 2-й мѣсяцъ). Война между Синьло и Маханью. Микадо отправляетъ десять тысячъ человекъ, на помощь Махани. Когда Японцы взяли пять укрѣпленныхъ городовъ, король Синьло проситъ мира и торжественно отказывается, въ присутствіи японскаго военачальника, отъ шести мѣстъ: Татара, Сунара, Фицки, Вата, Ара и южная Кара. Микадо тотчасъ устраниваетъ въ нихъ управленіе и заставляетъ королей Синьло и Махани клясться, что они будутъ жить въ мирѣ и присылать ежегодно въ Японію дань и пословъ. Но тотчасъ по выходѣ японскаго войска изъ Синьло, Синьлосцы опять нападаютъ на Махань. (Нип. XXII, 3, 4.)

(601, 3-й мѣсяцъ.) Микадо требуетъ, чтобы Гаоли и Боцзи поддержали Махань. (Нипки, XXII, 4.)

(9-й мѣсяцъ.) Синьлоскаго шпиона, захва-

ченнаго въ Цузимѣ, приводятъ въ Ниппонъ и потомъ ссылаютъ въ провинцію *Коцке*.

Наслѣдный князь Сіотокуъ Даизи устраиваетъ торговлю въ Японіи и заводитъ тамъ постоянные магазины и рынки. (Япон. Энци. VII, 11.)

(602.) Дворъ въ Міяко, объявивъ въ 11-й мѣсяцъ прошедшаго года войну Синъмосамъ, посылаетъ въ Цузиму двадцать пять тысячъ войска, подъ начальствомъ князя *Кумемико*. Войско приходитъ, въ 4-мъ мѣсяцѣ, въ эту провинцію, и располагается лагеремъ въ округѣ *Ивазима*. Пока готовятся къ отплытію, Кумемико заболѣваетъ, и экспедиція останавливается. По смерти его, случившейся во 2-й мѣсяцъ 603 года, старшій братъ его принимаетъ начальство и ѣдетъ къ войску; но на берегу Галимы дурное предзнаменованіе заставляеть его воротиться и планъ этой компаніи оставленъ безъ исполненія. (Нипп. XII, 5, 6.)

(602, 10-й мѣсяцъ.) Канъ-цинъ, буддистскій жрецъ изъ Боцзи, привозитъ книги, хронологическія и астрономическія, подвижной кругъ для разчисленія года и книги технологическія. Ему даютъ нѣсколько учениковъ, изъ которыхъ каждый занимается какою нибудь наукою спеціально. (Нипп. XII, 5.—Япон. Энци. XV, 4.)

(10-й мѣсяцъ.) Буддистскіе жрецы *Сенъ-Лунъ* и *Юнъ-Цунъ* пріѣзжаютъ изъ Гаоли.

(605.) *Да-цинъ-ванъ*, король гаолійскій, присылаетъ микадо триста унцій или *лянъ* золота, чтобы отлить статую Будды.

(607, 7-й мѣсяцъ.) Прибытіе синьлоскихъ переселенцевъ. Японскіе послы, подъ предсѣдательствомъ *Вононо Имоко*, ѣдутъ въ Китай, ко двору *Суй*, и возвращаются въ 4-й мѣсяцъ 608 года, съ депутаціею изъ двѣнадцати человѣкъ, подъ начальствомъ *Фо-ши-цина*. Вслѣдъ за блпстательнымъ пиromъ въ даири, Имоко провожаетъ депутацію въ Китай; съ нимъ отправляются восемь человѣкъ изъ потомковъ китайскихъ переселенцевъ, которые должны учиться наукамъ и искусствамъ въ Срединной Имперіи. Имоко возвращается въ Японию въ 9-й мѣсяцъ 609 года, а товарищи его въ 623. (Нип. XXII, 12, 14.)

(609, 4-й мѣсяцъ.) Боцзискій король, шедшій въ страну *Ю*, въ области *Чжили*, по немогшій пристать къ ея берегамъ, потому что въ ней происходила междоусобная война, погибаетъ у береговъ *Фиго*. Экипажъ (или люди въ бѣлой холстинѣ, какъ выражаются Японцы) возвращенъ въ Боцзи черезъ *Цуиму*. Одиннадцать буддистскихъ жрецовъ, находившіеся на кораблѣ, остаются въ Японіи.

(610, 3-й мѣсяцъ.) Искусство дѣлать бумагу и тушь введено въ Японію буддистскимъ жрецомъ *Танъ-ченомъ*, изъ Гаоли; оно распространяется по имперіи усиліями наслѣднаго князя Сідонокъ - Даизи. До сихъ поръ не умѣли готовить кору бумажнаго дерева (*daphne papyrifera*); но для письма употребляли ленъ или шелкъ, и недавно начали получать бумагу съ Корейскаго полуострова. Этотъ же жрецъ заставилъ первый сдѣлать ручныя каменные мельницы, той формы, которая и до сихъ поръ еще во всеобщемъ употребленіи подъ названіемъ *Фики-узу*. (Нип. XII, 15. — Япон. Энци. XXXV, 7; XV, 11).

Китайцы завоевываютъ острова *Лю-цю*. (*Лиу-кю*). (Япон. Энци. XIII, 21.)

(7-й мѣсяцъ.) Посольства изъ Синьло и Маханн.

(611, 8-й мѣсяцъ.) Тоже.

(612.) Изъ Боцзи пріѣзжаютъ переселенцы, одержимые болѣзнію, которая похожа на проказу (*lépre blanche*). Ихъ опредѣляютъ садовниками, и они разводятъ садъ съ искусственными холмами и китайскими мостиками, на южномъ дворѣ даири. Изъ Боцзи же пріѣхалъ танцовщикъ, который обучалъ пляскѣ жителей страны *Ю*. (Ниппонки, XII, 18.)

(614, 6 й мѣсяцъ.) Японское посольство

отправляется въ Танское государство, и возвращается въ 615 году черезъ Боцзи.

(616, 3, 5 и 7 мѣсяцы.) Прибытіе переселенцевъ изъ *Якуно-зимы*, острова на югъ отъ Сацумы (*).

(7-й мѣсяцъ.) Синьлоскіе послы привозятъ въ подарокъ буддистскую статую.

(618, 8-й мѣсяцъ.) Микадо, чрезъ гаолійское посольство, получаетъ извѣстіе о разбитіи стотысячной арміи, вступившей въ Гаоли, подъ начальствомъ суйскаго императора *Янъ-ди*. Послы представляютъ трофеи: двухъ китайскихъ плѣнниковъ, барабаны, флейты, стрѣлометы, и десять разныхъ катапултовъ (**).

Въ числѣ произведеній ихъ земли замѣчаютъ верблюда. (Нип. XXII, 20. 21.)

(620, 8-й мѣсяцъ.) Два переселенца съ острововъ Лю-цю (Ліу-кіу) сходятъ въ *Ицу*.

(621.) Посольство изъ Синьло.

(623, 7-мѣсяцъ.) Посольство изъ Синьло и Махани привозятъ разные предметы, принад-

(*) Островъ *Якуно-зима* присоединенъ къ острову *Танга-зима* между 701 и 703 годами

(**) Нельзя не замѣтить, что два плѣнника изъ стотысячной арміи — небольшой трофей. Впрочемъ, можетъ стать, въ древнія времена Китайцы были храбрѣе нынѣшняго, и подобно наполеоновской гвардіи, не отдавались живыми.

лежащіе къ буддистскому служенію.—Синь-лосцы занимають Махань. Пока японскіе чиновники ведутъ переговоры объ очищеніи этой страны, японское войско въ десять тысячъ человекъ является въ Синьло, и король тотчасъ удаляется изъ страны, которую несправедливо занялъ. (Нип., XXII, 23., 25.)

Благодарность, изъявленная государствомъ Боцзи за Махань, заставляетъ думать, что эта послѣдняя страна принадлежала ему или по крайней мѣрѣ находилась подъ его покровительствомъ.

(630.) Послы изъ Гаоли и Боцзи приглашены на пиршество въ даири. (Ниппонки, XXIII, 8 и 9.)

(8-й мѣсяцъ.) *Инуками Мидазуки* ѣдетъ къ танскому двору, въ Китай, въ качествѣ японскаго посла, съ лагеремъ *Гуй-ши*.

(9-й мѣсяцъ.) Прибытіе жителей Якуно-зимы.

(631, 2-й мѣсяцъ.) Тоже.

(3-й мѣсяцъ.) *Ицю* (справедливый, милосердый), король боцзискій, отдаетъ сына своего Тунъ-чана въ заложники японскому микадо.

(632, 8-й мѣсяцъ.) *Инуками* возвращается изъ Китая съ китайскимъ посольствомъ подъ руководствомъ *Гао-жень-пейао*. Синьлоская депутація присоединяется къ нему на остро-

въ Пузимѣ. Китайцевъ великолѣпно угощаютъ въ Японіи и провожаютъ до Пузимы въ 1-й мѣсяцъ 633 г. (*).

Гао-жень спорилъ съ японскимъ королемъ о чести, но безуспѣшно. И послѣ танскій посолъ не бывалъ въ Японіи (**).

(635, 6-й мѣсяцъ.) Посольство изъ Боцзи.

(638.) Посольство изъ Боцзи, Сиятло и Махани.

(*) *Ниппонъ во даи ири ранъ*, описывая посольство ко двору Танскому, говорить въ слѣдующихъ выраженіяхъ объ отношеніяхъ политическихъ, существовавшихъ въ царствованіе микадо *Зіо-меи* (съ 630 по 641 годъ) между Японскою Имперіею и *Санъханами*: «Это событіе случилось во время *Тай-цзунъ-хуанъ-ди*, государства Танъ. Въ это царствованіе (то есть, во время микадо *Зіо-меи*), *Санъханы* оказывали себя послушными Японіи и вездѣ сохранялись порядокъ и миръ, хотя часто видали кометы и необыкновенныя явленія, сильныя бури и продолжительные дожди.» Это хотя, кажущееся страннымъ, объясняется тѣмъ, что вѣрили, будто бы физическія явленія предшествуютъ политическимъ переворотамъ и предсказываютъ ихъ. Размышленіе японскаго историка, вѣроятно, внушено множествомъ астрономическихъ и метеорологическихъ замѣтокъ, наполняющихъ тетрадь стариннаго *Ниппонки*, въ которой содержится біографія микадо *Зіо-меи*. Вотъ какъ это мѣсто было переиначено Клапротомъ: «Въ это время, императоръ *тоа-ни-Тай-зо-ква-теи* (*Танъ-тай-цзинъ-хуанъ-ди*) царствовалъ въ Китаѣ. *Санъханъ* покорился тогда этой имперіи; но миръ не былъ нарушенъ. Въ это время замѣтили нѣсколько кометъ; страшные ураганы и сильныя и продолжительныя дожди опустошили страну.»

(**) См. многотомную книгу *Дайцинъ-итунъ-чжи*.

(639.) Нѣсколько Японцевъ, отправившихся въ Китай для изученія ремеслъ и наукъ, возвращаются подъ начальствомъ буддистскихъ жрецовъ *Гу-ина* и *Гу-юна*, вмѣстѣ съ посольствомъ изъ Синьло и докторомъ изъ Боцзи. (Ниппонки, XXIII, 12, Япон. Энци. VII, 14.)

[640, 10-й мѣсяцъ.] Буддистскіе жрецы *Цинъ-нань* (чистый, спокойный) и *Такамукино куромаза* возвращаются изъ Китая, послѣ двадцати трехъ-лѣтняго отсутствія, въ свитѣ пословъ изъ Боцзи и Синьло. (Нип. XXIII, 13.)

(642, 1-й мѣсяцъ.) Боцзи извѣщаетъ Японію о войнахъ, начавшихся на Корейскомъ полуостровѣ. (Ниппонки XXIV, 1.)

(2-й мѣсяцъ.) Вступаетъ на престолъ микадо *Кво-токъ*. Гаолійское посольство пріѣзжаетъ въ портъ Огозаки съ подарками, состоящими изъ золота и серебра. Микадо посылаетъ повѣренныхъ въ Гаоли, Боцзи и Махань.

(3-й мѣсяцъ.) Синьлоскіе послы, и послы изъ Гаоли и Боцзи пріѣзжаютъ къ микадо.

(643, 4-й мѣсяцъ) Посольство изъ Боцзи.

(6-й мѣсяцъ.) Посольство изъ Гаоли.

(645.) *Котокъ* вступаетъ на престолъ микадо. Гаоли, Боцзи и Синьло присылаютъ пословъ. Послы послѣдней привозятъ изъ—

явленіе покорности отъ Махани. (Ниппонки, XXV, 3.)

(646.) Гаоли, Боцзи и Синьло присылаютъ пословъ съ данью. (Нип. XXV, 13.)

(9-й мѣсяцъ.) Куромаза, буддистскій жрецъ и первый ученый въ имперіи, отправляется съ подарками въ Синьло. Въ 7-й мѣсяцъ 674 г. его привозятъ обратно синьлоскіе послы, которымъ поручено представить микадо двухъ заложниковъ, павлина и попугая. (Нип. XXV, 22, 25.)

(647.) Посольство изъ Гаоли и Синьло.

(648.) Посольство изъ Синьло привозитъ дань. (Нип. XXV, 23, 26.)

(649.) Японская депутація ѣдетъ въ Синьло, гдѣ принимаетъ тридцать заложниковъ.

(650, 4-й мѣсяцъ.) Посольство и дань изъ Синьло.

(651, 6-й мѣсяцъ.) Послы изъ Синьло и Боцзи.

Синьлоскіе послы явились въ китайскихъ одеждахъ. Дворъ за это такъ разсердился, что приказалъ воротить ихъ назадъ изъ Цукузи. Съ этой минуты министръ Козе совѣтовалъ объявить войну Синьлосцамъ, которые, какъ онъ думалъ, показываютъ этимъ костюмомъ преданность свою Китаю противъ Японіи. (Нипки, XXV, 33, 34; — Нипранъ, 1, 38; и Япон. Энци. XIII, 12.)

(652.) Посольство съ данью изъ Боцзи и Синьло. (Нип. XXV, 35.)

(653, 5-й мѣсяцъ.) Сборище японскихъ буддистскихъ жрецовъ, учениковъ и ученыхъ отправляется въ Китай; начальствуютъ имъ *Кизино возани* и *Такедано немаро*, которые претерпѣваютъ крушеніе у береговъ Сацумы въ 9-мъ мѣсяцѣ. Кизино, по прибытіи въ Китай, является ко двору Танговъ, и возвращается въ Японію въ 654 г.

(6-й мѣсяцъ.) Посольства съ данью изъ Боцзи и Синьло. (Нип. XXV, 35, 36.)

(645, 2-й мѣсяцъ.) Многочисленное посольство, въ сопровожденіи нѣсколькихъ буддистскихъ жрецовъ и докторовъ, отправляется въ Китай на двухъ корабляхъ, и заѣзжаетъ сначала въ Синьло, потомъ въ *Лайчжеу-фу*. Танскій императоръ милостиво принимаетъ это посольство, котораго начальники называются *Курوماза* и *Кавабено маро*. Оно возвращается въ Японію въ восьмой мѣсяцъ 655 года; но жрецъ и медики остаются въ Китаѣ для обученія наукамъ. (Нип. XXV, 37; Нипрацъ, 1, 38.)

(4-й мѣсяцъ.) На берега Фіуга выброшена барка съ двумя мужчинами и тремя женщинами изъ *Тофары*.

(7-й мѣсяцъ.) Посольство изъ Синьло и Боцзи.

(10 мѣсяцъ.) Смерть микадо. Посольство

по этому случаю изъ Гаоли, Боцзи и Синь-ло. (Нип. XXV, 37.)

(655.) Гаоли, Боцзи и Синьло одновременно подносят дань. Последнее владѣніе даетъ заложниковъ. (Нип. XXVI, 2.)

(8-й мѣсяцъ.) Посольство изъ Гаоли.— Японское посольство возвращается изъ Боцзи.

(657, 7-й мѣсяцъ.) У береговъ Цуфузи разбивается барка съ двумя мужчинами и четырьмя женщинами изъ *Тофары* (*Танры*). Ихъ публично показываютъ въ Міяко. Черезъ три года мужчины ѣдутъ на родину, оставляя женщинъ въ залогъ своего возвращенія. (Нип. XXVI, 3, 4.)

Послы изъ-за Западнаго моря (Китайскаго) привозятъ верблюда и двухъ ословъ. Они возвращаются въ Боцзи; но война, начавшаяся между этою страной и Синьло, принуждаетъ ихъ воротиться въ Японию въ слѣдующемъ году.

Въ Японіи начинаютъ употреблять рыболовныя сѣти. (Япон. Энц. VII, 35.)

(658, 4-й мѣсяцъ.) Абено Фирафу, князь Іецюго, отправляется съ 180 судами въ экспедицію на сѣверъ, и идя вдоль западнаго берега острова Ниппона, доходитъ до пролива *Цугаръ*. Вездѣ туземцы покоряются добровольно. Начальники племени *Ватари-Симано-Иезо* явятся на его приглашеніе и встрѣчаютъ самый ласковый пріемъ. Фирафу

учреждаетъ на сѣверѣ Ниппона суды въ Акидѣ, Нузиро и Цугартъ; въ этотъ же годъ онъ посѣщаетъ Сошинъ и привозитъ оттуда, какъ трофей, двухъ живыхъ медвѣдей и семьдесятъ медвѣжьихъ шкуръ. (Нип. XXVI, отъ 4 до 7-й.)

Буддистскій жрецъ Чжижу (кто умомъ выше всѣхъ) строитъ экипажъ, на которомъ помѣщенъ компасъ.

(659, 7-й мѣсяцъ.) Буддистскіе жрецы Чита и Чи-тунъ возвращаются въ Китай на кораблѣ синьлоскаго посольства.

(659, 7-й мѣсяцъ.) Японское посольство ѣдетъ въ Китай, съ двумя жителями Иезо, которые представляются китайскому императору. (Нипки, XXVI, 9;—Нипранъ, 1, 39.)

Ниппонки содержитъ объ этомъ посольствѣ слѣдующія подробности, заимствованныя изъ описанія, составленнаго ученымъ Юкино-мурази, жителемъ Боцзи, который совершилъ это путешествіе.

«Посольство подъ начальствомъ Ивозики и Киза, вышло изъ Огозаки на двухъ корабляхъ, въ 3-й день 7-го мѣсяца и отправилось въ Огоцу въ Цукузи. Изъ этого города вышло въ 11-й день 8-го мѣсяца и прибыло въ 3-й день 9-го мѣсяца на островъ У-фэнъ-минъ, недалеко отъ южнаго берега Боцзи, а въ 14-й день вышло въ открытое море. 15-го числа вечеромъ сильный ударъ вѣтра отбро-

силъ корабль Ивозики къ югу, на островъ, называемый *Никави*, гдѣ его удержали плѣнникомъ. Однакожъ пять человекъ изъ экипажа успѣли бѣжать въ шлюпкѣ и прибыли въ *Гуа чжеу* (Куачеу), на китайскій берегъ, откуда повели ихъ въ столицу *Лоянъ*. Нашъ корабль, 15-го числа, находился передъ *Хайнанъ-шанъ*; но отъ сильнаго сѣверо-восточнаго вѣтра мы прибыли только 23 числа въ *Юло-сянъ* (въ нынѣшній *Чжецзянъ*). Тутъ оставили мы корабль, и 15-го числа 10-го мѣсяца отправились верхомъ въ восточную резиденцію, куда и прибыли 29-го числа. Тамъ жилъ императоръ, и мы представлялись ему на слѣдующее утро. Вотъ вопросы, которые онъ задавалъ нашему послу, и отвѣты посла:

«Автократъ земли вашей наслаждается ли постояннымъ спокойствіемъ?»

«—Небо и земля соединяютъ усилія, чтобы наградить его своими дарами; изъ этого непременно слѣдуетъ постоянное спокойствіе.

«Здоровы ли чиновники имперіи?»

«—Милость Тяньу падаетъ на ихъ главы; слѣдственно, они должны блаженствовать.

«Спокойна ли сграна?»

«—Учрежденіе ея состоитъ въ гармоніи съ небомъ и землею; народамъ не о чемъ забесѣтовать.

«Гдѣ лежитъ родина этихъ Іезо?»

«—На сѣверо востокѣ.

«Сколько у нихъ племенъ?

«—Три племени. Самые отдаленные называются *Цугару*, вторые—*Ара-Иезо* (сырые), и ближайшіе къ намъ—*Ники-Иезо* (вареные). Къ этому послѣднему сорту принадлежатъ жители *Иезо*, здѣсь находящіеся. Они ежегодно являются съ данью ко двору нашей имперіи.

«Производитъ ли эта страна хлѣбъ?

«—Нѣтъ. Жители питаются мясомъ животныхъ.

«Есть ли у нихъ дома?

«—Они живутъ въ горахъ, подъ деревьями.

«Императоръ изъявилъ удивленіе на счетъ страннаго вида нашихъ жителей *Иезо* и потомъ насъ отпустили. Жители *Иезо* поднесли бѣлую шкуру оленя, лукъ и двадцать четыре стрѣлы. Затѣмъ повели насъ въ гостиницу, для отдыха. Въ 1-е число 11-го мѣсяца, въ зимній поворотъ солнца, было большое собраніе при Дворѣ; мы были тамъ, и наше посольство было самое многочисленное изъ всѣхъ; но болѣе насъ нигде не приглашали. Двое изъ насъ надѣлали пожаръ, и это дорого имъ стоило: ихъ отправили въ ссылку. Въ началѣ 12-го мѣсяца, объявили, что намъ не позволено возвратиться на востокъ, потому что рѣшились въ слѣдующемъ году предписывать за-

коны нашимъ соотечественникамъ Восточнаго моря. По этому перевезли насъ въ западную резиденцію, и весь остальной годъ содержали въ крѣпкой тюрьмѣ. Послѣ покоренія Боцзи (Пеци) въ 8-й мѣсяцъ 660 года, намъ возвратили свободу; а въ 12-й день слѣдующаго мѣсяца случилось наше освобожденіе. 19-го числа перевезли насъ изъ западной резиденціи въ восточную, гдѣ мы увидѣли тѣхъ пятерыхъ Японцевъ, которые спаслись въ шлюпкѣ. Въ первый день 11-го мѣсяца, отрядъ привелъ короля Боцзи и его придворныхъ, всего человекъ тридцать, которыхъ тотчасъ же призвали къ императору. Императоръ принялъ насъ въ послѣдній разъ и отпустилъ. 24-го числа выѣхали мы изъ резиденціи; 25 числа 1-го мѣсяца 661 года прибыли въ *Ю-чжесу* и 1 числа 4-го мѣсяца посольство сѣло на корабли. 9-го до заката солнца мы выходили на островъ Танру, и убѣдили *Абаки*, сына короля, и нѣсколькихъ туземцевъ присоединиться къ намъ. 23 числа 5-го мѣсяца девять человекъ прибыли съ нами ко Двору, который жилъ тогда въ *Азакуръ* въ Тозѣ. Тутъ въ первый разъ жители острова Танры представились микадо.»

Мы уже видѣли, что суда этихъ островитянъ претерпѣли крушеніе у японскихъ береговъ въ 654 и 657 годахъ. Только въ вышеприведенномъ отрывкѣ, писанномъ по ки-

тайски, островъ называется *Танло* или *Танра*, а прежде въ Ниппонки онъ назывался различнымъ образомъ: *Тобора* или *Тобира*, *Томура*, *Темра*, *Тонра*, или даже *Тодора*. Китайцы, замѣнивъ знакъ *Танъ* другимъ соответствующимъ, который можно произносить и *чинъ* и *танъ*, сдѣлали *чинло*, названіе, перешедшее и къ Японцамъ, гдѣ оно подало поводъ къ синониму *Цимура* (*Цимра*, *Цинра*). Къ числу такихъ вариантовъ можно причислить и *Тобидаре* или *Томидаре*, имя того племени южной Кары, которое въ 249 году было покорено жителями Боцзи вмѣстѣ съ Японцами, потомъ присоединено къ Боцзи, и является въ исторіи въ 251 и 277 году. *Танра* называется нынѣ *Це-цу*; это островъ Кельпаартъ, у котораго голландскій корабль «*De Sperwer*» претерпѣлъ крушеніе въ 1653 году. Селеніе *Таджанъ*, упоминаемое въ разсказѣ капитана Гамеля, который описалъ это кораблекрушеніе, называется нынѣ *Та-цѣбнъ*.

Тунъ-гу-тунъ-цзянь сохранилъ мифологическое преданіе о происхожденіи жителей *Танры*. Оно находится на 19 страницѣ XIII тома Японской Энциклопедіи и даетъ нѣкоторое, слабое понятіе о жизни первоначальныхъ обитателей этого небольшого острова.

«Въ то время, когда островъ былъ еще необитаемъ, три генія вышли изъ земли. Они назывались *Лянъ-ина*, *Гао-ина* и *Фу-ина*.

Разъ, охотясь на берегу, они увидѣли каменный сундукъ; открывъ его, нашли трехъ дѣвушекъ, нѣсколько жеребятъ, телятъ и сѣмена пяти разныхъ сортовъ хлѣбныхъ растеній.

Они раздѣлили между собой дѣвушекъ, и отдѣльно поселились на плодородной землѣ, орошаемой чистыми ручейками Мѣсто, которое занялъ Лянъ-ица, стало первою столицею; другія два—второю и третьею. Они бросили сѣмена въ землю, выгнали скотъ на пажити и предуготовили обиліе и богатство острова, съ котораго въ первый разъ посланы естественныя произведенія въ Боцзи въ четвертый годъ царствованія Аньхай (*Юане-зой*) (476 г.)—сунскаго государя Юй.»

Энциклопедія увѣряетъ, что жители Танры явились въ первый разъ въ Японіи въ первый годъ царствованія микадо *Тенци* (въ 666 г.), а въ 668 году привезли подарки, состоявшіе изъ разныхъ сортовъ хлѣба. Числа обозначены въ Ниппонки, которая говоритъ о посольствѣ изъ Танры подъ 665 годомъ; за этимъ посольствомъ пріѣхалъ князь съ подарками въ первый мѣсяцъ 666 года. Танра еще присылала дань Японіи въ 667 и 669 годахъ; а въ исторіи государства Танъ упоминается, что въ то же время (около 665 года) она отправила пословъ въ Китай. При паденіи государства Боцзи, она досталась

Синьмо; а когда Монголы завоевали Гаоли, Японцы, если вѣрить китайскимъ лѣтписямъ, сдѣлали высадку на этотъ островъ, въ пользу южнаго государства Сунъ; но это показаніе не подтверждено японскими историками. Во время перваго похода Монголовъ противъ Японіи, въ 1234 году, она оставила гарнизонъ на Танрѣ и даже назначили туда губернатора, считая островъ важнымъ пограничнымъ мѣстомъ. Въ 1294 году Танра уступлена королю Гаоли (Каоли), который учредилъ на ней военный постъ, а въ портѣ *Це-цю* завелъ морскую станцію.

(660 г. 1-й мѣсяцъ). Гаолійское посольство пріѣзжаетъ въ Цукузи. (Нип. XXVI, 11).

(3-й мѣсяцъ). Абено Фирафу, князь Кози (Иециго) предпринимаетъ съ двумя стами кораблями экспедицію на сѣверъ, въ страну Сошинъ (Маньчжу).

Ниппонки представляетъ объ этой экспедиціи разсказъ, несовсѣмъ удовлетворительный, особенно въ географическомъ отношеніи. Тамъ сказано:

«Фирафу направился къ берегамъ Великой рѣки (проливъ Цугаръ), съ жителями сѣвернаго Ниппона, которые плыли въ собственныхъ лодкахъ. Тысяча жителей на *Иезо* изъ *Ватаризимы* (нынѣшняго *Мацмая*), которые жили на берегу, разставили палатки недалеко отъ рѣки. Двое изъ нихъ прибѣжали съ

крикомъ: «Сошины убьютъ насъ, корабли ихъ подходятъ во множествѣ; переберемся на другой берегъ, подъ покровительство Японцевъ.» Князь послалъ лодку за этими двумя жителями Иezo, и спрашивалъ ихъ о положеніи и силѣ непріятеля. Они рассказали, гдѣ онъ скрывается, и увѣрили, что у него двадцать кораблей. Тогда князь отправилъ гонцевъ, приглашая Сошиновъ на свиданіе, и велѣлъ положить на берегъ оружіе и цвѣтныя шелковыя матеріи. Сошины тотчасъ явились въ своихъ баркахъ, въ которыхъ вмѣсто знаменъ стояли пики, украшенные бѣлыми перьями. Они пристали къ удобному мѣсту и послали на берегъ двухъ старцевъ, которые, подойдя осторожно, съ любопытствомъ разсматривали разложенные на берегу предметы, и обмѣнявъ часть своей одежды на кусокъ матеріи, ушли. Скоро показались другіе люди и сдѣлали тоже, что старики. Фирафу посылалъ еще нѣсколько лодокъ за этими чужеземцами; но они не обратили вниманія на его просьбы и возвратились на островъ *Беробе*. На другой день, японскій начальникъ приказалъ атаковать Сошиновъ въ ихъ окопахъ; они храбро защищались, но сраженіе кончилось ихъ пораженіемъ. У Японцевъ убитъ князь *Ното*. Фирафу привелъ пятьдесятъ плѣнниковъ, изъ которыхъ сорокъ семь были выставлены въ

Ямато на террасѣ, построенной для этого случая; впрочемъ, съ ними обходились гостеприимно.» (Нип. XXVI, 11, 12).

(660 г. 9-й мѣсяцъ). Японія получаетъ извѣстіе о разрушеніи государства Боцзи, которое завоевано въ 7-й мѣсяцъ этого года соединенными силами Китая и Синьло. Король и весь дворъ попали въ плѣнъ къ Китайцамъ (*).

(661 г. 1-й мѣсяцъ). Китайскій военачальникъ *Суинъ-фанъ* и монгольскій князь *Цибигали* доходятъ сухимъ путемъ и моремъ до столицы Гаоли. (Нип.кн., XXVII, 1).

(5-й мѣсяцъ). Князь съ острова Данью, по имени Абаки, привозитъ подарки микадо.

(662 г. 1-й мѣсяцъ). Гаоли, которому угрожаютъ Китайцы и Синьлосцы, проситъ помощи у Японіи, которая посылаетъ войско для охраненія крѣпости *Сору* и для защиты южныхъ границъ Гаоли отъ вторженія враговъ. (Нип. XXVII, 2).

(5-й мѣсяцъ). Японскій военачальникъ *Ацумино-Фирафу* ведетъ *Фэнъ-чана* (**) въ Боцзи съ 170 кораблями.

(*) Выше изложены событія, послѣдовавшія за этимъ завоеваніемъ и безплодныя усилія Японцевъ помочь Боцзи, и потому здѣсь не повторяются.

(**) Этотъ *Фэнъ-чанъ* или *Дунъ-чанъ* былъ сынъ короля Боцзи и жилъ заложникомъ у микадо.

(663, 2-й мѣсяцъ). Посольство съ данью изъ Боцзи.

(3-й мѣсяцъ). Японская армія въ 27 тысячъ человѣкъ отправлена противъ Синьло.

(8-й мѣсяцъ). Битва Японцевъ съ Китайцами на *Пе-цунъ-цзянь*. Паденіе государства Боцзи. (Нипки, XXVII, 4).

(664 г. 5-й мѣсяцъ). Лю-жень-юань (*Ліо-шинъ-юенъ*), военный китайскій губернаторъ въ Боцзи (*Пеци*), открываетъ переговоры съ Японіею. Коммисары его приняты съ уваженіемъ.

Несчастіе Боцзи заставляетъ Японцевъ опасаться за собственную безопасность; они ставятъ стражей (*секи мори*) въ Цукузи и на островахъ Ики и Цузимѣ, гдѣ они устроятъ также береговые огни или сигналы. Въ то же время строятъ большую стѣну Мицуки, въ Цукузи (*Финцентъ*) и вырываютъ рвы, ее защищающіе. (Нипки, XXVII, 8).

(665 г. 5-й мѣсяцъ.) Четыреста переселенцевъ обоого пола изъ Боцзи (*Пеци*) перевозятся въ провинцію Оми и употреблены на земледѣльческіе труды.

(8-й мѣсяцъ.) Японцы строятъ крѣпостцу въ Нагатѣ и двѣ въ Цукузи. Посольство изъ Даньло.

(9-й мѣсяцъ.) Посольство изъ государства Танъ пріѣзжаетъ переговариваться о мирѣ.

Японское посольство отвозить его обратно.
(Ниппи, XXVII, 9.)

(666 г. 1-й мѣсяцъ.) Князь даньлоскій привозить подарки.

(10-й мѣсяцъ.) Пріѣзжаютъ гаолійскіе послы.

Двѣ тысячи переселенцевъ изъ Боцзи, обоего пола, поселяются въ восточныхъ провинціяхъ Ниппона.

(667 г. 7-й мѣсяцъ) Даныло присылаетъ дань микадо. (Ниппонки, XXVII, 10).

(11-й мѣсяцъ.) Начинаютъ строить города, *Канедано-сиро* на островѣ *Пузима*, *Язима-но-сиро* въ *Сануки*, и *Такаязуно-сиро* въ *Ямато*. При этомъ случаѣ открываютъ серебряныя руды въ *Пузимѣ*.

Повѣренные китайскаго правительства въ Боцзи привозятъ трактаты къ губернатору въ *Пукузи*. (Нип. XXVII, 10).

(668 г. 7й мѣсяцъ.) Гаоли проситъ помощи у Японіи.

(9-й мѣсяцъ.) Пріѣзжаютъ послы изъ *Синьло* (*Синры*) и привозятъ въ подарокъ золото, серебро, мѣдь, желѣзо, хлопчатую бумагу, шелкъ и кожи дикихъ козъ. Имъ даютъ подарки отъ имени микадо.

(10-й мѣсяцъ.) Китайскій главнокомандующій *Инъ-Гунъ* покоряетъ Гаоли.

(11-й мѣсяцъ.) Размѣнъ посольства съ *Синьло*. (Ниппонки, XXVII, 13).

(669 г.) Даньлосцы приѣзжаютъ въ Япо-
нію.

(9-й мѣсяцъ). посольство изъ Синьло.

(670 г. 9-й мѣсяцъ). Японскіе повѣренныя
ѣдутъ въ Синьло. (Нипки, XXVII, 16).

(671 г. 1-й мѣсяцъ.) Двѣ тысячи Китай-
цевъ, на сорока семи корабляхъ, приѣзжа-
ютъ съ острова Фучи въ Цукузи. Боясь не-
пріязненнаго приѣма, они предупредили кня-
зя Цукузи о своемъ приѣздѣ. Вступивъ на
берегъ, они надѣли трауръ по микадо, и воз-
дали честь его наслѣднику, поклонившись
на востокъ. Они уѣхали, получивъ подарки.
(Ниппонки, XXVIII, 2).

(5-й мѣсяцъ.) Посольство изъ Гаоли.

(11-й мѣсяцъ.) Губернаторъ Цукузи при-
нимаетъ нѣсколькихъ повѣренныхъ изъ Синь-
ло; микадо награждаетъ ихъ титулами.

(673 г. 6-й мѣсяцъ.) Князя *Кумаки* и *На-
ра-ума*, изъ Даньло, приѣзжаютъ въ Цукузи,
на поклоненіе новому микадо; ихъ отпуска-
ютъ съ подарками.

Приѣзжаютъ синьлоскіе послы, частію въ
траурныхъ одеждахъ, частію для принесенія
поздравленій новому микадо. Первыхъ при-
нимаютъ въ Огозакѣ, вторыхъ отпускаютъ
въ Цукузи. (Нип. XXVIII, 3).

(8-й мѣсяцъ.) Посольства изъ Гаоли.

(674 г.) *Чанъ-цунъ*, король боцзискій толь-
ко по имени, умираетъ въ Японіи.

(3-й мѣсяцъ.) Японія начинаетъ употреблять серебро, извлеченное изъ цузимскихъ рудниковъ. (Нип. XXVIII, 4).

(675 г.) Послы синьлоскіе приняты и отпущены въ Цукузи.

(3-й мѣсяцъ.) Посольство изъ Гаоли. Синьлоскій князь получаетъ аудіенцію въ Огозакѣ; его отпускаютъ въ восьмой мѣсяцъ.

(7-й мѣсяцъ.) Японскіе повѣренныя ѣдутъ въ Синьло.

(8-й мѣсяцъ.) Кумаки, князь даньлоскій, пріѣзжаетъ въ Цукузи.

(9-й мѣсяцъ). *Кушу*, король даньлоскій, посѣщаетъ Огозаку.

(10-й мѣсяцъ.) Губернаторъ Цукузи, *Дайсайфу*, присылаетъ тридцать Китайцевъ, которыхъ поселяютъ въ *Тогодоми*. (Ниппон. XXVIII, 8).

(676 г. 7-й мѣсяцъ.) Японскіе повѣренныя ѣдутъ въ Синьло.

(11-й мѣсяцъ.) Посольство изъ Синьло; его призываютъ въ Міяко въ 3-й мѣсяцъ слѣдующаго года. Посольство изъ Гаоли.

(677 г.) Жители Танегазима являются въ Цукузи, просятъ о гостепримствѣ.

(8-й мѣсяцъ.) Князь Тура, изъ Даньло, является съ данью; его призываютъ въ Міяко, въ 1-й мѣсяцъ 678 года.

(678 г.) Прибытіе синьлоскаго посольства; оно является въ Міяко въ слѣдующемъ году.

(679 г.) Тоже.

(680 г.) Тоже.

(5-й мѣсяцъ). Посольство изъ Гаоли. Губернаторъ Цуки угощаетъ его.

(681.) Послы изъ Гаоли прѣзжаютъ въ Цукузи въ 4-мъ мѣсяцѣ, а изъ Синьло въ 6-мъ.

(7-й мѣсяцъ.) Японія посылаетъ повѣренныхъ своихъ въ Синьло и въ Гаоли.

(10-й мѣсяцъ.) Синьло извѣщаетъ дворъ о смерти своего короля Чунъ цю-чи.

(682.) Посольство изъ Синьло. Размѣнъ посольствъ между Японією и Гаоли, въ 5 мѣсяцѣ.

(683.) Размѣнъ посольствъ между Японією и Синьло.

(684.) Японія посылаетъ повѣренныхъ въ Гаоли и въ Даньло. Посольство изъ Синьло.

(685 г. 2 й мѣсяцъ.) Прибытіе въ Цукузи посольствъ изъ государствъ Танъ, Гаоли, Боцзи, Синьло и Даньло.

(686 г.) Тоже.

(687.) Посольство отъ Синьло (Синры). Губернаторъ Цукузи отправляетъ въ Ниппонъ шестьдесятъ два Корейца, жителя Боцзи и Синьло; въ числѣ ихъ находятся пустыnnики и пустыnnицы. (Ниппонки; XXX, 3).

(1-й мѣсяцъ.) Японія сообщаетъ Синьло о смерти микадо. Пятьдесятъ шесть пересе-

ленцевъ изъ Гаоли назначаются въ земледѣльцы въ провинцію *Фитази*, четырнадцать изъ Боцзи въ *Симодске*, и двадцать два изъ Синьло въ *Музази*.

(688.) Посольство изъ Синьло и Даньло.

(689.) Посольство изъ Синьло.

(690.) Нѣсколько шамановъ и пятьдесятъ синьлоскихъ выходцевъ поселяются въ провинціи *Кодске*; изъ Боцзи прибываютъ еще новые колонисты. Изъ Китая возвращаются нѣсколько плѣнниковъ. (Ниппонки, XXX, 15).

(692.) Посольство изъ Синьло.

(693.) Посольства изъ Синьло и Даньло.

(695 и 696.) Посольство изъ Синьло.

(701 г. 5-й мѣсяцъ) Многочисленная японская депутація, подъ начальствомъ *Авадано Мабито*, отправляется къ Танскому двору. (Нипранъ, II, 10.)

(709.) Посольство изъ Синьло.

(716.) Въ Музази устроивается колонія изъ 1799 Гаолійцевъ; мѣсто, занятое ими, получаетъ названіе *Комано-Гохори*. (Нипранъ, II, 12).

Около 712 года (см. Дайцинъ-итунъ-чжи) Японія посылаетъ въ Китай посольство и проситъ посвятившихъ себя изученію наукъ *Абено Накамаро*, двадцати шести лѣтъ, и *Симо-мицино-Маби*, двадцати трехъ, дать книги и средства къ изученію ученія Кунфуцзы.

Танскій государь Минъ Хуанди назначилъ учителя Чжао Юаньмо и подчинилъ ихъ церемоніальной придворной конторѣ (см. Дай-цинъ-итунъ-чжи). Последний, воротясь въ отечество въ 735 году, слылъ тамъ за самаго ученаго человека подъ именемъ *Кибино-даизи*. Абено Накамаро прожилъ въ Китаѣ шестьдесятъ одинъ годъ, и достигъ въ этой имперіи до званія *Би-шу-цзянь* (архивнаго начальника). Этотъ Японецъ находился въ сношеніяхъ со всѣми извѣстными учеными своего времени. Увѣряютъ, что въ 777 году онъ погибъ на возвратномъ пути въ Японію, во время бури; но другіе говорятъ, что онъ спасся на берегъ *Дунъ-цзинъ*, воротился въ Китай и провелъ тамъ послѣдніе дни жизни. *Тадзифино Катамори*, начальникъ миссіи, воротился въ Японію въ 12-мъ мѣсяцѣ 718 года. (Нипранъ, II, 12.)

(725.) Основано училище переводчиковъ китайскаго языка. (Япон. Энци. VII, 25.)

(728.) Прибытіе первого посольства изъ королевства *Бохай*. Послѣ паденія государства Гаоли одна часть его образовала изъ себя независимую державу подъ именемъ *Бохай* (*). Король этой новой державы *Тайу*, (*великій воинъ и великій художникъ*) поручилъ

(*) Нипранъ, и Япон. Энци. XII, 3..

своимъ посламъ возобновить узы, которыя въ прежнее время соединяли Гаоли съ Япо-
ніею. Сначала это новое королевство состоя-
ло только изъ земель, *собственно принадле-*
жавшихъ Гаолійцамъ; но потомъ распростра-
нило свою власть на Ляодунъ, принадлежав-
шій государству Танъ, и расширило южные
предѣлы далѣе Шинжана, бывшей столи-
цы Гаоли. До 922 года, оно оставалось по-
стояннымъ и неизмѣннымъ союзникомъ Япо-
ніи, и корабли его, привозившіе дань, не
переставали бороздить волны морскія между
Дева и Иециго. Въ царствованіе *Да-цинъ-ци*,
въ 925 году, Бохай покоренъ Монголами (Ки-
танъ). (Гонціо, и пр. Нипранъ, II, 14)

(732.) Японія посылаетъ въ Китай *Тад-*
зифико Фиронари, который возвращается че-
резъ три года съ *Силоно Мицино Мабы* (Ки-
бино *Данзи*). Эготъ ученый привозитъ собра-
ніе книгъ и инструментовъ, вмѣстѣ съ изоб-
раженіями Кунфуцзы, Іенцу и девяти китай-
скихъ мудрецовъ. Онъ прожилъ двадцать
лѣтъ въ Китаѣ.

(750.) *Фудзаварана Сейга* и *Оготономо Ко-*
маро отправляются въ Китай съ ученымъ
Кибино Маби. Первый остается тамъ до 777
года и пріобрѣтаетъ уваженіе при Дворѣ.
Два послѣдніе возвращаются въ Япоцію въ
754 году. (Нипранъ, II, 14, 19.)

(758, 12-й мѣсяцъ.) При полученіи извѣ-

стія о мятежѣ *Нянь-ло-шана* въ Китаѣ, дворѣ приказываетъ губернатору Цукузи защитить провинцію со стороны моря, для предупрежденія вторженія этого мятежника, еслибъ ему пришлось отказаться отъ покушеній на Танскій престолъ и бѣжать изъ китайскихъ владѣній.

(763.) Посольство изъ Гаоли.

(772.) Посольство изъ Бохай.

(777.) Японское посольство отправляется въ Китай. Изъ четырехъ кораблей, отпавшихъ по обычаю чиновникамъ, которымъ было поручено представлять Японію при китайскомъ дворѣ, только два возвратились въ 10-й мѣсяцъ слѣдующаго года. Другіе два погибли, и съ ними погибъ *Вононо Иване*, начальникъ японскаго посольства, и *Чао-бао-инъ*, китайскій посолъ. *Сейга*, изъ дома *Фудзивара*, жившій съ 750 года при дворѣ Танскомъ, и рѣшившійся ѣхать съ товарищемъ своимъ *Абено Накамаро* только послѣ неотступныхъ его просьбъ, погибъ тѣ же. (Нипранъ, II, 28, 29.)

(779.) Танскій дворъ въ свою очередь присылаетъ посольство, которое принято при дворѣ микадо, и получаетъ три тысячи кусковъ хлопчатобумажной матеріи въ подарокъ. (Нипранъ, II, 29.)

(804.) Отправляютъ въ Китай посольство, съ которымъ ѣдутъ жрецы *Го-кай* (*гунъ хай*,
т. III. 27

спокойное море) и *Тенгю* (*чуань-цзяо*, учитель). Последний возвращается въ 805 году съ посольствомъ и основываетъ буддистскую секту *Таньтай* съ позволенія микадо. Го-кай возвращается въ Японию въ 806 году; онъ основываетъ секту *Сингонъ*. Гокай одно лицо съ знаменитымъ *Кобо-Данзи*.

(810.) Посольство отъ Бохай.

(813.) Синьлоскіе разбойники грабятъ Фиценъ.

(815.) Бохай присылаетъ пословъ; ихъ приглашаютъ на великолѣпный пиръ въ дапри; одинъ изъ нихъ представляетъ посланіе въ стихахъ и за это получаетъ чинъ отъ японскаго правительства.

(817.) Сто восемьдесятъ синьлоскихъ переселенцевъ пріѣзжаютъ въ Японию подъ начальствомъ *Цинъ-синъ-цина*. (*Ва-канъ-нянь-ню*).

(818.) Синьло присылаетъ подарки.

(820, 2-й мѣсяцъ.) Возмущеніе между синьлоскими поселенцами въ провинціяхъ *Того-дами* и *Суруга*. Эти люди въ числѣ семисотъ, хотѣли бѣжать изъ Японіи; убили множество жителей въ обѣихъ провинціяхъ и уже готовы были отправиться на судахъ, нагруженныхъ хлѣбомъ изъ провинціи *Идзу*, когда на нихъ напали войска изъ *Музаки* и *Сагами* и всѣхъ безъ изъятія перерѣзали. (*Нипранъ*, II, 47.)

(4-й мѣсяцъ.) Прибытіе китайскихъ переселенцевъ.

(822.) Переселенцы изъ Синьмо.

(837.) Посольство японское отправляется въ Китай на четырехъ корабляхъ.

(849, 4-й мѣсяцъ.) Посольство изъ Бохай.

(869, 6-й мѣсяцъ.) Синьмоскіе разбойники вторгаются въ портъ Факата и грабятъ корабли, которые везли дань изъ Буцена. Они удаляются отъ береговъ при приближеніи войскъ изъ Дайзайфу.

(871, 12-й мѣсяцъ.) Депутация отъ Бохай выходитъ на берегъ въ провинціи Кага.

(883, 1-й мѣсяцъ.) Посолъ Поэти, человекъ чрезвычайно ученый, разговариваетъ о поэзіи съ министромъ иностранныхъ дѣлъ; микадо дѣлаетъ въ честь его конскія скачки.

(885, 10-й мѣсяцъ.) Губернаторъ Цукузи, по приказанію микадо, запрещаетъ продажу китайскихъ товаровъ. (Ва-канъ-нянь-цю).

(894, 9-й мѣсяцъ.) Синьмоскіе разбойники, съ пятьюдесятью кораблями, предпринимаютъ высадку на Цузиму. Князь Цикужень спѣшитъ изъ Дайзайфу съ отрядомъ войска; разбойники разбиты и при этомъ случаѣ лишаются трехъсотъ человекъ, всѣхъ судовъ и всего оружія. (Ниппанъ, III, 13.)

(12-й мѣсяцъ.) Пріѣзжаютъ бохайскіе жители.

(908 и 920.) Тоже.

(935.) Рыбаки изъ *Уюе* пріѣзжаютъ въ этотъ годъ, равно какъ и въ слѣдующіе 936, 947, 957 и 959.

(935.) Паденіе королевства *Синьло*.

(942.) Семь синьлоскихъ кораблей останавливаются на якорѣ у острова *Оки*.

(973.) Японія получаетъ лошадей изъ *Гаоли*.

Между 994 и 997 годами Японецъ *Дяо-жань* пріѣзжалъ къ сунскому двору съ 5 учениками и былъ принятъ императоромъ *Тай-цзунъ* и награжденъ краснымъ платьемъ и помѣщенъ въ *Тайпинъ-синъ-го-сы*. По просьбѣ его императоръ наградилъ его тибетскими печатными книгами. (См. *Дайцинъ-итунъ-чжи*.)

(998, 8-й мѣсяцъ.) *Нанбаны* (южные чужестранцы), которые укрѣпились на нѣсколькихъ островахъ въ *Цукузи*, взяты, приведены въ *Даизайфу* и казнены въ этомъ городѣ, какъ разбойники. (*Нипранъ*, III, 37.)

(1019, 4-й мѣсяцъ.) Флотъ чужеземныхъ морскихъ разбойниковъ, состоящій изъ пятидесяти судовъ, пристаётъ къ острову *Ики*; его отбиваютъ и прогоняютъ войска изъ *Даизайфу*. (*Нипранъ*, III, 40.)

(1020.) Южные чужеземцы силою хотятъ ворваться въ *Сапуму*; жители прогоняютъ ихъ.

(1049) *Чанъ Шей-лунъ*, изъ королевства

Сунъ (въ Китаѣ), ищетъ убѣжища въ Японіи.

(1066.) Прибытіе въ Японію купеческаго торговаго корабля изъ королевства Сунъ.

(1080, 3-й мѣсяцъ). Король гаолійскій заболѣваетъ и посылаетъ письмо въ Даузаифу, въ которомъ приглашаетъ къ себѣ *Мазатада*, доктора изъ *Танбы*, столь искуснаго, что онъ приобрѣлъ славу и за предѣлами своего отечества. Но весь дворъ воспротивился просьбѣ гаолійскаго короля и ему отказали. (Нипранъ, IV, 4.) (*)

(1165.) *Минамотано таметоме*, благородный Японецъ, сосланный на островъ Огозиму, въ провинціи Ишу, бѣжитъ на острова Люцю (какъ гласитъ преданіе) и распространяетъ тамъ нравы и обычаи своей страны.

(1187, 4-й мѣсяцъ). Буддистскій жрецъ *Еи-сан* (*Юнъ си*, прославленный западъ) совершаетъ путешествіе въ Китай. Онъ возвращается въ четвертый мѣсяцъ 1191 года, и распространяетъ въ Японіи начала секты *Зензю* или *Шень-цунъ*. (Нипранъ, IV, 46.)

(1211, 2-й мѣсяцъ.) Буддистскій жрецъ

(*) Тутъ дѣло идетъ о *Ванъ-хой*, который умеръ въ 1083 году. Въ переводѣ *Ниппонъ во даи ици ранъ* слова: *Кораи-кокъ-о ямафи нѳорита* переданы такъ: *Король Кореи, Олмафи*, и пр. — А они просто значать: «Король Кореи, будучи боленъ. . .»

Зіунъ-зоо (*Шюнъ-синъ*) возвращается изъ Китая и распространяетъ въ Японіи секту *Ритъ-сіу-Люцунъ*. (Нипранъ, V, 10.)

(1217, 6-й мѣсяцъ.) *Ченъ-го-цинъ*, прибывшій отъ сунскаго двора, посѣщаетъ сіюгуна *Санетомо*. (Нипранъ, V, 13.)

(1235, 4-й мѣсяцъ.) Буддистскій жрецъ *Теннинъ* отправляется въ Китай для изученія религіозныхъ правилъ у жреца *Уцюна*, на горѣ *Циншань*. Онъ возвращается въ Японію въ 1241 году. (Нипранъ, V, 23.)

(1268, 12-й мѣсяцъ.) Получено въ *Даизанфу* письменное сообщеніе отъ монгольскаго хана. Его отослали къ сіюгуну въ *Камакуру* а тотъ передалъ его *микадо*. Совѣтъ сіюгуна рѣшилъ, что не слѣдуетъ отвѣчать, хотя *микадо* приказалъ уже приготовить письмо. (Нипранъ, V, 40.)

Въ Японской Энциклопедіи, XIII, 6, помѣщенъ этотъ документъ; вотъ его переводъ:

«*Письмо великаго хана монгольскаго къ королю Ниппона.*

Я владѣтель государства, прежде незначительнаго, но теперь распространившагося приобрѣтеніемъ сосѣднихъ земель; и я стараюсь водворить въ нихъ согласіе и вѣрность на вѣки. Сверхъ того, предки мои, въ силу свѣтлаго приказанія небесъ, разомъ завладѣли землею *Ся*. Невозможно изчислить страши

и городовъ, которые на далекомъ разстояніи страшатся нашего могущества, обожаютъ наши добродѣтели.

«Когда я вступилъ на престолъ, скромное народонаселеніе Гаоли страдало подъ бременемъ войны. Я остановилъ непріязненные дѣйствія и отослалъ солдатъ далѣе отъ границъ, въ лагери, гдѣ ихъ знамена. Король и народъ прибыли къ моему двору благодарить меня; я принялъ ихъ ласково, какъ отецъ. Ваши слуги будутъ приняты также; я такъ рѣшилъ. Гаоли граница моя на востокъ; Ниппонъ, близкій къ ней, уже имѣлъ сообщенія съ Срединной Имперіей. Только со времени вступленія моего на престолъ, не прѣзжало пословъ изъ Ниппона для заведенія со мной дружескихъ сношеній. Полагая, что настоящее положеніе дѣлъ не совсемъ извѣстно въ вашей странѣ, я отправляю къ вамъ пословъ съ этимъ письмомъ, которое должно передать вамъ мои намѣренія; надѣюсь, что такимъ образомъ мы дойдемъ до согласія и заключимъ союзъ, основанный на взаимной дружбѣ. Но какъ исполнить это желаніе, если не будемъ жить въ мирѣ? Въ этой мысли, только при послѣдней крайности, прибѣгну я къ оружію. Королю (Ниппона) теперь остается рѣшить, что ему угодно выбрать.»

(1269 г.) Посланные Монголы прѣзжаютъ

въ Цузиму на гаолійскомъ кораблѣ, и увозятъ двухъ Японцевъ, *Тозиро* и *Мизиро*, которыхъ присылаютъ назадъ, съ подарками, старавшись добыть отъ нихъ разныя свѣдѣнія. (Нипранъ, V, 40).

(1271.) *Чжао-лянъ-пи* привозитъ изъ Гаоли, отъ имени монгольскаго хана, Хубилая, грамоту въ городъ Имацу, въ провинціи Цукузи. Даири и дворъ сіюгуна не отвѣчаютъ на это посланіе, и курьеръ уѣзжаетъ безъ успѣха. Его провожаетъ *Мизиро*, въ качествѣ посла или, лучше сказать, шпиона японскаго правительства. *Мизиро* представляютъ монгольскому хану, который обходится съ нимъ ласково. (Нипранъ, V, 41).

(1273.) Вторая попытка Монгола *Чжао-лянъ-пи* не счастливѣе первой. Его отправляютъ назадъ по дорогѣ *Даизаифу*, такъ, что онъ не успѣлъ представиться ни микадо, ни сіюгуну.

(1274 г. 3-й мѣсяцъ.) Не получая никакого отвѣта на нѣсколько разъ посланные письма, Хубилай вооружаетъ противъ Японіи триста кораблей, триста быстрыхъ судовъ и триста легкихъ барокъ. Даири приказалъ произносить молитвы въ нѣсколькихъ храмахъ Ками, а сіюгунъ изъ Кванто распоряжался приготовленіями къ защитѣ. Въ 10-й мѣсяцъ, монгольскій флотъ показался у острова Цузимы; тамъ гарнизонъ мужественно за-

щищался. Нападавшіе сражались безъ единства, безъ дисциплины; у нихъ недостало стрѣль и они скоро удалились, пройдя мимо Кіузіу, гдѣ произвели опустошенія въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Японская Энциклопедія, XIII, 7, такъ рассказываетъ объ этомъ походѣ:

«Монгольская армія состояла изъ 25 тысячъ человекъ; предводительствовалъ ею *Уцюнъ*, съ званіемъ главнокомандующаго (*Даяюань-шуай*). *Гунъ-ча-ци* командовалъ правымъ крыломъ, а *Лю фу-тинъ*—лѣвымъ. Къ арміи присоединились 8,000 Гаолійцевъ, раздѣленные на три корпуса, каждый подъ командою трехъ генераловъ, и 6,700 моряковъ.

Флотъ вышелъ изъ порта *Го-пу* (*Ушко союза*,—вѣроятно *Цинъ-пу*, близъ устья Ханьцзяна). Одиннадцать дней пробылъ онъ въ дорогѣ; сраженіе началось у Острова Ики. Монгольскій генералъ, *Лю-фу тинъ*, пораженный стрѣлою, приказалъ отступить. Ночью вдругъ поднялась буря, съ такимъ сильнымъ вѣтромъ, что множество кораблей разбилося объ утесы. Гаолійскій генералъ *Цинсинъ* погибъ въ волнахъ; остальные искали спасенія въ бѣгствѣ. Можно полагать достоверно, что болѣе 13,500 человекъ не возвратились въ отечество.

(1275 г. 2-й мѣсяцъ.) Монгольское посольство, подъ начальствомъ *Ду ши-чуна*, отправ-

ляется въ Японію, съ гаолійскими депутатами, которыхъ отсылаетъ обратно начальство въ Даизайфу. Напротивъ того, три монгольскіе посла представлены сіюгуну въ Камакурѣ; но имъ не позволяютъ воротиться чрезъ Міяко, и письма ихъ остаются безъ отвѣта. (Нипранъ, V, 43) (*).

(1276.) Монгольскіе послы пріѣзжаютъ въ провинцію Нагато; ихъ обезглавливаютъ въ Камакурѣ (Нипранъ, V, 43).

(1279, 6-й мѣсяцъ) Монгольскій посолъ *Фань-ванъ-ху* казненъ. *Ва-канъ-нямъ-шо*.

(1280 г. 2-й мѣсяцъ.) Казнь монгольскаго посла *Ду-ши-чуна*. Предвидя возвращеніе Монголовъ, японское правительство укрѣпляетъ Цукузи. Многочисленныя войска выходятъ изъ Кванто для охраненія царствующаго микадо и принцевъ; но двухъ микадо, отказавшихся отъ престола, сіюгунъ Токимуне приглашаетъ переехать въ провинцію, лежащую на востокъ отъ границы Факоне. Два корпуса арміи, стоявшіе въ *Рокфаръ*, подъ начальствомъ губернатора Міяко, должны были тоже приготовиться къ отступленію. Приказъ микадо, данный духовенству въ Изе, предписывалъ производить молитвы

(*) Японская Энциклопедія, XIII, 7, ошибается, увѣряя, что будто бы эти послы были казнены въ Камакурѣ. Имъ объявлена только ссылка.

во всѣхъ храмахъ различныхъ вѣрованій.
(Нипранъ, V, 44).

(1281 г. 1-й мѣсяцъ.) Въ море вышелъ огромный флотъ, со ста тысячами монгольскихъ солдатъ, подъ начальствомъ генераловъ *Ацегана*, *Фань-вэнь-ху*, (а въ 1279 году онъ былъ казненъ; см. 218 стр.) *Синту* и *Гунъ-ча-цю* (*).

Ацеганъ заболѣлъ; прочіе генералы никакъ не могли согласиться между собою насчетъ плана экспедиціи, и потому въ дѣйствіяхъ арміи вышла разладинца.

Флотъ показался въ 7-мъ мѣсяцѣ въ *Фирато*, откуда пошелъ къ пяти *Горамъ Драконово* (*У-лунъ-шань*, *Горіузанъ*), на островъ *Ики*. Войска *Цукузи*, стоявшія наготовѣ, хотѣли уже вступить въ сраженіе, какъ въ 1-й день 8-го мѣсяца, ураганъ выбросилъ неприятельскія суда на берегъ. *Фань-вэнь-ху* и другіе три генерала, у которыхъ были крѣпкіе корабли, спаслись неизвѣстно по какому направленію. Часть сто-тысячной арміи, собравшись у подошвы *Горіузана* (*У-лунъ-шань*), оставалась тамъ три дня безъ оружія и безъ съѣстныхъ припасовъ. Эти несчастные, въ-

(*) Говорятъ, что флотъ состоялъ изъ шестидесяти тысячъ судовъ; но нѣтъ ничего общаго между гиперболическою цифрою и дѣйствительною силою монгольской арміи.

ривъ начальство храброму Чанъ-бе-гу, замышляли выстроить суда и на нихъ возвратиться во свояси; но на седьмой день на нихъ напали Японцы. Монголы, окруженные со всѣхъ сторонъ, были разбиты; множество ихъ осталось на мѣстѣ; оставшіеся въ живыхъ, всего тридцать тысячъ, были взяты въ плѣнъ и потомъ казнены въ Факатѣ. Побѣдители избавляли отъ смерти только троихъ: *Ганчана*, *Моцина* и *Ю-ванъ-ю*, которыхъ и послали на родину, чтобы они рассказали тамъ о кровавомъ пораженіи. Черезъ нихъ-то монгольскій ханъ *Шицзу-хуан-ди*, государства Юань, узналъ объ уничтоженіи своей арміи. И послѣ того, Монголы государства Юань не пытались нападать на Японию. (См. Дайцинъ итунъ-чжи).

Въ параллель къ этому разсказу о монгольской экспедиціи поставимъ разсказъ Японской Энциклопедіи (XIII, 7), хотя онъ очень похожъ на неполную компиляцію.

Монгольскіе генералы Ацеганъ и Фанъ-вэнь-ху съ сто-тысячнымъ войскомъ вышли изъ порта Цзян-нань, въ южномъ Китаѣ, между тѣмъ, какъ сорокъ тысячъ человекъ Монгольцевъ, Гаолійцевъ и Китайцевъ, сажались на суда въ Го-пу, подъ начальствомъ Сунъ-чя-цю и Синту. Послѣ двадцати четырехъ дневнаго переезда, гаолійскіе генералы Цинъ-фанъ-цинъ, По-цянъ и Цинъ-чеу-тинъ,

входятъ въ заливъ Дай-міура, близъ японскаго селенія Секаи-мура. Тотчасъ курьеры передаютъ въ храмъ ками въ Изе и во всѣ храмы въ имперіи, приказаніе производить молитвы публично. Сіогунъ Фозіо Токимуне, изъ резиденціи своей Камакуры, приказалъ войскамъ Цукузи остановить наступательное движеніе непріятели. Прибывъ къ острову Ики, монгольскія суда выстраиваются въ боевой порядокъ. Одинъ корабль, съ тысячею тремя стами воиновъ и тридцатью шестью матросами, выброшенъ сильнымъ вѣтромъ на берегъ; при этомъ удобномъ случаѣ Японцы начали нападеніе и возбуждали другъ въ другѣ мужество. Скоро величайшій безпорядокъ проявляется въ рядахъ Монголовъ, и генералъ ихъ Синъ-ча-цю спасается на своей лошади вплавъ. На другой день они снова начинаютъ сраженіе; но тутъ были уже совершенно разбиты. Эпидемія, оказавшаяся въ войскѣ, похищаетъ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Синту и Синъ-ча-цю нѣсколько разъ возобновляютъ нападенія, но всегда съ ущербомъ для себя. Предпріятіе встрѣчаетъ препятствіе со всѣхъ сторонъ: Ацеганъ, будучи боленъ, не является на назначенное мѣсто; Фанъ-вэнь-ху пропускаетъ назначенный ему срокъ; и наконецъ, когда онъ приходитъ, въ первый день 8-го мѣсяца, съ тремя тысячами пятью стами военными су-

дами и войскомъ въ сто тысячъ человѣкъ изъ южнаго Китая, поднимается страшный ураганъ, и все поглощено моремъ. У береговъ набирается столько труповъ, что по нимъ можно ходить какъ по мосту. Синь-ча-цю и Фань-вэнь-ху уходятъ въ море, но неизвестно куда. Въ плѣнъ взято тридцать тысячъ человѣкъ; они умерщвлены въ Факато. Изъ нихъ милуютъ только троихъ, Канчапа, Моцина и Ивану, и отсылаютъ ихъ на родину, чтобы они рассказали объ этомъ кровопролитномъ бѣдствіи своимъ соотечественникамъ.

Пока это происходило въ Цукузи, Тада-нава пошелъ въ эту провинцію со всѣми силами имперіи. Подходя къ Бинго, онъ узналъ объ уничтоженіи монгольской арміи, что не позволяло ему продолжать путь, и принять новыя мѣры противъ вторженія чужеземныхъ разбойниковъ. (Нипранъ, V, 44, 45.)

(1284 г.) Во-секи-ю (по-китайски Ванг-ши-юнь) прибѣгаетъ въ Японію въ качествѣ посла изъ государства Юань, подъ покровительствомъ буддистскаго жреца Нинъ ібци, секты Зензю. Имъ поручено было изучить нравы и обычаи имперіи; но посоль убитъ собственными своими матросами на кораблѣ во время пути (*).

(*) Это истинный смыслъ подманика; но въ япон-

Монголы рѣшились на эти изслѣдованія вѣроятно потому, что носился слухъ, будто бы прежній микадо *Камеяма* и семейство сѣюгуна *Фозіо* принадлежали къ сектѣ *Зензю*. (Нипранъ, V, 46.)

(1299.) Жрецъ секты *Зензю*, по имени *И-шанъ*, прѣзжаетъ изъ государства *Юань*. Это былъ монгольскій шпіонъ, имѣвшій тайныя порученія. Сѣюгунъ *Садамаки* приказалъ арестовать его и сослать въ провинцію *Ицу*. Потомъ выпустили *И-шана* изъ заточенія, но не изъ *Японіи*; онъ распространилъ ученіе секты *Зензю* и былъ верховнымъ жрецомъ въ храмѣ *Нанцензи*. Должно полагать, что между жрецами секты *Зензю*, прѣзжавшими въ *Японію* въ это время, много было такихъ, какъ *И-шанъ*. (Нипранъ, V, 53.)

(1327, 7-й мѣсяцъ.) *Цю-теа* (*Цинъ-цинъ*), жрецъ изъ секты *Санъ*, переселяется изъ государства *Юань* въ *Японію*, и доходитъ до званія верховнаго жреца въ храмѣ *Кенцюзі*, въ *Камакурѣ*. (Нипранъ, VI, 4.)

(1366, 9-й мѣсяцъ.) Прибытіе корабля изъ *Гаоли*. (Нипранъ, VI, 28.)

реговскомъ переводѣ Нипповъ-во-дан-ици-рана, сказано: *Но, по законамъ имперіи, умертвили Осекию, со своимъ экипажемъ корабля, на которомъ онъ прибылъ.* (стр. 268.)

Примѣчаніе Зибольда.

(1368, 2-й мѣсяцъ.) Посылають къ минскому двору двухъ жрецовъ (сэнь), знаменитыхъ своею ученостью. Они представляются императору *Тай-цзу*; онъ спрашиваетъ ихъ объ исторіи *Сіуфу* (*).

Одинъ изъ нихъ, по имени *Зецкан*, далъ отвѣтъ въ стихахъ; императоръ отвѣчалъ тоже стихами, которые написалъ самъ. Эти жрецы возвращаются въ Японію въ 1376 году. (Ниппанъ, VI, 30, 35.)

(1374.) Князь *Юзиказу* (по-китайски *Лян-хуай*), приверженецъ дома южныхъ микадо, посылаетъ изъ *Фукузи* въ Китай корабль, а на немъ пословъ и подарки минскому императору. Минскій императоръ принялъ подарки, награждалъ пословъ шелковыми матеріями и приказалъ письменно отвѣчать японскому императору на его письмо. (См. *Дайцинъ итунъ чжи*). Въ письмѣ онъ даетъ себѣ титулъ короля *Ниппона*.

(1373, 6-й мѣсяцъ.) Буддистскіе жрецы *Чунъ-ю* и *У-и* пріѣзжаютъ въ *Міако* отъ минскаго двора, и заключаютъ мирный трактатъ съ сіюгуномъ *Юзимицу*. Уже прежде ихъ, съ

(*) Объ этомъ *Сіуфу* было сказано выше, что онъ изъ Китая, съ тремя тысячами юношей и дѣвушекъ, отправился искать *трацу безсмертія*, на баснословную гору *Пэнъ-лай-шань*, и исчезъ, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ.

этою цѣлію пріѣзжали три посольства, но ихъ останавливалъ въ Кіузіу начальникъ партіи, противной сіюгуну, по имени Іози-казу, и поэтому они никакъ не могли достигъ своей цѣли. (Нипранъ, VI, 33.)

(1374.) Китай приказываетъ наблюдать за берегами Японіи, опасаясь междоусобной войны, которая свирѣцствуетъ въ этомъ государствѣ. (Ва-канъ-нянь цю).

(1377.) Пріѣзжаетъ посольство изъ Гаоли (Чаосянь); но губернаторъ Кіузіу отсылаетъ его обратно. (Яп. Энци. XIII, 13.)

(1380.) Китай запираетъ порты свои для Японіи. Такая мѣра оправдывается важнымъ событіемъ. Японскій жрецъ Сіб-сю, во время поѣздки въ Китай, подружился съ мандариномъ Сю-вей-юномъ; оба вмѣстѣ задумали лишить власти повелителя Китая; за что Сю-вей-юнъ казнень смертію, а буддистскій жрецъ отправленъ въ ссылку. (Нипранъ, VI, 38.)

(1392.) Уполномоченные Гаоли или Чаосяня заключаютъ съ сіюгуномъ мирный договоръ, по которому Гаоли долженъ присылать посольство для поздравленія всякаго новаго сіюгуна, вступающаго на престолъ. (Яп. Энци. XIII, 13.)

(1397, 8-й мѣсяцъ.) Японское посольство отправляется къ танскому двору, въ Китай. (Нипранъ, VI, 46)

(1398, 8-й мѣсяцъ.) Іюзиѣиро, губернаторъ Кіузіу (Ксимо), принимаетъ пословъ чаосянскихъ и передаетъ имъ сообщеніе отъ сіюгуна Миццїози (*). (Нипранъ, VI, 47.)

До 1392 года Минское государство, вѣроятно опасаясь вторженія Японцевъ, въ области Фуцзянь и на всѣхъ берегахъ восточнаго океана укрѣпило 75 городовъ. (Дай цинъ итунъ чжи).

(1401.) Миццї-іюзи посылаетъ къ Гоейми, минскому императору, письмо съ тысячею унціями золота и другими цѣнными подарками, и получаетъ отъ него грамоту на званіе короля Ниппона. (Нипранъ, VI, 48.)

(1402, 9-й мѣсяцъ.) Миццї-іюзи даетъ аудіенцію буддистскому жрецу Даои-ишу, послу минскаго двора, который привезъ ему драгоцѣнныя вышитыя матеріи и календарь.

(1403, 11-й мѣсяцъ.) Ченъ-цзу-хуанъ-ди, минскій императоръ, письменно сообщаетъ сіюгуну Миццї-іюзи о вступленіи своемъ на престолъ. (Нипранъ, VI, 48.)

(1404.) Минское посольство прїѣзжаетъ въ Японію. (Ва-канъ-нянь-цзю).

(1406.) Китайскіи берега опустошаютъ морскіе разбойники изъ Ики и Цузимы. По тре-

(*) Имя это принято сіюгуномъ Минамотоно-Іюзимичу, который въ 1392 году отказался отъ престола въ пользу сына, но продолжалъ управлять государствомъ.

бовацію минскаго государя Чень-цзи-хуанди, сіюкунъ приказываетъ захватить ихъ начальниковъ и возстановить порядокъ. Императоръ китайскій пишетъ ему благодарственное письмо и присылаетъ ему подарки. (Нипранъ VI, 49.)

(1408, 12-й мѣсяцъ.) Минскій императоръ пишетъ къ Юзимоци письмо по случаю смерти отца его. Юзимицу, и даетъ послѣднему посмертнѣй титулъ Дай-сянь-ванъ, король великій, великолюбіиый. (Нипранъ, VI, 50.)

(1409.) Посольство изъ Чаосяня прѣзжаетъ поздравить сіюгуна Юзимоци со вступленіемъ на престолъ, и потомъ никогда Чаосянь не уклоняется отъ обычая поздравлять. (Цю-зенъ-моно-гатары.)

(1412.) Нанбаны, или южные чужеземцы подносятъ дань; въ томъ числѣ чернаго слона и попугаевъ. (Ва-канъ-нянь-цю.)

(1419, 7-й мѣсяцъ.) Прибытіе посольства отъ минскаго двора. (Нипранъ, VI, 53.)

(1423, 7-й мѣсяцъ.) Буддистскій жрецъ, привозитъ изъ Чаосяня буддистское сочиненіе: Ицз-цзинъ. (Нипранъ, VI, 55)

(1432.) Японія. посылаетъ посольство въ Китай. — Повѣренныя изъ Чаосяня. (Нипранъ, VII, 3.)

(1433.) Сюанъ-цзунъ, китайскій императоръ, доставляетъ королевскій дипломъ Юзи-

нари, который былъ сіогуномъ съ 1428 года. (Нипранъ, VII, 4.)

(1434.) Китайскій корабль пріѣзжаетъ въ Японію.

(1443.) Сіогунъ примааетъ посольство чаосяньское. (Нипранъ, VII, 11.)

(1451, 7-й мѣсяцъ.) Жители Люцю привозятъ въ Японію мѣдную китайскую монету и въ то же время свои туземныя произведенія.

(8-й мѣсяцъ.) Сіогунъ *Іозинари* (въ послѣдствіи *Іози-маза*) пишетъ къ минскому императору. (Нипранъ, VII, 4.)

(1456.) *Іозимаза* пишетъ къ королю чаосяньскому.

(1460.) Посольство изъ Чаосяня. (Нипранъ, VII, 17.)

(1466.) Сіогунъ посылаетъ письмо въ Чаосянь. (Ва-канъ-нянь-цю.)

(1469.) Японскій живописецъ *Тецз-сіу* возвращается изъ Китая. (Ва-канъ-нянь-цю.)

(1470.) Сіогунъ посылаетъ письмо въ Чаосянь.

(1474, 9-й мѣсяцъ.) Сіогунъ пишетъ черезъ Чаосянь къ минскому двору и проситъ половину печати для повѣрки паспортовъ кораблей японскихъ, ходящихъ въ Китай. (Нипранъ, VII, 24.)

(1475.) Сіогунъ отправляетъ нѣсколько кораблей въ Китай. Послы къ минскому дво-

ру, отправлявшіеся на этихъ корабляхъ, были обыкновенно жрецы (сэнтъ), пользовавшіеся особымъ покровительствомъ. (Нипранъ, VII, 25.)

(1499.) Сіогунъ проситъ у короля Чаосяня ксилографическія доски *Ици-цзина*, но получаетъ только печатные экземпляры этого буддистскаго сочиненія. (Нипранъ, VII, 30.)

(1523.) *Фозокава — такакуни* посылаетъ *Сунъ-су-цина* въ Китай, на купеческомъ кораблѣ. Князь *Суво* посылаетъ для той же цѣли корабль подъ начальствомъ капитана *Созеца*. Въ *Нинъ-по-фу* оба капитана заводятъ споръ. о томъ, кому идти впередъ. Созецъ входитъ первый и требуетъ, чтобы его отпустили прежде Сунъ-суцина; но послѣдній (изъ Китайцевъ) получаетъ первенство, потому что подкупилъ губернатора. Японскій капитанъ вооружаетъ свой экипажъ, зажигаетъ городъ, убиваетъ губернатора и открываетъ себѣ путь разными насильственными дѣйствіями. Сунъ-Суцинъ сначала успѣлъ убѣждать; но его поймали и отвели въ тюрьму. Съ этого времени, японскіе морскіе разбойники ежегодно опустошали окрестности Нинъ-по. (Нипранъ, VII, 37.)

(1530.) Черный корабль (европейскій) показывается лѣтомъ въ третій изъ годовъ *Корокъ*, передъ *Тунаи*, въ провинціи Бунго. Это

были первые Европейцы, посѣтившіе Япо-
нію. Они подарили два огнестрѣльные ору-
дія князю Бунго (Нагазакская лѣтопись.)

(1541, 7-й мѣсяцъ) Китайскій корабль по-
сѣщаетъ Бунго. (Тамъ же.)

(1543, 8-й мѣсяцъ, 7-й день.) Пять китай-
скихъ кораблей пристають къ Бунго. (На-
газакская лѣтопись.)

(8-й мѣсяцъ, 25-й день.) Черный корабль
прѣзжаетъ въ Танегазима. (Тамъ же.)

(1544.) Прибытіе европейскаго корабля
въ *Куманоура*, въ Огозуми. (Тамъ же.)

(1546.) Прибытіе китайскаго корабля къ
порту *Саеки*, въ провинціи Бунго. (Тамъ же.)

(1547, 7-й мѣсяцъ.) *Юзи-така*, занимав-
шій постъ въ *Ого-уцино-суки*, посылаетъ дань
Китаю. Съ 1393 года управленіе заграничною
торговлею было ввѣрено чиновникамъ, кото-
рые хранили часть печати, долженствовав-
шей находиться на паспортахъ въ Китай. Они
обыкновенно строили въ провинціи *Суво* ко-
рабли, предназначаемые для такихъ поѣздокъ
и при этомъ начальниками всегда посылали
буддистскихъ жрецовъ. Во время смерти *Ю-
зитака*, (въ 1551 году) печать утратилась, и
сообщенія между обѣими имперіями приоста-
новились. (Нипранъ, VII, 43, 46.)

(1549.) Европейскій корабль показывает-
ся передъ городомъ *Узуки* въ Бунго, посѣ-
щаетъ *Куциноцу*, на островъ *Симабаръ*, за-

ливъ Іюкозе близъ Огомуръ, заливъ Фукуда, и бросаетъ якорь, какъ многіе увѣряютъ, у острова Фирато. (Нагазакская лѣтопись.).

(1551.) Европейскій капитанъ, посѣтившій Бунго, даритъ пушку князю въ Узукѣ. (Тамъ же.)

Начиная съ этого времени, корабли *Нанбановъ* или южныхъ чужеземцевъ (Португальцевъ) часто пріѣзжаютъ въ Японию, и въ ней распространяются понятія о Христіанской религіи. (Нипранъ, VII, 46.)

(1554.) Чжюецзянъ атакованъ японскими морскими разбойниками. (Ва-канъ-нянь-цю.)

(1556, 7-й мѣсяцъ.) Китайцы жалуются на морскіе разбои, обвиняя въ нихъ моряковъ изъ Цукузи. Сіогунъ отвѣчаетъ на это письмо. (Нипранъ, VII, 47.)

(1558.) Прибытіе китайскаго корабля въ Нагазаки. (Нагазакская лѣтопись.).

(1563.) Японскіе морскіе разбойники огустошають китайскія моря и наказываются Китайцами. (Ва-канъ-нянь-цю.).

(1567, 8-й мѣсяцъ, 23-й день.) Галіотъ *Kariota-fune* пристаеетъ къ Нагазаки. (Нагазакская лѣтопись.).

(1569.) Европейское судно является въ заливъ Томацъ, а китайское въ Нагазаки. (Тамъ же.)

(1570.) Европейское судно бросаетъ якорь въ Нагазаки. (Тамъ же.)

(1571.) Новое европейское судно приходитъ туда. (Тамъ же.)

(1572.) Миссіонеры проповѣдуютъ христіанство.

(1563.) Въ Нагазаки строятъ первый христіанскій храмъ.

(1575.) Китайскій корабль посѣщаетъ Узунки, въ Бунго.

(1576.) Прибытіе европейскаго корабля въ Бунго.

(1577.) Китайцы входятъ на корабляхъ въ различные порты Ксимо.

(1586.) Сіогунъ Фидеіози требуетъ пословъ отъ короля чаосянскаго. Со времени паденія дома сіогуновъ *Азитада* (1573), Чаосянъ не поддерживалъ дипломатическихъ сношеній съ Японією; онъ даже принялъ строгія мѣры, чтобы японскіе купцы, которые ежегодно пріѣзжали въ его порты, не могли рассказывать о безпорядкахъ, потрясавшихъ Японскую Имперію. Король *Ли лнь* отвѣчалъ только письмомъ на требованіе сіогуну; поэтому князя Цузимы и Буцена, съ буддистскимъ жрецомъ *Гензо*, отправились къ чаосянскому королю и убѣдили его прислать посольство. Оно прибыло вслѣдъ за ними въ 7-мъ мѣсяцѣ 1590 года въ Міяко и получило черезъ два мѣсяца письмо отъ сіогуну, которымъ онъ убѣждалъ *Ли-ян* соединиться съ

нимъ для завоеванія Китая. (Ціозенъ-моно-гатарі.)

До 1592 года Японцы присылали посольство съ подарками къ минскому двору и опустошали приморскіе берега областей Чже-цзянъ, Фуцзянъ и Гуандунъ.—Къ Японцамъ пріѣзжали послы изъ Люцю, Люсунъ, Сюаньло, Франціи и другихъ государствъ. (См. Дайцинъ-итунъ-чжи).

ПЕРВЫЙ ПОХОДЪ СІОГУНА ФИДЕІОЗИ ПРОТИВЪ ЧАОСЯНЯ.

(1592 годъ) (*).

Даико-фиде-іози, достигнувъ собственными стараніями до высшей власти, стремился только къ одной цѣли, которая казалась достойною его: къ обладанію Китайскою Имперіею. Король Чаосяня отказалъ ему въ своемъ содѣйствіи; сіюгунъ рѣшился покорить

(*) Разсказъ объ этомъ первомъ походѣ и о слѣдующемъ заимствованы изъ «Японской Энциклопедіи», XIII, 13, и изъ «Ціозенъ-моно-гатарі»; оба сочиненія служатъ дополненіемъ одно другому. Не привязываясь рабски къ порядку и терминамъ оригинала, мы старались придать ему болѣе цѣлаго и болѣе ясности. Имена мѣстъ, о которыхъ здѣсь идетъ дѣло, означены на моей картѣ Чаосяня, на корейскомъ діалектѣ.

(Прим. Зибольда).

его и тѣмъ начать свое предпріятіе. По призыву его, 156,900 человекъ собралось у Нагоя въ Фиценѣ; ихъ раздѣлили на девять корпусовъ:

1-й корпусъ, 18,700 человекъ, подъ начальствомъ генераловъ: *Юзитози*, изъ княжескаго дома *Со*; *Юкинага*, изъ дома *Конизи*; *Гіобугію*, изъ *Мацуры*,—и *Сюрино-даифу Ари-ма*, князя *Огомуры*.

2-й корпусъ, 20,800 человекъ, подъ начальствомъ *Кіомаза*, изъ дома *Като*, *Тадазиге хана каги*, изъ дома *Набезима*, и *Пагаязу*, хана *Сагары*.

3-й корпусъ, 11,000 человекъ, подъ начальствомъ *Нагимаза*, хана *Кан*, изъ дома *Куро-да*, и *Оготомо Юзимуне*, князя *Бунго*.

4-й корпусъ, 14,000 человекъ, подъ начальствомъ князей *Генго*, изъ дома *Мори*, хана *Ики*, и *Юзифиро*, изъ дома *Сацумы*.

5-й корпусъ, 25,000 человекъ, подъ начальствомъ *Мазанори*, владѣтеля *Фукузимы*; *Минбуно Даифу*, владѣтеля *Тоды*; *Ціозокабе*, хана *Тозы*; *Аризука*, хана *Авы*; и князей *Фацизуки* и *Икомы*.

6-й корпусъ, 15,700 человекъ, подъ начальствомъ *Такакаге*, изъ дома *Кофоягава*; *Фидекане* изъ *Куруме*; *Тацибана Муназиге*, хана *Фиды*; *Такафози Сіюзенъ* и *Цукузи Симо-цукено-сукэ*.

7-й корпусъ, 30,000 человекъ, подъ начальствомъ *Саизео*, изъ Аки.

8-й корпусъ, 10,000 человекъ, подъ начальствомъ *Саизео* изъ Бицена.

9-й корпусъ, 15,500 человекъ, подъ начальствомъ *Саизео*, изъ Гифу, и субъ-генерала Танбы.

Первые два корпуса составляли авангардъ арміи. Восьмой и девятый заняли острова Цузиму и Ики. Сіогунъ самъ пріѣхалъ въ Нагоя, устраивать это войско.

Юкинага и Іозитози вышли съ первымъ корпусомъ изъ порта Нагоя, въ 20-й день 4-го мѣсяца 1592 года, и вступили на южный берегъ Корейскаго Полуострова, противлежащій острову Дуйма-дао. См. Дайцинъ-итунъ-чжи. Тотчасъ же взяли они укрѣпленія *Пузанкай* (по японки, *Фузанкаи*) (*).

Потомъ усиленными маршами достигли они до *Дунлай* и *Лянъ-сана*, взяли оба эти города и проникли въ округъ *Сюнцзиръ*, до *Чунъ-чу*, гдѣ присоединился къ нимъ *Киомаза*, начальникъ втораго корпуса авангарда, который вышелъ изъ Нагоя послѣ нихъ.

(*) По китайски этотъ городъ называется *Фу-шань-пу*, «Ушко-горы-котла.» Этотъ самый портъ посѣщалъ Браунтонъ (Broughton) въ 1797 году и далъ ему названіе порта *Чозана*.

(Примѣчаніе Зибольда.)

Кіомази (по-китайски Цинчженъ) безъ остановки пошелъ на столицу, до которой оставалось три дня пути; но Югинага, обогнавъ его по другой дорогѣ, вошелъ въ это укрѣпленное мѣсто, не встрѣтивъ сопротивленія. Король Лі-янь выѣхалъ оттуда тремя днями ранѣе, и удалился въ *И-чжеу*, въ пограничный городъ на *Ялуцзянѣ*, а два припца и вся королевская фамилія, направившись на сѣверо-востокъ, черезъ *Кирчу* остановились только въ *Хой-нинь*, на берегахъ *Туменьды*.

По этому послѣднему направленію пошелъ второй корпусъ. Войска Юкинаги завоевали округъ *Пэнъ-ань*, и бросились въ древнюю столицу, *Пэнъ-янь*. Японцы, овладѣвъ всею линіею до Пузанкаи, оставили гарнизоны на всѣхъ важныхъ пунктахъ, и особенно позаботились о защитѣ устьевъ рѣкъ, чтобъ предупредить вторженіе Китайцевъ. Іозимуне, съ частію третьяго корпуса, занялъ входъ въ *Датунъ-цзянь*; Нагамаза, съ остальными частями этого корпуса, укрѣпился въ *Байчуань*, учредивъ аванпосты даже до залива *Хань-цзяна*.

Въ 7-й мѣсяцъ 1592 года, король Чяосяня получилъ подкрѣпленіе, котораго просилъ у Китая. Три тысячи человекъ, подъ начальствомъ генерала *Су-Инчана*, перешли черезъ *Ялуцзянѣ*, по дорогѣ къ *Пэнъ-яню*, и выстроились въ боевой порядокъ, близъ гостинни-

цы *Анъ-Тіонгъ* (по китайски, *Хань-тинъ-гуань*). Юкинага вышелъ на встрѣчу къ нимъ изъ *Пэнъ-яна* и обратился въ бѣгство.

Между тѣмъ, второй корпусъ (японскій) арміи мало по малу проникалъ въ округъ *Сюнъ-цзинь*. Всѣ города покорялись ему. Тадазиге назначилъ главную свою квартиру въ областномъ городѣ *Сюнъ-цзинь*; *Кіомаза*, товарищъ его, пошелъ къ рѣкѣ *Тумень-ула* и овладѣлъ городомъ *Су-инъ*, гдѣ укрывалась королевская фамилія. Въ 24 день 7-го мѣсяца, когда онъ возвращался назадъ, сосѣдніе жители преслѣдовали его и окружили въ городѣ *Кирцю*, разстояніемъ на шесть дней пути отъ *Сюн-цзина*. Находясь въ такомъ опасномъ положеніи, онъ отправилъ къ Тадазиге, въ главную квартиру въ *Сунцзинѣ*, нѣсколько курьеровъ, которые счастливо пробрались сквозь ряды осаждавшихъ. Тадазиге успѣшилъ послать къ товарищу своему помощь, которая освободила его. *Кіомаза* продолжалъ путь до *Анъ-піона*, гдѣ и помѣстилъ главную свою квартиру. Въ 10-й мѣсяцъ оба генерала владѣли двадцатью двумя мѣстами въ округѣ *Сюнъ-цзинь*, въ числѣ коихъ *Анъ-піонъ*, *Токъ-діонъ*, *Муиъ-ціонъ*, *Ко-діонъ*, *Іонъ-гунъ*, *Тіонъ-піонъ*, *Сюнъ-гунъ* и портъ *Сюн-цзинь*. Потомъ *Кіомаза* предпринялъ съ храбрыми офицерами Тадазига вторую экспедицію въ окрестности *Кирцю*; далъ

сраженіе Корейцамъ и овладѣлъ тремя тысячами череповъ.

Тщетно туземцы старались возвратить потерянные позиціи. Два брата (Корейцы), *Митіонъ* и *Мипаикъ*, пытавшіеся овладѣть горою *Юнь-ванъ-шань*, которую защищали воины Тадазига, потерпѣли пораженіе; еще несчастнѣе были Корейцы, когда вздумали выбить Японцевъ изъ позиціи при *Юнь-пэнъ-шань*, въ восьмидесяти ри на сѣверъ отъ Сюн-цзинь. Тадазиге, съ пятью тысячами всадниковъ, разбилъ десятитысячную армію Корейцевъ, и въ этихъ двухъ сраженіяхъ собралъ до 14,500 головъ, отъ которыхъ носы и уши послалъ въ Японію.

Китай выслалъ въ Чаосянь въ 1593 году *Ли-шу-суна*, съ другою арміею въ пятьдесятъ тысячъ человекъ. Близъ Ань-дэнъ-гуаня онъ соединился съ корейскою пятидесятитысячною арміею, и пошелъ на Пэнъ-янъ, который защищали пять тысячъ Японцевъ, подъ начальствомъ Юкинаги. Онъ не хотѣлъ держаться въ своей позиціи, оставилъ городъ и пошелъ къ столицѣ; за нимъ близко слѣдовалъ непріятель, котораго удерживалъ храбрый *Курада-нагамаза*, прикрывавшій отступление. Ли-шу-сунъ остановился въ Кай-сюнь-пу и готовился взять столицу приступомъ; но жестокіе удары отъ шестаго корпуса японской арміи, находившейся подъ началь-

ствомъ князей Кофаягава и Тацибана, и приближеніе втораго корпуса, который спѣшилъ изъ округа Сян-цзиня къ столицѣ, заставили Китайцевъ поспѣшно удалиться за укрѣпленія въ Пэнъ-янъ.

Тутъ Китайцы пытались дѣйствовать дипломатическимъ путемъ. Ченъ-и-цинъ былъ принятъ Юкинагой въ качествѣ парламентаря; ему удалось заключить перемиріе. Не теряя времени, онъ уѣхалъ въ Нагою, и заключилъ съ сіюгуномъ (1593 г. 4-й мѣсяцъ) миръ, по которому слѣдовало освободить князей корейскихъ и очистить Корею отъ войскъ японскихъ. Конизи, ханъ Фиды, привезъ Юкинагѣ офиціальное извѣстіе объ этомъ трактатѣ, который потомъ утвердили при дворѣ минскомъ. Поэтому, арміи японскія вышли изъ Чаосяня.

(1596 г. 8-й мѣсяцъ.) Послы изъ Китая и Чаосяня приѣзжаютъ въ Сакаи, по случаю новозаключеннаго мира. Послы чаосяньскіе отосланы обратно, по приказанію Фидеіози, который полагалъ, что посольству слѣдовало состоять подъ начальствомъ князя. Китайскіе уполномоченные призваны въ Фузими, и представлены ему въ 29 день 8-го мѣсяца; они поднесли сіюгуну золотую печать, королевскую китайскую корону и парадныя одежды, для него самого и для его двора. Вмѣстѣ съ подарками представлено и пись-

мо; Фидеіози приказалъ прочесть его послѣ великолѣпнаго обѣда, даннаго посламъ: въ этомъ письмѣ императоръ минскій признавалъ его своимъ вассаломъ и именовалъ королемъ Ниппона. Сіогунъ страшно разсердился на гордые слова китайскаго богдыхана и сказалъ:—«Я уже король Ниппона, самъ достигъ этой чести, и если нужно, сѣумѣю перемѣнить роли, покоривъ минское государство.»

Миръ опять былъ нарушенъ.

ВТОРАЯ КАМПАНИЯ СІОГУНА ФИДЕІОЗИ ПРОТИВЪ ЧАОСЯНЯ.

(1597.)

Японская армія въ сто тридцать тысячъ человѣкъ, раздѣленная на восемь корпусовъ, сѣла на суда во 2-мъ мѣсяцѣ, отправилась въ Чаосянъ и овладѣла укрѣпленною гаванью Пузанкан, и городами Лянъ-сянь и Жо-сянь. Съ особеннымъ упорствомъ дрались при взятіи города Дэ-янь, на небольшомъ островѣ Катокъ, который прикрываетъ входъ въ устья Цзинь-цзяна. Юкинага отрядилъ на этотъ городъ первый корпусъ, и взялъ его при помощи Кіомаза, который привелъ войска изъ втораго корпуса, съ рейда *Сяо-шань-хай*, гдѣ

стояла часть флота. Ободрясь этими первыми успѣхами, японская армія, отправившись пятью разными дорогами, заняла округи Цинсянь и Цюинь-ло. Сорокъ тысячъ человѣкъ изъ шестаго и седьмаго корпусовъ, подъ начальствомъ князей *Цю-кабе*, *Икеда*, *Фацизука* и *Икома*, заняли Нань-чанъ. Другіе отряды заняли Кумъ-гаи, Саціонъ, Ко-сіонъ, и Сіунъ-тіонъ, на линіи отъ Намъ-юіона до Пузанкаи и окружили ихъ новыми укрѣпленіями.

Генералы *Макуи*, *Янъ-гао*, *Янъ-юань* и *Синъ-цѣб*, съ арміею въ сто двадцать тысячъ Китайцевъ, явились на линіи, занимаемой Японцами. Янъ-юань началъ военныя дѣйствія аттакою позиціи при Намъ-юіонѣ; Японцы отразили его, гнали передъ собою и вошли побѣдителями въ округъ Цюнь-чунцю. Китайскій генералъ Синъ-чай, въ дѣлѣ у крѣпости Гай-сянь, былъ такъ-же несчастливъ, какъ и его предшественникъ. Побѣда осталась на сторонѣ войскъ Кіомаза, Тадазиге и Кацузиге, которые привыкли побѣждать, сражаясь около Кумъ-ку и Кумъ-те, крѣпостей, лежащихъ на востокъ отъ Цюнь-цю.

Главныя китайскія силы направились противъ городовъ Іоръ-санъ и Пузанкаи; первый изъ нихъ былъ защищаемъ Кіомазой, второй Цюна-гономъ изъ Цукузена. Китайскій авангардъ, подъ начальствомъ *Ли-шю* и

Мен-яна, осадилъ крѣпость *Юръ-санъ*, цитадель горъ; *Макуи* стоялъ въ окрестностяхъ съ сильнымъ резервомъ. Въ этомъ случаѣ, быстрый натискъ доставилъ бы побѣду осаждавшимъ, потому что работы, предпринятыя для защиты крѣпости, не были еще кончены; главный начальникъ, *Кіюмаза*, управлялъ дѣйствіями флота въ сосѣднемъ рейдѣ *Сіо-самнъ-каи*, и у гарнизона недоставало провіанта. Но *Кіюмаза*, ловкимъ и удачнымъ маневромъ, воротился въ *Юръ-санъ* съ подкрѣпленіемъ; изъ *Пузанкаи* и *Ліанъ-сана* вышли войска противъ *Китайцевъ*, и крѣпость была спасена. Китайская армія, опасаясь, что ее обойдутъ, начала ретироваться. Японцы преслѣдовали ее со всѣхъ сторонъ, отбили у ней арріергардъ и добыли болѣе двухъ тысячъ головъ.

По плану кампаніи, начертанному *сіюгунъ* *Фидеіози*, генералы его ограничились въ эту кампанію тѣмъ, что удержали за собою линію отъ *Намъ юіона* до *Пузанкаи*, и храбро отражали *Китайцевъ* каждый разъ, какъ тѣ пытались выбить ихъ изъ позиціи.

Новое нападеніе *Китайцевъ* на *Юръ-санъ* было неудачнѣе перваго. *Макуи*, видя, что его фланги открыты, снялъ осаду этого города. Предпріятіе *Тунъ-и-юена*, который хотѣлъ пробраться къ крѣпостямъ *Ванъ-нинъ* и *Саціонъ*, привело къ еще худшему результату.

Сначала Японцы уступили ему нѣсколько позицій, и даже допустили до послѣдняго новаго укрѣпленія Синь-тай (*Сингъ-чан*), близъ Са-ціона, но только для того, чтобы вѣрнѣе погубить его. По данному сигналу, нѣсколько японскихъ отрядовъ показались съ разныхъ сторонъ; въ генеральномъ сраженіи, они совершенно разбили Китайцевъ, и остатки китайской арміи, опрокинутые за Цянъ-цю, бѣжали въ безпорядкѣ до Сіюнгъ-цю въ Кіюнгъ-сіангъ. Всѣ усилія Китайцевъ, въ продолженіе двухъ-лѣтней войны, не удавались по храбрости и благоразумію Японцевъ, когда внезапная смерть Фидеіози (въ 8 день 8-го мѣсяца 1598 года) возстановила миръ на полуостровѣ. Приказъ, данный за нѣсколько времени до его смерти, вызывалъ Японцевъ изъ Чаосяня; они собрались въ Пузанкаи, и взошли на свои корабли, безъ препятствія, порицая приказъ сіюгуна, разрушавшій плоды ихъ подвиговъ.

Возлѣ храма *Дамбуцъ*, въ Міяко, поставленъ монументъ, который напоминаетъ о множествѣ трофеевъ, высланныхъ Японцами въ отечество во время этой кампаніи. Называютъ его *Мими-дзука* «Гробница ушей»; туда часто водили пословъ изъ Чаосяня, чтобы напоминать имъ объ этой эпохѣ побѣдъ.

Китайское посольство, прибывшее въ Япо-

нію въ 1607 году, такъ примирило обѣ имперіи, что въ Нагазаки допустили китайскую торговлю. Миръ съ Чаосянемъ заключенъ только послѣ паденія династіи Фидеіози въ 1615 году; онъ подписанъ сіюгуномъ *Іезазу*, основателемъ нынѣшней династіи *Минамото*. Съ этой минуты, японское и чаосяньское правительства сообщали одно другому, о вступленіи на престолъ новыхъ владѣтелей. Чаосянь исполнялъ этотъ обрядъ въ 1636, 1643, 1655, 1682, 1711, 1719, 1748, 1790, 1796, 1806 и 1811 годахъ. Съ 1790 года размѣвъ посольства производится на островѣ Пузимѣ, котораго князь, для торговыхъ нуждъ, содержитъ въ Пузанкаи факторію, гдѣ его подданные живутъ въ такомъ же стѣсненіи, какъ иностранцы въ Нагазаки.

ГЛАВА ХІ.

РАЗСКАЗЫ О ПОХОДѢ ЯПОНЦЕВЪ ВЪ СИНЬЛО.

(200 л. послѣ Р. Х.)

Зингу, рѣшившись предпринять походъ въ Синьло (Синру), собралъ, для составленія плана кампаніи, геніевъ земли и неба, въ храмѣ Казими, города въ странѣ Фидаци. Не явился одинъ только *Изора*, живущій на днѣ морскомъ. Собравшіеся геніи зажгли огни, повѣсили бѣлыя и зеленныя полосы (*нигате*) на вѣтви священнаго дерева (*закаки*) и пѣли до тѣхъ поръ, пока не пришелъ *Изора*. Онъ уже не походилъ на человѣка: молодыя устрицы, жемчужныя раковины и мховыя наѣкомыя покрывали его руки и ноги. Геніи спросили, кто привелъ его въ такое положеніе; онъ отвѣчалъ: «Я живу съ рыбами безпредѣльнаго Океана, и принялъ эту форму во время долгаго моего пребыванія въ его

водахъ. Боясь, что поступлю дурно, если покажусь въ такомъ видѣ высшимъ геніямъ, я долго не рѣшался выйти изъ уединенія; но наконецъ все забылъ, услышавъ вашу веселую и легкую музыку, которая вызвала меня такъ, какъ вы видите.» Геніи поручили ему отправиться въ замокъ драконовъ, на дно моря, искать жемчуга, приносимаго приливомъ и отливомъ. Изора повиновался. Эти магическія жемчужины были вручены принцессѣ, съ планомъ кампаніи, который былъ написанъ секретнымъ письмомъ. Тогда Зингу уѣхалъ въ Синьло съ тремя тысячами двухъ-палубныхъ кораблей, которыми руководствовали великій блестящій геній изъ *Сумиозы* въ Сувѣ, и многіе другіе геніи, большіе и малые, неба и земли. Когда жители завидѣли этотъ флотъ, тотчасъ же вышли на встрѣчу къ нему въ цѣсколькихъ тысячахъ лодкахъ, съ цѣлю воспрепятствовать ему пристать къ берегу. Вскорѣ началось сраженіе. Побѣда еще не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, когда принцесса бросила въ море жемчужину отлива. Вода отпрыгнула, оставивъ ходъ къ берегу сухимъ; враги, обрадовавшись, что небо даетъ имъ такое преимущество, бросились изъ своихъ судовъ на землю, чтобы сражаться на сухомъ пути. Тогда принцесса бросила въ море жемчужину прилива; въ ту же минуту

море поднялось со всѣхъ сторонъ и поглотило всѣхъ враговъ, до послѣдняго. Король сознался въ своей винѣ и предался во власть принцессы, которая вскорѣ уѣхала, написавъ на стѣнѣ дворца своимъ лукомъ:

«Синьло—рабъ Японіи.»

(Дай-Фей-ки, XXXIX, 25.)

Супруга микадо *Цюан*, прибывъ въ лагерь *Цукузи*, ошастливилась ночнымъ видѣніемъ. Геній возвѣстилъ ей волю боговъ, чтобы Японцы предприняли походъ въ страну Синьло. Онъ обѣщалъ, что они покорятъ эту богатую землю безъ кровопролитія и усмирятъ возстаніе жителей *Кумаози*, если воздадутъ геніямъ подобающую честь. Микадо, называвшій это объявленіе пустымъ сномъ, былъ наказанъ тѣмъ, что умеръ внезапно (*).

Вдова его приказала построить храмъ (*Ицу-*

(*) Не слѣдуетъ забывать, что мы переводимъ рассказы безъ всякаго измѣненія, сохраняя всѣ нелѣпости, какія въ нихъ могутъ встрѣтиться. Микадо, вѣроятно, былъ человѣкъ неглупый, потому что не повѣрилъ болтовнѣ жены своей. Смерть же его могла случиться именно потому, что онъ мѣшалъ воинственной партіи вачать желанную войну.

ку мел) недалеко отъ селенія *Вбјамада* и спросила судьбу о выборѣ благопріятнаго дня въ третьемъ мѣсяцѣ, для принесенія генію жертвъ и моленій. Сама она исполняла обязанности жертвоприносителя; ее окружали всѣ министры; изъ нихъ одинъ игралъ на струнномъ инструментѣ *кото*, а другой призывалъ небесныхъ духовъ. Поставили по сторонамъ *кото* знамена *Цифата* и *Такофата*, и по принесеніи жертвы, произнесли слѣдующее воззваніе: «О ты, прежде удостоившій совѣтами микадо, какой ты kami? Прошу тебя, скажи намъ твое имя!» Прошло семь дней и семь ночей, и явился отвѣтъ:—«Это *Мукацу фиме*, живущій въ странѣ *Изе* въ храмѣ *Ицуцу*.»—При повтореніи заклинаній, назвалось еще нѣсколько геніевъ; и въ честь каждаго изъ нихъ давались праздники и приносились жертвы; когда наконецъ положили, что всѣ геніи примирены, японское войско пошло на *Кумаозцевъ*, которые и покорились. Оно истребило шайку гиганта *Физиро Кумавази*, который, изъ одного селенія въ странѣ *Потори*, приводилъ въ ужасъ окрестныя мѣста. Пройдя въ округъ *Ямато*, въ провинціи *Цикуго*, войско разбило *Датіюцу Фиме* и ея приверженцевъ, жившихъ въ пещерахъ. *Нацува*, братъ этой женщины, спѣшилъ къ ней на помощь; но, узнавъ о пораженіи сестры, тотчасъ же обратился въ

бѣгство съ своимъ войскомъ. Эти подвиги водворили миръ въ Ксимо.

Геніевъ спрашивали также объ участи похода въ Синьо. Принцесса опустила удочку въ ручеекъ въ Фиценѣ и произнесла слѣдующія слова: «Хочу искать на западѣ страну сокровищъ. Если мое предпріятіе должно исполниться, пусть рыбка попадетъ на эту удочку.» Поднявъ, удочку изъ воды, принцесса увидѣла рыбку. Тотчасъ совершили праздникъ въ честь ками, котораго воля проявилась такъ ясно; для него обработали и содержали особыя поля. Для орошенія ихъ слѣдовало отвести рукавъ рѣки Накагава; огромный утесъ остановилъ работы. *Такеуци*, министръ, держа въ рукахъ зеркало, призвалъ на помощь духовъ неба и земли: тотчасъ молнія разбила утесъ и вода нашла истокъ.

Успѣхъ похода завистѣлъ и отъ геніевъ моря, которые ничѣмъ еще не ознаменовали своего мнѣнія. Принцесса отправилась на берегъ залива Казифи. «Духи морей, сказала она, если вамъ угодно покровительствовать поѣздкѣ моей на западъ по вашимъ земнымъ владѣніямъ, да раздѣлится коса моя на двѣ половины.»—При этихъ словахъ, она сошла въ море, распустила и омочила волосы, и коса ея раздѣлилась, какъ она желала. Принцесса расплела волосы въ двѣ косички и надѣла мужское одѣяніе. Со всѣхъ пунктовъ

имѣрія собрали оружіе, припасы и корабли. Вербованіе солдатъ тянулось долго; принцесса принесла это обстоятельство гнѣву генія и принесла ему въ жертву сабли и конья, въ храмѣ, нарочно для того построенномъ, отчего и явилось множество волонтеровъ. День выступленія также назначенъ вслѣдствіе гаданія. Принцесса приказала убивать только тѣхъ, которые будутъ сопротивляться; прочихъ же всѣхъ миловать. Она обѣщала награду храбрымъ, наказаніе трусамъ. Геніи Ара-ми тама и Никки ли тама объявили принцессѣ, первый, что не отстанетъ отъ нея ни на шагъ и будетъ охранять ея жизнь; другой, что будетъ хранить ея флотъ и стоять въ первомъ ряду. Герония, чувствуя приближеніе родовъ, молила геніевъ остановить ея роды до возвращенія изъ похода и окончанія войны. Въ 10-й мѣсяцъ, японская армія вышла изъ *Ваниуры* на островъ *Нузима*. Геніи вѣтровъ подняли бурю, а духи морей возмущали волны; но огромныя рыбы, тѣсными колоннами, окружали и защищали флотъ. Буря замѣнилась благопріятнымъ вѣтромъ, который надулъ паруса судовъ, и отъ морскаго волненія осталось только быстрое теченіе, которое принесло ихъ къ берегу и, разлившись передъ ними, затопило страну. Увидавъ это, король сивьлоскій пришелъ въ страхъ.

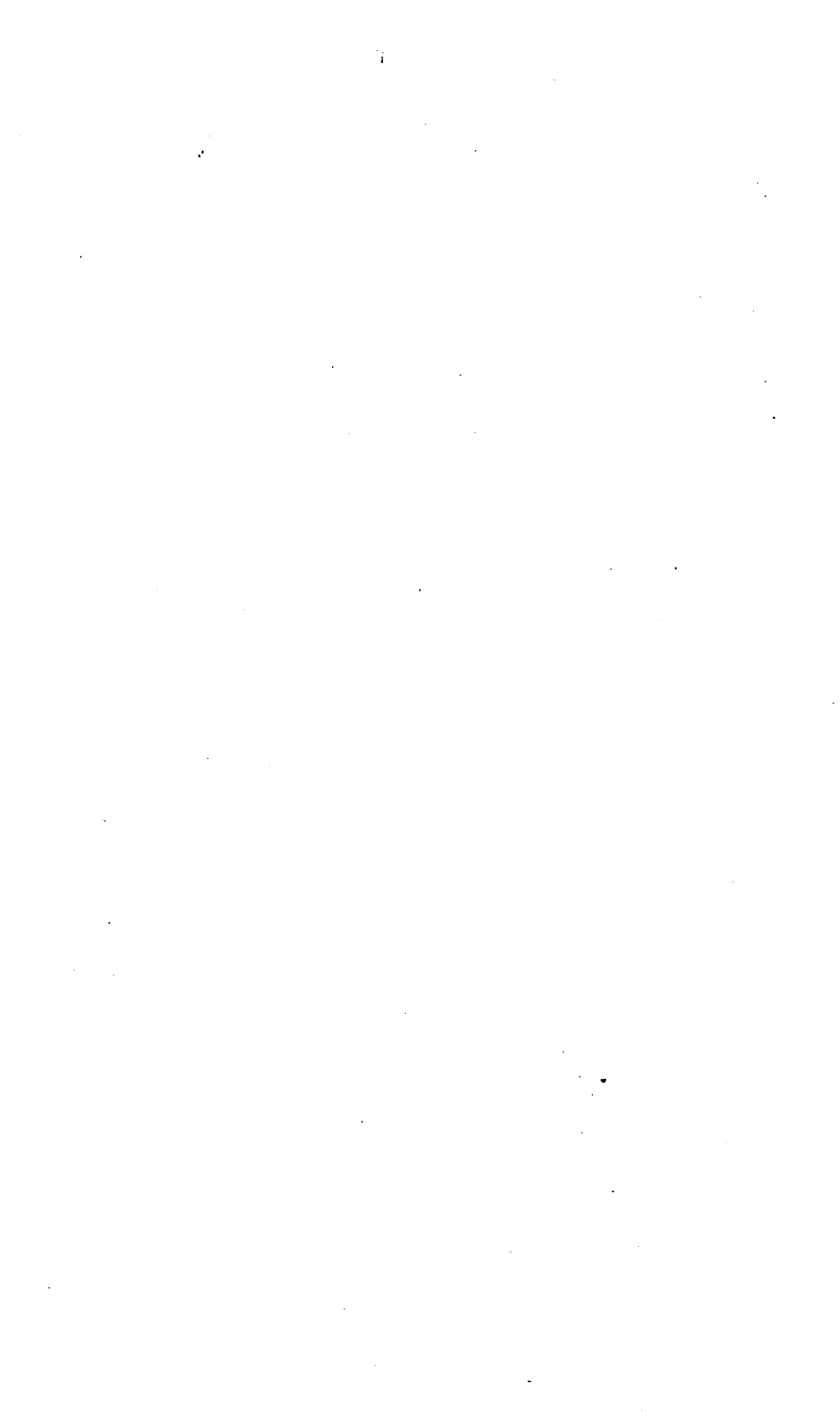
— «Еще никогда, вскричалъ онъ, еще никогда, сколько помнятъ люди, воды морей не покрывали моеѣ земли! Ужъ не конецъ ли міру и неужели море поглотитъ все?» Король еще говорилъ, когда появился флотъ. — «Горе намъ, сказалъ онъ; это войско боговъ (ками) той земли, которая тянется тамъ, подъ восходящимъ солнцемъ! Идти ли мнѣ, противъ нихъ съ моимъ народомъ?» — Онъ приказалъ поднять бѣлое знамя и везти себя скованнымъ къ кораблю принцессы; клялся быть вѣчно рабомъ Ниппона и посылать ему, въ залогъ мира, ежегодную дань мальчиками и дѣвочками. Принцесса сняла оковы съ короля, и отвѣчала войску, которое требовало его смерти, что общалась миловать того, кто самъ сдастся. Побѣдители проникли во внутренность государства, наложили печати на сокровища и завладѣли книгами и рукописями. На память о побѣдѣ, принцесса вонзала свое копье въ ворота королевскаго дворца. За японскою арміею отправились *Мизикаци-батори*, заложникъ отъ короля Базанкина, и восемьдесятъ кораблей съ золотомъ, серебромъ и разноцвѣтными шелковыми матеріями.

Сказаніе прибавляетъ, что послѣ этихъ событій, короли Гаоли и Боцзи добровольно пріѣхали съ поклономъ къ принцессѣ, которая заставила ихъ дать клятву, что они вѣч-

но будутъ считатьъ свои государства западными предѣлами Японіи, и выѣхала съ полуострова въ 12-й мѣсяцъ 200 года. (Нипки, IX).

- Разсказъ объ этомъ походѣ, помѣщенный въ Японской Энциклопедіи (Томъ XIII, листь 7-й), представляетъ только извлеченіе изъ Ниппонки, за исключеніемъ развязки: въ энциклопедіи Японцы торжествуютъ и одерживаютъ побѣду частію мужествомъ, частію дивомъ. Синьоскій воинъ, Туиши, хочетъ воспрепятствовать имъ выдти на берегъ, и выставяетъ противъ нихъ военныя шлюпки. На него нападаетъ *Инетане но микото*, и истребляетъ всѣ шлюпки и экинажи. Солнце уже садилось, когда битва еще продолжалась: приицесса мечемъ своимъ, сдѣланнымъ въ видѣ молота, подаетъ знакъ солнцу; оно возвращается назадъ и приводитъ часъ Овна или полдень. Геній Суми-іози является покровительствовать японскому флоту. Геніи Сифо-камадо и Сувы тоже совершаютъ знаменитые подвиги. Послѣ этого сраженія, король синьоскій покоряется принцессѣ Зингу. Въ 7 день 2-го мѣсяца 205 года, онъ посылаетъ въ Японію князей *Реи-я-мутто*, *Мари-сици* и *Фунафоци*; отправляетъ съ ни-

ми восемьдесятъ кораблей, нагруженныхъ данью: золотомъ, серебромъ, тканями и другими драгоцѣнными предметами, — и выкупаетъ Физи-коци, который жилъ заложникомъ въ Японіи.

ГЛАВА XII.

ЛЭЙ-ХУА

(ЛЮН-ГО),

КИТАЙСКИЙ СЛОВАРЬ, СЪ КОРЕЙСКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ И
ОБЪЯСНЕНИЕМЪ НА КОРЕО-КИТАЙСКОМЪ ДИАЛЕКТЪ.

Г. Шиллингъ фонъ-Канштадтъ сообщилъ намъ довольно полное собраніе корейскихъ словъ, называемое *Лэй-хуа* (*Люн-го*). Почтенный ученый привезъ его изъ Кяхты, куда ѣздитъ по приказанію русскаго правительства въ 1832 году. Словарь доставленъ ему извѣстнымъ синологомъ О. Іакинѣомъ, который получилъ его отъ корейскихъ пословъ.

Лэй-хуа (слово въ слово, *расположенный по классамъ*) есть метрическое собраніе самыхъ употребительныхъ китайскихъ словъ, распределенныхъ по предметамъ, для Корейцевъ, у которыхъ изученіе китайскаго языка составляетъ необходимую принадлежность

классическаго образованія, потому что они употребляютъ этотъ языкъ въ наукахъ и дѣлахъ. Діалектъ ихъ удаляется отъ высокаго китайскаго языка и кажется переходомъ къ японскому. Въ Лэй-хуа этотъ корео-китайскій діалектъ означенъ онмунскимъ письмомъ налѣво отъ знаковъ; на правой сторонѣ помѣщенъ переводъ словъ чисто-корейскій. Жаль, что эта рѣдкая книга—вѣроятно, единственный экземпляръ, существующій во всей Европѣ, — напечатана на очень дурной корейской бумагѣ, и оттиснута такъ дурно, что знаки, особенно онмунскаго письма, которые и безъ того уже очень похожи одинъ на другой и легко могутъ быть смѣшаны, вышли очень неясно во многихъ мѣстахъ.

Мастерская кисть китайскаго писца *Кочингъ-чанга* и трудолюбивыя розысканія г. Гофмана доставили намъ превосходную копію съ Лэй-хуа и исправленный переводъ корейскаго текста.

Два сочиненія служили при пересмотрѣ и пополненіи Лэй-хуа. Сначала мы сравнили его съ предшествующимъ словаремъ, потомъ съ другимъ, китайско-корео-японскимъ, который называется по китайски *Вей-ю-лэй-цю*, то есть, языкъ японскій, распределенный и объясненный. Планъ этого послѣдняго словаря и его превосходное исполненіе

часто доставляли намъ объясненія, въ которыхъ мы нуждались (*).

Въ переводѣ, мы обращали особенное вниманіе на китайскія слова, не упуская изъ виду корейскихъ, и вездѣ указывали тѣ случаи, когда корейскій переводчикъ принимаетъ въ переносномъ смыслѣ знаки китайскіе. Лэй-хуа, въ томъ видѣ, въ какомъ мы его представляемъ, можетъ быть принятъ за дополненіе къ главѣ, которую мы посвятили письму и языку Кореи. Кончимъ нѣсколькими замѣчаніями, сообщенными г. Гофманомъ по этому предмету:

«Мы напечатали бы Лэй-хуа безъ перемѣнъ, еслибъ г. Зибольдъ, купивъ недавно *Вей-ю-лэй-цю*, не доставилъ намъ средства вполне пересмотрѣть Лэй-хуа, признанный неисправнымъ, пополнить его недостатки и исправить погрѣшности. По превосходству плана и исполненія, *Вей-ю-лэй-цю* заслу-

(*) Цѣнность этого сочиненія была уже понята въ Явѣ англійскимъ миссіонеромъ Медорстомъ (Medhurst), который издалъ его посредствомъ литографіи и переводъ свой назвалъ: Translation of a comparative vocabulary of the Chinese Corean and Japonese languages, to which is added the thousand character classic, in chinese and corean; the whole accompanied by copious indexes; all the Chinese and English words occurring in the work By Philo-sinensis. Batavia, printed at the parapattan press, 1835, 1 vol in 8°.

живаешь быть авторитетомъ. Остановимся на минуту на описаніи сочиненія, которое оказало намъ важныя услуги въ нашемъ трудѣ.

«Вей-ю-люй-цзо» состоитъ изъ двухъ частей въ лигъ, и изъ 112 страницъ; онъ собственно назначенъ для облегченія Корейцамъ изученія японскаго языка. Онъ расположенъ по предметамъ и различнымъ вѣтвямъ науки; метода эта не такъ удобна для приисканія словъ, какъ простая азбучная; но имѣетъ ту выгоду, что самое положеніе слова объясняетъ его значеніе. Экземпляръ, присланный изъ Японіи въ Европу, напечатанъ въ Корей, безъ предисловія и безъ означенія года. Китайскія слова, такъ сказать, типъ въ этомъ словарѣ, и постоянно выражаютъ мысль, представляемую японскимъ словомъ. Китайское произношеніе выражено по-корейски и по-японски; при японскомъ переводѣ находится корейскій, но странно!—только въ такомъ случаѣ, когда мысль передана однимъ китайскимъ знакомъ. При китайскихъ словахъ въ два или три слога произношеніе означено только корейскимъ діалектомъ.

«Въ самомъ сочиненіи нѣтъ никакихъ указаній на его расположеніе; поэтому могутъ родиться недоразумѣнія, противъ которыхъ мы защитимъ читателя нѣсколькими словами. Подъ каждымъ знакомъ находятся, слѣва,

произношеніе его: по-японски, справа, произношеніе его по корейскому діалекту. Когда слово выражается по-китайски однимъ слогомъ, корейскій переводъ стоитъ на право. возмѣ самаго знака; потомъ идетъ его произношеніе на корейскомъ діалектѣ, которое легко принять за окончательный слогъ самаго предъидущаго слова, потому что оно не отдѣлено отъ него ни пустымъ мѣстомъ, ни пунктаціею (*).

Отдѣльно отъ этой группы и подъ нею, стоитъ японскій переводъ, иногда простой, иногда состоящій изъ двухъ или трехъ синонимовъ. Онъ напечатанъ, какъ и первый, онмунскимъ письмомъ, но съ бѣльшею орфографическою исправностію. Это японскія слова корейскими знаками.

(*) Взглядъ на такой словарь (можетъ быть и на тотъ экземпляръ, который мы описываемъ) ввелъ вѣроятно въ заблужденіе миссіонера Гуплафа, который полагаетъ, что «нынѣшній языкъ Кореи состоитъ изъ множества сложныхъ словъ, въ которыхъ соединены китайскія и корейскія слова для выраженія одной мысли.» — См. *Die Erdkunde*, Риттера, 4-ю часть, 2-ю книгу, Азію, томъ III, стр. 635.

Корейскій языкъ нельзя упрекнуть въ тавтологіи. Если онъ соединяетъ корейскіе элементы съ китайскими, то единственно для того, чтобы доставить первымъ болѣе гибкости. Пусть вспомнятъ только огромный разрядъ сложныхъ словъ, гдѣ китайское основаніе сое-

«Это обстоятельство доводитъ насъ до вѣрной оцѣнки свойства и значенія фонетическихъ звуковъ въ языкѣ, которымъ мы теперь заняты. Мы въ немъ находимъ, во первыхъ, подтвержденіе того, что сказали въ III главѣ, и во вторыхъ, нѣсколько новыхъ формъ и комбинацій, изъ коихъ инья принадлежатъ собственно японскому, другія—двумъ остальнымъ языкамъ.

«Вообще корейскій діалектъ болѣе приближается къ мандаринскому *гуань-хуа*, чѣмъ японскій. Одна изъ отличительныхъ его чертъ состоитъ въ постоянномъ употребленіи звука, средняго между *l* и *r*, на концѣ китайскихъ короткихъ словъ, гдѣ гокіенъ ставитъ *m*, а Японецъ *n* или *ng*. Напримѣръ:

длняется съ корейскимъ словомъ *гаръ* или *гуръ* (быть или дѣлать¹); напримѣръ, *сіа-гаръ*, благодарить, — *цѣ-окъ-гаръ*, достаточный, — *пѣонгъ-гаръ*, равный.

Вей-ю-лэй-цю, въ изданіи миссіонера Медорста (Medhurst), можетъ ввести въ такое же заблужденіе, потому что удерживаетъ сбивчивое распредѣленіе подлинника, не предупреждая читателя о томъ, что онъ можетъ впасть въ ошибку. Впрочемъ, мы дѣлаемъ это замѣчаніе вовсе не съ намѣреніемъ укорить знаменитаго синолога, который пожертвовалъ собою въ Индіи для благороднѣйшей цѣли.

Примѣчаніе Зибольда.

Корейскій языкъ.

Гокіенъ.

Японскій.

иръ, солнце,

иитъ,

нитъ, ницъ,

юёръ, луна,

ииятъ,

гетъ, геуъ,

циръ, семь,

цитъ,

ситъ, сиуъ,

сіёръ, снѣгъ,

ссиятъ,

сетъ, сеуъ.

«Кромѣ этой странности, которую не должно выпускать изъ виду при сравненіи языковъ Кореи и Японіи, корейскій діалектъ довольно схожъ съ гокіеномъ въ короткихъ словахъ; онъ согласенъ съ нимъ въ окончаніяхъ на *к* и на *н*, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Корейскій языкъ.

Гокіенъ.

Японскій языкъ.

сіёкъ, камень,

шакъ,

сіакъ,

сикъ, ѣсть,

шикъ,

сикъ,

риокъ, шесть,

лиокъ,

рикъ, рокъ,

кокъ, долина,

кукъ,

кокъ,

лакъ, радость,

лакъ,

ракъ,

пакъ, бѣлый,

пакъ,

фхакъ,

капъ, латы,

капъ,

кабъ,|

сипъ, десять,

шипъ,

сифхъ,

сюпъ, учиться,

ссипъ,

сифхъ.

Чтобы показать разницу между діалектомъ, принятымъ въ *Вей-ю-лэй-цю* и въ другихъ словаряхъ, мы укажемъ на слѣдующіе варианты. Вей-ю-лэй-цю часто пишетъ *т* вмѣсто *с*, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

аткирь, быть скупымъ, вмѣсто аскирь,	
отъ, платье	осъ,
катотъ, шуба,	казосъ,
іозутъ, шесть,	іозасъ,
имкуръ, стрѣлять,	искуръ,
катъ, шляпа тростниковая,	касъ,
киттукирь, гнѣздиться.	кистукирь,
кѣтъ, вещь,	кѣсъ,
тта, земля,	ста,
тазатъ, пять,	тазасъ,
тотъ, свинья,	тосъ,
тотки, заяць,	тоски,
ттуръ, флотъ,	стуръ, птуръ,
натъ, полдень,	тжасъ,
митъ, пень,	мисъ,
цитъ, перо,	цисъ,

Также онъ пишетъ *сс* и *с* вмѣсто *пс* и *п*:

ссаръ, завязывать,	псаръ,
сси, семя,	пси,
ссипуръ, жевать,	псипуръ,
ссоръ, стрѣлять,	псоръ,
стсакъ, одинъ изъ двухъ,	птсакъ,
старуръ, преслѣдовать,	птаруръ,
стиръ, варить,	птиръ.

Иногда *ци* вмѣсто *ти*:

ѣциръ, мудрый	ѣтиръ,
цируръ, колоть,	птируръ,
циръ, бить,	тиръ.

«Кончимъ замѣчаніемъ, касающимся до многочисленныхъ нашихъ отклоненій отъ той корейской орѳографіи, которой слѣдуетъ литографированная копія Лэй-хуа. Для: правильного распредѣленія матеріаловъ, содержащихся въ корейскихъ оригиналахъ, довѣренныхъ намъ г. Эйбольдомъ, и чтобы согласовать съ японскимъ текстомъ элементы, разбросанные въ этихъ писаніяхъ, мы должны были предварительно составить алфавитный словарь корейскаго языка. Вслѣдствіе этого труда, грамматическое соединеніе словъ произошло само собою, и недостатки и ошибки вышли наружу. Логическое правописаніе, какое находимъ теперь въ Лэй-хуа, было тоже слѣдствіемъ нашихъ перестановокъ. По этому мы имѣемъ право сказать, что корейскіе уроки, приложенные къ нашему переводу, только одни дѣльны, то есть, проистекаютъ изъ неподлежащихъ сомнѣнію авторитетовъ, и если они удаляются отъ литографированнаго текста, то ихъ слѣдуетъ считать за возстановленіе истинной орѳографіи. Прибавки, сдѣланныя нами къ подлиннику, корейскіе варианты, различныя особенности идіомовъ или нарѣчій и синонимы, которыми мы обогатили нашъ списокъ, должны, какъ

мы надѣмся, увеличить его практическую цѣнность и пользу (*).»

Лэй-хуа написанъ четыре-стопными стихами, съ приемами; стихи расположены строфами, наиболѣе шестистишіями, въ которыхъ содержится и развивается рядъ предложеній. Чтобы различать ихъ, мы напечатали первое слово каждой строфы большими литерами.

(*) Литографированный текстъ, о которомъ говорить здѣсь г. Гофманъ, помѣщенъ въ парижскомъ изданіи Зибольда: *Voyage au Japon exécuté pendant les années 1823 à 1830*, въ пятомъ томѣ, во второй половинѣ, послѣ стр. 286.

Китайско-корейскій

1 ИРЪ

и

самъ

са

5 о

люокъ

ц'иръ

п'аръ

9 ку

синъ

пашкъ

ц'ёнъ

13 манъ

ёкъ

переводъ

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

100

1,000

10,000

100,000

корейскій.

ганъ,

ту,

сѣкъ, сѣкъ;

нѣкъ,

тазасъ, тазатъ,

иё засъ, иё зутъ,

нёръ копъ,

иё тамъ,

а гонъ,

иёръ,

} по немѣнію корейскихъ
словъ, употребляются ки-
тайскія.

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
нунгъ	мочь (*)		нунгъ-гаръ,
ц' аръ	разбирать		саръ-пиръ,
17 ца	идеологическій знакъ		куръ ца,
гонкъ	черта		гонкъ,
ц' ю	начало		цё ёпъ,
ци	знать		аръ.
21 цюю	считатъ		семъ, гемъ,
су	число		сукъ сумъ
ка	мочь		оруръ
таръ	понимать		самач' аръ
25 ТИЕНЬ	небо		ганаръ
ну	оболочка		те п' уръ

(*) Слова съ 15 по 24-е составляютъ слѣдующій смыслъ, напоминающій одно правило Книги трехъ словъ: Хорошо понимать знаки письма, это начало знанія; слѣдуетъ знать цифры.

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
<i>ти</i>	земля	<i>ста, тта</i>	
<i>цаи</i>	содѣржаніе	<i>сируръ</i>	
29 <i>кёнъ (*)</i>	небо	<i>ганаръ</i>	
<i>конъ</i>	земля	<i>ста, тта</i>	
<i>пунъ</i>	раздѣлять	<i>нёнъ-гуръ</i>	
<i>юи</i>	чинъ	<i>нй-саръ</i>	
33 <i>тонгъ</i>	востокъ	<i>тонгъ нйкъ</i>	
<i>сіе</i>	западъ	<i>сіе нйкъ</i>	
<i>намъ</i>	югъ	<i>намъ нйкъ</i>	
<i>пукъ</i>	сѣверъ	<i>пукъ нйкъ</i>	
37 <i>сіангъ</i>	вверху	<i>усъ</i>	
<i>га</i>	внизу	<i>аран</i>	

(*) Небо и земля называются *тйёнъ* и *ти*, когда дѣло идетъ объ ихъ формѣ, и *кёнъ* и *конъ*, когда говорятъ о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, какъ управляющаго къ подчиненному.

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
цунгъ	середина	ка онъ таи
ои	внѣ	пасъ, патъ
41 цоа.	наѣво	виръ
у	направо	оруръ
цѣнъ	передъ	анъ, аръ
гу	сзади	туи
45 піенъ	возлѣ	касъ, кіѣтъ
у	уголѣ	мо, моронги
ри	внутри	сокъ
наи	въ	анъ
49 ИРЪ	солнце	наръ
юёръ	луна	торъ, таръ
цѳо	свѣтъ	пи цѳиуръ
лимъ	спускаться	лимъ гаръ
53 сѣнгъ	звѣзда	пѣръ
цинъ	созвѣздіе	пѣръз

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
самъ	рядъ	пёръ, перъ
лёръ	устроить	пёръ, перъ
57 цюнь	весна	пори, помъ
га	лѣто	ёру-мъ, ньёру-мъ
цю	осень	кааръ
тонгъ	зима	киё-оръ
61 йёмъ	тепло	тё уръ
лиангъ	холодъ	сё руръ, сё нуръ
ганъ	морозъ	ц'аръ
йёръ	жаръ	тё уръ
65 лиюнъ	колесо	пакъ гуи
цйёнъ	окружность	ку уръ
хванъ	кругъ	коръви
хви	возвратъ	торъ, тора оръ
69 ца	{ послѣдованіе	пёку-мъ, цате
те		

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
си	время	сти
цїёръ	дѣленіе времени	матаи
73 цю	полдень	насъ, натъ
я	ночь	памъ
цїо	утро	ац'амъ
сїекъ	вечеръ	це-нїекъ
77 гїо	варя	сайнѣ, санѣ
сїо	сумерки	памъ
икъ	завтра	и танъ наръ
цакъ	вчера	ѣ це
81 цїо	утренній свѣтъ	а цамъ
мо	вечерній свѣтъ	цїѣ муръ
синъ	разсвѣтъ	сан-пе
гонъ	сумерки	ѣ ту уръ
85 сїунъ	декала	ёръ-гуръ
манъ	полная луна	по ромъ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
хви	}	послѣдняя	куму-мъ
сакъ		четверть	чо га ро
89 цѣннъ		ясно	каиръ
миръ		туманно	пайкъ пайкъ гаръ
мѣннъ		свѣтло	паръ куръ
амъ		темно	оту куръ
93 кіо		союзъ	са пиръ
сіенъ		разширеніе	пе пуръ
тиръ		чередованіе	кар-ма ту риръ
цѣакъ		дѣлать	чи уръ
97 ПУНГЪ		вѣтръ	парамъ
у		ложь	пи
сангъ		иней	сѣри
ло		роса	и суръ
101 пингъ		ледъ	ёрумъ
сіёръ		снѣгъ	чунъ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
сіёнъ	накъ	большой свѣтъ	несръ нунъ
105 ёёнъ	га	градъ	му муи
	унъ	дымъ	наи
	мъ	туманность	но оръ
109 лои	тіёнъ	облако	курумъ
	ніёкъ	туманъ	анкаи
	ліёкъ	громъ	уре
113 гунъ	ге	молнія	понъ-каи
	маи	ударъ громовой	ніёкъ ліёкъ
	ганъ		муци ке
117 кви	гу	радуга	гуркъ пи
		ложь	камуръ
		засуха	кви
		пятнадцать дней	унъ
		пять дней	

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
каи	портить	коц'ирь
іёкѡ	разнообразить	пасѡ корѡ
121 УМЪ	сокровища	кунурѡ
янѡ	свѣтъ	ніёсѡ
сіянѡ	взаимно	сѣру
таи	чередоваться	карма турирѡ
125 сѣ	} годъ	гаи
ніёнѡ		
сіёнѡ		ирурѡ
ліокѡ		цаикѡ ліокѡ
129 ціёнѡ		п'урурѡ
гоанѡ	лазореvый	нурурѡ
ціёкѡ	желтый	нурккурѡ
паикѡ	красный	гвинѡ
133 піёкѡ	} голубой	} парурѡ
рокѡ		
	зеленый	

Китайско-корейскій

корейскій.

переводъ

гѣнъ
гукъ

сѣрый
черный

нѣмуръ

137 цю

пурпуровый

пуркуръ

цу

зеленый

п'уруръ

гонъ

красный

пуркуръ

ца

красный

141 гуи

огненный

писнаръ

ѣнгъ

блестящій

пи-цциръ

цунгъ

вмѣстѣ

мусъ

сакъ

цвѣта

писъ, пимъ

145 САНЪ

гора

муа, муасъ

ц'ѣнъ

рѣка

наи

ке

лѣсной ручей

си наи

канъ

вершина

муасъ-пури

149 понгъ

гора

муасъ-пури

манъ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій
кхъ	холмъ	внхёкъ
анъ	скать	тутёнъ
153 амъ	утесъ	пахви
сйу	дерево	нама
лимъ	боскетъ	сунуръ
цёнъ	источникъ	саямъ, саямъ
157 пёнъ	пещера	} коръ
нокъ	драница	
ци	прутъ	} мосъ, мотъ
ёнъ	лужа	
164 кю	поле	туръ
я	} болото	мосъ, мотъ
т'аикъ		пасъ, патъ
су	рисовая мѣра	ту-тёнъ
165 тёнъ	поле	
уёнъ		

<i>Китайско-корейскій</i>	<i>переводъ</i>	<i>корейскій.</i>
<i>кiу</i>	мѣра въ 50 міо	урангъ
<i>міо</i>	квадратъ изъ 600 футовъ	
169 <i>сію</i>	вода	муръ
<i>хва</i>	огонь	пуръ
<i>хви</i>	пепелъ	цаи
<i>цинъ</i>	пыль	туикуръ
173 <i>са</i>	песокъ	мораи
<i>сіёкъ</i>	камень	торъ
<i>ни</i>	тина	цунъ гуркъ
<i>т'о</i>	земля	гуркъ
177 <i>гаи</i>	море	пата
<i>то</i>	островъ	сіёмъ
<i>кангъ</i>	потокъ	мюръ
<i>го</i>	озеро	
181 <i>тіёнъ</i>	берегъ	мюръ касъ
<i>цiу</i>	низменность	
<i>цiё</i>	мель	

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
<i>n'o</i>	бухта	<i>каш</i>
185 <i>цю</i>	валъ	<i>муръ муръ</i>
<i>лангъ</i>	}	}
<i>n'a</i>		
<i>то</i>	волна	<i>муръ-киёръ</i>
	малый валъ	
189 <i>лиёнъ</i>	привязъ	<i>ниуръ</i>
<i>цёнъ</i>	послѣдствіе	<i>пут'аръ</i>
<i>n'io</i>	}	}
<i>мио</i>		
193 <i>цю</i>	грозный	<i>атукъ-гаръ (*)</i>
	бурный	
	растение	<i>пуръ</i>
<i>мокъ</i>	дерево	<i>намо</i>
<i>тио</i>	птица	<i>саи</i>
<i>сйу</i>	животное	<i>цумъ-саингъ</i>

(*) *Атукъ-гаръ* собственно значить страшный, но въ отношеніи къ морю — бурный.

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
197	какъ	кажлый	какъ
	ю	имѣть	изиръ
	мёнъ	} имя	ирго мъ
	го		
201	ци	дернъ	ци-цо
	ланъ	орхидея	ланцо
	гуёнъ	дневная красавица	гуёнъ-цо
	кукъ	хризантема	кукъ-гоа
205	сё	} лиоскорей	ма
	гё		
	мокъ-	} медикаго	кеюмо къ
	сюкъ		
209	мо	} піонъ	мотанъ
	танъ		
	цйякъ-	} піонъ	цйякъ-якъ
	якъ		

Китайско-корейскій

переводъ

корейскій.

213	цянгъ- ли	розы	За неизвѣстѣ корейскихъ словъ, употребляются сло- ва китайско-корейскія.
	цѣкъ-	азалея	
217	цокъ па	муза	
	цю		
	цянгъ- по	асогус салатус	таи
221	гоацъ цукъ	бамбукъ	
	уи- ю	тростникъ	каръ
225	лѣнъ- га	лотусъ	лѣнъ-гоа
	пинъ	лемна	марамъ
	цо	чага	
229	тунъ каръ	вистерія долихость	цуркъ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
233	ламъ lio	} полигонумъ	цокъ
	самъ		
	цуръ		
	т'аш- сёнъ		
237	аш-	} волцецъ	инъ самъ санъ-цү
	пунгъ		
	мё		
	хёнъ		
241	ЦИ	} мохъ	иски
	тё		
	кунъ		
	кёнъ		
245	гоа	} артемиза	(нѣтъ)
	юнъ		
	тотарасъ		
	мёнгъ-гоа		
	каци	} chenopodium	каци
	ури		
	пурри		
	цурки		
	кось, котъ	} амарантъ	кось, котъ
	ниль		
	вѣтъ		
	листь		
	сукъ	} вѣтъ	сукъ
	корень		
	стволъ		
	цвѣтъ		
	листь	} корень	листь
	стволъ		
	цвѣтъ		
	листь		

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
панъ	панъ	растительность	панъ-гаръ
юнъ	юнъ	красота цвѣтовъ	юнъ-гоа
249 сюнъ	сионъ	сосна	соръ
панъ	панъ	таксусъ	цасъ, цатъ
цунъ	цунъ	камелья	цунъ-намо
кеи	кеи	кассия	кеи-сйу
253 пунъ	пунъ	кленъ	синъ-намо
санъ	санъ	тутовое дерево	спонъ-намо
кои	кои	софора	гои-гоа
гои	гои	туя	цѣтъ-намо
257 о-	о-	} paulownia	мокви
тонъ	тонъ		
янъ-	янъ-	} ива	пѣтуръ (*)
рйу	рйу		

(*) Пѣтуръ собственно значить изливаться, выходить изъ береговъ. Почему такое названіе досталось ивѣ?

Китайско-корейскій

261	цаи	переводъ	корейскій.
	іонгъ	строевой лѣсъ	цаи моукъ
	ни-	служить	исуръ, исё
	ку	орудія	катъ саръ
265	ТО	персикъ	покъ сіо а
	гаингъ	абрикось	сарко
	ли	груша	пац
	ліуръ	каштанъ	памъ
269	ли	слива	віясъ
	маш	кислая слива	май-гоа
	камъ	апельсинъ	кам ца
	кіуръ	померанецъ	кюръ
273	ю	лимонъ	юца
	лю	гренада	сіёкъ-лю
	наи	груша китайская	мёсъ, мётъ
	си	финикъ	камъ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
277	цю	bignone catalpa	караи
	цилѣ	орѣхи	каи-ямѣ
	цо	zizyphus	таи-цзо
	пи	taxus pucifera	пица
281	цѣякѣ	принесенъ	рѣрѣ
	ца	плодъ (дѣтя)	атарѣ
	камѣ	сладкій	тарѣ
	санѣ	кислый	суирѣ
285	коа	} плодъ	іѣрумѣ
	сирѣ		іѣрмаи
	та	много	мангарѣ
	панѣ	сорты	каци
289	то	рисъ	пѣ
	сіе	} просо	кицангѣ
	цикѣ		кои
	сокѣ		цо

Китайско-корейскій

293 мо
маикъ
ту
сюкъ
297 mio
тю
се
сюкъ
301 ви
ци
гоа-
кокъ
305 ЦУНГЪ
канъ
сюенъ
гац

переводъ

пшеница
ячмень
катъянгъ
стручья
сѣмя
вырывать
пóлать
созрѣвать
называться
эти
хлѣбы
лукъ
инбирь
чеснокъ
дикій чеснокъ

корейскій.

миръ
пори
ту
конгъ
умъ
спайръ
конгъ
ниоръ
нируръ
каръ
коксикъ
па
саингъ-кангъ
манаръ
нуцаи

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
309 кю	мальфа	агокъ
ю	saladium	торанъ
цюнъ	рѣна	сунъ му у
каи	горчичное сѣмя	кеца
313 ю	} папоротникъ	путу-рёуръ
кюёръ		козари
ёнъ		путу рёуръ
сунъ		цукъ сунъ
317 ганъ	бамбуковые отпрыски	ганъ-кеи
со	благовоніе	цви, намаръ
пунъ	овощъ	п'унъ сёнъ
кунъ	множество	пё засъ
321 ка	губка	каци
коа	картофель	ви
кунъ	дыни	минари
	сельдеря	

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
сѹнъ	} villarsia	сѹюкъ-намаръ
цаи		мѣ куръ
сикъ		гѹангъ-кеи
чангъ		саи
синъ	феть	понгъ гоангъ
329 ПОНГЪ	благоухающій	ланъ тѹ
нанъ (ланъ)	свѣжій	пунгъ-тѹ
пунгъ	фениксъ	ко гаи
кокъ	баснословная птица	каръ-мѹки
333 ку	тоже	гаи-горати
ло	лебедь	гансаи
кванъ	чайка	та ваки
мокъ	цапля	} кикѣки
337 гунгъ	пеликанъ	
анъ	дикая утка	
пу	дикій гусь	
	тоже маленкій	ори
	утка	

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
гакъ	журавль	туруми
341 ку	голубь	питарки
аингъ	соловей	коискори
йёнъ	ласточка	сѣби
цѣакъ	воробей	цямъ-сан
346 унгъ	} соколъ	ман
ю		сіороки
ци	орелъ	сури
350 ке	куры	таркъ
ти	фазанъ	сквѣнгъ
о	воронъ	кама кои
цѣякъ	сорока	катици
354 ГІУ	сова	пугёнг
лиу	} птица поядающая себя	} отъ нами
гю		
	подобныхъ	

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
иръ	кормаранъ	парамъ-кави
358 цангъ- киёнъ	{ ласточка	нътъ корейскаго
цю- rio	{ пташка	пёпсаи
362 со cio	{ гнѣздиться	кистуриръ
цу	пирогъ	саски
ланъ	яйцо	аръ
366 гунгъ	самка	су
ца	самецъ	амъ
ингъ	толстый	паиръ
санъ	родить	нагуръ
370 икъ	крылья	наръ-каи
пи	летать	наръ
цзе	клѣвъ	пури

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
такъ	клевать	цо-уръ
373 наи	тоже	іе
чингъ	называться	ирк'араръ
у	перья	цисъ, цитъ
цокъ	стая	кїёръ е
377 кви-	} единорогъ	корейскаго вѣтъ
ринъ		комъ
унгъ		пѣмъ
го	тигръ	му сіо
381 сіе	гиппопотамъ	ко-каи-ри
сіангъ	слонъ	ир-и
лангъ	волкъ	піо-пѣмъ
піо	барсъ	но-ро
385 ціянгъ	дикая коза	сазу-мъ
локъ	олень	

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
юёнъ- гу	} обезьяна	цаикъ-напи
389		сиркъ
ли	хорекъ	муркен
таръ	выдра	йё-го
го	лисица	тоски
то	заяцъ	сё
393	рогатый скотъ	маръ
у	лошадь	якъ-таи
ма лакъ- т'а	} верблюды	ма-ацц
397		сёй-ацц
ку	жеребенокъ	накёи
токъ	теленокъ	рдзай
лиё	оселъ	нйёмъ-сё
ла	лошакъ	янгъ
401	барашёкъ	
RO	баранъ	
янъ		

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
це	поросянокъ	тосъ	
си	боровъ	тосъ	
405 кёнъ	собачка	каи	
ку	собака	каи	
мо	кошка	кой	
сё	мышь	суи	
409 те	копыто	кунъ	
цо	когти	тонъ	
канъ	рогъ	спуръ	
ми	хвостъ	скори	
413 сё	взять	патаръ	
саянъ	жить	норъ	
ку	распредѣлять	купёръ ганъ	
и	различный	таруръ	
417 мёнъ	пѣть	уръ	
н'е	звонить	цу цуръ	

Китайско-корейскій

переводъ

корейскій.

ци

ходить

тарриръ

пунъ

бѣгать

таруръ

421 ріёкъ

также

сто

уёръ

называться

каръ

мо

косматый

то-рёкъ

кунъ

стадо

мури

425 ЛЮНГЪ

драконъ

мири

кви

черепаха

кёпокъ

ё

рыба

ко-ки

гаи

большой ракъ

ке

429 га

ракъ

саи-ю

ганъ

раковина

тіо кай

синъ

тоже большая

кумъ тіо кай

ла

улитка

сора

433 сюнгъ

запахъ рыбы

пириръ

лингъ

чешуя

пинаръ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
кои	странный	кои-и гаръ
сангъ	форма	гёнгъ-сангъ
437 ёмъ	избѣгать	суръ-гуръ
то	убѣжать	томангъ
ку	удочка	каркури
мангъ	неводъ	кумуръ
441 понгъ	пчела	пёръ
тіёнъ	воробей	напи
сіёнъ	стрекоза	маи я маи
гёнгъ	червякъ	маи ями
445 сиръ-соръ	сверчокъ	панто
цёнгъ	наяда	кеисторами
тіонгъ	тоже	цанцари
449 CIA	змѣя	паи ямъ
инъ	червь	куинъ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
сіёнъ	жаба		ту тёнъ и
оа	лягушка		каи кури
453 мунъ	комаръ		мо кай
сунъ	муха		парь
гоакъ	гусеница		цацаи
конъ	саранча		— —
457 цю	паукъ		ко муи
цанъ	шелковичный червь		нуё
ви	муравей		каями
оа	улитка		таръ пунги
461 цо	блоха		пёрокъ
суръ	вошь		ни
ли	маленькій		цё-куръ
цунъ	насъкомое		пёре
465 э	въ		нуръ
це	вмѣстѣ		мотуръ

Китайско-корейскій

переводъ

корейскій.

сѣ

тоже

мусъ

лунъ

классъ

мури

469 ю

однако

о цикъ

инъ

человѣкъ

сарамъ

цю

господинъ

нимъ

цянъ

учредитель

пенуръ

473 КУКЪ

имперія

нара

ка

домъ, семейство,

цинь

кунъ

князь

нимъ кумъ

синъ

подданный

синга

477 конъ

дворянинъ

ку ви

кёнъ

чиновникъ

пё-саръ

са

солдатъ

сіёнъ-паш

минъ

народъ

пашъ-сіёнъ

481 намъ

мальчикъ

атуръ

нѣ

дѣвочка

киёцинь

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
ло	старый	нуркуръ	
лю	молодой	ёриръ	
485 а	дитя	агаи	
тонгъ	маленькій мальчикъ		
онгъ	старецъ	} гаръ-ани	}
су	дѣдушка		
489 пинъ	гость	сонъ	
кашкъ	} посланный	пуриръ	
са		науръ	
каи	слуга		
493 пунгъ	} другъ	пёсъ, пётъ	
у			
са-	} учитель	сузунгъ	
пу			
497 сунгъ	монахъ	цунгъ	
ни	монахиня	киципъ-цунгъ	

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
му	ви	чародѣй	мутанъ
501 тунъ	тѣръ	докторъ	ви уёнъ
цонъ	пи	толпа	мура
		разный	таруръ
		отличный	нопуръ
		низкій	нацаръ
505 КУНГЪ	тѣнъ	дворецъ, храмъ	цинъ
квѣръ	у	княжескій домъ	} нѣтъ
		замокъ	
		галерея	
509 кванъ	са	чиновникъ	тѣсаръ
цанъ	ко	начальникъ города	маоръ
		магазинъ	цанско
		арсеналъ	ко
513 синъ-	танъ	} храмъ генія	ку-синъ-цинъ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
пуръ- си	{	храмъ будды	пу тьё ціёръ
517 то- ро		дорога	киръ
сіёнгъ	{	цитадель	цаи, цасъ
си		рынокъ	ціёцаи
521 кіо	{	мостъ	тари
те		лѣстница	сатари
ку- кё	{	каналъ	кан-ціёнъ
525 лё		ворота	ли мунъ
ціёнгъ	{	источникъ	у муръ
линъ		сосѣдство	ніусъ
ли	{	улица	мауръ
529 кіёнгъ		столица	сіё-уръ
мокъ	{	пажиги, пастухи	мокъ-ціангъ

Китайско-корейскій

переводъ

корейскій.

цйу

губерніа

коуръ

гёнъ

округъ

кооръ

533 цонъ

селеніе

мооръ

йёкъ

станція

— —

уёкъ

сборное мѣсто

— —

кванъ

гостинница

цень

537 уёнъ

корабль

паш

цйу

корабль

— —

сёнъ

нарусъ

паш-тосъ

цунъ

руль, весла

тосташ

541 конъ

подать

патиръ

пу

пошайны

пузе

цонъ

братъ

квёки

цилъ

собирать

мотаръ

545 ца

этогъ

и

ки

его

ку

Китайско-корейскій

переводъ

ко

встарину

кумъ

нынѣ

549

те

императоръ

ванъ

король

то

столица

унъ

округъ

553

пу

отецъ

мо

магъ

гёнъ

старшій сынъ

те

второй сынъ

557

пу

супругъ

цё

супруга

са

старшая сестра

маи

вторая сестра

561

цо

предокъ

сонъ

потомокъ

корейскій.

не

ще

} немкумъ

мотуръ

коуръ

апи

ёми

масъ, матъ

ао

цйапи

анъ-гаи

масъ-нуви

аа-нуви

гаръ-апи

сонъ-ца

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
сіукъ	дяди	ацани
циръ	дѣтя сестры	цокъ-га
565 ку	братъ матери	суи али
ко	сестра отца	суи ёми
пу	супруга	міе пари
сіе	зять	са гои
569 но	служитель	цѣонъ
ли	служанка	кѣципъ цонгъ
цѣнъ	наложница	цѣпъ
покъ	слуга	цѣонгъ
573 кай	всѣ	та
о	я	на
куёнъ-	} родня	куёнъ сіокъ
сіокъ		
577 ту	голова	мѣри, мари
тіёнгъ	черепъ	цѣнгъ паки

<i>Китайско-корейскій</i>	<i>переводъ</i>	<i>корейскій.</i>
<i>сiу</i>	голова	<i>нима</i>
<i>анкъ</i>	лобъ	<i>нунъ сёнъ</i>
581 <i>ли</i>	брови	<i>нунъ сёнъ</i>
<i>анъ</i>	глазъ	<i>нунъ</i>
<i>и</i>	уши	<i>куи</i>
<i>мокъ</i>	глазъ	<i>нунъ</i>
585 <i>анъ—</i>	{	<i>насъ, натъ</i>
<i>мёнъ</i>		
<i>ку</i>	ротъ	<i>илъ</i>
<i>пи</i>	нось	<i>ко</i>
589 <i>гу</i>	горло	<i>инъ гу</i>
<i>сiёръ</i>	языкъ	<i>гё</i>
<i>сiунъ</i>	губы	<i>илъ сiуръ</i>
<i>ци</i>	зубы	<i>ни</i>
593 <i>пинъ</i>	волосы на вискахъ	<i>куи мисъ</i>
<i>паръ</i>	волосы	<i>тё рёкъ</i>

Китайско-корейскій

переводъ

корейскій.

си	щеки	спамъ
и	подбородокъ	тёкъ
597 сиу	руки	сонъ
цянъ	открытая рука	сонъ патанъ
куёнъ	кулакъ	цу мё куи
ци	палецъ	сонъ гаранъ
601 сиу	усы	наросъ
ниёнъ	борода	— —
ганъ	шея	мокъ
пай	спина	тунгъ
605 еиунъ	грудь	казамъ
аикъ	бока	киёту-рянги
кёнъ	плечи	ёске
пи	локоть	паръ
609 Ю	сосцы	цёсь
це	пупокъ	пай-конъ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
io	бедра	гёри
нокъ	животъ	пай
613 тунъ	задница	порки
суръ	колѣно	мурронъ
какъ	нога	тари
цокъ		
617 кви-	кожа	саръ, кацокъ
пу		
коръ	кость	спё, спіё
лѣкъ	сила	гимъ
621 канъ	печень	— —
цянъ	кишки	аи
гёръ	кровь	пи
макъ	жила	— —
625 ганъ	потъ	стамъ
іёнъ	слюни	цумъ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
лю	слезы	нунмуръ
те	сопли	комуръ
629 са	это	иш
а	мое	на
син-	}	момъ
тё	тѣло	
633 ТІЁНГЪ	}	маро пангъ
пангъ	присутственное мѣсто	
лю-	}	таракъ
какъ	домъ въ 2 этажа	
637	}	— —
там	плоская крыша	
сиръ	жилице	цинъ
тіёнъ	гостинница	тіёнъ ца
макъ	палатка	ціангъ-макъ
641	}	стуи цинъ
мо-	хижина	
окъ		

Итайско-корейскій

ва

тайкѣ

645 панѣ

пи

пунѣ.

пёкѣ

649 тоиѣѣ

иѣнѣ

лианѣѣ

циѣ

653 гѣѣнѣѣ

гамѣ

цанѣѣ

го

657 мунѣ

тиѣнѣѣ

переводъ

черепаща

домѣ

доска

дверь

} стѣна

верхъ крыши

стропила

сваи

столбѣ

} балюстрада

окно

дверь

ворота

дворѣ

корейскій.

кѣѣѣ

циѣѣ

ниѣѣѣ панѣѣѣ ца

сарѣѣѣ

пунѣѣѣ парамѣѣѣ

мара

киѣ-кари

турѣ-по

китонѣѣѣ

ланѣѣѣѣѣѣ

—

циѣѣѣѣѣѣ

—

стурѣѣѣѣѣѣ

Китайско-корейский	переводъ	корейский
кѣ	лѣстница	сѣмъ
цуй		
661 цу-	кухня	пюэкъ
цокъ		
цукъ	ступенька	цукъ канъ
ку	конюшня	маку
665 цянъ	стѣна	тамъ
ли	заборъ	уръ онъ
тай	колокольчикъ	панъ-ха
цѣ	тоже каменный	конгъ и
669 цонъ	вмѣстѣ	могуръ
ви	составляться	гаръ
кѣ	оставлять	саръ
ц'ѣ	мѣсто	косъ
673 ИНЪ	цыновка	кицуръкъ
тѣмъ	тоже бамбуковая	сасъ, сатъ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
сіёкъ	тоже соломенная	тосъ, тотъ
іокъ	матрацъ	іо
677 ліёмъ	бамбуковая занавѣска	паръ
ціанъ	занавѣска	— —
піёнъ	ширмы	піёнъ пунъ
цокъ	бамбуковая палочка	цокъ ца
681 занъ	кресло	— —
ка	чемоданъ	саіёрнъ
ціянъ	палка	макъ таи
кукъ	деревянный башмакъ	кіёци
685 це	скамеечка	тома
анъ	столъ	сіёанъ
тунъ	фонарь	тунъ цапъ
ц'іокъ	свѣча	ціокъ
689 кумъ	родъ гитары	кѣмунко
суръ	тоже	каи лкко

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
пи-	}	струнный инструментъ	нѣтъ
па		Флейта	саингъ гвангъ
693 саингъ	}	Флейточка	тіе
тіякъ		шашечница	патокъ
квн-		гребень	писъ, питъ
кукъ	}	зеркало	кё уръ
697 со		полушка	піе ке
кіенгъ	}	опахало	пуц'е
цимъ		бумага	ціо гви
сіе	}	тушь	мёкъ
701 ци		кисточка	пусъ, путъ
мукъ	}	камешекъ (*)	піе ро
пиръ			
іёнъ			

(*) Этими камешками растираютъ тушь.

Китайско-корейскій

переводъ

корейскій.

705	муиъ сіе	рукопѣсь	кѹръ уёръ
	ц'аикъ	тетрадъ	— —
	куёнъ	свитокъ	— —
709	ле	правило	рё са пёпсикъ
	цаи	быть	иисъ иръ
	ко	взглядъ назадъ	тора поръ
	мёнъ	взглядъ въ бокъ	гуръ ріё поръ
713	КУМЪ	золото	сои (сви)
	унъ	серебро	— —
	тонъъ	мѣдъ	куру
	сіёкъ	олово	цѹ-сіёкъ
717	цѹ	жѣмчугъ	ку саръ
	окъ	нефрдъ восточный	окъ
	иѹ	эмблематическій камень	мо нанъ окъ
	пёкъ		

Китайско-корейскій

переводъ

корейскій.

721 кумъ

сию

лучеъ

ра

725 цю

п'у

цю

са

729 цай

цѣнъ

цѣнъ

пб

733 п'иръ

пайкъ

ми

го

шелкъ съ золотомъ

шелковая вышивка

шелк. мат. съ квадратами

шелковый газъ

простая шелк. матерія

кисея

простая шелк. матерія

шелковая матерія

драгоцѣнность

деньга

} драгоцѣнность

пара

ткать

хорошій

лобrotный

кумъ сѣнъ

питанъ

ританъ

килъ

мѣнъ цю

пои

килъ

цаи муръ

тонъ

по пай

питонъ

арамъ то оръ

тио гдръ

Китайско-корейскій

переводъ

737 сіе	родъ льна	мози	корейскій.
ми	ленъ	самъ	
са	шелковина	сиръ	
міёнъ	хлопчатая бумага	со омъ	
741 п'и	кожа	кацокъ	
гіёкъ	дубленая кожа	саингъ кацокъ	
тамъ	коверъ разноцвѣтный	—	—
цёнъ	коверъ одноцвѣтный	—	—
745 ЦИ	} жиръ		
ко		кирумъ	
ю	масло	кирумъ	
миръ	медъ	скуръ	
749 кукъ	заки (составъ)	нурокъ	
ранъ	воскъ	миръ	
кіо	клей	касъ пуръ	
ц'иръ	лакъ	осъ	

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
753	<i>Mi</i>	рисъ	<i>псаръ</i>
	<i>миёнъ</i>	мука	<i>каро</i>
	<i>лиангъ</i>	съѣстные припасы	<i>лиангъ сикъ</i>
	<i>лю</i>	вещество	— —
757	<i>Кеи</i>	какъ (*)	<i>ёсъ ти</i>
	<i>пи</i>	не	<i>аниръ</i>
	<i>цои</i>	очень	<i>ка-цянгъ</i>
	<i>ю</i>	необходимое	<i>цунгъ ю</i>
761	<i>Паръ (**)</i>	чашка	<i>пари</i>
	<i>сиангъ</i>	чаша	<i>цанъ</i>

(*) Смыслъ этой формы таковъ:

Не это ли необходимѣйшіе предметы?

(**) *Паръ*, по китайски *по* по японски *бачи*, *бачъ*, есть обрывокъ санскритскаго слова *патра*, значущаго *чашка*; оно означаетъ собственно ту чашку, съ которою просятъ ми-

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
<i>пай</i>	чашка для вина	<i>цанъ</i>
<i>ванъ</i>	чашечка	<i>сапаръ, цаванъ</i>
765 <i>си</i>	ложка	<i>суръ</i>
<i>цѣ</i>	палочка-вилка	—
<i>пайъ</i>	тарелка	—
<i>цанъ</i>	чашечки	—
769 <i>цѣунъ</i>	{ ваза	{ <i>суръ цѣунъ</i> <i>пенгъ</i>
<i>го</i>		
<i>ганъ</i>	посуда	—
<i>онъ</i>	горшокъ	—

лостью нищѣ монахи-буддисты. Отсюда произошло японское выраженіе: *бачи-фираку*, протягивать чашку, то есть, просить милостыню; *бачи-татаку*, бить по чашкѣ. (См. Японскую Энцикл. ХХХІ, 10.) Тоже слово существуетъ въ монгольскомъ языкѣ, подъ формою *бачира*. (См. Шиндта, Историю Восточныхъ Монголовъ, (Geschichte der Ostmongolen) стр. 398),

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
773	пёнгъ	кружка	— —
	пунъ	чашка	— —
	цо	} чанъ	цу-ао
	т'онгъ		
777	тёнгъ	ваза съ 3 ножками	еосъ, сотъ
	гоакъ	котелъ	кама
	цунгъ	крышка	сирси
	пу	котелъ	кама
781	кокъ	} снурокъ	гуи пёнгъ мадъ
	п'ёнгъ		
	сунгъ	ведро	тои
	то	десять ведеръ	маръ
785	пио	ваза	пакъ
	са	сито	це
	кви	ткацкій станокъ	туръ
	са	челнокъ (у ткача)	пукъ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
789	танъ	уголь	сусъ, сутъ
	ро	горшокъ для огня	гоа ро
	тйёръ	желѣзо	сои
	ку	ступка	свакъ
793	лонгъ	корзина	— —
	гамъ	содержать	— —
	цянгъ	сжимать	— —
	кве	судлаучекъ	— —
797	кви	лопатка	ки
	квенгъ	плетеная корзина	кори
	сиангъ	плетеный ларчикъ	} сиангъ-ца
	ца	плетеный мѣшокъ	
801	пу	топоръ	то цаи
	кйёмъ	коса	насъ, натъ
	кё	пила	толъ
	ц'акъ	долото	скуръ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
805	ц'ю	буравчикъ	сонгъ, костъ
	ц'илъ	гла	панаръ
	то	пожъ	каръ
	ц'ёкъ	нога	ца
809	кунгъ	лукъ	хваръ
	ц'ёнъ	стрѣла	саръ
	комъ	мечъ	каръ
	си	стрѣла	саръ
813	с'ё	кишка	го му
	саръ	лопата	саръ
	лон	ручной плугъ	стану
	са	китайскій плугъ	позинъ
817	ц'юнъ	колоколъ	сон пукъ
	ко	барабанъ	пукъ
	цаингъ	металлическій звукъ	— —
	киёнъ	кинжалы	киёнъ-ца

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
821	пёмъ унъ цанъ кви	всѣ называться разные инструменты	мурусъ нираръ сёскуръ куруръ
825	ЦУ цянъ панъ цѣукъ	рисовое пиво клейкій настой вареный рисъ вареная говядина	суръ сту муръ панъ — —
829	гои цѣёкъ пѣёнъ юкъ	{ рубленное мясо пирогъ говядина	— — стѣкъ коки (рыба)
833	кацнъ си йёмъ цянъ	похлёбка кислый соусъ соль солъ	кукъ кукъ сокомъ — —

<i>Китайско-корейскій</i>		<i>переводъ</i>	<i>корейскій.</i>
837	ц'юё цунгъ п'ангъ янгъ	варить варить паромъ кипятить кинуть	паръ ц'уръ стиръ сармуръ пицуръ
841	пай сёръ конгъ янгъ	приготовлять устранять приносить питать	пёриръ пёнуръ шатаръ ц'иръ
845	ц'анъ сёнъ кхи ка	приправа къ рису объдъ уже отличный	панъ ц'анъ ца панъ и ви арамъ та оръ
849	та тангъ кёмъ гангъ	чай кипятить вмѣстѣ подавать	ца скуръ уръ кёмъ гаръ и патаръ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
853	ви	одежда	осѣ, отѣ
	ку	— мѣховая	косѣ, осѣ
	п'о	плащъ	тон'о
	самѣ	сорочка	цѣекѣ самѣ
857	кунѣ	юпка	цунѣ ви
	сианѣ	передникъ	цима
	цимѣ-	} халатъ	цхрѣ-нигурѣ
	кумѣ		
861	кванѣ	шапка	— —
	таи	поясъ	стви
	мо	шапка	мо, само
	линѣ	соломенная шляпа	касѣ, капѣ,
865	марѣ	носки	по сѣнѣ
	ге	кожаные башмаки	синѣ
	гуѣ	сапожки	гуѣ
	кунѣ	дѣтскіе башмаки	агаи-синѣ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
869	анъ	сѣдло	кирма
	лукъ	хомутъ	куре
	кѣ	тележка	суръ-раи
	каи	покрывало	тѣ пуръ
873	пѣнъ	чепракъ	ца и
	гуръ	деревянный столъ	— —
	инъ	ведро	инъ
	таи	футляръ книжный	цїя ро
877	цзо	ножикъ	каръ-цинъ
	нанъ	мѣшокъ	цїю ме ни
	цалъ-	булавка для головнаго	} пинъ-хїѣ
	ца	убора	
881	покъ	одежда	нипуръ
	сикъ	нарядъ	ску миръ
	кванъ	блескъ	писъ
	гоа	блестящій	писъ наръ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
885 ЮНГЪ	наружный видъ	ёркуръ
мо	форма	— —
симъ	сердце	ма омъ
гаингъ	поведеніе	гаингъ киръ
889 чи	характеръ	стусъ; стутъ
ви		
сіёнгъ	привычки	тійнь сіёнгъ
цёнгъ	наклонность	стусъ
893 сіёнгъ	тонъ	— —
умъ	звукъ	— —
унъ	созвучіе	— —
гаингъ	раздаваться	ури иръ
897 цюнгъ-	дрожаніе	ца цои
цюнгъ		
хёнгъ	наружность	ёркуръ
гёнгъ	тѣнь	куруимъ

Китайско-корейскій

корейскій.

переводъ

901	цои	талантъ	цвицо
	тёкѣ	добродѣтель	кунѣ
	ци	сужденіе	сурѣ кви
	юнѣ	храбрость	нарѣ нѣирѣ
905	ре	приличіе	ре то
	ви	честность	урѣурѣ
	хю	сыновняя любовь	гю-то
	кёнѣ	почтёніе	конѣ, кёнѣ
909	ё	{ слово, языкъ	марсамѣ
	ёнѣ		марцарѣ арѣ
	пёнѣ	мнѣніе	марсамѣ
	тамѣ	разговоръ	порѣ
913	кёнѣ	видѣть	турурѣ
	мунѣ	слышать	порѣ
	си	смотреѣть	турурѣ
	тёнѣ	подслушивать	

<i>Китайско-корейскій</i>		<i>переводъ</i>	<i>корейскій.</i>
917	цикъ	управлять	ниё саръ
	гамъ	удерживать	цинъ гамъ
	сиёнъ	поль	— —
	си	семе́йство	какъ си
921	покъ	имѣ́ніе	— —
	локъ	доходъ	— —
	сју- миёнъ	{ долгая жизнь	мокъ сумъ
925	гёнъ		ёриръ
	у	глупый	ёпиръ
	сиёнъ	добрый	царъ гаръ
	акъ	злой	моциръ
929	пи	толстой	саръ циръ
	су	худой	иё виръ
	канъ	сильный	канъ га
	якъ	слабый	якъ гаръ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
933	богатый	ка амъ іёръ
куи	отличный	куи аръ
пинъ	бѣдный	кононг-каръ
цѣнъ	неизвѣстный	цѣнъ гаръ
937	} мотовство	сіа-ци
ци		
кѣмъ-	} скупость	кѣмсо
пакъ		
941	ненависть	муи оръ
цунгъ	любовь	сарангъ
аи	симпатія	унъ ге
унъ	антипатія	цѣнъ-сѣу
уѣнъ	радость	кисъ куръ
945	гнѣвъ	но гаръ
гуи	меланхолія	гунъ симъ
но	весселость	цуръ киръ
у		
лакъ		

Китайско корейскій		переводъ		корейскій.	
949	ЦОА	сидѣть	анъ-цуръ	анъ-цуръ	
	ва	лежать	ну уръ	ну уръ	
	кеи	вставать	ниръ	ниръ	
	линъ	стоять	сіёръ	сіёръ	
953	цинъ	идти впередъ	на а уръ	на а уръ	
	тои	идти назадъ	мурнёкаръ	мурнёкаръ	
	ц'уръ	выходить	норъ	норъ	
	инъ	входить	туръ	туръ	
957	тунгъ	пониматься	оруръ	оруръ	
	кангъ	спускаться	нариръ	нариръ	
	пу	опускать голову	куруръ	куруръ	
	ангъ	понимать голову	уръ ёръ	уръ ёръ	
961	куе	преклонять колѣни	скуръ	скуръ	
	покъ	бросаться на землю	теиръ	теиръ	
	паи	наклоняться	цёръ	цёръ	
	унъ	кланяться рукой	унъ гаръ	унъ гаръ	

Итайско-корейскій	переводъ	корейскій
965 цу	бѣгать	таруръ
по	ходить	кѣ румъ
ц'ю	слѣдовать	таруръ
ц'юкъ	пихать	ицо-царъ
969 цю	ходить	стуиръ
тунгъ	останавливаться	наръ
ц'ёнъ-	} тонать	нартуръ
танъ		норан
973 КА	пѣніе	цумъ, цуръ
му	пляска	па рамъ
с'у	свистать	уръ нуръ
ёнъ	пѣть	суръ нуръ
977 пи-	} страданіе	суръ нуръ
ан		уръ
те	жаловаться	уръ
унъ	плакать	уръ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
981 ciu-	} засыпѣть	цо урѣ
миёнѣ		сумѣ
монгѣ		царѣ
маи		мѣ курѣ
985 киуѣ	ѣсть	ма сирѣ
умѣ	пить	пси курѣ
цѣкѣ	животѣ	сумѣ турирѣ
гунѣ	дыханіе	турурѣ
989 го	вздохѣ	}
цангѣ	пѣть	
гванѣ	плакать	
ц'іе	призывать	}
993 ц'уи	лутѣ	
гѣ	дышать	
т'анѣ	глотать	
т'q	цѣвать	самѣ кирѣ
		тіанѣ урѣ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
997	пи іѳ ца та	тотъ я самый другой	тіе нан сусъ анн таруръ
1001	ии іѳ сію мо	ты тѣ кто кто-то	нѣ нѣ нуку амо
1005	АНЪ мангъ ло иръ	досугъ занятіе усиліе покой	ганка симъ цокъ каръ касъ пуръ тіенъ онъ
1009	ц'юи сіенгъ кви п'о	пьяный на-тощакъ голодать утолять голодъ	цун гаръ скаиръ цу риръ нан пуруръ

Китайско-корейскій

1013 гуёнъ

сiо

iёнъ

ю

1017 сiо

лапъ

ё

тiо

1021 КIЁНГЪ

нонгъ

чан

цiонгъ

1025 аи

сокъ

iонгъ

то

переводъ

шумъ

смѣхъ

пиръ разгульный

гулянье

стрѣлять

охотиться

удить

удочка

пахать

земледѣіе

садить

сѣмя

косить

сбирать въ снопы

толочъ

бить

корейскій.

пурнеръ

узамъ

цамъ цан

норъ

ссоръ

санъ гангъ

наккуръ

ракси

наскаръ

нонгъ са

симоръ

пси

пучиръ

мукъ-куръ

сти уръ

ту тариръ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
1029 цкѣ	представлять	патцирѣ
ци	держать	кацирѣ
куи	ворочать	торакарѣ
понѣ	возвращаться	тораорѣ
1033 сорѣ	вести	кѣна рирѣ
ци	до	нирурѣ
лиёнѣ	нести	кѣна рирѣ
то	достигать	нирурѣ
1037 мокѣ.	} мять голову	— —
юкѣ		
се-	} мыться	сси сурѣ
такѣ		
1041 тарѣ	трогать (струну)	т'арѣ
пурѣ	бросать	стѣ цирѣ
сваи	испускать	спурирѣ
со	мести	ссурѣ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій
1045	гакъ сунъ токъ сіонгъ	учиться упражнять читать говорить наизусть	нан горъ никиръ ниркуръ вириръ
1049	кю- гон гунг- о	} учить	кара-цуръ
1053	цинъ- тиенъ панъ- ё	} учить } подчиненность } гарнизонъ	ёнто гаръ — — макуръ
1057	сйу іёнъ ц'іянъ цзо	уставить выстроить начать сдѣлать	тасъ куръ ци уръ пиро-суръ ци уръ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
1061	це цунгъ ку гоаръ	проводить спасать живой поддерживать покровительствовать помогать помочь испугать тронуть гнушаться	кённёръ кёнъ-тиръ санъ үръ тусъ туръ гови ту үръ ту үръ норъ, наръ тусъ киръ
1065	пу го цои цо		
1069	КІЁНГЪ камъ ца танъ		
1073	са- сиангъ лиёнъ мо	думать о.... вздыхать о....	сангъ-какъ куриръ

Китайско-корейскій

корейскій.

1077	ге	переводъ	уиз ге
	си	благодарность	не нуъ
	но	распространять	канъ нуъ
	цзи	платить	— —
		вознаграждать	— —
1081	цирѣ- пиёнъ	болѣзнь	пиёнъ
	ку	жечь	кууъ (мокса)
	лио	излечивать	пиёнъ пио гуъ
1085	анъ- нан	терпѣть	ца муъ
	ко	горькій	маиоръ
	синъ	ѣдкій	ссуъ
1089	сианъ си	пробовать	маспоръ
	гёмъ	опасность	гёмъ гаръ
	цо	мѣшать	макиръ

Китайско-корейскій		переводъ		корейскій.	
1093	ЦИ	когти	поперегъ	квн	оръ
	кїѣнгъ	дополнить	по	кїу	рётиръ
	кїёръ	неполный	кїёръ	кн	оръ
1097	сіокъ	собраніе	танъ	кїу	рётиръ
	ке	остановка	кѣ	нїуръ	нїуръ
	ціёръ	собраніе	ціёръ	скунъ	цуръ
1101	лїѣнгъ	остановка	лїѣнгъ	нїуръ	нїуръ
	минъ	сжалиться	минъ	скунъ	гуръ
	гоанъ	задумчивость	гоанъ	ёїёсъ	нуръ
	сіуръ	печаль	сіуръ	кунъ	симъ
	гоанъ	соотраданіе	гоанъ	кунъ	симъ
1105	о	веселиться	о	—	—
	гунъ	веселый	гунъ	цуръ	киръ
	їёръ		їёръ	кисъ	куръ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
1109 ц'онгъ	хорошій слухъ	куи паркуръ
пуръ	шагъ	анниръ
ю	оставлять	китиръ
манъ	забывать	ни цуръ
1113 уёнъ	желать	уёнъ гаръ
кѡи	ждать	кѡи якъ
сѣнгъ	истина	цѣнгъ сѣнгъ
цѣръ	непреложно	капъ-цѣръ
1117 маннаъ	} клятва	} — —
сѣ		
кѡи	} мольба	пиръ
ц'юокъ		
1121 цан	постъ	цан ке
це	жертва	це са
ц'ю	приношеніе	цѡ ре
са	принощеніе	це са

Китайско-корейскій

корейскій.

1125	су- напъ	{	предлагать	туриръ
	цѣнъ		жертва	цѣнъ кѣ
	гѣнъ		предлагать	туриръ
1129	понгъ	{	принимать	пастуръ
	пан		сопровождать	мон сиръ
	си		служить	ко уи
1133	конгъ- ку	{	опасеніе	цѣ гаръ
	ви		страхъ	туриръ
	ви		сомнѣніе	ви симъ
1137	ц'имъ кои	{	стыдиться	пусъ куриръ
	сѣю		стыдѣ	путъ куриръ
	ци			

Китайско-корейскій

переводъ

корейскій.

1141 куңгъ

коу

гонъ-

якъ

} величаться

царонгъ

}

} прыжки

стуиръ

1145 кѣмгъ-

янгъ

са

п'и

} отказываться

сѧ янгъ

} удалять

са янгъ

} избѣгать

пи гаръ

1149 цѣнъ-

то

сѣ

ванъ

} возмущеніе

ѣнтѣ тиръ

} медленно

наро ѣ

срокъ

ннтъ суръ

1153 п'и

коангъ

омъ

мокъ

летать

безумный

величественный

молчаніе

нарриръ

матиръ

ви ви

цамъ цамъ

Китайско-корейскій

1157 НІЕМЬ

сіёнъ

кѣи

ко

1161 гои

ку

ёкѣ

сіёкѣ

1165

ко

мунъ

цинъ

уи

1169

цѣу

пѣнъ

кокѣ

цикѣ

переводъ

лумать

впередъ

записывать

причина

помнить

прошедшее

вспоминать

старое

искать

спрашивать

истинное

ложное

разыскивать

отличать

извилистый

прямой

корейскій.

саингъ какѣ

монъ цѣа

кѣи рокѣ

цимъ цинъ

пу муръ

не

сангъ-какѣ

нѣ

саингъ-ко

му руръ

ц'амъ

кѣцусъ

миръ

каръ гаиръ

копуръ

котаръ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій
1173 вангъ	у'ѣхать	каръ
гоанъ	возвратиться	тора оръ
кё	отправиться	каръ
лаи	идти	оръ
1177 кёнгъ	переходить	тинаръ
коа	перейти	тонаръ
лио	} жить въ	лё муръ
цйу		
1181 цюнгъ	сладовать	цо-ц'аръ
уи	быть противоположнымъ	ё кwirъ
сйунъ	покорный	сйунъ гаръ
йёкъ	непослушный	кё суръ
1185 цашнгъ	ссориться	та торъ
таръ	воровать	а суръ
цёнъ	} сражаться	сса горъ
ту		

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
1189 ИМЪ	покрывать	тёнъ уръ
киёкъ	ставить преграду	макъ иръ
ца	закрывать	кари уръ
уи	облекать	ё уръ
1193 ю	} проходить	нё муръ
юёръ		} кёнъ нёръ
сіёнъ		
то	въ бродъ въ корабль	} скути стуръ — — — — осъ киръ
1197 цуръ	ругать	
маи	бранить	
ка	приставать	
цаикъ	оскорблять	— —
1201 канъ	скупиться	осъ киръ
сіёкъ	уважать	— —
сіёнъ	зависть	мурёръ
т'у	ревность	саи умъ
1205 кю	высматривать	іёсъ поръ

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
1209	са	наблюдать	саррѣ-ирѣ
	гангѣ	обращенный къ	хгангѣ-орѣ
	таи	ждать	китарирѣ
1210	куёнѣ	указывать	куёнѣ гарѣ
	ке	запрещать	кёнгѣ-ке
	ц'ю	звать	пурурѣ
	ю	прельщать	тарнаирѣ
	ГОИ	раскаиваться	нуи у цурѣ
1213	ганѣ	ненавидѣть	ганѣ-гарѣ
	цинѣ		снумѣ урѣ
	пунѣ	сопѣть	ца царѣ
1217	силѣ	изслѣдовать	моторѣ
	нангѣ		манѣ нарѣ
	гои	собирать	унгѣ-гарѣ
1221	у	встрѣчать	таи тапѣ
	унгѣ	соотвѣтствовать	
	таи	возражать	

Китайско-корейский

	переводъ	корейскій.
сіу	тоже	канъ нуръ
танъ	отвѣчать	таи-танъ
1225 ц'имъ	} пить вино	— —
ц'акъ		
цуи		
сиа	братъ	ка. циръ
1229 маи	выпускать	париръ
пингъ	сваха	ц'унгъ-маи
ка	приданое	пингъ-пе
ц'юи	выходить замужъ	суа цилъ киръ
1233 ЦѢМЬ-	жениться	ц'ангъ ка туриръ
нокъ	} бросать жребій	— —
тіо		
га		
1237 са	сочувствовать	тіо мунъ
цунгъ	поздравлять	гаре
	жаловать	} цуръ
	дать	

Китайско-корейскій

переводъ

корейскій.

квн-	отлать	пу	тирѣ
пу			
1241 гамъ-	запечатать	понгъ	гарѣ
понгъ	связать	маирѣ	
киѣрѣ	прикрыть	псарѣ	
ква	разлить	пуурѣ	
1245 цю (лиу, такѣ)	почерпнуть	кирурѣ	
кунѣ	поливать	цѣ царѣ	
цѣмъ-			
юнѣ			
1249 сio	обжечься	сарурѣ	
пунѣ	жечь	сарурѣ	
урѣ	жарить	тарирѣ	
ца	варить	цицирѣ	
1253 цѣкѣ	рѣзать	каркирѣ	
цаи	кроить	марурѣ	
лиѣкѣ	отливать	танѣ пиѣнѣ	
гарѣ	срубать	нѣгирѣ	

Китайско-корейскій

1257 ЦАНГЬ

цаи
то-
гоа

переводъ

украшаться
украшеніе
} рисункъ

корейскій.

цангъ-сикъ
цаи сакъ
куримъ

1261 силъ
сёнъ
кунъ
конъ

разсматривать
испытывать
усердіе
достоинство

} сарпъ иръ

пуца репъ гаръ
канъ нёкъ

1265 цои-
цокъ
таи
ланъ

} немедленный
лѣвивый
медленный

} кеёруръ

1269 канъ
сйу
камъ
ква

видѣть
присматривать за
созерцать
испытывать
истощать

} поръ
тикъ кеиръ
поръ
иръ ква
кунъ гаръ

1273 кунъ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
мо	} оканчивать переставать раздѣляться соединяться	ма царъ
пиръ		па гаръ
па		масъ наръ
1277 понгъ		иё гаръ
ли	извлекать	мотаръ
цуи	разсѣивать	гуттуръ
санъ	идти на встрѣчу	мацуръ
1281 КЕНГЪ	пророжать	по кайръ
сонгъ	прощальный объѣздъ утѣшать	цёнъ сонгъ
цёнъ		уи ро
уи	} одинъ	гусъ, гутъ
1285 такъ		ви ро оръ
токъ		цё-куръ
ко	сирота	пикиръ
квн	вдова	
1289 пингъ-	} надѣяться на	
ви		

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
ви	опираться зависѣть покупать продавать закладъ держать мѣнять	вици гаръ
лои		гѣмъ нилуръ
1293 маи		саръ
мам		паръ
то		наки
хванъ	искать умолять просить давать	паскуръ
1297 ку		ку гаръ
цѣнъ		цѣнъ гаръ
кѣръ		пиръ
таи		скуръ
1301 тѣмъ	приращеніе прибавлять двойной повторять тоже	— —
ка-		тѣ гаръ
цунъ		
икъ		
1305 кашнъ		тази
покъ		
у		сто

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
★	цаи	ту
1309 КІЕНЬ	еще разъ	исъ куръ
на	дергать	моръ
та	пихать	скууръ
инъ	дергать	индо саръ
1313 тамъ	выводить на дорогу	меръ
пио	нести на плечахъ	ануръ
пу	братъ на руки	циръ
таи	нести на спинѣ	ниръ
1317	нести на головѣ	изъ пуръ
конъ- куёнъ	усталый	суиръ
гю-	отдыхать	ни пуръ
сикъ	прятать	нѣтъ
1321 монъ	закрывать	куруръ
пи	раскрывать	нѣ суръ
гаинъ	снимать	
таръ		

Китайско-корейскій

корейскій.

переводъ

1326	мунъ	наложить руку	манциръ
	тамъ.	щупать	тёту муръ
	сид	выбирать	тётуръ
	сунъ	соображать	цууръ
1329	панъ	цѣпляться	паттуръ
	цёръ	разрывать	стёкуръ
	цёкз	рвать	спаръ
	цаи	щипать	каиръ
1333	ЦАНЬ	сбирать	пёриръ
	ма	изображать	каръ
	цёнъ	протыкать	стү руръ
	коанъ	нанизывать	ску ёръ
1337	гёнъ	привѣшивать	таръ
	ке	привязывать	маиръ
	санъ	вдавить	ско цуръ
	кваи	повѣсить	кёръ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
1341 ЦИНЬ	качать	сти тиръ
ю	потрясать	гюнъ-туръ
паръ	вырывать	соа гиръ
ке	остановить	туръ
1345 кіекъ-	}	}
та	ударять	тиръ, циръ
ауц	бросать	турруръ
ца	кольнуть	тируръ
1349 те	взять подъ мышку	ца нуръ
гуи	поднять на воздухъ	исъ куръ
пйенъ	держать	ца нуръ
цинъ	хватать	}
1353 ту-	бросать	тётиръ
цйекъ	}	ногуръ
панъ	отпускать	париръ
ки	отбрасывать	и
1357 ца	это	

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
цукъ	мѣсто	кось, котъ
се	поколѣнiе	инконъ
канъ	промежутокъ	сон
1361	трогать	мёку уръ
гамъ	оживленный	лиёнъ гаръ
лиёнъ	двигать	умца киръ
тонъ	быть неподвижнымъ	ку циръ
ци	большой	куосъ
1365 ТАИ	малый	цѣо куръ
сѣа	широкій	нѣ пуръ
коанъ	узкій	ту
гѣнъ	по два	пцанъ
1369	по одному	— —
цѣкъ	единственно	ора
цѣнъ	вполонну	— —
панъ	вмѣстѣ	аоръ
1373	одинъ на другомъ	иёрё
лю		

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
пёнъ	вмѣстѣ	аоръ	
ганъ	соединять	моторъ	
1377 гоанъ	шаръ	танъ ца	
цонъ	люйма	ма таи	
пёнъ	линя	{	{
танъ	кусокъ		
1381 йёмъ	красить	муръ муръ	
тёнъ	мыть	цо цуръ	
канъ	супить	моруръ	
сунъ	намачивать	цё цуръ	
1385 цёнъ	свѣтлый	маркаръ	
танъ	мутный	гуриръ	
лонъ	холодный	царъ	
нанъ	теплый	тёуръ	
1389 ко	высоко	ноуръ	
тё	низко	нацаръ	

<i>Китайско-корейскій</i>		<i>переводъ</i>	<i>корейскій.</i>
<i>симъ</i>		глубоко	<i>кин'уръ</i>
<i>цѣнъ</i>		безплодный	<i>йѣснуръ</i>
1393 <i>кѣнгъ</i>		легкій	<i>капш яоръ</i>
<i>цѣунгъ</i>		тяжелый	<i>мукѣ оръ</i>
<i>гю</i>		толстый	<i>ту тѣуръ</i>
<i>пакъ</i>		тонкій	<i>йѣруръ</i>
1397 <i>йѣнгъ</i>		{ полный	<i>катукъ гуръ</i>
<i>манъ</i>		{	
<i>конгъ-</i>		{ пустой	<i>пуиръ</i>
<i>гѣ</i>		{	
1401 <i>пунъ-</i>		{ переворотъ	<i>ѣцу рооръ</i>
<i>манъ</i>		{	
<i>цѣкъ-</i>		{ молчаніе	<i>кою</i>
<i>макъ</i>		}	
1405 <i>сѣу</i>		другой	<i>тараръ</i>
<i>лу</i>		однородный	<i>капаръ</i>
<i>кои</i>		противный	<i>ѣкурѣ циръ</i>

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
панъ	тоже	туру гиръ
1409 пангъ	уголъ	мо
уёнъ	кругъ	тунгъ куръ
цянгъ	длинный	киръ, кинъ
тонъ	короткій	цие руръ
1413 ЦУ	грубый	куркуръ
сёмъ	тонкій	канаръ
кё	величественный	куръ
се	мелкій	конаръ
1417 тонгъ	тождественный	ганкози
уёнъ	источникъ	кунъ-уёнъ
са	} подобный	таръ
якъ		
1421 му-	} ликій	кё-цуръ
гоангъ		маруръ
ко	безплодный	муиръ
тожъ	голый	

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій
1425 паръ	выростать	пуиръ
сѣу	цвѣсти	спаёнаръ
лиу	течь	гуруръ
макъ	подать	циръ
1429 уёнъ	далеко	мёръ
кунъ	близко	каска-оръ
цинъ	крѣпко связанный	цингаръ
со	внѣ	сёнъ кциръ
1433 ци	меленно	топайръ
сокъ	быстро	спаруръ
цѣо	скоро	ираръ
манъ	поздно	нуцъ уръ
1437 КАНЪ-	} трудно	— —
нанъ		нёнъ гаръ
мёнъ		мастанъ
ви		

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
1441	пинъ-лю	} безпрестанно	цацаръ
	гои-ганъ		ту муръ
1445	ли	} рѣдко	ригаръ
	гаи		гаи гаръ
	цонъ	полезный вредный существованіе небытіе	изиръ
	манъ		ёнсуръ
1449	киръ	счастливый несчастный	киргаръ
	гунъ		гунгъ гаръ
	тукъ	получать терять	ётуръ
	суръ		иргаръ
1453	це	ограничиваться уменьшать исчезать смущать	} тѣ
	камъ		
	сio		сара циръ
	цанъ		сои цiana

Китайско-корейскій		переводъ	корейскій.
1457	тoui- цiэкъ iё иръ	{ собирать оставаться размиваться	псаиръ
			тёгаръ
			нёмъ стуиръ
1461	ИНГЬ iё му ганъ	{ размиваться безъ ограниченный	нёмуръ
			ёнсаръ
			га цёнъ гаръ
1465	ку iёнъ кiёнъ- ко	{ бѣгающій много долго прочный	ориръ
			киръ
			кутаръ
1469	цамъ горъ па- сои	{ непродолжительный внезапно разлавить	цамъ камъ
			мутукъ
			паациръ

Китайско-корейскій	переводъ	корейскій.
1473 гѣу	принимать	ицурё циръ
пиъ	недоставать	ёпсаръ
симъ	очень	симъ гаръ
сіо	мало	цёмуръ
1477 уиъ	тайно	сумуръ
гѣиъ	явно	поиръ
пу	во множествѣ	стуръ
цимъ	течь	цамъ киръ
1481 гоангъ	поперегъ	пискиръ
сіа	діагонально	— —
кеи—	} косвенно	куръ
цукъ		
1485 КУРЪ	наклоняться	купуръ
самъ	вытягиваться	пѣръ
гѣиъ	протягиваться	мосъ царъ
цукъ	сжимать	цуръ

Китайско-корейскій

переводъ

1489 каи

пе

тонгъ

сангъ

1493 піёнгъ

цингъ

анъ

онъ

1497 цзёнъ

и

пёнъ

гоа

1501 цюнгъ

си

понъ

маръ

открывать

закрывать

прохоль

пренятствіе

гладкій

прямой

покой

выхоль

перемѣна

преобразование

конецъ

начало

основаніе

верхушка

іёръ

татаръ

само царъ

макчиръ

піёнгъ гаръ

пароръ

піёнъ онъ

омкиръ

піёнгъ гаръ

тоиръ

мацямъ

пиру саръ

мисъ, митъ

сгусъ

корейскій.

Китайско-корейскій

1505 сси

уёнъ

манъ

сакъ

1509 са

йё

муръ

я

переводъ

исчезающій

ролящійся

проталкивать

обръзывать

вещь

съ

предметъ

послѣднее слово

корейскій.

сси гаръ

уёъ тумъ

манъ гаръ гаръ

скакъ куръ

иръ

тёнуръ

кёсъ, кётъ

инки, инкё

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЯПОНИИ.

КОРЕЯ.

	Стр.
ГЛАВА I. — Корейскіе рыбаки.....	1
ГЛАВА II. — Посѣщеніе корейскихъ купцевъ, потерпѣвшихъ крушеніе у японскихъ береговъ.....	11
ГЛАВА III. — Языкъ и письмо.....	19
ГЛАВА IV. — Заключающая въ себѣ корейскій словарь, по незанимательности не помѣщенъ.	
ГЛАВА V. — Корейская поэзія.....	27
ГЛАВА VI. — Замѣчанія о Корей, почерпнутыя изъ рассказовъ нѣсколькихъ туземцевъ, цузимскихъ чиновниковъ и японскихъ приставовъ Фузанкайской факторіи...	31
ГЛАВА VII. — Извѣстія, собранныя нѣсколькими японскими мореходами, которые, потерпѣвъ крушеніе у бере- говъ Татаріи, были препровождены въ Пекинъ и от- туда возвратились въ отечество черезъ Корейскій полуостровъ. (<i>Извлечено изъ Цю-сіенъ-монологари</i>).	57
ГЛАВА VIII. — Устройство Корейскаго государства; обще- ственные и придворныя должности.....	91
Сношенія Японіи съ Китаемъ (<i>Историческій от- рывокъ, составленный по японскимъ сочиненіямъ Гофманомъ</i>).....	97
ГЛАВА IX. — Краткій обзоръ исторіи Корейскаго полуострова	101
I. Отъ основанія Чаосяня (Чаосіена) до образованія трехъ королевствъ.....	—

II. Отъ основанія трехъ королевствъ: Гаоли, Боцзи и Синьло, до утвержденія преобладанія послѣд- няго (<i>Отъ 57 г. до Р. Х. по 755 послѣ Р. Х.</i>)....	103
III. Преобразование и преобладаніе Гаоли (Каоли)— Династія Вангъ (904 — 1389).....	120
IV. Послѣднія перемѣны въ Гаоли. Династія Ли. Преобразование Чаосянскаго королевства.....	126
ГЛАВА X.—Сношенія Японіи съ полуостровомъ Кореею и Китаемъ, по японскимъ сочиненіямъ.....	131
Первые слѣды сношеній Японіи съ Кореею (33 г. до Р. Х.).....	—
Первая экспедиція Японцевъ въ Синьло (200 г. по Р. Х.).....	134
Первыя сношенія Японіи съ Китаемъ.....	138
Первый походъ сіюгуна Фидеіози противъ Ча- осяня (1592 г.).....	233
Вторая кампанія сіюгуна Фидеіози противъ Ча- осяня (1597 г.).....	240
ГЛАВА XI.—Разказы о походѣ Японцевъ въ Синьло (200 л. послѣ Р. Х.).....	243
ГЛАВА XII.—Лей-Хуа (Люи-Го), китайскій словарь съ ко- рейскимъ переводомъ и объясненіемъ на корео-ки- тайскомъ діалектѣ.....	253
Китайско-корейскій словарь.	